Н. Лапкин:

Они и мы.

Они — это те, кто не мы. Они — это те, кто нам чужие и те, кто против нас. Мы — это те, кто поддерживаем священный огонь исполинов Казачьей Воли, — казачих стремлений и казачьих надежд.

Мы — это те, кто твердит, что Казачество не есть сословие, а народ и народ, сказочнее и красочнее истории которого нет.

Мы — это те, кто знаем, что Казачья история не есть история русская. Мы знаем, что казаки никогда и никого не просили: «придти княжить и володеть нами»...

От варягов до Джугашвили казачий народ никогда не переживал внутри себя социальных революций, но всегда среди казачьего народа являлись гиганты казачьего духа, борящиеся против чужого насилия и за лучшее будущее своего народа. Из тюрьмы народов быв. Российской Империи почти никогда не доходили голоса казачьих героев до общественной мировой совести, а если и доходили, то в искаженном виде. Неудивительно поэтому, что о нас, как о народе, почти мало кто знал. Знали казаков только историки, но знания их находились в архивах чужих народов; больше знали казаков на поле чести, где казачьи пули и шашки резко чертали границы между русским солдатом — пехотинцем и кавалеристом, и казаком — пластуном и конником.

Теперь, в переживаемые нами дни, нас узнали больше, но не все. Чужие газеты пишут, что «с легендарною храбростью бьются казаки против большевиков»; что «это самый надежный элемент между другими народами СССР, борющийся на стороне национальных сил за новую жизнь». Но на одно явление, путая понятия (русский — казак), почти никто из **них** (чужих) не обратил внимания, а именно: Россия как прежде (25 лет тому назад), так и теперь в борьбе против большевиков, почти ничего не давала и не дает. В это самое время ¾ казачьего народа борятся как и прежде, против большевизма за свою Казачью свободу и жизнь.

Русские противобольшевики, не имея за собою народа и «отыгрываясь» на имеющихся в их рядах казаках, всячески фокусничают, желая подчеркнуть, что казаки — это те же русские.

Пресса некоторых народов иногда умышленно путает понятия, называя борющиеся народы быв. Рос. Имп., находящиеся в рядах борцов за новый порядок, русскими, в отличие от потусторонних, которых называет большевиками. Но... шила в мешке, а тем более дырявом, — не утаишь. Рано или поздно, но казачья история займет свои страницы в мировой книге народов, покоряя своею сказочностью сердца последних.

На вопрос, почему же казаки так постоянны в своих стремлениях, почему так ожесточенно бьются против большевиков, — ответ очень простой.

1) Казачий народ никогда не чувствовал себя русским; 2) как никто из других народов, он знает большевиков; 3) пропасть, вырытая революцией между Казачеством и Россией, показала коренную разницу в психологии этих 2-х народов. 4) Насилие, названное Россией «свободой», отвратило казаков — сынов Воли и Славы. 5) Разнузданность вчерашних рабов и унижение вчерашних господ укрепило Казачество. 6) Казачье равноправие, цветущие станицы, казачье имя были уничтожаемы, разрушаемы и заплеваны; 7) Казачество восставшее за свое спасение, а после, подчинившееся воле вождей, и пошедшее за спасение всей России, было жестоко обмануто и коварно предано и одними и другими — и белыми и красными.

Пережив Казачью трагедию, поняв замыслы Москвы — уничтожить казачье «сословие», уничтожить тех, кому так многим обязан русский народ; тех, кто носит в сердце своем негаснущую любовь к своему «сословию»; тех, кто не раз спасал жизнь и **честь** русского государства, — казаки с болью в сердце, не желая своего уничтожения, приняли вызов.

Теперь Казачество борется за свою Свободу, за свою хату. Зная свою участь при победе большевиков, Оно решило или победить, или умереть в бою за **Казачье Имя,** за казачью **Родину** и за **Казачью честь.**

Национальное зарубежное Казачество пережило большую радость, видя, что потустороннее Казачество живет теми-же надеждами и чаяниями, какими живет и оно. Узнав боль родной души там, уже слились в общую казачью лаву казаки и «оттуда» и «отсюда», и уже борятся с супостатом. Кровавый вихрь уже унес часть борцов за светлое будущее Казачества в бездну небытия. Растут и крепнут казачьи ряды, нашедшие свою дорогу.

В эти решительные дни, все казаки в рассеянии сущие должны вспомнить, что там, в степи казачьей ковыльной — их Родина. Всем нужно знать, что смысл жизни, уважение, равноправие, счастье, радость можно почувствовать только в родной земле **меж своими.** Казаки, — кто-бы они ни были, — старец-ли, убеленный сединами; безусый-ли юноша; мать, потерявшая сына; вдова-ль, потерявшая мужа... все, все должны знать и понимать, что там, в курганной Степи, позолоченной ясным солнышком, где спят казачьи богатыри-мученики, — **там наше место, там наше право.**

Наша борьба и победа будут нашим входным билетом в общество народов, где, верю, казачий народ будет не только равноправным, но и примерным народом.

Сказочнее казачьей истории — нет. Наше прошлое и настоящая жертвенность в борьбе, — залог нашего светлого будущего!

Казачество! Путем Славы и Чести к берегам родных рек, где ютятся наши хутора и станицы, туда — где наша распятая Родина! Пусть поймут **они,** что для нас нет ничего милее и краше нашей казачьей Родины. Пусть поймут они, что заветы великанов родных, кровь детей и отцов, слезы матерей и сестер, бесчисленные могилы убитых наших братьев казаков, мы не можем осквернить; пусть поймут **они,** что мы вольное и гордое племя, решившее жить, или умереть!

Слава Казачеству!

Юрий Гончаров (†).

***

По степям — напев унылый
Да набатов звон...
За родимые могилы
Стань, мятежный Дон!
Эй! в степях огни мелькнули!...
Шашки вновь звенят.
Запоют лихие пули...
Враг слетит с коня...
И, патрон влагая новый
В дымовом кругу,
Позавидую сурово
Павшему врагу.
Если-ж пулю в час безликий
Сам себе сыщу,
Умирая в Поле Диком —
Всем и все прощу...

—

Нежный вечер...
Лунный свет...
Ветви мечут
Черный след.
Листьев шелест — тайный зов...
Отдаленный звон часов...
Недосказанный ответ...
Сердце шепчет: нет... нет... нет...
Не грусти, что сердце милой
Не тебя другого ждет...
Не грусти, что разлюбила, —
Завтра новая придет.
Нежный вечер... Дальний звук...
Неумолчный сердца стук...
Тьма в окошке —
Милой нет...
По дорожкам —
Лунный свет...

—

Д-р С. Федоров.

Сословие ли Казачество?

Чем является по своему существу Казачество? В термины: казак, Казачество, вкладываются, в зависимости от времени и политических настроений, самые разнообразные содержания. Для одних это была своеобразная профессия; подобно промыслу, для других — военное сословие, этнографическая смесь, вроде как религиозный орден, неразрывная часть крестьянства, политическая партия, историческо-этническая среда и т. д. и т. п. Все эти определения никакой исчерпывающей цены не имеют, а их разнообразие понятно, т. к. проявления казачьего быта на протяжении веков не имеют примеров и аналогий в сравнении их с признаками всеобщей истории. Самый вопрос можно рассматривать с разнообразнейших точек зрения, термин же «Казачество» определяет самодовлеющую сущность, как самобытной среды.

Для государственного сожительства Казачества и России достаточно было определять его по тем признакам, которые соответствовали данному политическому или социальному положению его в отношении России. Теперь этого не достаточно. Казачество следует определять по тем признакам, по которым современная наука политики и социологии определяют народы и племена.

Необходимо дать ответы на вопросы: является ли Казачество сословием или народом? Наиболее распространенный обывательский взгляд гласит, что оно есть военным сословием. Что же такое вообще сословие?

По смыслу действовавших в России законов понятие этого термина было вообще очень неопределенно. Обыкновенно же подразумевают определенную группу населения которая по своему юридическому положению отличается от иных групп, причем эти отличия передаются потомкам наследственно. Реформы Екатерины II определили четыре сословия: дворянство, духовенство, мещанство и крестьянство; в войске сословному началу места не оказалось.

Всякое сословие определяется определенными привилегиями или правами, дарованными и юридически закрепленными государственной властью. Так было и в старину на Руси киевской, в государстве польско-литовском и московском. В каждом сословии были свои определенные градации, по которым передвигался выслужившийся элемент.

Казачество создавалось иным путем, оно имело и свои сословия, которые имели свои особенности, но не имело и не создало само какого-либо привилегированного сословия. Казачество не было никогда прикрепленным к земле, ибо оно жило на **своей собственной земле,** не было оно прикреплено и общероссийскому «тяглу». Если и были «служилые» казаки, то это были нанявшиеся на службу, на известных условиях, за пределами своего казачьего государства.

Казачество представляло из себя нечто особое от всех сословий и, как таковое, имело иное отношение к государственной власти. В полуофициальном сборнике в память 100-летия Военного министерства в России так и говорится, что **только после Отечественной войны** 1812 года началась проба обратить Казачество в военное сословие. Оно не могло быть сословием в силу своей исторической и политической самобытности. В расширенных границах Империи Казачество представлялось, как вооруженный народ, и этим были предрешены дальнейшие судьбы его.

Когда российская государственность начала определять свои отношения к Казачеству, она, естественно, ограничивала те права и достояния, которые казакам были дарованы их же **собственной историей.** Так званные, «царские вольности», «привилегии» по своему существу являлись ничем иным, как «дарованием» того, что этим царям никогда не принадлежало, а спокон веку было правом и собственностью Казачества. Так было и в королевстве польском и именно так сообщал Великий визирь турецкий Польскому королю ответ Оттоманского правительства на притязания в отношении казачьих Земель, так же сообщал и российский генерал фон-Вейсбах императрице Анне, когда ему было поручено призвать запорожцев обратно под державу царскую.

Все эти «дарования» разных монархов были в сущности признанием за казаками того, что им принадлежало фактически. Сначала это был вольный договор между обоими сторонами исключительно для защиты границ, с вознаграждением Казачества в виде «жалования»-субсидии. Переговоры об этом носили равноценный характер. Потом, эта историческая собственность Казачества вошла в жизнь под именем «привилегий», которые, однако, не были привилегиями в сословном понимании этого слова, а историческим достоянием в результате дипломатических переговоров. Все то, что оставалось в руках казаков, неоднократно подтверждалось верховной властью, как неотъемлимость «на вечные времена». Императоры подтверждали это при своем вступлении на престол, а в последний раз последовало подтверждение на Дону в 1914 г.

Московские цари, одарявшие независимые казачьи республики своими признаниями и обещаниями, были с грехом пополам верны своему слову, императоры же сводили только к формальному подтверждению «царских» пожалований, постепенно сужая «вольности» и сводя их к «жалованию» в сословном понимании этого слова. Проводилось это постепенно и медленно, наскоками, насилием, грабежом и хищничеством в отношении казачьих территорий и достояния. Планомерной политикой правительство постепенно обращало вольнолюбивый народ в замкнутое военное сословие, в рамки которого Казачество все же не могло войти по своему историческому и психологическому существу. Этот процесс не успел завершиться и казаки ко времени революции 1917 г. сумели сохранить не корпоративное, но народное единство. Они все время сохраняли воспоминания о своих бывших политических правах и восстановили их.

История России это есть история всех классов и сословий населения, история же Вольнаго Казачества есть только казачьей историей, хотя и в политической орбите

Борис Кундрюцков (†).

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ.

Наш свист аркана многим страшен,
И бег коня грозит бедой,
Полет стрелы — всех выше башен,
А гик — как гром перед грозой...

И шашка промаха не знает,
Ужасен пики поцелуй!
Пред лавой спешно отступает
И князь, и воин, и холуй...

И если кто из нас сраженный
Со стоном схватится за грудь,
Последней мыслью воспаленной
Он в бой живым укажет путь...

И, сделав свой последний шаг,
К победе путь лихой укажет...
О труп его споткнется враг
И рядом с ним костями ляжет...

Казачество... Какой полет,
Какой порыв, огнем кипящий!
В нем вечно дух борьбы живет,
Неукротимый и неспящий...

Сергій Савицький.

...Я співаю — засіваю
На козачім полі
Буйне зерно та здорове
Щасливої долі.

Чи діждуся жнив, не знаю,
Хочь про них і мрію,
А що вони будуть добрі —
У це свято вірю.

Вірьте, браття, щиро вірьте,
Що вернеться доля
І по наших степах вільних
Загуляє воля!..

Страницы Казачьей истории.

1678-й год. Экономический кризис, приведший к «Разиновщине», продолжался. Приток эмигрантов на Дон возрастал. В 1671 году на Дону, близ Хопра, черный поп проповедывал, что «не нужно нам молиться за царей». Его схватили и сожгли в Черкасском городке. Влияние Москвы на дела Дона возрастало. Казачество верило слухам, что в Московии неспокойно. В 1683 году прошел слух, что донские казаки, которые были в Москве в «легких станицах», — все перевешаны, а другие «без вести пропали». Большинство казаков относилось сочувственно к старшине Чюрносову. Начались разговоры о необходимости похода на Москву. Петр Мурзенок заявил: «Лучше быть на каторге, чем на Москве». Чюрносов грозился так: «Учиню, что задрожит от меня и Москва вся». Поп Самойло Ларионов и Чюрносов посылали письма свои на Яик и Терек, чтобы «не слушались ни царей, ни патриархов, а крепко держались за веру старую». В 1687 г. Москва неожиданно и резко потребовала у Дона выдачи раскольничьих вождей. В списках значилось и имя бывшего Войскового Атамана Самойлы Лаврентьева. Ему ставили в вину не только покровительство старообрядцам, но и то, что при нем был принят на Дон раскольничий проповедник Самойло Ларионов, который стал служить по старым книгам, не поминая на великом выходе ни патриарха, ни «великих царей». Кроме того, Лаврентьев созвал на пасхальной неделе Круг, который утвердил это. Московская партия была бессильна. Осмелившиеся выступить за государей казаки Василий Инжиров, Фома Голодный и поп Василий едва не были убиты. Тот же Круг запретил называть старообрядцев «раскольниками». Другой проповедник, Кузьма Косой, призывал казаков итти на Москву. Вернувшийся с похода Фрол Минаев настоял на Круге о выдаче его в Москву, а Самойле Лаврентьеву пришлось покинуть Атаманство... В Москву во главе Зимовой Станицы послан был Кирей Чюрносов. На царскую грамоту о выдаче Лаврентьева верхние городки ответили запрещением выдавать Атамана, заявив, что с Дону выдачи нет. Едучи в Москву, Чюрносов открыто готовил по пути на север силы, которые должны были идти на Москву по его возвращении. Члены московской партии, соблюдая чрезвычайную конспирацию, решили послать в Москву донос на Чюрносова, умоляя не отпускать его на Дон, ибо «по возвращении его на Дону подымется такой же мятеж, как и при Разине». 5 марта 1688 г. Атаман Зимовой Станицы Чюрносов с есаулом Иваном Рабщиным, Петром Смиренным, Рыковским Федотом, Морозом Чирским и др. был схвачен в Москве. 7 апреля на Дон прибыл толмач Никитин, пред'явивший требование о выдаче Лаврентьева. Казаки-«новоприходцы» и верхние городки вновь запротестовали, но все же Круг постановил выдать Лаврентьева и его сообщников. 10 мая 1688 г. в Москве, на Красной площади, под топором московского палача упали головы десятка казаков, в числе коих были Чюрносов и бывший Войсковой Атаман Войска Донского Самойло Лаврентьев... Выдача Лаврентьева была предрешена экономической зависимостью Дона от Москвы...

«Казаки почитались всегда за храбрый и сильный народ. По свидетельству Константина Порфирогенета известны были они уже в 948 г. и жили в нынешней Кабарде близ Кавказских гор, где от великого князя Мстислава, как показано выше, в российское подданство приведены были. Польские писатели об'являют о них разные необоснованные басни, но сие показывает токмо подлую ненависть против сего храброго народа. Особливо укоряют они их тем, будто они состоят из беглых людей. Хотя то и подлинно, что всегда принимали поляков и других, которые искали у них прибежища, однако ж сие не мало тому препятствует, чтобы казаков не можно было почитать за **древний и по их состоянию изрядно учрежденный народ».**

Из книги «Об Азове», переведенной с немецкого языка и изданной Академией Наук в 1738 году.

«Задача Казачества удобрять своей кровью широкие степи, охранять их от хищника степей — кочевника и ожидать, пока придет, не боясь степного хищника, русский человек — полный хозяин. Само Казачество терпимо только до той поры, пока широкая степь не понадобится земскому человеку для возделывания».

Русский историк Соловьев.

иных государств. Казачество исторически мыслимо, как самодовлеющий национальный политический фактор. В самом деле — ни одно сословие никогда не владело своей исторической территорией, с географическими границами, где бы оно осуществляло свое государственное бытие, независимо от общегосударственной власти. Ни одно сословие никогда не претендовало на самостоятельное государственное бытие, а только на привилегированное положение в государстве. Казачество же боролось, желая сохранить себя, как определенный самобытный организм. Земля и сохранение «привилегий» были необходимы Казачеству для сохранения своего абсолютного исторически-самостоятельного существа.

Признаки сословия заключаются в его социальных и юридических отношениях к другим сословиям и к государственной власти, признаки же Казачества суть в его первоначальной природе — в прошлом оно было воинственным народом, создавшим с оружием в руках свою историю. Советская власть мерила все сословия одной общей меркой, выходя из соображения, что Казачество есть военное сословие оно и решило одним декретом об уничтожении сословий уничтожить и Казачество. Мы являемся живыми свидетелями того, что получилось из этих декретов и от уничтожения имени казачьего. Позже она не только хваталась за Казачество, но и превозносила его до небес! (Конечно, не искренне, ибо запахло порохом. **Ред.**).

Царское правительство старалось планомерными и скрытыми мероприятиями, в продолжении веков, приручить и прибрать к рукам «воровское племя» — казачью вольницу и постепенно слить и сравнять его в бесправии с остальной массой населения Империи. Казачество, как военный элемент, не представляло уже угрозы для СССР, но все же он применял в отношении Казачества теже меры, какие были преднамечены исторической властью России, разве только в более жестокой, радикальной форме. И тем не менее **расказачить Казачество не удалось.**

Попытки уничтожить старую душу Казачества тоже не привели ни к чему. Для влияния на нее была создана фикция «трудового» казачества, против духовной его дисциплины противопоставляли численно сильнейшее иногороднее население и мощную организацию коммунистической поддержки наброда переселенцев, выселением казаков ослабили его численность на Родной Земле до невозможного и, тем не менее, политически сильный пришлый элемент оказался не в состоянии претворить Казачество в общесоветскую массу. Опыт прошлого показал Советам, что Казачество не является сословием, подобно крестьянскому, и что оно сильно исторически сложившимися национальными, народными устоями. Советы познали, что сословие можно «разсословить», но Казачество нельзя расказачить. Провозгласить его сословием было легче всего и тогда можно было принять меры к ассимиляции его с крестьянством. Это мы видели.

В Ростове была издана книжка «Конец легенды о казачестве», а потом там же с цветами и ликованием встречали, через 2-3 года возрожденных советами казаков. Тогда начали вливать в рамки казачьей военной организации и неказачьи массы, не понимая того, что ценные качества казачьей психологии и быта создаются столетиями свободной жизни, а не декретами и постановлениями.

Советская власть, забирая историческое достояние казачьего народа и переделывая Казачество применительно к потребностям советской службы, одновременно старалась стушевывать его самобытные особенности и физиономию, но не удачно.

Сопротивляемость и устойчивость Казачества подкрепляют теоретиков рассматривающих его, как самостоятельную этническую группу. Эта теория подтверждает, что Казачество нельзя подвести под рамки сословия и что оно никогда не было, не есть и не может быть сословием.

Казачество есть ни сословие, ни партия, ни орден, ни класс, а **народ**, который может и утратил некоторые свои отличительные черты, от слишком продолжительного нахождения под влиянием и воздействием соседнего народа, но восстановит их, как только ему будет предоставлена возможность свободного развития. А это, верим, настанет в результате победы национальных сил и создания Нового Порядка в Европе.

Проф. Михайло Башмак:

Черноморская Войсковая гимназия.

(С созданием Кубанского Казачьего Войска переименована в Кубанскую Войсковую гимназию).

Черноморское Казачье Войско закончило свое переселение из-за Буга на Кубань в 1794 году и после устройства на новых местах начало заботиться о просвещении, образовании и открытия школ в Войске. Протоиерей о. К. Россинский в своей речи при открытии Черноморской Войсковой гимназии 17 мая 1820 года говорит:

«При всем этом богоспасаемые обитатели края сего не малодушествовали, но всегда порывались усердием и ревностью явить себе достойными сынами Отечества не по одним токмо доблестям воинственным, но и по всегдашнему попечению своему о введении и распространению просвещения в кругу своем... Мысль о заведении публичных училищ, занимала многих благонамеренных Черноморцев».

Черноморская старшина, пришедшая на Кубань, большею своей частью училась в Киевской Бурсе, некоторые ее закончили, некоторые же уходили со старших курсов в Запорожскую Сечь. Киевская Бурса в то время была высшим учебным заведением и была связана с западно-европейскими культурными центрами. И нет ничего удивительного, когда мы находим следы Киевской Бурсы или отдельных ее воспитанников в связи с этими центрами. Есть указания, что Войсковой Судья Черноморского Казачьего Войска Антон Андреевич Головатый был в переписке с Карловым университетом в Праге и просил Карловый университет помочь ему открывать школы в Войске.

Переселившись на Кубань из Украины и устроившись так- сяк на новых местах, черноморцы стали думать и о школах, да и должны были думать, ибо дети их подростали и нужно было заботиться и о их просвещении и образовании, а для этого нужны были учители и школы.

Войсковой Судья А. А. Головатый, большой ревнитель просвещения и образования, еще с самого начала переселения на Кубань, приглашал многих учителей, которые и учили детей Черноморских казаков у себя на квартирах, а потом уже, кто хотел дать образование своим детям, должен был посылать в официальные школы. Сам же А. А. Головатый учил своих детей в Харькове, Войсковой Атаман Т. Т. о. Роман Котляревский посылал учиться своих детей в Крым, первый Войсковой протоиерей о. Роман Порохня учил своих детей в Харьковском коллегиуме, Войсковой Атаман Ф. Я. Бурсак учил двух своих сыновей в Черкасской гимназии.

По примеру этих больших панов и Черноморская казачья Старшина посылала своих детей учиться далеко за пределы своего Войска, потому что на Кубани тогда еще не было своих школ.

В 1800 году в Черноморское Войско Войсковым Атаманом Ф. Я. Бурсаком были приглашены как учителя студент Московского университета Вениамин Иваненко и гимназист К. Поляков. Эти учителя, как и прежде приглашенные еще Головатым, учили детей на своих квартирах и это учение было не планомерное. И только начиная с 1803 года, когда был издан Высочайший Манифест о народном просвещении, обучение детей в Черноморском Войске становится, более или менее нормальным, систематическим. Стараниям Войскового протоиерея о. К. Россинского, 14 декабря 1806 года был утвержден устав Уездного училища в Черноморском Войске и было приступлено к постройке первого народного училища в Екатеринодаре на Крепостной площади. Интереснее всего это то, что план и проэкт первой школы на Черноморьи очень удобный и дешевый был составлен и выработан в Черноморской Войсковой Канцелярии, но не был утвержден русскими властями. Власти, не зная условий жизни в Черноморском Войске, составили новый проэкт и прислали свой план школы неудобный и дорогой, по которому Черноморцы и должны были построить свою первую школу.

В 1812 году были открыты училища: в городе Тамани, в местечке Щербиновке и в селении Брюховецком, а в 1815 году и в местечке Гривенном. Через два года в 1817 году были открыты училища еще в селении Роговском и в местечке Темрюке, а в 1819 году открыли училища общества: Медведовское, Кущевское, Леушковское, Пластуновское и некоторые другие. Позже были открыты училища еще во многих Черноморских куренях. «Из сих учебных заведений Екатеринодарское более всех всегда было ободряемо щедротами Войска. Значительные пожертвования незабвенных благотворителей, подавая ему твердую руку помощи, приметным образом извлекали его, так сказать, из колыбели. Уже в 1811 году удостоено было оно позволением от своего начальства, сверх уездно-училищных предметов, прибавить гимназический класс, для преподавания возростающим юношам математики и физики, а в 1813 году и другой класс для обогащения спеющих умов — любителей изящного просвещения, знанием словесности. Учителя сих обоих классов первоначально довольствовались жалованием из процентов на экономическую сумму»... которая достигла в то время 25.000 рублей.

Высочайшее утверждение об открытии в городе Екатеринодаре Черноморской Войсковой гимназии последовало 1 декабря 1819 года, официальное же открытие гимназии произошло 17 мая 1820 года, после молебна в здании уездного училища в присутствии Черноморского Войскового Атамана Г. К. Матвеева, при с'ехавшихся гостях из Черноморских куреней, при большом стечении обывателей г. Екатеринодара Черноморская Войсковая гимназия была открыта речью ее директора Войскового протоиерея о. Кирилла **Россинского.**

(Продолжение.)

Казаки на Балканах.

Военный корреспондент газеты «Берлинер Илюстрирте Нахтаусгабе» поместил статью, в которой он с большой симпатией и признанием пишет о казачьих отрядах, сражающихся с коммунистическими бандами на Балканах.

Военный корреспондент задает себе вопрос, как казаки приняли известие о переводе их на другой, балканский, театр военных действий. Когда казаки, совместно с германскими войсками, боролись на восточном фронте, они были одушевлены идеей освобождения своей родины от большевицкой тирании. Поэтому перевод казачьих отрядов на иной фронт, казалось, мог возбудить в них сомнения. Тем не менее, казаки поняли, что и на ином театре военных действий они могут вести борьбу против общего врага и что все театры войны органически связаны друг с другом. Единодушное согласие казаков принимать участие в военных действиях на Балканах является выражением их доверия к Германии и к ее Вождю. К тому же, и на Балканах они борятся против прежнего врага — коммунистических банд, применяющих ту же тактику, что и банды в тыловой области восточного фронта, — разбой, убийство и грабеж мирного населения.

На новом месте, испытанные в боях казаки скоро сделались грозным врагом этих банд, военная тактика которых мало чем отличалась от тактики банд восточного фронта.

Люди, с которыми мы говорили, поясняли свое безоговорочно отрицательное отношение к большевизму следующим примером: «Большевизм, сказал один казак, подобен зажигательной бомбе. Наши родные дома горят уже много лет. Но несколько искр попало и сюда. Мы погасим их, чтобы пожар не распространился повсюду».

Открытое лицо и свободный взгляд говорящего свидетельствуют о том, что двадцатипятилетнее владычество большевиков не могло убить **исконной любви Казачества к свободе.** Наоборот, в испытаниях большевицкого гнета закалился казачий дух.

Если некоторые жители областей, в которых теперь приходится действовать казакам, думают, что казачьи отряды образовались под давлением голода и принуждения, то чх ждет жестокое разочарование. Поведение казаков лучше всего доказывает, что они одушевлены ненавистью к большевизму во всех его видах и проявлениях.

Еф. Якименко.

Сватовство по азиатски.

(Быль.)

Яков Марухна или как его звали Яков Курчавый за его курчавый чуб, сватал Груню Циватую уже два раза.

Первый раз после Рождества и второй — после Пасхи, перед Петровским постом. Первый раз отказали по той причине, что, де, молода еще, да и приданное не готово, а второй раз так тут уже Груня прямо сказала Якову:

— Это ты сватаешься в такое время, чтобы я и не понежилась с молодым мужем, а прямо бы запряглась в работу. Ведь, рабочее время подходит...

Говорила это девка парубку ехидно, насмешливо. Парубок подбирал слова, чтобы начать как-либо разговор о том, чтобы убедить Груню стать его женой, да куда там... Девка понесла такое, что молодой казак уже уходить собрался, но начатый разговор Груни его задержал...

— Да и вообще не хочу я замуж за таких, как ты. Не видела даже никогда, чтобы ты джигитовал, или неука выездил. Вот и недавно еще, прошлый год выезживал нам неука Антон Чернявский. Он, говорят, уже в полку и урядника заслужил...

— Постой, постой, Груня, — перебил заносчивую и насмешливую девку Яков, — было это не прошлый год, а четыре года тому назад. Я тогда только школу кончил, а Антон Чернявский скоро со службы придет. Что же он, по твоему, за год и службу кончил и урядника выслужил?

Но задорная девка не смущалась...

— Ну все равно, — продолжала она, — когда это было, а только я лихих казаков, джигитов люблю... Только за настоящего джигита и замуж выйду. Вон посмотри у азиатов за Кубанью. Вот джигиты! Те на полном скаку жену себе облюбуют, на седло и был таков. Это любовь! Такому женеху не успеешь и отказать... — сказя свои жемчужные зубы и изгибая стан в красивую линию, продолжала Груня мучить влюбленного Якова. Смущенно уверял он дородную девку, что не рабочую скотину он себе хочет взять, а сватает ее потому, что любит.

— Так ведь не родители же меня понуждают на брак, а сам я... да и батько сказал, чтобы выбирал себе девку по сердцу, какую люблю... А вот насчет прочего, азиятов всяких и джигитов, так я же хорошо джигитую... Вот на великодних святках была же ты на площади и я там джигитовал...

— Ха-ха-ха! — Звонко засмеялась Груня. — Да была же я на этой джигитовке. Влас оборвался и содрал селе лоб, Матвей так и не отбился, а бежал за лошадью, у Василя лошадь упала и он кубарем через нее...

— Постой, так при чем же здесь я? Ведь падали они, а не я! — смущенно возразил Яков...

— Да если-бы не дед Винник, так ничего бы и не вышло из вашей джигитовки. Всем вам, молодым, носа втер. Вот джигит! Да! — не слушая Якова, перебивала Груня.

По всему видно было, что она просто издевается над парубком, а может быть и в самом деле до души пришлась ей романтика наших закубанских кунаков — прославленных джигитов, до последнего времени воровавших своих суженых. Умыканье невесты требовало большой удали, смелости и отваги. И закубанские наши соседи действительно были отличными джигитами и немудрено, что молодая казачка прикубанской черноморской станицы докоряла парубка их лихостью.

Расставаясь с капризной девкой, наградившей его очаровательной улыбкой и каким то особенным блеском глаз, Яков подумал:

— «Ну, постой же, Груня! Устрою я тебе сватовство»...

Осенью Якову предстояло ходить на занятие. Его уже старики на сборе определили в конницу. Коня еще не покупали и он решил упросить отца купить ему коня у черкесов и обязательно неука, прямо из табуна.

Погода в то лето стояла прекрасная и полевые работы были закончены раньше обыкновенного.

Поехали с отцом покупать лошадь. Выбрали. Сторговались. Конь горячий. Едва удерживает его на аркане опытный черкес-табунщик. Но сердце Якова радуется...

— «Вот такого коня выездить, — это да! Антон клячу выезжал, а ведь это строевой конь!..»

Не легко далась выездка чистокровного черкесского коня, но Яков все же достиг своего. Близился престольный день — Праздник Покров Пресвятыя Богородицы. После этого дня опять начнутся свадьбы, начнет молодежь гулять, а там и на занятия ходить...

— Мама, вот у Гоголя написано, что когда мать благословляла Остапа и Андрия, то старый Бульба говорил, что материнская молитва и в воде не тонет, и в огне не горит, и от всего спасает...

— А как же, сынок. Большая сила материной молитвы. Вот и небесная Матерь наша заступница — Покрова Казачья всегда спасала нас от бед... Я и тебя благословлю на службу вот тем образом Покров Пресвятыя Богородицы, говорила мать, показывая на лик Богоматери...

Яков вздохнул. Груня сжигала его сердце. Но сватовство он решил дальше праздника Покрова не откладывать.

— В самый праздник, — думал он, — покажу я тебе, джигит я или нет...

Кончилась литургия в день праздника Покрова. После обеда, нарядные парубки и девчата наполнили площадь. Парубки верхами устремились к вокзальной площади. Туда идут все. Джигитовка там будет. Это правда не являлось организованной джигитовкой, но каждый молодой казак, который будет этой осенью ходить на занятие, хотел показать свою лошадь, седло, удаль...

Яков все не мог успокоиться. Он твердо решил не упасть лицом в грязь. В день Покрова он после обеда, надев новую черкеску васильковаго цвета, взял за пазуху образок Покров Пресвятыя Богородицы, которым мать обещала благословить его на службу, заседлал коня и отправился на вокзальную площадь. Она была полна нарядной молодежью. Старики о чем-то деловито разговаривали. Нарядные девчата резво и звонко хохотали. Парубки гарцевали на своих конях. Они понимали, как неминуемо судят сейчас девчата лихость и ухватку парубков.

В одной из групп девчат, Яков заметил и Груню, нарядную и пышную. Инструктор в это время строил для джигитовки молодых казаков. Яков пристроился к ним.

Рассыпались казаки по площади, показывая свое искусство, вызывая восторг зрителей.

Яков заметил, что Груня его увидела, посмотрела, а потом отвернулась, наблюдая за другими.

Джигитовка была в разгаре. На полном скаку подлетел Яков к Груне, нагнулся, ловким обхватом етана приподнял на лошадь...

Все произошло так быстро, что никто не успел и ахнуть.

— Ну, что джигит я или нет? — говорил он Груне, еще не совсем понявшей что произошло...

— Да джигит... но:.. а куда же дальше... Нет, пусти!.. — говорила капризная дезка...

— Нет уж теперь не пущу... Я тебя украл...

Конь тем временем нес их ко двору Марухно. Младший брат Якова открыл ворота. Из хаты вышла мать. Яков осторожно спустил на землю свою дорогую пленницу и достав из-за пазухи образ Покрова, попросил мать и вышедшего отца благословить его на брак.

— Помогла, Пресвятая Богородица, — говорил Яков, — правду ты, мама, говорила, что Богоматерь всегда была заступницей и помощницей казаков в их добрых делах...

— Но не в воровстве, — пробовала перебить, еще не совсем смирившаяся Груня.

Но Яков ее не слушал, а продолжал:

— И прошу вас, богоданные родители, благословить меня на брак с Груней.

Родители смущенно смотрели на молодых людей, ибо несколько необычайно произошло сватовство, но все же мать взяла из рук сына икону Покров Пресвятыя Богородицы и передала мужу. Молодые люди стояли перед родителями. Яков в левой руке держал коня, а правой за руку Груню, которая нежно ему улыбалась.

Их благословили. Потом Груня видно что-то вспомнила, сказала, что без позволения своего родителя не пойдет замуж за Якова и в раскрытые ворота выбежала на улицу.

Яков в миг очутился в седле, догнал невесту на улице, таким же легким способом приподнял Грую на коня и не меняя аюра помчался к родителям невесты. Там он сказал старому Циватому, что его родители уже их благословили и добавил, что тем самым образком, которым мать благословит его на службу.

Смущенно почесывал бороду и затылок старый Циватый. Дочь Груня ласково поглядывала то на отца, то на будущего мужа. Мать в умилении смотрела на молодых людей...

— Ну благословите, папаня и маманя, — красная сказала Груня... Все равно я теперь его... Он меня украл на площади... Все видели... Что скажут люди...

Ничего не оставалось, как благословить молодых людей на брак, образом Покров Пресвятыя Богородицы — Заступницы Казачьего народа.

Иван Васильев.

Казакия и Россия.

Можно оправдывать или не оправдывать действия России по отношению составлявших ее народностей, — это дело вкуса. Однако не надо забывать того, что, Москва, ставя на программу дня свои государственные задачи, не учитывала того, что их возможно было выполнить только при полном сотрудничестве с составлявшими ее народностями. Другими словами, желания России должны были совпадать с желаниями, входившихся в ее состав народов, которые бы видели в политике России также удовлетворение и укрепление и своих насущных национальных, культурных и экономических интересов.

Но Россия, имея недюжинный размах в своих империалистических стремлениях, не сумела дать национальным стремлениям, входивших в ее состав народов, того правильно организованного фундамента, который для существования каждого разумного конгломерата настоятельно необходим.

Не учитывая этого очень важного политического фактора и став на точку зрения абсолютного господства московского народа над всеми остальными, Россия этим самым выбила сама себе шпагу из рук. Образовавшийся колос-хаос в 24.000.000 кв. кл., на постройку которого было затрачено не мало труда, времени и крови (иногда по пусту и не к месту), оказался на глиняных ногах, давая вечные перебои и засечки, пока, наконец, не развалился совсем.

Одним из наиболее важных, но не понятых Россией, национальных вопросов — оказался вопрос **казачий**.

Казачество в своем существе никогда не было другом Москвы и всегда стремилось освободиться от ее покровительства.

Зная, что Казачий народ является **нацией,** а не сословием, русское правительство, отличавшееся всегда национальной нетерпимостью, решило, на перекор природе, насильно обратить этот народ в служилое «военное сословие» с придачей того, что и это «сословие», есть только отбросы русского общества, ушедшие в Дикое поле от преследования государственных законов.

Таковые приемы Москвы по отношению Казачьего народа не проходили для нее безнаказно! Взрывы национальных восстаний под водительством казачьих богатырей: Булавина, Разина, Гордиенки, Дорошенки, Железняка, Пугачева и др., нельзя рассматривать как явления провинциального характера, но как протест против московского насилия и владычества над Казачьим народом.

Такая активность со стороны Казачьего народа к освобождению от России незамедлила переброситься и к другим народам. Уже последнее большое восстание Донского и Запорожского Войск в 1770 годах, заставило призадуматься Россию и, вопрос: — «как быть с казачеством?» встал перед ней в серьезной форме! Каждый понимал, что уничтожить Казачий народ и невозможно и вредно, однако, оставить его без новых реформ не возможно. Наконец русское правительство решило перелицовать его территорию и даже население. Решение поспешное и опасное.

Следуя этой новой реформе, было уничтожено большое военное казачье государство: Запорожское Войско. Его военная сила была распылена, а население обращено в крестьянское (крепостное) сословие. Таковые приемы были частично применены и на Дону, и на Урале, и на Волге, хотя и без той безрассудной разрушительности, как это было сделано с Запорожским Войском.

Итак, закон был принят, реформа сделана и насилие над Казачьим народом совершено! Каков же был результат? — Пропасть между Казакией и Москвой углубилась и чернела зияющей зловещей бездной!

Однако, не успели еще провести на практике новую реформу, как уже в царствование Павла I, начали серьезно поговаривать о Казачестве. При Александре же I, когда Наполеоновская Европа придвинулась непосредственно к границам России, пришлось не только призадуматься над казачьим вопросом, но и поспешным порядком восстановить уничтоженное недавно Запорожское Войско (см.: Высоч. указ от 5. VI. 1812) под именем Украинскаго казачьего войска. Подобно тому как в 1936 году большевики пытались в ударном порядке возродить для своих целей уничтожаемое дотоле ими же в ударном порядке Казачество.

Все эти реформы уже не могли иметь доверия и того влияния на казачий народ, каковое русское правительство предполагало этим добиться.

Все это повело снова к ограничению «прав и вольностей» Казачьего народа, но одновременно с этими ограничениями и сама Россия двигалась широким шагом к своему развалу.

1917 год был годом решающим как для России, так и для Казакии. В этом году исчезли и разорвались насильные узы, связывавшие Казакию с Москвой, а в 1918 году весь Казачий народ из'явил свою волю: жить свободно и независимо от Москвы под своим казачьим законом в своем Казачьем Присуде.

К. Кременской.

Казачье национальное движение.

Когда казаки заговорили о своих национальных нуждах, задачах и убеждениях, то со всех сторон поднялся неистовый шум и крик, и казаки со своим национализмом попали сначала в подозрение, а потом под жестокий обстрел. Как шакалы, набросились на них и старые и малые, и ученые и неучи, и чужие и свои...

«Какая дичь: казаки-националисты!.. Что же — казаки — особый народ?» — раздается шипение со всех сторон.

Нам, казакам, это не страшно, и если мы это отмечаем, то только для того, чтобы сказать открыто и определенно: **«Да, казаки — особый народ, и все казаки — националисты».**

Пора бросить нескладные басни историков-фальсификаторов, которым, по мотивам великодержавности, нужно было вести происхождение казаков от русских беглых мужиков-рабов, — это не остроумно и устарело...

Да, казаки — это особый народ. И сама жизнь никогда не смешивала, как не смешивает и теперь, два народа: казаков и русских.

Наоборот, эти два народных типа всегда противопоставляются, и разница их всегда подчеркивается.

Мы отбрасываем задачу исторических, культурных и антропологических изысканий по вопросу о признаках и праве особой народности: нам это не нужно. С нас довольно того, что для нас самих абсолютно ясен специфически особый национальный лик казака, особый, именно национальный склад народной души казачьей, с ее глубиною и красочностью чувств и с его особой исторически сложившейся мистикой...

С нас довольно того, что свою особую народность мы сознаем сами и имеем для этого достаточно оснований.

Народ, создавший свою Государственность, умевший много веков отстаивать ее, пока силою внешних обстоятельств она не была сломлена, нарушена; народ, молниеносно восстановивший эту Государственность после двухвекового перерыва; народ, никогда не знавший рабства; народ, выросший в условиях многовековой боевой обстановки и по природе своей высоко дисциплинированный, создавший необыкновенно красочную собственную историю, — этот народ по-праву отстаивает свою национальную обособленность от народа русского и по-праву гордится ею.

Этот народ на протяжении веков хранит свои традиции, не смотря на все меры противодействия; имеет свой особый уклад жизни, свой особый казачий язык, свои обычаи, поверья, песни и даже одежду. Все у него особое, свое, — не то, что у народа русского. Кто смеет утверждать, что это не особый народ, имеющий собственный национальный лик?

Пусть — в него вливались пришлые элементы. Но разве и тут не бросается в глаза удивительный факт, что все эти элементы быстро и без остатка растворялись в казачестве?

Эта удивительная способность национальной ассимиляции, поглощающей и без остатка растворяющей все наносное, показывает, какой сильный народ казаки, как национально-сложившийся и монолитно-единый народ, как совершенно особая физическая и социальная среда, особая национальность...

Поэтому задавить казачество, искоренить его самобытность — пустая затея, которая не удавалась прежде, не удастся и в будущем.

Национальное самосознание казаков сложилось давно и на это национальное самосознание опирается чувство их превосходства над русским народом, который так усердно пытается сесть казакам на шею.

Незабываемою иллюстрацией этого может служить «великая и бескровная» и три года гражданской войны, когда так показательно и наглядно выявилось полное несходство, взаимное отталкивание и даже враждебная отчужденность этих двух народов.

Напрасно беспринципные и нечестные люди стараются придать термину «Казаки-националисты» или «Казачий национализм» какое-то злостное значение.

Нас это нисколько не трогает, и мы твердо повторяем, что казаки — особый народ, что все казаки — националисты. На эту позицию мы стали не сегодня и не в эмиграции.

Идея «казачьего народа» определенно выражена и в Донских Основных Законах 1918 г., которые в §§ 46 и 47 так говорят о Донском флаге и Донском гимне:

1) «Донской флаг состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой, означающих **национальные цвета** издревле живущих на Донской земле **трех народностей** — Донских казаков, калмыков и иногородних (§ 46).

2) **Национальным** гимном Вселикого Войска Донского признается гимн: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон» (§ 47).

«Т. Д.», № 8-9.

Виктор Карпушкин.

ТЕРЕКУ.

В горах берешь свое начало,
Могучий — дивной красоты,
Вода твоя ясней кристала
И гордость наша, Терек, ты.
Как встарь и ныне песню баишь
О славе вольных казаков,
Как встарь, привет свой посылаешь
Потомкам храбрых гребенцов.
Пусть враг глумится над тобою,
Поправ столетий седину,
И топчет грязною ногою
Традиций вольных старину.
Но рокот воли твоих кудрявых
Я слышу в дальней стороне
И звуки песен, сердцу милых,
Летят в изгнание ко мне.
Крепись же, Терек — друг родимый,
Нас много здесь и все с тобой,
Мы ждем лишь зву'к трубы призывной,
Чтоб жизнь отдать за Край родной.

Инж. Ф. Полковников.

Идея казачьего рыцарства.

Настоящая страшная мировая война может иметь только тогда свое историческое оправдание, свою необходимость, если после нее жизнь как отдельных народов, так и отдельных личностей будет в корне отличаться от эгоистических, бездушных, всенивелирующих капитализма и марксизма.

Человечество, попавшее в когти безпринципных, безличных капитализма и марксизма; человечество, превратившееся в стадо послушных, безименных рабов капиталистического или марксистического интернационала, должно, и даже помимо своей воли и желания, быть переустроенно, переосмысленно в новом духе, на новых принципах, на принципах благородства и рыцарства, на принципах личной честности, личной ответственности, на принципах авторитета и водительства первых членов общества; первых не по своему богатству, первых не по своей дерзости; первых не по своей кровожадности и ненасытности; первых не по своему лукавству и безидейности, а первых по своему благородству, первых по своей личной бескорыстности и честности; первых по своему уму и разуму; первых по своей человечности и жертвенности; первых по своему рыцарству.

Рыцарство не должно быть отличительной чертой и привилегией избранных, рыцарство должно быть общим достоинством, общей чертой каждого члена общества, каждого народа, каждого государства.

Рыцарство может спасти человечество от окончательного озверения, от превращения человека в жестокого, безпринципного зверя или безличного раба.

Человечество слышало, видело и прожило всевозможные выдумки, всевозможные «мудрые», «эксцентричные» и даже «гениальные» теории устройства человеческого общества, теории спасения человечества и что же?... Человечество зашло в тупик, зашло в тупик потому, что было сознательно или бессознательно, но всегда обмануто. Все теории, все программы были только кулисами за которыми сидели «дельцы», делавшие «гешефт».

Материализм, жестокий, зверский материализм в конечном итоге есть ничто иное, как интернационал капитализма или коммунизма.

Материализм так примагничено «понятен», материализм так «легко» об'ясняющий многие и многие тайны бытия, — материализм есть возвращение к «обезьяне», возвращение к хаосу первосозданья, возвращение в бездну небытия.

Человечество, созданное ли милостью Бога или совпадением случаев, — существует, существует не как холодный и мертвый гранит; существует не как безкровное и неразумное растение; существует не как насекомое, птица и зверь, человечество существует как разумное существо, которое само и может и должно устроить свою жизнь не на принципах хищной птицы, не на принципах дикого зверя, а на принципах человека, на принципах так же различных от зверских, как и сам человек не похож на зверя.

Казачество — это человечность, это рыцарство, — народное рыцарство.

Казачество не есть рыцарство феодальных баронов, графов и князей.

Казачье народное рыцарство не родилось в высоких, холодных и каменных замках, казачье рыцарство родилось в широких, безбрежных степях Дикого Поля.

И поэтому идея казачьего рыцарства не чуждо широким народным массам, как рыцарство феодальное.

Казачье рыцарство — рыцарство всего народа и в этом есть также глубокий смысл и оправдание существования Казачества не только как народа, но и как идеологии.

Рыцарство, народное рыцарство так необходимое изверившимся, изможденным, измученным и исковерканным народам востока Европы должно дать Казачество.

Казачество должно быть примером, должно быть новой идеей, новой идеологией, которая может и должна спасти восток Европы от окончательной пропасти и превращения или в раба капитализма или в жестокого коммунистического зверя.

Николай Посохов.

Роль и значение Казачества в деле защиты христианской культуры.

История всякого народа складывается в зависимости от естественных, внешних и внутренних, а иногда и случайных факторов. К естественным факторам относятся географическое положение территории данного народа, его рассовое происхождение, этнические, социально-бытовые и религиозные особенности и уровень культуры и экономического благосостояния. К случайным факторам можно отнести победу или поражение в войнах, способность или бездарность, дальновидность или близорукость в политическом руководстве народа его вождей и правительств, честное служение и защита вождями интересов своего народа или же предательство этих интересов в пользу других народов. Все вышеназванные факторы влекут те или иные последствия и глубоко отражаются на судьбе народа и его истории. Социально же экономические, культурно-бытовые и религиозные формы жизни данного народа, оказывают решающее влияние на формирование особой души, идеологии и миросозерцания народа и его духовно-психологических и политических устремлений. Сверх всего этого, история данного народа бывает всегда связана по тем или иным причинам с историей других соседних, а иногда и отдаленных народов.

Казачество и его предки издревле жили на территории, расположенной на рубеже двух материков: Европы и Азии, так сказать, на рубеже двух отличных друг от друга миров и одновременно как раз на естественном пути торгового, а с ним вместе и духовно-культурного обмена между ними. Кроме того тот же самый естественный путь был издревле путем переселения-перемещения народов с Востока на Запад, из Азии в Европу и обратно. Такое географическое положение родины предков современного Казачества имело свои положительные и отрицательные стороны. Находясь на этом естественном пути торгового и культурного взаимообмена народов Европы и Азии, казачьи предки не могли остаться чуждыми влиянию высоких древних культур: Арабской, Византийской, Греческой, Римской. Естественно, казачьи предки впитали в себя от этих культур то, что им служило на пользу, переработали, так сказать, в своем духовно-бытовом преломлении и создали свою собственную своеобразную казачью культуру, послужившую основой для образования народных общин — государственных организмов современного Казачества с его правовыми, социально-экономическими и духовно-религиозными формами бытия и прогресса.

Как было выше замечено, этот естественный путь, связывавший народы Европы и Азии, был также тем путем, по которому происходило переселение-перемещение народов и вторжение в Европу кочевых и могущественных численно народов-завоевателей Азии. Территория казачьих предков служила часто местом долгого пребывания этих новых завоевателей, которые, в свою очередь, вытеснялись новыми более сильными народами завоевателями, двигавшимися по тому же пути. Такое периодическое временное пребывание народов на территории казачьих предков и взаимное общение с завоевателями тоже оказало большое влияние на рассово-племенной тип казачьего народа. Происходил прилив новой крови и вырабатывался особый, своеобразный тип казака, резко отличающегося от других народов. Народы-завоеватели, вторгавшиеся из Азии, сменяли друг друга на территории казачьих предков, оставаясь более или менее продолжительное время, чтобы потом уступить место другим более сильным завоевателям.

Часть казачьих предков тоже уходила со своей исторической территории, чтобы затем при перемене политической ситуации снова вернуться вместе со своими потомками, которым передавалась память о своей первоначальной родине, ее богатстве и красоте природы и широком раздолье и привольи степей, гор и лесов. Основная же часть казачьих предков никуда не уходила и приспосабливалась к новым социально-бытовым условиям жизни, сохраняя свои племенные и родовые традиции.

Все вместе взятое выработало в казачьих предках и в происшедшем от них Казачестве особое свойство расовой, этнической устойчивости, благодаря которой, Казачество не ассимилировалось своими завоевателями, а наоборот, само ассимилировало, так сказать, впитывало в себя те остатки проходивших народов. Благодаря этому Казачество до наших дней сохранило свои характерные этнические и бытовые особенности, не растворившись в массе народов, стремившихся веками ассимилировать его, освоить, лишить его своей национально-бытовой физиономии.

История Казачества тесно связана с историей соседних с ним народов: Украины, отчасти Польши и особенно России, которая, стремясь распространиться к Югу и к выходу в Черное море, на протяжении веков вела захватническую политику в отношении Казачества и его исторической территории, пытаясь одновременно руссифицировать его, «приобщить к своей культуре».

В силу этническо-бытовой и идеологической особенности Казачества от русского народа, история их характеризуется вековой взаимной то глухой, то часто открытой вооруженной борьбой и войнами.

Кроме того, Казачество с давних пор служило оплотом, носителем и защитником христианской культуры, ведя непрерывные войны с врагами христианства — мусульманским миром, воинствующие народы которого силою оружия, пытались распростра-

А. Терек.

ВОЛЬНОМУ КАЗАЧЕСТВУ.

Дружно, смело вступим в дело Казаки все сыны,
Лавой тесною сомкнемся на врагов своей земли,
Смерть в борьбе — награда выше, чем удел раба.
Казаки-орлы лихие, возрожденье Казакии — долг и право казака.
Предки наши завещали: Волю, Круг строго храни,
А Покров — народный праздник, свято праздныи и блюди.
Всех ослушников закона, сшедших с Вольного пути,
Раболепов пред врагами: «в куль, да в воду опусти».
А в сидении Азова завещали казаки: верить в Бога,
Верить в Правду, дух свой бодрый не терять,
Дружно, спаянной семьею Воли дело защищать!

нить и утвердить мусульманство на необ'ятных степях Юго-Востока Европы, в том числе на исконней исторической территории Казачества, часть которой издревле (около тысячи лет тому назад) носила название Казахия. Однако, помимо этой, бесспорно важной заслуги в отношении христианской культуры, оно, на ряду с другими соседними дружественными народами Украины, служило живым человеческим барьером, не раз спасавшим Европу от опасности вторжения и разорения ее народами-завоевателями, двигавшимися из Азии... Достаточно вспомнить, что об этот человеческий барьер разбились могучие волны монгольского нашествия в Европу. Русские историки приписывают всю честь и заслугу в деле победы и изгнания татар исключительно русским князьям и их дружине. Однако, неопровержимые исторические данные и свидетельства подтверждают, что Казачество, в деле поражения татар в Куликовской битве (1380 г.), сыграло главную и решающую роль. Знаток казачьей истории А. Ленивов в своей статье «Участие Донских Казаков в Куликовской битве» (журнал «Вольное Казачество» № 229), на основании научных изысканий и исследований исторических документов и памятников старины, приводит в доказательство слова из краткой истории монастыря Пресвятыя Богородицы в Москве: «Того ради последи православия образ Пресвятыя Богородицы Донскии, зане к великому князю Димитрию Иоанновичу Донские Казаки уведавши о пришествии великого князя Дмитрия Иоановича в между речьи Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли, бяше и сей Пречистыя Богоматери образ в дар благоверному великому князю Дмитрию Иоанновичу и всему православному воинству в сохранение и на побеждение нечестивых агарян вручили».

Означенный исторический акт ясным образом указывает, что Донские Казаки уже заранее знали о приходе великого князя Дмитрия именно в междуречье Дона и Непрядвы, т. е. на Куликово поле. Больше того, Донские Казаки оказали вооруженную помощь Московским войскам. Далее автор повествует: «Ясным и определенным образом ныне устанавливается, что Донские Казаки именно находились в составе полчищ Мамая, когда, узнав о походе князя Дмитрия к реке Дону, «был подослан к Московским сторожам «язык нарочит», яко от вельмож тех царевых (Мамая), «вслед зачем: «Прибеже Семен Мелик с дружиною своею». На основании этих и других документов А. Ленивов утверждает, что засадный конный полк, решивший исход битвы в пользу Московского князя внезапным ударом во фланг и тыл войскам Мамая, состоял именно из Донских казаков, перешедших на сторону Московских войск перед самым началом битвы. Это подтверждается также тем фактом, что конный засадный полк, сломив сопротивление татар внезапным нападением из засады, преследовал затем бегущих татар с боями на протяжении 50-ти верст в период от 4 часов дня 8-го сентября до 9-ти часов утра 9-го сентября. Московская же конница, состоявшая из московских поместных дворян с большим количеством слуг, представляла пародию на конницу в сравнении с природной конницей народов степной полосы, какавой были Донские казаки, чтобы выполнить подобное задание. Тот же автор пишет, что в походе Мамая, совершенном при полном напряжении всех сил Золотой Орды, участвовали войска народов территориально весьма удаленных от Московского княжества: Кавказских Черкасов, Алан, Абезгов (Абхазцев), войска Азовско-Черноморских Генуэзских колоний. Тем более должно было быть неизбежным участие в походе Донских казаков на стороне татар, как жителей территории более близкой к Московскому княжеству по своему географическому положению.

Казачий историк И. Быкадоров в своем труде: «Донское Войско в борьбе за выход в море» тоже подтверждает и документально доказывает бесспорно важное значение Казачества в деле спасения всего Востока Европы от мусульманского владычества. Из указанного труда здесь достаточно привести введение автора, в котором этот подчеркивает заслуги и значение Казачества в деле приостановления экспансии мусульманства на Восток Европы: «Взятие в 1637 г. Донским Войском турецкой крепости Азов, запиравшей выход с Дона в море и защита его в 1641 г. от Турции, известная под названием — «Азовского Сидения» — события исключительного исторического значения. Они явились завершением непрерывной столетней войны Донского Войска против Турции. Этой войной, имевшей целью завоевание свободного выхода в море, Донское Войско спасло себя и весь Восток Европы от установления в нем турецкого владычества. Убедившись в непреодолимости главной и единственной преграды в лице Донского Войска на путях на Север и на Северо-Восток от Азова, Турция избирает направление к Астрахани и Казани, на владение которыми она не переставала претендовать, в обход Дона, через Северный Кавказ. Одновременно с этим, искусной политикой добивается того, что Московское государство помогает ей в подготовке войны против него же. Турция подготовляла долго и тщательно решающий удар на Восток Европы, а Донское Войско предупредило его и в 1637 г., после осады, овладело Азовом, что резко изменило положение в пользу казаков. Вместо широкой помощи Донскому Войску, Московское государство, из-за боязни Турции, занимает положение нейтралитета. Отвлеченная войнами против Персии и Венгрии, Турция вынуждена была мириться временно с потерей Азова, но, чтобы не дать Донским Казакам возможности расширить свои владения на Юге, захватив устье Кубани с гор. Темрюком и Таманью, блокирует своим флотом Азов. После широкой подготовки и победоносно законченных войн против Персии и Венгрии, Турция в 1641 г. двигает к Азову, громадные по тому времени силы. Более 250 тысяч войск, считая лишь один его боевой состав, с громадными средствами, со всеми военно-техническими достижениями Западной Европы, с 5 тысячным корпусом разных военных специалистов всех наиболее сильных в военном отношении западно-европейских стран — все это было направлено Турцией, конечно, не против только гарнизона Азова, состоявшего всего лишь из 5-6 тысяч Донских и Запорожских казаков и 700 казачек, а против Московского государства.

Для полной оценки широты предприятия Турции, необходимо иметь в виду, что в войнах того времени Польши, Швеции, самой Турции, Московского государства и др. участвовало обычно, с каждой стороны только от 80 до 120 тысяч войск. Кроме того, Турция расчитывала на широкое содействие мусульманских народов Восточной Европы — Казанских и Ногайских татар, башкир, черемисов и др. Отражение такого удара для Московского государства, истощенного войнами против Швеции, и особенно против Польши, последняя война с которой закончилась всего несколько лет перед тем сдачей всего Московского войска в гор. Смоленске, представлялось совершенно непосильным.

Легкий, казалось бы ничего не стоющий для Турецкого войска, захват по пути Азова, вследствие необычайного сопротивления Донских казаков, превратился в длительную осаду и беспрерывные штурмы его. Судьбы Войска и всего Востока Европы решались под Азовом. Осада Азова кончилась и решительным разгромом Турецкого войска и бегством его. Взятие Азова и Азовское Сидение — плоды военной доблести, военного искусства и государственной мудрости атаманов: Ивана Дмитриевича Каторжного, Михаила Ивановича Татаринова, Осипа Петровича Калуженина, Наума Васильевича Шелудяка, Тимофея Яковлевича Лебяжья-Шея, Павла Федоровича Чесночихина, казачьего розмысла (инженера) Югана Арадова и всех казаков и казачек гарнизона Азова.

Полтавская победа спасла Русскую Империю от Шведов (1709 г.), Бородинское сражение с пожертвованием Москвы спасло ее от Наполеона (1812 г.), но значение победы Донского Войска и Азовское сидение для всего Востока Европы шире и глубже. В первом и во втором случае Русской Империи угрожало лишь установление иноземного политического влияния, той или иной зависимости. Турецкая же победа былы бы связана с установлением полного владычества, с уничтожением Московского государства, с угрозой религии и культуре, создания положения и состояния, в которых находились христианские народы на Балканах, вошедшие в состав Турции. Победой и Азовским Сидением Донское Войско спасло не только свое бытие, бытие Московского государства и возможность образования Русской Империи».

— «Надо заметить, что причины, почему столетняя война Донского Войска против Турции до сего времени совершенно не освещена в исторической литературе и взятие Азова казаками и Азовское Сидение не получили до настоящего времени надлежащей оценки, могут толковаться различно. Главной причиной мы считаем то, что русские историки, при освещении событий Юго-Востока Европы и истории Донских казаков, не пользовались ценнейшими первоисточниками: Делами Московского Посольского Приказа (Арх. Мин. Иностр. Дел), Делами Крымскими, Турецкими, Ногайскими и Донскими. Местные же (Донские) историки этими Делами пользовались. Поэтому между освещением первых и вторых резкое различие там, где у первых тьма, у вторых свет, и наоборот. Первым Донским историком, исследовавшим и использовавшим Дела Московского Посольского Приказа, был В. Д. Сухоруков, но труда своего «История Донского Войска», он не закончил: «Все до последнего листика у него было отобрано, заарестовано, а сам он был в 1827 г. отправлен в армию на Кавказ». Историк Броневский воспользовался трудами В. Д. Сухорукова, но, в противовес ему, в интересах русского правительства, своими положениями и выводами, расходящимися с исторической истиной, совершенно исковеркал труды В. Д. Сухорукова.

(Продолжение следует).

ОТ КНД.

По поручению руководителя КНД было выслано в распоряжение г. министра освобожденных восточных Земель 5.150 крон, как очередная сумма, поступившая от членов КНД в пользу детей казаков-беженцев.

По представлению окружного атамана ст. **В. И. Бабича** (Berlin W. 50, Fürtherstr. 6/7) Руководитель КНД ст. **В. Г. Глазков** утвердил местную организацию в гор. Брунштадт (Вартеланд). Возглавителем организации является хорунжий **М. Макогоненко,** доверенным — **И. Шумовский.**

— Доверенным организации КНД в районе Конин-Гренцгаузен (Вартеланд) назначен. **Николай Никонов,** а в районе Ледигенгайн-Кирхмотцер — сотник **Я. Быков.**

К сведению казаков-членов КНД.

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

Редакция «Казачьего Вестника» благодарит всех казаков и читателей, приславших свои приветствия и пожелания по случаю выхода в свет пятидесятого номера «К. В.».

Эти письма ясно свидетельствуют о больших симпатиях, какими у казаков пользуется наша газета, которую казаки считают своей казачьей газетой, отражающей их чаяния и стремления. Казачье всем спасибо!

В. Елисеев.

Всеказачий Праздник.

1641 год — историческая всеказачья дата. И по праву:

— 302 года тому назад казаки и казачки, выдержав тяжелую осаду Азова и уничтожив навалившееся на них многочисленное и самое модерное по тому времени турецкое войско, навсегда увековечили в мировой истории казачью доблесть, оставившую миру никогда незабываемую легенду о казачьей непобедимости.

Дерзкая и успешная оборона Азова — это величайшее мировое историческое событие — по праву обязало историков того времени не на одну славную страницу казачьего легендарного героизма, а азовских потомков — само Казачество— кроме того, еще и на глубокий религиозный почет подвига казачьего духа, крепости и непреклоиной воли в борьбе за свою свободу и жизнь.

Почему благодарное, религиозное и вместе с тем беззаветно храброе потомство возвело «Азовское сидение» в ореол казачьей национальной святости, приняв — день поражения турецких войск под Азовом за День Всеказачьего Национального Праздника?

Прогремевшее в свое время на весь мир историческое событие под Азовом, всегда горело в казачьих сердцах ярким светилом своего, собственного, казачьего самосознания, и чем ни горше были дни Казачества под чужим управлением, тем оно крепче тянулось к своему славному прошлому, которое, то праву, питало его, растило и укрепляло, как народ.

Празднуя Всеказачий Праздник Покрова Пречистыя Богородицы, Казачество духовно связывалось с тем славным временем, когда оно было социально единоутробным, стоявшим вне всяких классов и классовой борьбы, ибо бороться тогда Казачеству между собой было не за что: не было ни бедных, ни богатых, а были материально все равны; когда оно не знало ни высоких чужих титулов, ни орденов, ни участков, ни «наказных», ни «божьих помазанников», а управлялось своими выборными вождями — атаманами; когда все казаки жили одним своим казачьим интересом, и все поголовно и честно за него боролись. Когда все великое Казачество верювало и молилось только одному Казачьему Богу, не зная каких-либо других, чуждых Казачеству богов.

Всеказачий Праздник Покрова Богородицы всегда поддерживал и скреплял своей крепкой и природной цепью — урожденным казачьим национализмом — тот славный казачий исторический фундамент, когда Казачество было способно на такие лихие подвиги, как оборона Азова.

Дни нашего времени — дни очередной жестокой схватки Казачества с жидо-коммунизмом — требуют от Казачества очередного под'ема всех его духовных и физических сил — требуют от него очередного Азова наших дней.

И Казачество, как народ, действительно, послушно требованиям нашего времени, и потому дает на алтарь борьбы за право человека все, за право своего существования и бытия будущего, чем оно только располагает; дает наравне с другими народами, дорожащими своим народным национальным бытием на земле.

Дает, честно веря в победу правого национализма над бесправием, веря в очередной казачий успех. Придет день долгожданной победы над вековым врагом. И станет он — этот великий День — Днем очередного Всеказачьего Национального Праздника:

Праздником возрождения нашей Казачьей Родины.

Станет. Потому, что мы, казаки, верим честно и горячо в правду Национализма и во всемогучий Покров Пречистыя Богородицы.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

— Березлев Петр, ст. Ханской, Кубань, разыскивает родственников и одностаничников. Писать: Всеказачий Союз. Белград. Кр. Наталие № 90. Сербия.

— Кишкинов Николай Иосифович, ст. Костромской, Кубань, разыскивает брата Александра и одностаничников М. И. Сорокина, Я. Я. Гродунова, П. А. Першина, А. Г. Першина, Петра Буракова, пребывавших в Сербии. Писать на «К. В.»

— Киричук Ларисса из Таганрога, Дон, разыскивает брата Киричук Виктора, род. 1919 г. Писать:

Kiritschuk Larissa bei Teusch. Wittlich (Mosel) Kalkthurmstr. 5.

— Хубиаров Федор, ст. Старо-Леушковской, Кубань, разыскивает отца эмигранта Григория Степанов. Хубиарова. Писать:

Hubiarow Fedor. Rybnik O/Schl. Kattowitzerstr. 134. Arbeiterlager 4923.

— Маслова Павла, ст. Кардоникской, Кубань, разыскивает внук Городков Виктор Михайлович. Писать на «К. В.»

— Чуприна Николай Иванович, разыскивает брата-эмигранта Петра Ив. Чуприну, проживавшего в Сербии. Писать на «К. В.».

— Трихлебов Владимир Ф., ст. Безстрашной, Кубань, разыскивает родных и одностаничников. Писать на «К. В.».

— Кривец Ефим Козьмич, ст. Роговской, Кубань, разыскивает племянников Александра, Ефима, Ивана Ильичей Кривец, Тимофея Павл. Мамая и одностаничников. Писать на «К. В.».

— Пихтовникова Анна Яков., урож. Шупляк, ст. Пашковской, Кубань, разыскивает родственников и одностаничников. Писать: Всеказачий Союз, Белград. Кр. Наталие, 90. Сербия.

— Мельникова Анастасия, ст. Еланской, Дон, разыскивает дядю Михаила Федоровича и его супругу Просковью Мельникову. Писать:

Steyr (Oberdonau) Münichholz. Arbeiterlager 80.

— Головина Таиса Семеновна, из Таганрога, Дон, разыскивает брата Михаила Головина, род. 1922 г. Писать:

Golowina, bei Wienand Wittlich (Mosel) Panzer-Jäger Kantine.

Судьба Казачества — в руках самого Казачества!

Казаки, верьте в самих себя, верьте в свои силы!

Наши силы равны нашей вере в свои силы!

Брати-козаки, гуртуймося свій до свого!

Казаки, помните, что Ваш единственный печатный орган «Казачий Вестник» издается на средства казаков-патриотов. Не забывайте и Вы поддерживать его издание.

БІБЛІОГРАФІЯ

1938 г.

Атаманский Вестник, № 87.

101. **Бюллетень**
Президиума Донского Войскового Круга. Париж. Тип. Никишин, (27×22), (55,5×37). 1938, № 1 — № 2.
Бюллетень Ц. П. Братислава, № 80.
Бюллетень Ц. П. Прага, № 96.
Вольная Кубань, № 88.
Вольный Дон, № 97.
Вольное Казачество, № 34.

102. **Зов Казака.**
Харбин. 1938. Штаб Союза Казаков на Дальнем Востоке.
Казакия, № 73.

103. **Казакия.**
Литературно-исторический и информационный журнал. Прага, 1938. Ред.: И. И. Колесов, Г. Л. Еременко, В. Г. Глазков. Тип. Zadruha, (28,5×22). 1938 № 27 — № 28.
Казачий Голос, № 98.

104. **Казачье Единство.**
Орган Казаков Националистов. Париж, (1, 2, 4, 6); Прага)3, 5, 7, 8, 9) 1938 — 1940. Тип. (42×29). 1938, № 1 — № 2; 1939, № 3 — № 7; 1940, № 8 — № 9.
Наша Станица, № 86.

105. **Обращение**
Пражской Центральной Избирательной Комиссии к Донским казакам. Прага, 1938. Тип. (29,5×21).

106. **Тихий Дон.**
Орган Казачьей мысли. Прага. 1938—1940. Ред-изд. М. А. Горчуков. (До № 3, ред. В. К. Попков). Тип. (23×15). 1938, № 1—№ 3; 1939, № 4 — № 11; 1940, № 12 — № 14.

107. **Чорноморець.**
Громадсько культурний журнал Кубанців-Чорноморців. Прага. 1938—1939. Союз Кубанців. Литогр. (29,5×21). Тип. (26,5×19,5). 1938, № 1 — № 2; 1939, № 3.

1939 г.

Атаманский Вестник, № 87.

108. **Бюллетень**
Всеказачий Союз. Прага. 1939—1940. Тип. (23,5×15). 1939, № 1 — № 2; 1940, № 3 — № 4.
Вольная Кубань, № 88.
Вольное Казачество, № 34.
Казакия, № 73.
Казачий Голос, № 98.

109. **Казачий Клич.**
Журнал Дальневосточного Казачества. Харбин. 1939.
Казачий Набат, № 60.
Казачье Единство, № 104.
Тихий Дон, № 106.
Чорноморець,№ 107.

1940 г.

Бюллетень — Всеказачий Союз, № 108.

110. **Вестник**
Общеказачьего Об'единения в Протекторате Чехия и Моравия. Прага. 1940. Е. И. Балабин. Тип. Wicher, (24×17).
Казачье Единство, № 104.
Тихий Дон, № 106.

1941—1943 г. г.

111. **Казачий Вестник. Der Kasakenbote. Козацький Вісник.**
Орган Казачьего Национального Движения. Прага 1941—1943 — В. Г. Глазков. Тип. J. Andresky; Knihtisk, (48××31). 1941, № 1 — № 6; 1942, № 1 (7) — № 25 (31); 1943, № 1 (32) —

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Praha - Music, II, Gutenštejnská 6

ZEITUNGSBOTE

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 22 (53) 3 JAHRGANG 3 год издания

ПРАГА, 1-го НОЯБРЯ 1943 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация: Schriftleitung: Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70
Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach, 188. Telephon 634-70.
Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

Инж. Ф. Полковников.

К казачьему вопросу.

Что такое казачий вопрос, существует ли он, возможно ли его решение в положительном смысле и каким путем надо итти, чтобы решить этот вопрос?

Отбросив в сторону все несерьезные, все искусственные и тенденциозные толкования о Казачестве, начиная от «беглых холопов» и кончая «лучшими русскими людьми», т. е. рассматривая совершенно спокойно и об'ективно, надо согласиться, что Казачий вопрос существовал и существует, и, только в зависимости от различных точек зрения и в зависимости от момента, Казачий вопрос был показан в том или ином виде.

Что такое казачий вопрос, существование которого совершенно отрицают одни и совершенно подтверждают и определенно выявляют другие?

Поставив этот вопрос открыто и прямо, нужно и ответить на него также прямо и открыто.

Существование казачьего вопроса отрицает великорусский север, родившийся в холодных и голодных лесных просторах, далеко от теплого моря, далеко от международных путей.

На существование Казачьего вопроса настаивают сами казаки, защищая свое «я», защищая свою Казачью Землю, защищая свой казачий уклад жизни, свою казачью будущность.

Почему? В чем дело?

Многочисленному великорусскому народу тесно, холодно и голодно. На далеком севере ледяные горы поставили границу его распространению, на востоке обширная Сибирь, преподнесенная великорусскому народу казаками, открыла свои двери, но суровый климат и боязнь тяжелых лишений первых колонизаторов пугает великорусские массы, на западе — густо населенные государства не только не являются хорошей приманкой, но и большим, если не сказать неопреодолимым, препятствием. Остается юг.

Юг это — черноземные просторы с сравнительно не так густым населением, юг это богатейшие земли, это выход к теплому морю, юг — это выход на мировые пути.

На пути к югу лежат Казачьи Земли, на пути к югу живет казачий народ, на пути с севера на юг был, есть и будет так называемый Казачий Вопрос.

Казачий вопрос родила экспансия голодных и империалистических масс великорусского народа. В своем расширении великорусский народ стремился в прошлом и стремится теперь через Казачьи Земли на юг к берегам Черного моря, к портам Средиземного моря, к волнам Индийского и Атлантического океанов.

Признав историческую неизбежность Казачьего вопроса, надо было великорусскому народу искать решение этого вопроса, однако, для него не существует казачьего вопроса, а только его стремление занять богатейшие земли, овладеть выходом к южным морям и мировыми путями.

То, что на этом пути живет Казачий народ, то, что этот народ в своих границах хочет жить своей казачьей жизнью, — все это великорусский народ или не хочет или не может понять и признать.

Такова действительность, которая заставляет Казачество придти к определенному выводу.

Казачество стоит на перекрестке своей исторической жизни. Никогда в бурной истории Казачества не был так неумолимо, сурово и категорически поставлен вопрос о самом существовании Казачества как в нынешнее время.

Сейчас идет вопрос о том — быть или не быть Казачеству. Так сейчас поставлен Казачий вопрос.

На наше казачье поколение выпала тяжелая задача, жестокая и неумолимая действительность поставила перед нами наш родной Казачий вопрос, и эта война должна дать и даст ответ: быть Казачеству или же не быть.

Останется ли Казачество, останется ли казачий народ и будет ли он хозяином на своей Казачьей Земле или... Казачество уничтоженное или растворенное в серых, безличных и жестоких массах великорусского севера.

Казачество, героическое Казачество не может и не хочет отказаться от самого себя.

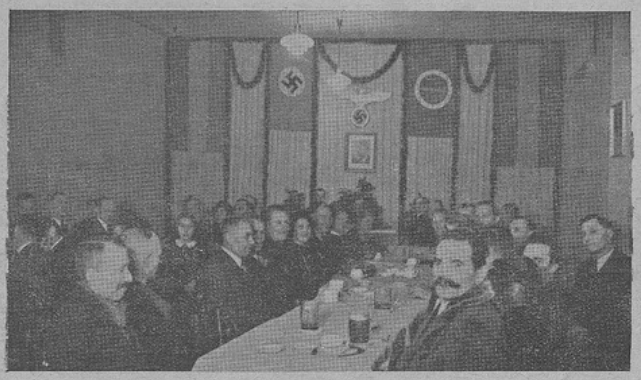
Наше казачье поколение и не может и не смеет «расказачиться».

Казачество не борется за тот или иной образ правления, Казачество не борется за ту или иную экономическую доктрину, Казачество борется за самого себя, Казачество борется за Казачество, за священное право каждого народа — за свое место под солнцем, Казачество борется за свою Казачью Землю, пропитанную казачьим потом и казачьей кровью, Казачество борется за священное право быть свободным на своей Казачьей Земле.

В этом всегда был, в этом есть и в этом всегда будет Казачий Вопрос.

Решение этого вопроса не зависит только от Казачества. Но все имеющие уши должны слышать, а все имеющие голову должны знать.

Было это в прошлом, есть это и сейчас и будет это в будущем: все идущие против свободного Казачества — его враги, все дающие Свободу и жизнь Казачеству — его друзья, а Казачество, рыцарское Казачество, может быть и непримиримым врагом и самым верным другом и в радости и в горе.

Снимок с собрания местной организации КНД в Праге 16 октября 1943 г.
Archiv „Der Kosakenbote".

Казачий комитет.

Согласно разрешения Райхсминистра Розенберга, на освобожденных территориях организован для казаков всех Казачьих Земель, включая и Ставрополье, Казачий Комитет.

Основными задачами Казачьего Комитета являются: а) учет эвакуированных казаков, находящихся ныне на территории Украины; б) забота о материальных и культурных запросах казаков; в) предоставление для всех боеспособных казаков службы в своей Казачьей Армии, или же по охране заводов и железных дорог; г) организованное включение всех трудоспособных казаков в рабочий процесс.

Казачий Комитет уже открыл свою деятельность и в настоящее время находится в городе Херсоне.

Цель образования Казачьего Комитета — сконцентрировать распыленных по освобожденным областям казаков всех Войск, сплотить их вокруг единого центра, чтобы ближе знать его нужды и оказывать всяческую помощь Казакам, находящимся вне пределов своих Земель.

Свободолюбивое Казачество никогда не мирилось с рабским игом московского большевизма и являлось непримиримым его врагом. Это подтверждается и теми фактами, что в Момент вступления Германской Армии в пределы Казачьей Земли, подавляющее большинство Казачества, способного носить оружие, добровольно вступило в армию и создало воинские части. Сейчас уже насчитывается много казачьих подразделений, отрядов, бригад и дивизий.

Помимо этого, по Украине рассеяно большое количество, так сказать, неорганизованного казачества — женщины, дети, старики, которые не пожелали остаться на территории, временно занятой большевиками, покинули родные станицы и курени.

Одной из основных задач Казачьего Комитета и является забота о них, создание нормальных материальных и моральных условий для казаков вдали от их родных станиц.

Ввиду того, что в настоящее время и в Германии находится достаточное количество казаков, прибывших из освобожденных областей, надо полагать, что деятельность Казачьего Комитета будет распространена и на них.

В функции Комитета будут входить действенные мероприятия, связанные с увеличением казачьего войска и с подготовкой нужного количества его кадров, равно как и, в согласованности с Германским Командованием, проведение новых формирований.

Казачьему Комитету предоставлено право созыва представителей от всех казачьих войсковых соединений и организаций.

Надо ожидать, что в работу Комитета будут привлечены все активные силы Казачества, равно как и его зарубежная часть. В таком случае Казачий Комитет явится тесной связью казачьего народа с войсковыми казачьими соединениями и послужит к об'единению всего Казачества.

Террор в Казачьих Землях.

Прифронтовые казачьи газеты «Казак», «Казачий Клинок», на основании сведений, получаемых от казаков, добровольно переходящих на сторону Германской Армии, сообщают об ужасном красном терроре, который залил все казачьи станицы.

Казаки ст. Кривянской З. и Т. рассказывают, что с приходом большевиков все донские станицы и города были наводнены работниками НКВД и милицией. Все время продолжаются аресты. Тюрьма в Новочеркасске набита до полного отказа. «Черный ворон» (автомобиль НКВД-ГПУ) день и ночь «летает» по улицам. Кого приняли ворота тюрьмы, о том нет более ни слуха, ни духа. Врагами «народа» считают всех: и родственников добровольцев германской армии, и людей, работавших у немцев, и просто всех, кто в свое время не ушел с большевиками в тыл.

Казачество взято под особое наблюдение НКВД. У казачьих семейств, члены которых эвакуировались на запад или же поступили добровольцами в воинские части, отобрано все имущество, хлеб и скот реквизирован.

Сталин об'явил казаков «изменниками родины». Энкаведисты открыто говорят, что с восстановлением железных дорог все казачьи семейства будут сосланы на Урал или в Сибирь.

Командование красной армии боится казаков. Особым приказом они отчисляются из воинских частей и направляются в Сибирь. Из тех казаков, кто еще остался в армии, формируют штрафные роты. Эти роты идут в наступление под угрозой автоматов, находящихся в руках чекистов. Такими штрафными ротами красные ведут наступление на самых опасных участках фронта.

Другой казак А. Краснов говорит следующее: «Некоторые легкомысленные люди, у которых память коротка, говорят, что большевики теперь не те, какие были. Эти разговоры побудили меня сообщить о зверствах большевиков, очевидцем которых был я сам, чтобы доказать, насколько ошибаются легковерные люди и какой вред приносят всем, кто их слушает.

23 февраля 1943 г., в 10 часов вечера ст. Мерченская на Кубани была оставлена германскими солдатами. В 3 часа ночи туда пришли большевики. Многие, как и я, думали, что они изменились. Но как мы ошиблись!

Учиненную ими страшную расправу с населением я не забуду до самой смерти и не советую никому верить в каких то «новых» большевиков. Все мужчины были согнаны в одно здание, где начался допрос. Где работал при немцах? — спрашивали политруки-жиды. Ответы были разные, но обвинение одно: изменник родины — расстрел! Одного расстреляли только за то, что у него на квартире жил немецкий офицер. Расстреляны были на моих глазах 2 казачки, обвиняемые «в помощи немецкой армии» — Мария Гвоздева работала на кухне, а Анастасия Османова стирала белье германским солдатам.

К вечеру германские солдаты вновь отбили станицу и прекратили дикий произвол и, главное, спасли многих обреченных на смерть. Был спасен и я.

—

По сообщениям иностранной печати, бежавшие из Северной Африки и южной Италии эмигранты из б. России рассказывают, что англо-американские оккупационные власти предоставили всех эмигрантов, бежавших от большевиков из б. России, в руки енкаведистов, действующих также и на этих территориях.

«Донское Войско в первой половине XVII века имело все признаки, которые почитаются необходимыми для государства: свою непроизводительную власть, территорию, население, право международных сношений».

С. Тхоржевский. Сборник «Русское прошлое» 1923, в. III, Петроград.

В. Авилов.

Народ ли казаки?

В настоящей газетной статье постараемся ответить, насколько правы те люди, которые пытаются отрицать за Казачеством право именоваться особым народом, будто-бы, на том основании, что оно не обладает всеми национальными признаками, и одновременно ответить, насколько эти признаки постоянны и безусловны, равно как, можно-ли на основании этих избитых и невыдерживающих критики признаков отрицать или признавать право на имя народа за той или иной большой группой людей.

К числу казенных признаков, определяющих понятие отдельного народа, относятся язык, религия, территория, нравы и обычаи. Из них последними тремя Казачество бесспорно обладает. У него имеется своя общая казачья территория, свои особые казачьи нравы и обычаи, которых никто не в силах отрицать. Противники казачьей самобытности говорят, что у казаков один с русскими русский язык (далеко не у всех!), а потому они не только не могут называться отдельным казачьим народом, но и не должны думать об отдельном своем существовании от русского народа.

Но является ли эта языковая общность крепкой и неразрывной связью и необходимым доказательством того, чтобы все говорящие на этом языке должны обязательно жить в границах одного государства, под одной крышей с русскими?

Конечно же, нет! Американцы, не только говорящие на одном с англичанами языке, но и весьма во многом с ними тождественны, считаются отдельным народом и живут отдельной жизнью. Живут в непосредственной близости с своими родными народами швейцарцы, представляющие из себя и по языку и по своему происхождению немцев, итальянцев, французов, и считающие себя особым народом. Считаются норвежцы отдельным народом, который всего лишь несколько десятков лет создал свою собственную национальную жизнь и который как по языку, так и по своему происхождению выделился от шведов. Мы уже не говорим о целом ряде южно-американских народов, которые, образовавшись от смешения с испанскими и португальскими колонистами, восприняли испанский и португальский языки, но не являются испанцами или португальцами. Не имеют «своего» языка и румыны, воспринявшие язык древних дакийцев — колонистов Римской империи, но считающиеся отдельным румынским народом.

С точки зрения морфологии языка, голландский язык — германский «диалект». Однако, на этом «диалекте» говорит и пишет народ, давно отделившийся от общегерманского корня, имеющий свою собственную культуру и государственность. Бельгийский же народ говорит на двух языках, на языке валонцев и фламандцев, составляющих один бельгийский народ.

Эти примеры с очевидностью говорят о том, что язык совсем не является непременным условием к созданию народа. Не является им и религия. Немецкий народ составляют католики и лютеране, в то время, как испанцы, французы и итальянцы — католики, и представляют каждые отдельный народ. Также и территория не является безусловным признаком народа. Жидов и цыган считают народом, но ни одни, ни другие не имеют своей территории. Все это наглядно доказывает, что все вышеуказанные признаки установлены не точно и совсем не определяют понятие «народ».

Еще до сих пор идет среди ученых бесконечный спор об установлении этих признаков. И подобно тому, как сама жизнь не стоит на одном месте, но идет своим зако-

Г. Козловский.

Старое и новое.

Великих героев, проникновенных людей, способных увлечь своим словом народ, можно перечесть по пальцам. Они не рождаются ежегодно, даже десятилетиями. Нужны великие потрясения для того, чтобы некто с более чуткой душою и светлым умом, разобравшись в хаосе текущего периода, сумел правильно оценить положение дела и, схватив политический руль в свои руки, повел его по надлежащему пути. Нужна глубокая вдумчивость, знание философии и истории, нужно тонкое понимание психологии не только своей массы и той массы, с которой имеется уже соприкосновение, или же предстоит с ней соприкоснуться. Это не «начитанный» знаток чужих фраз и мыслей, не случайный выскочка, подражающий иным, уже ушедшим на покой, ибо он понимает, что не все, даже самое хорошее можно извлекши со старины глубокой применить на деле, так как новые дни выдвигают новые запросы и то, что годно было еще вчера, сегодня может только повредить делу.

Великие потрясения вызывают к жизни новый культ, вокруг которого группируются классовые, еще чаще национальные интересы. После войны 1914 года такой культ создался вокруг Кемаля Паши, Муссолини, но кульминационной точки напряжения он достиг вокруг Адольфа Гитлера.

Если хотите, Россия по своему выдвинула свой, своеобразный, культ в лице Сталина. Это не есть чистый, национальный, культ. Это даже не суррогат Кузьмы Минина, но тем не менее, хотя и с отрицательностью, но все-таки приходится считаться. Она есть, с ней нужно бороться, как бы она сейчас не пристраивалась под звуки патриотических настроений, от нее уже издали несет интернационалом, массонством и еврейством.

Что значит война, так называемая «мировой» 1914 года по сравнению с нынешней войною, когда все пять частей света заняты ею. Идет единоборство действительно за лучшее будущее, за мир и покой среди человечества, за всеобщую справедливость. Все эти: Азии, Австралии и прочие Америки являются жалкими вкраплинами в основной фон борьбы за новый порядок, новый строй, за Новую Европу.

Вспомним только: многие чувствовали, что Европа послевоенного периода создана не честно и непрочно. Чувствовали потребность каких-то «реформ», но занятые своими личными устройствами не могли найти той основной точки, от которой следовало начать новый крестовый поход. В процессе самой борьбы выдвинулся новый лозунг: «За Новую Европу!» И вот, вся масса политиканов дружным «ура» поддержала этот новый лозунг. Естественно, таким порывом они лишний раз подчеркнули свое доверие в бросившего этот лозунг и только. Никто не задался целью продумать, в чем же должна заключаться эта Новая Европа, какова должна быть ее структура.

Здесь приходится подойти вплотную к тем массам порабощенных большевиками народов, которые, благодаря гению германской армии и крови этого народа уже могут вздохнуть свободно и заниматься своим мирным трудом. Их можно разделить на несколько групп:

1), ненавидящие всей душою большевиков, стремящиеся к самостоятельности своей территории, но не знающих, как разрешить такую проблемму. В их понятии, почему то немцы, изгнав из их государства красных, должны были предоставить сейчас же им всю полноту власти на местах. Отсюда — разочарования и растерянность.

2), старые политические и общественные деятели, высиживающие длительные часы в приемных министерств и департаментов всех вообще стран, со своим спасательным рецептом в кармане. Здесь имеются помещики, уже теперь ищущие ходов к восстановлению прав на свою бывшую собственность, домовладельцы, мечтающие о взыскании с жильцов недоимок за все время их отсутствия, бывшие сенаторы, исправники и даже городовые.

3), фанатики, мечтающие о своей карьере и потому лебезящие перед всяким стоящим выше их в надежде, что их «преданность» будет замечена и использована.

Возможно есть еще какие-либо специфические группы, но это уж не так важно, если мы отметим всех их как абсолютно не понимающих самого элементарного значения Новой Европы.

Если вопрос идет действительно серьезный о Новой Европе, то, спрашивается причем тут вопрос о бывшей собственности, почему, при новой государственной структуре граничные столбы должны водружаться в старые ямы, кому нужна старая чиновная и даже общественная рухлядь, в деле постройки чего то нового. **Раз создается новое, значит, старое должно уйти безповоротно на покой,** дабы не путалось под ногами и не мешало в процессе постройки нового здания. Какой может быть разговор о сведении своих старых счетов, если еще неизвестно, где они возьмут свое начало.

Поразительно, всякая человеческая глупость тоже имеет свои границы. Но нет ничего хуже, если у людей старающихся плавать на волнах высшей политики и играть какую-то видную роль среди своих компатриотов, наступит неизлечимое закостенение мозгов, абсолютная импотенция в смысле здравого мышления и исхякнет чувство обоняния. Такие экземпляры обречены на досмертное бездействие, живут как манекены, приспосабливаясь всякий раз при поворотах жизненного русла, их терпят, но с ними не считаются.

К разряду таких паралитиков можем смело причислить всю так называемую интеллигенцию старшего и вышесреднего возраста. Воспитанная на понятиях начала текущего века она усвоила себе старое, царскорежимное понятие, кое чего нахваталась сидя в чужих краях, но фактически от своих отстала и к чужим не пристала. Она остановилась на, приблизительно, 1906 году и стоит так, недоумевая, почему не так все делается, как это проповедывали Чайковские, Лавровы, Плехановы, лидеры ушедшей в область преданий плеяды руководителей народническим движением. Они то больше всего недоумевают, почему при подготовке к устройству Новой Европы к ним никто не обращается за советами и содействием, их авторитет заменен молодыми, «никому неизвестными» силами, они очутились в тени, в глубоком тылу современности. Несмотря на тесное общение с Западом, переживая вместе с тем народом, среди которого забросила их судьба все хорошие и тяжелые минуты, они не могли отрешится от отжившего свое время славянского сантиментализма и продолжают жить романтикой восьмидесятых годов.

Но если ничего не делается по их понятиям, так это еще не значит что вообще ничего не делается. Жизнь быстрым темпом идет вперед, увлекая за собою кадры молодых работников, создавая все новые и новые положения. Старое и среднее поколенье на столько закостенело, что не замечает даже, как и оно также втянуто в орбиту новых веяний и течений, они не ощущают своего бытия в новых и чуждых их понятию условиях.

Еще одно доказательство дальновидности и предусмотрительности творцов новых идеалов. Они отлично понимают, что переучивать и переубеждать закоренелых ретроградов, непроизводительная трата времени. Лучше совершенно игнорировать их бытие и исподволь воспитывать молодое поколение, приспосабливая его к потребностям современности и подготовляя свежие кадры из неиспорчённой никакими протухнувшими фразеологиями молодежи.

Так оно и делается на практике. Вообще сделано уже довольно много, но то, что уже сделано, одними вообще не замечено, иными сознательно замалчивается, в чаянии что со временем все-таки удастся повернуть все в сторону своих понятий.

К. Кирсанов.

Марксизм - Ложь.

Истинный социализм — устройство жизни так, чтобы человек не мог эксплоатировать человека.
(Жан-Жорес.)

Производственные отношения, т. е. способы добывания, распределения, обмена хозяйственных благ, — основные факторы, двигатели истории.

Они создали деление общества на классы.

Они же по мере своего развития создали и обострили классовую борьбу.

Один господствующий класс свергается другим и заменяется последним.

Капитал все время концентрируется.

Количество капиталистов все уменьшается, а пролетариев (особенно безработных) все увеличивается.

Наконец огромный капитал сосредоточивается у нескольких владельцев, всё остальные лишены всякой частной собственности. Тогда пролетариат легко, без всякого труда, срежет головы этим немногим капиталистам. Произойдет великая, бескровная революция, в результате которой пролетариат становится господствующим, завладев всем капиталом и орудиями производства. За отсутствием об'екта эксплоатация прекращается, а с ней и классовая борьба. Наступила пора общего равенства и счастья. На земле воцарится рай. Так глаголет и поучает Карл-Маркс.

Следовательно социалистическая революция прежде всего должна произойти в странах, государствах с широко развитым капитализмом и индустрией. Произошло наоборот. Марксизм восторжествовал и завладел властью в б. России и отчасти в Китае, в странах культурно и экономически отсталых от других. Попытки же марксизма захватить власть в других странах культурно и экономически более развитых не увенчались успехом.

Ошибочность рассуждений или что-то другое?

Подготовка прихода к власти и торжеству марксизма начинается под флагом социализма с 1874 года, когда «Союз Справедливых» в Лондоне превращается в «Союз Коммунистов», принимая, как программу, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса со словами: «Пролетарии всех стран соединяйтесь». Этот союз коммунистов большого успеха не имеет и через 10 лет распадается.

В 60 годах вновь оживляется деятельность социалистов. В Лондоне, на всемирной выставке социалисты французы соединяются с рабочими вождями англичан для обсуждения общих стремлений. В 1863 году основывается Фердинандом Лассалем «всеобщий Германский рабочий союз». В 1864 основывается 1-й интернационал. В основу организации последнего кладется «вступительный адрес» и «статут» Маркса. Этот интернационал, состоящий из представителей всевозможных течений, существует недолго и распадается в 1876 году.

В 1875 году в Готе (Германия) основывается единая социал-демократическая партия. В ней главенство постепенно захватывают Марксисты и в 1891 году провозглашают «Эрфуртскую программу», модернизированное изложение идей Маркса. Пролетариат призывается к политической борьбе под предлогом, что без политических прав рабочий класс не может развивать своих экономических организаций, не может бороться против экономической эксплоатации капиталистов; не овладев политической властью, не может осуществить перехода орудий производства из рук капиталистов в собственность общества.

В 1900 году основывается международное социалистическое бюро — II-ой Интернационал с центром в Амстердаме. Интернационализм пораждает пораженчество. Призывы к мировой солидарности рабочих против буржуазии — тщетны.

Великая война 1914 года расколола все интернациональные организации и II-й Интернационал впадает в кризис.

В мае 1916 года Циммервальская (Швейцария) конференция интернационалистов выкидывает лозунг: «Мир без аннексий и контрибуций». Немного позже тот же лозунг провозглашает конференция в Кинтале. Здесь русские интернационалисты-пораженцы (Ленин, Троцкий, Абрамович, лидер еврейского бунда, Мартов-Цедербаум, Аксерольд и др.) требуют превращения империалистической войны в гражданскую, что и провели в России полностью, захватив власть в 1917 году. В этом же году партия большевиков переименовывается в В. К. П. (б.).

4. III. 1919 г. Ленин основывает III-й (красный) Интернационал (центр Москва), об'единивший коммунистические партии всех стран.

В конце войны образовавшийся реформаторско-социалистический (желтый) II-й интернационал (центр Лондон), возобновляет свою деятельность Женевским конгрессом в 1920 году.

В 1921 году об'единение социалистических партий принимает коммунистический принцип: «революционной диктатуры пролетариата».

Коминтерн, субсидируемый Москвой, маскируясь ИККп (Исполнительный Комитет комм. партий) работает по указаниям Политбюро В. К. П. (б.), полновластным хозяином которого является Сталин.

Все остальные, социалистические партии, примыкающие к II-му интернационалу, не смотря на явно враждебное к ним всюду отношение Коминтерна и деятельность которых запрещена, преследуется в С. С. С. Р., всей своей работой, резолюциями своих конференций, с'ездов помогают этому же Коминтерну, укрепляя международное положение С. С. С. Р.

На просторах бывшей царской России Марксизм, ввиде ВКП(б), отменил частную собственность, социализировал все промышленные предприятия, орудия производства, ограбив дочиста деревню, стал единственным капиталистом — работодателем и помещиком. Загнал крестьянина, корень и ствол всей нации, в колхозы. По эксплоатации колхозников, создал второе крепостное право по тяжести худшее первого.

Рабочего (по Марксу производителя всех ценностей) прикрепил к месту работ. Через стахановщину, по различным социалистическим соревнованиям эксплоатирует его в неслыханных до сих пор размерах. За 21 минуту опоздания на работу наказывает рабочего, как за тяжкое уголовное преступление. Вообще, установив для всех видов труда по своей покупательной способности самую низкую зарплату, громадных размеров, прибавочную стоимость взимает в свою пользу.

Все население СССР. кроме власть имущих коммунистов, живет в проголодь в антигигиенических и антикультурных условиях. Один лишь «избранный Богом» народ иудейский обогащается за счет всех других народностей С. С. С. Р.

Теперь всем должно быть ясно и понятно для кого и чего крещеный иудей Карл-Маркс, сын Триского адвоката иудея, пользуясь трудами творчества арийского духа, создал свое лживое, поистине, сатанинское учение.

Филиппинская республика.

Япония, ведя войну против англо-американцев, своими лозунгами и мероприятиями в восточно-азиатском просторе не только с большим успехом привлекает к этой войне местные народы и население, но и во время войны систематически и последовательно проводит создание нового порядка на Востоке Азии на основе права, справедливости и защиты общих интересов народов этого простора.

После обеспечения Таи (Сиаму) справедливых границ, провозглашении независимости Бирмы, признания национального Китая, привлечения к сотрудничеству населения Явы, признания правительства независимой Индии во главе с Бозе, ныне была провозглашена независимость Филиппинской республики.

14 октября 1943 года, под звон колоколов всех церквей столицы Манилы состоялся торжественный акт, на котором была провозглашена самостоятельность Филиппинской республики. Первым президентом ее был избран доктор Хозе Лаурель. На акте в Маниле присутствовало много представителей из всех частей Филиппин. Быв. председатель филиппинского самоуправления Варгас выразил глубокую благодарность Японии за освобождение и за создание национального государства. В заключение др. Лаурель прочел декларацию независимости Филиппин.

Особый энтузиазм вызвало появление 74-летнего борца за свободу Филиппин — Аквинальдо, который сорок лет тому назад поднял знамя борьбы за свободу своей родины. Главнокомандующий японскими войсками на Филиппинах ген. Куруда в своей краткой речи заявил, что японская политика в отношении Филиппин всегда руководствовалась девизом: «Филиппины — филиппинцам».

В тот же день в Маниле между Японией и Филиппинской республикой был заключен дружественный договор и была выражена твердая воля к тесному сотрудничеству.

Др. Хозе Лаурель, новоизбранный президент Филиппин, дал интервью корреспонденту германского информационного бюро. При этом он выразил германскому народу сердечные поздравления филиппинского народа, заявив, что германский народ, борющийся за свои жизненные права, поймет ту радость, которая одушевляет в настоящий момент сердца всех филиппинцев.

(Народ ли казаки? Продолжение с 1-й стр.)

номерным темпом, отмечая свое усовершенствование и эволюцию, так и наука во всех своих отраслях проявляет несомненный прогресс и все новые и новые изыскания. И процесс выявления отдельных народов из «своего исторического небытия» протекает на наших же глазах. Трудно и не логично утверждать, что тот, кто не выявил себя как отдельный народ, не имеет права претендовать на имя народа, на свою собственную жизнь.

Ученые последнего времени определенно утверждают, что все указанные нами признаки отдельного народа и национальности условны, что ни один из них, взятый в отдельности, не необходим, чтобы охарактеризовать отдельную национальность, ибо все эти признаки чрезвычайно хрупки и не один из них не восходит далеко в историческое прошлое, не говоря уже о до-историческом периоде. Эти ученые представляют народ не как нечто застывшее, раз и навсегда данное, но как беспрерывный процесс образования, при котором люди ведут борьбу за существование и за продолжение рода.

К этому же утверждению приходят и русские ученые, которых ни в коем случае нельзя заподозрить в симпатиях к самостийничеству, как напр. проф. Милюков, Бицили и другие. Они также считают, что все, чем привыкли определять народ: как язык, религия, территория, нравы и обычаи, — все это подвижно и может отделяться друг от друга, что родство отдельных народов никак нельзя определить тем, что они говорят родственными языками, ибо национальность существует только в процессе, она не вечна и не неподвижна, но наоборот, все время изменяется, складывается, развертывается, может и разложиться.

Эти ученые признают, что самостоятельность, отдельность каждого языка является результатом политики, культуры, но не филологии, происхождения. Вот почему целый ряд казачьих историков вполне обоснованно утверждает, что в прошлом казачьи предки имели свой казачий язык, который, вследствие целого ряда политических и иных условий, был вытеснен литературным языком правящего русского народа.

Известно, что жизнь казачьего народа полна трагедии. На протяжении нескольких столетий над ним производили всевозможные эксперименты, всячески умерщвлялись казачьи особенности, всякого рода «доброхотаи и наказные» изгоняли из него казачий дух. Казачество насильно было лишено возможности развивать свои особенности, его местный «диалект» стал забываться. Насильственное расказачивание не дало возможности в прошлом создать и развить свою культуру и литературу. В результате всего этого казачий народ сейчас не имеет того «языкового аргумента» для обоснования своих «национальных» прав, на что так охотно пытаются опереться противники Казачества, выставляя свои «аргументы», которые давно уже отвергла сама наука.

Но что же является основным и важным признаком в современном понимании народа, национальности? Известный ученый Дюркгейм определяет национальность, как «человеческую группу, члены которой, по основаниям этническим или просто **историческим,** хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство». Далее, тот же ученый говорит: «среди цивилизованных наций теперь является принципом, что эта **общая воля,** когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и даже что она есть единственная прочная основа государств».

Несомненно, что Казачество вполне отвечает всем условиям этого определения национальности, ибо оно бесспорно представляет человеческую группу, которая уже на протяжении многих и долгих десятилетий хочет жить под одними и теми же законами, под своими казачьими законами, по-своему, по-казачьи.

Эту свою непреклонную волю казачий народ, несмотря на все ужасно неблагоприятные исторические условия жизни, всегда проявлял и неоднократно выражал в форме грандиозных народных движений. Он упорно отстаивал сохранение своих главных особенностей, сознание своей отличительности от русского народа, проявлял чувство своего казачьего единства. Только под ударами и под напорами грубой физической силы и ее превосходства, Казачество утратило свою государственную независимость. Однако, в нем никогда не умирала воля и стремление к своей собственной жизни, что неопровержимо доказывается тем, что при первой же возможности, как спали цепи, сковывавшие его, Казачий народ в 1917 году немедленно осуществил свою волю, образовав свою собственную государственность, свою собственную жизнь, за которую он с оружием в руках боролся против московского большевицкого нашествия.

Свою **свободную волю** казачий народ зафиксировал в своих принятых им основных законах — Конституциях, в них же он проявил свою волю к казачьему единству, к единству всего Казачьего Присуда.

И теперь, несмотря на дьявольский советский террор, несмотря на ужасные угнетения и преследования Казачества, оно не утратило свой казачий дух, свою казачью волю и стремление жить на своей Казачьей Земле, обильно политой кровью и потом своих славных казачьих предков, жить под своим Казачьим Законом.

Николай Посохов.

Роль и значение Казачества в деле защиты христианской культуры.

(Продолжение.)

Другой казачий историк Т. М. Стариков в своей статье: «Участие казаков в бою с турками под Веной 12 сентября 1683 г.» также подчеркивает историческую миссию Казачества в деле защиты христианской культуры. Он пишет (журнал «Вольное Казачество» № 136): «Двести пятьдесят лет прошло с тех пор, когда соединенными силами нескольких государств, под водительством короля Яна Собесского, нанесено было туркам жестокое поражение под Веной и нанесен решительный удар по могуществу Турецкой Империи и остановлено дальнейшее завоевательное шествие на христианский мир. В этом событии принимали деятельное участие и казаки. Турки создали могущественную империю. Это был последний народ, который пришел из Азии с огнем и мечем, разрушая и покоряя все на своем пути. Перед ними трепетали все народы, на которых они обращали свой взор. Они подчинили себе Египет, Малую Азию, Кавказ, Грецию, Балканский полуостров, все земли по Западному и Северному берегам Чорного моря и готовились покорить всю Европу, весь христианский мир. С давних времен шла борьба между Австрией и Францией за гегемонию в Европе. Габсбургский дом создал громадную империю. Владения его распространялись на Испанию, часть Италии, Нидерландию, Германию, Венгрию и Австрию. Глава дома, государь Австрийских Земель, носил титул императора Римского и короля Германского. Франция, окруженная со всех сторон враждебными государствами, употребляла все средства, чтобы ослабить могущество Габсбурского дома. Тридцатилетняя война расшатала его силы. Европа перестала боятся Габсбургов, но взамен их стало вырастать могущество Франции. Европа разделилась, как бы на два враждебных лагеря: сторонников Австрии и сторонников Франции. Отношения австрийского правительства к венгерскому народу и поведение австрийских войск, расквартированных в Венгрии, во второй половине 17 века, были таковы, что среди части венгров возникла мысль предложить подданство турецкому султану. Заговор был открыт, главные заговорщики казнены, но волнения не прекратились. В 1678 г. восстание вспыхнуло под предводительством молодого вельможи Эммерих Теккели. В 1682 г. он признал власть султана и звал на помощь турок. Султан собрал огромную армию в 300 тысяч человек с 300 орудий и обложил Белград, готовясь предпринять наступление на Вену. Австрия не имела сил сопротивляться. Она с большим трудом могла выставить 60 тысяч человек. Положение спас король Ян Собесский. — «Ян Собесский одержал целый ряд побед над турками; в победах Яна Собесского играли значительную роль казаки. Особенно большая услуга казаков была под Хотиным. В этой битве участвовало 80 тысяч турок и татар под командой великого визиря Купрули. У Яна Собесского было только 40 тысяч воинов, но у него были Запорожские казаки под командой полковника Молдавидова Самуила. Не дожидаясь приказаний, они стремительным ударом начали битву и решили ее участь... Во время войны с турками под Хотиным, когда Запорожцы приняли в ней столь деятельное участие, пришло 20 тысяч Волжских казаков на помощь христианам против неверных. (Н. Костомаров, Бунт Степана Разина, кн. 1-я, т. 2-й, стр. 410-412; летопись Сим. Величко, 1-е прил., стр. 24). Возможно, что перед походом под Вену Ян Собесский обращался к Донским, а, может быть, и Волжским казакам с просьбой идти на помощь. Положение тогда создавалось слишком грозное для всего христианского мира, чтобы этот воинственный король не постарался собрать все, что можно, для того, чтобы нанести наиболее сильный удар по могуществу турок. Однако, несмотря на то, что турецкий султан имел 200-тысячную армию, а союзники, поляки и австрийцы, могли выставить только сто тысяч бойцов, исход сражения решили казаки. В момент наиболее напряженного и упорного боя король Ян Собесский послал казаков, действия которых он сам описывает так: «Казаки пошли столь быстро, смело и мужественно, что скрытые в дыму, не только предместья, сараи, но и первый палисад взяли, воротами овладели и свои знамена с крестами водрузили на них».

В заключение историк пишет: «13 сентября король вступил в Вену... Он мог торжествовать победу, тем более, что самый ответственный бой, решивший сражение, выдержал он с казаками и своей конницей... О казаках король писал своей жене: Казаков носили на руках; они были героями дня, получили богатую добычу и королевский универсал с привилегиями».

Из всех вышеприведенных исторических фактов и свидетельств ясно и бесспорно выявляется то огромное значение и заслуга Казачества в деле спасения Европы от грозившего ей не раз разрушения и установления в ней господства мусульманского мира. Казачество всегда было хранителем и носителем чистого православия, проведя с древнейших времен в формы своей бытовой жизни и в свои вековые исторические традиции принципы глубокой христианской культуры. Те же самые исторические факты подтверждают, что Казачество на протяжении всей своей многовековой истории, выступало в международной жизни, как ревнивый защитник христианской культуры, играя всегда важное и часто решающее значение главного фактора, не будучи, однако, до сего времени признано, как отдельный особый народ, со всеми вытекающими отсюда последствиями со стороны тех, кого не раз спасало от верной гибели, а расценивалось и до сего времени расценивается некоторыми всего лишь, как служилое военное сословие русского правительства всех времен.

Главной и основной причиной такой явной исторической несправедливости, является применение в русской империалистической политике к единоверным христианским народам совсем нехристианского принципа, а именно: русское правительство всех времен и цветов, стремясь к господству над соседними малыми народами, рассматривало свое право покровителя таковых народов, если они нуждались в нем, как право на полную эксплоатацию их и их исторических территорий вплоть до полного поглощения и освоения, не останавливаясь даже перед вероломным нарушением и неисполнением данных устных или писанных обещаний, грамот и договоров и применяя вместе кровавый террор.

(Продолжение следует.)

И. Бочаров.

Причины Булавинского движения.

К 235-ой годовщине.

В конце XVI века южная граница Московского государства на протяжении многих сотен верст была отделена от Казачьих образований Дона, Яика, Терека. Эта граница проходила через города: Шацк, Ряжск, Данков, Орел. На юг от них растилалось никому не принадлежащее пространство называемое «Диким полем». Жизнь в казачьих образованиях-республиках сложилась на совершенно иных началах, чем в Московии.

На Дону не было в то время лучших и худших. Все были равны и свободны, не было ни господ, ни рабов. В казачьих республиках полноправным хозяином, верховным судьей и законодателем был Войсковой Круг. Он выбирал себе вождя-Атамана и всех должностных лиц в Войске. Каждый казак мог продвинуться по своим способностям до любых постов и должностей. При этом не имели никакого значения ни происхождение, ни богатство. Каждый житель Дона мог исповедывать любую религию, поклоняться какому угодно Богу. Дон мыслился тогда не только казаками, но и самими московскими царями, как нечто совершенно обособленное, отдельное, самостоятельное.

В Московском же государстве был никем и ничем не ограниченный монарх, были владыки и подданные, рабовладельцы и рабы. Север в своем расширении навязывал вольному Югу деспотию и рабство, ужас, крепостное право, ужасные подати, произвол чиновников и религиозные гонения, принявшие при Алексее Михайловиче громадные размеры.

В этой разнице жизненных основ и заключалась та главная причина, которая привела к столкновению Московского царства с Казачеством.

Во имя великороссийских интересов Петр I решает подчинить себе Дон и уничтожить все то, что любили казаки, чем жили и чем гордились, уничтожить их святое-святых — свободу и независимость.

Покорив Азов, Петр включил Донское Войско в состав Московского государства, а затем вообще Азовской губернии, подчинив Дон во многих отношениях азовскому губернатору, в частности, лишил казаков права внешних сношений с соседними народами, указав сноситься им через губернатора.

Естественно, что дотоле самостоятельное Казачество было оскорблено и унижено. Казаки чувствовали, какая страшная угроза нависла над ними.

Петр же шел все дальше и дальше. Открыто начал вмешиваться во внутреннюю жизнь Дона, стал требовать, чтобы казаки строили городки только по его личному указу, чтобы Войско очистило районы Хопра, Медведицы, Бузулука, переселив оттуда казаков, требовал заселение казаками тех мест, которые ему были угодны, строил новые городки на территории Войска, заселяя их русскими людьми и держа там свои московские гарнизоны.

Казаки перестали быть хозяевами своей Земли и не имели уже права на своей Земле селиться там, где им было выгодно и удобно.

Петр принял самые решительные меры к тому, чтобы как можно дальше оттеснить казаков от берегов Азовского моря, за выход к которым казаки сотни лет упорно воевали с турками и татарами. Море же, к которому стремились казаки, было для них жизненной необходимостью, ибо они тогда не занимались земледелием, а добывали средства к существованию, главным образом, войной, охотой и рыбной ловлей. Петр отнял у казаков этот источник, закрыл им и выход на Волгу, а с ней и в Каспийское море. Одновременно Петр приказал прекратить казакам войны со всеми татарскими ордами, тем окончательно был прекращен источник военной добычи, а нападения татар на казачьи городки продолжались и приносили большой ущерб: «казаков живьем в полон берут в смерть побивают и не малое разорение чинят».

Благодаря этому создалось тяжелое экономическое положение, из которого казаки должны были искать выхода. Пользуясь этим, Петр еще больше проявлял вмешательство во все внутренние стороны казачьей жизни. Отнял у казаков богатейшие земли по р. Бахмуту и отдал их слободскому изюмскому полку. В этом районе Дон имел и свои соляные копи. Между донцами и слобожанами началась борьба. Петр стал на сторону слобожан, отдав им все спорные земли.

Во время этой борьбы был выдвинут казаками Кондратий Афанасьевич Булавин, казак Трехизбянской станицы, избранный Атаманом Бахмутского городка, а 2 мая 1708 года Войсковым Атаманом.

В октябре 1705 г. он разорил варницы слободских полков, а в июне 1706 г. арестовал дьячка Горчакова, присланного Москвой для разборов спора, и продержал его под арестом до получения ответа от Войска. Булавин правильно считал, что на Казачьей Земле могут распоряжаться только ее хозяева — казаки. Войско стало на сторону Булавина.

Одной из больших причин Булавинского движения было запрещение Петром принимать беглых. Это право существовало на Дону с давних времен, освящалось веками казачьей истории.*) И сама Москва долгое время мирилась с этим правом. В 1705 году Петр особым указом потребовал от казаков: «Беглецов и никаких пришлых людей не принимать... За укрывательство таких беглецов казаки будут сосланы вечно на каторги, а нущие заводчики без жалости казнены будут».

Такое вмешательство в права Дона возмутило казаков. Наказывать казаков имел право только Войсковой Круг, все Казачество. Петр же продолжал свой нажим на Дон, еще дальше, послав в августе 1707 года вооруженную силу для сыска беглых. Такой экспедиции никогда прежде не было. Все Казачество, начиная от Атамана, было оскорблено.

Во главе экспедиции Петр поставил кн. Юрия Долгорукого. Он своими действиями вызвал сильнейшее возмущение среди казаков. Он плохо разбирался в том, кто новопришлый, а кто старожил, творил по-своему, по-боярски, суд и расправу. Он не считался ни с казачьей психологией вольных людей, ни с их обычаями и порядками, а чинил расправу как у себя в вотчине с крепостными людьми.

В письме к Запорожским казакам вот что писали Донцы: «Городки наши многие разорили и пожгли, а нашу братию казаков многим пыткам и кнутами били, носы и губы резали напрасно, жен брали на постель насильно, детей наших по деревьям вешали за ноги» (Н. Маркевич. История Малороссии, т. 4).

Казаки были потрясены и возмущены таким произволом на их Земле, над казаками и их семьями и решили бороться с таким произволом за свое право и свою свободу.

Так Дон восстал.

*) «С Дона выдачи нет!».

КАЗАЧИЙ ПРАЗДНИК.

Руководитель КНД благодарит все организации и всех казаков, приславших ему поздравления к Казачьему празднику.

Редакцией «К. В.» получено много корреспонденций, описывающих происходившие в местах сосредоточения казаков собрания, посвященные Всеказачьему празднику. К глубокому сожалению, по техническим причинам, редакция не в силах поместить все эти корреспонденции на страницах «К. В.» и предоставляет место лишь некоторым из них.

Редакция.

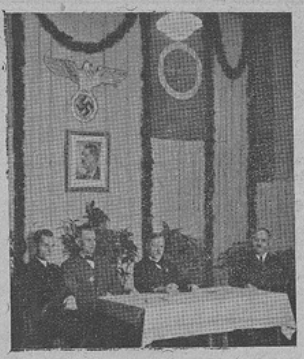
В Белостоке.

10-го октября с. г. в г. Белостоке состоялось празднество Казачьего национального праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Помещение для казаков было любезно предоставлено Украинским отделом У. Н. О. На праздник Правление станицы пригласило гостей: от германской власти, от украинцев и белоруссов. Кроме того, приехало много казаков: от Августовской станицы (13 челов.), от групп: в Беловежьи, Гайнувке, Мосты, Волковыске, Чарнавесь, Васильков и одиночками из Новогрода и Граево.

В 9 часов казаки собрались в церкви и построились рядами. В передней тройке в руках рослого казака красовался национальный казачий синий флаг с золотой булавой, нашитой на белом кругу. Одновременно прибыли приглашенные гости. На левом борту тужурки у каждого казака отчетливо выделялся национальный значок КНД. Среди казаков находились и казачки, не уступавшие места в рядах. Храм постепенно наполнялся молящимися, которые удивленно оглядывались на невиданное зрелище — полувоенной организации. Слышались частые вопросы, кто это за люди со штандартом? Несколько минут ожиданий. Вдруг со всех сторон и вверху зажглись в различных цветах электрические лампочки. Открылись широко царские Ворота и протоиерей в сопровождении двух священников в полном облачении вышли на средину церкви. Началась торжественная панихида памяти казачьих Атаманов и патриотов, живот свой, положивших за веру и за Вольность казачью. Церковным хором управлял священник о. Павел. В хоре пели и казачки. Заместитель ст. Атамана Г. Бочаров раздал всем казакам свечи. Казаки уже второй раз молятся в этом храме за упокой душ своих Атаманов, но теперь это казалось более торжественным и связано было еще с Всеказачьим Праздником Покрова.

С зажженными свечами в руках казаки и казачки покорно склоняли головы пред величием Всевышнего и горячо молились за свое родное и за свое будущее. О. протоиерей протяжным голосом произносил имена казачьих Атаманов: Булавина, Разина, Каледина, Назарова и др., а также патриотов: Грузинова, Рябовола, Кулабухова и всех героев, погибших во время «Азовского сиденья». После панихиды о. протоиерей сказал собравшимся прочувственное слово по поводу Всеказ. Праздника Покрова Пресвятой Богородицы, хранящей казаков в минуты их наибольшей жертвенности и поддерживающей их дух в минуты наивысшего напряжения их сил. Особенно отметил он факт, что казаки сохранили глубокую веру в Бога и каждое великое дело начинают с богослужения. «Ваша привязанность к религии и к своей славной старине послужит примером для других» — такими словами закончил престарелый протоиерей.

Казаки попросили отслужить молебен о здравии вождей Казачества и благополучном окончании войны на пользу Казачества и его освободителей, на что протоиерей охотно согласился. По прочтении евангелия казачий флаг был освящен святой водой. Казак, державший флаг, преклонил колено и при общем внимании, совершился религиозный обряд освящения. В конце молебна хор, уже при многолюдном стечении верующих, гремел «Многая лета» победоносному оружию Германской и Казачьей Армиям и Руководителю КНД. Казаки поочередно прикладывались к кресту и чинно выходили из церкви.

Президиум собрания местной организации КНД в Праге 16. X. 1943 г. Слева направо: инж. И. П. Мосев, инж. С. К. Медведев, инж. В. А. Донецкий, Н. Н. Каледин.

Archiv „Der Kosakenbote".

В ограде церкви построились в два ряда. На правом фланге виднелся синий флаг. Несколько минут спустя из церкви, в сопровождении представителей германской власти и ст. Атамана П. И. Иванова, вышел ведущий местные организации КНД в Белостокской области ст. В. Г. Еремеев. Сотник Исаев (из Беловежья) скомандовал: «Смирно!», и все казаки и казачки замерли. Ст. Еремеев поздоровался. В ответ казаки дружно ответили: «Слава Казачеству!» Потом от имени Руководителя КНД ст. Еремеев поздравил казаков со Всеказачьим Праздником Покрова Пресв. Богородицы и пожелал скорого возвращения в Родные края. Сотник Исаев подал команду: «Направо!» и казаки в строю пошли на свое собрание.

К 11 часам в помещении Украинской филии У. Н. О. все казаки и гости, свыше ста человек собрались в ожидании открытия торжественного заседания. Зал был декорирован флагами: германским, казачьим, украинским и портретом вождя А. Гитлера. При входе в помещение над дверьми красовались прибитые крестообразно два казачьих национ. флага. Ровно в 11 часов заседание открыл ст. Атаман П. И. Иванов, который пригласил к столу президиума: ст. Атамана Августовской станицы М. А. Мурова и всех старших групп из провинций: ст. ст. Исаева, Топоркова, Говорухина и Бочарова. Протокол вел писарь ст. Зубахин. Председатель приветствовал гостей, благодаря их за присутствие на каз. празднестве.

С докладом выступил ст. Еремеев, который в течении 45 минут говорил о Казачестве. Это, по существу, было первое публичное выступление о казачьем вопросе. Вместе с выдержками из истории, докладчик об'яснил почему казаки так горячо чтут культ Богоматери в день 1-го октября. Более пространно остановился на историческом факте «Азовского сиденья», в котором брало участие 5000 казаков против 300.000 тысяч турецкого войска. Во второй части доклада обращено внимание на идейную силу КНД. среди казачества, на его жизненность и широкую популярность. КНД. является единственным носителем национальной мысли, оно выражает полностью чаяния Казачьего Народа и хранит заветы казачьей старины.

В своей речи докладчик указал на великие жертвы, которые приносятся Германской и Казачьей Армиями во имя идеалов Нового Порядка. Память героев, павших за честь свободы, собрание почтило вставанием. Заканчивая свою речь докладчик приветствовал гостей и призывал казаков еще теснее об'единиться вокруг КНД. Доклад закончен здравицей вождю А. Гитлеру и Казачеству. С ответными речами выступили представители Украинской филии У. Н. О. в Белостоке, старшина Белорусского комитета г. Илишкевич и представитель Германской власти г. Гофманн.

Особенно интересную речь выслушали казаки от Заведующего пропагандным отделом Белорусского комитета. Оказалось, что он, будучи в рядах Германской Армии, изездил Казачьи Земли, побывал во многих станицах и подтвердил казачью обособленность и стремление казаков к собственной свободе. **«Сперва я не верил словам казачьих деятелей в Праге, где часто посещал казачьи собрания, но теперь пребывание на Казачьих Землях утвердило меня в убеждении, что Ваша Нац. Каз. программа вполне отвечает настроению казаков там у**

себя, несмотря на 25 лет каторги под игом жидо-коммунизма».

В дальнейших выступлениях казаков чувствовалось единодушие, так свойственное казакам-националистам. В конце заседания был пропет Донской гимн, который был исполнен всеми казаками с огромным воодушевлением. Представитель герман. власти г. Гофманн восхищался красотой мелодии Донского гимна.

После заседания выступил украинский хор под управлением секретаря филии г. Новинского. Хор красиво исполнил несколько хороших запорожских песен. Потом нашлась гармонь у казака Цыганкова и пошел «казачек». Танцами окончился праздник Покрова в Белостоке. Все казаки остались довольными проведенным днем и в памяти уносили прекрасную картину спайки казачьей.

В **Праге** местная организация КНД в Протекторате отметила казачий национальный праздник собранием, созванным на 16 октября с. г. в 17 ч., в большом зале «У Шумавы». Зал был красиво декорирован зеленью и флагами, в центре которых красовались германский и казачий национальный, а между ними художественный портрет вождя А. Гитлера и государств. знак Райха.

На собрании присутствовали и представители дружественных Казачеству народов быв. России.

Открывая собрание, Атаман местной организации инж. В. А. Донецкий подчеркнул нынешний особенно серьезный и ответственный момент в судьбе Казачества, призывая к чувству и разуму казаков, обывающих еще до сих пор чужие пороги, призывая к сплоченной и дружной работе, к служению казачьему народу.

Затем ст. инж. С. К. Медведев зачитал краткий доклад инж. В. В. Карпушкина, не прибывшего лично, вследствие болезни, о значении казачьего праздника. Потом ст. инж. Донецкий осветил историю казачьего праздника и его духовный смысл для Казачества. Прибывший на собрание Атаман организации КНД на Мораве инж. И. П. Мосев, приветствовал собравшихся от лица своей организации.

В короткій і ясній промові представник Запорозького Козацтва проф. А. М. Андрієвський підкреслив необхідність як найтіснійшої єдности і співпраці всього Козацького народу в боротьбі за волю і козацьку майбутність.

После официальной части собрания, артистка г-жа Сергиенко прочитала стихотворение в прозе «Родимый Край» Ф. Крюкова и ряд других казачьих поэтов. Своим талантливым, художественным чтением она проговорила прямо с наболевшей душой казака.

Много внесли оживления и радости ст. Мосев и Медведев, нераз протанцовавшие национальные казачьи танцы, а ст. инж. В. И. Енин своим бурным темпераментом и бесподобной игрой на гармонию.

Вечер прошел живо и носил характер тесной казачьей семьи. Казаки до поздних часов не хотели покидать теплую казачью обстановку.

В Берлине.

17-го октября с. г. местная станица Казачьего Национального Движения в Берлине отметила казачий праздник в большом зале «Нолландорф Круг». Присутствовало много казаков и их друзей. Были представители всех народов востока Европы, среди которых была и большая делегация от Северо-Кавказского Комитета во главе с ген. Султан Килич Гиреем и редактором журнала кавказских легионеров «Газават».

Вначале был отслужен торжественный молебен, который священник совершал в сослужении двух диаконов и прекрасного хора. После молебна всем гостям и казакам был предложен обед, затем состоялось собрание.

Окружной Атаман КНД. в Великогермании ст. В. И. Бабич от имени КНД и его Руководителя ст. инж. В. Г. Глазкова приветствовал собравшихся с казачьим праздником, зачитав поздравительное письмо Руководителя, которое было принято дружными аплодисментами. Потом ст. Бабич указал на значение и смысл праздника в прошлом и в настоящее время.

Праздник прошел в скромной, но дружной беседе. Каждый казак отчетливо сознавал тяжелое и ответственное время, переживаемое в настоящей войне и нашим казачьим народом, и понимал, что оно требует дружной и совместной работы всех национальных сил Казачества.

В числе присутствовавших был и начальник русской эмиграции в Германии ген. В. В. Бискупский, выступивший с приветствием казачьего национального собрания.

В этом году, кроме станицы КНД, в Берлине никакая другая казачья организация (если таковая еще существует) не отмечала казачий праздник.

В **Париже** по случаю общеказачьего праздника 17. X. в 13 часов дня было совершено богослужение в кафедральном соборе 12, рю Дарю. Присутствовало много казаков. Среди представителей иных народов были: начальник украинского офиса п. Спасiв, начальник кавказского офиса г. Каркия, начальник русской эмиграции г. Ю. С. Жеребков. Присутствовали и представители немецких властей. Казаки-националисты, служащие в военно-помощных организациях, прибыли на празднество в своих формах.

В Августове.

17-го октября в г. Августове казаки-националисты отпраздновали Всеказачий праздник. Правлением станицы заранее выхлопотано разрешение на совершение у себя богослужения священником от. Николаем из дер. Ящно. Священник приехал накануне праздника и с радушием встречен казаками на станции. Для богослужения было выбрано в городе большое и светлое помещение, которое стараниями казаков и казачек приобрело вид малой часовни: нашлись подсвечники, иконы и ковры, украшающие стены. В 9 часов утра казаки собрались в импровизированном молитвенном доме, и священник начал богослужение. Нашелся и хор, «подтягивающий» приехавшему псаломщику. Кроме казаков, на богослужение пришли и приглашенные православные, которые не имели случая перед этим «хорошенько» помолиться Богу. Пред домом собралась толпа верующих женщин с детьми и все хотели молиться. Казаки любезно всех запросили и большое помещение вскоре набилось битком молящимися. Распространялся знакомый и так приятный запах ладона, свечи горели пред иконами, как в церкви, хор из казаков — все это так напоминало церковь, что у многих молящихся можно было заметить слезы умиления. Отслужены были: акафист Покровской Богоматери, Литургия, молебен о здравии и торжественная панихида за упокой душ казачьих Атаманов и героев, павших за веру и Вольность казачью. Многие исповедывались и приняли причастие. Среди расходившейся публики слышались замечания, что такого молитвенного настроения давно не испытывали. Особенно отмечалась организованность казаков и их большая энергия в организации и порядка. «Значит они сильнее нас, если сумели выхлопотать то, что нам так долго не удавалось» — говорили русские.

В 2 часа помещение переменило свой вид. Вместо икон на стенах появились германские и казачьи флаги, а вверху завешен большой портрет вождя А. Гитлера. К этому времени прибыл шеф местных немецких властей. Торжественное заседание открыл ст. Атаман М. А. Муругов. С докладом выступили Ведущий мест. орган. КНД в Белостокской области ст. В. Т. Еремеев, который посвятил присутствующих в сущность праздника Покрова, потом остановился на историческом «Азовском сиденьи» 1641 года. Во второй части докладчик выразил благодарность о. Николаю за его пастырский труд и от имени казаков-националистов приподнес ему благодарственный лист. Затем в горячих словах приветствовал представителя германской власти и в конце обратился от имени Руководителя КНД к казакам с призывом еще теснее об'единиться вокруг своего родного Казачьего Движения.

Представитель германской власти благодарил за слова приветствия. После перерыва заседание прошло в деловом порядке. Розданы продовольственные карточки, собраны членские взносы и разрешено ряд вопросов внутреннего порядка. Пением гимна окончилось собрание. Казаки еще раз доказали свою сплоченность и уменье организовывать свои празднества. Слава Казачеству!

К сведению казаков-членов КНД.

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КН" или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

† Д. А. Марков.

6-го октября с. г. в Магдебурге скончался сотник Дмитрий Александрович Марков, казак ст. Раздорской н/Д., родив. 3. X. 1896 в Новочеркасске. Покойный после окончания Новочеркасского воен. училища служил в Назаровском каз. полку. За рубежом он в Праге окончил Юридический факультет. Покойный был тихим и скромным казаком, горячо любившим свое родное Казачество.

И. А. Болдырев.

Проф. Михайло Башмак.

Черноморская Войсковая гимназия.

(Окончание.)

Протоиерей о. К. Россинский был директором Черноморской Войсковой гимназии до своей смерти 1825 года, после него был директором Носов и при нем Высочайшим повелением было приказано Черноморскую Войсковую гимназию закрыть (см. предписание Министерства Народного Просвещения 26/XI 1829 года). Фактически гимназия была закрыта в 1830 году, успев сделать только два выпуска. Причин закрытия Черноморской Войсковой гимназии несколько.

Во-первых, утверждали, что гимназия закрылась за отсутствием средств и нежелания казаков отдавать своих детей учиться в гимназию; вторая, версия будет правдоподобнее первой, что, мол, закрыли Черноморскую Войсковую гимназию из за того, что в числе преподавателей были учителя бывшие офицеры **«декабристы»** и что это каким-то образом стало известно царю Николаю 1-му и он приказал Черноморскую Войсковую гимназию закрыть на веки вечные.

Закрытие Войсковой гимназии нанесло тяжелый удар Черноморскому Казачьему Войску и дело просвещения и образования замерло на долгие годы. Черноморская Войсковая гимназия была закрыта почти 21 год и все эти долгие годы пришлось Черноморскому Войску хлопотать о вторичном ее открытии. После долгих хлопот в 1851 году, с разрешения того же Императора Николая I-го, вторично была открыта Черноморская Войсковая гимназия в г. Екатеринодаре.

По слухам, причиною открытия Черноморской Войсковой гимназии послужили постоянные нападки иностранных газет и журналов на жестокую ни на чем не основанную и ни чем не оправдываемую политику Николая I-го, уничтожавшего культуру всех завоеванных Россией племен и народов, населяющих Кавказ.

Над Черноморской Войсковой гимназией висел какой то злой рок. Успев сделать в Екатеринодаре несколько выпусков, она, по приказанию Императора Александра II-го была переведена в г. Ейск. В указе о переводе гимназии говорится, что она «переносит свое действие из малярийного города Екатеринодара в город Ейск с целебным, морским климатом». Этот перевод гимназии произошел при директоре Василии Дмитриевиче Терзиеве в 1866 году.

Кубанское Казачье Войско ходатайствовало об обратном переводе гимназии в город Екатеринодар, но без успеха. И только когда Кубанское Войско выстроило для гимназии в г. Екатеринодаре на главной Красной улице против Войскового собора прекрасное здание — гимназию из города Ейска разрешили возвратить и она переехала летом 1876 года, пробыв в городе Ейске десять лет. В Журнале Министерства Народного Просвещения № 193 сказано: «С переводом Кубанской гимназии в Екатеринодар число учащихся в ней тот час же увеличилось почти на половину; поступило около 200 прошений от родителей, желавших поместить в нее своих детей, и так приходилось вследствии того учредить параллельные классы».

Директора В. Д. Терзиева сменил Г. Г. Ласточкин, Ласточкина — К. Л. Вандаловский, Вандаловского — А. А. Топорков. И вот при директоре Топоркове в июне месяце 1890 года и была Кубанская Войсковая гимназия закрыта. Причин, послуживших закрытию гимназии, много. Укажем несколько из них.

Первая, — мол, закрыта Кубанская Войсковая гимназия потому, что воспитанники ее очень много занимались политикой и много из них участвовало в тайных кружках и даже многие были замешаны в дело покушения на царя Александра II-го в 1881 году. Так же многие из воспитанников были замешано при крушении поезда царя Александра III-го на ст. Борки в 1887 году и один б. воспитанник Кубанской гимназии, а потом студент С. Петербургского университета некто Андреюшкин, был по приговору суда казнен, как причастный к покушению.

Вторая, — мол, это кубанские казачьи заправилы того времени хотели, вместо гимназии, иметь Войсковой кадетский корпус, а потому молчали и не протестовали против закрытия Кубанской Войсковой гимназии, не зная даже того, что этим самым сыграли на руки тех, которые стремились во что бы то ни стало Войсковую гимназию закрыть.

Третья, — по нашему скромному мнению, самая главная, заключалась в следующем: после введения городового положения на Кубани (выселение казаков из своего родного города и предложение им переходить из казаков в мещане чего, конечно, они не сделали) пришлый иногородний элемент, чужие для Кубани люди, стали во главе г. Екатеринодара и повели борьбу против Кубанского Казачьего Войска с расчетом захватить в свои руки огромное Войсковое имущество, земли и капиталы. Один из эпизодов этой упорной борьбы и есть закрытие Кубанской Войсковой гимназии. Интересный факт: Кубанская Войсковая гимназия по распоряжению русского начальства закрывается в июне месяце 1890 года и в том же 1890 году, в г. Екатеринодаре открывается городская гимназия, в которую и переводят всех учеников не-казаков и весь преподавательский персонал во главе с директором А. А. Топорковым и инспектором.

Вскоре педагогический персонал городской гимназии в Екатеринодаре под председательством директора Топоркова постановляет: в воздаяние заслуг городского головы Климова по открытию гимназии в городе Екатеринодаре — гимназии впредь именоваться: Первая Екатеринодарская городская, имени Климова, гимназия. Почти все имущество и библиотека Кубанской Войсковой гимназии перешло в распоряжение вновь открытой городской гимназии, только прекрасное, выстроенное Кубанским Казачьим Войском, здание Войсковой гимназии не смог г. Екатеринодар взять под свою гимназию, оно стояло пустым более года пока в него не перешло в 1891 году Кубанское Войсковое Александровское реальное училище, открытое в 1880 году на войсковые средства. Ученики же из казаков Кубанского Войска, учившиеся в Кубанской Войсковой гимназии, после ее закрытия были переведены на стипендии Кубанского Войска в гимназию в г. Ставрополь-Кавказский.

Для характеристики просвещения и образования в Черноморском, а потом в Кубанском Войске приводим то, что написано в Журнале Министерства Народного Просвещения № 251, — Извлечение из отчета Кавказского Учебного Округа за 1885 год: «Основание первому средне-образовательному учебному заведению положено было здесь еще в 1820 году, то было Кубанское Войсковое Училище, обращенное в 1851 году в гимназию!... (И тут пишут не правду — не Кубанское Войсковое училище, а Черноморская Войсковая гимназия, учрежденная по Высочайшему повелению. **М. Б.**). Тифлисская гимназия была открыта в 1830 году, год первого закрытия Черноморской Войсковой гимназии. Ставропольская гимназия открыта в 1837 году, Кутаисская — в 1850 году, Тифлисская вторая, Елисаветпольская и Эриванская были преобразованы из прогимназий в 1881 г. Это на Кавказе, а на Казачьих Землях: Донское Казачество имело свою Войсковую гимназию с 1790 года, сначала в Черкасске, а в 1809 году переведена в Новочеркасск, Уральская Войсковая гимназия открыта в 1870 году, а на земле Терского Войска в городе Владикавказе гимназия была открыта 1885 года.

Итак, Черноморская Войсковая гимназия (на Казачьих землях по старшинству вторая) открыта хлопотами Войскового протоиерея Черноморского Войска о. Кирилла Васильевича Россинского в 1820 году, является первою гимназией на целом Кавказе и вторично закрыта по распоряжению русских властей в 1890 году.

Мы, казаки, надеемся, что в недалеком будущем без всяких разрешений чужих властей сами откроем казачью Кубанскую Войсковую, имени протоиерея о. Кирилла Россинского, гимназию.

Л. Бондаренко.

Іван Берчак-Волошин.

(До роковини смерти.)

Іван Берчак-Волошин народився 1 серпня 1895 р. в Камянець-Подільському.

Почав службу в Українському Козацькому Війську.

Продовжував працювати на користь визволення Батьківщини і по драматичному закінченню операцій Української Козацької Дієвої Армії.

Не марнуючи часу розпочав працю та став на чолі II Кошу Українського Національного Козацького Руху (У. В. К.), що мав центр на Волині, звідки сітка організації розходилась по всій козацькій Україні.

Волинь, Поділля та Полісся покрились рясно консперативними козацькими хуторами та станицями. Рух розгортався та ширився, але польський уряд не терпів існування, або якого-будь зародження українського, та ще й козацького руху. Польська дефензива провела широкі арешти в 1937 р. Процесс 44-х засудив май-же всю козацьку провідну старшину та і дружину Отамана І. Б.-Волошина, кого на смерт, кого надовгі роки вязниці. І. Б.-Волошину вдалось податись до Німеччини. Діяльність його не припинилась і тут. З Мюнхена керував він, з иншою козацькою старшиною, рухом.

Тяжкі моральні та матеріальні умови скитальщини, але непохітна віра в свій нарід, в відродження Батьківщини, була по над усе.

«Україна буде козацькою, або України зовсім не буде» — це було його глибоким переконанням, бо він знав добре свій нарід з верху до низу.

Бажав уникнути фатальних помилок, зроблених українською демократичною провідною верствою.

В справах та праці заводив дісципліну та порядок. В своїх співробітниках цінив жертвенність, безкорисність, вірність ідеї та працьовитість — прикмети, котрими посідав сам.

Користався любовью та пошаною серед козаків-хліборобів, бо розумів їх душу та бажання. Поводження його було простим зо всіма і в ньому відчувалась любов до рідного краю та козацького народу.

Буря, котра вибухла на сході 22 червня 1941 року, викликала в ньому велике зворушення, бо як нам всім, так і йому, здавалось, що прийшов наш час, счастливий час приняти активну участь в бою за розпяту Козацьку Матір.

На рідні землі він і прибув в зімі 1941 року з генеральною старшиною, частина котрої теж перебувала на скитальщині.

В умовах військового часу довелось йому знову на рідних землях керувати Козацьким Рухом. Провокації польського та російського елементу ставили працю в тяжкі умови.

Але праця мусить йти, казав завжди Отаман, і праця йшла, бо першим та ліпшим працьовником був сам. Сам їздив по козацьких станицях та хуторах, вносючи надію, віру та козацький дух.

Небезпечні були такі подорожі, бо край гудів, кипів. Я йому порадив припинити такі небезпечні мандрівки, та перетхати в безпечне місце, але він відповів: «Щоб я, козак Нечай, та мав відступати — свою славу козацьку під ноги топтати». «Праця мусить йти». І вона йшла до того часу, доки з одної такої подорожі Отаман не повернувся. Залишився замордований ворогами Козацької України.

Так трагічно припинилось життя Козака-лицаря.

Вічна слава тобі Отамане-мученику!

КАЗАКИ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О СВОИХ ВЗНОСАХ НА ПОДДЕРЖКУ КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОРГАНА — «КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК».

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе
50 пфеннигов за строчку.

— Яновского Сергея Дмитриевича, проживавшего в 1923-24 году в Белграде, разыскивает его сестра Галина Дмитриевна. Писать по адресу:

Prag II., Schulgasse Nr. 3, II. St. Schewtschenko Galina.

— Додонова Валентина Андреевна,казачка станицы Великокняжеской, Дон, разыскивает своего дядю хорун. Ивана Додонова, в 1920 году эмигрировал из Крыма. Писать:

Valentina Dodonova, Arbeiterlager Melior, Bielefeld 250.

— Генерала Попова Федора Тимофеевича, казак ст. Нижне-Кундрюченской, Дон, проживавшего в Мюнхене, разыскивает дочь. Писать:

Pavla Bezuglova, Frauenlager I., barak 7, zim. 6. Unterluss, Kr. Celle.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Praha – Ruzyně, XI, Uhelnětejnská 6

EITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 23 (54) 3 JAHRGANG 3 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го НОЯБРЯ 1943 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach, 188. Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

8-го ноября с. г., в 20-ую годовщину открытого боя национал-социализма за возрождение Германии, на традиционном собрании своих старых соратников Адольф Гитлер произнес речь.

В ней он обширно обрисовал обстановку борьбы в прошлом и настоящем против тех же врагов национализма. Адольф Гитлер подчеркнул, что Россия на протяжении многих столетий угрожала мир и спокойствие Запада, что московиты искони вели в отношении иных народов завоевательную политику, выразившуюся ныне в стремлении советизировать и большевизировать целую Европу. Затем Адольф Гитлер говорил о высоких героических подвигах германских солдат, воодушевленных крепким фанатизмом, упорством и верой в победу. Еще раз подчеркнул, что Германия никогда не капитулирует и что в результате всех испытаний, которые выпали на долю германского народа, будет полная победа.

Иван Васильев.

Учтены ли ошибки?

На протяжении многих лет мы достаточно уже говорили о причинах нашей казачьей трагедии. Говорили для того, чтобы, поучившись у своего прошлого — как нужно и как не нужно делать и поступать, как надо защищать свои национальные интересы, мы поскорее вышли бы из полосы своих трагедий, чтобы нынешние события сделать не началом новой трагедии, а началом казачьего национального освобождения, началом казачьего строительства и возрождения.

Повторять о причинах наших прошлых неудач, говорить казакам об их больных и невольных ошибках, звать политически заблудившихся казаков с чужих дорог на казачий национальный шлях мы не перестанем до тех пор, пока на великих казачьих реках, на Казачьей Степи не забурлит, не забьет живым ключем казачья жизнь.

Когда теперь оглядываемся назад, когда внимательно присматриваемся к тому, что недавно было и как было, мы совершенно ясно видим, как не взяли казаки тогда своего политического счастья в свои руки, которое само к нам шло навстречу.

Больше того: воюя беззаветно на фронте, в тылу, в своем государственном строительстве мы были половинчаты, топтались на месте, будто сами хотели погубить свое дело.

Писать законы у нас еще хватало сил, но бороться за то, чтобы исполнителями их поставить людей, признававших те законы и подчинявшихся им, — на это уже у нас духа не хватало.

Провозглашали «государственные образования» и государства, но возглавили их противниками этой государственности или игроками в государственность...

Теория расходилась у нас с практикой. На верхах хитрили. Пользовались чужим. Вместо прямой казачьей дороги, крутились на месте по извилистым кривым тропинкам... Пробовали служить двум богам... Утешали себя «тактикой» там, где ясно и мужественно нужно было решать ясно и открыто поставленные вопросы и задачи.

По своим собственным тактическим соображениям многие «русские казаки» перекрашивались тогда в самостийные цвета, чтобы попасть «наверх» и занять руководящие посты. Это им удавалось и они делали на этих постах русское, а не казачье дело.

Иные просто «играли» в самостийность. И это им тоже удавалось. Удавалось до тех пор, пока не сыграли они своей губительной роли. В то время на казачьих трибунах даже противники казачьей самостийности не отрицали казачьих прав, иначе они не имели бы успеха у казачьей массы, к которой подделывались...

Неискушенные в политической игре казаки доверяли.

Только потому и вышло так, что «неделимцы» захватили тогда все ответственные казачьи политические и военные посты и своими несамостийными руками неискренне делали казачье дело. Делали его нехотя, и просто вредительски. Неудивительно потому, что и дела вышли плохие, весьма плохие, приведшие к трагедии Казачества...

Очутившись зарубежом, мы имели возможность спокойно все передумать и все переоценить (кто хотел, конечно, это делать).

Чему же мы научились в результате этих переоценок и дум? К каким выводам пришли? Все ли мы думали? И все ли мы все хорошо продумали?

На наших глазах происходило самосечение тех, кто провозглашали «государственные образования», кто выступал как суверен, как глава, кто хулил то, за что он тогда призывал казаков лить кровь, кто глумился над попранными казачьими правами, а нас, националистов, призывавших быть верными своему народу, своей присяге и служить своему страждущему Казачеству, травил, преследовал и глумился.

И вот теперь опять многие из этих, как и в 1918 году, подкрашиваются под самостийность.

Значит, сознают они, что на их московской дороге им делать нечего и не с кем? Значит, там играть нечем? Значит, они думают снова отыграться на дороге казачьей? Или же на самом деле прозрели и заговорило в них чувство казачьего долга?

Все это мы должны знать точно и определенно, должны на деле, на фактах проверить их теперешние настроения.

Конечно, многие из них пришли бы теперь даже в самостийный лагерь, если бы каждому из них кто-либо обеспечил пост вождя. Но где взять столько таких постов? А главное, стоят ли они их?

Но если они действительно честно и откровенно, искренне и чистосердечно становятся на казачий шлях, если они на самом деле готовы ныне делать только свое казачье дело и за него бороться, мы можем лишь искренне приветствовать пробудившее у наших братьев казачье национальное самосознание, приветствовать увеличение казачьих национальных сил и их необходимую консолидацию.

Повторяем: в прошлом мы проиграли потому, что судьбу казачьего национального дела передали не в казачьи национальные руки, хотели делать самостийность не самостийными руками.

А теперь — то же самое будет? Если да, то результат тоже тот же самый будет.

Если этого мы не хотим, то нужно не делать прежних ошибок. **Нужно казачье национальное дело делать казачьими же национальными руками.**

Не будем снова хитрить сами с собою. Перехитрить себя — значит — проиграть. Имеем основание говорить, что кто сейчас «многозначительно» молчит, тот или обманывает или скрывает свои задние мысли или просто свою пустоту. Тот же, кто претендует на ту или иную роль, должен в интересах Казачества ясно высказаться, чтобы потом не было прежних роковых ошибок, приведших к трагедии Казачьего народа.

Казакам-националистам сейчас нужно быть особенно на чеку и зорко следить, чтобы на этот раз никто не посмел обмануть Казачество.

КНД возникло для того, чтобы поставить перед Казачеством подлинно казачью национальную цель, чтобы формулировать казачью национальную программу и чтобы для осуществления ее найти казачью национальную дорогу.

Пора казакам думать свою думу, пора становиться в свои ряды: свой к своему.

Пора казакам думать самим о себе и выходить на свой собственный исторический шлях.

«Сейчас наши Земли, наши братья — в рабстве. Мы в изгнании. Знаем: от рабства к свободе, от изгнания к Отчизне — нет пути без боя и борьбы...».

Настоящие и будущие судьбы всех Казачьих Войск одна с другой переплетены, одна с другой неразрывно связаны и одна от другой тесно зависят, как переплетены были, как связаны были казачьи боевые силы недавно на фронте против общего врага, и как успех или поражение каждого Войска тесно зависел от успеха или поражения других Войск.

Казачьи исторические судьбы одинаковы. Удел одного Войска — одновременно и удел каждого иного. Не будет счастливого Дона, если будет несчастной Кубань. Не будет свободной Кубань, если не будет свободным Терек...

Или все Казачьи Войска спасутся общими силами, собравшись вместе в одном Казачьем организме — Казакии, или каждое Войско погибнет порознь.

Ни одно Войско, даже наиболее сильное, не может сейчас решить своей судьбы независимо от Войск других. Каждое самостоятельное, не связанное и независимое от решений иных Войск, действие и решение любого Войска ведет неизменно к поражению, к конечному проигрышу казачьего дела.

(«ВК» 10 февраля 1935, № 168).

В. Авилов.

Урок прошлого.

(К 24-ой годовщине мученической смерти А. И. Кулабухова.)

В новейшей истории Казачества ноябрьские события 1919 года на Кубани являются не только печальными, но и глубоко поучительными и предостерегающими. Эти события фактически не были частным спором Кубани с белой Россией, но ими представители великодержавной России пытались раз и навсегда покончить с казачьим национализмом, с казачьим сепаратизмом, пытались опять подстричь казаков под общую московско-русскую гребенку.

Мы прекрасно знаем, что и как делала и делает красная Москва, отлично знаем, что и как делала царская и императорская Россия, по ноябрьским же событиям на Кубани, а затем, на основании весьма многих и многих проявлений и заявлений русских деятелей, стремящихся к какой-то «новой» России, можем уже с уверенностью говорить о том, что и как сделала бы с Казачеством эта «новая» Россия.

Вот почему казакам следует ежегодно напоминать о событиях, разыгравшихся в Екатеринодаре с 6 по 10 ноября 1919 года, вот почему казаки не должны забывать чем и как закончился спор Кубани с Вооруженными силами юга России, нашедшими приют в Казачьих Землях. Это было не только моментом временного крушения независимости Кубани, но вместе с тем и удар по Дону, Тереку и всему Казачеству. Это было одновременно и моментом крушения противобольшевицкой борьбы белых вообще. Ноябрьскими событиями Деникин и Врангель погубили и свое дело борьбы против большевиков и открыли перед ними дверь в Казачьи Земли.

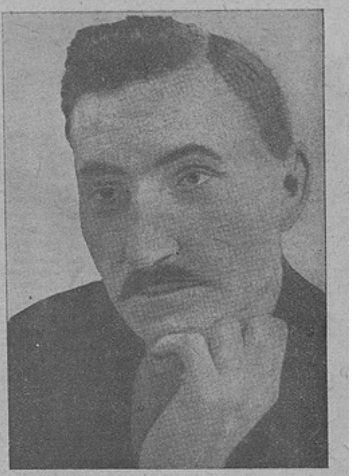
20 (7 по ст. ст.) XI 1919 года в Екатеринодаре был повешен представитель национального Казачества, бывший министр, член Краевой Рады, Алексей Иванович Кулабухов, точно также как 27 (14) июня 1919 г. в Ростове агентами деникинской разведки убит председатель Кубанской Краевой Рады Николай Степанович Рябовол.

Спор Кубани с Деникиным продолжался с весны 1918 г. Поводом к расправе с Кубанью ему послужила запоздалая придирка к подписанию договора дружбы с представителями горских народов Кавказа. Этот договор был заключен в июле 1919 г. представителями Кубанской Рады, ответственными не перед Деникиным, а перед Радой, в компетенцию которой входило решение утверждать или отвергать, исправлять или дополнять, благодарить или порицать представителей уполномоченной ею делегации, от имени которой А. И. Кулабухов подписал договор дружбы.

Подписание договора было только поводом, истинные же причины для столкновения с белой Россией лежали глубже. В основном они заключались в том же, в чем они состояли у Дона при Борисе Годунове, Петре I, Екатерине II: Россия стремилась превратить казаков в орудие достижения своих целей, шедших вразрез с жизненными интересами Казачества. И бежавшим от большевизма русским людям, нашедшим приют в Казачьих Землях и сконцентрированным около Деникина и Врангеля, казаки были приемлемы постольку, поскольку они готовы были класть свои головы за интересы русских помещиков, русских реакционеров, но коль скоро казаки обнаружили, что имеют свои цели и свои стремления, что казаки представляют свое будущее по своему и хотят сами распоряжаться своей судьбой, эти русские люди прибегли к излюбленным и проверенным в русской истории способам и средствам.

Деникин, подстрекаемый окружавшими его консервативно-реакционерными кругами, свергнутыми не только октябрьской, но и февральской революциями, свою расправу с Кубанью наметил раньше и систематически вел к ней свои приготовления. Несмотря на определенное решение Кубанской Рады о создании кубанской армии, Деникин всячески препятствовал осуществлению этого решения. Действующие кубанские части лишил связи с своей родиной, не допускал к ним казачьих газет и казачьей прессы, кубанцы получали сведения о положении дел на Кубани не из своих казачьих источников, а только из деникинских, которые вели бешенную пропаганду против кубанских органов, пытаясь скомпрометировать их в глазах казаков.

После того, как Краевая Рада с негодованием отвергла требование Деникина о выдаче Кулабухова и других представителей Кубани, после того, когда даже Атаман, так усердно потворствовавший Деникину, должен был протестовать против вмешательства в компетенцию кубанской власти, Деникин решил действовать насилием, сосредоточив к Екатеринодару войска и поручив исполнение своего плана известному «мастеру заплечных дел» ген. Покровскому.

Алексей Иванович Кулабухов, казак ст. Расшеватской, Кубанского Войска.

Archiv „Der Kosakenbote".

Покровский с помощью и с содействием некоторых казачьих людей, обманным способом, под предлогом совещания в атаманском дворце, заманил А. И. Кулабухова, а потом арестовал и повесил его. С помощью войска потребовал от Краевой Рады изменения конституции в угодном для Деникина смысле. После этой «расправы» Деникин предложил и Кубанскому атаману насильно наблюдавшему хозяйничание пришельцев на Кубани, покинуть свой пост.

Вести о событиях на Кубани быстро дошли до казачьих частей, находившихся на фронте. Среди бойцов сразу же пал дух и желание борьбы. Большевики торжествовали, предвидя упадок духа Казачества. Победой над Казачеством Деникин возвратил большевикам все свои предыдущие успехи. Большевики вскоре повели наступление и фронт от Орла покатился на юг, к морю и потом к трагическому финалу противобольшевицкой войны.

Через месяц сам Деникин уже готов был подталкивать кубанцев восстановить силой нарушенную им же Конституцию, избрать Атаманом лицо, которое бы сами себе кубанцы хотели, созвать Верховный Круг Дона, Кубани, Терека, создать и Кубанскую армию, но было уже поздно. Роковая ошибка была совершена и ее исправить уже было невозможно, была потеряна вера, утрачен пафос.

Деникин, Врангель и все их окружающие полагали, что самостийники являются всего лишь демагогическими группами и убеждали себя в том, что самостийные течения не имеют глубоких корней в Казачестве, не встречают среди него симпатий и не имеют под собой почвы. Однако, события, последовавшие после ноября 1919 года, показали, что именно **эти течения в наибольшей степени отвечали действительным настроениям и стремлениям народных казачьих масс,** что корни этого течения **были гораздо глубже, чем предполагали сами самостийники,** что Н. С. Рябовол и А. И. Кулабухов были действительными трибунами Казачества.

То, что Деницкин поступал, как противник Казачества и творил с ним свою расправу, от него другого и нельзя было ожидать. Но определенная доля ответственности лежит и на нас, казаках. Казаки не только не дали этим пришельцам на своей Казачьей Земле должного отпора и сопротивления. Больше того, их не научили горькие уроки казачьей истории, которая ясно и красноречиво говорит о том, как русско-московская политика использовала казачьи деления, как разделяла казаков и как боролась затем с казаками казачьими же руками. Казаки не могли и на этот раз уяснить того, что всегда в трудные исторические моменты их противники находили в казачьей среде кого-нибудь, кто исполнял роль предателя казачьих интересов, а потом этот же предатель был сам ликвидирован своими «покровителями». Казакам нужно твердо помнить и знать, что в нашей истории достаточно лилось казачьей крови от казачьих же рук, что пора отказаться от печальных уроков истории, время ценить свою казачью кровь и свои казачьи силы.

Кроме того, нужно также не только ради освещения прошлого, но и главным образом ради интересов будущего помнить и не забывать имена тех, кто помогал Деникину надевать петлю на Казачество, помнить поведение и предательство этих лиц, имена которых нам, казакам, хорошо известны.

Нельзя забывать и того, чтобы во главе Казачества стоял действительно Атаман, защищающий честь, право и достоинство казачьего народа, а не человек, потворствующий или даже помогающий врагам Казачества сам или своими ближайшими помощниками, как это было на Кубани в 1919 году.

На примере ноябрьских событий на Кубани яснее всего опровергается поверхностное утверждение, что в борьбе годятся всякие союзники. Недостаточно, чтобы у борющихся были одни и те же противники, чтобы общими целями были только моменты отрицательного характера, против кого бороться. Но для успеха борьбы нужно, чтобы и положительные задачи борьбы — за что бороться — были одинаковы, или же во всяком случае непротиворечивые, как это было при Доброармии, когда русские белые боролись за свое прошлое, а казаки за свое будущее.

И особенно ясно и отчетливо казаки должны знать, что необходимо не только подымать и ставить свои казачьи вопросы и их решения, **но и уметь их защищать и отстаивать, не забывать об организации своей казачьей силы.**

Казачий народ должен знать, что если он хочет жить своей жизнью, если он хочет распоряжаться своей судьбой и во главе иметь своих же казаков, то он должен хотеть и уметь **этих людей ценить, беречь и защищать.** Казаки должны знать, что как на войне противник стремиться прежде всего обезглавить своего противника, и в первую голову хочет уничтожить командный состав, так и в борьбе политические первыми жертвами падают политические руководители. Казаки умеют прекрасно беречь в бою своих командиров, **надо учиться хранить и командиров в политике, твердо помня, что без них Казачество своей национально-политической борьбы не выиграет и своих казачьих интересов не защитит.** Нужно не только ценить, но и беречь наших политических руководителей, которые в ужасно тяжелых и трудных условиях честно и бескорыстно, непреклонно, с напряжением всех сил защищают наши же казачьи национальные интересы, теряя при этом и свое здоровье и личное благополучие. **Ценить не только павших в борьбе своих руководителей, но и живых тружеников.**

И. Бочаров.

Булавинское восстание.

(1707 — 1708 г. г.)*)

Видя произвол и разгул, зверства и насилия московских войск, кн. Юрия Долгорукого, К. А. Булавин направился на Хопер, где устроил с'езд, на котором было решено поднять восстание. Офицеры, посланные Долгоруким на Медведицу, Бузулук и Хопер, были перебиты.

Сам Булавин поспешил на Донец, где было место главных действий Долгорукова.

В ночь на 9 октября 1707 г. Булавин с отрядом в 250-300 человек напал на Шульгинский городок, где ночевал Долгорукий, и истребил весь его отряд, а самого Долгорукого убил.

Восстание началось. Если бы Дон не раскололся на две части: сторонников Булавина, стремившихся освободить Дон из под власти Петра, и на старшинскую, московскую партию, восстание могло бы принять иные размеры и иметь иные результаты.

Сам Войсковой Атаман Лукьян Максимов разбил на р. Айдаре войска Булавина и принудил его к уходу с Дона. На севере Дона движение также было задавлено. Петр праздновал победу, которая ему удалась благодаря политики расчленения казаков: казаки уничтожили друг друга.

Однако, возмущение Дона было большое, нанесенные ему обиды и ущемление его исконных прав были велики, и начавшееся восстание ранней весной 1708 года разрослось в восстание всего Дона.

Булавин обратился также к Запорожцам, помочь ему и просил их выступить всем Войском, но они не пошли на это, разрешив только набрать добровольцев. Направив первые войска под командой Атамана Семена Драного к Бахмуту, сам Булавин направился на Хопер, откуда потом и выпустил свое воззвание к казакам и к русскому народу.

Булавин говорил казакам, что «те наши злые супостаты наше старое поле все перевели и не во что почли», призывал постоять за свое казачье Поле. В воззвании же к русским он об'явил, что казаки восстали «За Дом Пречистые Богородицы, за святую веру христианскую, за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга».

На этот раз при поддержке азовского гарнизона против Булавина выступил снова Войсковой Атаман, но был полностью разбит. После этого все наличные силы Дона перешли на сторону Булавина. 2 мая 1708 года К. А. Булавин избирается Войсковым Атаманом.

Петр в это время, сосредоточив против Дона большие силы, направил их под командой кн. Василия Долгорукого, родного брата Юрия Долгорукого, с жестоким приказом: «ходить по тем городкам, которые к воровству пристают и оные жечь без остатка, а заводчиков на колеса и колья... ибо сия сарынь, кроме жесточи не может унята быть»...

Булавин отправил своих послов ко всем татарским ордам и к Запорожскому Войску с просьбой стать с казаками за одно и об'яснял при этом причину восстания: «чтоб в нашем Войске Донском утвердить по прежнему как были казачьи обыкновения у дедов и отцов наших и у нас».

Однако, ни татары, ни Запорожские казаки не помогли Дону. Булавин вступил в единоборство с Петром и не терял веры в успех казачьего дела.

После упорных и жестоких боев, казаки потерпели поражение. Этими неуспехами воспользовались сторонники Москвы и решили схватить Булавина и выдать его Петру. Казаки во главе с Ильей Зерщиковым напали на дом Булавина, но он предпочел погибнуть от собственной пули. Тело Булавина было выдано в Азов, где было четвертовано, голова, руки, ноги положены в спирт, а остатки повещены на месте боя под Азовом. После этого Атаманом был избран Илья Зерщиков.

Долгорукий, прибыв в Черкасск, писал Петру, что «все сплошь изменили и ежели ныне над ними чего не будет учинено, то конечно и впредь от них того же ждать... В Черкасске и по всем станицам первые люди все сплошь воровству (восстанию) причасны... Конечно под такой случай надо определение с ними сделать, чтоб впредь им не токмо делать, но и мыслить нельзя было о вольности...».

И Петр сделал определение: пригказал, чтобы в Черкасском атамана выбрали послушного Петру, а по Дону итти и чинить: «опустошить все по Хопру сверху Пристанской по Бузулуку, по Медведице по Усть Медведицкий, что на Дону, по Донцу сверху по Луганъ, по Бузулуку все, по Деркулу все, по Иловле по Иловлинский, по Дону до Донецкого...».

В Черкасске Долгорукий привел казаков к присяге и казнил сына Булавина, сына Семена Драного и 40 старшин. Обследовав здесь настроение казаков, он писал Петру, что выбрать атамана доброго нельзя, ибо «ни одного человека не сыщешь, все в воровстве равны и не на кого надеяться». Таким образом, движение Булавина на Дону было всенародным и по утверждению московских военноначальников.

Возвращаясь из Черкасска Долгорукий взял с собой Зерщикова, потом его арестовав, отправил в Москву, где ему отрубили голову.

Илья Зерщиков служил Москве, уничтожил Булавина, был войсковым атаманом и все-таки был казнен в той же Москве, что же можно было ожидать остальным казакам участникам движения?

Движение на Дону, как и нужно было ожидать, не прекращалось, но развивалось с новой силой. Снова войска Петра были двинуты на Дон со всех сторон и все Казачество буквально истреблялось. По преданию, от московской расправы Дон три дня тёк кровью.

От полного уничтожения Донское Казачество было спасено лишь теми казаками, что возвращались домой после войн Петра, а их в то время было на западной границе около половины всего наличного состава Войска.

Петр докончил расправу с Доном личным приездом в Черкасск, куда в середине апреля 1709 года привез с собой голову казненного Атамана И. Зерщикова и приказал привести из Азова хранившуюся там голову Булавина. Обе головы были воткнуты на колья на майдане. Как пишет историк Сватиков (Россия и Дон), Петр вышел туда, чтобы окруженный «знатной и разумной старшиной», полюбоваться на уничтоженную казачью самостоятельность.

«С этих пор всякая самостоятельность Донского Казачества пала и Правительство стало полным хозяином на Дону. Петр, таким образом, добился своего», говорит русский историк Платонов в своем учебнике Русской истории.

*См. «К. В.» № 22 (53) статью «Причины Булавинского восстания».

К. Кирсанов.

За честь отчизны.

Уже 23 года прошло, как отзвучали последние выстрелы борьбы нашего казачьего народа с красными полками московских большевиков в 1917-20 г. г. Обессиленное, утомленное трехлетней неравной борьбой Казачество было побеждено и оказалось под пятой красных победителей. Мы, зарубежники, ушли в неизвестность, в изгнание.

«Собственность — кража», «Грабь награбленное» несется из московского Кремля. В Казачьих Землях начался повальный грабеж и разбой. Насилуются женщины и девушки, расстреливаются старики и дети. Стон и плач несчастных истязуемых не останавливают бесжалостных, обнаглевших красных палачей. Чужими пришельцами отняты и разграблены ценности и все хозяйственные блага, созданные тяжелым трудом. Тысячи и тысячи казаков изгнаны из своих родных гнезд, насильно переселены в разные гиблые места; сослано в Соловки, на принудительные работы и концлагеря все неугодное и нежелательное для пришельцев. От уцелевших от уничтожения и избиения отнято священное право человека обрабатывать свою землю, обильно политую потом и кровью своих предков, право пользоваться плодами своего труда. Они загнаны в колхозы и совхозы, в фабрики и заводы, превращены в рабсилу, которой командует чужак-победитель.

Проходит свыше 20 лет, втечение которых успело вырасти новое поколение, в котором также не удалось красным насильникам убить, вытравить, искоренить казачий дух потомков славного Казачества.

В 1941 году раздаются первые выстрелы солдат Германского и союзных с ним народов, об'явивших священную войну московскому жидо-большевизму. Из рядов РККА верные сыны нашей казачьей отчизны, вольных степей и гор Кавказа, в одиночку, группами и даже целыми отрядами, пренебрегая смертельной опасностью, переходят на сторону освободителей.

Это не просто дезертиры-шкурники. Нет! С первых же минут своего перехода, получив просимое оружие, они стали в ряды борцов за новый Порядок, за свободу своей Казачьей Родины. Стойко и верно они борятся против общего врага, против московского жидо-большевизма и всех его союзников.

Приближающуюся к нашим Казачьим Краям Армию освободителей все казачье население встречает не только доброжелательно, гостеприимно, но и с готовыми воинскими подразделениями добровольцев, ставших в ряды борцов за свободу. Своим уходом с германскими солдатами из Казачьих Краев наши братья казаки и коренное население снова и определенно выявили свою непримиримость к большевизму, свое стремление к свободе и желание бескомпромиссной, до полной победы, борьбы за свое право жить под солнцем. Этим они сказали, что лучше смерть в борьбе за свободу, чем жизнь раба.

Выполним же и мы, старые бойцы, свой долг казака — верного сына своей Казачьей Отчизны — и приложим все свои силы в общее дело борьбы против угнетателей нашего народа. Наши старые, боевые знамена, ушедшие с нами в изгнание, души павших на поле брани наших боевых соратников и погибших в изгнании зовут и повелевают и нам исполнить наш казачий долг.

Д-р С. Федоров.

Тысячелетие славы.

943 год стал знаменательным годом в ранней истории казачьих предков. В этом году прогремела слава о них по всему Закавказью и восточному мусульманскому миру, который единственно и донес до наших дней известие о славном походе непобедимых предков Казачества, их храбрости, мужестве, высокой степени государственности и культурности — качества, многим нёведымые, забытые.

В то время, как о древней жизни западной и северной Руси сохранились повествования на страницах различных летописей, о жизни казачьих предков последние говорят очень мало, только из многочисленных повествований арабских и иных восточных ученых, путешественников и государственных мужей мы и черпаем известия о наших казачьих предках, в столь отдаленные времена густо населявших Азовско-Придонский край и Кубанское черноморье. Здесь, на Таманском полуострове, был центр славной Тмуторакани, потрясавшей престолы северных князей. Отсюда ходили в отважные морские и сухопутные походы наши предки на Византию, Анатолию, переволокой на Волгу, в Каспий, Закавказье и Персию.

Эти безкняжьи походы неоднократно старались приписывать русские и украинские историки князьям киевским, строя, таким образом, государственные притязания своих народов на земли Подонья и Кубани. Только восточные источники говорят нам определенно, что никакая киевская, а тем более северная Русь не была причастна к боевой жизни Тмуторакани — Казакии. Подтверждает это и сравнительно недавно открытая в хранилищах библиотеки при мечети, б. храма святой Софии в Царьгороде, рукопись арабского придворного ученого, перса по происхождению, **Искавейхи,** говорящая о походе 943 года и опубликованная после Великой войны. Специально ею занимался пражский ученый проф. А. А. Флоровский, делавший доклад в Обществе изучения Казачества.

—

В 332 году мусульманского летоисчисления отряд наших предков, из области смежной с Каспийским морем, прибрав к себе и соседних алан, буртасов и хозар, выступил на судах в поход на Азербайджан и направился к гор. Берда, лежавшему на р. Тертере, недалеко от ее устья при впадении в р. Куру. Они овладели городом, являвшимся «великой столицей» целого края, «Багдадом этой области» и бывшим богатейшим и важнейшим пунктом целого Закавказья.

Военная экспедиция началась, вероятно, ранней весной, когда по половодью легко можно было перейти судами с Дона на Волгу и с Кубани на Куму и Терек, а по ним — в Каспийское море. Поход продолжился до поздней осени, когда уж начал падать снег. За это время была захвачена громадная область, простиравшаяся до Урмийского озера, со славившимися фруктовыми садами города Марага. При этом сообщение с флотом, бывшим на стоянке в 20 верстах от г. Берда, у Мубареки в устьи р. Тертер при впадении в Куру, не нарушалось.

Это не был первый поход наших предков в Закавказье. В 913 г. они произвели набег на г. Баку, в 941-м году ходили на Хоросан на Юге Каспия, но именно описание похода 943 года, к тому же еще писателями скорее пристрастными, чем нелицеприятными, показывает на какой высокой степени культуры и государственности стояла в те времена жизнь наших предков. В покоренной области они заводили порядки и мероприятия, бывшие чуждыми и норманам во время их набегов на западную Европу.

При этом проливается некоторый свет и на связь наших предков с западной культурой. Мусульмане по их уходе, обыскивали могилы павших и умерших и искали в них мечи «франкской» работы, имевшие клинки «прекрасных качеств, на которые был спрос и по настоящее время», как пишет историк, а с ним и иные, не раз со вниманием и похвалой отзывавшиеся об оружии пришельцев.

«Народ этот могущественный, телосложение у них крепкое, мужество большое. Они не знают отступления, ни один из них не повернет спины, но или убьет противника или сам будет убит. Вооружение их состоит из копья-дротика, щита, меча, дубины-булавы и кинжала. Кроме того, имеют при себе и шанцевый инструмент — топор, пилу, молот и тому подобные вещи».

Когда они приплыли по р. Куре к Тертеру, навстречу им вышел Наместник края, во главе шеститысячного отряда, но «они были полны ложных надежд и не знали твердости этих людей, предполагая, что они будут вести себя, как армяне или греки», т. е. трусливо.

Не прошло и часа как мусульманское войско было разбито и обратилось в бегство, покинув город. Убегал в горы со страху и простой народ, имевший средства передвижения. Пришельцы расположились лагерем под городом, а потом и овладели им, устроив в его центре свою цитадель. Жителям было об'явлено для успокоения, что «у нас нет с вами спора о религии, мы ищем лишь власти, наше дело — хорошо себя вести, ваше дело — верно нам повиноваться».

Когда же отряды мусульман все время наступали с гор на пришельцев, правда, лишь для того, чтобы быть всегда разбитыми, жители кинулись с камнями на воинов с криком «Аллах ак бар!» т. е. Бог велик! Но местный Вождь приказал жителям быть сдержанными и не вмешиваться в их отношения с султаном. Порядочные люди благоприятно приняли это предложение, но чернь не умела себя сдерживать и открыто выявляла свою неприязнь и противодействовала гарнизону при отпоре нападений мусульман. Когда такое положение стало уж длительным, глашатай воинов об'явил, что жители не смеют уж оставаться в городе и обязаны в трехдневный срок покинуть его. Все, кто мог, вывезли жен и детей, но к четвертому дню еще многие остались в городе. Тогда на них напало войско, ударами мечей избившее несчастное множество людей, а до 10.000 мужей, молодых жен и детей было взято, во внутреннюю крепость города, где был главный стан новых властителей. Они собрали людей в главной мечети, поставили стражу у городских ворот и предложили откупиться.

Один человек здравого смысла, христианин, который явился посредником, уговорился на малой цене выкупа — по 20 диргемов за человека. Некоторые из мусульман согласились на это, но иные обвинили посредника в том, что он хочет уравнения христиан с мусульманами и тот воздержался от переговоров. Тогда воины избили всех до одного из несогласных, а те, кто заплатил получили глянянную табличку с оттиском печати, предохранявшую владельца от новых требований. Таким образом, была собрана громадная добыча, конфисковали все, забирая женщин и отроков в плен.

Когда известие о поступке завоевателей распространилось среди мусульман, то они требовали всеобщего выступления против первых. Наместник собрал 30000 войска и напал на неприятелей, но во всех сражениях был разбиваем. Борьба продолжалась несколько дней и всегда с неуспехом для мусульман, несмотря на то, что последние стали прибегать к хитростям и уловкам.

Помогла им эпидемия, распространившаяся среди пришельцев, когда те овладели областью гор. Марага, у Урмийского озера, в двух днях пути от Тавриза. Здесь росли в изобилии фрукты, к которым северяне не были привычны. Они их ели, стали болеть и мор начал свирепствовать среди войска, которое стало уменьшаться от болезней.

Когда число гарнизона сильно уменьшилось, одолеваемое болезнями, он вышел ночью из города, гоня перед собою толпу пленных и забрав самую ценную добычу, остальное было сожжено. Так они достигли реки Куры, где их ждали суда с экипажем и с охраной в 300 человек, для которых была сохранена их доля добычи, и отправились в путь.

Восточный летописец повествует, что «Однажды группа из пяти северян, среди которых был юный сын их вождя, гуляла в садах гор. Берда с полонянками. Мусульмане, собравшись в большом числе, хотели захватить их живьем, но это не удалось: все они погибли в бою, перебив во много раз большее количество нападавших. Сын же вождя, когда увидел безвыходность положения, влез на дерево и, не желая быть захваченным, сам заколол себя кинжалом».

Так повествовали о наших славных казачьих предках. Мы видим у них не только прирожденные Казачеству боевые качества, и ныне служащие предметом внимания и уважения всех, но и гуманность в отношении гражданского населения, терпеливость при его прегрешениях и организованность в методах управления в завоеванной стране. Живя на берегах морей и больших судоходных рек, они были в прямом и непосредственном общении с очагами древней европейской культуры и сами были распространителями культуры в соседних областях.

Христианство с его гуманизмом наши предки познали задолго до описываемого похода еще до того времени, когда св. Кирилл посетил их землю на пути к хозарам.

В. Еремеев.

О казачьей молодежи.

Казачье зарубежье уже более 23 лет пребывает за пределами своей Родины.

На протяжении человеческой жизни этот срок так велик, что влияние его на психологию, на убеждения оставляют глубокий след в душах людей, постаревших далеко от родной стихии. На пороге больших событий, могущих сыграть для Казачества решающую роль в его истории, когда на сцену политической жизни потребуются творческие силы, способные уложить формы нового порядка, нам нужно остановить свое внимание на подготовленность к новому строительству казачьего будущего, особенно нашей молодежи.

Нам следует теперь задуматься над казачьим «завтра», суммировать проделанную идейную работу и учесть все те возможности, которые необходимо приложить к строительству новой жизни. Сумеем ли мы полностью эти возможности использовать для общего блага?

Эмиграция рассеялась по всем странам Европы. В поисках средств к существованию каждый эмигрант принужден собственными силами и способностями приспособляться к новому труду. Каждому выпала работа трудная, незнакомая и неблагодарная. Из года в год протекала тяжелая безотрадная жизнь в глубокой тоске за родными станицами, за привольным казачьим бытом. Всегда, на каждом шагу казак-эмигрант чувствовал отчужденность. Он не был уверен в постоянстве жительства, в характере труда, питании. Часто неблагоприятные условия заставляли его переезжать в иную местность и заново приспособляться. Так уходили лучшие молодые годы людей, гонимых судьбой из края в край за то, что не хотели помириться с властью жидо-коммунизма, отрицающего человеческое достоинство и его право на духовное развитие.

Казаки терпели нужду, глубоко страдали за потерей всего родного, но предпочитали перенесть все бедствия на чужбине, нежели оставаться в «советском раю». Они утешали себя надеждой возвратиться домой людьми вольными. Не было им оказано организованной помощи и надо было ожидать, что распыленная масса не сумеет преодолеть трудности к созданию организованного ядра. Только благодаря своей врожденной солидарности казаки, в большинстве случаев, однако, сумели сохранить свои казачьи обычаи. Организовались станицы, хутора, выбирались Атаманы и придерживались обычаи старины. На эмиграции казаки более подробно и более точно изучили свою собственную историю и еще более сплотились во имя защиты своих интересов. В разных местах по разному относились к казачьему об'единению, но везде, ради интересов страны, ставились ограничения. Эти ограничения — щупальцы кровожадного врага — большевизма — запускали свое ядовитое жало в каждую организованную казачью коморку и тормозили ее работу. Наиболее активные и идейные казаки-патриоты неоднократно пытались поставить на должную высоту казачью организованность, но обычно их попытки разбивались действиями советских влияний и совагентов. Но это не останавливало казаков продолжать делать свое казачье дело и теперь они могут гордиться немалыми достижениями идейного характера в невероятно трудных условиях расбросанности. Там, где сохранились группы и возможна была связь, казаки развивались в духе укрепления национальной мысли, но где жизнь забросила в одиночку — окружающая обстановка постепенно втягивала в круговорот местных обычаев и порядка. Казаки-одиночки, таким образом, даже подвергались ассимиляции, частично утрачивали свое родное. До них слабо доходила весть о казачьих об'единениях и нужно было иметь особенно устойчивый характер, чтобы противостоять, в течении стольких лет, чужому влиянию. Живя в мирных условиях, далеко за пределами Родного Края, казаки женились, зачастую непродуманно. Такие супружества смешанного вероисповедания и нации не могли дать казакам морального удовлетворения. Нередко возникали разногласия на почве разницы взглядов на воспитание детей.

Годы шли, казаки старели, а на их смену появились дети. Дети смешанных браков, на эмиграции, в чуждой обстановке — явление исключительное в истории казачества, но оно до сих пор считалось незаметным и малозначущим. На 24 году своего пребывания заграницею оно жизненно приобрело свой вес в глазах казачьей общественности. Почти в списках каждой станицы числятся дети эмигрантов. Перед казачьей общественностью, как-бы неожиданно, выросла во всей своей полноте новая проблема — включить казачью молодежь в свои ряды, внушить ей правильное понимание национальной идеи, передавая ей идеалы старшего поколения, дать ей образование и подготовить к великому служению своему Народу.

Казачьи дети подросли уже настолько, что их видим в нашей среде, но многие еще не понимают целей казачьих стремлений и не дооценивают своей роли. Некоторые молодые люди держатся в стороне и не знают, что им делать. Присматриваются они к жизни своих отцов и не могут понять, почему последних так тянет разрушенный Казачий Край? Они могут только догадываться, что в сердцах отцов тлится еще священный огонь казачьего патриотизма. Отцов потянул инстинкт своего родного, в их памяти воскресла казачья старина, сказы о прошлом и в своих организациях старались поддерживать дух казачьих традиций. У некоторых из молодежи этого нет. В их памяти рисуются, единственно образы бедного и полуголодного существования, да разве иногда какой-нибудь отец при разговоре заронет искорку надежды увидеть сказочный Казачий Край с широкими черноземными степями, богатыми станицами, привольным житьем свободных казаков.

Как долго протянется эта серая скитальческая жизнь, никто точно не знает, но мы знаем одно, что время, с каждым днем, с каждым часом настойчиво и неуклонно пред'являет свои права. Отцы продолжают стареть, головы их белеют сединой, а тела теряют свою гибкость. Постепенно теряют энергию и запал, а молодежь созревает и должна впитывать в себя казачью идею.

Мы преисполнены веры, что настанет желанный для нас момент возвращения домой. Возвратятся отцы и дети; первые на свою Родину, истосковавшихся сердцем и изболевших душой, вторые — опять в «чуждый» для них Край. Молодым будет предстоять ответственная задача — строить совместно с отцами казачью будущность.

Эта так важная задача будет выполнена, если казачья молодежь будет идейно подготовлена и впитает в себя сладостную надежду возвращения в Родные Края.

Она не может проявить юношеского запала и энтузиазма в отдании своих сил на служение своему родному делу, если духовно полностью не сольется с национальной идеей и не воспримет идеалы отцов. Обязанностью отцов — воспитать своих детей в казачьем национальном духе. Это долг каждого отца-казака перед своей Родиной. Но этого недостаточно. Казачья общественность должна взять на себя обязанность притти на помощь отцам в смысле руководства определенно выработанной программой по воспитанию молодежи, а именно:

1. Обработать казачью историю в наиболее популярной форме и выпустить брошюрой с предназначением для казачьей молодежи.

2. Создать общество опеки над казачьей молодежью. В его обязанност будут входить:

а) снабжение казачьей литературой и

Школьники на Кубани в 1918 г.

Archiv „Der Kosakenbote".

б) организация казачьих кружков самодеятельности молодежи;

в) более близкий подход к молодежи путем лекций на казачьи темы.

3. Обратиться с призывом ко всем казачьим организациям — помочь материально в создании библиотеки для молодежи, начиная со школьного возраста.

4. Обязать каждого отца — включить детей своих, выше 17 лет, в состав местной казачьей организации, а также, по возможности, привлекать к общественной жизни всю свою семью.

Исполняя свой долг перед Родиной, казаки будут гордиться своим именем и слава о них не пропадет никогда. Они с гордостью будут смотреть на своих детей — приемников их славы. Они научат своих детей, выросших за пределами Родного Края, также горячо любить Родину отцов и их дети с большим желанием поедут в казачьи станицы. В душе каждого молодого казака и казачки должен загореться ярким пламенем священный огонь служения своей несчастной, поруганной страдалице Казачьей Родины.

Николай Посохов.

Роль и значение Казачества в деле защиты христианской культуры.

(Продолжение.)

Около четверти века Европа жила под угрозой нового вторжения, на этот раз идеологически противоположного основным принципам христианской культуры. Носителями этой идеологии являются русские большевики, управляемые коммунистическим правительством, продолжающим в сущности прежнюю империалистическую политику вообще и в частности в отношении малых угнетенных народв быв. России. Это правительство современной России Ленина-Сталина и Ком. находится в прямом подчинении Коминтерна, свившего себе прочное гнездо в Москве. Опыт создания и организации социального рая на шестой части суши, именуемой сейчас С. С. С. Р. за время более двух десятков лет, вместо обещанного рая, принес народам бывшей России анархию, нищету, экономическое разорение и восстановило крепостное право прежней России с той лишь разницей, что в быв. России эксплоатировали и высасывали соки и жили за счет угнетенных народов класс помещиков и бюрократии, а теперь их место заняла кучка международных авантюристов с правящей сейчас коммунистическо-большевицкой партией, находящейся в прямой зависимости Коминтерна, пытающегося нести анархию, голод и экономическое разорение и обнищание в страны Европы вплоть до уничтожения христианской культуры под видом так наз. социальной мировой революции.

В течение более двух десятков лет идеи большевизма просачивались в страны Западной Европы через посредство московских агентов в разных странах. Главную свою надежду на взрыв мировой революции и ее успех Коминтерн и его агенты возлагают на международный пролетариат и с этой целью ведут пропаганду в странах не только Западной Европы, но и всего мира среди рабочих и крестьян, стараясь раздуть в них классовую ненависть к собственникам, духовенству и существующим правительствам. Наглядный пример такой преступной работы Коминтерна мы видели в Испании, где он потерпел поражение и где здоровый национальный дух испанского народа одержал победу.

Однако, если мы обратимся к изучению исторических событий 1918-1920 г. г., разыгравшихся на Юго-Востоке Европы, то убедимся, что живой человеческий барьер народов Казакии, Украины и др. народов, и на этот раз сырал свою неоспоримо важную роль и значение преграды для вторжения идеологии большевизма в Европу, тогда еще слабую, незалечившую своих ран, полученных в Мировой Войне 1914-18 г. г. Не признанные до сих пор историческими народами, имеющими право на национально-политическую независимость, они спасли вместе тогда Западную Европу от вторжения в нее разрушительных идей большевизма, несомых новыми варварами XX века.

В подтверждение своих слов, ссылаюсь на факты и события того времени и передаю их, как они изложены в капитальном труде «Трагедия Казачества», печатавшегося в течении многих лет в периодическом журнале «Вольное Казачество». «Известно, что в борьбе с большевизмом, Казачество понесло величайшие жертвы, претерпело и терпит еще неиз'яснимые муки и страдания. . . О казачью крепкую стену в 1918-19 г. г. разбилась не одна высокая и бурная волна большевизма. . . Своей титанической борьбой в те годы ужаса и крови, Казачество сковало весьма большие силы красных, спасая этим иные Края и народы, облегчая борьбу антибольшевицких сил вообще. Весною 1919 г. казаки притянули к себе столько большевицких дивизий, так быстро разгромили 10-ю, 9-ю, 8-ю и 13-ю советские армии, группу. Махна, 2-ую красную Украинскую армию, что не позволили большевикам осуществить их решение о посылке вооруженной помощи организованной ими Мадьярской Советской республики. Кто знает, как бы выглядела теперь Европа, если бы в 1919 г. большевизм твердыми ногами стал на Среднем Дунае, получив таким образом фактическую возможность для дальнейшего расширения Советской Державы. Весь 1919 и 1920 годы, Казачество своей грудью прикрывало Закавказские республики. В 1919 г. казачьи армии сковали настолько значительные вооруженные советские силы, что советская власть не имела возможности сосредоточить в Прибалтике

Вл. Куртин.

Кубани . . .

Война только начиналась. Впереди предстояли неизведанные впечатления, тревоги, опасности: быть может — смерть. . .

Но о смерти как-то не думалось: чувствовался избыток сил, была непоколебимая уверенность в победу, влекла жажда подвигов, стремился к чему-то необычайному, захватывающему. . .

Блестящий бой с турками на Чингильском перевале, взятие Баязета, овеянного преданьями, живыми рассказами о славном «Сидении» в нем наших отцов; первые пленные и первые боевые награды — все это наполняло мою душу восторгом, радостью сознанья своего участия в начавшейся Великой Войне.

Мы стояли на большой транзитной дороге, ведущей из Алашкерта в Персию. Неширокая долина замыкалась с трех сторон горами, оставляя на западе узкий корридор, куда завтра нам предстояло итти. На северо-востоке, блистая алмазами вековечного снега, высилась царственная вершина священного Арарата.

Густой дым от костров, синими одеялами расстилавшийся по самой поверхности земли, гомон казаков, ржанье лошадей, властные звуки трубы, игравшей в дальнем биваке Кавказского полка «поход», брызнувшие из-за гор на долину лучи яркого солнца, самый вид бивуака на вчера еще чужой, а ныне нашей земле — все это зачаровывало меня пленительной новизной и поэзией военно-походной жизни.

Я стоял веселый, бодрый и горделиво смотрел на массивы Мадур-Дага, за которыми скрылись наши враги. . .

И вдруг, — из бивуака Кавказского полка понеслась торжественная мелодия нашей песни-молитвы о Кубани, заставившая больно и, вместе, радостно встрепенуться мое сердце. —

«Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны —
Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны. . .»

То пели казаки, уходившие от нас назад, к Баязету. Вот они уже вышли на дорогу; передние, спустившись с кургана, скрылись в ущелье, а в воздухе дрожит, повторяемое эхом:

. . . Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны. . .

Прими привет и от меня, моя Родимая, безумно любимая! . .

Прими и знай, что не покраснеют волны твои от стыда за нас, как никогда они не краснели за отцов и дедов наших! . . .

—

Высоко, высоко вздымаясь в небо, окружили горы селение Хадых, где стояли мы баталионом, выставляя заставы на высотах к западу.

Будто гигантскими белыми морщинами, покрыты скаты гор снеговыми валами. Самих-же вершин не видно: они вечно окутаны тучами, покрыты пеленой снежных буранов.

Стоянка была для нас «отдыхом» после нескольких месяцев тяжелых походов, жестоких боев.

Многие из наших станичников уже спят вечным сном в братских могилах Сарыкамыша, Караурчана, Зивина, — разбросаны в безвестных одиноких могилах на снежных полях Алашкерта, в трущобах Еникея, в лесах Меджин-герта. . .

Интересного впереди уже не ждали. . . те-же горы, холод и голод. . . Поэзию Войны уже давно сменили тяжелые будни. . .

Была тихая, на редкость ясная, морозная ночь. Выплывшая из-за снежных вершин луна заливала серебряным светом скаты, купалась в ответных лучах вершин; заглядывала в широкие трубы сакель, бросая на пол трепетно-нежные блики.

Я стоял на крыше сакли, охваченный воспоминаниями о жизни до Войны, о родной станице. С страстной мольбой я протягивал руки к горам, прося их расступиться и, хоть на миг, показать мне далекую милую Родину. Но, они стояли молчаливые, застывшие, скованные той-же тоской по безвозвратно ушедшем. . .

И вдруг, — с западных высот, как-будто с самого неба понеслась могучая, родная мелодия нашей песни-молитвы о Кубани:

. . . Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны —
Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны. . .

В морозном воздухе как-бы застыло, преломившись в мельчайших иглах снежной пыли —

. . . Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны. . .

Слезы выступили у меня на глазах. Еще больнее сжалось сердце. . .

Прими привет наш, Родимая, безумно любимая. . . Прими и знай, что не покраснеют волны твои от стыда за нас, как никогда они не краснели за отцов и дедов наших! . .

—

Сырые туманы ползут по ущельям, обволакивают утесы, хоронят в себе дремучие дубовые леса, скрывают от взора игривую речку в долине и до нас доносится лишь глухой гул ее разбивающихся об утесы волн. Волнующейся, необ'ятной пеленой залегли они ниже наших позиций и только далеко на юге блестят вершины гор Понтийского Тавра. . .

За нами уже два с половиною года войны. Постарели немногие уцелевшие в боях казаки. Много славных страниц написали они своими штыками в знойных горах Лазистана, на песчанных полях Галиции, в лесах Буковины. . . Смертельно устали. Раны болят. Ноют от ревматизма опухшие ноги. Больно зудит покрытое чесоткою тело. . .

Тесно сгрудившись в окопе, мы сидим сжавши винтовки, ожидая нападения турок.

Едкий туман предательски проникает сквозь бурку, холодит тело и, кажется, раз'едает самую душу. . . Молчание. . .

И вдруг, как-бы сговорившись, мы затягиваем нашу песню-молитву о Кубани и вместе с клубами тумана несется наше:

Из далеких стран полуденных.
Из турецкой стороны —
Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны! . .

И — забыта усталость. И не болят раны. И мы знаем, что мы всё перенесем, лишь бы не покраснели волны Твои от стыда за нас, как никогда они не краснели за отцов и дедов наших. . .

—

Смоем ли хоть теперь с них краску стыда за наши ошибки? . .

столько своих войск, чтобы осуществить завоевательные намерения большевиков в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве...

В этом смысле не меньшее, если только не большее, значение имеет борьба Казачества с большевизмом летом 1920 г. и в отдельности борьба на Кубани. Этот вопрос очень серьезен и важен не только для самих казаков, но и их друзей и попутчиков. Прежде всего отметим, что непримиримые враги Казачества большевики сами признают выдающееся чрезвычайное значение этой борьбы.

«Дессантная операция ген. Врангеля на Кубань занимает виднейшее место во всей летней кампании 1920 г.» — говорит один из из видных большевиков, лично, принимавший участие в борьбе с десантом и не мало поработавший в области военно-исторического исследования прошлой борьбы, А. Голубев. «Для красной армии она, эта борьба, об'ективно оказалась наиболее важным участком из всех существовавших в то время вооруженных фронтов... Противодесантный фронт вместе с фронтом казачьей армии «Возрождение России», по количеству сосредоточенных на нем красных сил, превосходил все остальные фронты и, в частности, важнейший в то время Западный фронт», пишет ген. Врангель («Десант на Кубань», стр. 146).

Имея в виду подчеркнуть значение Казачества в борьбе с большевицкой Россией, приведу два свидетельства: 1) большевики в труде своем «Разгром Врангеля»; говоря о периоде борьбы весной 1920 г. на стр. 53-ей пишут: «Армия Врангеля носила название Русской армии, но не менее половины ее составляли казачьи части; эти части тяготели к продвижению в Казачьи Земли; русский журналист Раковский, в своем труде «Конец Белых» на стр. 101 пишет: «Летние месяцы борьбы с большевиками в 1920 г. наглядно показали Крымским командным верхам, что казаки являются главной опорой всех антибольшевицких сил». Нисколько не уменьшая значения в антибольшевицкой борьбе Украинского и других народов, поставивших преграду дальнейшему расширению большевицкой Державы на Запад, мы только хотели подчеркнуть и не малое значение казачьей борьбы, обеспечившей и облегчившей общий успех всех антибольшевицких сил того времени... Возможно, что среди многих иных причин и это обстоятельство способствовало в той или иной мере разгрому красных на Западе и помогло на долго вырвать из рук 3-го Интернационала возможность силою оружия насаждать в Европе большевицкие идеи и организовывать Советские республики, расширяя пределы С. С. С. Ф. Р.

(Продолжение следует.)

Козача старина.

Сидір Гнатович Білий.

(Перший Кошовий Отаман Чорноморського Війська р. р. 1787—1788. † 11/24 липня 1788 року).

Після зруйнування Запорозької Січі (4-17 червня р. 1775), більша частина запорозьких козаків втікла в Туреччину і заснувала там Січ на Дунаї. Частина залишилася дома і розбрилась по рiжних місцях: одні з них поженились, пообзаводились родиною та господарством, другі «бурлакували», себ то залишились нежонатими і ждали тільки того, щоб знов заснувати своє вільне товариство. Старшини, що не були московським урядом заслані, були перейменовані в чини московської армії. Московський уряд на раду Потьомкина порішив — з тих запорозьців, що не втекли до Туреччини, зробити два пікінерські полки (піше військо зі списами); одначе вільні сини степів нізащо не хотіли перевертатись у москалів, і зістались жити по своїх степах.

Не багато часу проминуло, як московський уряд побачив, що поспішився зі скасуванням Війська Запорозького, — він зрозумів, що небезпечно було оставляти таке військо у руках Туреччини. І от парица Катерина II у р. 1779 звернулася до Турецького Султана, щоб він вернув запорожців, яких обіцяла вона зрівняти у правах із усіма своїми підданими та забути минуле, або щоб Султан звелів відсунути запорожців далі від границі.

В р. 1784 Потьомкин доручив колишньому писарю Війська Запорожського Антонові Головатому та старшині: Сидорові Білому, Харкові (Захарові) Чепізі, Хведорові Легкоступові та Бурносові зібрати запорожців, які хочуть служити в козаках. Скоро на поклик старшини стали збіратися запорожці у Бериславі.

В р. 1787 скористувавшись перебуванням царици Катерина II на Україні — Сидір Білий та другі козацькі старшини, представились царици в Кременчузі.

У тому році розпочалася війна з Туреччиною, і московський уряд дав дозвіл на заснування Війська та назвав його «Войском верных казаков Черноморских» — а не дали назви запорозького тому, що існувало військо запорізьке у Туреччині і мало свою Січ на Дунаї. Так повстало «Войско верных казаков Черноморских», і першим кошовим отаманом, згідно бажанню козаків, призначено Сидора Гнатовича Білого (27 лютого р. 1787), військовим суддею Антона Головатого, військовим писарем Івана Підлесецького, військовим осаулом Олексу Кобеняка.

—

Сидір Гнатович Білий належав до видної старшини останьої Запорозької Січі. Ще в р. 1774 він, будучи осаулом Запорозького Війська, був на чолі козацької делегації, що висилали запорожці до Петербургу. Коли козацька делегація клопоталася у Петербурзі і скрізь зустрічала підтримку — Запорозька Січ 4-17 червня р. 1775 була зруйнована генералом Текелієм. Може бути, що ця обставина спасла Сидора Білого від тієї долі, що спіткала останього кошового отамана Петра Кальниша та других старшин, що в той час були на Запоріжжу. Як тільки пройшли хмари, що згустились над запорозьцями — Сидір Білий, разом з другими старшинами, став клопотатись про відродження Запорозького козацтва.

У році 1787 повстало Чорноморське козацьке Військо, і першим кошовим отаманом, згідно бажанню козаків, був призначений Сидір Білий. Першим ділом кошового отамана було заложення військового коша біля гирла р. Бога в урочищі Василькові, на лівому березі Богського лиману в колишній Запорозькій паланці на Кінбурнській косі, куди вони перейшли з Берислава.

Не довго прийшлося Сидору Білому бути на чолі Чорноморського Війська. Московський уряд дав наказ, щоб чорноморські козаки на своїх човнах допомогли принцеві Носау-Зінсеру, що керував московською фльотою під Кінбурном. У липні місяці р. 1788 козаки під Кінбурном виявили свою надзвичайну відвагу і войовничий хист; на своїх чайках вони сміливо, не дивлячись на страшенний вогонь, підплили до турецьких каравлів, зчепилися з ними і билися як леви. Нарешті турецька фльота була до щенту розбита. Але не дешево ця перемога дісталася козакам: чимало їх вбито й поранено, а по-між ними й Кошовий Отаман Сидір Білий був тяжко поранений, а 11-24 липня року 1788 помер.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Я — Фисенко Василий Ермолаевич, родившийся в 1920 г. на Кубани, по национальности казак. По причине преследования сов. властью родителей, мое детство прошло в скитаниях из одного аула в другой, где у меня с особенной страстностью развилась любовь к привольно родной Кубани, к нашему многострадальному Казачеству.

Не имея средств окончить последний курс художественного техникума, я поступил учителем в городскую школу.

Попав в Красную армию, я определенно понял, что это за «почетный долг», понял, чьи интересы она защищает. Особенным толчком к воспламенению моей молодой казачьей души послужил такой случай. Наша колона шла через одну деревню. Все были голодны и измучены. Я, воспользовавшись своей некоторой «свободой» командира, отошел от колоны и попросил у одной крестьянки кусок хлеба. «Нету!» — злостно ответила она мне. «За кого воююте и кого защищаете, у того и просите!...», добавила она, отвернулась и ушла.

Я твердо решил, что мое место не здесь, не в рядах врагов Казачества. Весной 1942 года я с группой своих бойцов навсегда освободился от кровавых сталинских лап. Как казак душой и телом, я не успокоился этим, но решил действовать на пользу и благо своего народа, решил стать на открытый путь борьбы против большевизма. Финское командование пошло мне навстречу и я через 10-15 дней после своего перехода уже сменил потрепанную красноармейскую форму на финский военный мундир.

И вот я уже полтора года нахожусь на передовой линии. Доверие финского командования и имя и честь казака я полностью оправдал, чем, не скрываю, я и горжусь. Жизнью и обращением к себе я очень доволен и благодарен, но меня гнетет одно, что чувствую себя оторванным от своего казачьего народа и своей родной казачьей Земли.

Слушая радио и читая газеты, я часто слышу и читаю радостные известия о действиях своих братьев казаков, борящихся против большевиков. Эти известия возбуждают в моей душе еще большее желание бороться и ничуть не отставать от других.

Случайно мне попался один номер «Казачьего Вестника». Вы, конечно, понимаете какова была моя радость, когда я нашел в этом номере об'явление своего брата-эмигранта о розыске родных и одностаничников. После этого я установил с ним связь, за что мы оба были искренне благодарны нашему родному казачьему печатному органу.

Из нашей казачьей, свободной печати я много узнал о жизни нашего казачьего народа, прочел много поучительных и раз'ясни тельных статей, много узнал о прошлом нашего казачьего народа, о его национальном самосознании, о жизни своих братьев казаков в Германии и в Европе вообще.

Вы себе не можете представить с какой жаждой и с каким нетерпением я жду всегда очередной номер «Казачьего Вестника», который я регулярно получаю.

...Посылаю свой казачий боевой привет с передовой линии финского фронта всем братьям казакам, поднявшимся против Сталина и ставших на защиту родного Казачества. С сердечным приветом Слава Казачеству!

В. Фисенко.

Финский фронт. 25. 9. 1943 г.

К сведению казаков-членов КНД.

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

А. Солдатов.

Наследники Маркса.

Нам, казакам, хорошо известна главная пружина Российской революции. Знаем, кто довел до абсолютной катастрофы такой громадный край, как Россия.

Будучи очевидцами великих страданий русского народа, уверовавшего в грядущее блаженство III-го интернационала в 1918-20 г. г., мы, казаки, отдавали себе полный отчет в том, какая участь постигнет и нас, а поэтому мы первыми из всех народов Европы подняли оружие против жидо-коммунизма, для защиты интересов своего народа.

К сожалению, народы Европы в то время не отдавали себе точного отчета, какие бедствия и разрушения несет им пятиконечная звезда и не поддержали нас в неравной борьбе.

Уйдя в зарубежье, мы не прекращали борьбы с коммунизмом, если не оружием, то пером, пока не настал момент вступить снова в вооруженную борьбу.

Может быть не всем воюющим на фронте нашим бойцам, известны сатанинские планы наследников Маркса, мы приведем некоторые фрагменты из случайно найденных документов из книг и записок некоторых видных евреев.

«Мы являемся главными организаторами войн и, таким образом, наилучше используем уничтожение народов.

Мы являемся не только причиной последней войны, а даже всех ваших войн. Были мы не только двигателями Российской революции, а даже были главными организаторами каждой большой революции в ваших событиях». (Жид Маркиз Ели Рафагев. «Центури Магазинез» январь 1928).

«Можем с уверенностью сказать, что великая Российская революция произошла действительно благодаря помощи еврейства». (Еврей Коген «Те Комунист» 12-го апреля 1919.).

«Правящими единицами жизни и работы на целой территории Сов. Союза являются исключительно евреи и самая богатая нива нового порядка для идеи этого особенного края выходит из рук, мозга и души израилитов». (Из ежемесячника «Бнаи Брит Магазине», орган жидовской организации всего света, декабрь 1936 г.).

«Множество жидов говорило о сов. Союзе, что это есть их заветная земля. (Тамже, декабрь 1936 г.).

«Никогда еще от времен оставления Палестины не дождалось еврейство такой абсолютной хозяйственной, политической и общественной вольности как в сов. России. Антисемитизм там совершенно уничтожен». («Записки», февраль 1935 г.).

«С течением времени достигли мы, жиды, в России вольности и начали великую месть.

Ох, как хорошо оплачивалось, перетерпев погромы. Правительство, которое нас преследовало, скрылось безнадежно в пылу забвений. Там, где до сих пор были мы понижаемые и преследуемые, сегодня мы являемся гордыми и самыми жестокими преследователями». (Еврей Самуел Ротт и Израел Цвангвилл в «Ньюю енд фор Евер», Лондон 1919.).

«Еврейство было тем, что создало Сов. Союз. Оно не только правит судьбою советов, но одновременно хочет во чтобы то ни стало в будущем удерживать власть в своих руках». (Коген «Те Комунист» 12. 4. 1919.).

И что дальше еще наступит?

На этот вопрос дает нам ответ с сатанинской усмешкой еврей Самуел Ротт и Израел Цвангвилл в книге, которая вышла в Лондоне в 1919 г., и называется она: «Ньюю енд фор Евер».

«Жизнь европейских народов плывет через уста, глаза и шкуру ручьем испорченной крови. В России будут оставлены только грудные дети и аналфабеты (темная масса), а из остальных создается сплошная могила в Москве и Петрограде. Из Польши и Украины создаст будущий Мститель вью-

щую дичь, и все женщины будут обесчещены, прежде чем будут умертвлены. С доков в Гдиньску поплывет ручьями кровь. Из Бельгии и Германии создаст Он (Мститель) резню, а через Францию пройдет ураган опустошения, как пожар через поля нив».

Ближайшая будущность народов Европы, как говорится в книге вышеуказанных евреев, зависила только от того, чтобы эта война не опередила международное жидовство. Но теперь, когда смелый порыв Адольфа Гитлера опередил их и когда он тяжелым мечем своего солдата пересек пополам будущего Мстителя, как гада, то, если одна половина его (Гада) осталась еще живой, то не является уже такой грозной. Теперь остается напречь все усилия, стать рядом с немецким солдатом, взять в руки тот же тяжелый мечь и нанести Мстителю решающий удар.

В противном случае:

«Если бы жид победил народы этого света при помощи своего марксистского исповедания веры, увенчанием его подвигов, будет танец смерти народов, а тогда планета эта была бы пуста и безлюдна, как когда то перед миллионами лет». (Адольф Гитлер «Майн Кампф», стр. 69, 70.).

Общественное питание в СССР.

Московская газета «Труд» жалуется в одной из передовиц на плохое состояние общественных и заводских столовых. «В плохих столовых не умеют разнообразить меню; здесь готовят по раз заведенному стандарту, без инициативы, без выдумки. Получчат, к примеру, в таком предприятии крупу и наладят каждый день кашу... В Хабаровске, расположенном в глубоком тылу, коллективы ряда столовых не могут сносно наладить питание. Почему на заводе «Спринклер» рабочих кормят безвкусно, однообразно. В ряде столовых расхищаются продукты. Здесь разбазариваются фонды, предзначенные для рабочих-стахановцев, значительно снижают вес порций».

Эта же газета пишет 19 августа, что «Порции в столовой открытого типа на углу Сретенки и Даева переулка (Москва) очень маленькие. Суп подается холодный. Посуда всегда грязная, персонал груб».

Уборка хлеба.

Газета «Известия» описывает в № 203, как протекает на Алтае уборка урожая этого года.

«Алтайцы к 20 августа скосили меньше половины зерновых, а обмолотили всего лишь треть скошенного. Некоторые районы и колхозы затягивают сдачу зерна государству. В артели им. Ворошилова, Каменского района, лежит свыше 2000 центнеров хлеба нового урожая, но за полмесяца колхоз не сдал государству ни одного пуда. Темпы уборки на Алтае недостаточны в первую очередь и главным образом потому, что огромный машинный парк края используется неудовлетворительно, а большинство комбайнов, тракторов, молотилок по-настоящему в работу не включены до сих пор. Комбайнами убрано меньше одной пятой всего скошенного хлеба. Плохая работа машинно-тракторных станций сказывается на темпах уборки даже в передовых районах».

ХРОНИКА

— В память о героических боях на Кубанском предмостном укреплении, по приказу Адольфа Гитлера, будет учрежден новый знак отличия «Кубанский щит».

— В последнем номере самого распространенного иллюстр. немецкого журнала «Сигнал», № 20, помещены в величину целых страниц снимки «Борцов за свободу» — казачьего офицера и казачьего раз'езда.

В Варшаве.

По техническим причинам казаки, проживающие в Варшаве, отметили Казачий праздник 24. X. с. г. В этот день в местном соборе были отслужены панихида за всех Атаманов и казаков, павших в борьбе за Волю и Свободу Казачества, и молебен о здравии живущих и борящихся за общеказачье национальное дело.

В соборе собрались почти все казаки, проживающие в Варшаве, а также много приехавших казаков из провинции и других городов Генерал-Губернаторства. Присутствовали и казаки из формирующихся частей вместе со своим командиром.

После богослужения состоялась дружеская беседа казаков, во время которой была присутствующим предложена чашка чая. Затем начались казачьи песни и танцы. Большое впечатление произвело выступление казака-бандуриста А. П. Черного, исполнившего ряд казачьих песен.

— **В Праге** каждую субботу от 18 часов происходят дружеские встречи казаков в помещении ресторана «У Медведя» — Прага II, Степанская 9.

В Праге в пятницу 19 XI в 10½ часов, в годовщину смерти есаула С. Л. **Тищенко**, ст. Вознесенской, Кубань, будет отслужена в приделе св. Николаевского храма панихида.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

— **Пензев** Савелий Павлович, ст. Восточной, Кубань, разыскивает сына Алексея. Писать на «К. В.».

— **Чекин** Петр, ст. Орловской, Дон, разыскивает братьев и других родственников. Писать:

Dorf Zebry Ostrowy. Post Scharfenwiese. Ostpreussen.

— **Чиков** Николай Петрович, ст. Атаманской, Дон, разыскивает сестру Варвару Вандышеву, выехавшую в 1920 г. из г. Коканда и проживавшую в Вене. Писать на «К. В.».

— **Кучура** Илья Матвеевич, ст. Государственной, Терек, разыскивает отца Матвея Ив. Кучуру, родственников Василия и Ивана Гапкаловых и одностаничников Якова и Ивана Николаевичей Никулиных. Все эмигрировали заграницу и находились в Софии, Болгария. Писать на «К. В.».

— **Малахов** Николай Яковлевич, ст. Цымлянской, Дон, разыскивает своего брата Миханла, находившегося до 1928 года в Хорватии. Писать на «К. В.».

— **Борода** Федор Прокофьевич, ст. Васюринской, Кубань, разыскивает брата Михаила, одностаничников Даниленка Николая Вас., Камышного Дениса Степан., Безценного Николая Васильевича из Екатеринодара, находившихся в зарубежьи. Писать на «К. В.».

КАЗАКИ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О СВОИХ ВЗНОСАХ НА ПОДДЕРЖКУ КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОРГАНА — «КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК».

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinské matice,
Praha - Nusle, II, Gutenštejnská 6

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 24 (55) 3 JAHRGANG 3 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ДЕКАБРЯ 1943 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70
Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach, 188. Telephon 634-70,
Неприняные рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

КАЗАКИ!

Казачьи войска никогда не признавали власти большевиков.

Старшие войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству.

Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда, вы, казаки, закалили себя в боях.

Когда большевизм поработил Россию, вы, с 1917-го года по 1921-й, боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходившим вас числом, материальными средствами и техникой.

Вы были побеждены, но не сломлены.

На протяжении десятка лет, с 1921-го по 1933-й годы, вы постоянно восставали против жидовской власти большевиков.

Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями, с малыми детьми на тяжкие работы на крайний север, где вы погибали тысячами. Вас расстреливали, уничтожали. Вам приходилось скрываться, вести жуткую жизнь постоянно гонимых и ждущих казни людей.

Ваши земли были отобраны. Войска ваши уничтожены.

Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи!

Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам — вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники.

Вы с семьями, всем народом, ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, биваки в зимнюю стужу, кочевую жизнь — рабству под большевиками.

Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с Германскими войсками.

Вы пережили весь ужас жидовской власти большевизма и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздаяние заслуг ваших на поле брани в нынешнюю величайшую войну совершенных;

В уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысячи лет принадлежащую;

В сознании прав ваших на самобытность —

Считаем долгом нашим утвердить за вами, казаки, и теми иногородними, которые с вами жили и с вами доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.
2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.
3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных толикими трудами, заслугами и кровью предков ваших.
4. Если-бы военные обстоятельства временно не допустили-бы вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

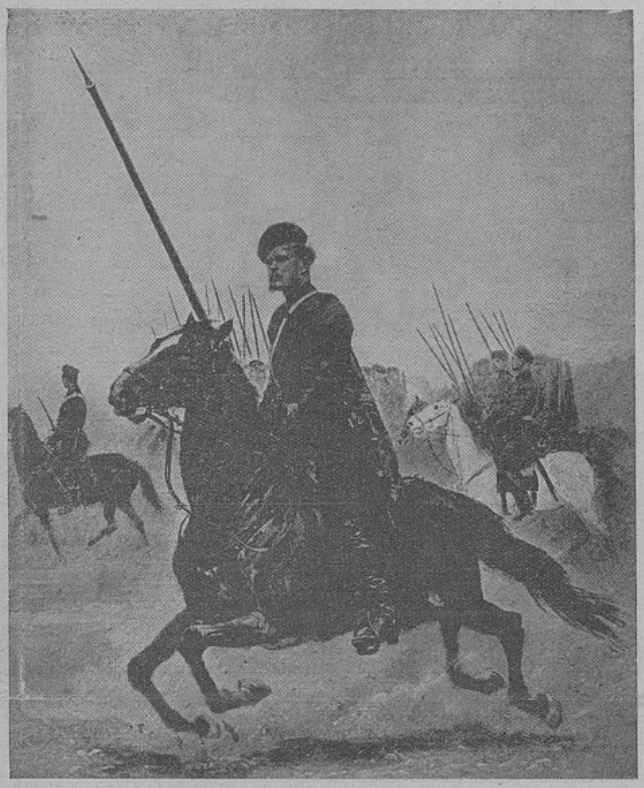
Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения Новой Европы и создания в ней порядка, мира, и мирного, счастливого труда на многие годы.

Да поможет вам в том Всемогущий!

10-го ноября 1943 г.

Начальник Штаба
Германского Верховного Командования
Кейтель.

Райхсминистр
Восточных Областей
А. Розенберг.

За честь Отчизны, за Казачье Имя.

Archiv „Der Kosakenbote".

С чувством радости и глубокого удовлетворения прочтет каждый казак помещаемое выше историческое об'явление Германского Правительства.

Гордостью и казачьим самосознанием наполняются сердца казаков, получивших перед лицом всего мира оценку своей освободительной войны, войны за право жить на своей Казачьей Земле, оценку роли и значения казачьего народа в борьбе против большевизма.

Германское Правительство признает вековое славное прошлое целого нашего Казачьего народа, имевшего свою собственную государственность, ни от кого не зависимую. Оно с особой подчеркнутостью говорит о свободной, вольной казачьей жизни, не знавшей ни рабства, ни унизительного крепостного труда, жизни, которая протекала в независимости от московского государства.

Германское Правительство, отмечая героическую борьбу нашего казачьего народа в период 1917—21 гг., отмечая борьбу Казачества против во много раз превосходящего противника, высоко ценит жертвенную, полную высокого национального под'ема борьбу за свою казачью самобытность, за свою возрожденную свободную народную жизнь. Это признание Правительства доблестного и героического Германского Народа наполняет нас гордостью и высоким народным казачьим самосознанием.

С глубокими чувствами симпатий и сочувствия отмечаются ужасные нечеловеческие муки и страдания нашего побежденного, но не сломленного Казачьего Народа под московским большевицким игом, постоянные восстания казаков, выселение и уничтожение, ограбление и преследование славного Казачества, с нетерпением ждавшего своего освобождения.

Это освобождение принесла доблестная Германская Армия, встреченная нашим народом как действительная освободительница.

Высоко и трогательно ценится и очередной Великий Исход шестой казачьей эмиграции от того же московского насилия и угнетения, как и прежние времена нашей казачьей истории, массовый уход Казачьего **Народа,** предпочитающего скитания по чужбине, ужасы войны «братской» власти советов.

Казачество в этом историческом документе официально признается не только народом, но и высоким, почетным именем **Союзника** Великой Германии, честным и верным союзником, доказавшим свою преданность и верность в жертвенном и непоколебимом своем почти двухлетнем участии в общей борьбе против жидо-большевизма.

Германским Правительством признается непрекосновенность казачьей территории, нашей исконней Казачьей Земли, обильно политой кровью и потом наших славных казачьих предков и издревле принадлежавших нашему казачьему народу.

В полном согласии с решениями казачьих законодательных органов (Кругов и Рады) и с стремлениями казаков националистов признаются одинаковые права и обязанности не только за казаками, но и за иногородними, жившими на наших казачьих просторах и несущими наравне с казаками одинаковые обязаности и жертвенность в общей борьбе за благо и счастье общей казачьей родины.

Правительство Германского Народа признает все права, какие имели наши предки в прежние времена своего независимого от Москвы существования, во время возрождения свободной казачьей жизни после российской революции, признается самобытное устройство казачьей жизни, стяжавшее историческую славу казачьему народу.

Германское Правительство всецело признает все тяжести и лишения, какие выпали на долю нашего страждущего народа, и, в случае, если бы военные обстоятельства не позволили бы казакам возвратиться в ближайшее время в свои Казачьи Земли, проявляет свою рыцарскую готовность **временного** обеспечения казачьей самобытной жизни в Европе под высокой защитой Фюрера, снабдив всем необходимым для самобытной казачьей жизни.

В заключении говорится о равноценности казачьего народа с остальными народами активно принимающими участие в современной борьбе по созданию новой Европы — Европы порядка, мира, и сотрудничества народов, призывается к этой работе и славное Казачество.

Казаки могут быть горды тем, что в них не застыла кровь казачья, не уведает старая слава их предков, но, что и теперь, после долгих годов кошмарных мучений и мытарств, после расселения и всяческого уничтожения Казачества, после уничтожения и самого имени **казак,** они своими жертвенностью, подвигами и неутомимой работой в полном блеске возродили и воскресили славное имя нашего Казачьего Народа, ему же честь и слава пусть будет на многие и многие лета!

Слава Казачеству!

По случаю помещаемого нами обращения Германского Правительства бывший Атаман Всеведикого Войска Донского генерал от кавалерии **П. Н. Краснов** обратил-

(продолжение на 2-ой стр.)

Инж. Ф. Полковников.

Казачья печать.

Что такое казачья печать?
Зачем она нужна?
Какие ее цели?

Казачья печать — печать казачьего народа, пользуется ли она языком русским, украинским или каким угодно языком.

Смешно было бы утверждать, что печать в Америке есть печать английская, смешно бы было утверждать, что печать в Швейцарии — французская, немецкая или итальянская.

Каждый народ имеет свою национальную печать не потому, что так «кто-то» хочет, не потому, что так «кому-то» выгодно, а потому, что национальная печать есть органическое и неизбежное выявление народных мыслей, чаяний, идей и стремлений.

Могут быть фальсификаты национальной печати, все это может быть, но и сами «фальсификаты» только доказывают неизбежную необходимость национальной печати, которая нужна каждому народу, как нужны воздух, пища, вода.

Как всякая национальная печать, неуклоняющаяся от об'ективности и действительности, имеет своей задачей с одной стороны быть зеркалом национальной жизни своего народа, а с другой — помочь своему народу итти национальным путем, — так и наша **казачья** печать должна быть тем необходимым путеводителем своего казачьего народа, который так необходим особенно сейчас в дни кристализации казачьей народности, в дни выявления казачьих национальных идеалов, в исторические дни казачьего национального возрождения.

Национальная казачья печать нужна, национальная казачья печать необходима, потому что только национальная казачья печать и хочет, и может, и скорбит, и радеет о каждом казаке и казачке, о всем Казачестве.

Для национальной казачьей печати дороги и родны все казаки, для национальной казачьей печати все казаки — казаки, а различаются на казаков-националистов, понявших ход исторических движений, и казаков, еще не понявших событий, казаков, заслепленных темным прошлым, казаков, не видящих действительности, казаков, не понимающих свою же казачью будущность.

Национальная казачья печать не только нужна и необходима — национальную казачью печать невозможно заглушить, невозможно стереть, невозможно убить, национальная казачья печать будет, будет вопреки всем гонениям, будет до тех пор, пока будут существовать казаки.

Нац. казачья печать есть доказательство о существовании Казачества, казачья нац. печать не может умереть и исчезнуть раньше смерти и исчезновения самого Казачества.

Само Казачество и казачья нац. печать не есть два каких-то независимых, отдельных явлений жизни, а одно органическое целое.

Национальный путь Казачества без нац. казачьей печати был бы или **невозможен** или **неизмерно** тяжелей, неизмерно **терниcтей** и неизмерно **длинней** к конечной цели всякого, как и нашего казачьего национализма — к полному своему национальному возрождению, к созданию своего национального организма.

Цель всякой нац. печати — счастье своего народа. Счастье каждого народа, в конечном итоге, не состоит, конечно, в рабстве, хотя бы и позолоченном.

Счастье каждого народа есть возможность жить своим бытом, молясь своим богам, едя свой хлеб, веселясь своему счастью и плача над своим горем.

Цель казачьей нац. печати — счастье своего казачьего народа.

Счастье казачьего народа есть полное казачье национальное возрождение под водительством лучших людей Казачества, в границах Земли Казачьей, с казачьим бытом, с казачьим счастьем, с казачьим горем.

Счастье **Казачьего Народа в Национальном Казачестве,** путь же к национальному Казачеству не возможен без своей национальной казачьей печати.

Казаки!

10-го декабря — День Казачьей Печати. Она выражает ваши чаяния и стремления, духовно об'единяет вас, поддерживает между вами взаимную связь, поддержите и вы свою печать не только морально, но и материально — посылкой своей лепты на ее укрепление и расширение.

Казаки, цените и берегите свою национальную печать!

Инж. Д. Еременко.

О казачьей прессе.

В прошлом Казачество своей национальной прессы не имело. О своих чаяниях, стремлениях и делах оно писало больше острой шашкой, пером же за него писали другие, не-казаки, а если казаки, то, за небольшими исключениями. Писали те, которые, будучи воспитанные в не-казачьем духе, порвали духовную связь со своим народом и смотрели на казачью жизнь через великодержавные царские или же советские очки. Писали они то, что им приказывало их единонеделимическое начальство, будь то белого или же красного оттенка. Они казачьи чаяния и стремления старались подменить чуждыми казакам лозунгами «единой и неделимой» или же «за любимого отца народов Сталина».

Благодаря такому положению вещей, в прошлой жизни Казачества было много событий и явлений, которые кажутся на первый взгляд не понятными. Так, например, в 1917—1920 гг. казачья народная масса восстала против красного хама, ворвавшегося в его дом. При года с невероятным напряжением всех своих духовных, материальных и физических сил боролась она за свои хаты, курени, за свою обильно потом и кровью политую Землю. Тогдашние руководители Казачества эти естественные стремления своего народа подменили, благодаря соответствующей прессе, лозунгами белых контр-революционных генералов, и пытались с помощью казачьего оружия навязать русскому народу волю этих генералов. В результате толща русского народа, которая, вполне понятно, стремилась отобрать от помещиков и капиталистов землю в свои руки, смотрела на казаков, как на помощников и сторонников буржуазного класса, и казаков поэтому ненавидела. О действительных чаяниях казаков, о том, что казаки совсем не собирались вмешиваться в чисто русские дела, там, на севере, народная масса ничего не знала. Так было на внутреннем фронте.

Иностранная же общественность, как мы за долгие годы нашего пребывания заграницей выяснили, смотрела на казаков как на «самый высший слой русской аристократии», в лучшем случае, считала казаков богатым русским сословием, которое жило с мозолей рускаго народа и т. д. Естественно, симпатии этой общественности тогда не были на стороне Казачества, которое поэтому осталось одиноким в жестокой борьбе с большевизмом и, в конечном счете, борьбу эту проиграло. Казачество тогда не имело во вне своего голоса, не имело своей чисто казачьей печати; его представляли во вне его «московские опекуны» и представляли они казаков в кривом зеркале. Кто же из казаков пытался сказать свету правду был этими «опекунами» будь убит из-за угла (Рябовол) или же повешен (Кулабухов).

В настоящее время, благодаря казачье-национальной печати, которая была заружебжным Казачеством возрождена, Казачий народ приобрел свой национальный облик. Правда, в данное военное время имеется пока единый казачий национальный орган — «Казачий Вестник», но пройдет немного времени и этот орган размножится. Будут и свои казачьи издательства, которые наверстают то, что не могло быть сделано Казачеством втечении прошлого четверть столетия.

Сейчас остановлю внимание читателей на военной казачьей прессе. Раньше ее у нас никогда не было, а сейчас она находится лишь в состоянии организации. Верно, что слава о казаках, об их беззаветной храбрости, доблести и удали гремела по всему свету, о ратных делах казаков знал весь мир. Но эта слава и известность были весьма своеобразные, порой очень противоречивые и часто совсем не в пользу Казачества. Не лучше дело обстояло и во внутренней жизни. Русские официальные круги писали о казачьих подвигах изредка лишь в коротких военных реляциях, в ежедневной прессе отменным казачьим военным делам уделялось весьма мало места, вернее, совсем не уделялось. Казачья молодежь воспитывалась в традиционной казачьей боевой отваге скорей по рассказам стариков, их отцов и дедов, подвиги которых нигде не были записаны. Много беспримерных казачьих боевых доблестных дел из-за отсутствия казачьей военной прессы предалось забвению, с течением времени забылись и, конечно, последующее казачье поколение о них почти ничего не знало, а если и знало, то очень мало, и в неточном содержании.

В прошлом, благодаря отсутствию военной казачьей прессы, не было контакта между казачьими воинами на фронте и казачьим народом в тылу. О всех делах непревзойденной казачьей отваги, лихости и доблести отцы, деды, младшие братья и сестры бойцов ничего не знали. Не знали они о действиях не только отдельных казаков, но даже целых казачьих воинских соединений. О бытовой жизни казаков на фронте их народ вообще и понятия не имел, ибо эту жизнь никто не фиксировал.

Решением Германского Верховного Командования все отдельные казачьи части в настоящее время сводятся в крупные казачьи соединения. Надо предполагать, что в ней будут представлены все роды оружия, как и новый род оружия — пропаганда, во всех ее видах.

Казачьим командирам, в руки которых судьба вручила руководство этими боевыми казачьими соединениями, надлежит не забывать и важного модерного оружия, т. е. военную прессу, значение которой едва-ли кто будет оспаривать. Как это установлено в армиях иных народов, необходимо назначить казаков, владеющих пером на должности военных корреспондентов, журналистов, при полках, батальонах, дивизиях и т. д., и вменить им в обязанность фиксировать жизнь части, в которой они состоят как на передовой, боевой линии, так и в тылу, на отдыхе. Заметки или очерки этих корреспондентов следует не откладывать в долгий ящик, а печатать в казачьей или же иностранной прессе.

Эти бойцы «пера» своей работой на фронте будут являтся связывающим звеном между боевыми частями и их народом.

Короткий наш опыт показал, что скрытые потенциальные силы в этом отношение в казачьем народе имеются немалые. В казачьих частях сейчас имеется немало казаков, которые эту работу исполнили бы с большим успехом. В «Казачьем Вестнике» не раз уже появлялись статьи от казаков с фронта, были между ними и прекрасные статьи чисто бытового характера. Это показывает, что не так мы, казаки, бедны людьми «пера», как это на первый взгляд казалось бы. Следует лишь это провести в рамках организации с верху и не предоставлять это самотёку и случайности.

Результаты трудов бойцов «пера» не замедлят проявиться. Для Казачества в будущем эта работа будет иметь огромное значение. По этим материалам казачьи историки и писатели будут изучать нашу эпоху, а казачья молодежь будет воспитываться в традиционно-военном казачьем духе.

При этом не следует работу корреспондентов ограничивать лишь работой в области писанного слова, необходимо одновременно обратить внимание и на значение фиксирования жизни воинских частей путем фотографий, которые бы тоже помещались как в периодической, так и в ежедневной печати. Десятки удачных фотографий иногда скажут вам более, нежели писанное слово.

В данное время большое значение в армиях иных народов имеют радио-передачи, фильмы, и эти достижения техники для нас, казаков, должны быть также доступными.

В настоящее ответственное время Казачий народ активно ведет борьбу с большевизмом как с оружием в руках, так и своим печатным словом. Посему, наряду с ростом казачьей воинской силы, мы должны одновременно умножать, усовершенствовать и расширять казачью прессу. Наше всестороннее участие в окончательном сокрушении большевизма явится залогом возрождения нашей Казачьей Родины — Казакии.

(Окончание с первой стр.)

ся к казакам с обращением, которое мы почти полностью приводим.

«С каким волнением прочтет казак об'явление Германского Правительства, подписанное высокими его представителями, начальйиком Штаба Германских вооруженных сил генерал-фельдмаршалом Кейтелем и министром Восточных областей Розенбергом.

...Пришло, чего ждали казаки! Пришло **удостоверение Германской власти в признании казачьих заслуг перед миром, обещание защиты и покровительства** Вождя Германского Народа Адольфа Гитлера.

Старые казаки! В этот великий день признания ваших прав на свободное существование, предками вашими и вами великою кровью и многими муками заслуженное, забудьте ваши недавние страдания по тюрьмам и ссылкам, ваше унижение, потери близких, голод и болезни.

Выше головы!

Вы казаки!

...Война с коммунизмом не кончена. Нужно уничтожить коммунизм везде, где он может помешать вам получить то, что вам дается теперь.

...Где бы это ни было мы, казаки, должны везде, где нам укажут, не щадя жизни своей, споспешествовать этой победе.

После этого **будут свободные Дон, Кубань и Терек, Свободное Казачество** под защитой Германии Адольфа Гитлера.

Тогда — на своей-ли исконней или на временно вам предоставленной земле — соберутся Войсковые Круги и Рада, будет выбор Атаманов, устройство казачьих Войск, могучая, захватывающая творческая работа всех — казаков и казачек — для создания казачьих образований — образца христианской веры, казачьего трудолюбия и необычайной казачьей способности на голом «Диком поле», в горах, в лесах и дебрях устраивать благодатный, богатый Край, ставить церкви и школы, создавать всю красоту старинного казачьего быта.

Бог в помощь, казаки! В добрый час!

Петр Краснов,
Казак Каргинской станицы
Всевеликого Войска Донского».

Николай Посохов.

Роль и значение Казачества в деле защиты христианской культуры.*)

(Окончание.)

Нам хотелось на основани многих фактов, подчеркнуть то почетное место, какое принадлежит казакам в борьбе с большевизмом, тем более, что казаки до сих пор тяжело переносят только отрицательные результаты этой борьбы, стоившей неимоверных жертв, крови и нечеловеческих напряжений всех физических и моральных сил Казачества, которое не может на родной земле радоваться своим вольностям и свободам.

Народы Европы, стремясь строить свою государственную жизнь на принципах христианской морали и справедливости, для обезпечения мира прибегали к соглашениям и договорам устным и письменным, и нарушение раз данных обещаний или подписанного договора правительством или вождями данного народа всегда рассматривалось, как вероломство и предательство. Все правительства России особенно страдали и страдают этим хроническим нарушением своих обещаний в отношении тех народов, которых они намеревались или намериваются прибрать к своим рукам или приобщить к своей большевицкой идеологии.

Казаки первыми поняли смертельный губительный яд большевицкой антихристианской доктрины для всякого народа да и государственного организма, стремящегося построить свою жизнь на правах здоровых начал, и первыми приняли на себя удар красных подчищ Коминтерна. Народы Казакии и Украины и др., борясь и защищая свою восстановленную былую национально-политическую и экономическую независимость, вместе с тем явили миру небывалые примеры жертвенности в защите христианской культуры. Борясь за право жить свободными на своих исторических территориях, эти народы спасали также основные принципы культуры: религию, любовь к родине, семейный уклад, на которых зиждется вековая жизнь всех культурных народов, от ложных разрушительных идей Коминтерна, несомых на штыках Советской красной армии. Народы Европы и Азии тоже в конце концов поняли и разгадали цели Коминтерна и мирового жидовства и, об'единившись, защищают ныне не только собственную государственную безопасность, но и многовековую культуру не только Европы, но и всего цивилизованного света.

Русский большевизм, руководимый Коминтерном из Московского Кремля и провозгласивший в 1918 г. лозунг борьбы с капитализмом и с этим лозунгом пришедший к власти в бывшей России, для борьбы с национал-социализмом и фашизмом и вообще национализмом всех других культурных народов Европы вступил в союз именно с тем мировым капитализмом, против которого в 1918 году провозгласил борьбу и в течение четверти века вел пропаганду под лозунгом: «Мир хижинам — война дворцам». Время — диктатор более могучий из всех диктаторов, и будущее скажет, какой ценой заплатят эти союзники антихристианской доктрины. Кто пойдет с апостолами дьявола, не услышит на своей Земле ни гимна Богу, ни сладкого умиротворяющего звона колоколов.

Казачество и на этот раз сразу же влилось в общий фронт противобольшевицкой борьбы. Казачество зарубежное не оказалось одиноким в своей непрекращающейся с 1917 г. борьбе за казачьи национальные идеалы. К нему присоединилось и пополнило его и то Казачество, которое четверть века пережило социальный большевицкий опыт, нечеловеческий террор и уничтожение его советской властью.

Современная мировая война ведется под лозунгом социальной справедливости для всех народов Европы, выступивших на защиту культуры, права, порядка и справедливости.

Казачество уже и в этой войне стало не маловажным фактором в борьбе со своим вековым врагом, и глубоко верит в конечное торжество справедливости для себя. На полях славы и чести оно пишет новые славные страницы своей истории, не будучи еще историческим народом только потому, что ненасытная Москва присвоила его историю и метрику и подменила их своими фальшивками. Но правда о Казачестве постепенно открывается народам Европы. Известный публицист Лучио Саери в газете «Ле Ультиме Ноттиции», изложив в ряде обоснованных статей казачью историю, пишет 26. V. 1943 г.: «Сегодня казачья история не прекратилась, **казачья история продолжается**, а с ней продолжается и его борьба против Москвы».

Казачество всегда черпало и черпает свои силы и непобедимый дух в своем прошлом, в прошлом своих славных бессмертных предков и своим настоящим закладывает прочный фундамент для будущего его достойного существования в новой обновленной Европе. Слава Казачеству!

*) См. «Казачий Вестник» № 20-21, 22, 23.

Проф. А. М. Андрієвський.

Хто були запорожські козаки?

На це питання було два протилежні погляди: одні бачили у козаках лише бойовників за ідею — лицарський орден, напівволенне, напівчернече братство та їх ідеалізували. Другі, навпаки, вважали козаків за гніздо розбійників, що глядять лехкої наживи, тікають від влади й порядка, викликають заколоти у державі та по за нею; наводять ворогів на свою батьківщину.

Перший погляд заснований на свідоцтвах про козацьку вдачу сучасників. Цих свідоцтв є досить. Ось деякі з них: польський письменник Папроцький (1584 р.) говорить про запорожців, що вони, склавши лицарський круг, піднесли Зборовському гетьманську булаву, а він мав до них промову, у якій називав їх лицарями. Владислав IV, польський королевич, якого у поході 1621 р. було доручено опіці Сагайдачного, бачучи лицарство козаків, казав їм перед повстанням Хмельницького: «Ви есте рицарі, маєте мушкети і шабл; а вець маєте чим боронити ваші вольності». Кошовий Сірко казав: «я не противлюсь королеві, а ні буду; стану з вами разом і згину разом; аж за вольність, а що було, одно минулось, друге забулось, бо миритись чи битись — лицарське».

Поляки не всі визнавали за козаками право на вольности. Воєводич Данилович у 1636 р. казав козакам, аби вони заровно отправовали підданство, як й міщани», а вони на це відповіли: «ми есьмо люд рицарський, тому не привикли, бо то нам не звичай».

Нарешті, Наливайко писав до польського короля Сигизмунда III: «я служив германському императору не за жадні гроші, а з самої хуті нашої лицарської».

Другий погляд заснований на офіційних документах Польської і Московської влади. Ці документи тенденційні й сторонні. Чому? Бо в інтересах Польщі й Москви було оголошувати козацькі землі за дике поле, а козаків за збігців-волоцюг. За польською і московською владою йшли їх присяглі історики. На це для прикладу подаємо два докази, а є їх далеко більше. В акті 1559. р. дається інструкція од влади московським послам, як вони мають відповідати польським послам на запитання: кому належить Дніпро й розуміється, землі коло нього. Посли повинні були відповісти, що Дніпро належить Москві й так це аргументували: «Днепр Государя нашего, потому что течет из Государя нашого земли». А польський історик 17 в. пише: «нагадуєм, щоб ніхто не помилявся у назві козаків, як це робить дуже багато, не знаючи справи, вважаючи козаків за окремий нарід, що держить власні землі та живе у власній республиці або тетрархії, як це робить бискуп Пясецький (Чтенія Нестра Літописця 1894. р., кн. 8., ст. 75).

Як дивились на запорожських козаків найближі до них люди? Маємо меморандум з Червня 1730. р. до турецького уряду гетьмана Пилипа Орлика, що перебував тоді на еміграції. Орлик поділяє козаків на українських і Запорожських. Перші складають цілий Козацький нарід на Україні. Ось як про долю його пише Орлик: «Цей бо народ, люблячи без міри свою свободу, незломленій силою та усяким лихом неспрятливої долі, після стільки перемог над поляками, тріумфуючий та могутний, добровільно звернувся під опіку Москви з цілою просторіню своєї країни на обох берегах Дніпра, при цьому заключив вступний договор про непорушність своїх законів та свобод».

Далі Орлик пише про те, як усі договори було Москвою порушено, свободи й вольности козацькі поступово скасовано, козацькі землі роздано московським генералам та вельможам а самих козаків, у цілях знищення цього воїнського народу, десятками тисяч заслано на тяжкі праці до Петербургу та до Персії.

«Козаки» — пише Орлик — «для звільнення себе від такого страшливого тиранства залишили свої оселі та втікли, куди можна було й не куди інше, як до мого війська, як до своїх товаришів і братів на **Запоріжжа, що є джерелом і корінням та майже захистом козаків».**

Російський уряд поволі забрав у Козацького лицарського народа всі вольности і свободи, не забаром знищив останній притулок козацтва — Запорожську Січ. Сталось це за цариці Катерини у червні 1775. р.

Зі справи про конфіскацію добр запорожської старшини бачимо, що на запорожських землях, по обидва боки Дніпра, було коло 4000 зимовників; 45 слобід. Всі теперешні великі міста: Миколаїв, Кривийріг, Херсон — це були запорожські слободи. Зимовники — це козацькі хутори. Козаки ставили млини, мали пасіки, сіяли хліб. Головне багацтво було — коні. На запорожських землях випасались цілі табуни коней. Кіньми запорожці торгували з Польщою, а також з Західньою Европою.

Запорожська Січ — це був центр війська — замок, де зберігались засоби зброї. Тут було козацьке управління, сюди повинні були з'являтись на службу козаки. У вільні від служби часи вони жили по зимовниках. Були козаки багатші і бідніші; перші мали більше землі, могли мати підданих, що козацької служби не несли, а лише працювали у хуторах. Уся територія вважалась власністю війська запорожського. Займати її можна було лише за дозволом військової влади.

Січ була зруйнована, старшини заслані, а козацький народ всеж залишився. Спомин про перепетії своєї несприятливої долі залишив у чисельних оповіданнях і піснях.

Що ж уявляло з себе з правного боку Запорожжа?

Це була держава, воно мало свою територію, владу; користалось суверенітетом. Коли виникла ця держава, який саме народ її заснував? — цього, з причини відсутности історичних свідоцтв, з певністю не знаємо, але не збігці з Польщі заснували її. Запорожжа вже було, коли туди приходили шлях тичі не тільки з Польщі, а з цілої Европи. Початок Запорожжа, правдоподібно, сягає аж до тих часів, коли тут жили народи, що носили назву «кас» або «сак». Цю назву та свою вдачу вони передали своїм нащадкам запорожцям. Ці народи, кажуть учені, були індо-германського пня, правдоподібно, що од нього походило головне ядро запорожців. Запорожці по вдачі лицарі, це правда, але не був це лицарський орден. Був це народ, що посідав свою територію, мав свою історичну долю. Був він у княжеські часи; не знищило його татарське лихоліття та коли татари ослабіли, почав відигравати активну ролю. На Запорожжі горів вогонь, а искри од нього летіли на цілу козацьку Україну. Виходці з Запорожжа не тільки кревно з'єднались з тубильним народом, що посідав богати землі, дали йому назву «козако-руської нації», а й прищепили йому ідею козацького суверенитету, повели в бій проти Польщі і нині козацькі нащадки за туж ідею ведуть боротьбу з Московською навалою.

Инж. Вл. Донецкий.

Исторический акт.

Свершилось величайшее, судьбоносное. Властным словом рыцарства пали вековые, раздиравшие тело и душу казачью, цепи рабства, злобы и насилия.

Из хаоса величайшей битвы народов, очищенное огнем, кровью и беспредельными страданиями, выступает и занимает свое место среди народов нарождающейся Новой Европы могучий своей волей и духом, рыцарский и свободолюбивый казачий народ.

Героическая четырехсотлетняя борьба Казачества с московскими централистическими устремлениями, борьба за свое право древнего казачьего обыкновения дает свои успешные результаты. День 10. XI. 1943 г. решительно повернул руль казачьей истории, направив ее к берегам права, порядка и свободы. В этот день, вписанный драгоценнейшими неизгладимыми буквами в историю казачьего народа, Правительство Германской империи, ведя борьбу за освобождение Европы от большевицкого зла, первым из государств мира признало право казачьего народа на свою Землю, на свою самобытность и свое бытие.

Начавшийся в 1549 году организованный, систематический поход Москвы на свободные, самостоятельные казачьи государства, завершился к 1917 году полным порабощением некогда свободных казачьих граждан и обращением их в служилое военно-полицейское сословие, охранявшее интересы правящего класса Российского государства.

На короткое время 1917—20 гг. Казачеству удалось вернуть утраченную свободу своей Отчизны. В кровавой и упорной борьбе оно всенародно отстаивало свое добытое право, но обессиленную от необычайного напряжения своих сил и обезкровленную Казачью Землю в 1920 г. залил поток враждебной ему большевицкой стихии, принесшей казачьему народу невиданное рабство, беспредельное угнетение и нечеловеческие страдания.

Овеянный многовековой мировой славой, свободолюбивый героический народ был на краю своей окончательной гибели. И вот, в эти, роковые и решительные для Казачества минуты, пришла к нему надежная помощь в лице славнейшей в мире Армии Великой Германии, освободившей казачий народ и вдохнувшей в него новые силы и бодрость для дальнейшей борьбы за свое право на земле.

Будучи справедливым и последовательным в своих действиях, Правительство Германии 10. XI. 1943 г. обнародовало свое отношение к казачьему народу.

Мы, казаки националисты, с особенной радостью отмечаем, что этим актом решаются в положительном смысле основные задачи, поставленные в свое время Казачьим Национальным Движением в программу своей работы и предложенные в свое время соответствующим органам и учреждениям.

Наше постоянное утверждение о праве казачьего народа на независимое от Москвы бытие, основанное на историческей действительности, нашло подтверждение в этом историческом акте — **«Старшие Войска Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое) жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству».**

Не прошла незамеченной, незабытой и наша недавняя героическая война за те же цели и с тем-же врагом — **«Вы, с 1917-го года по 1921-й, боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходившим вас числом, материальными средствами и техникой».** Борьбу эту преемственно восприняли от нас начавших ее и не сложивших оружие перед дерзким, жестоким врагом-пришельцем, и продолжают наша гордость — молодые орлята, наши сыновья и внуки, не изменившие казачьей Родине нашей и не посрамившие наших седин и славного казачьего прошлого. Да и иначе и быть не могло, ведь они же плоть от плоти и кровь от крови сыны и братья наши, одно тело, одна кровь, один дух, казачий дух.

Германское Правительство, оценивая отношение к себе казачьего народа, встретившего Германского Солдата как своего освободителя и союзника, в своем великодушии отвечает Казачеству тем-же отношением к нему, признавая его своим верным союзником — **«Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!»**

Великие цели достигаются великими же жертвами. Право и способность самостоятельного бытия Казачество доказало своей готовностью к величайшим жертвам для достижения своей цели. Актом 10. XI. 1943 г. засвидетельствовано и это качество казачьего народа — **«В воздаяние заслуг ваших на поле брани в нынешнюю величайшую войну совершенных»**...

Принимая во внимание совокупность факторов: 1) принесенные жертвы, 2) наличие стремления к свободному бытию, 3) право, вытекающее из исторической действительности, **«в уважении прав ваших на Землю, кровью предков ваших политую, и вам подтысячи лет принадлежавшую, в сознании прав ваших на самобытность»** Правительство Германии гарантирует казачьему народу возвращение утерянных в течении четырех столетий прав казачьего народа, гарантирует казачье право на самобытность, гарантирует непрекосновенность политой кровью казачьих предков территории.

Наивысший рыцарский дух проявлен в акте по отношению к Казачеству, покинувшему свою родную Землю. Забота о нем достигает наивысшего предела — стремлением облегчить горькие минуты разлуки с родной отчизной созданием условий жизни с казачьим бытом под защитой самого Вождя Германского Народа.

В заключительной части обращения говорится о равноценности казачьего народа с народами Европы, активно принимающими участие в современной борьбе по созданию Новой Европы.

Казачий Народ знает теперь, за что пролил и льет потоки своей святой крови — за Свободу и Волю своей Казачьей Земли, за свое вольное бытие, за свое древне-казачье обыкновение.

И. Бочаров.

Народы в Новой Европе.

Англия и Америка всегда выступали в роли лицемерных защитников и покровителей малых народов. Еще 25 лет тому назад они выступили с декларацией о самоопределении народов. Однако, это самоопределение выразились преимущественно в голословности, большой шумихе и предоставлении прав лишь тем народам, которым это было выгодно для интересов англо-американцев и стоящего за ними жидовского кагала.

Казачество, ведя встенародную героическую борьбу за свое бытие, выслало на Версальскую конференцию свою делегацию с тем, чтобы добиться на ней признания на самоопределение казачьего народа, защищающего свои исконние права. Но эта делегация, как и делегации многих других народов Востока Европы, не была допущена дальше передних конференции.

Больше того, когда Англия и Франция вывезли из Казачьих Земель необходимое для них сырье и продукты, когда выгодно предоставили казакам свое старое и им уже ненужное оружие, устами своих представителей генералов Пуля и Франше-д'Эспере в ноябре-декабре 1918 года требовали от Атамана Всевеликого Войска Донского П. Н. Краснова отказа от возрожденной казаками свободы и независимости и вынудили подчинение Казачества генералу Деникину, представлявшему интересы русских реакционных кругов и защищавшему интересы так называемых союзников. Позже эти же «союзники», войдя в сношение с большевиками, предали борящееся против большевизма Казачество.

С началом нынешней мировой войны англо-американцы опять выступили в роли «защитников интересов цивилизации и малых народов», опять пытались и пытаются сыграть на своем старом обмане, «осчастливили» мир своим новым пропагандным трюком в подобии пресловутой «Атлантической харты». Жидовские приспешники всячески старались, надрываясь, доказать народам, какие благие и человеколюбивые намерения имеют Рузвельт с Черчиллем.

Некоторые представители отдельных народов попались на жонглерскую удочку, поверив в искренность сулимых им обещаний и всяческих земных благ. Но их ликование продолжалось не долго. Состоявшаяся московская конференция трех сразу разбила их иллюзии. Эта конференция ясно показала, что за красивыми фразами «Атлантической харты» скрывалось очередное эгоистическое предательство Англии и Америки, предоставивших народы Европы для большевицких экспериментов московских заправил.

Эти «союзники», прячась за высокопарными словами о «защите культуры и демократии», на самом деле взяли на себя позорную роль саботажников и гробокопателей свободы и независимости народов Европы. Именно они являются виновниками того, что угнетенные народы СССР еще в первый год войны не сбросили большевицкое иго. Именно они являются теперь соучастниками и виновниками в ужасном угнетении и в нечеловеческих страданиях, какие переживает наш казачий народ и другие угнетенные Сталиным народы. Такую участь они уготовили на московской конференции и для других народов Европы.

Германия же без крика и шума, без ненужных пропагандных трюков преследует не только освобождение и консолидацию Европы, но и защиту национальных интересов и других народов, осознавших свое место в новой Европе и борящихся за новый Порядок. Германия не на словах, а на деле способствовала возрождению самостоятельности хорватского народа, потерявшего свою свободу много столетий тому назад, гарантирует свободу и независимость Словакии, Албании, неоднократно открыто заявляла, что она не имеет никаких территориальных интересов на Балканах и не желает вмешиваться в балканские дела в том случае, если Балканы будут принадлежать только балканским народам. Англия же в свое время дала Югославии и Греции гарантии, а ныне их предает красной Москве. Политика Германии основана на искреннем уважении всех наций и их прав. о чем свидетельствует и ее декларация в адрес арабских народов и Индии.

Декларация Германского Правительства от 10. XI. 1943 года, в которой перед лицом всего мира признаются права Казачьего Народа и за его заслуги в борьбе против большевизма дается казакам высокое и почетное имя честного и верного союзника Великой Германии, лишний раз свидетельствует о том, как высоко ценит Германия жертвенное участие в борьбе за великие идеи и какое ее настоящее отношение к народам Европы. Все это подтверждает, что только Германия и ее армия и армии союзных с ней народов являются действительной гарантией светлого будущего народов Европы.

И. Васильев.

Наша печать.

В жизни каждого народа играет громадную роль печатное слово. Особенно ценно оно тогда, когда является отражением души народа, его чаяний и надежд, тогда оно становится еще больше дорогим и ценным народным достоянием. Вот почему каждый сознательный народ высоко ценит свое печатное слово и дорожит им.

И мы, казаки, имеем полное основание гордится своей молодой казачьей национальной печатью, ее достижениями, которые ей удалось сделать при невероятно тяжелых условиях в короткий срок.

Раньше мы не имели своей свободной казачьей печати, которая бы отражала наши чаяния и стремления, говорила бы о казачьих национальных интересах, знакомила бы казаков с их прошлым и настоящим, ставила бы перед ними задачи настоящего и будущего бытия Казачества.

Появление такой свободной, независимой казачьей печати было встречено, как и надо было ожидать, резкими нападками и протестами тех, кто не был заинтересован в пробуждении казачьего народного самосознания, не в интересах кого была проповедь казачьей правды. Сколько злобы и негодований, сколько козней и вредительства было предпринято врагами Казачества, чтобы заглушить, задушить свободное казачье слово. Однако, несмотря на все трудности и лишения наше казачье печатное слово, ведомое передними казачьими патриотами и поддерживаемое сознательными казаками, неуклонно вело свое святое дело и ныне уже завоевало свое место, и приобрело доверие всего национально мыслящего Казачества.

Казаки высоко ценят свой духовно-об'единяющий фактор, связывающий разбросанных по всему миру казаков, берегут свою казачью прессу.

Казачья национальная печать смело и открыто защищала и защищает все Казачество в целом, обнимает все жизненные вопросы нашего народа, отстаивает освобождение его от всякого внешнего посягательства, стремится к полному освобождению и созданию самодовлеющего, самобытного казачьего организма.

Наша печать на протяжении многих лет неутомимо и убедительно доказывает жизненные права нашего народа, ясно, понятно и открыто обозначив казачьи задачи и стремления. Она ознакомила и знакомит казаков с их народными особенностями и достоинствами, с их казачьей историей, с их бытом и способом жизни, с их бывшим унизительным служебным положением в бывшей России и с настоящим порабощенным положением под властью Советов, знакомит с вековой борьбой казаков за свою свободу и независимость, отчетливо и логически обосновала цели борьбы Казачества за свою казачью жизнь.

Наша казачья печать разбудила в Казачестве огромные творческие силы, дала возможность «появиться в свет» целому ряду талантливых казачьих писателей и поэтов, ознакомила читателей с трудами казачьих историков и многих казаков-специалистов в различных областях жизни.

Во вне казачья национальная печать знакомила общественность с Казачеством, разрушала ложь и предрассудки, какие были созданы неправильным и вражеским освещением казачьего вопроса, прививала привычки смотреть на Казачество как на самодовлеющий историко-социологический организм, преисполненный жизненных сил и могучей воли к свободному и самостоятельному проявлению себя среди иных народов. Она приобретает друзей, а друзья благожелателей, понимающих, сочувствующих и могущих быть полезными в трудном казачьем деле.

Трудно в короткой газетной статье описать все значение и колоссальную ценность и работу нашей казачьей национальной печати. Ее неоценимые заслуги и громадное значение отметил Руководитель КНД установлением Дня Казачьей Печати. Этим днем является 10 декабря — день выхода в свет первого номера казачьего национального журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво», внесшего огромный вклад в дело казачьего национального самосознания. И все Казачество всецело сознает роль и значение своей свободной печати, знает при каких тяжелых условиях она выполняет свою национальную работу, а потому оказывало и будет впредь оказывать свою полную моральную и материальную поддержку, беречь и ценить свое печатное слово, свою свободную казачью печать, выразительницу своих чаяний и стремлений, своих надежд и упований.

В. Авилов.

Необходимо сделать!

Никто теперь не может отрицать такой неопровержимый факт, как огромное и все сильнее пробуждающее народное самосознание Казачества, пробуждение его все усиливающей воли к самостоятельному политическому бытию. После российской революции казачий народ ступил на путь своего народного и государственного самоопределения, определил вехи своего государственного возрождения и с этого пути ничто уж его свернуть не может, ибо еще не было и нет примера в истории, чтобы народ, раз осознавший свое отдельное бытие, захотел бы от него отказаться, кончить свою жизнь самоубийством.

Самым здоровым и решающим фактором, обуславливающим и укрепляющим жизненность, является крепкое национальное самосознание и непреклонная воля казачьего народа к жизни и постоянное стремление отстаивать право на свою жизнь под солнцем. Эти ценные качества Казачество обрело. Теперь их нужно укрепить, углубить и расширить.

При этом громадную роль играет установление связи и преемственности между прошедшей, настоящей и будущей жизнью народа. Эта связь послужит еще большему уяснению народного пути, устранению с него совершенных ошибок прошлого и уточнению национальных задач, стоящих перед народом. История является лучшей учительницей жизни и эту истину должен полностью усвоить и наш казачий народ.

Создание кодекса-сборника своей казачьей истории, так необходимого для нашего настоящего и будущего, является самой неотложной задачей. Мы не должны забывать огромного значения наличие собственной истории в жизни возрождающихся народов и ее роль в развитии народного самосознания. Нам, казакам, нужен свой собственный кодекс нашей истории с нашей собственной казачьей оценкой исторических событий.

К глубокому сожалению, казачье народное самосознание еще такого кодекса своей казачьей истории не имеет. В период вынужденного пребывания нашего народа в рамках Российской империи, проводившей последовательную и систематическую политику русификации многочисленных народов и племен, не допускалось установление правдивой, подлинной истории казачьего народа, которому свыше было предопределено быть только «сословием». В общей схеме истории бывшей России Казачеству-«сословию» было предоставлено лишь очень незначительное и зачастую не весьма лестное местечко. Российское правительство в корне пресекало каждую попытку разработки казачьей истории, которая бы шла вразрез идеи сословного служения государству власть казнила плахой, карала кнутом, рванием ноздрей и ссылкой в Сибирь всех тех, кто пытался приоткрыть завесу действительной, подлинной казачьей истории.

Полной истории всего Казачества, даже с российской тенденцией, не было издано вообще. Казаки о своем прошлом могли узнать только из коротеньких отрывков российской истории, приготовленной преимущественно для школьного употребления. Очень и очень немногочисленные более подробные труды были доступны лишь ограниченному кругу специалистов-историков и появились только по истории отдельных казачьих Войск. Но и они имели тоже не казачий, а казенный российский дух.

В момент катастрофы Российской империи Казачество очутилось без своей разработанной, систематически собранной истории, без своей учительницы жизни. И когда в критическое время нашего бытия нужно было установить связь между прошедшим и будущим, воля казачьего народа к жизни оказалась основанной на полузабытых дедовских преданиях, на невполне осознанных традициях, на чувствах а это принесло много ошибок и роковых ошибок, приведших к переживаемой нами трагедии Казачества.

В последнее время Казачество сделало много самостоятельных жизненных шагов, в период самостоятельного существования, вооруженной борьбы с Москвой, окупации Казакии, зарубежного пребывания наблюдается большое оживление в разработке казачьей истории. Появилось много ценных исторических трудов, чуждых российской тенденциозности, появилось ряд книг и очерков по казачьей истории, написанные казаками и с казачьим освещением наших казачьих событий.

Побудившее национальное самосознание народных казачьих масс настоятельно требует систематического и полного изложения казачьей истории. И если в настоящее военное время невозможно создать обширный научный сборник казачьей истории, то нам настоятельно нужен популярный, но охватывающий все Казачество и всю его историю курс.

Казачьи массы хотят и должны получить хотя бы в основных чертах свою подлинную историю. Сейчас нам безотлагательно нужна книга, в которой бы был изложен популярный курс казачьей истории и которая должна стать настольной книгой каждого сознательного казака.

Знаем, что это не легкая задача, которая требует большого вклада научной и организационной работы, больших денежных средств. Однако, все это мы должны преодолеть в сознании величайшей важности и громадной пользы, какую принесет Казачеству издание хотя бы такой популярной истории казачьего народа.

Важность и неотложность этой задачи усугубляется и острой необходимостью такой книги для тех казаков, которые были лишены возможности при советском режиме ознакомиться с своей казачьей историей, с своим казачьим прошлым. Такая книга нужна и нашим казачьим бойцам, состоящим свыше 60-65% из молодых казаков, которые на наглядных примерах героических подвигов своих предков еще больше закаляли бы свои боевые качества, свое стремление защищать свободу и честь Казачества.

Дальнейшим шагом к укреплению и расширению казачьего народного самосознания является издание своего казачьего букваря, казачьей хрестоматии, казачьей географии, сборника казачьей песни, которые жизненно необходимы не только для нашей молодежи, но и вообще для наших казачьих народных масс.

Вл. Еремеев.

Колокол Казачества.

Шестнадцать лет тому назад вышел в свет первый номер «Вольное Казачество».

День 10-го декабря 1927 года вошел в историю Казачества, как оффициальное выступление вольных казаков на страницах печати с национальной конкретной мыслью. После потери политической независимости казаки впервые открыто заявили свету о своих исконных правах на свои Казачьи Земли. И до настоящего времени эта национальная проблема ширится и не теряет на своей актуальности. Благодаря беспрерывной работе казачьей нац. прессы, казачий вопрос занял должное место в разрешении восточной проблемы.

Каждое событие в общественной жизни ознаменовывается выступлением наиболее активной части общества и ни одно из них не появляется случайно, а носит в себе всегда следы и предпосылки на прошлое. В процессе достижения цели проявляются особенности, характеризирующие это общество. Эти особенности кладут отпечаток на историю развития народа.

Появление журнала «Вольное Казачество» также не могло быть случайным плодом кабинетных дискуссий казачьей интеллигенции, не имеющей якобы пункта приложения своих сил на эмиграции, вдалеке от своей Родины.

Анализируя характер казачьей национ. прессы, следует отметить ту особенность, что казачья интеллигенция, частично выросшая за пределами Родного Края, не оторвалась от казачьей массы. Она не искала выхода к собственной обеспеченности, не тосковала о богатствах и привиллегиях, а жила и говорила интересами своего народа. Поэтому вольно-казачья мысль, как только обрела конкретную форму, сразу нашла свое отражение в психологии казачьей массы. Не чувствовалось никакой раздвоенности. На страницах журнала «В. К.» отозвались сотни и тысячи казаков, рассеянных почти во всех уголках Европы. Наша печать быстро расширилась, стала служить живым огником среди казаков и выразителем их мысли. В умах свободолюбивых казаков отозвался дух казачьей старины. Везде, где только находились казаки, организовывались станицы, хутора, появилась любовь к прошлой свободной жизни, поддерживались традиции и, таким образом, печатное вольно-казачье слово сыграло решающую роль в возрождении свободного духа.

В печати появилась поэзия в духе казачьей вольности, а через нее пробивалась глубокая тоска по родным местам, систематически раскрывалась настоящая казачья история, составленная на основании оригинальных историч. источников. Одновременно вырабатывалась вольно-казачья программа — основные положения будущего строя. Здесь казачья национальная мысль возвращалась к глубокой древности, следила за подвигами Казачества, его жизнью и отмечала особенности казачьего быта. Она настойчиво утверждала политическую независимость степных рыцарей, старалась открыть тайну древних курганов и шла шаг за шагом по пути их могущества и упадка. Доходила до дней страшного разгрома Булавинского востания и сосредоточенно останавливалась на исторических фактах, стараясь разгадать истинную причину упадка. Она одна пытливо искала правду о прошлом Казачества и полностью смогла опровергнуть нелепую теорию о создании казачьей общины из беглого элемента от гнета и насилия помещиков. С большой горечью отзывалась о годах тяжелой зависимости от Московского государства и как эта зависимость отразилась на благосостоянии и психологии Казачества. Не могла промолчать она о трагических судьбах казачьих героев, посвящая их памяти целые страницы. Смотрела с укором в глаза казачьих Атаманов, променявших булавы — эмблемы казачьей государственности — на царские эполеты и рабское угодничество лицемерной Москве. С болью выражалась о гибели лучших казаков, павших жертвой роковой связи с белыми армиями Деникина.

Особенно ярко отразились воспоминания очевидцев и деятелей годов 1917—1920, когда были стихийно восстановлены казачьи государственности. Этот период времени рассматривается, как новая эра в жизни казаков: их возрождения и сопутствовавших ему преград. В историю вошли и темные страницы с именами большевиствующих главарей: Подтелкова, Миронова, Крывошлыкова и др. Казачья пресса не укрывала болезней своего народа. Она добросовестно подходила к рассмотрению короткого момента омрачения душевного наиболее обиженной Московским режимом части казаков, выступивших под влиянием провокации большевиков, но, когда казаки убедились в бесстыдной лжи красной Москвы, быстро отрезвели и показали себя непримиримыми врагами красных.

Казачий дух оказался не сломленным, ни пресловутыми «привиллегиями», ни бурей красных шквалов. Он только мог подвергаться кратковременным заболеваниям и снова усиливался в дни призыва истинных сынов Родины. С большой любовью и симпатией вольно-казачья мысль воспоминает своих казачьих героев-мученников. Она учит казачью молодежь, выросшую заграницей, любить свою Родину и чтить память своих героев.

Теперь «Казачий Вестник»,достойный и надежный приемник и об'единитель всего национального Казачества, продолжает будить в сердцах казаков дух вольности и веру в лучшее будущее казачьего народа, являясь подлинным выразителем его чаяний и стремлений, подлинным борцом за лучшее будущее.

Войск. старш. К. Кирсанов.

О наших задачах.

Нация — об'единение людей в неразрывное целое общностью их культурных, государственных, экономических интересов, историческим прошлым и общностью устремлений в будущее.

Из приведенного определения ясно и неоспоримо, что Казачество — народ, нация, ибо ему присущи все признаки, определяющие нацию, народ.

Национализм — сознание принадлежности к своей нации, к своему народу.

Националист — тот, кто не словами, а своими поступками и делами докажет свою неразделную принадлежность к свбей нации, к своему народу; кто честно, бескорыстно, жертвенно, забыв личные интересы, свое благополучие, будет служить своему народу; кто для счастья своего народа и его будущего отдаст все свои способности, знания, имущественные блага; кто всегда готов отдать свою жизнь, умереть за свой народ.

Из вышесказанного ясны и обязанности перед своим народом того, кто считает и называет себя казаком.

Итак, на первом месте — долг и обязанности и только из выполнения первых вытекают наши права.

Если я казак, то я должен быть истинным казаком-националистом со всеми характерными признаками последнего.

Наши братья, бывшие под советским игом казаки, испытав и узнав всю ложь марксизма и московско жидо-большевизма, не задумываясь стали в ряды борцов за Новую Европу, а с ней и за свою Казачью Свободу. Им ближе, им виднее, они правильно решили задачу, что московский жидо-большевизм, все его союзники и попутчики для Казачества — враг № 1.

Для нашего будущего в первую голову надо бороться против него, надо уничтожить его гнездо, его главную московскую цитадель.

Покинув родные края нашей Казачьей Родины, они отдали для борьбы все, отдают и свою жизнь, с оружием в руках отстаивают, как и встарь, свою казачью честь, свободу и свое самобытное существование. Они поняли, что победа за действующими, а не за выжидающими, что силу надо искать только в себе.

И мы должны всеми имеющимися у нас средствами и возможностями включиться в эту борьбу за наше сегодня и за светлое будущее.

Мы твердо должны помнить, что в этой мировой борьбе только победа национализма даст нам возможность жить на родной Казачьей Земле.

Бороться надо, бороться всеми силами и средствами. Для нашей борьбы надо составить и однородную, казачью массу.

Вокруг кого собираться, строиться для борьбы?

Вокруг нашего Общеказачьего синего знамени с Атаманской булавою. Нужно собираться во единый Казачий Круг.

Кому доверить водительство нашей казачьей борьбой?

Тому, кто много лет уже борется за казачьи идеалы и казачью долю. Тому, кто своей самоотверженной работой в течении долгих лет проявил непреклонную волю к борьбе, боролся и борется за казачью свободу и жизнь нашего казачьего народа. Тому, кто ясно, определил, установил, имея основанием казачью идеологию, вехи будущего устройства казачьей жизни.

Наше старшее и среднее поколение должно понять, осознать, что в этой мировой борьбе за новую жизнь, за новые идеалы не может быть и речи о каких-то старых границах, старых привязанностях. В интересах дела должно оно дать дорогу энергичным, молодым творческим силам, не мешать им в их работе, не вставлять палки в колеса движущейся вперед колесницы жизни, а всем своим опытом, знаниями способствовать достижению полного успеха казачьего дела.

Генерал Франко в своей борьбе за национальную Испанию опирался и опирается на фалангу (организация испанской молодежи, основанная Хозе Антонио Примо-де-Ривера) и победил.

Только молодые силы способны жертвенно, полноценно бороться за новое, за будущее, ибо оно их и только им принадлежит. Дав дорогу молодым, творческим силам, всесторонне помагая им своим советом и опытом, чтобы не допустить ошибок прошлого, старшее поколение только заслужит признательность, почет и уважение молодежи и всего нашего народа.

В воздаяние своей прежней службы Казачеству оно будет иметь возможность тихо, мирно и в почете закончить свой земной путь в освобожденной казачьей отчизне.

Итак, отбросив все старые обиды и счеты, составим однородную казачью массу и будем бороться и работать за наше светлое будущее, за наше право и место жить, своим казачьим укладом, в семье народов Новой Европы, на своей освобожденной Казачьей Земле.

Козача старина.

Чорноморці на Кубані.

1. Перше заселення.

Ще до повороту делегації з Петербургу, Військо виготовило план переходу на Кубань, по якому частина мусила йти морем, а решта — суходолом. Не очикуючи повернення Головатого з СПБ, 3847 пішки козаків, під командою полковника Сави Білого, відплили на Тамань у 51 чайці та на 1-й яхті, під допроводом російського бригадіра Пустошкина. 25-го серпня р. 1792-го, козача флотілія досягла берегів Таманського півострову і вийшла на Кубанську землю. На цьому місці кубанці вибудували потім чудовий памятник на спогад цього історичного моменту.

Гармати та припаси Чорноморці склали до Фанагорійської кріпости, де залишилася головна частина Війська, а отряд полковника Черниша, з 12 байдами, став зацлоном проти черкесів, на лимані біля гирла Кубані; другий відділ полк. Кордовського став на сиші біля Старого Темрюка. Забезпечивши переселенців від нападів хижацьких сусідів, Чорноморці почали підготовлюватися до прибуття кінного війська. Головна частина його: 3 кінних і 2 піших полки, з Військовим штабом і обозом вийшла зі Слободзеї у вересні під проводом самого кошового Чепіги.

Суддя ж Головатий залишився до весни з одним піším та кінним полком для допроводу козацьких родин з майном.

Через два місяці Чепіга з одним прийшов на р. Єю, де і зазімував при ханському городку, на Єйській косі, давно вже відомій запорожцям.

В решті, коли кінцем весни на побережжа прибув і Головатий з козацькими родинами, які йшли 20-ю колонами, Таманський край «з його окрестностями» були заняті Чорноморськими козаками, від яких він одержав назву Чорноморря, по новому імені синів Запорозького Війська.

Перед Військовою Владою стояло завдання підготовити цей великий терен у 30,000 кв. верст, для колонізації. Землі було багато, а людей — мало: на Кубань перейшло всього 25,000 душ. Велика частина козаків була нежоната «сірома», яка і думки не мала про родинне життя.

Землі всі були оглянені кошовим Чепігою з депутатами від курінів, намічені місця для заснування «курінних селеній», а на Карасунському Куті, біля р. Кубані, заклали, по взірцю Січі, адміністраційний центр — Катеринодар. Спочатку він уявляв із себе земляну кріпость, посередині якої була походна церква, а навколо неї 40 курінів для нежонатої «сіроми» і служилих козаків та «присутственні міста» з усіми необхідними будовами. Курінні отамани і курінне управління залишалися в Катеринодарі.

Сам город був роспланіований в осени р. 1794 по плану, серед величезного дубового лісу з заболоченими полянами.

Решта козацтва мала розійтися по 40-ка «курінних селеніях», з яких 38 дістали назву старих запорозьких курінів, а два — Катеринівське та Березанське, були охрещені на почесть цариці та острова Березані, де у війні з туркамі р. 1788 прославилися Чорноморці.

Був кинутий жереб — «ляс» (як казали запорозьці) і козацтво розійшлося по своїх, надалі сталих місцях осідку, «куґніях», як їх і надали звали козаки. В багатьох випадках місця перших осель були обрані невдало і їх приходилося переносити навіть по кілька разів з місця на місце, що дуже зле відбивалося на козацькому добдобуті.

Характер перших курінів, як і служба козача були напів військовими; з огляду на сталу небезпеку від хижацьких сусідів-закубанців та кочовників, курені були обнесені примітивними укріпленнями, і велася стала сторожа.

У звязку з охороною населення та завданням, які центральний уряд наклав на Чорноморців, козаки заснували ряд укріплених пунктів «кордонів», биветів та «батарей» головно по над Кубанню, які разом з ранійше тут заснованними кріпостями утворили цілу кордонну лінію, через котру ворогові перейти було досить тяжко.

2. Військова самоуправа.

Основні риси Військової самоуправи були зазначені вже давно у тих петіціях, які запорозьці возили до цариці. Це був компроміс, на який старшина мусила йти, коли хотіла зберегти хоч щось від старого устрію Коша Запорозького.

Ристи ці, зазначені в інструкціях та «прошеніях» майже цілком увійшли у царицині грамоти, що були надані Війську 30-го червня (июня) та 1-го липня (июля) року 1792.

Військо уявляло із себе колективну юридичну особу, якій було надано право власности на зазначені землі. Воно користувалося правом вільної експлоатації всіх угодій, свобідної внутрішньої торговлі і вільного продажу горілки.

У адміністраційному відношенню Військо підлягало Таврическому губернаторові, але мало своє «Військове Правительство», з Кошового, Суддї та Писаря, на яке була покладена «расправа и наказание впадающих в погрешности в Войске» і лише важних злочинців Військо мусило надсилати до губернатора. Внутрішня управа мусила бути зорганізована так, «чтоби земское управление сего Войска, для лучшего порядка и благоустройства, соображаемо было с изданными учреждениями о управлении губерний». Властиво це була певна директива, так що Військове Правительство цілком могло заховати автономний устрій старого Запорожжа, з певними коррективами, які вимогалися моментом, а головно переходом на «семейственное положение».

Користуючись прецедентом минулої практики, коли Військо мало Кошовий устрій під час перебування на р. Бугу, Військове Правительство склало р. 1794-го «Порядок общей пользы». «Вспоминая первобытное Черноморского Войска под названием Запорожцев состояние», Правительство видало своєрідну конституцію, яка встановляла:

1) «Войсковое Правительство, навсегда управляющее Войском»,

2) «ради войсковой резиденции» — город Катеринодар, а «ради собрания войска и прибежища бездомовных казаков» — 40 курінів в городі, решту ж населення «поселить куренными селениями в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет».

По курінях мусили бути курінні отамани, які обирялися щорічно 29-го червня, на св. Петра та Павла; на їх обовязку лежала адміністраційна влада і судова (у маловажних випадках).

Як посередня інституція поміж Військовим та курінним управліннями існувало «Для заведывания и утверждения по всей войсковой земле к долгоденственному спокойствию благоустроенного порядка» — пять окружних правлінь, на взірець бувших паланочних.

Вони складалися з полковника, писаря, осаула і хорунжого, і керувалися окремою інструкцією, в якій до дрібниць були зазначені права та обовязки управління, як земської поліції та виконавчого органу распоряджень Правительства; до функцій їх спадав також суд і пиклування (забота) про економічні потреби населення.

Взагалі економичний бік черноморського життя складав найголовнійшу заботу Військового Правительства.

Таким чином, схема управління Військом була така:

1) обране всім Військом та затвержене центральним російським урядом постійне «Войсковое Правительство»;

2) «Окружное Правление», чини якого що року призначалися по обранню Військового Правительства;

3) самоуправна курінна одиниця з обираємими населенням: курінним, двома суддями та писарем; з курінною «радою», яка цілком жила і трималася стародавними традіціями та вправлялася звичаєвим правом аж до р. 1842-го, коли було введено перше «Казачье положение».

Следующий номер «Казачьего Вестника» выйдет двойным номером к 25 декабря приуроченным к празднику Рождества Христова.

ХРОНИКА

— **Казачий Комитет,** об образовании которого сообщалось в «К. В.» № 22 (53), слит с Лейтштеллен (б. Миттельштеллен) по казачьим делам при Министерстве восточных областей и будет работать в тесной связи с Лейтштеллем.

— В десятую кончину старого борца за свободу Казачества и активного работника казачьего национализма полковника Владимира Ивановича **Балабина** была по поручению Руководителя КНД ст. **В. Г. Глазкова** отслужена панихида.

«Не забудьте заветы отцов, дедов и прадедов, что только в беспощадной борьбе мы, казаки, обретем наши права, сообразно чему требуются от нас и наши жертвы. Мы, вольный народ Казакии, жертвовали, будем жертвовать и обязаны жертвовать всем во имя блага и будущего нашей Казачей Родины». Полк. В. И. Балабин.

— В самом распространенном немецком-иллюстрированном журнале «Сигнал» № 21 снова помещен на восьми страницах целый ряд красочных снимков действующих воинских казачьих частей.

— Кино-еженедельник-«Уфа» №47 приносит снимки о действиях казачьих отрядов в борьбе против большевицких банд.

— 3-го июля 1943 г. скончался Иван Яковлевич **Темников,** казак ст. Митякинской, Всевеликого Войска Донского.

К сведению казаков-членов КНД.

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе
50 пфеннигов за строчку.

— Шевырев Иван Васильевич, ст. Ермаковской, Дон, разыскивает племянника сотника Александра Шевырева. Писать: Iw. Schewyrew, Kulm, Wasserstrasse 8, Westpreussen.

— Додура Аким разыскивает среди приехавших в Сербию и Хорватию казаков станицы Поповичевской, Кубань, и брата Дмитрия Павловича Додура. Писать на «К. В.» или на Всеказачий Союз в Сербии — Белград, улица Кр. Наталие, № 90.

— Александров Тимофей Савельевич, ст. Усть-Белокалитвенской, Дон, разыскивает сыновей Павла и Ивана Александровых и племянников Петра и Евсея Ивановичей Лазаревых. Писать по адресу: Drancy, 41, avenue Loisier, 41, France.

К сведению читателей!

С этим номером вместе с газетой посылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании), посредством которых каждый может послать свою лепту на укрепление и расширение издания «Казачьего Вестника» — единственного казачьего национального органа.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinské
Praha - Nusle, II, Guten-
štejnská 6
ZEITUNGSDRUCKSA

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 25-26 3 JAHRGANG з ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 25-го ДЕКАБРЯ 1943 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВѢСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach 188 Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

Донской Войсковой Собор в Новочеркасске.

Руководитель Казачьего Национального Движения сердечно поздравляет всех казаков с праздником

РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

и наступающим

НОВЫМ ГОДОМ.

Дай Бог каждому из Вас в новом году счастья и удачи, а всему Казачьему Народу помоги, Боже, осуществить свое освобождение и исполнить заветную казачью цель — создание национальной, самобытной жизни на просторах Казачьей Родины — Казакии.

Слава Казачеству!

Кубанский Войсковой Собор в Екатеринодаре.

Archiv „Der Kosakenbote".

Инж. Вл. Донецкий.

Звезда искупления.

Во времена глубокой древности зло, вошедшее в мир, постепенно оплетало его, расцвело пышным цветом, пыталось отравить и умертвить великий дар Божий — живую душу и мысль человека, созданные Творцом свободными и бессмертными.

Враг добра — царь беспредельной злобы, овладел дивно-прекрасным творением Рук Божьих. Тлетворное дыхание темной, злобной силы проникало всюду; оно царило и торжествовало в мире. Беспросветный мрак, мрак злобной силы ада заполнил землю и всё живущее на ней.

Душа человека трепетала и билась в судорогах и муках, завлеченная в сети обольстителя, властелина зла, повелителя ада. Дыхание смерти и мрак ада — вместилища греха, порока и вечных мук души — вошёл и овладел миром.

Обессиленный, утомленный взор гибнувшего человечества с глубокой скорбью, мольбой и надеждой, устремился к сияющему светом вечной правды Престолу Всемогущего Бога — Творца Вселенной.

Бессмертная душа человека, венец Божьего творения, частица самого Божества, задыхалась в греховном томлении и насилии. Человек с обреченной покорностью ждал избавления; он ждал пришествия жертвы искупления.

И настало время, вещаемое пророками. Пришел на землю Искупитель мира; Сын Божий пришёл на заклание, на жертву очистительную для спасения человечества.

Пришёл на землю Божий Сын тихо и скромно. Не в громе и блеске своей Божественной Славы, не в роскошных блещущих золотом и драгоценными камнями хоромах, а в убогой пещере под блеском миллионов людских слезинок, таинственно мерцающих вечным светом своим, — звезд Божьих. Пришёл на землю Избавитель мира, Бог Богов и Царь Царей; об'явилась на земле Светлая Правда Святая не среди пышных владык земных и гордых вельмож и царедворцев в дорогих пурпурных одеяниях, а среди скромных и бедных тружеников земли. Новорожденного Избавителя первым узрели убогие пастыри; им простым смертным, облеченным в грубые, бедные одежды, но с сердцем блещущим чистотой от постоянного соприкосновения с царственно-чистой природой — им первым открылась Правда Божия. И они первые принесли дары свои, не дорогие самоцветные камни, сверкающие холодным, бездушным, мертвым блеском, а дары скромные, как они сами, дары земли-матери-кормилицы.

Им, незаметным и скромным труженикам земли, — первым открылось Рождение Великой Тайны, нового порядка — порядка братства и мира среди людей. Не богатым и знатным открывается Правда Божия, но чистыми сердцем и мыслью открывается и постигается ими всё величие Ее.

Тихая ночь озарилась необычайным небесным сиянием; и сонмы светоносных ангелов Божьих, служителей и вестников Его святой воли, несли людям весть о воцарении на земле идеи Правды, радости и благоволения, они несли весть о поражении злой силы, врага рода человеческого «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

И эта весть небес в неиз'яснимо-дивно-звучащей песне вестников Божьих, мощной музыкальной волной ширилась по всему лицу земли необ'ятной, проникая в богатые дворцы и убогие хижины; и возбуждала тревогу и трепет у одних, и радость и надежду у других.

А в знак торжества избавления и наступления новой эры, эры мира и любви между людьми, зажег Творец Мира у подножия ног своих на далёком небе, светоносную звезду Рождения Правды. Ярким, неугасимым, вечным светом сияет звезда Рождества, вестница вечной Правды, мира и любви.

Прошли века... На землю опускалась светлая ночь Рождества.

Белоснежным одеянием приукрасилась Земля Казачья. Снеговым покровом укрылись широкие степные просторы, поля плодоносные, затихшие станицы и хутора Родной Земли.

С недосягаемой выси небес приветливо мерцают яркие звезды, освящая путь грядущей великой Тайны искупления.

На Землю степного Народа пришла Рождественская Ночь.

Необыкновенную, непостижимую силу таит в себе эта Святая Ночь. Ни века, ни тысячелетия, ни вспышки страстей людских с их, потрясающими земной мир событиями, не нарушают постоянства и глубины таинственной силы, скрытой в Святой Ночи Рождества Спасителя. Сила эта — проникающая и овладевающая душой человека, — чувство мира, спокойствия и человеколюбия.

Затихли станицы в торжественной тиши... Забыты крупные и мелкие невзгоды, дрязги и раздоры; умолкли песни казачьей молодежи веселые и удалые... Чинно и торжественно, в кругу родных семей, у родных тёплых очагов освящается Великий Праздник Рождества Христова, на Казачьей Земле. Веками хранятся святые обычаи предков.

Глубокой давностью столетий, патриархальностью, чистотой и миром веет от образа Родной Земли в миротворящую Рождественскую Ночь.

. . . . . .

Мир содрогнулся, мир об'ят огромным пожаром, мир заливается потоками людской крови и слёз. Сила дьявола не иссякла еще. В последний минуты своего издыхания, в предсмертных судорогах, она жадно ищет способов и возможностей продлить жизнь и власть тьмы. Она применяет новые способы овладения душами людей, для власти над миром. В новые обольстительные формы она облекла губительный яд своей лжи. В позолоченной, чудесной чаше братства и равенства, принесла она человечеству страдания и смерть, духовное и материальное рабство. И в знак торжества зла, вновь внесенного в мир, создала руками людей звезду, но не живоносную сияющую радостью и покоем, а звезду страшную, кровавую, вещающую муки и смерть.

В глубокой ночи, об'явшей землю, в мертвом отблеске кроваво-красной звезды, — как тать в нощи творит злая сила свое гнусное, тёмное действо. И вновь полилась потоками кровь и слезы казачьи — искупительная жертва Народа Казачьего. Муками своими Казачий Народ совершил искупление... Жертва принята и дала уже первые, свежие всходы свои. День 10 ноября 1943 г. родился, омытый жертвенной кровью Народа Казачьего и укрепленный страданиями его. И светлеет уже небо; над Родной Землей восходит яркая звезда спасения, звезда радости, мира, любви и свободы Казачьей. И в силующих лучах вестницы Рождения Спасителя, — меркнет и гаснет кроваво-красная звезда зла и ненависти. Близится торжество Правды Божьей на нашей Казачьей Родине. Победно звучит и несется по всей земле торжественный победный гимн небесного хора: «Слава в вышних Богу, и на земли мир; в человецех благоволение».

Слава и мир рождающейся Казачьей Правде.

А. Ш.

Різдвяні святки на Кубані.

Козачий народ багатий своїми традиціями і чудовою красою народніх звичаїв, відповідаючих святочному часу і духу християнської віри.

Козацтво, перебуваючи довгі літа на чужині, залишило тільки у памяті яркі картини та спомини, як святкували Різдвяні свята на рідних землях до приходу большовицької влади. Споминаються дітячі дні, проведені в рідній станиці на Кубані, святочні обставини Різдвяних свят та Нового року, прикрашених народніми звичаями, в котрих головну ролю виконували діти, з чистих уст яких возхвалявся і славословився ізродження Христос-Спаситель. Без сумління, що народження Його уявляли як надзвичайне світове явище, тому і Різдвяні свята супроводжались найбагатшими й найкрасивішими народніми звичаями.

Попередній Різдвяним святам Пилипівський піст, козаки відбували строго та ґли виключно пісну їжу. Вже за де-кільки днів перед святками скрізь по станиці колоди свинкей, різали гусей, качок, курей, индиків, щоб було чим розговітись та щоб вистарчило на всі свята.

24 грудня (декабря) останній день різдвяного посту, «пилипівки», вже починались свята, цей день звався «Багата кутя». Дітям доручали принести в хату чистого та пахучого сіна, яке укладалось на «покутї» під образами. Це місце, очевидячки, мусило напоминати собою вертеп і ясла, в котрих народився Христос-младенець. На сіно потім урочисто переносили, при участи дітей, «кутю і узвар» — традиційну їжу, встановлену православним звичаем. В цей день нічого не робили, тільки порались коло печі: варили пісний борщ, квасолю, кутю та узвар, пекли усякі пиріжки та пироги з квасолею, чечевицею, капустою, картоплею та напікали на другий день чого треба.

У вечері, як почне смеркатись, коли зійде вечерова звізда, сідали вечеряти. За вечерею згадували родичів, що не були присутні. Коло столу або сирна урочисто сідала ціла родина і «чинно й спокійно» вечеряла. Після багатої вечері малі діти носили до своїх хрещених батьків та матиріз вечерю: трошки куті з узваром та пару пиріжків. Хрещеники, привітавши батька чи матір та поцілувавши їм руку промовляли: «Батько і мати прислали вам вечерю — їжте на здоровья». Хрещеників обдаровували грошима, канафетами, пряниками, оріхами та иншим.

У самий день свята 25 грудня вже ранком, разом з церковним дзвоном, хлопці починали ходити по хатах та «Христа славити». Повернувши з церкви поздоровляли один другого, кадили у хаті ладаном, потім сідали розгівлятися цілою родиною, разом з робітниками й робітницями. Хто небудь читає молитву «Отче наш», а після молитви промовляли: «Господи благослови розговіться!» Тоді вже починали пити горілку або вино і їсти, що наготовлено.

Три дні тривало свято та тризвонили дзвони, по станиці хлопці носили «звіздуу» та співали різдвяні церковні пісні. Ходили теж колядники, в більшости дівчата, які про святочну розвагу співали ріжні колядки, наприклад:

«Коляд-коляд колядниця,
Добра з маком паляниця,
А пісна не така —
Дай, дядько, пьятака!
А не даси пьятака,
Візьму вола за рога,
Хоч не вола, так телицю
Та й поведу у крамницю.»

Миланка або «Щедрий вечер» 31 грудня — під Новий рік. Вечером дівчата ходили щедрувати по-під вікнами. Звичайно підходячи під вікно питаються: «Благословіть щедрувать.» Як з хати скажуть: «Щедруйте», то вони співають щедрівки, особливі пісні:

«А в Єрусалимі рано задзвонили.
Щедрий вечір!
Добрий вечір!
Добрим людям
На здоровья!»...

Щедрувальницям давали гроші, сало, паляниці, ковбаси то-що. Дівчата під Новий рік ворожать усякими спосібами.

Новий рік або Василія 1-го січня. У ранку всі змагаються бути у церкві, щоб цілий рік бути богомольними і не забувати Бога, який і таких людей не забуває. З самого ранку ходили хлопці «посівати» по хатах:

«На щастя, на здоровья, роди, Боже, жито пшиницю і всяку пашницю. З празником будьте здорові, з Новим роком, з Василієм!»

Їм давали гроші, пряники, канафети або ще які гостинці. Згідно з народнім звичаем, вони приносили щастя і їх скрізь пускали. Кожний мав «торбу», наповнену зерном пшениці або ячменю, приправлену ще з вечора. Батько, даючи торбу хлопцеві ранком, наказував: «Іди синок, посипай, щоб Бог послав урожай».

«Голодна кутя» під Хрещення 5 січня (января). У цей день не вживають їжи зі самого ранку і «до води», себ-то доки води не посвятять. Святили воду у колодязі, що коло церкви, у огради. До церкви дзвонили аж на вечір і святити воду їде хто небудь один з родини з пляшкою, відром, тиквою або иншою посудиною. Як піп посвяте воду, набирали її у посудину та спішили додому. Баби понаготовлюють ріжної пісної їжі: пиріжків, пампушок з медом, шуліків з маком, наварять борщу, куті і узвару. Як задзвонять до церкви, кутю з узваром садовили на покутю з таким ж «приштамом», як під Різдво і чекали доки з церкви принесуть свяченої води. Сідаючи за стіл хто небудь зі старих кличе мороза до вечері:

«Морозе-морозе, іди до нас вечерять, та не морозь нам телят, ягнат, гусят, качат, ні динь, ні кавунів, ні жита, ні пшениці».

Після вечері проганяють мороза за кутю. У кого є рушниця стріляють з неї, з пистолів, з ліворвів, а в кого цього небуло, той візьме дрючок тай бье об дошки, щоб було подібно до стрільні з рушниці.

На «Хрещення» 6-го січня після обідні ходили до річки на «йорданъ», де була зроблена з льоду церква або вирубаний на льоду хрест. Ходили до річки з церкви з «охристами», що забирали з церкви. Попереді йшли «батюшка» діякон, псаломщики а за ними вже останне християнство. Як почне «батюшка» купати у воді хрест та співаки заспівають — «Во Іордані», сотня козаків, що стояла поодалі, одягнута в парадне убрання, стріляла з рушниць. Поміж народом також стріляли з рушниць або пистолів. Де-хто з хлопців пускав з рукавів принесених голубів. Понаберавши води на «йордані», люди розходились з нею додому. Тією водою кропили у хаті, на дворі худобу і все инше, пили воду самі і тоді вже сідали обідати. Свячену воду зливали у чисті пляшки і зберігали цілий рік, вживаючи її, коли хто захворе, то його кропили цією водою і давали напитися. Цим днем кінчались різдвяні свята та «святі вечери». По добу свят козаки ходили один до другого, переважно до родичів, сватів та кумів у гості, їли та пили. Молодь вигадувала «всякі штуки», щоб погуляти та повисилитися.

И. Л-ов.

Первое Рождество на чужбине.

О, Край родной, как ты мне мил!
От долговременной разлуки,
Какие радости и муки
В моей душе ты пробудил!..

Константинополь... Нас, казаков, завтра отправляют в Сербию... Идет усиленная погрузка на французский пароход. Всюду суета, беготня, беспокойство...

К вечеру погрузка окончена... Я, поместив на палубе все свое «эмигрантское имущество», прощаясь со столь гостеприимным для нас городом, в последний раз наблюдаю красивую вечернюю панораму ориента.

Вечер сходил уже на воды и землю... Солнце, как огненная роза, тонула в водах, и, точно опавшие лепестки, плыли последние розовые отражения угасшего светила... Город ласкал взор разбросанными всюду белыми минаретами, высокими и тонкими трубами в форме игол и особым видом восточной архитектуры, которая придает свой милый стиль даже скромнейшей хижине...

Пасшиеся на берегу бараны своим блеянием призывали турок; те важно выходили во дворы, чтобы запереть их одновременно со своими женами, окутанными непроницаемыми покрывалами. Муллы призывали в мечети своих правоверных, крича с высоты минаретов... Все это создавало такое настроение, что невольно забываешь о всех житейских невзгодах, пережитых ужасах, человеческих страданиях и испытываешь то сладкое самоунижение, которое я столь люблю, когда сознание вдруг усваивается, когда едва замечаешь, что оно существует... Я сладостно мечтал и строил радужные планы... Кругом была полная тишина, и пароход наш как бы утонул, ушел на дно непроницаемой темноты. Только где-то вдали, в море, шла страшная гроза, напоминая о нашем еще существовании. Это были гигантские зигзаги, блиставшие светло-фиалетовым светлом и освещавшие в течение нескольких секунд на громадном пространстве черную от черной ночи поверхность моря. При виде этих молний, мне невольно вспомнилось, как ничтожны создания человека и его суета сует перед величием Творца вселенной...

Через несколько дней плавания пароход наш вошел в бухту Катарро. Был канун Рождества Христова. Казаки на пароходе организовали торжественное рождественское богослужение. Получалась чрезвычайно величественная и трогательная картина. Волнующееся слегка море, заходящее солнце и пение рождественских песнопений создавало в душе каждого какое-то особое волнение, радость и полный душевный покой после всех перенесенных страданий...

После богослужения началось разговенье. За столами полилась казачья песня.

Вся пристань была полна народом. Все присутствующие были просто загипнотизированы. Они уже знали, что приехали казаки, для которых война была их стихией, и судьба, казалось, берегла их среди самых отчаянных предприятий, чтобы показать миру свою казачью удаль, свой уклад жизни...

Они очаровывали слушателей, когда пели что-нибудь грустное и сердца слушателей готовы были разорваться от неописанного страдания; когда же они пели веселое, у всех становилось легко на душе, глаза и губы улыбались. Это действительно великие артисты, созданные для того, чтобы трогать сердца людей.

Некоторым казакам было разрешено съехать на берег.

И я в числе других был приглашен в гости. Мы были точно в раю. На Рождество всюду зеленели деревья, висели фрукты и цвели цветы.

В нашем доме окна в сад были открыты, и широкая, благоухающая волна вливалась в них. Озаренный луною, сад походил на сказочную декорацию. Шум городка постепенно замирал, сливаясь в один неопределенный гул...

Где-то далеко, на пароходе прозвучал и замер отдаленный призыв труб, призывая казаков на вечернюю молитву. Тишина постепенно опускалась на шумную жизнь пристани и стоящего в бухте парохода, и, казалось, с этой благоуханной тишиной святой рождественской ночи слетали блаженные грезы и мирные сны на когда-то грозные казачьи полки.

Боже, какая ночь! — вздохнул старик-казак, стоя рядом со мною. — Разве в такую ночь не наполняется душа ужасом при мыслях о морях крови, проливаемой на нашей дорогой Казачьей Родине в ужасной братоубийственной войне. А ведь мир Божий так прекрасен...

— Он отвратителен, — резко сказал я: — человек в этом мире — игралище чуждых враждебных сил. Ненависть, жестокость, зависть, эгоизм, бессмысленные мечты, разочарованье и кровь — вот из чего сплетена наша жизнь.

Я встал и подошел к открытому окну. Эта ночь раздражала меня и томила мою душу. Бесконечная жажда любви наполняло мое сердце. Все мое существо рвалось и тянулось к далекому родному Краю, где праздник был совершенно иным. И пошли далекие воспоминания одно за другим. Перед Рождеством, бывало, идет в доме усиленная суета. Режут свиней, гусей, овец, телят и пекут всякой всячины, наполняя все углы и шкафы в горничной и кухне. Из города везут всевозможные покупки... Мы, казачата, с радостным чувством ожидания рождественского праздника, весело возвращались из школы. Все готовились «христославить». Уже по дороге каждый весело кричал: — Ребята! Глядите же, нонче спевка!

По всей станице ставили в рождественскую ночь ни у кого не закрывались. Всюду в домах помигивали лампадки у божниц, потрескивали восковые свечи перед иконой Божьей Матери и легкий запах ладана дополнял обстановку Рождественского сочельника.

Вдруг вздрагивают стекла в окнах и первый рождественский колокол смело врывается в морозную тишину. Второй удар, третий... и мощная волна звуков встрепенуло мертвое величие рождественской ночи.

С первым ударом колокола все мы «христославцы» уже летели по скрипучим лестницам домов. Врывались, застывали неподвижно перед божницей и, еле-еле отдышавшись, начинали стройно:

— «Рождество Твое, Христе Бо-о-оже наш»...

И неслись дальше... А колокол радостно звучал и эхо его неслось за станицу, к мертвому лесу, к заснеженым курганам и терялось в широкой белой степи...

По улицам вперегонку носились озабоченные «христославцы», опережая друг друга и стараясь первыми попасть в дом, где еще не «христославили». Бежали, потирая замерзшие уши, толпились у дверей, — наполняя звонкими голосами и гомоном тьму праздничной ночи.

К утру «христославцы», намерзшиеся и уставшие за Рождественскую ночь, спали по своим домам, подложив под подушки заработанные пряники, леденцы, орехи и пятаки...

Как бы в ответ на мои страдания по далекому прошлому, медленно, боясь нарушить моих сладких воспоминаний, снизу послышались тихие печальные звуки какой-то незнакомой мелодии. Постепенно звуки стали громче, отчетливее, и, казалось, наполняли собой весь дремлющий сад и страстной тоскою и бесконечным восторгом дрожали в воздухе. Звуки лились, как слезы. Словно чье-то сердце плакало о чудной несбыточной мечте и молило и ждало чуда — вернуть невозвратное, сделать доступным недоступимое. Блаженные воспоминания минувшего, горечь настоящего, страх темного будущего, минутный крик торжества сливались в одну молитву, возносящуюся к бесстрастным звездам, к безответному небу. Невысказанное и несказуемое, все, что таится в душе человека, в его тайниках, все, чему нет выражения на человеческом языке, изливалось в этих звуках.

Скрипка пела... Она пела о блаженных страданиях любви, о радости первого свиданья, о счастьи, которого нет, но которое могло бы быть...

Скрипка рыдала, ликовала, молилась и плакала...

Я чувствовал, как непривычные, незнакомые с детства слезы закипали в моей душе, как сердце мое наполнялось любовью, нежностью, отчаянием... Волшебные дали раскинулись передо мной, иной мир рисовался обманчивым миражем перед моим внутренним взором, мир недоступный, как потерянный рай...

Судороги сдавили мое горло, я опустил на руки голову и уже не мог больше сдерживать слез.

А внизу, у окна, бледный, как мрамор, стоял старый долматинец со своей волшебной скрипкой. Его горящие глаза были устремлены к небу и, казалось, созерцали чудные видения, реявшие в лунном сиянии, и в морщинах его старого лица сияла радостная улыбка и слезы умиления от счастья, что он еще дожил до того дня, когда может с радостью приветствовать святую ночь Рождества Христова.

Инж. Д. Еременко.

Один из многих.

Широкоплечий, среднего роста, полнолицый, с живыми голубыми глазами, уральский казак Михаил производил приятное и располагающее к нему впечатление. Он только что вместе с однополчанином немецким солдатом прибыл с фронта в отпуск. Родина Михаила — далеко за рекой Уралом. Уже более полтора года он сражается в составе казачьей сотни в одном из немецких полков, давно поэтому мог Михаил получить полагающийся ему отпуск, но ему некуда было ехать. Только теперь, когда его друг — немецкий солдат пригласил к себе на Родину, Михаил воспользовался отпуском.

Михаилу двадцать девять лет, но выглядит он много моложе своих лет. В Киргизских степях он оставил в колхозе жену, которая знает, что, если его не убьют на фронте; будет определенно на стороне немцев, так они договорились с женой при уходе на фронт.

За «батюшку Сталина» не желал он класть свою голову, тем неменее пришлось быть ему более полгода на фронте в рядах советской армии, прежде чем ему удалось при случае прикончить политрука, который собирался уже пришлепнуть Михаила, и перебежать в немецкие окопы, где его тотчас же приняли добровольцем в полк СС, занимавшим эти окопы. Тогда, в этом полку Михаил был первый доброволец-казак, в настоящее же время при нем имеется целая казачья сотня со своими казачьими офицерами.

— Каково было удивление моих бывших советских соратников, — рассказывает улыбаясь Михаил, — когда я позже, вместе с новыми боевыми товарищами, при штурме советских линий, вскочил в окоп, из которого когда то бежал, и начал кричать: «Товарищи! руки вверх! кому еще дорога жизнь, сдавайся!» Глаза им лезли форменным образом из орбит, ничего не понимали, а когда подняли руки в недоумении смотрели и спрашивали: «да, откуда это ты Михаил взялся?!..» Но разговаривать тогда некогда было, большевицкая укрепленная линия в том месте была прорвана, большевики в панике отступали, надо было спешить. Три казака были быстро переодеты в офицерские советские формы: я одел форму майора, другой полковника, а третий старшего лейтенанта; сели все три в отбитый советский автомобиль и покатили прямо в большевицкое расположение. Творилось там в это время — что-то невообразимое: войска, обозы, артиллерия — все перемешалось. Командиры этих частей уже отсутствовали, поэтому мы сейчас же и принялись «наводить порядок», употребляя крепкие слова направляли части в разные стороны, а то прямо на наши танки, на мостах поделали искусственные пробки из отступающих обозов, так что в результате мало кому из отступающих советских войск на том участке удалось удрать — все было взято в плен, — улыбаясь рассказывал Михаил о своих первых успешных действиях на стороне новых боевых друзей.

А потом наследовала долгая боевая жизнь, втечении которой Михаил в составе полка побывал почти во всех городах Кавказа. От Владикавказа был всего в шести верстах. Участвовал в зимнем отходе с Кавказа. Кубань и Терек прошел вдоль и поперек.

О подсоветской жизни остались у Михаила самые мрачные воспоминания. Отца, зажиточного хлебороба выслали куда-то на север, откуда он уже не вернулся, мать рано умерла, сам он должен был спасаться бегством в киргизские степи, где ему киргизы за деньги выдали документы о том, что он самого знатного пролетарского происхождения. По этим документам он жил до самого последнего времени т. е. до начала войны. Работал в автотракторной станции, которая обслуживала окружающие колхозы. По словам Михаила, казаки, несмотря на страшные притеснения со стороны советской власти, все-таки ухитрялись и при большевиках жить о много лучше нежели мужики. О мужиках он весьма низкого мнения, и говорит о них не иначе, как о серой скотинке и безвольной массе, привыкшей к рабству.

На вопрос, как велось колхозное хозяйство, Михаил смеясь говорил: — Да, как же могло вестись, когда для управления колхозами присылались из Москвы люди, которые не могли отличить коровы от картофеля... Однажды мне пришлось на автомобиле везти со станции в один из колхозов одного ответственного работника-агронома из центра. Бесконечно-широкие степи, по которым мы проезжали, раньше выпасывались стадами кочующих киргизов. При советской власти всех киргизов прикрепили к колхозам. Естественно, что все степи не могли колхозы обработать, скот же на них никто не пасл, так как его не было, поэтому трава — семянка в тех местах была особенно густая и высокая и как раз цвела. Белые цветущие пространства, покрытые семянкой уходили далеко в даль и сливались там с горизонтом, точно белое слегка волнующееся море. Мой пассажир залюбовался этой картиной, и вдруг спрашивает меня: —«Товарищ, скажите, что это за сорт пшеницы? Какой прекрасный урожай!»...

— Да это, товарищ, наша знаменитая семянка! — отвечаю ему в тон.

— Ах! Какой урожай, какой урожай! Удивляюсь нашим правительственным органам, почему этот сорт пшеницы не сеют в западной части СССР, потом бы мы ведь утопали в хлебе! Вероятно, кто-либо это дело саботирует, надо будет вопрос об семянке поднять в центре... — закончил свое заключение восхищенный картиной работник из центра.

Когда Михаилу показали казачью литературу, которая была издана в эмиграции, он на нее с жадностью набросился. Его приятель — немецкий солдат, при этом заявил смеясь: — «ну теперь нашего Михаила никакая сила не оторвет от чтения, пока не кончит все читать: это его слабость»...

Оказывается о целях и стремлениях казачьего национализма он был немного знаком по казачье-национальной литературе, которую ему удалось прочитать во время своего пребывания в немецкой армии. О Казачестве же он много слышал еще из рассказов своих родителей, от старших казаков и даже от казаков, которые состояли членами коммунистической партии. Некоторые из этих «коммунистов» еще в мирное время между четырех глаз предсказывали, что большевиков уничтожат немцы, и только немцы это в силе сделать, когда же будет уничтожен большевизм, то и по их словам Казачество снова возродится, к этому должны все казаки стремиться. Поэтому как только начнется война эти «коммунисты» советовали переходить на сторону врагов большевизма и по их боку продолжать вооруженную борьбу, которую их отцы и старшие братья в силу обстоятельств прекратили двадцать лет тому назад.

Отец приятеля Михаила, вероятно в целях испытания твердости настроения своего боевого друга сына, предложил Михаилу остаться и не уезжать на фронт, обещая при этом, что он его устроит на хорошую работу. Подобное предложение Михаил быстро, не задумываясь, отклонил, заявив при этом, что он потом бы потерял цель своей жизни, пока на его Казачьей родине находятся большевики не может быть и речи о личном благополучии и его настоящее место ныне — в рядах бойцов против большевизма.

С такими сынами, как Михаил, наш Казачий народ не может погибнуть.

Каждый казак-националист с достоинством носит свой казачий документ и свой бортовой значек.

Алексей Иванов.

Костры.

Тетеревятников проснулся от холода и, накинув на плечи полотнище, подбросил дров в почти погасший костер. Закурив, он присел к костру и начал растирать закоченевшие от ночного холода конечности. По ту сторону костра неясно обрисовывались контуры его спящих приятелей-рыбаков.

Протянув руку ближе к огню он посмотрел на часы — было 2 часа ночи. До рассвета, а значит и до начала клёва, было еще далеко.

Тетеревятников задумался... Бормотание горной реки не только не мешало ему, но наоборот — еще больше располагало к размышлениям. После 2-ой или 3-ей папиросы ему стало совсем тепло. Он улегся опершись на локоть и, глядя в прыгающее пламя костра, вспомнил другие огни.

...«И припомнил я ночи другие»... пришли ему на память слова известного романса. Перед ним встали образы далекого детства в родной стороне: — широкая, ровная коса на берегу Дона. Так же на рыбальстве, в такую-же прохладную ночь его братья и он прогревались у костра и пламя его, как в зеркале, отражалось в безмятежной, гладкой как стекло, Донской воде...

Потом началась война. Во дворе дома его, далеко в Донской станице, мобилизованные казаки на костре варили кашу к ужину. Прозрачный дым костра поднимался прямо вверх, — в глубину, теплой и тихой августовской ночи, а сидевшие вокруг казаки пели:

«Ах, ты сад, ты мой сад,
Сад зеленый мой»...

Тетеревятникову кажется, что звучат еще последние аккорды песни, а память летит дальше...

Темная, дождливая мартовская ночь. Промозглый, влажный воздух до костей пронизывает тело. На открытой площадке бронепоезда негде укрыться от ветра. Рядом с ним, нахохлившись, сидят другие казаки — прикрытие бронепоезда. В темноте силуэты их можно скорее угадывать, чем видеть. Английские шинели плохо греют. Все угрюмы и голодны.

Бронепоезд движется по путям Великого Казачьего Исхода — по полям Закубанья. Время от времени слышны тревожные крики дневального «стоой!»... и треск ломаемых поездом беженских повозок, движущихся, из-за грязи, по железнодорожному полотну. Путь расчищается и поезд трогается дальше...

Наконец, в чернильной темноте ночи, показывается огонек. Ребята зашевелились: — «эх, погреться бы». Медленно приближается огонек, вырастая постепенно в жарко горящий костер. С вожделением смотрит Тетеревятников на яркое пламя. Бронепоезд останавливается в каких-нибудь сорока шагах от огня. Как по команде, все соскакивают с площадки и бегут к костру, у которого сидит старик-Донец, время от времени ковыряющий палкой в золе.

— «Можно погреться, дедушка?!

— «Можно, рябяты» — сдержанно отвечает дед.

Молча казаки окружают костер, протягивая к огню озябшие руки и стараясь впитать в себя живительную теплоту.

— «А ты какой станицы, дедушка?»

— «Я-то? Старо-Григорьевской».

— «Значит одного округа. Вот где пришлось своего человека встретить» — замечает командир — старший брат Тетеревятникова.

— «А вы откелева?»

—«Нижне-Чирской».

Дед молча роется в золе, выковыривая какие-то круглые камни.

— «Бярите, рябяты. Зараз хорошо печеной картошки поиисть: из нутря согреваить. И соль имеется, кому хотится».

Все жадно жуют, дуя на дымящуюся картошку, только ядреная соль вкусно хрустит на зубах...

С лязгом рванул с места бронепоезд.

— «Не поминай лихом! Спасибо дедушка» — кричат казаки, на ходу вскакивая на площадку.

— «Христос с вами. Прощевайте, соколики. Иде тольки казаки не пропадали и иде от нас не плакали»...

.....

— «Да ты что? Как заяц, что-ли, спишь? С открытыми глазами? Ха-ха-ха! Вот чудак!»

Тетеревятников вздрогнул... Костер почти погас и белесый, призрачный утренний туман волнами стлался над прибрежными скалами и рекой, продолжавшей свою монотонную песню.

Тетеревятников вскочил. Рыбальский день начинался.

Иван Назаров.

Мороз. На солнце снег искрится...
Перед правлением в станице
Донцы сбираются в поход.
Трубач трубит. Гордясь конями,
Донцы равняются в рядах.
Винтовки блещут за плечами
И пики грозные в руках.
Вот командир. Под ним играет
И рвется в диком беге конь.
Из под копыт его сверкает
И брызжет по снегу огонь...
«Здорово, братья!» перед строем
Он став, как вкопанный, сказал:
«В страну наездников с разбоем
Ворвался враг... И вот настал
Наш час — народу и отчизне
Отдать вскипевшие сердца,
Не пожалеть ни разу жизни
И долг исполнить до конца.
Нехай враги узнают снова,
Как и в веках, что казаки
За честь страны все лечь готовы,
Как встарь ложились, что полки
И сотни наши все по полю
Прольют до капли кровь в бою
За Край родной, за нашу Волю,
Но не уронят честь свою.

(Из поэмы «Братья Каревы»).

Вл. Куртин.

Казачья песня.

Едва ли где песня играет такую исключительно важную роль во всей жизни народа, как это имеет место у нашего Казачьего народа.

Для казака или казачки песня — это — альфа и омега их жизни. Относительно, нигде нет такого количества песен и нигде внутреннее содержание их не вскрывает так глубоко сущность души народа, создавшего эти песни. Нигде их мелодия не выражает так ярко и так полно не только жизнь со всеми ее радостями и горестями, суровой действительностью и идеалами, но и самую природу, самый Край, где протекает жизнь творцов песни.

Богатая содержанием, военно-земледельческая жизнь, богатство и разнообразие природы, близость казака к природе — все это вызвало в его душе такое разнообразие и обилие чувств, которое должно было найти свой выход и свое выражение. И — родилась песня.

Песня — это душа казака. Представить казака без песни — значит представить человека без души, продукт фабрики — R. U. R. (Rossum Universal Rabota).

Песням казак не учится. Песня впитывается им вместе с молоком матери и составляет неотъемлемую часть его «я». По мере духовного развития этого «я» — развивается и усовершенствуется песня. И с этой стороны старые казачьи песни свидетельствуют, что и в давние времена наши прадеды и глубоко чувствовали, и смело и красиво жили и обладали большой социальной мудростью.

Казачья песня — это и есть Казачий материнский язык, ибо Казачка-мать воспитывает своего сына — казака песнею.

В коротких строках Лермонтов суммировал воспитательный материал, которым пользуется казачка-мать. Запечатлел и ее внутренний мир, ее жертвенность... Горьки ее слезы, но сладка радость матери богатыря, казака душей.

Душу же эту она вдохнула ему своими песнями. Казачьи песни — это не песни в южно-славянском понимании, т. е. не эпические стихи, рифмованные или белые. Это — прежде всего музыка, прежде всего чистая лирика.

Как создались эти чудные, несравнимые мелодии?

Казачья песня не только «хватает за сердце», она и рождается из сердца. Казачье сердце, своими песнями не только отзывалось на события, но и создавало события.

Что, как не наша песня показала целому свету, что «Казаки не только прекрасные наездники и бесстрашные воины», но и что «в их грудях, покрытых боевыми патронами, бьются благородные сердца, которым не только близко все, что прекрасно, но которые и сами создают прекрасное».

Быт, семейный уклад, основы мировоззрения, Бог, вера, народность, традиции, идеалы и сама динамика жизни — все это ярко, четко, классически точно выражено в казачьих песнях, — в этих бесчисленных по разнообразию мелодиях.

Но как ни велико разнообразие мелодий, все они связаны таким единством внутренней силы и убедительности, таким единством чувства, что смешать мелодию казачьей песни с мелодией песни другого народа — невозможно. Нельзя ее смешать ни с русским «стоном», который у них «песней зовется».

Каждый народ имеет свои национальные песни, свою национальную музыку. У казаков и то и другое представлено полностью. И понятно почему. — От начала начал своих и до наших дней казаки могли культивировать у себя только песню. Мы бедны своими летописями. Зато наши песни — совершеннее и правдивее летописи.

Говоря о казачьих песнях, мы подразумеваем только те песни, которые создал сам казачий народ, народные песни. А не те, что научены из учебников или под час «словесности», и которые, к сожалению, представляют: «песни линейных и черноморских казаков».

Сборника народных казачьих песен еще нет. И наш долг — создать его.

Всем нам известно, что русские коммунисты за пение казачьих песен расстреливали. На Казачьих Землях петь казачьи песни запрещено. Известно также, что русские не коммунисты не переваривали много наших песен, в которых казак особенно метко и едко охарактеризовал взаимоотношение Казачества с Москвою.

Петь казачьи «Думы», в которых власть турецких султанов предпочиталась власти русских, считалось изменою «престол-отечеству».

Ясно, что наше молодое поколение, живя под надзором Г. П. У. не могло кормиться своими старыми Казачьими песнями в той мере, какая необходима, чтобы дух казачий не сломился под напором коммунистической русской частушки. Ясно, что песни забываются... Нужно поэтому, пока еще не поздно, собирать песни, наши казачьи песни.

Мы имеем зарубежом несколько хоров, которые с честью проносили по целому свету нашу песню и тем знакомили европейское и американское общество с казаками. Но у нас есть и другая задача, другой долг: мы должны принести цельными и целыми все песни, что певали наши прадеды. И принести не только слова, но и мелодии.

Много есть среди нас, казаков, таких, что помнят свои старые песни. Одни из этих песен чисто локальные, принадлежащие той или другой станице (курению), другие общеказачьи. Но и те и другие одинаково прекрасные, одинаково ценные, одинаково нам родные.

И долг каждого из нас записать все те песни, что еще нам память сохранила. Записать и послать нашему КНД. Несколько труднее записать мелодии, но и это при желании возможно. А желание у нас должно быть. Ибо для нас наша песня — достояние.

Вспомним нашу прошлую жизнь — станичную, походную, боевую... Разве делалось что-либо без песни?.. И разве песня наша не играла столько раз исключительную роль в нашей жизни?..

Вспомним историческое заседание Рады в декабре 17 года... Почему тогда, не сговариваясь, разом поднялись восемьсот казаков депутатов и стройно, вдохновенно запели:

...За твои станицы вольные?

И какое впечатление произвела эта песня на колебавшихся «фронтовиков» и на публику!

Потому что в песне нашей — вся наша история, потому что она крепчайшее звено, связующее нас с давним славным, когда мы действительно были и вольны и свободны, — потому что она и теперь вдохновляет нас на борьбу за свое право быть Вольными и Свободными, право иметь свою национальную жизнь и жить под своим Казачьим Законом.

От редакции. Редакция «Казачьего Вестника» горячо приветствует мысль автора о собирании казачьих песен и, с своей стороны, по скольку сможет, — поможет этому делу.

Иван Колесов.

Матери-казачке.

Песни колыбельные пела мне над зыбкой мама дорогая часто в час ночной и, как сон, о Воле слышал я рассказы и, как сон, я видел свой Родимый Край.

Вырос — и в походы сына снарядила и, крестя, прощалась будто навсегда; за станицей долго сотне вслед глядела... Завернула сотня за степной бугор...

По степным равнинам зимнею порою пела вьюга песни и мороз знобил, летом — убегая вдаль степным миражем жаром полуденным зной меня душил.

Но и в бурю снежную и в палящий зной, сквозь порывы ветра, ураган и вихрь, сквозь снарядов грохот, сквозь напевы пуль — слышалась мне песня Стороны Родной...

Из степей привольных, из страны родимой, уходя в изгнанье, память я унес о напевных песнях, о старинных былях, о станицах вольных, о Земле моей...

Вспоминая часто солнечные дали, хутора по балкам, шум речных быстрин, мыслию заветной в степи уношусь я на курган зеленый, на могильный холм...

Под крестом дубовым голову склоняю, под крестом дубовым шорохи ловлю и, как будто, снова в зыбке я ребячьей и, как будто, снова вижу мать свою... Нагибаясь близко, мне рассказ о Воле, голосом неслышным мама говорит и напев далекий песни колыбельной надо мною будто чуть дрожа звенит...

Полковник Д-р С. Федоров.

Казачья самобытность.

В обращении Германского Правительства к казакам от 10. XI. с. г., являющимся первым вообще политическим актом в отношении народов Востока Европы, несколько раз мы встречаемся в русском тексте с термином «самобытность». До получения подлинного немецкого текста этой декларации, опубликованный русский текст является единственно правосильным для определения прав Казачества, признанных Германскою властью. Постараемся изложить понятие **казачьей самобытности** с точки зрения казачьего национализма.

Декларация говорит **о праве казаков на самобытность**, утверждает за ними **самобытность, стяжавшую историческую славу,** обещает устроить жизнь казаков на Востоке Европы под защитой Фюрера, снабдив Казачество всем необходимым для **самобытности.** Акт знаменательнейший именно тем, что **Казачеству предоставляется право восстановить свою жизнь** таковою, каковою она была **спокон веков по древнему казачьему обыкновению.** Казакам предоставляется жить так, как жили их **деды-прадеды вольно, свободно, неподвластно, наравне с другими народами, для устроения Новой Европы** и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы.

Формы европейского национализма не вменяются в обязанность Казачеству, которое само по своему внутреннему содержанию есть глубоко национальным.

Муссолини давно уже сказал, что фашизм не является вывозным артиклем, точно также и немецкий национал-социализм не является предметом экспорта. Каждый народ должен творить свое бытие на основах, покоящихся в глубине его национальной сущности, а у Казачества, главнейшей из них есть **народоправство,** из которого и развилась **казачья самобытность,** являющаяся плодом многовековой эволюции казачьего духа и быта, сформировавшая казачий национальный характер.

Более обстоятельно эти факторы разбираются нами на страницах «К. В.», в особых очерках казачьего национализма.

Организация казачьего быта была продуктом его учреждений и форм, на протяжении веков создавших свою особую казачью культуру, с ее высокими моральными качествами и организационными способностями.

Формы и сущность казачьего бытия уже давно, в глубине истории, привлекали к Казачеству не только «голубую», рыцарскую кровь членов благородных, княжеских и королевских фамилий, вступавших в ряды Казачества на правах обыкновенных сочленов казачьих образований —Войск, но, главным образом, они привлекали к себе широкие народные массы.

Казачье самобытие было идеалом для них, и он особенно развивался и проявлялся во время восстаний целой плеяды запорожских славных Атаманов, и во времена Хмельницкого, Разина, Булавина и Пугачева, когда революционное движение масс, одухотворяемых формами казачьего быта, потрясало основами польского королевства, московского царства и российской империи.

Декларация Германского Правительства говорит о казачьей самобытной жизни на Земле, кровью предков казачьих политой и полтысячи лет казакам принадлежавшей.

Полтысячи лет известна просвещенным народам казачья самобытная жизнь в образе **Войск — народоправств,** самобытных образований руспубликанского типа, с твердой **Атаманской властью** всенародного избранника. Наши казачьи предки творили на этих землях свою самобытную жизнь еще в течении полутысячи лет до образования на них казачьих Войск. Уже в те времена, как свидетельствуют нам древние источники, Казачество обладало там всеми тремя необходимыми элементами для устройства казачьей жизни: территорией, народом и властью. Позднейшая организация казачьей жизни именно и вытекала из самобытных форм жизни казачьих предков, руководимым неписанным казачьим законом — **обычным правом,** устанавливавшим политический и социальный порядки и правовую защиту на Землях **казачьего присуда.**

Казачий присуд, т. е. **юрисдикция казачьего права,** охватывал все без исключения Земли, которые населялись Казачеством, в которых все старшие казачьи Войска творили **единую самобытную систему.** В ней все казаки, со **всех** абсолютно рек — Войск были равноправны. Правовая власть казачьих общин распространялась не только до границ Дикого Поля, отделявших широким, на сотни верст, поясом казачью Землю от соседних государств — Москвы и Польши, но **казаки и вне границ пользовались правом казачьего суда,** т. е. правом экстерриториальности, «где три казака — там два судят третьего» гласило обычное право. Не было тягчайшего наказания, как лишение права обратиться на суд Войска и тем очу-

Полковник Сергей Макеев.

Черт в станице.

(Рождественский рассказ).

Зимний ветер с ревом и свистом зарывался в мягкие сугробы пушистого снега и с силой бросал кверху серебристые фонтаны снежной пыли. Деревья курились в жемчужной мгле, и хвойные ветви, облившие рыхлой ватой, тяжело клонились к земле, образуя темную, непроходимую завесу.

В еловом дупле, съежившись в три погибели, старый черт коротал свой скучный день. Он с нетерпением ожидал вечера, чтобы можно было вылезти из дупла, поразмять свои закоченевшие члены, отряхнуться, как следует, от блох, набившихся в его меховую шубу, и почесать о шершавый ствол искусанную за день спину. Нет никакого спасения от проклятых насекомых — забрались в шерсть, и холод не берет их.

Высунул старый голову из дупла, посмотрел кругом, — уже вечередо. Вылез, потянулся, расправил косточки и сладко зевнул.

Куда идти? По кошам таскаться надоело. Скучно, да и нет никого. Рождество. Все в станице гуляют, веселятся.

— Эх, пойду и я в станицу, давно уж там не был, — промолвил черт, — девчата, должно, гадают, — повеселюсь с ними, или в шинок зайду, потолкаюсь с казаками.

Выбрался черт из под елок, вышел на поляну и направился в станицу.

Только стал подходить к околице, запнулся за что то и упал. Вскочил, сердитый. Да и как было не сердиться, коли нос расцарапал о какую-то ледяшку. Оглянулся, назад своими огненными глазами и чуть-чуть успел заметить удиравшего во все лопатки зайца.

— Ишь, косой дьявол, шатается по такой погоде! Сидел бы у себя в норе, а то лазит под ногами, порядочному человеку и пройти нельзя!

Прошел черт по темной улочке, никто не встретил. Попрятались все от мятелицы, сидят греются у печек, да разговорами занимаются. Хорошо, небось... А тут вот сидишь день деньской в дупле, и живым словом перемолвиться не с кем.

На площади кое-где светились огоньки, и слабый свет их через разрисованные узорчатым инеем окна выползал на двор. На самом видном месте стоял дом священника. Черт осторожно подкрался к окну, заглянул. Ничего не видно. Высунул горячий язык, подышал на стекло, потер мохнатой лапой и в маленькую, в медный пятачок, дырочку уставился одним глазом. Другой глаз прищурил, что бы лучше видно было.

— Ого! В карты режутся! А кто это рядом с попом? Неужели Лука Павлович — атаман наш? Да нет, не похож на него...

Щелкнула калитка. Жалобно проскрипели ржавые петли. Черт отскочил в сторону и спрятался за углом.

— Так и узнать могут! Чего доброго, наломают шею — с казаками шутить нельзя. Надо одеться в казачью шубу...

Поднялся на крыльцо, попробовал дверь, не заперто. На цыпочках пробрался в переднюю. Никого. До черта ли теперь, коли гостей полна горница. Вон и дьякон с Бесплиневеки сидит, покраснел, как вареный рак, от забористой зубровки. В прошлом году с ним пошутил черт — в ущелье завез.

Выбрал старый шубу с серебряными погонами, надел черную шапку, завернул шею красным башлыком и выскочил на двор. Посмотрел, вместо зеркальца, в ледяшку, расчесал когтями бороду и пошел вдоль по улице. Уж теперь не узнают, да и почет еще будет.

В правлении горел огонек. Черная от копоти лампа тонула в елком дыму. Дежурный спал, сидя за столом, и сладко, по сверчиному, свистел. Отворил двери черт и с клубом пара ввалился в «присутствие». Проснулся дежурный, глянул мутными с просонья глазами и, как ошалелый, подскочил с рапортом. По козлиной бородке за участкового начальника принял.

Черт вытянулся в струнку, левой лапой под козырь взял, — видел на парадах, как делают, да только из далека наблюдал, не разобрал, какой рукой по уставу полагается.

— А где атаман? — строго, по начальнически, спросил.

— Так що, дома.

— Позвать сюда!

— Слушаюсь! — сказал дежурный и, стрелой побежал за атаманом.

А черт тоже повернулся и пошел себе по станице. Пошутил, и довольно. И так тарарам поднимется.

Прибежал атаман. Запыхался. Поглядел туда, сюда — нет участкового.

— Ну где-ж твой участковый? — сердито буркнул он дежурному.

— Не могу знать, господин отаман, а тильки зараз вiн тут був!

— Був... хмель, поди гуляет в голове?

— Та я й не то що пив, а й близько не бачив!

— Так где ж он делся?

— Та хiба на двiр де вийшов!..

— А на чьих лошадях приехал?

— А от про коні мині і в голову не вдарило.

Посидел атаман, подождал. Нет участкового. Покричал на дежурного, чтобы зря не беспокоил, и пошел опять к попу в карты доигрывать.

—

Зашел старый в шинок мимоходом, да не понравилось ему. Народу пьяного было много. Кричат ругаются, за кинжалы хватают друг друга. Того и гляди рукопашная начнется. Ни за что, ни про что и ребра покалечат. Потихоньку протискался на улицу. Дворовый пес — Сирко — залаял было, но и то сразу же узнал старого приятеля. Обнюхал, поласкался и залез опять в подворотню. А черт бегом пустился к тетке Соколихе, там девчата собираются по вечерам.

Еще издали услышал он девичьи голоса, обрадовался, — вот где веселье будет! Отворил двери, поздоровался:

— Мир честной компании!

— Спаси Бог! Добро пожаловать! — раздался голос хозяйки.

Сморщился черт, повел мохнатой бровью. Не могут они без Бога обойтись, только настроенье портят!

— Ги-и... та цеж Василь Забий-Ворота в сотників кожух нарядився! — воскликнула шустрая, лупоглазая Маруська Коваленко, — їй Богу...

— Глядь, каким молодцом нарядился, а бороду то прицепил!.. подхватила другая.

Забрался черт в темный уголок, сел на скамью и ну на девчат заглядывать, да заигрывать. То одну щипнет, то другую ухватит. Кричат девчата, захлебываются от смеха, а ему и любо.

— Васька, черт, да посиди ж спокойно. Мы песню споем. — Затянули звонкими голосами девчата, да оборвалась песня, — парубки пришли с гармошкой, плясовую заиграли. Выскочил один парубок на средину хаты, размахнул широкими рукавами, и, как вихрь пустился вокруг. И девчата в долгу не остались. С белым вышитым платочком пошла кружиться Дашка Атаманова. Разрумянилась, глаза блестят, пышная грудь под ватной душегрейкой колышется, дразнит парубков... Засмотрелся черт, и самому плясать захотелось. Надо же удаль показать. Схватил за руку Маруську Коваленко и ну казачка откалывать, да так увлекся пляской, что вообразил себя настоящим казаком.

Залюбовались его танцем девчата, поглядели на ноги, как это он выделывает такие фортели, да и ахнули от испуга. Без сапог был старый, ну, известно, по копытам и узнали.

— Господи, да ведь это черт! — крикнула что есть мочи Дашка Атаманова и замертво повалилась на скамью. Испуганными голосами наполнилась хата Соколихи. Забились по углам от страха. Черт видит, что дело плохо, — удирать пора, а то парубки схватят и набьют по первое число, — подбежал, потушил лампу и был таков. Пока там пришли в себя, зажгли свет, а черта уж след простыл.

Перебежал старый через площадь, перевалился через церковную ограду, хотел дух перевести, да зацепился головой за веревку и ударил в колокол два раза. Опять пришлось утекать, и только на окраине ста-

титься вне права и закона — «не будет вам суда и пеня войсковая». В то же самое время, на своей территории казачий суд и расправа осуществлялись и над московскими стрельцами и солдатами, оказавшимися на Казачьих Землях. Только брутальная сила российского империализма сокрушила позже формы казачьей самобытности. До того же времени государственная и таможенная границы отделяли Казачьи Земли от Российской империи

Эволюция казачьего быта привела к оформлению Казачества и в **особый народ** — таковым рассматриваются казаки не только в актах европейских и восточных держав, но и **московские правительственные акты** XVII стол. именуют **донских казаков иноземцами**. Сто лет тому назад в российских средних и высших школах еще учили о казаках, как о **особом народе**. Это положение провозгласили казачьи представители в 1917 г. в г. Киеве на С'езде народов б. России и были признаны особой **народной ветвью**.

Народом выступает Казачество и в декларации Германского Правительства.

Пункт 4-й декларации, **утверждающий за казаками временно новые земли на Востоке Европы,** имел не раз свой исторический прецендент в прошлом, когда казаки творили на новых землях свою собственную жизнь по старым своим самобытным формам. Таким образом, донские эмигранты 1688—1708 г. г. создали на Кавказе **Великое Войско Кубанское,** юрисдикция которого была перенесена в войну 1735—1739 г. г. и на населенные казаками устья Дуная, а с 1778 г., по уходе Войска с Кубани в Малую Азию, и на эти занятые в ней земли. Подобно осуществляло свои права и Войско Запорожское, после ухода из российского подданства, в 1709—1734 г. г. и в последующую эмиграцию 1775 г., а позже и в австрийском Банате.

Все они, в пределах Оттоманской империи находясь под верховной защитой турецкого султана, **пользовались широкой автономией,** неся единственную обязанность военной помощи против неприятеля и получая за это жалованье и некоторые привилегии материального характера на территории остальной империи.

Великое Войско Кубанское, существовавшее до 1870 гг. имело свой **устав — конституцию,** читаемую перед богослужением еженедельно казакам в главной церкви войскового городка. Оно было суверенным в своих границах, как об этом свидетельствуют труды начальника кавалерии на Балканах и казаков Оттоманской империи Садык-паши (Михаила Илларионовича Чайки-Чайковского, потомка Кошевого Атамана и Гетмана Брюховецкого), командовавшего казаками в период до и после Крымской кампании 1854/55 г. г., и об этом же говорят записки английского путешественника Гамильтона, посетившего ВВКуб. перед этой войною. По его свидетельству, казаки были самым образцовым и культурным народом в Турции и даже поведение казачки перед Атаманом, Гамильтон ставил в образец членам британского парламента.

Самобытное устройство казачьей жизни уважалось и российским правительством тогда, когда ему нужны были казаки. В то время как, при царе Никалае I подавлялись все проявления духовной жизни иных направлений, кроме общеправительственного российского, потомки казаков ВВКуб., вошедшие в состав линейных Войск на Кавказе, и потомки запорожцев на Кубанском Черноморьи пользовались своей культурной автономией и правом иметь свою церковь, как свидетельствует об этом изданный в г. Лейпциге труд обер-прокурора Святейшего Российского Синода, члена Государственного Совета генерала Липранди. Этот труд не смел быть известным ни русским и ни казачьим историкам.

О высоте казачьей культуры, организации социального обеспечения и быта, в особенности в Войске Запорожском, свидетельствуют нам неоднократно европейские и восточные писатели и путешественники XVII—XVIII ст. Рука российского империализма стремилась сломить казачий быт с целью нивеллировать казаков на уровень всероссийского обывателя.

Казачество, руководимое здоровым розумом, было всегда оплотом порядка, защитником угнетенных и порабощенных, строителем мирного, спокойного производительного труда, что в нем беспристрастно признано и оценено ныне Германским Правительством.

Казачий народ трактуется в декларации, как честный и верный соратник и союзник национал-социалистической Германии. Иначе оно и быть не могло, так как духовные основы национал-социализма, давно уже были оплотом казачьей самобытности. **Народная честь, свобода, идея народной посполитости, общее благо, довлеющее над благом отдельной личности, Атаманский принцип, социальные учреждения, отсутствие классовой борьбы, идеализм и жертвенность, земля и кровь** — все это присущее казачьим самобытным формам жизни, воплощено в **народоправно-фюрерской Германской Державе.** Потому то **Казачьему народу, первому** из числа народов Востока дана возможность строить свою казачью жизнь на исконних началах казачьей самобытности **вольно, свободно, независимо** так, как жили наши деды-прадеды и мы сами.

Казачество с незапамятных времен **было защитником Европейских народов и культуры** перед разрушительными силами Востока. **Казачеству суждено и теперь выполнять свою историческую миссию.**

Визначний ювілей.

На день 21 грудня 1943 року припадає річниця 63-ох літ життя а 25-ти літ активної, всесторонної и многоплодної діяльности на занехаяній ниві Козацького відродження на Україні В. П. Генерала-поручника Михайла Омеляновича-Павленка.

Все його життя є засвячене твердій праці над гляданням шляху для поліпшення судьби й долі Рідного Народу й Многостраждальної Батьківщини. У всіх його стремліннях, проявах і творах блискуче відзначаються його глибока любов до Батьківщини й незломна відданість їй. Саме ці високошляхотні прикмети здобули для Вш. Ювілянта широку популярність, любов і пошану не тільки серед широких верств української, але й загальнокозацької суспільности, що й досі є одинокою відвдякою для Вш. Ювілянта.

Тверда хвиля часу в сполуці з жорстокою історичною судьбою Батьківщини не дозволяє належно відсвяткувати вдячному народові цей многозначний ювілей. Це дуже добре розуміє й наш многоулюблений Ювілянт, який разом з нами невпинно вірить, що лише дальшою твердою працею зі святим запалом безкорисної любови до Батьківщини можна перебороти жорстоку судьбу та дійти до найбільшої Нашої Мети.

Хай Всемогучий і на дальші довгі літа пішле Вш. Ювілянтові повної фізичної і душевної свіжости й сил та поможе перебороти всі труднощі сучасного життя для добра й долі Нашої Батьківщини і всього Козацтва. Многая літа!

Запоріжське Товариство.

ницы, возле кузни Никиты Банчука, черт пришел в себя.

— Что такое? В кузне огонь!.. Никита в Рождество работает?! — удивленно промолвил черт и потихоньку подкрался к дверям.

Никита, не смотря на праздник, работал. У почтаря сани поломались, оглобли треснули, так железными кольцами просил стянуть. На водку обещал... А Никите не все равно? Будут гроши, Рождество и опосля справит.

Торопился закончить работу и задержался в кузне до поздна. А черт давно на Никиту зуб точил. Мыслимо ли дело, кузню запирает! Боится, чтобы не украли. А что тут взять? Подковы ржавые, или молот? Кому это нужно! Другой раз черту копыто нужно подсоблить, или просто около огня посидеть, погреться, изволь-ка через трубу лезть. Удовольствия мало.

— Теперь и на моей стороне праздник! — ухмыльнулся черт и, стряхнув с плеча снег, чтобы погон было видно, вошел в кузню.

— Здравствуй, Банчук!

— Желаю здравия, ваше благородие! З святками будьте здоровы! ответил Никита, вглядываясь в серебрянный погон.

— Вот, брат, дела какие; ехал я из Баракеевской, да по такой погоде и залез в яму. Завязла лошаденка насилу вытащил, а тут на грех поскользнулась и обломала подкову вместе с копытом... Никак идти не может. Бери, брат, инструменты, да и пойдем...

— Ну що ж, ще зароблю на якусь чарку, — смекнул коваль и, мигом забрав все, что требуется для ковки лошадей, пошел за чертом.

В открытом поле метелица гуляла по рождественски. Снежные вихри с завыванием бросались на человека и цепко хватали его в свои об'ятья. Непроглядная тьма покрыла небо и горы. Не видно было ни зги. Шли молча. Никита выбился из сил и от усталости не мог даже подсчитать, сколько ему взять за работу. А черт быстро шел вперед и думал только, как бы подальше завести Никиту и бросить.

— Ну і погода-же, ваше благородіе! Як би не ви, так ні за що б не пішов, — устало промолвил Банчук.

— По такой погоде только чертям гулять! — сказал, улыбнувшись, черт.

— А ще далеко, ваше благородіе?

— Уже скоро, — ответил черт, вслушиваясь в завывание метели.

В станице пропели петухи. Черт сразу же закружился вокруг Никиты, захохотал и исчез. Растворился в снежной мгле.

— Ну и ночка, — промолвил старый, залезая в дупло и с жадностью прожевывая еловые шишки, — вот натешился, долго меня помнить будут! Фу, устал! Мочи нет!

А в станице на другой день только и разговору было, что про черта. Кто и не видел его, так и тот рассказывал всякие небылицы.

Никиту Банчука, едва живого, нашли верстах в двух за станицей. Чуть не замерз, бедняга, насилу спиртом оттерли. Сотникова шуба очутилась в бане у Лукерьи Сагайдачной, а над Марускою Коваленко долго смеялись, как она с чертом казачка откалывала.

С той поры каждое Рождество все были на стороже, все поджидали черта, а старый тем временем веселился в других местах.

Казачья Земля то, матушка, большая!..

Юрий Гончаров.

***

Месяц, месяц серпорогий...
Окоем все уже.
Снег изгладил все дороги.
Над рекою — стужа.
Над пустыней снеговой
Звезд дрожащих брызги.
В целом мире — никого!
Прорубь лед прогрызла.
Острый иней мечет иглы мне в башлык,
От людей между людей я приотвык...

—

Проф. А. М. Андрієвський.

Історичний документ.

У числі 5 «Козачих Відомостей» з 15/XI 1943 р. надруковано відозву Німецького Уряду до козаків. Відозва адресована до козаків таких військ: Донського, Кубанського (бувшого Запоріжського), Терського і Уральського (бувшого Яицького).

У відозві козаки, що бились і бються проти «жидівської влади большевизма», названі «чесними і вірними союзниками Німецької армії». Констатовано, що вже другий рік вони бються «плече до плеча, стремя до стремени з німецькими військами» проти большевицької Росії, що ніколи вони не признавали влади большевиків. Одмічено, що у давні часи козацькі війська жили «своїм державним життям і не були підвладні московській державі». Признано з особливою уважливістю право козацьких військ на землі «півтисячі років їм приналежні, кровію їх предків политі». Не піддано жадньому сумніву і одверто висловлено право козаків на свою самобутність, себ-то право на своє національне битіе.

У згоді з вищеподаним, здійснюючи історичну справедливість, у виконанні власного обов'язку, німецька влада бере козаків а також і тих не козаків — іногородніх — що з ними жили і хоробро бились проти большевиків, під захист Великого Німецького Народу, очоленого Адольфом Гітлером, та стверджує за ними: —

1. всі права і привілеї, які мали їх предки у стародавні часи,
2. право на національну самобутність,
3. недоторканість земель, придбаних працею, заслугами і кровію їх предків,
4. коли б військові обставини не дали змоги козакам вернутись на землі їх предків, то німецька влада обіцяє улаштувати їх життя **тимчасово** на Сході Европи, під захистом Фюрера, давши землю і все необхідне для здійснення самобутности.

Документ без сумніву великої ваги. Торкається він життьових підстав цілого Козацтва, але оскільки кожне козацтво мало свою історію, свої землі, свої права і вольности, свої кривди; оскільки документ у приложенню до кожного з них набуває особливого значення.

Візьмемо Кубанське Козацтво, як найрідніше Запорожському Козацтву. Документ справедливо зве його «бувше Запоріжське». Частина Кубанського війська є нащадок Війська Запорожського. Історично доведено, що Запорожське Військо жило своїм самостійним державним життям і не було підвладно Москві. У ст. XIV—XV було воно протекторатом Литви і мало свої землі. Коли візьмемо дату півтисячі років тому назад, то кордони запоріжських земель випадали б так — як можна судити на підставі акта 1846 р. — Запорожські кордони були ті самі, що й Литовського Князя — протектора. Старі люди Кияни, Черкашани, Качевці — знавці литовських кордонів — оповідали, що «границя починалась від устья річки Мурафи, притока Дністра, йшла вниз Дністром коло Тягину (Бендери) аж до устья Дністра, а звідти до устья Дніпра, а від устья Дніпра до Таваня (Берислава), а по тій стороні Таваня границя йшла по

Полковник М. Недбаевский.

Заметки к истории Казачества.

Моментом официального появления Казачества русские историки ошибочно считают 1549 год, основываясь на том, что, будто бы, первый письменный документ о донских казаках относится к этому году. Такое утверждение опровергается целым рядом фактов и сохранившихся исторических документов, опубликованных в различных русских же исторических трудах и сборниках, о чем уже много раз сообщалось в казачьей печати.

К числу таких трудов нужно причислить и труд архимандрита Антонина, опубликованный в «Записках Одесского Общества истории и древности», том V за 1863 год. гор. Одесса.

Архимандрит Антоний был действительным членом этого общества и известен целым рядом своих исторических трудов. В его «Заметках XII—XV в. в.», относящихся к крымскому городу Сугдее (Судаку), помечено 18. IX. 1861 г. Константинополь сначала на греческом, а потом на русском языках следующая выписка из греческого Синаксаря:

«460, страница 613, месяц май 17 числа. В тот же день скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый **казаками.** инд. 6. 6816 (1308) года. Появление казаков в 1308 г. замечательно».

Архимандрит Антонин с своей стороны также подчеркивает характерный факт, указывающий о казаках уже в 1308 г.

Еще более раннее упоминание слова **казак** находится в Половецком словаре, а именно в 1305 году и раньше при упоминании битвы на реке Калке в 1223 г.

В русских документах упоминание о казаках мы встречаем и в 1395 году, т. е. после Куликовской битвы и нашествия Тамерлана, когда часть казаков должна была эмигрировать. Об упоминании слова казак в эти времена указывает и русский академик И. И. Срезневский в словаре древне-русских слов. (Грамота деловая о границах Кирилловского монастыря 1395 года).

О казачьих предках на много раньше пишут многие восточные ученые и путешественники того времени. Упоминает о них и греческий император Константин Богрянородный в 948 году и его современник арабский географ Масуди, лично посетивший Приазовье и Подонье.

«Овчій Воді» вверх по Самарі і уверх Оргія аж до Донца, а от Донца на Тиху Сосну...»

На землях заселених козаками були такі закріплені міста: Канев, Черкаси, Кременчуг, Упск, Гербедеев (теперь Калеберда, Золотоношського повіту), Рог Мишурин (село Верхнеднiпровського пов.), Кичкас (Олександрів, Запорожського пов.), Таваньберислав, Бургун (село Бургунка нижче Берславу), Тягинь (м. Тягинка), Очаків; згадуються також у актах Хаджибей (Одеса), Монкастро (Аккерман) і Караул — (Чтенія Нестора Літописьця, 1894, кн. 8. — Каманин, И. М., ст. 59).

Гетьман Запорожських Козаків Богдан Хмельницький відбив у 1648 році польську навалу на козацькі землі, але тяжкими військовими обставинами змушений був глядіти допомоги у Московського царя Олексія Михайловича. У 1654 р. було складено договора та цар Олексій урочисто за себе і за своїх наслідників обіцяв його додержати, але його наслідники, особливо Петро I, зломали договора, відібрали від козаків їх права і вольности, обернули їх в звичайних підданих, а у 1775 році зруйновали й саму Запорожську Січ. Землі козацької старшини було конфісковано і роздано своїм фаворитам, старшин заслано. Частина козаків розбрелась, частина пішла за Дунай, частина опинилась на нових землях на Кубані, але більшість залишилась на старих запоріжських землях.

За вірну запорожську службу Москва заплатила зрадою й кривдою. Запорожці з гора казали: «славне було Запоріжжа всіма сторонами, а теперя не прожити та за москалями». Зрадлива московська політика поступово нищила **козацький** військовий **устрій** України, наслідком чого й сталося «розкозачення» й переіменування на Малоросію.

Однак козацькі традиції й лицарський запорожський дух міцно тримався не лише на Кубані, де захоронився козацький військовий устрій, а й на старих запорожських теренах козацької України. На лівобережжі родове козацтво, а на правобережжі козацька старшина — нащадки того ж козацтва — злившись з місцевим населенням, не тільки заховали дух і традиції козацтва в своїх родах, а й поширили його на всю територію України й витворили козацький нарід. Козак і козачина завдяки цьому стали ідеалом найширших народніх верств, бо в народньому розумінню України все те, що було кращого в її історії вязалося з лицарським козацтвом.

Ці традиції, що невмерло жили в народові, стихійно вилилися в 1917 році у Вільне Козацтво, яке українська, не козацька провідна верства того часу знищила своїми власними руками в самім початку його відродження. Але й вся послідуюча боротьба з большевизмом на козацьких землях велася весь час під гаслами й впливом цих лицарських традицій.

Московська зрада досягла своєї вершини, коли жидо-большевицька влада постановила знищити козацькі народи, та почала рішуче переводити це в життя. Здавалось, що рятунку вже ні звідки не чекати. Але нараз ця страшна небезпека усунена Німецькою Владою, яка за вірну козацьку службу в боротьбі з нашим загальним ворогом обновляє козакам всі права й вольности, що набуті їх предками.

Вертаються часи козацької слави, часи позитивного творчества Гетьмана Богдана. Але не сміємо допустити помилок минулого та чекати, що все якось само собою зробиться, а **після прикладу східного Козацтва мусимо стати на реальний шлях позитивної праці** в боротьбі за місце в Новій Європі.

Николай Келин.

ПЕСЕНКА.

Степь покрылась синей дымкой,
Баюшки-баю.
Сон прокрался невидимкой
В спаленку твою...

Я тебе не сказку, милый,
Буду говорить —
Нет для сказок больше силы
И душа горит...

Расскажу тебе, сыночек,
Про донскую быль,
Как среди дорожных кочек
Плакал наш ковыль...

Было время, да какое,
Страшно вспомянуть,
На родном донском просторе
Колыхалась жуть...

И горела степь огнями
В ледяную ночь.
И казаки куренями
Шли из дома прочь...

Жгли станицы и левады,
И стонал ковыль,
И над родиной снаряды
Подымали пыль.

Из станичных колоколен
Грозно выла медь —
Чтоб народ был снова волен
И спасал бы Степь!...

Так послушай же, мой сокол,
А потом усни,
Как в изгнании далеком
Мы влачили дни...

Под пятой его железной
Я не раз вздохнул...
Спи, мой светик, спи, болезный...
Разве ты уснул?...

Слушай... Вишь — уснул родимый —
Вот тебе и раз, —
Видно, сон непобедимый
Лучше, чем рассказ...

И. Бочаров.

Победа казачьего духа.

На своих казачьих просторах Казачий Народ жил издревле свободной и независимой жизнью. Свою государственную жизнь казаки защищали дружными, совместными усилиями и больше всего дорожили своей свободой и своим казачьим укладом.

Турция, Москва и Польша не могли мириться с наличием в непосредственном с ними соседстве самостоятельным казачьим государством, имевшим свое совершенно отличное от них устройство. В казачьих образованиях не царил грубый деспотизм, ужасное рабство и обезличивание человека. Казачий порядок был заразительным примером для народных масс Турции, Москвы-России и Польши, всячески стремившихся подчинить, завоевать и уничтожить свободолюбивое казачье племя.

На протяжении веков шла ожесточенная борьба казачьего народа с соседними государствами за право жить на своих казачьих просторах по своему казачьему разумению и обыкновению.

Однако, Казачество не выдержало ужасного напора грубой физической силы, действовавшей при том с помощью обмана и коварства, стремившейся разложить и изнутри единый монолитный казачий народ. Внутренняя спайка Казачества дала трещины, и казаки оказались под властью Московского государства.

И при этом положении Казачество не отказалось от борьбы за свою свободу и свои исконние права, о чем ярко свидетельствуют постоянные народные движения и восстания под водительством славных казачьих Атаманов. Несмотря на неудачи и неуспехи своих освободительных стремлений и жестокие преследования, казаки никогда не теряли твердой веры в конечный успех своих национальных чаяний. Казачий дух Свободы и Независимости ни на минуту не покидал истинных сынов нашего народа. Неудачи закаляли их непреклонную волю и твердую решимость бороться за счастье Казачьего Присуда и его жизнь.

Российское Правительство всячески стремилось использовать закабаленное Казачество для служения его великодержавным целям, стремилось руками казачьего племени расширять границы своей империи, покорять иные народы, «приобщая их к русской культуре». Казаки, насильно поставленные в служилое положение, использовались до крайности. Должны были принимать, зачастую поголовно, участие во всех войнах, какие в большом изобилии велись царской и императорской Россией.

Служилое состояние Казачества, будучи принудительным, сделалось со времен Петра I тяжелой Голгофой. Русская власть бесцеремонно и с особенной расточительностью пользовалась драгоценной казачьей силой и казачьими материальными средствами.

Служило Казачество поголовно и бессрочно, на своих собственных конях, при своем снаряжении и обмундировании. Только при Александре I был определен срок казачьей службы на 25 лет действительной службы и 5 лет в запасе. В войну 1812—1814 гг. Дон послал на поле брани всех, от 15 лет до 60 лет, в Крымскую войну от 16 до 60 лет, не исключая и отставных. Где только не рассеяны казачьи кости? Лежат они по всем странам, начиная от Атлантического и до Тихого океанов, земли Франции, Италии, Германии, Польши, Финляндии, Австро-Венгрии, Балкан, Турции, Кавказа, Персии, Средней Азии, далекой Сибири и Китая обильно политы молодецкой казачьей кровью.

Однако, роль, значение и заслуга казаков никогда не были по достоинству оценены Россией. Их значение больше и правильнее признавались иностранцами и теми, с кем принуждены были казаки сражаться. Высоко оценил казаков и Наполеон.

Подобно тому, как бесцеремонно распоряжались с казаками, помимо их воли, снимая с родных мест, переселяли на новые места, также обращалась власть и с принадлежащей им казачьей землей, политой кровью и потом казачьих предков. Только на Дону было 3,4 миллиона десятин отдано в виде помещечьих имений, а около 1 миллиона десятин принудительно отдано под коноводство за смешную арендную плату 3 копейки за десятину. В 1871 году был отобран в распоряжение военного министерства и Войсковой капитал.

Русские цари, вступая на престол, высочайше и торжественно подтверждали неприкосновенность казачьих прав и привилегий, а в то же время их власть сейчас же урезывала казаков в их правах и постепенно уничтожала казачьи привилегии, которые совсем не являлись жалованными или дарованными кем то, **но являлись всего лишь жалкими остатками свободной и независимой жизни Казачьего Народа.**

Под конец у казаков осталась одна «привилегия — поголовная служба за собственный счет от 18 до 38 лет возраста. Уменьшение земельного надела, вздорожание лошадей и предметов обмундирования и снаряжения привело к падению благосостояния Казачества, и только ужасно тяжелый труд всех членов семьи давал еще возможность держать внешнюю форму зажиточной казачьей жизни.

Необходимо отметить, что в то время, как русский народ давал на военную службу 21,1% лиц призывного возраста, Казачество выставляло 74,5%. Казачья воинская повинность в материальном отношении была в 153 раза тяжелее таковой остального населения российского государства (Исследование полковника ген. штаба Медведева).

Тщетны были просьбы представителей Казачества в Государственной Думе и петиции различных казачьих делегаций облегчить тяжелое бремя казака. На него правительство пыталось возложить еще и незавидную роль водворителя внутреннего порядка.

За долгие и тяжелые годы службы казаков по расширению, охране российских границ и жертвенное поголовное участие во всех войнах, русские историки и ученые не могли лучше охарактеризовать казака — воина и рыцаря — как недостойным и пошлым именем вора и разбойника, а русский историк Соловьев, отвечая настроению русского общества, определил роль казака так: «Задача Казачества удобрять своей кровью широкие степи, охранять их от хищников степей — кочевника и ожидать, пока придет, не боясь степного хищника, русский человек — полный хозяин. Само Казачество терпимо только до той поры, пока широкая степь не понадобится земскому человеку для возделывания».

Русская масса, подстрекаемая своим «передовым» обществом, окрестила казаков «нагашниками», «опричниками». Представитель социал-революционеров Чермак писал, что «слово казак — синоним грубости, наглости, жестокости и зверства». Представители русских партий ставили вопрос об уничтожении Казачества. Первым приветствием народных представителей Учредительного Собрания были слова его председателя Чернова: «Казачество должно потесниться!».

Вполне понятно, что Казачество приняло русскую революцию не как средство к безудержному разбою и грабежу, а как возможность избавиться от своего тяжелого и унизительного положения в составе Российского государства. Искра казачьей Свободы, тлевшая в казачьей душе, быстро разрослась в стихийное народное пламя, и все Вольное Казачество, на каких бы только оно реках не жило, сразу, без сговора возродило свою былую свободу и вольную жизнь своих свободолюбивых предков. Была провозглашена государственная независимость Казачества, воспрянул и восторжествовал казачий дух.

Казаки выразили волю жить своей собственной жизнью, заниматься своими казачьими делами, устраивать свою жизнь по своему, по-казачьи.

Не суждено было Казачьему Народу заняться устройством своей мирной жизни. Волна московского жидо-большевизма в своем распространении стремилась захлестнуть и казачьи просторы. Казакам пришлось снова от мала и до стара стать на защиту своей свободы, своих куреней и станиц. Три года пылал огонь сражений. Много казачьих хат, хуторов и добра легло пепелом; много, много лучших сынов Казачества пало в борьбе за свой порог и угол.

Грубая физическая сила придушила вольных казаков, но не убила в них казачий дух и стремлений к свободе. Нечеловеческие муки и страдания, дьявольские испытания и издевательства выпали на долю нашего народа. Разграблению и выселению, распылению и уничтожению подвергнут был многострадальный казачий народ. Но и это все не могло в нем убить казачий дух и его волю к свободе. И при этих условиях были попытки освободиться от рабского ярма.

Нынешнюю войну Казачий Народ встретил, как возможность сбросить с себя проклятое московское иго и возродить свою свободную национальную жизнь. Каждый казак отчетливо сознает, что от исхода этой войны зависит свобода или смерть его народа, а потому всемерно принимает участие в сегодняшних судьбоносных событиях.

В них опять возродился во всем своем блеске и силе Казачий Дух. Казаки снова зарекомендовали себя, как рыцарское свободолюбивое племя, своими делами и подвигами снова вписали ни одну страницу в свою славную историю.

Германское Правительство, в своей декларации к Казачеству, отмечая его участие в борьбе против жидо-большевизма, перед лицом всего света признает его **честными и верными союзниками Великой Германии.** Признавая заслуги казаков, **оно гарантирует все права казаков, какие имели их предки в прежние времена, гарантирует неприкосновенность Казачьей Земли, кровью предков политую и полтысячи лет казакам принадлежащую, признает и обеспечивает самобытную жизнь казачьего народа.**

Справедливость требует отметить, что основные мысли казачьей декларации Германского Правительства совпадают с основными мыслями и стремлениями казаков националистов, которые, несмотря на тяжелую работу по пробуждению казачьего самосознания и защите казачьих национальных прав, долгие годы самоотверженно вели казачье дело, в то время как другие бегали по чужим задворкам и мешали своему же казачьему возрождению. Казаки националисты были долгие и тяжелые годы носителями и защитниками казачьего духа и казачьего права на жизнь.

Бивак казаков в Елисейских полях Парижа в 1814 г. (По рисунку с натуры Г. Опиц).
Archiv „Der Kosakenbote".

Федор Полковников.

МАРШ.

Эй, трубите, трубите трубы —
На врагов пойдем войной.
Будем смелы, дерзки, грубы, —
Будет наш последний бой!..
Чья возьмет — еще посмотрим...
Слушай, слушай, справа по-три,
И держи на Север шаг...
Стремя в стремя... Строй за строем...
Эй, кремлевский враг!
Выходи-ка! В смертном бое
Подсчитаем мы с тобою
Вековой разлад!..
.....
Эй, трубите, трубите трубы —
На врагов пойдем войной.
Будем смелы, дерзки, грубы, —
Будет наш последний бой!..

Борис Кундрюцков.

***

Рвались над Доном шрапнели,
Гибли станицы в огне —
Разве ж бороться не смели
Мы на родимой Земле?..
Разве ж наш розум и воля
Рабства признали б ярмо —
Значит, нам Дикое Поле
Бросить было суждено?..
Чтобы, набравшися силы,
С нашей идеей пришли
Те, чьих когда то могилы
Предков в степях залегли?..
Те, чьих на плаху прадеды
Голову молча несли,
Те, за Волю победы
В славный венок заплели?..
Разве бороться не смели
Мы за родимую Степь? —
Рвались над Доном шрапнели,
Скоро порвется и цепь...
С Богом, казаченьки, с Богом
В бой мы кровавый пойдем —
Нашей Казачьей Дорогой
Снова Свободу вернем...

Сергій Савицький.

КВІТИ КУБАНІ.

Квіти Кубані, мережані квіти...
Ніжно-прозорі в сльозах пелюстки...
Хмари насунули, сонце не світить...
Краплями крові спадають листки...

Квіти Кубані, мережані квіти...
Смуток развіється: прийде весна!
Будуть на волі й козацкії діти —
Зникне з степів доля зла та сумна...

Редакция «Казачьего Вестника» поздравляет своих читателей с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом.

Павел Поляков.

КАЗАКАМ.

Гей, готовьте сбрую, наточите шашки —
День последней схватки близок — недалек!..
По степи родимой расцветает кашка
И ковыль шевелит вольный ветерок.

У кого есть седла, у кого винтовки —
Осмотри, почисти — близится война.
Мы крепки, как скалы, как пантеры ловки —
Старых вожделений близки времена.

Мы поищем правды, не бояся бури,
Смоем боль столетий кровяным дождем,
Сверженному Богу фимиам воскурим
И у ног Свободы жертвы принесем.

Нам не страшны сабли, нам не страшны пули —
Наших сил казачьих смерти не сломить.
Вихрем наши лавы в гике, реве, гуле
Вновь сумеют Степи волю воротить.

Нам враги нестрашны, не грозим отмщеньем —
Мы хотим свободы, правды и любви.
Может быть мы слишком полны всепрощеньем,
Выросшим на нами пролитой крови.

Нам войны не надо для завоеваний,
На чужую хату местью не пойдем, —
Но сумеем биться за родные грани
И за нашу Волю на степи умрем.

Кто понять нас может, кто понять сумеет
Из души казачьей всем пошлем привет.
В нашем сердце жажда Воли пламенеет
И отмщенью места в нашем кличе нет.

За заветы Воли, за казачью славу,
За свою Свободу мы зовем на бой.
До родной границы пронесутся лавы
И трубач сыграет переливно — «стой»!

Привет кунакам.

При оборонительных боях на Перекопском перешейке особенно отличились Кавказские добровольцы, действия которых было отмечено в сводке Германского Верховного Командования от 17 ноября 1943 г. **«В жестоких оборонительных боях на Перекопском перешейке особенно отличились два кавказских добровольческих батальона».**

Поэтому случаю Руководителем КНД В. Г. Глазковым было отправлено приветствие главному редактору газеты «Газават», являющейся органом Кавказских легионеров и Северо-Кавказского Национал. Освободительного Движения.

Это приветствие было опубликовано жирным шрифтом на первой странице газеты «Газават» № 41-42. Помещаем его полностью и на страницах «Казачьего Вестника».

Господину Маниусу Мансуру,
Главному редактору газеты «Газават».
Берлин.

От лица Национального Казачества прошу принять искренние выражения радости и приветствие по случаю доблестных успехов действующих на крымском участке Восточного фронта Кавказских добровольцев, о подвигах которых с большой похвалой отзывается в своем сообщении Германское Верховное Командование.

Кавказские добровольцы возродили легендарную славу своих гордых и свободолюбивых предков Кавказа.

Казачий народ твердо верит, что только дружными и сопряженными усилиями всех угнетенных народов бывшей России можно разбить ярмо ужасного московского ига и обеспечить нашим народам собственную жизнь. С верой в торжество национальных идеалов казаки, наравне с другими народами СССР, принимают активное и всестороннее участие в борьбе Великогермании против московского жидо-большевизма и от всей души приветствуют успехи своих кавказских кунаков.

В. Глазков
Руководитель Казач. Национал. Движения.

..Казаки умеют прекрасно беречь в бою своих командиров, надо учиться хранить и командиров в политике, твердо помня, что без них Казачество своей национально-политической борьбы не выиграет и своих казачьих интересов не защитит.

В. Авилов. «К. В.» № 54.

Настоящие и будущие судьбы всех Казачьих Войск одна с другой переплетены, одна с другой неразрывно связаны и одна от другой тесно зависят, как переплетены были, как связаны были казачьи боевые силы недавно на фронте против общего врага, и как успех или поражение каждого Войска тесно зависел от успеха или поражения других Войск.

Казачьи исторические судьбы одинаковы. Удел одного Войска — одновременно и удел каждого иного. Не будет счастливого Дона, если будет несчастной Кубань. Не будет свободной Кубань, если не будет свободным Терек...

Или все Казачьи Войска спасутся общими силами, собравшись вместе в одном Казачьем организме — Казакии, или каждое Войско погибнет порознь.

Ни одно Войско, даже наиболее сильное, не может сейчас решить своей судьбы независимо от Войск других. Каждое самостоятельное, не связанное и независимое от решений иных Войск, действие и решение любого Войска ведет неизменно к поражению, к конечному проигрышу казачьего дела.

(«ВК» 10 февраля 1935, № 168).

Не речами и голосованиями решаются такие великие задачи, какие стоят сейчас перед нами, а железной дисциплиной и готовностью всех идти на борьбу за свое дело, не останавливаясь ни перед чем...

Полковник М. Ильин.

Архаровцы.

На Дону когда-то ходило крылатое словечко: «архаровцы».

Так назывался известный сорт людей. Определить этот сорт довольно трудно. Под него подходили и старые и молодые, но при условии, чтобы они были, как бы сказать, забияки, т. е. такие, которые как будто все могли, и в то же время ничего не могли сделать. Подходили под это название также оборванцы или неряшливо одетые и пр. и т. п. Про таких-то людей и говорили: «Ну и архаровцы же!»

Откуда это слово взялось, никто из казаков не знал и не старался узнать. Между тем, словечко это имеет свою историю, которая для казаков далеко не лишена интереса, пожалуй, даже, наоборот, имеет очень значительный интерес.

Всем известно, что в XVIII в. правительство Российской империи очень усердно расказачивало казаков. Были расказачены украинские казаки-черкасы, запорожские, слободские и чугуевские казаки. Но почему-то сейчас же после расказачивания казаков тем же правительством начинались поиски таких «элементов», из которых, по его мнению, можно было создать новые казачьи войска, и на этот предмет сыпались, как из рога изобилия, всевозможные «прожекты» всяких генералов. Превращали в казаков сербов, греков, молдаван, албанутов и т. д.

Однако, не успевали эти элементы стать хоть чуть-чуть похожими на казаков, как исчезали, как исчезают грибы в сухую погоду.

Под конец царствования императрицы Екатерины II какой-то «прожектор! додуЕкатерины II какой-то «прожектор» додуВратить в казаки всех ямщиков центральных великорусских губерний. Мотивировалось это тем, что они, подобно казакам, растут вместе с лошадьми и носятся по ухабистым русским дорогам с гиком и свистом на разных дрожках и тарантасах. Очевидно, что с таким же успехом они могут носиться по полям и на лошадях верхом, повесив на себя шашки и пики.

Во исполнение этого «прожекта» и было в 1788 году превращено в казаки 18 тысяч ямщиков московской, тверской, ярославской, костромской, нижегородской, пензенской, тамбовской, рязанской, тульской и калужской губерний. Таким образом, свет того времени увидел так называемых «ямских казаков».

Ямские казаки должны были выставлять два конных казачьих полка. Пополнение потерь в этих полках должно было производиться не посторонним элементом, а теми же ямщиками.

Так было сделано в 1788 году, и время после этого, как говорится, покатилось. Но время шло, а толку от этих «чудо-казаков» получалось ровно столько, сколько от козла получается молока. Посылали их на разные фронты, но ни до какого фронта они не доходили.

В конце-концов, уже в царствование императора Павла I, в 1797 году, генерал Архаров, изучив вопрос о ямских казаках, как выражаются французы, au fond, донес императору «рапортом» о том, что ямские казаки к казачьей службе совершенно не пригодны, и поэтому должны быть обращены в первобытное состояние, что казаками становится люди не по приказу или высочайшему повелению, казаками нужно родиться, казаками нужно стать, воспринять дух, характер, психику славных предков Казачьего Народа. Павел I согласился с мнением генерала Архарова и приказал «ямское казачье войско» расформировать.

Так ямщики центральных великорусских губерний, проносив 9 лет имя казака, перестали быть казаками, и стали снова ямщиками и по-прежнему стали носиться по ухабистым русским дорогам с гиком и свистом на тарантасах и дрожках.

С 1797 года и ведет свое историческое бытие крылатое когда-то словечко «архаровцы», т. к. прямо связано с именем генерала Архарова.

Если судить по справедливости, то приходится заметить, что судьба жестоко отнеслась к генералу Архарову, связав с его именем негодных к казачьей службе «ямских» казаков, когда на самом деле он-то признал их негодными и обратил в первобытное состояние. Правда, судьба очень часто бывает несправедлива к людям. Так, повидимому, случилось и с генералом Архаровым.

Козацька казка.

Пригадав та записав старий дід Омелько.

Козацьким дітям на втіху,
На забаву й для сміху!

Як я колись на небо лазив.
(Казка — нісенітниця).

Як був я у батька маленьким, а в матері підріс, так усе було їздю за дровами у ліс. Приїхав раз у ліс, аж там дерево, я до того дерева, а в йому дірка, а з дірки кувікають печені поросята. Я дуже зрадів, бо голодний був. Стромляю у дірку руку — не лізе; стромляю ногу — не лізе, так я узяв та увесь ускочив. Наївся поросятини, став вилазить, аж ні — не вилізу: мабуть поросятини обрепкавсь. Що тут робить? Чи плакать, чи тужить? Думав я, думав, голову чухав, чухав, та насилу догадався: збігав додому за сокирою, прорубав дірку та й вилiз. Увійшов у ліс, роздивився добре, аж там трапилось лихо, та не мале, а велике: вовки на кобилу напали, та усе пузо їй розірвали, так що й кишки до землі висять. От халепа та й годі! Прив'язав я до дерева кобильчину, виломав з верби лозину, та й заходився ті кишки збірать, та кобилі лозиною пузо зашивать. Шию, зашиваю, на всі боки поглядаю, а й не туди-то, що та лозина прийнялася, та угору рости узялася: росте та й росте, та уже й до неба достає. От диво, так диво: ніколи такого не бачив! Стою я, дивуюсь, а далі й думаю: а давай полізу на небо, бо зроду там не був. Сказано — зроблено, учепився я за лозину, узяв та й поліз. Лізу та й лізу, ось уже й небо недалечко, коли де не взявся батько мій покійник, із-за хмари виглядає, та мене й питає:

— Це ти, Грицько?

— А то ж хіба хто?

— На небо лізеш?

— А то ж хіба що?

— Так хіба й ти уже вмер?

— Та ні, — кажу, — хай Бог милує, — я ще живий!

А батько тоді чогось на мене розсердився, та як крикне:

— Так чого ж ти, каже, хамлет, з грішною пикою та лізеш у святе місто!

Та тоді узяв та турнув мене з верби додолу. Та тільки ж я не дурний був, бо як падав униз, так усе ногами дригав, та якраз і зачепився за невеличку хмару, а з тієї хмари ось і до землі недалечко. «Ну, думаю, слава тобі, Господи! Цур йому, тому небові, дай, Боже пожить на землі ще хоть трошки!» Бачу я, що на землі люде пшеницю віють, а полова прямо до мене летить; так я зачав ту полову хватать, та бичовку сукать, забив кілок у хмару, прив'язав бичовку, та й давай на землю спускаться. Спускаюсь та й спускаюсь, уже й до землі недалечко, аж тут бичовки й не хватило. Що його в світі робитимешь, коли й полови більше немає? Подумав я, подумав, та зразу й догадався: полізу, зверху одріжу, а внизу доточу, зверху одріжу, а внизу доточу, та все до землі ближче та й ближче. Так знову біда: дійшло до того, що вже й різать нічого, а до землі ще далеко. Ну, та я й тут не злякався, а так добре напрягся, що зовсім од хмари одірвався: а вітер на моє щастя був такий великий, що мене понесло, понесло та в лісі за високе дерево і зачепило. Спустився я на землю, коли бачу, ось і кобила моя стоїть прив'язана до дерева, а лозина, що на небо лазив, усохла. Сів я верхи на кобилу, засунув іззаду за пояс сокиру, та й поїхав додому. Іду та їду. Кобила трюх-трюх, а сокира її ззаду цюк-цюк; цюкала помалу та й цюкала, поки одрубала у кобили задок, а я й не туди-то! Приїжаю додому, аж задка й нема. Що за диковина, де він дівався? Пішов я по степу блукать, задок той шукать, та насилу найшов його аж під лісом: ходе собі, пасеться, і горя йому мало! Піймав я його, зануздав, сів верхи та й приїхав до дому. Пришив я той задок до передка, дивлюсь, наче й кобила, а тільки щось не горазд. Ну, думаю, коли ж так, то одведу я кобилу на ярмарку, та проміняю на другу. Чи так, то й так, чи гаразд, то й добре. Приїжаю на ярмарок та й питаю:

— А що тут, добрі люде, по чому?

А мені й кажуть:

— Пшениця по міркам, тютюн по ріжкам, товар по грошах, а гроші по кешенях.

— Та я не про те вас питаю!

— А чого ж тобі треба?

— Скажіть мені: що дешево і що дорого?

— Є, так би ти й зразу питав! Кажуть, за морем дешеві корови, а дорогі мухи; за муху з мушенятком дають корову з телятком, а за шершнів та оводів дають цілих бугаїв.

Як почув я про те, так дуже зрадів, бо у мене той рік повнісінька хата мух була, а може ж у нас недалечко, — біля самої станиці. Вернувсь я мерщій додому, наловив цілий мішок мух, та й гайда до моря. А погода трапилась тоді тиха та гарна, а море було рівне та ясне, як те дзеркало. Кинув я той мішок мух у воду, сів верхи та й переплив через море. Наміняв я за ті мухи худоби аж три череди, та й не знаю, що далі робить: як з товаром переплисти через море. Як нанять для перевозу байдаки, так дорого візьмут, а пустить скотину плисти у брод, — багато потоне. Думав я, думав; голову чухав-чухав, та на цей раз нічого путнього не видумав. Розсердився я на таку незгоду, піймав одну корову за хвіст, розмахав кругом голови, та як кину, так вона сердешна і не вчулась, як перелетіла через море. Перекидав я отак за три дні усю худобу, остався один бугай — самий найбільший. Ухватив я його за хвіст, обкрутив тричі кругом руки, а тоді як кину, так умісті з бугаєм і сам перелетів через море. Почув я тут від людей, що на небі люде босі ходять, та й думаю: повезу я на небо шкури продавать, бо дорогу туда добре знаю, а товар мені не купувать. Перебив я усю худобу, поздирав з неї шкури, та й поліз з ними на небо. Ліз, ліз та не потрапив на небо, а попав на піднебеніе. Роздивився я, та распитався з людьми, аж воно й тут мій товар якраз під стать. Спродався я за кілька днів, наторгував мішок грошей, та треба вже й додому поспішать. Ну, та воно на небо було не трудно лізти, а як назад вертаться? Зосталось у мене з десяток добрих шкур, так я порізав їх на ремінь, забив кілок у небо, тай давай по тому ремені спускаться на землю. Усе було б горазд, та видно недобре забив я кілок у небо, от він і виприсnув. Полетів я сторч униз, об хмару спіткнувся, разів із сотню перевернувся, був об землю убився, як би на той світ не провалився. А там сидять царь і царица, та п'ють горілочку з барильця. Барильце — буль, буль, буль, а хто оцю казку слухає; тому сім дуль.

Пишите точно и четко свой адрес! Каждую перемену своего адреса немедленно сообщайте в Казачью канцелярию!

Я. И. Лопух.

Из недалекого прошлого.

Весной 1918 года мне пришлось скрываться от большевиков в южной части Кубанской области под видом странника. Везде по станицам станичные власти были заменены всевозможными революционными и исполнительными комитетами (Ревкомами, Исполкомами). Членами этих административно-судебно-политических учреждений были преимущественно не-казаки, нередко с преступным прошлым.

Казачество было неорганизовано. Прибывающие с фронта казачьи части были распропагандированы и, уставшие от войны, спешили расходиться по домам. Солдаты 39-й дивизии, под руководством прошлого из центральной России элемента, захвативши в свои руки железно-дорожные пути, были господами положения. Офицерство частью было арестовано и томилось по тюрьмам, частью скрывалось по станицам, а попавшие в руки разнузданной и озверелой солдатни были расстреляны или зверски замучены.

По станицам, расположенным на недалеком расстоянии от железных дорог, часто появлялись вооруженные банды защитников советской власти под командой никому неизвестных личностей, часто с физиономиями не русского типа и даже каких-то Дунек и Марусек. Банды эти накладывали на станицы «контрибуции» и деньгами и продуктами; вылавливали скрывавшихся офицеров и расстреливали, а потом куда-то исчезали. Словом, Казачество по причине своей неорганизованности и «неитралитету» фронтовиков, было порабощено.

Как-то пришлось мне заночевать на постоялом дворе в ст. Лабинской. Пришел я на постоялый двор еще засветло и занял на нарах ночлежки уголок. К вечеру ночлежка начала наполняться разным людом, или вернее людским отбросом — недолюдками. Разговор, понятно, велся на злобу дня: где и у кого был обыск, кого арестовали, кого убили и т. д.

В дверях появилась какая-то могучая фигура.

— О, глянь-ка, Митрич пришел. Откеле?

— Из Майкопа.

— Ну, что, как там, в Майкопе, дела идут?

— Да ничего. Буржуев разных там полна тюрьма набита.

— А вы что же? Только в тюрьме их держите? Вот в Армавире так там, почитай, каждую ночь выведуть из тюрьмы душ десять ахвицеров али других каких контров, поставят это их рядышком над Кубанью да из винтовок по ним — трах, и поплывут они по Кубани.

— Это значится, чтобы ямы не рыть.

— Ну да. Да и сомам пища важная.

— А в Майкопе, так одного генерала раздели да на ногах лампас вырезали, а на плечах погоны, а за место звездочек по три гвоздя в плечи забили, чтоб значится генерал-лейтенант вышел.

— Вот это здорово придумано...

— А где это, товарищи, разные эти пристава да участковые начальники подевались? Вот бы теперь залопать кого-нибудь. Уж и натешились бы.

— А в Кореновке одного залопали.

— И что же?

— Привели это его в трибунал и стали судить. А один матрос и говорит: «что там его судить? Ведь он руками на нашего брата разные там протоколы писал». Вестимо, руками, отозвались судьи. «Так вот ему за это и наказание» — взял да и отрубил ему обе руки. Так кровью и исшел.

— А когда это у казаков землю отбирать будут?

— А на что она тебе?

— Как на что?.. продать. Вот Микит получил анадысь из общественного магазина три пуда пшеницы и тут же ее и продал.

— Э, брат, земля не пшеница. Да советская власть може и не позволит тебе продавать, а прикажет работать на ней.

— Ну, это дудки. Пусть теперь буржуи работают.

— Да ты-то до революции работал?

— А как же? Три раза в тюрьме сидел за свою работу.

— Ха, ха... вот это здорово.

— А я вот что слышал, товарищи: будто денег при советской власти не будет.

— А как же без денег?

— А вот как: например, сапожник сшил сапоги, а ему нужен к примеру сказать, поросенок; вот он и поменяется с тем у кого есть поросенок.

— Ерунду ты, товарищ, говоришь. Как это можно без денег?.. Без денег никак нельзя — невозможно. Вот к примеру сказать, задумали мы в картишки перекинуться, так как же тут без денег? Вот Митрич Бондарь, так он значится, на кон кадушку ставить будет? А Николка Косой мясник, так вот что же? баранью тушу на кон должен тащить? Нет, господа товарищи, без денег никак нельзя: в картежной игре никакого, тебе сказать, удовольствия не получается.

В ночлежку вошел молодой парень с гармошней.

— О, Васька, здорово. Откуда Бог принес?

— Эх, ты, дурень, несознательный: «Бог принес», да разве теперь Бог есть? Он, брат, этот Бог таперича на другую планету перебрался, а на земле одни черти остались.

— Ты же, Василий, откелева?

— Из Екатеринодара.

— Во как, значить, из самого центра. Ну рассказывай что видел, что слышал.

— Видел как в Елисаветинской белогвардейцев добивали.

— Да ну? И здорово?

— Здорово. Вытащут это кого-либо на двор с перебитой ногой, разбинтуют, да и давай сюда-туда вертеть, а перебитые кости одна о другую гр-гр-гр...

— А потом?

— Потом топором или дрюком по голове, и конец.

— Значить натешились во всю.

— Натешились. А когда убитого Корнилова привезли в Екатеринодар, так его ногами привязали к хвосту кобылы и поволокли по улице. Народу собралось тьма-тьмущая, издевались над его трупом многие, а особенно бабы.

Публика постепенно прибывала. Затейлась картежная игра. На кон ставились деньги, часы, кольца и другие предметы, приобретенные во время обысков в квартирах зажиточных обывателей. Табачный дым, вонь самогона и отборная матерщина висели в воздухе почти до рассвета.

На утро я направился в стан. Вознесенскую. По дороге присел отдохнуть. Чудесное весеннее утро. А кругом? Боже, какая чудная панорама. На юге, под лучами весеннего солнца блестят серебром вершины Кавказского хребта, над которыми величественно возвышается громада Эльбруса. На востоке и западе виднеются отроги черных гор, а на север — беспредельная равнина с видневшимся вдалеке курганом. Курган этот воскресил в моей памяти стихотворение А. Толстого: «В степи, на равнине открытой, курган одинокий стоит, под ним богатырь знаменитый в минувшие веки зарыт»... Под впечатлением этого стихотворения мысль моя перенеслась в далекое прошлое. «Народы сменяли народы...», говорит дальше поэт. И действительно, какие только народы не перебывали в этих местах: скифы, готы, гунны, хозары, печенеги, половцы, татары. Где они — эти народы? Теперь в этих краях живут казаки. Но вот вспыхнула революция, превратившаяся в анархию. С севера нахлынули банды вооруженных московских взбунтовавшихся рабов, которые грабят, насилуют и все благомыслящее уничтожают. Если кто дерзнет назвать себя казаком, то или штраф, или тюрьма, а то и застенок.

Мрачные мысли сверлили мой мозг: что же будет дальше? Державин когда-то писал: «Река времен в своем теченьи уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей». Неужели погибнет и Казачество? Да, все может быть, но **необходимо бороться, бороться всеми силами и способами, чтобы спасти этот трудолюбивый, воинственный и свободолюбивый Казачий Народ.**

Ив. Томаревский.

КАЗАКИЯ.

Широки поля родные,
Вольной волюшки полны
У Яика, Волги, Дона,
Кубань-Терека реки.
Травянистые, цветные,
С белой пеной ковылей,
К Югу теплому, Востоку
Протянулись до морей.
И шумят они, как море,
И цветут как сад весной,
Ризой белой парчевою
Одеваются зимой.
Видны нивы на них летом,
Что, как золото, горят,
Куреней у вод заветных
Бесконечный стоит ряд.
Всюду лысые курганы,
Словно, горы, — там и тут, —
Ширь полей, простора грани,
Волю будто стерегут...
Те поля — места родные,
Рай всей жизни казаков,
То — вся наша Казакия
Бывших, будущих веков!

«...до последней четверти 17-го столетия Донские казаки были совершенно независимы от Москвы и в отношении других своих соседей вели свою политику, часто совсем не соответствовавшую видам Московского Правительства».

Столетие Военного министерства. 1802—1902 г. г., т. 2, ч. I, стр. 17.

Виктор Карпушкин.

***

Во саду ли кукует кукушечка,
Во зеленом саду за плетнем,
Или девица в горе, голубушка,
Слезы горькие льет по милом?

Или мать, потерявши сыночка,
Погребальную песню поет,
От зари до зари у окошка
В дом свой сына обратно зовет?!

Нет! кукушка в саду не кукует
И девица не ронет слезу,
То наш Терек в раздуке тоскует,
Шлет нам грустную песню свою.

Сгорбил спину старик трехстолетний,
Не под силу уж тяжесть забот,
Поседел от невзгод лихолетий,
Обессилен, в оковах живет.

Алой кровью окрасились волны —
Кровью лучших казачьих сынов,
По станицам разносятся стоны, —
Пир пируют в них орды врагов.

Наглумились уж вдоволь московские,
Заплевали наш Терек родной,
Не щадили седины отцовские,
Синий флаг заменили звездой.

Знайте ж Вы, палачи добровольные,
У нас в жилах казачья кровь,
Синий цвет с золотой булавою
Мы воздвигнем на Тереке вновь!

„Тихий Дон".

(Несколько отрывков из романа М. Шолохова: «Тихий Дон». Кн. III.)

...Вызрел ковыль. Степь на многие версты оделась колышущимся серебром. Ветер упруго приминал его, наплывая, шершавил, бугрил, гнал то к югу, то к западу сизо-опаловые волны. Там, где пробегала текучая воздушная струя, ковыль молитвенно клонился, и на седой его хребтине долго лежала чернеющая тропа.

Отцвели разномастные травы. На гребнях никла безрадостная выгоревшая полынь. Короткие ночи истлевали быстро. По ночам на обугленно-черном небе сияли звезды; месяц — казачье солнышко, темнея ущербленной боковиной, светил скупо, бело; просторный Млечный шлях сплетался с иными звездными путями. Терпкий воздух был густ, ветер сух, полынен; земля, напитанная все той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладе. Зыбились гордые звездные шляхи, не попранные ни копытом, ни ногой; пшеничная россыпь звезд гибла на сухом черноземно-черном небе, не всходя и не радуя ростками; месяц — обсохлым солончаком, а по степи сушь, сгибшая трава, и по ней белый неумолчный серебряный перепелиный бой да металический звон кузнечиков...

Суслики свистят истомно и хрипло. На желтеющих парных отвалах нор дремлют сурки. Степь горяча, но мертва, и все окружающее прозрачно-недвижимо. Даже курган синеет на грани видимого сказочно и невнятно, как во сне...

Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красно-глинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы в мудром молчании, берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяясь и по-сыновьи целуя твою пресную землю, донская, казачьей, нержавеющей кровью политая степь!.. (стр. 55—56).

—

...Еще несколько раз сходился лицом к лицу с красными, видел, как пули казаков вырывали из-под ног красноармейцев землю и как те падали и оставляли жизнь на этой плодовитой и чужой им земле... (стр. 77).

—

...Стало быть, взаправду мыслишку держите дальше границ не ходить?

Прохор Зыков, часто моргая телячье-ласковыми глазами, молчал, тихо улыбался. Митька Коршунов, сидя на корточках у печки, обжигая пальцы, докуривал цыгарку. Остальные трое казаков сидели и лежали на лавках. На вопрос что-то никто не отвечал. Богатырев горестно махнул рукой.

— Они об этих делах не дюже печалуются, — заговорил он гудящим басом. — По них хучь во полюшке травушка не расти...

— А зачем дальше иттить? У меня вон сироты после жены остались, а я буду за зря жизню терять...

— Выбьем из казачьей земли — и по домам! — решительно поддержал его другой... (стр. 81).

—

— ...Выбьем из донской земли краснюков — и решка! Дальше границы не пойдем. Нехай Россия — сама по себе, а мы — сами по себе. Нам у них свои порядки не устанавливать... (стр. 85).

—

...К Мелиховым только что пришел Христоня, сел на карачки, покурил.

— Нет у вас чертей? Не ночуют?

— Покуда Бог миловал. Какие были-то — весь курень провоняли духом своим мужичьим. То-то оно говорится — «Русь вонючая», ну, и воистину! — недовольно бормотала Ильинична... (стр. 121).

—

...«Они воюют, чтобы им лучше жить, а мы за свою хорошую жизнь воевали, — все о том же думал Григорий под равномерный качкий ступ быков, полулежа в санях, кутая зипуном голову. — Одной правды нету у жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрет... В старину, слышно, Дон татары обижали, шли отнимать землю, неволить. Теперь — Русь. Нет! не помирюсь я! Чужие они мне и всем-то казакам. (стр. 146).

—

...Казакам триста лет дурманили голову. Немало! Так вот! А разница между кулаком, скажем, Рязанской губернии и донским, казачьим кулаком, очень велика! Рязанский кулак, ущемили его, — он шипит на советскую власть, бессилен, из-за угла только опасен. А донской кулак? Это вооруженный кулак. Это опасная и ядовитая гадина! Он силен. Он будет не только шипеть, распускать порочащие нас слухи, клеветать на нас, как это делали Коршунов и другие, но и попытается открыто выступить против нас. Ну, конечно! Он возьмет винтовку и будет бить нас. Тебя будет бить! И постарается увлечь за собой и остальных казаков, так сказать среднеимущественного казака и даже бедняка. Ихними руками он норовит бить нас! В чем же дело? Уличен в действиях против нас? Готово! Разговор короткий, — к стенке! И тут нечего слюнявиться жалостью: хороший, мол, человек был... (стр. 153).

—

...Только что завязался разговор, один из казаков начал рассказывать как выбили из Вешенской решетовцы, дубровцы и черновцы Фомина, — но в это время — в конце улицы, упиравшейся в белый лобастый скат горы, показались двое верховых. Они скакали вдоль улицы, останавливаясь около каждой группы казаков, поворачивая лошадей, что-то кричали, махали руками. Григорий жадно ждал их приближения.

— Это не наши, не рыбинские... Гонцы откель-то, — всматриваясь, сказал казак и оборвал рассказ о взятии Вешенской.

Двое, миновав соседний переулок, доскакали. Передний, старик в зипуне нараспашку, без шапки, с потным красным лицом и рассыпанными по лбу седыми кудрями, молодецки осадил лошадь; до отказа откидываясь назад, вытянул вперед правую руку.

— Что же вы, казаки, стоите на проулках, как бабы?! плачуще крикнул он. Злые слезы рвали его голос, волнение трясло багровые щеки.

Под ним ходуном ходила красавица кобылица, четырехлетняя нежеребь, рыжая, белоноздрая, с мочалистым хвостом и сухими будто из стали литыми ногами...

— Что же вы стоите, сыны Тихого Дона? — еще раз крикнул старик, переводя глаза с Григория на остальных. — Отцов и дедов ваших расстреливают, имущество ваше забирают, над вашей верой смеются жидовские комиссары, а вы лузгаете семечки и ходите на игрища? Ждете покель вам арканом затянут глотку? Докуда же вы будете держаться за бабьи курпяки? Весь Еланский юрт поднялся с малу до велика. В Вешенской выгнали красных... а вы, рыбинские казаки! Аль вам жизня дешева стала? Али вместо казачьей крови мужицкий квас в жилах? Встаньте! Возьмитесь за оружию! Хутор Кривской послал нас подымать хутора. На конь, казаки, покуда не поздно! — Он наткнулся осумасшедшившими глазами на знакомое лицо одного старика, крикнул с великой обидой: — Ты-то чего стоишь, Семен Христофорович? Твоего сына зарубили под Филоновым красные, а ты на пече спасаешься?!

Григорий не дослушал, кинулся на баз. Из половни он на рысях вывел своего застоявшегося коня; до крови обрывая ногти, разрыл в кизяках седло и вылетел из ворот, как бешеный.

— Пошел! Спаси Христос! успел крикнуть он подходившему хозяину и, падая на переднюю луку, весь клонясь к конской шее, поднял по улице белый смерчевой жгут снежной пыли, охаживая коня по обе стороны плетью, пуская его во весь мах. За ним оседало снежное курево, в ногах ходили стремена, терлись о крылья седла занемевшие ноги. Под стременами стремительно строчили конские копыта. Он чувствовал такую лютую, огромную радость, такой прилив решимости, что помимо воли его из горла рвался повизгивающий, клокочущий хрип. В нем освободились пленennые, затаившиеся чувства. Ясен, казалось, был его путь отныне, как высветленный месяцем шлях.

Все было решено и взвешено за томительные дни, когда зверьмя скрывался он в кизячном логове и по звериному сторожил каждый звук и голос снаружи. Будто и не было за его плечами дней поисков правды, шатаний, переходов и тяжкой внутренней борьбы.

Тенью от тучи поклубились те дни, и теперь казались ему его искания зряшными и пустыми. О чем было думать? Зачем металась душа, — как зафлаженный на облаве волк, — в поисках выхода, в разрешении противоречий? Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой. Теперь уже ему казалось, что извечно не было в ней такой правды, под крылом которой мог посогреться всякий, и, до края озлобленный, он думал: у каждого своя правда, своя борозда. За кусок хлеба, за деляну земли, за право на жизнь всегда боролись люди и будут бороться, пока светит им солнце, пока теплая сочится по жилах кровь. Надо биться с тем, кто хочет отнять жизнь, право на нее; надо биться крепко, не качаясь, — как в стенке, — а накал ненависти, твердости даст борьба. Надо только не взнуздывать чувств, дать простор им, как бешенству, — и все.

Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда. Биться с ними! На-смерть рвать у них из под ног тучную донскую казачьей кровью политую землю. Гнать их, как татар, из пределов области. Тряхнуть Москвой, навязать ей постыдный мир! На узкой стежке не разойтись, — кто-нибудь, кого-нибудь, а должен свалить. Проба сделана: пустили на войсковую землю красные полки, испробовали? А теперь за шашку!... (стр. 175—177).

И. Коваленко.

ПЕСНЯ КУБАНЦЕВ.

Дети вольные одной
Матери Кубани,
Мы стоим сплошной стеной
У Родимой Грани.
Мирно с миром жаждем жить
В вере православной,
Цель отчизны нашей — быть
Среди равных равной...
Но коль кто в стремленьи злом
Посягнет на Волю, —
Пронесется клич, как гром,
По родному полю.
Из станиц и хуторов,
Будто тигров стая,
Выйдет Войско казаков
На защиту Края.
На седых отрогах гор
И в долине влажной
Встретит яростный отпор
Супостат отважный.
Мы — воинственный народ,
Нам бои — забава,
С давних пор, из рода в род
Нас венчает слава.
Славься вечно, вольный Край —
Родина святая!
Нескончаемо мерцай,
Слава вековая!
Лейся, песня кобзарей
О красе преданий
И делах богатырей
Доблестной Кубани!

В. Авилов.

Итоги жертвенности и доблести.

Опубликованная декларация Германского Правительства к Казакам от 10-го ноября 1943 г. вызвало большое удовлетворение, радость и твердые надежды, что в итоге нынешней войны будут обеспечены заветные стремления свободолюбивого казачьего народа, на протяжении сотен лет боровшегося за свою жизнь, за свое место под солнцем. Эта декларация была с искренними симпатиями встречена всеми сознательными казаками, видящими в ней оценку вековой борьбы за Казачий Присуд, чаяний и стремлений многих казачьих поколений.

Действительно, казачьей гордостью и самосознанием наполняются сердца казаков при чтении этого исторического акта, являющегося **первым политическим актом,** который был адресован народу Востока Европы, и этим **народом является наш Казачий Народ.**

В декларации к казакам Правительства Германии отмечается независимое от Москвы государственное существование Казачества и его вековая борьба за свою свободную, не знавшую рабства, самобытную жизнь, за которую с небывалым народным под'емом и героизмом казаки боролись и в 1917—21 гг. В ней же свидетельствуется непрерывная борьба казачьего народа за древние казачьи идеалы, оценивается **верное и честное участие Казачества** в настоящей войне, Казачество называется **почетным именем союзника Великогермании** и перед лицом всего мира гарантируется **казачьему народу его самобытная жизнь,** призывается влиться в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы. Кроме этого, признаются одинаковые права и обязанности не только за казаками, но и остальным населением Казачьих Земель — иногородними, живущими на наших просторах и несущими наравне с казаками одинаковые обязанности и жертвенность в общей борьбе за благо и счастье общей Казачьей Родины.

Такой высокой и достойной оценки казаки достигли не случайно, а исключительной и самоотверженной работой лучших сынов своего народа. Ничего даром, без затраты труда и энергии не дается, ничего сразу, без надлежащей и долгой подготовки в национальной жизни и борьбе не дается, все нужно упорной и тяжелой работой заслужить и добиться.

Этого результата, конечно же, не было бы без правильного сочетания политических и воинских усилий казачьих сил, без правильной и усиленной их подготовки. Без ясных национальных политических идеалов и стремлений Казачества не было бы сознательных, с определенными национальными устремлениями казачьих бойцов, а были бы только бездушные наемные солдаты. Без несущих национальные идеалы бойцов не было бы почвенной солидной политической мысли. Одно без другого немыслимо, одно без другого невозможно. Политическая мысль оформляет, уточняет и представляет народные чаяния и стремления, прививает им нужную динамику и является их двигателем.

Работа эта очень трудная, требующая большого напряжения сил, колоссальной жертвенности, твердой воли, сильных нервов и выдержки, ибо каждая работа, а особенно работа национального возрождения, сопряжена как с успехами так и временными неуспехами. Нужна особая фанатическая любовь, крепкая вера в дело. Только в таком случае можно расчитывать на конечный успех дела и на торжество идеи правды.

Помещая декларацию Германского Правительства к Казакам, «Казачий Вестник» правдиво отметил большую радость и удовлетворение Казачества. Эта радость и удовлетворение вдвойне у казаков националистов, ибо каждый разбирающийся ясно видит, что основные мысли декларации полностью совпадают с основными идеями и стремлениями казаков националистов, что, естественно, особым удовлетворением наполняет их сердца, т. к. всем известно, что в казачьей среде к достижению этих стремлений много лет стремились только они, казаки-националисты. В течении долгих лет только они мужественно и самоотверженно пробуждали казачье самосознание, только их Движение ратовало за светлое будущее Казачьего Народа.

Сколько пришлось испытать казакам националистам и особенно их руководителям на своем пути невзгод, лишений, незаслуженных нападок, клеветы и угроз, даже со стороны своих же казаков. Требовалась кропотливая, повседневная и жертвенная работа. В процессе ее некоторые не оправдали возложенного на них доверия или оказались не на высоте своего положения, некоторые показали непригодность или неспособность к творческой, положительной работе. Они должны были быть поставлены на должное место, а провинившиеся выставлены за рамки наших рядов. Нашлись, конечно, и такие, которые не выдержали напряжения работы или просто сдрефили и сбежали в кусты. Однако, работа должна была вестись и она ведется с неослабевающей энергией истинными патриотами Казачества и активно борящимися казачьими бойцами. Все они должны быть горды первыми итогами своей жертвенности и доблести.

Теперь все Казачество с напряженным вниманием ожидает практические результаты, вытекающие из декларации Германского Правительства. Ввиду того, что она обращена не к отдельной части Казачества, а ко всему Казачеству, и в ней дается оценка борьбы и стремлений всего Казачества, надо ожидать об'единение и слияние в одно целое всех частей казачьего народа, а именно, как новой казачьей эмиграции (казачьего эвакуированного населения), казачьих частей, казаков, пребывающих на работах в Германии, так и старой казачьей эмиграции. Этим будет положен конец как искусственному разделению Казачества красной Москвой, так и тому положению, которое настало после борьбы казаков в 1917—21 году, когда часть их должна была покинуть также, как теперь новая казачья эмиграция, пределы своей казачьей Родины.

В декларации высоко ценится жертвенная, героическая борьба Казачества в 1917—1921 гг. за свою самобытность, за свою возрожденную свободную жизнь. Самыми активными и бескомпромиссными участниками этой борьбы является старая казачья эмиграция, которая и, находясь за гранями своей Земли, не переставала бороться против поработителей казачьей Родины. Без сомнения, казачье зарубежье с особенным удовлетворением встретит свое включение в активную работу служения Казачеству. Его ряды хорошо оснащены высококультурной интеллигенцией, которая в большинстве закончила или получила европейское образование, приобщились к истокам европейской культуры и представляет большую культурную ценность Казачества. Включением зарубежного Казачества сразу будет поднят не только уровень казачьей работы, подымется еще больше моральное состояние казаков, но и всестороннее обслуживание Казачества.

Все части казачьего народа, об'единенные на платформе декларации в одно целое, могли бы засвидетельствовать свое единство созданием единого представительного казачьего органа, который бы явился правомочным выразителем чаяний и стремлений всего Казачества, его представителем перед внешним миром. В полном согласии и контакте с соответствующими германскими властями этот всеказачий орган работал бы на дальнейшем укреплении и расширении декларации Германского Правительства, на еще большем участии Казачества в борьбе против жидо-большевизма для достижения победы и обеспечения казачьему народу должного места в лоне Новой Европы.

А. Лесников.

Казачья старина.

Находясь под московским караулом, нам, казакам, не пришлось увидеть труд первого историка Донского Казачества сотника В. Д. Сухорукова «Истории донских казаков».

Сухоруков был знаком с поэтом А. С. Пушкиным и рассказал Пушкину о гонениях на него военного министра гр. Чернышева, прося о заступничестве Пушкина за него. Пушкин составил записку о донском историке и в июне 1829 года подал ее графу Бенкендорфу. Содержала она следующее:

«Сотник Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. С 1821 года предпринял он труд, важный не только для России, но и для всего ученого света. Сухоруков имеет поручение составить историю донских казаков, для сего пересмотрел все архивы присутственных мест в станицах Донской Земли, а также и архивы: азовский, саратовский, астраханский, царицынский и московский. Выписанные им исторические акты занимают более пяти тысяч листов, кроме того, Сухоруков приобрел множество разных летописей, поэм и прочего о донских казаках. Все эти драгоценные материалы, вместе со статьями, уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию ген. Богдановича, в 1826 году, передать в другие руки, теперь они едва-ли не растеряны. Имея слабое здоровье, склонный к ученым трудам, Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы дозволение получить копии с исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени. И потом, на свободе, заняться составлением «Истории донских казаков».

Благородное заступничество Пушкина имело обратное последствие: у Сухорукова был произведен обыск, при чем были отняты все материалы о казаках, сам он был уволен со службы и выслан с Кавказа. В 1846 году скончался Сухоруков в нищете.

Наше казачье прошлое и наше настоящее со всей очевидностью говорят, что Казачий Народ может жить и полно развивать все свои творческие силы только при наличии собственной национальной жизни, которую перед лицом целого мира гарантирует Казачеству Правительство Германского Народа. Эту жизнь нужно нам всем снова завоевать и отстаивать с напряжением всех сил.

Мы, казаки, «сыны славы и воли» не боимся смерти и без страха идем по нашему Казачьему Шляху, усыпанному казачьими костями, напитого казачьей «нержавеющей» кровью и омытому казачьими слезами.

Согласно заключительной части декларации Германского Правительства от 10. XI. 1943, мы, казаки, полностью включаемся в общую дружную работу для устроения Новой Европы, а в ней и нашей Казакии.

Пусть же перед всеми нами будет лучезарным маяком гореть единая для всех нас, казаков, цель — Казакия и наш вечный девиз — Казачья Воля.

Пусть каждое казачье сердце наполнится несокрушимой волей к борьбе за свободу. Казачество должно бороться, бороться с полным напряжением всех своих сил за свое бытие, за свою жизнь, ибо только при этих условиях Казачество не умрет, но будет существовать, развиваться и крепнуть.

В. Глазков. «К. В.» № 51-52.

Василий Васильев.

Зимняя охота.

(Из труда «Казачий народ» — бытовые картинки, присланного автором в ред. «К. В.)

Декабрь. Пост. Первый снег, пороша. Ждут не дождутся этого дня охотники. Еще до рассвета накормлены гончие собаки. Оседлав коней, выезжают с разных концов хутора охотники с ружьями за плечами, с арапниками в руках и сворой собак. Охотники, у которых собак нет, выезжают с ружьями на санях. За хутором с'езжаются все вместе и вырабатывают план охоты. Выезжают в покрытую белоснежной пеленой степь, там разбиваются фронтом пешие и конные и двигаются на ветер. Мечутся из стороны в сторону собаки, разыскивая зайца или лису.

Вот, оставив еще теплое логово выскочил из-за небольшого сугробчика заяц и бросился на утек. Смешалось все, собаки, кони, люди.

— «Алла-ла-ла! Тю-тю!», — кричат всадники и несутся на конях вслед за целой сворой собак и впереди их бегущим зайцем.

Выделяется вперед от всей своры пес «Злодей», Харитонова Севастьяна. Расстояние между ним и зайцем все меньше и меньше. Еще усилие и схваченный за шею, издавши резкий детский плачь, падает на снег заяц. Сбегаются сюда остальные собаки, но «Злодей» злобно, оскалив зубы, рычит, не подпуская никого. Под'езжают и верховые казаки.

Заяц по праву принадлежит тому, чья собака его взяла. Слезает Севастьян с коня, с гордостью увязывает зайца в торока.

Опять рассыпались собаки, всадники, люди, опять рыщут зайцев.

Вдруг чуть не из под ног пешего охотника Рыжкина Феена выскакивает заяц. Выстрел и заяц, как бы на мгновение присев, падает на снег. Радостный Феен бежит к нему, тюкая на сбегающихся собак, каждая из которых не прочь схватить и приподнести добычу своему хозяину. Заяц в санях Рыжкина.

Вот на левом фланге выскочил заяц и, точно очумев от страха, несется по фронту.

Выстрел, другой, тоетий. Промах. Несется заяц дальше, пробегая недалеко от Холостова Нефеда, конь которого один из самых резвых в хуторе. Срывается Нефед с места и несется за зайцем на лошади. Как шар катится впереди заяц, но и конь у Нефеда не плох.

Судорожно дышит конь, выпуская из ноздрей целую струю белого воздуха и не хуже гончей собаки несется за зайцем. Чуть пристав на стременах и поддавшись несколько вперед, держит Нефед на готове длинный арапник. Еще момент и, рассекая со свистом воздух, тянет он по голове и спине арапником зайца. Распластался и лежит на снегу он.

Есть среди собак «перехватчики». Это умная, но ленивая собака. Предпочитает она пользоваться трудом других собак, чем самой бегать за зайцами.

Выгнали зайца. Увязались за ним собаки. Перехватчик спокойно наблюдает эту картину и замечает, куда повернет заяц. А он, сделав круг и ловко обманув свору, несется уже назад, в сторону перехватчика. Прижалась к снегу собака, вытянув вперед лапы. Заяц почти поровнялся. Срывается тогда она и легко нагоняет уставшего зайца.

Медленно движется фронт охотников по направлению к «Терновой» балке.

Известно охотникам, что в крутых склонах земляной гати става, хранилища снеговой воды, сделаного для летнего водопоя рабочего скота при полевых работах, вырыты норы лис, были там и выводки лисят.

Дальше по балке вверх, сплошь заросшей терном, видели летом выводок волчат.

Вот и балка... Лисий свежий след... Идет он по балке, затем на склон, опять в балку, затем из балки в поле к току, где, видно, лиса ловила мышей, и от тока след опять в чернобыл балки.

Рыщут собаки. Вдруг из чернобыла выскакивает лиса и по склону несется в чистое поле. Все за ней. Не быстро бежит лиса, но с хитростью. Распустив хвост, несется она от наседающих сзади собак. Кажется, конец. Впереди кустарник. Резко взмахнув хвостом, лиса несется уже в обратную сторону, в то время как собаки еще по инерции, потеряв ее из виду, несутся вперед. Расстояние между ней и собаками уже достигает добрых две сотни метров. Вновь гонятся собаки, вновь обманывает их лиса, но не спрятаться и не убежать ей — и она попадает в руки охотников.

Едут к тернам. Рассыпались собаки и охотники и с криком «тю-тю! гай, гай!» стараются поднять волка. Он обнаружен.

Осторожно крадется он на опушку кустарников и, далеко кидая вперед огромные лапы, большими резкими скачками несется на утек. Яростно, но и с опаской нагоняют его собаки. «Волкодав» Донецкова Петра нагнал и впился зубами в ляжку волка.

Резко обернулся волк, таща за собой «Волкодава» и клыком, как ножом, полоснул собаке брюхо. Мячем отлетел «Волкодав» и окровавленный упал на снег. Пока, волк возился с первой собакой, нагнала его свора. Как по команде, часть собак впивается в ляжки волка, а другая часть собак дружно с двух сторон впиваются зубами в шею волка и душат его. Еще добыча...

Повернули теперь охотники обратно по направлению к соседнему юрту. Рассыпались, идут и едут.

Вдруг из под ног Ковалева Стефана срывается, зарывшаяся до того в снегу, целая стая куропаток. Дружные выстрелы и семь жирных куропаток, окровавленных с закрытыми глазами и сизыми распростлавшимися крыльями, лежат на снегу.

По утвердившемуся обычаю, как правило, казаки хутора должны охотничать только в пределах своего юрта. Но зайцы этого благородного обычая, как-то не придерживаются и часто с территории одного юрта, спасаясь от наседающих собак, бегут на территорию соседнего. Там такой же фронт своих охотников, с такой же сворой собак.

Теперь целая свора, с добрую полсотню, собак с двух сторон несутся к одинокому зайцу. Следуют почти одновременно выстрел и хватка зайца несколькими собаками. Тянут его они в разные стороны.

Тут уже с'ехались охотники, секут арапниками собак, отбивая зайца. Но начинается одновременно и спор, кому принадлежит заяц, то ли той стороне, которая гнала или той, чьи собаки поймали. Да и чьи еще собаки поймали, тоже вопрос спорный.

Холостов Федор доказывает, что его «Мигай» первый схватил, а с другой стороны, Крошнев Тимофей доказывает, что его «Разбой» первый схватил, да еще на собственной территории хутора.

Противники доказывают, что заяц то выскочил и принадлежал их территории.

Спор долгий, горячий... а все из-за одного разорванного зайца. Решают, наконец, чтобы было никому не обидно, дать зайца собакам обоих сторооон. Все закуривают, отдыхают, на перебой хвалясь, насколько резвы их кони, собаки и тем, насколько они метки. Покурив, отдохнув, раз'езжаются по своим юртам.

С ворохом зайцев, лис, волка, куропаток, на санях, да еще с привязанными у каждого в тороках, свисающими по обе стороны лошади, зайцами, голодные, но довольные возвращаются охотники домой.

Чужинец.

Немецкое казакофильство.

(в конце XVIII и в первой половине XIX-го века).

Одним из первых, писавших о казаках в XVIII в., был ген. Манштейн, занимавший высокие посты на русской службе. В своих «Записках», составленных в 1730-х г. г., он называл Дон «республикой, добровольно вошедшей в покровительство России»... «Двор обходится с ними с большею мягкостью и снисходительностью. Донских казаков он звал «нацией», из «главных офицеров» коей (т. е. из старшин), «избирается глава их республики, утверждаемый Двором».

С 1740-50-х г. г. начинается изучение России академиками С. Петербургской Академии Наук и учеными — немцами. Дон посещают Гмелин, Гюльденштедт, Паллас. Академик Гмелин пишет (в 1769 г.) в описании «Путешествия», изданном в 1771 г., что Черкасск это — место, где казаки, «рассуждая по образу общенародного их правления, собираются в важных случаях, совещевать между собою»...*)

Заграницею в эту эпоху вопрос о происхождении казачества был подвергнут изучению двумя немецкими учеными: Энгелем, который написал особый очерк по «Истории Украины и Казаков» (для 48-го тома «Всемирной истории», издававшейся в Галле по-французски), и Гупель (Houpel), писавший в своих »Miscellanea« (или »Mélages«).

Чтобы не обременять нашей статьи, мы опускаем их выводы и скажем здесь о впечатлениях, полученных в казачьих краях русскими академиками.

Паллас совершил два путешествия по России. Во время первого он посетил и описал Яик, во время второго — Дон. Хотя Войсковой Атаман и назначался Военной Коллегией, но Паллас считал власть его и войскового правительства из 10 войсковых старшин «весьма ограниченною», так как все публичные дела решаются в общенародном собрании, именуемом «Кругом». Паллас очень интересно описал, как войсковые есаулы возглашали пред началом: «Помолчите, атаманы-молодцы, все великое войско Яицкое»; и как, после их доклада, Круг отвечал «согласны» или «не согласны». В последнем случае слышался ропот и напоминания о казачьих старинных привилегиях. «Тот-же дух свободы, который составляет основу их конституции, — замечал Паллас, — царствует в нравах Яицких казаков. В старинных обычаях их Паллас находил полную аналогию с запорожскими. В дни праздников казаки, после церковной службы, собирались на войсковую трапезу, где атаман возглашал здравицу «за процветание казачьего народа.**)

Побывавши в 1793 г. на Дону, Паллас отметил, что крепость св. Димитрия (или Ростов на Дону) «имеет значение для того, чтобы держать в почтении донских казаков и защищать устья Дона». Паллас подметил глубокое разложение единой прежде общины Донских казаков и всевластие новой аристократии. «Преимущества и отличия, слишком легко пожалованные с недавнего времени старшинам, сделали их высокомерными и надменными... Они основывают поселения, наполненные бродягами, завлекаемыми приманкою добычи, на отличных (войсковых) землях... Они изыскивают все средства для угнетения беднейшего казачества, которое несет на себе тяжесть воинской службы, от коей богатые избавляются путем наемки. Казаки (рядовые) не получают того, что им причитается. Рождающееся отсюда неудовольствие, которое старшины рассматривают как неповиновение и мятеж, служит для последних и седлом для еще более сильного угнетения казачества».

«Благодаря этому, народ этот, по природе своей добрый, доставляющий России великолепные легкие войска, несмотря на свою свободную конституцию, находится во все более возрастающем порабощении».

Ученым немцем, сочинения коего издавались одновременно и по-немецки, и по-французски, был также и Шторх, писавший на переломе от XVIII-го к XIX-му веку. Его «Историческая и статистическая картина Рос. Империи в конце XVIII в.», изданная в Лейпциге и Париже в 1801 г., лет на 50 стала одним из основных сочинений для ознакомления иностранцев с Россией.***)

Конституцию запорожских казаков он характеризовал, как «абсолютно демократическую». Он утверждал, что в 1774 г. действительно «открылась мысль запорожцев — отделиться от России», почему Екатерина II и должна была уничтожить Сечь (I, 62, 64).

Относительно «Земли Донских Казаков» Шторх полагал, что уже в 1570 г. она была «Значительным государством, достаточно могущественным, чтобы основать свою столицу в Черкасском городке» (I, 67). Однако, Шторх полагал, что с самого начала существовал «род зависимости» Дона от государства московского»; начало донских «служеб» относил он к тому же 1570-му году. По его мнению «любовь донских казаков к независимости, часто приводили их к бунтам» (I, 68).

Несмотря на все ограничения, он считал донскую автономию — фактом: «и в 1880 году их (донцов) конституция — военная и не похожа на управление прочих (российских) губерний» (I, 69). Человек очень умеренный и «благонамеренный», он считал необходимым привлечь внимание современных историков к разработке вопросов о разинском и булавинском восстаниях.

«В. К.» № 110—111.

(Продолжение следует).

*) Гмелин «Путешествие», СПБ, 1771, с. 259. Все работы немцев — русских академиков печатались по-немецки, кое-что переводилось и на русский язык.

**) Voyage du professeur Pallas dans plusiers provinces de l'Empire de Russie, v. II, § VIII, „Observations sur les Kosaques de l'Iaïk". Первоначальное издание — по-немецки.

***) Storch „Tableau historique et statistique de l'Empire de Russie à la fin de XVIII siècle" Paris, 1801, 2 v., особенно-же том 1-й.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

11-го декабря 1934 года в Праге умер генерал Терентий Мих. **Стариков,** казак ст. Екатерининской, В. В. Донского. Покойный командовал 4-м Донским конным корпусом, был членом Всеказачьего с'езда в Петрограде и членом Донских Войсковых Кругов — «Калединского» и «Назаровского».

В эмиграции ген. Стариков активно занимался общественной и политической деятельностью. Был одним из основоположников Вольного Казачества — Казачьего Национального Движения и в 1928 и 1929 годах занимал пост председателя Центрального Комитета ВК.

Кроме работы по военным вопросам, ген. Стариков занимался историческими трудами, особенно подробно разработав Булавинский период.

В увековечение его памяти казачья станица КНД в Ромбах (Вестмарк) носит шефство покойного, называясь станицей имени ген. Т. М. Старикова.

В девятую годовщину его смерти 12 с. м. в Праге была отслужена панихида по покойному.

—

В ночь с 27 на 28 июля с. г. в Гамбурге трагически погибла семья казака И. А. **Фисенко.** Покойный родился 20. 7. 1896 г. в Баталпашинской ст., Кубань. Служил в Кубанском гвардейском дивизионе, с которым и ушел за рубеж.

С первых же дней оформления Казачьего Национального Движения он вступил в ряды Вольного Казачества, исполняя в местных организациях должности писаря, казначея и др.

И. А. Фисенко страстно любил свою Казачью Родину, бережно собирал казачью литературу, заботливо относился к воспитанию своих детей, желая видеть в них верных детей казачьего народа. Его заветной мечтой было служение своему родному Казачеству, вступить в ряды действующих казачьих частей, активно продолжать борьбу за освобождение Казакии, а своего 18-тилетнего сына Николая определить в авиошколу.

Трагическая смерть его, его жены и дочерей Ольги и Ефимии прервала жизнь хорошего казака-патриота и его примерной семьи.

Пусть будет ему пухом похоронившая его земля. Мир праху Твоему, дорогой станичник!

С. Шепель.

—

С 17 на 18 ноября трагически погибли в гор. Людвигсгафене на Рейне казаки **Гуляев** Федор Ефимович, ст. Тер новской, В. В. Донского, рожд. 20. X. 1897 г. и **Акимов** Павел Петрович, ст. Урупской, Кубанского Войска, рожд. 26. 6. 1904 г. Покойные были похоронены на местном кладбище при большом стечении народа и в присутствии проживающих в городе казаков.

М. Салтавец.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Редакция «К. В.» получает очень много писем казаков, в которых они горячо просят опубликовать хотя бы выдержки их писем, свидетельствующих о их искренней радости и глубоком удовлетворении, какие они испытывают при чтении «Казачьего Вестника», которым они весьма дорожат, высоко ценя его работу и значение.

Редакция выражает искреннюю признательность своим читателям за их заботливое внимание, однако, она технически не в состоянии регулярно печатать выдержки из этих писем, а будет предоставлять им место лишь по мере возможности.

Редакция.

...Мне совершенно случайно предоставилась возможность прочесть декабрьский номер Вашего уважаемого «Казачьего Вестника». Чтение подлинного казачьего печатного слова доставляет огромное удовлетворение. Теперь, прочтя «К. В.», я не могу отказать себе в дальнейшем иметь его и регулярно читать. Хочется быть полноценным казаком. Хочется жить интересами того народа, к которому я принадлежу, отдавая на служение ему свои силы и знания.

Дипл. инж. А. Фирсов.

...Долгое время я не мог быть в курсе казачьих дел. Ныне, ознакомившись с Вашей работой вижу, что гордое знамя Вольного Казачества реет над славными казачьими рядами, что Вы твердо и непоколебимо ведете наше родное казачье дело. Сердечно благодарю за Вашу честную и жертвенную работу и желаю дальнейшего успеха в казачьем деле, а мы всячески по мере своих сил будем Вам помогать, ибо отлично знаем, как тяжело на чужой стороне вести дело возрождения нашей казачьей родины — Казакии.

Подхор. Д. Т. Грицюк.

ХРОНИКА

— **В Праге** в субботу 1-го января 1944 г. казаками националистами устраивается в большом зале «У Сойки — У Шумавы» (Прага II. Степанская ул. №3) **Семейная Рождественская встреча.** Начало в 17 часов.

— К сведению казаков, проживающих в Великогермании, сообщается **новый адрес** Окружного атамана КНД ст. **В. И. Бабича** — Berlin W 50, Bambergerstr. 5 v. III.

— **Обращается внимание** членов КНД, что членские взносы должны поступать через местные организации КНД. Одиночки могут членские взносы пересылать непосредственно казначею КНД через почтовый счет «Казачьего Вестника» — Прага 15 721 с обязательным указанием на оборотной стороне отрезного купона для какой цели посылаются деньги.

— Согласно распоряжению Руководителя КНД от 29. 3. 1943 г. была упразднена должность заместителя руководителя КНД.

— В казачью канцелярию поступили очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

—

В администрации «К. В.» можно получить полный комплект «Казачьего Вестника» за 1941, 1942 и 1943 гг. Стоимость с пересылкой 20 RM.

Казаки, помните, что Ваш единственный печатный орган «Казачий Вестник» издается на средства казаков-патриотов. Не забывайте и Вы о своем долге!

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

— Карташев Адриан Вас., ст. Казанской, Дон разыскивает сыновей Андрея и Федора. Писать по адресу:
Prag-Slatiny No. 267. Protektorat Böhmen u. Mähren.

— Нечаев Владимир Ильич, ст. Лабинской, Кубань, разыскивает сестер Александру, проживавшую в Салониках (Греция), и Надежду с дочкой — в Париже. Писать:
Krommenau, 35. Greifenberg (Schlesien).

— Харламов Иван, ст. Митякинской, хут. Колодезный, Дон, разыскивает отца Федора Филипповича и брата Василия. Писать по адресу:
Nürnberg, Ausstraße 69. Lager R. A. W.

— Котельников С. М., разыскивает родных из ст. Потемкинской и Верхне-Курмоярской, Дон, Котельниковых и Чиковых. Писать:
Bratislava, Ružova dolina, 199, Slowakei.

— Матвейчук Анна Владимировна разыскивает сестру Ольгу, рожд. в 1925 г. и проживавшую в селе Гноеное, Эльского района, в Белоруссии. Писать:
Anna Matweitschuk b. H. R. Selg. Etershausen bei Krumbach (Schw.).

— Мерзликина Гаврила Васильевича, ст. Владимировской, Кубань, просят свой новый адрес сообщить в редакцию «К. В.».

—

В знак своей признательности всем верным читателям настоящий номер «К. В.» редакция издает в двойном его размере без повышения его продажной стоимости. Редакция выражает уверенность, что казаки и в будущем будут всемерно поддерживать свой казачий орган, свое казачье печатное слово.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Nusle II, Gutenštejnská 6

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 1 (58) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ЯНВАРА 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188 Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

Ив. Томаревский.

С НОВЫМ ГОДОМ!

С Новым Годом! Всем желаю
Братьям счастья — быть скорей
Там, где каждый быть мечтает —
На полях страны своей;

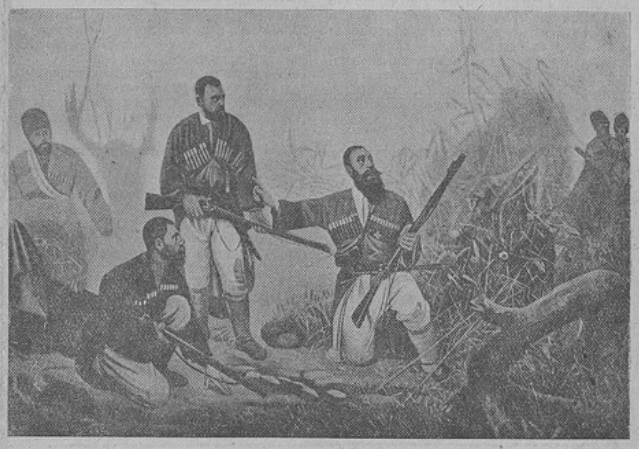
Там, где нивы золотые
У заветных вод цвели,
Где зеленые, цветные
Степи морем залегли;

Где станицы с хуторами
Цепью длинною лежат,
Вековые где курганы
Волю предков сторожат...

Пусть вдохнет вам наша Воля
Подвиг славный — отстоять
Поскорее свое поле —
Казакию в нем создать;

Чтоб потомки, ваши дети,
Коль не вы, то хоть они
Были-б вольными во веки
В Казакии на степи...

С Новым Годом, братья Воли!
Выполняйте-ж долг святой —
Быть скорее в старой роли —
Жить с свободой вековой.

Казаки пластуны при операции.

Archiv „Der Kosakenbote".

Инж. Ф. Полковников.

Станичники!

Станичники! Где бы Вы не были, к каким бы организациям не принадлежали, молоды Вы или стары, мужчины Вы или женщины, станичники, к Вам обращаемся мы.

Кто мы?

Казаки националисты.

Мы не считаем, что в наших руках патент казачьего национализма.

Мы не считаем, что мы «соль» Земли Казачьей. Мы не считаем, что мы самые лучшие люди Казачьего народа. Мы далеки от мегаломании, мы далеки от самовлюбленности.

Мы не претендуем на места вождей, на роли легендарных героев — мы только слуги нашего многострадального Казачества.

Мы борцы за казачью будущность, мы борцы за Казачье имя, за Казачью Волю, за Казачью Свободу, за свою собственную казачью национальную жизнь, мы авангард борцов за светлое будущее нашего Казачьего Народа.

Наша единственная «вина» в том, что мы уже много, много лет назад первые подняли родное Казачье Знамя, то знамя, которое многие казаки, многие вожди Казачества или выпустили или **выбросили** из своих рук.

Сейчас на пороге 1944 года, сейчас на пороге самого решительного года в истории Казачества, мы обращаемся к Вам с горячим братским призывом.

Станичники!

Сольемся в одну дружную казачью семью, сомкнем свои казачьи ряды. При наличии общей казачьей национальной платформы, зафиксированной теперь и в изданной Германским Правительством декларации к Казакам, отбросим все идеологические, политические, экономические и все другие расхождения, отбросим все «свои личные» взгляды, отбросим все свои и не свои, быть может, и честные, может быть, и искренние, но **не чисто Казачьи платформы.**

Сейчас у нас уже нет сил, сейчас у нас уже нет времени заботиться о других. Это не есть шкурничество, это не есть что-то низкое, это не есть что-то унижающее нас, **нет!**

Заглянем в наше прошлое, рассудим о нем без ненависти и гнева и что же увидим?

Мы были всегда хороши для других тогда, когда были плохи для самих себя.

Историю государства Российского нельзя написать без Казачества. Наше Казачество всегда было «точкой опоры» во всех критических моментах исторической жизни русского народа, начиная от Куликовской битвы, «Смутного времени», возведения Романовых на трон московских царей; все русские войны и все самые большие «потрясения» и Степана Разина и Емельяна Пугачева, все были, как говорят, под знаком Казачества.

Однако, все умные, все ученые, все патриотические люди русской великодержавности являлась ли она монархической или республиканской, была ли «белой» или «красной» — все они сходятся в одном:

Казаки это цепной пес для защиты «существующего» порядка, казаки это пушечное мясо в империалистических войнах, это удобрение для русского мужика и только благодаря этого мы, казаки, «нужны» русской великодержавности.

Станичники! Вспомним нашу трагедию 1917—20 гг. и все ужасы с 1920 года до наших дней. Зачем обманывать себя? Кто «провалил» нашу борьбу? Кто отнял у нас Рябовола, Кулабухова? Кто?

А кто с «трехгранным» штыком пришел на наши хутора и станицы из далекого и озверевшего Севера?

Кто так зверски во имя неосуществленных, а после и отброшенных «достижений» углублял свою, да именно свою революцию, на Казачьей Земле?

Кто?

Станичники, каждый человек может ошибаться, но, сделав ошибку, должен ее осознать, а не ошибаться «кажинный раз» на том же самом месте.

Мы не прививали и не прививаем казакам вражды или ненависти к русскому народу. Но мы должны и обязаны знать все ошибки и обиды, причиненные Казачеству московско-российской и советской властью, чтобы в будущем избежать их повторения. Мы не склонны на обидах и ошибках прошлого строить будущие взаимоотношения казачьего и русского народов. Они будут зависеть прежде всего от отношения к Казачеству самого русского народа.

Мы искренне хотим, чтобы и русский народ сбросил с себя сталинское ярмо, а не защищал его или не надевал его на другие народы, в том числе и на наш Казачий народ.

Станичники! На пороге 1944 года, года, когда решается не только судьба Казачьего Народа, но судьбы всех государств и народов, на пороге судьбоносного 1944 года сольемся в одну казачью семью, в одно казачье братство.

Только в этом спасение нашего народа и только этим путем мы получим нашу Казачью Будущность.

Если не стыдно кому-то быть патриотом или националистом московским, почему же тогда стыдно быть и патриотом и националистом **казачьим?**

Мы, казаки, обнажим свои головы перед каждым честным чужим националистом, но сложить свои головы должны только за наш казачий национализм.

Мы отбрасываем безличный и безцветный интернационализм, мы отбрасываем не осуществимые идеи, как бы они хороши были на бумаге или за «зеленым» столом.

Мы хотим жизнь, хотим Казачью Жизнь со всеми ее отличительными признаками, мы хотим жизнь, настоящую жизнь, а не безцельное, безличное «прозябание» рабов «белого» или «красного» империализма или капитала и великодержавия.

Мы хотим на своей Казачьей Земле устроить нашу казачью жизнь, по своему, по-казачьи, как жили наши предки, свободно по своему Казачьему Присуду. Мы хотим быть свои, со своими и на своем.

Все это гарантирует нам, казакам, как первому из народов бывшей России Германское Правительство, которое в своей декларации от 10. XI. 1943 г. дает полное обеспечение Казачьему Народу в новой Европе, признает его честным и верным союзником, призывая его на ряду с другими народами к творческой работе. Казаки добились своего высокого и почетного места не случайно, но тяжелой и упорной работой, доблестной и верной борьбой против заклятого врага московского жидо-большевизма. Каждый казак может гордиться своим казачьим именем, почетным именем честного и верного союзника Великой Германии, гордиться признанием равноценности нашего Казачьего народа.

Неужели же можно все это променять за удел безличной, серой мужицкой массы, за прошлое насильного служилого или же рабского состояния Казачества, которое было на эту роль низведено грубой физической силой московско-российского великодержавия.

Каждый казак может быть горд тем, что наш народ по своему благоразумию и по своим национально-государственным идеалам стоит значительно выше безличной русской массы, и, естественно, никогда не пожелает снизиться на ее уровень.

Что может быть роднее нам нашей Казачьей Земли, наших степей, станиц и хуторов?..

Что может быть выше, дороже, чем наш Родимый Казачий Край, наша казачья родина — Казакия?

Сомкнем же все наши силы, все наши стремления в одну крепкую казачью лаву, подчиним же все наши мысли и помышления одной казачьей цели — освобождению нашей многострадальной Казачьей Земли, обеспечению и укреплению почетного ей места под солнцем.

Вл. Куртин.

КАЗАЧКА.

...А я песни тебе петь не буду, —
Я словами тебе расскажу...

И все же рассказывает не словами, а песней. Красноречивее это у нее выходит, удивительнее.

Не вижу я казачки вот уже несколько долгих лет. Последнюю, которую видел, мы вынесли из тифозного барака и закопали около Синя.

И это было уже давно. За гробом шла небольшая кучка нас, кубанцев, угрюмых, неразговорчивых.

— Хай легенькою буде тобі чужа земля! — прошептал один старый казак. Бросил на гроб ком земли. Заплакал. Кряхтели и терли кулаками глаза и мы.

— Мамо, мамо! — плакали дети умершей. А было их четверо, — все мал-мала меньше.

— Мамо... Та як же це так? За що?...

Эх, малый мой Васюк, кто-ж сможет тебе ответить, з а щ'о твою маму схоронили так далеко от родной Березанки? Но ты это и сам узнаешь. У тебя еще будет время. И сам расскажешь приютившим тебя, что ушли мы (твоя мать и еще много, много матерей-казачек) только потому, что мы казаки, ушли потому же, почему уходили із рідного краю і наші діди: о т н е п р а в д ы московской. Хоть к турку... Бо

...Він, турок, хоч невірний,
А все ж правду має...

— Слыхал я в детстве песню:

...Кабы дали бы мне ворона коня,
Я бы вольная казачка была!..

Старая эта песня. Кто создал ее? Сама ли казачка, хотевшая на вороном коне «скакать и плясать» вместе с казаками по широкой степи потому, что ей, вольной, надоело, быть может возиться с горшками, иль не казачка, мечтавшая стать «вольной казачкой», как только сядет на ворона коня?..

По пословице: сыч останется сычом — и в трубе и на колокольне — Вольной Казачкой нельзя сделаться, ею нужно р о д и т ь с я. Где, у какого народа в старое суровое время женщина пользовалась большей свободою, чем у казаков? Даже и здесь, заграницей, и то лишь в наши дни женщина начала бороться за признание ее равноправной с мужчиною. Нашей женщине нечего было добиваться. Испокон веков была она с мужчиною на равной ноге: Вольная!

Сама о себе она никогда не говорит иначе: Вольная, а не просто казачка. Как вольный и сам казак. Не беда, что жизнь ее была не легка. Часто — сплошная жертва. Да жертва то это была — в о л ь н а я. Мать с рабскою душой не может воспитать борца за свободу. Казачка подневольная не могла воспитать казака. И отсюда ее духовный аристократизм, отсюда ее гордое:

Я — вольная казачка!

Совершенно нетронутой, не растраченной пронесла она через века свою великую любовь ко всему, что казачье, ко всему, что вольно, красиво, победно... И в черные дни большевицкого нашествия, когда даже среди ее сынов и братьев находились «колеблющиеся», ни на один миг не поступилась она своим:

Я — вольная казачка!

Кто хотя один раз имел случай наблюдать, какой ненавистью горели глаза казачек при виде вступавших в станицу большевиков, тот должен признать, что в большевиках она видела нечто настолько противоположное казачеству, что ни о каком примирении с ними, тем более подчинении им не могло быть и речи. В «большевиках» она видела вчерашних марксистов и тех, что в 1905 году с царскими портретами и иконами ходили. И все они для нее были — русские. И мудрено-ли, что большевик и русский — стали синонимами.

Помню, в самом начале нашей борьбы с большевиками, моя мать поколебала во мне веру в успех борьбы и закрепление за нами К о н с т и т у ц и и, единогласно принятой Краевою Радою. Увидела она как то в проезжавшей сотне между казаками и несколько солдатских шенелей. Угрюмо спрашивает меня:

— Это вы зачем же казаков с солдатами перемешали?

— Так это же добровольцы! — удивленный ее вопросом отвечаю я.

— Хто ж они, добровольцы-то?

— Русские.

— Да воюете-то вы с кем?

— С большевиками.

Старуха совсем рассердилась.

— Да большевики-то хто, рази не русские?

Начал я было об'яснять ей, что это такое большевицкая партия, а что другие, и почему нам нужно идти вместе с этими другими.

— До куда?.. до каких пор? — оборвала меня мать. Чем же эти, другие, лучше-то? Разве не подкапывались они под казаков? Добра нам желали? Комитеты-то разве из большевиков были?.. а что делали?...

Не прошло много времени. Заскочил я как-то домой. А она мне:

— Ну что-ж, сынок, началось?

— Что?

— Алексей-то Иванович!.. Заплакала. Любила старуха покойного. Частым гостем в доме бывал, когда еще отцом Алексеем звался...

—

Еще не так давно казачки в нашей станице носили синие, расшитые золотыми галунами бешметы, подпоясывались широкими, тканными золотом и серебром поясами, на плечи накидывали персидские шали, на ногах мягкие башмачки с завернутыми вверх носками...

Будто вижу их сейчас перед собою. Вижу, как на масляной неделе, когда все, от мала до велика, на улице и когда почти вся молодежь обоего пола на конях — в рядах по четыре и по восемь, — проезжают они по «Красной» улице и поют под бубен:

Гуляй, гуляй молода:
Степь привольна, широка...

А там, где-нибудь в сторонке, чтоб не смяли джигиты, сидят в кружку бабы и серьезно выводят:

...Приказал Бакланов...

Или

...Подуй, подуй ветерочек
С глубокого яру, —
Приди, приди, мой миленький,
С далекого краю...

А вот, на площади, образовали огромный хоровод. «Казачки», т. е. жены, чьи мужья на службе, покачиваясь в такт песне, поют, в песне высказывают думы свои:

...Наши мужья — они во походе...

Или

...Да ни жалала бы я больше счастия —
Сизы крылышки себе...

А тут, из побочной улицы, выскочила толпа конных, ряженых. Стреляют из ружей и револьверов, хохочут, орут...

...Ой, що ж це за шум учинився, —
Що комарик та й на мусі оженився...

И прут прямо на хоровод. Визг, крики, смех. И где девки, где парни — кто ж разберет! И девки, как и казачата, могут, встав на седле, вихрем нестись по широкой улице...

И вижу я их, вернее слышу (кто же может видеть их в садах и виноградниках, что покрыли правый, высокий берег Кубани и всю гору), слышу, как по-над всей Кубанью разливается их песня. Песня — то широкая, бесконечная, как и сама степь, то грустно-трогательная, как заводь кубанская, что стыдливо прикрылась ветвями и шепчет что-то корявому, подмытому водою дубу.

—

Станица населена частью донскими (нижне-чирскими), частью запорожскими казаками. За полтора века язык одних и других смешался, но песни сохранились чистыми, хотя и являются таким же общим достоянием, как и язык разговорный.

Вот с горы, покрытой целым лесом черешень и абрикос, слышится надрывной, щемящий дуэт:

...Почему ж ты, мой сад,
Так не рясно цветешь,
Осыпаешься?
Ты куда, милый мой,
Убираешься?..

В эту песню из нижних садов врывается громкое, молодое:

...По двору ходила,
Коника водила...

А откуда-то, с «вышки», время от времени четкий альт докидывает:

...Ска-за-ла я девочка,
Что я замуж не пойду...

Здесь же, совсем вблизи, будто горленка плачет, надрывается:

Счастливая тебе путь-дорожка...
А я, млада, дома остаюсь...

У Кубани, поставив ведра, побросав коромысла и бакаги, под хлопанье ладонями поют, приплясывая, дівчата:

...Я прошедшую неделю
Не брала в руки куделю...
Тяжко согрешила —
Молодого козаченька
Крепко полюбила...

А поодаль от них сидят две девушки-невесты, прислонились друг к дружке черноносыми головами и просят, благают:

...Козаче, соколе,
Візьми мене з собою...

Их казак еще дома. Еще только собирается в путь-поход. А вот, Бог знает из какого сада, слышится, что желает казачка, к которой уж не вернется казак с далекого края:

...Ды снялась бы я, полетела
Где мой милый лежит убит...
Да все бы я косточки его собрала...

И вся эта многоголосая, многограннная песня, овевающая нашу Казачью Землю, отражает безграничную любовь казачки к своему казаку (казачеству), ее преданность установившемуся укладу жизни, ее вольный дух, ее равноправие с мужчиною.

Разве это случайность, что казачек-большевичек не было, что они никогда не произносили слово «товарищ», что они инстинктивно уже в первых «гражданских» комитетах усмотрели подкоп под казачество и так едко высмеивали комитетчиков?

А когда велась борьба, казачки выносили все. До останньої спідниці — на бинты. Далеко не единоличны случаи, когда казачка билась с большевиками в рядах войска.

А можно-ли обойти молчанием нашу Голгофу, наш казачий крестный путь... И здесь казачка безропотно переносила невероятные душевные и физические страдания, а когда нужно было, умела и умереть...

И если мы ошиблись, если мы не смогли отстоять себя и Родину (и от врагов, и от «друзей»), мы знаем, что наши жены, наши матери и сестры не отягощали нашего полежения своим плачем. Напротив, мы знаем что они проклинали малодушных, придавали веры колеблющимся.

И если нам, під московським караулом, нудять білим світом наши верные помощницы, мы знаем, что оживут они, что и под Красною Москвою сохранят они смысл и красоту казачьей жизни, что у них нельзя убить их гордого:

Я —Вольная Казачка!

Судьба Казачества — в руках самого Казачества!

—

Казаки, верьте в самих себя, верьте в свои силы!

—

«Казачий Вестник» — единственный казачий печатный орган — издается на средства казачьих патриотов. Помогай и Ты распространять и расширять свое казачье печатное слово!

Полковник Ильин.

О рыцарстве вообще и о казачьем - в частности.

Статьями — «Хто є козак» и «Идея казачьего рыцарства» (№№ 50 и 51-52 «К. В.») поставлен вопрос о моральной стороне человека вообще и казака в особенности. Вряд-ли нужно доказывать, что этот вопрос в переживаемое нами время имеет сугубо-большое значение, почему и желательно, чтоб по его существу было бы высказано как можно больше мнений.

Рыцарство является своего рода синтезом понятия о благородстве человека. Однако, в настоящий исторический момент понятие о рыцарском благородстве является настолько растяжимым, что необходимо его уточнить и уяснить.

Так называемое западно-европейское феодальное или, проще, помещичье рыцарство появилось на свет в конце VIII в. при императоре Карле Великом. Препоясывая в 785 году мечем своего старшего сына, он сказал: «Не обнажай меча без нужды и не вкладывай — без чести». Этот исторический момент историки и считают началом зарождения рыцарства.

Император никак не предполагал, что рыцарство приведет к распаду его империи и на много веков ослабит монархический принцип или центральную власть в западной Европе.

Как одна из исторических форм человеческого общежития и как необычайно оригинальная военная сила, рыцарство просуществовало в Европе до половины XV-го века, т. е. шесть с половиною веков, когда и было упразднено снова окрепшей монархией.

Следовательно, рыцарь был помещик и военный человек и, при том, военный с ранней юности и до конца жизни.

Как форма человеческого общежития, рыцарство исчезло уже 500 лет тому назад, но духовный облик рыцаря и его моральные устои продолжают жить и до сих пор, и теперь еще, если хотят подчеркнуть у человека высшие качества, то о нем говорят: «Это рыцарь без страха и упрека».

Вот это-то рыцарство без «страха и упрека» западной Европы и было об'единено одним и тем же кодексом. Правила этого кодекса посвящаемый в рыцари клялся перед крестом и Евангелием выполнять в течении всей своей жизни.

Этими правилами были:

1) Храбрость. Рыцарь мог быть победителем и мог быть побежден, но он не мог быть трусом.

2) Великодушие. Рыцарь не добивал своего противника, выбитого им из седла, т. к. с безоружными он не сражался. Он забирал его боевые доспехи, но лишать его жизни считал делом бесчестным.

3) Снисходительность. Она выражалась в покровительстве старикам, женщинам, детям, вдовам и сиротам.

4) Верность клятве и данному слову. Выполнение рыцарем клятвы или данного слова было для него непреложным законом.

5) Верность христианской религии до последнего вздоха и до последней капли крови. Об'ясняется это тем, что рыцарство появилось в Европе тогда, когда ей угрожал воинствующий Ислам из Испании — на западе, и из Малой Азии — на востоке.

К сказанному можно еще добавить, что у рыцарей существовал настоящий культ преклонения перед женщиной и уменье просто, скромно и с достоинством себя держать.

В военном отношении все рыцари были между собою равны, т. к. сражались они исключительно на поединках.

Правила эти были для рыцарей общими выполнение их составляло то, что принято называть «рыцарской честью».

Таков был духовный облик средневекового рыцаря и таковы были основы его моральной силы. И нужно сказать, что моральная сила рыцарства была необычайно велика. Рыцари сражались на поединках, поэтому начальства над собой не знали, и короли в боях должны были сражаться наравне с простыми рыцарями. Мы, напр., знаем, как 100 000 рыцарей предприняли в 1094 году поход в Палестину для освобождения гроба Господня из рук мусульман. Эта стотысячная армия не только не имела над собой никакого начальника, но перед выступлением в поход рыцарство дало клятву перед крестом и Евангелием, что во время похода никто из рыцарей не будет подчиняться никому другому. Клятва эта рыцарством была сдержана, и цель похода была достигнута. Ясно, что здесь мы имеем дело не с дисциплиной, т. к. налагать дисциплинарные взыскания на рыцаря было не кому, а с необыкновенно высокой моральной силой.

Структура социальной жизни казачества отличалась от таковой рыцарства самым радикальным образом. Рыцари были между собою равны, но на их землях жили крестьяне, которые не были их рабами, но за то находились почти в абсолютной от них экономической зависимости. В основе же социальной жизни казачества лежали принципы — свободы и равенства. И это длилось в течении многих веков. В этом отношении любопытно сопоставить казачество с его северными соседями. Казаки жили по нижнему течению рек: Урала, Волги. Дона, Днепра и Буга. Северными их соседями были: Москва и Польша. В московском царстве с конца XVI в. было установлено крепостное право, т. е. была установлена полная и абсолютная зависимость крестьян от помещиков. В свою очередь московский помещик находился в абсолютной зависимости от царя, что центральную московскую власть делало необычайно сильной. Это рабство московского крестьянина длилось до 1861 г. При этом, московский крестьянин должен был не только работать на помещика, но был обязан поставлять и солдат для царской армии, т. е. с оружием в руках еще и защищать свое рабство. В Польше, наоборот, королевская власть была ограничена, шляхта (дворянство) была всесильна, крестьянство же, как и в московском царстве, было абсолютно бесправно. Но за то Польша, как и европейское рыцарство, не пользовалась крестьянством, как военной силой.

Являясь народом, казаки были все равны и свободны. Такой социальный порядок налагал на каждого казака обязанность защищать свою родину. Для всех были одни и те же права, для всех были одни и те же обязанности. Отсюда и возникло понятие о казачестве, как о войске, тогда как в действительности казачество всегда было и есть национальным организмом, и только право каждого казака носить оружие превращало народ в войско. В 1796—97 г. г. Крейц писал о казаках: «Казаки приезжают на Круг в Черкасск иногда плохо одетыми, но за то часто с драгоценными саблями». Именно в этом отношении казачество было устроено по-рыцарски. Правда, казачество не сражалось на поединках, а издавна сражалось организованными частями. При этом, начальство частей было выборным.

Так устроенное казачество веками боролось на крайнем юго-востоке Европы против того же воинствующего Ислама в лице ногайских и крымских татар и против, временами и турок за сохранение христианской религии и, следовательно, за сохранение христианской культуры. Т. к. турки и татары захватывали на окраинах Москвы и Польши, а также и на окраинах Казачьих Земель мирное христианское население а затем торговали людьми, как скотом, то казаки боролись также и против магометанской работорговли. С необычайной также стойкостью боролось казачество за свою Землю и за свое право на ней жить по своим исконным обычаям и правилам.

В этой своей исторической борьбе казачество проявляло не только храбрость, но и героизм, а также великодушие, снисходительность, верность христианской религии до последней капли крови и верность данному слову, т. е. казачество в своей собственной исторической борьбе руководилось теми же принципами человеческой морали, что и европейское рыцарство.

Так было, когда казачество жило своей собственной государственной жизнью и стремилось к своим собственным историческим целям и идеалам.

После же включения казачества в состав московского царства цели его борьбы изменились. Теперь нужно было обслуживать интересы сначала московского царства, а потом российской империи. Два с половиною века (1671 — 1917 г. г.) казачество боролось за благо высших классов царства и империи и за расширение границ и царства и империи. В процессе этой-то борьбы в социальной жизни казачества и появились такие понятия, как чин, орден, звание, отличие, шитые золотом кафтаны, а затем пришло разделение народного, монолитного по своим правам, организма на дворян и простых казаков и превращение всего казачества в военное сословие. Короче, на смену былым равенству и свободе пришли неравенство и несвобода, а с этим вместе на смену принципам рыцарской морали пришли принципы такой морали, которая никогда и ничего общего с рыцарской моралью не имела, потому что теперь не нужно стало служить интересам своего народа, а нужно было выслуживаться перед начальством, чтобы получить какой-нибудь чин, звание или даже маленькую нашивку. Отсюда появление таких качеств, как подхалимство, подсиживание другого, хитрость, эгоизм, одним словом, появление подлостей то большого, то малого калибра и расширение поля непорядочности.

Замена в России монархического режима сначала демократическим, а затем коммунистическим в конце разнуздало людей и выбило из-под них последние устои морали. Гражданская война с ее дешевыми чинами и часто с мгновенным обогащением, затем эмиграция с ее таким же мгновенным обеднением также оказали свое влияние на мораль.

Короче, социальный водоворот последней четверти века довершил дело разрушения двух с половиною последних веков.

Чтобы выйти из этого разрушительного водоворота, нужны героические усилия. Основу этих усилий должны составить понятия: справедливости, солидарности, товарищества, взаимной поддержки, поддержки слабых, т. е. женщин, детей, инвалидов, стариков, любовь к своему казачьему народу и любовь к своей казачьей Родине.

Только проникнутые этими понятиями люди смогут вывести казачество из бурного и всеразрушающего водоворота к тихой пристани мирной и счастливой казачьей жизни.

Казаки умеют прекрасно беречь в бою своих командиров, надо учиться хранить и командиров в политике, твердо помня, что без них Казачество своей национально-политической борьбы не выиграет и своих казачьих интересов не защитит.

В. Авилов. «К. В.» № 54.

Юрий Гончаров.

Следы.

В полночь ударил набат.

Быстро, один за другим, скатилось в темень тринадцать тревожных ударов колокола. Потом все стихло... А через минутку с колокольни еще настойчивей сорвалось тринадцать содрогающихся ударов.

Двадцать шесть медных звуков кого-же пробудят от зимнего сна кроме церковного сторожа?

Казаки в станице видели тиховейные сны. Казаки спали.

Дремавший церковный сторож Меркулов похлопал веками, одеревеневшими от холода и, прислушавшись к бурным рокотам, вот тут — почти над головой, приударил рысью вон из сторожки, в дремный шатер снежной ночи.

Звонил самый большой колокол; веревка от его языка спускалась до земли и была привязана к колу. Но, к гневу Меркулова, внизу у кола никого не было.

— Ах, треклятые!.. На колокольню залезли... А-а што-п...

Колокол сделал передых и зазвонил снова.

Свистел удалой гуляка-забияка ветер, и чихал на площадке, когда запыхавшийся Меркулов наконец взбежал наверх по темной, скрипучей лестнице. Он свирепо повел вокруг глазами и приосанился. Но на колокольне никого не было.

Колокол гудел и ревел, как-будто три языка сразу бились внутри и снаружи и, ответно настраиваясь, чуть-чуть шелестели маленькие колокола.

Озадаченный сторож заметался по площадке и бросился к перилам.

Внизу, далеко во все стороны, замаячили в тусклом снежном свете вросшие в белые сугробы грибовидные станичные хаты, а над ними колючими, сверкающими снежинами повисли звезды в синем морозном воздухе. От языка колокола, змеясь и дрожа, бежала вниз толстая бичева, но там, возле кола, никого не было.

Да, внизу никого не было.

У тщедушного сторожа спутанные волосы стали подниматься на голове и что-то придавило горло. И в тот миг, громово рявкнув напоследок, колокол вдруг замолк.

Меркулов побледнел и, спотыкаясь по ступенькам, побежал вниз, все ускоряя бег. Кругом было пусто и морозно...

Сторож долго стоял на месте, ощущая что-то странное... Высоко и царственно-гордо подняв осенянный снегом купол, близилась карающим шагом молчаливая и вдруг ставшая чуждой и страшной станичная церковь. И по стенам, наклоняясь друг к другу, ехидно зашептались причудливые тени.

Затрясшись от страха, сторож вылетел за ограду и завопил в отчаянии:

— Пра-во-слаaа!.. Выру-ча-а-а!.. и побежал в сторожку, напугавшись еще больше диким своим голосом.

Через минуту в сторожке засветилась свечка. А сторож прерывающимся голосом бормотал перед иконой успокоияющие псалмы и бухал земные поклоны:

...«От вещи во тьме преходящия, от сряща и беса полуденна...»

И долго металась в окошке озаренная бледным светом плешивая голова Меркулова перед иконой Богоматери, и долго еще бил Меркулов земные поклоны, да выкликал умиротворяющие слова псалма:

...«Падет от страны Твоея тысяща и тьма... тебе же не приближится...»

—

Ночное происшествие живо разнеслось на утро по шумному и суетой переполненному базару. Бабы побросали на произвол судьбы свои горшки и махотки с каймаками и со сметаной и сгрудились крикливой стеной около размахивавшего руками и выкрикивавшего Меркулова.

—Бя-а-ды, — мрачно вздыхали казаки и бабы, качая головами.

А станичная церковь, у подножья которой гомонел на все лады праздничный базар, потонув верхушкой в тумане морозного утра, величественно и строго высила небу какую-то неведомую людям загадку.

Возы скрипели, кнуты щелкали — все двигалось в станице. Говор и выкрики в причудливый узор переплетались и реяли над базаром. Приехавшие из хуторов с пшеницей и маслом, с кислым молоком, печеными кабаками, подсолнухами и со всякой всячиной, рассказывали новую диковину. Будто через Донец тянется какой-то чертячий след; кто-то как-бы прошел по льду и на этих местах до самой воды вытаяли следы от двух ног: один человеческий, только уж слишком большой; другой — скотский, да к тому-же подкованный.

— С гвоздями, — подтвердил тощий русачок в поддевке. Умные люди оба явления ставили в зловещую связь и сумрачно предрекали: к войне.

Молодежь просто недоумевала:

— Што оно такое, бабочки?

Бабы наперебой истолковывали все, каждая по своему. Старые люди, понуря головы, вразумляли:

— Либо бес, либо Аньчихрист...

Но жизнь на базаре, не взирая на грозность предсказываемых событий, била и клокотала. Сутолока и крики людей, гусей, поросят, продавцев и покупателей властно и настойчиво охватывали студеное утро.

И около Меркулова осталось только два сивобородых деда, при чем один все время утрюмо заявлял:

— Усе помрем.

Да. Несмотря на базарную суету, вероятно, немало казаков расходилось по домам под ощущением колючих слов угрюмого деда, напомнившего о тлении и бренности жизни...

—

Дед Солтысов с зятем Кирьяном с утра пошли через лес за лисицами. Снег и сучки хрустели под ногами. Сухие ветки щелкали и падали с деревьев, стряхивая сверху снежную пыль.

Кирьян шел молча и что-то цыпало ему за сердце: не воротиться-ли?.. Молчал и дед.

Полковник Д-р С. Федоров.

Эволюция казачьего быта.

Для того, чтобы правильно разуметь пути эволюции казачьего быта и представить себе процесс образования общественной структуры Казачества с его отменным народным характером, нам необходимо проследить это во времени и пространстве.

Раньше мы говорили о примитивном общинном сожительстве Казачества. Действительно, устройство Сечи Запорожской является прямым неоспоримым свидетельством указанного периода. Они удерживаются до последней четверти XVIII ст., а в других Войсках сохраняются до половины его, постепенно изживаясь новыми условиями существования. Но при этом общественном средств производства и существования казачье устройство предоставляло полную личную свободу и инициативу в рамках публично-правового порядка Войска - республики.

Центр казаков запорожских — Сич представляла из себя ряд больших общественных построек, в каждой из которых жили сотни казаков, ведя общее хозяйство вплоть до приготовления пищи. Каждая такая община-курень представляла из себя автономную единицу и имела свои угодья, откуда брала средства пропитания. Только оружие да вещи личного пользования составляли собственность казака. Скотоводство, звероловство, рыболовство и добычничество давали общий принос т. к. результат их при одиночной предприимчивости не смог обеспечивать существование отдельных лиц, социально и физически наиболее слабых, потому то промысел и должен был быть общим, ведь главной заботой казака в те времена было иметь насущный кусок хлеба.

То, что в Запорожьи в общественном устройстве представлял курень, то на Дону и в других Войсках был городок. Взаимная поддержка, как обязательное условие казачьего сожительства, имеет место в очень раннее время. Отсюда вытекает общий всем Войском институт односумства, в котором отдельная группа, внутри общества, ведет общее хозяйство и имеет общие средства пропитания. Из группового односумства, в условиях оседлого существования, вытекает необходимость общего питания для целого коллектива и этот порядок долгое время сохраняется на Дону, самый общественный котел является предметом особой заботливости казаков. Это мы видим из мирных договоров с турецкими азовцами, с которыми Войско вело непрерывную борьбу и похищение котла, ставилось добычникам калмыкам, в самую большую вину.

Подобный порядок был своеобразной социальной перестраховкой казачьего общества, обезпечивавший минимум существования, и на нем строился и институт социального обеспечения всех казаков. Такое устройство не было чем-то особенным, присущим одним казакам, его мы видим и у иных народов.

Сознание общности, как единой силы, общий очаг, способствовал сплочению населения, а общность его интересов создавала Войсковую общность, которая охватывала всех граждан Войска и переносилась дальше за его пределы **на все Казачество.** Прославленное **казачье единство,** созданное в казачьих общинах, и наложило известный отпечаток на характер всего Казачества. Оно естественным порядком приходило к сознанию своей общности и понятию национально-казачьего единства. Каждый казак всюду на казачьей Земле пользовался не только защитой, но и правами.

Отражение начальных форм общественного бытия получило и в отношении казака к своей земле, он ее любит потому, что она его кормит, но любовь казака к земле не есть любовью собственника — владельца или великороссийского мужика. Для казака земля не «божья» — ничья, а своя **казачья,** которая принадлежит всему Войску, но одновременно является и его достоянием, как сочлена этого Войска. «Без земли нет казака» — становится формулой казачьего существования и казак охраняет свою Землю, как державно-казачью. Коллективное владение землей имеет свое начало в далекой старине, оно имеет место у охотничьих племен, номадов и кочевников. Земельная собственность у них осуществляется только на пространствах довольно неопределенно обмежованных — юртовых землях для общего выпаса и охоты. Земельный коллективизм возник из-за необходимости оборонять свой округ от покушений иных пришельцев-конкурентов. К нему питали сильную привязанность и не допускали посторонних использовать природные запасы, а о присвоении в личную собственность и не думалось.

При этом, когда интересы владения не сталкивались с интересами иного пользования, напр. охотников с кочевниками, то имело место и совладение на этой территории, как это было в XI—XV, XVI—XVIII веках у казаков. Право исключительной собственности закреплялось только за ближайшей околицей населенного пункта и то в целях обороны. Границы такого владения определились по формуле «куда стрела долетит», «куда пулю донесет», «покуда выстрел слышен»...

Внутри племенных и общинных групп право возделывания земли, охоты, рыбной ловли принадлежит всем сочленам, но каждый является собственником только тех даров, которыми ему удалось овладеть самостоятельно. Только гораздо позже у Казачества проявляется тенденция к овладению землею в частную собственность, парализируемые войсковыми законами, сначала старшина, а потом и экономически сильные вообще начинают делать заимки и утверждать земли за собою. На Запорожьи устанавливается порядок годичного пользования угодьями по жребию, этот порядок проводился и при расселении черноморцев на Кубани. В дальнейшем с половины XVIII в. начинает проводиться принцип: «кто потрудился, тот и имеет»; «кто потрудился, тот и владеет», приводящий к образованию хуторов и зимовок, по праву заимки. Распределение земель коллективного пользования по семьям возникает в процессе развития стремлений к личной независимости.

Этот естественный процесс не получил у нас развития. По революции 1917 г. Казачество возвращалось к чистым формам староказачьих земельных отношений: земля принадлежит Войску, как общему казачьему национальному достоянию.

Борьба Казачества за землю есть борьбою за национальное господство. Вмешательство российского правительства и покровительство пришлым в Казачьи Земли элементам было излишне. Казачество само понимало необходимость перехода к высшим способам хозяйства и достигло в этом отношении отличных результатов уже в начале XIX века. В короткое время изменения коснулись всего строя казачьей жизни; казак стал хозяином-хлеборобом, изменился уклад семейной жизни, вкусы, костюмы, привычки, казак быстро пошел по пути культурного прогресса. В дальнейших условиях мирного существования эволюция казачьего быта достигла чрезвычайных успехов и Казачество далеко оставляло за собою эволюцию массы российского люда, хотя несло более тяжелые обязанности в отношении Империи. Нет никакого сомнения, что если бы Империя не связывала Казачество, оно развило бы свои духовные силы до наивысшей возможности и **создало бы высоко культурную казачью государственность,** с образцовым общественным строем.

Отклики.

«Казачий Вестник» уже отмечал то большое удовлетворение казаков, которое было вызвано опубликованием обращения Германского Правительства к Казакам. Повсеместно казаки на общих собраниях и в частных, дружеских беседах, живо обсуждали этот исторический акт. От многочисленных местных организаций КНД поступили постановления, в которых отмечаются чувства, с какими была воспринята декларация.

По техническим причинам редакция не в силах поместить все эти постановления, а дает лишь место нескольким, исходящим от организаций, находящихся в самой западной и восточной частях Германии.

Редакция.

12-го декабря 1943 г. в гор. Августове состоялось общее собрание станицы им. А. М. Назарова под председательством ст. Атамана М. А. Муругова. Собрание было посвящено Дню Казачьей Печати — памяти выхода в свет первого казачьего национального органа «Вольное Казачество», а также было приурочено к великому историческому факту — признания за казаками их исконных прав на свою самобытность и свободное существование со стороны Германского Правительства. Присутствовали и казаки местной организации в Судауен во главе с ст. Е. Кочетовым.

Собрание постановило:

1. Выразить глубокую благодарность Вождю Германского Народа **Адольфу Гитлеру** за его великие заслуги по освобождению Европы от гнющей заразы жидо-большевизма, а также за официальное утверждение за Казаками их исконных прав на свободное существование.

Понесенные казаками жертвы в жестокой борьбе за свою свободу против красной Москвы оценены Германским Правительством, как заслуги за общее дело Нового Порядка в Европе. Жертвы и доблесть казаков обеспечили признание их, как верных и честных союзников Германии.

2. Просить нашего Руководителя передать искренний казачий привет братьям — казачьим бойцам, стяжавшим своими подвигами вечную славу. Мы горды сознанием, что в наших братьях казаках продолжает жить свободный дух степных рыцарей и что никакой террор не мог заглушить в них стремления к свободе и к собственному национальному бытию.

Нас радует выступление в казачьей печати б. Войскового Атамана В. В. Д. генерала от кавалерии П. Н. Краснова, который, надеемся, твердо пошел с нами по одному пути возрождения славного Казачества.

3. Благодарить Руководителя Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазкова за его неутомимую энергию в деле укрепления национальной мысли, за его труды по защите казачьих национальных интересов, выдвижение и отстаивание нашего казачьего вопроса, за работу по бесперебойному выпуску в трудных условиях военного времени нашего казачьего органа «Казачий Вестник».

Мы считаем своей священной обязанностью всемерно поддерживать наше Каз. Нац. Движение, возглавляемое ст. инж. Глазковым, твердо памятуя о том, что лучшая наша будущность зиждется в наших собственных казачьих руках и в напряжении всех наших жизненных сил к единению и сплоченности Казачьего Народа. В дороге к лучшей нашей будущности встречались и будут встречаться много препятствий, которые ставятся противниками казаков, но мы знаем, что без жертв и силы воли невозможно великое дело. Без национальной мысли, без казачьего печатного слова немыслимо Казачество, как отдельный народный организм.

4. Собрать пожертвования среди членов станицы для поддержки и укрепления казачьей национальной печати и обратиться с горячим призывом ко всем казачьим организациям и казакам отозваться на это великое дело свободного казачьего слова и казачьей пропаганды.

5. Просить Руководителя Каз. Нац. Движения ст. инж. В. Г. Глазкова снова возбудить ходатайство перед Германским Правительством о включении и нас казаков старой казачьей эмиграции, старых бойцов за казачью Свободу, бойцов против большевизма включить в действующие казачьи части и в активную работу на благо нашего Казачества.

Слава Казачеству! За лучшую жизнь!

Председатель собрания **М. Муругов.**

Секретарь **С. Ткачев.** (Следуют подписи всех членов собрания).

—

Казачья Национальная станица им. полк. Е. Грузинова в гор. Кнейттинген (Вестмарк) выражает глубокую радость по случаю опубликования обращения Германского Правительства, в котором признается право казаков на собственную самобытную жизнь, а Казачество признается честным и верным союзником Германии.

Мы горды сознанием, что чаяния многих и многих лучших сынов нашего народа нашли отклик в рыцарском Германском Народе, что наша многолетняя работа не пропала даром.

Вас, потрудившихся на казачьей ниве и несших тяжелый крест работы, благодарим за Вашу работу и труды. Мы еще с большею энергией будем работать на благо нашего Казачества.

Священник Ф. Власенков.

Возлюбленый мой казачий народ!

И первый долг Тебе, Царю Царей!

Осени себя крестным знамением, православный казачий народ, и воздай Господу Богу славу и честь, вознеси Ему от всей души и от чистого сердца свои благодарственные, хвалебные и горячие молитвы за то, что Он, Милосердый, вознаградил тебя признанием исконных прав на национальное бытие.

Вопль и плач, стенания и рыдания жен и детей, отцов и матерей наших дошли до седящего на престоле Всевышнего Бога — Отца всех народов — и Он, вняв нашей молитве, не оставил нас сирыми и убогими, а, вознаградив, достойно прославил на весь мир, как истинных героев-борцов за веру православную, за свободу казачью, за благоденствие Европы и всего мира, как авангард в борьбе с большевиками.

От ныне и до века казачий народ не забудет этой великой и богатой Божией милости к себе, как не забудет и своего Освободителя Вождя Великой Германии Адольфа Гитлера и его Правительства. И как ныне, так и в будущем, казачий народ останется признательным немецкому народу, помня, что только в союзе и в полном доверии друг к другу — залог счастья и благоденствия обоих народов. Да сохранит Господь Бог этот священный союз на веки и да даст нашему оружию скорейшую победу над врагом, чтобы и те, наши братья страдальцы — казаки, которые еще находятся под большевицким игом, освободившись, узрели бы свой казачий благодатный свет, свет новый и свободный, вольный и счастливый.

Так пусть же будет Богом благословенна и счастлива наша Казачья страна на много, много лет — во веки веков!

А потрудившимся в деле освобождения и созидания Казачьего национального бытия да будет наша вечная признательность, вечная похвала, вечная слава!

Ох-хо. Звонок и чудесно-задумчив утренний лес в снежных узорных кружевах. Будто и нет ничего кругом, а какой-то затейник лишь выдумал всю эту зимнюю красоту.

Но у Кирьяна одна мысль: не воротиться-ли?

Правда, Кирьян уж очень подозрительный человек, как говорит братец Аким; но тот-же братец говорит и другое:

...все бабы — слабы...

Да, Кирьян сознает, что он человек подозрительный... но все-же, отчего-бы супружнице Дарье Петровне так суетиться и угодничать перед собравшимся на охоту мужем?..

— бабы — слабы...

И почему...

— А што-п табе черт лысый!.. — наконец выругался вслух Кирьян. Выругался и **сконфузился под** долгим взглядом деда.

Проходя мимо пышной елки, неизвестно как очутившейся у нас, Солтысов ткнул пальцем и проскрипел простуженным голосом:

— Усе деревья, как деревья... А эта одна — зеленая. Срамо-та...

Лес побежал, все снижаясь, в сторону и темные заячьи следы запестрели и завертелись на снегу.

— Ну, ты — туды, я — сюды, — буркнул Кирьян, — расходись.

И охотники пошли в разные стороны, крепко зажав в руках берданки.

—

Бесцветные, мутно-серые облака крыли вечереющее небо...

Кирьянова баба, покачиваясь и гремя ведрами, шла за водой.

Что и говорить — подозрительный он человек, Кирьян. Но только глянуть на крепкую, смуглолицую Дарью Петровну, так разве у сосуна в люльке не вздрогнет сердце. Ай, и хороша же бабочка! Поцеловать — да и помереть. В душу ей не заглянешь — не окна, а пожадуй не так уж и неправ подозрительный Кирьян.

Сумерки быстро выкатывались из-за каждого угла; мягкие облака бесшумно сметались за лес. Вечер был пустынный и холодный...

Под ногами у Дарьи юлил и вертелся ветер и будто еле-слышную песню шелестел улыбающейся казачке. Знает ветер все на свете. Знает и что — там, в смеющейся Дарьиной душе, схоронилось. Поет проказливый бедокур веселую песню:

Не вечеряя то звездочка высоко в небе взошла,
Бабочка-д-молло-дая по-здно по-воду по-ошла...

Две собаки встретили бабу лаем, но Дарья перекинула лишь коромысла через другое плечо и бойко зашагала дальше

...Прийди-и, прийди, мой разми-и-и-лай,
— За-авсегда дома одна...

Замерзшие лужи стояли вокруг колодца, и длинный журавец застыл на одной ноге, обратившись в сосульку. У колодца никого не было, но в тумане улицы замаячил знакомый силуэт. Дарья усмехнулась.

— Ишь... — подумала баба, слушая, как завизжал на разные лады примерзший журавец.

Ведро, колыхаясь и стукаясь о стены, спускалось все ниже и ниже и наконец плюхнулось об воду. Тотчас-же в глубине что-то загомонило и вдруг гаркнуло сердито:

— У-юй!..

Дарья обомлела. Что-то с грохотом поднималось со дна колодца.

Баба взвизгнула и, швырнув в сторону коромысла, опрометью понеслась прочь.

А из глубины вынырнула чья-то огромная косматая голова и поглядела вслед улепетывавшей Дарье. Гаркнула что-то и запустила вдогонку перепуганной бабе загорготавшее по кочкам ведро...

—

Вызвездило...

Белый лес сгрудился в непроходимые снежные стены. Робко мигали золотые ресницы звезд в темно-синей глуби небесной. Через лес медленно шел по запорошенной стежке Солтысов.

Устал, старый хрен. На печку-бы...

Расступается снеговая глубь, трещат под ногами сухие ветки, будто певучие хрустали...

Вон — темной горкой виднеется давешняя непутевая елка. И, будто запутавшись в колючих иглах, сквозит и мигает между ветками серебрянная звезда. Лохматые ветви смыкаются со всех сторон, дрожит и бьется звезда...

— Во-на... — подумал дед и пошел поближе.

Шут его знает, что за чудеса хоронит в себе морозная ночь?..

Звезда погасла, а между ветвей закачался, играя и пересвечиваясь, прозрачный камешек.

С минуту потоптался на месте изумленный Солтысов. Потом, перекрестясь, высвободил корявыми пальцами из ветвей дикобину и бережно опустил в кисет...

Придя домой, долго ворочался дед на печи и щупал находку; потом придумал подвесить ее на лампадку в святой угол.

Зеленая, расползшаяся луна выглянула из-за рамы и заструила колдовской свет через сосульчатые стекла. Тени стола и скамеек резко и таинственно выступили из темноты.

Солтысов спустил ноги с печи и поглядел в угол. Камешек ожил. Цветные огоньки засверкали в нежнозеленом свете луны и чудесные переливы зашевелились под иконой Богоматери.

Затаив дыхание, глядел дед в угол и мерещилось ему, будто какой-то сверкающий глаз горит и загадочно смотрит из угла...

—

Поздно ночью воротился Кирьян домой с рыжей лисицей за поясом. Устал Кирьян. И в отяжелевшем мозгу уже не стучалась надоедливая Акимова прибауточка:

...все бабы — слабы...

Зеленым светом отливала белая снеговая скатерть под лучами криворотой, несуразной какой-то луны. Искаженное, мертвожелтое лицо с трудом просовывало вздутую щеку между колючих веток терна и дергалось вверх в невероятной судороге. Это зрелище вселяло Кирьяну в сердце неприятную тоску.

— Чарты ее знают, што оно такое! — проворчал казак.

Далеко за Донцем кое-где виднелись огоньки в хатах, тусклые и неуютные.

Кирьян заспешил через реку, боязливо косясь на огромные следы, зиявшие во льду. И украдкой перекрестился...

На другом берегу ярко пылал красный огонь в кузне, слышался ожесточенный грохот, лязг и гулкие удары молотов. Кто-то бегал и суетился. Пыхтели меха и громадные языки пламени вырывались из дверей и разметывались тысячами огневых искр...

— Хм, — озадаченно подумал Кирьян, — хто-ж это ночью в кузне работает?.. Нашел время...

Молоты ожесточенней заклацали по наковальне, тени заметались быстрее...

— Пойтить... поглядеть, што-ля? — подумал казак. Но тут в кузне что-то загрохотало и загудело. Огонь исчез и все стихло.

Кирьян подхватил берданку и, крестясь, быстро-быстро засеменил домой, - безпрестанно оглядываясь назад...

—

Мохнатый, украшенный снежными узорами, лес реял хрустальным виденьем в нежных лучах утреннего солнца. Серебрянный иней блестел и огнился на деревьях, затканных в белые одежды и причудливой бахромой висел на ветвях. Пушистые лапы-ветки тянулись друг к дружке и искрились миллионами огоньков и звездочек. И всюду серебро и серебро сыпалось и сверкало в очарованном воздухе...

А через Донец, убегая в серебрянный лес, побежали два других гигантских следа, рядышком с первыми. Но уже подкованные на обе ноги...

шей энергией и большей радостью будем продолжать казачье дело и всемерно поддерживать Вас в трудной работе.

С большим волнением мы ожидаем и нашего включения в активную работу по борьбе за освобождение нашей родины, равно как и правового обеспечения всех казаков, находящихся в пределах Великогермании.

Слава Казачеству!

Атаман станицы **А. Ивашков.**
Писарь станицы **М. Флизани.**

—

12-го декабря 1943 г. в гор. Белостоке под председательством станичного Атамана П. И. Иванова состоялось собрание членов станицы им. А. М. Каледина в гор. Белостоке. Присутствовал и представитель Германской областной власти г. Гоффман.

Выслушав сообщение об историческом обращении Германского Правительства к Казакам, собрание постановило:

1. Собрание с большим волнением и чувством радостного под'ема выслушала признание за казаками исконных прав на свободное существование.

2. Просить ходатайства Руководителя Каз. Нац. Движения ст. В. Г. Глазкова перед Германским Правительством о включении и нас, казаков, старой эмиграции в ряды действующих казачьих частей, дабы и мы, старые борцы, могли снова принять непосредственное участие в борьбе против заклятого врага Казачества.

Мы, казаки, хорошо сознаем, величину жидо-коммунистической опасности, видим, как наши молодые казаки, бывшие под советским игом, теперь храбро сражаются на фронте и зовут к себе и нас. Мы не можем оставаться равнодушными к их призыву. В наших жилах течет кровь предков, стяжавших бессмертную славу вольных казаков, не знавших рабства и крепостного труда. На призыв Германского Правительства мы все верно и послушно желаем влиться в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы.

Председатель Сбора **П. Иванов.**
Секретарь **Г. Зубашев.**

—

С глубокой радостью и чувством глубокого удовлетворения прочли мы историческое об'явление Германского Правительства к Казакам от 10. XI. с. г., помещенное в «Казачьем Вестнике» № 24 (55).

Итак, первый и главный этап долголетней работы Национального Казачества достигнут. Теперь для нас, казаков, открываются новые возможности, но и большие обязанности, новая еще более интенсивная работа.

Зная и будучи глубоко уверены, что Вы много работаете на пользу Казачества, мы просим Вас теперь, основываясь на указанной декларации, возбудить ходатайство об улучшении положения **всего** Казачества, об удовлетворении стоящих перед ним неотложных и всесторонних задач. Мы, как Ваши помощники, приложим все свои усилия в том же направлении. Во всех Ваших начинаниях на благо Казачества нами и в будущем будет оказываться полная и всесторонняя поддержка.

Слава Казачеству!

Заместитель Атамана ст-цы имени ген. Т. М. Старикова в гор. Ромбах **Ф. Карманский.**
Казначей-писарь ст-цы **С. Губарев.**

—

С. М.

ЧОРНОМОРЦІ НА КУБАНІ.

3. Землеволодіння.

Світогляд Запорожжа відбився і в тих формах користування землею, які ятворилися на Чорноморрю. Поперед всього, в наслідок того, що земля була коллективною власністю Війська, кожний козак мав невід'ємне право на користування нею, по стародавньому праву вільної займки. Кожний козак був зобовязаний службою, мусив мати матеріяльні засоби для «справления на службу» і їх йому давала земля, яку черноморець намагався забезпечити від захватних стремлінь сторонніх Війську людей — гіркий досвід козацтво мало за собою.

Внутрішні форми землеволодіння регулювалися головно звичаевим правом. Всі у Війську були рівні, всі мали однакове право на користування землею і рядове козацтво завше ревниво охороняло цей принціп від зазіхань свого ж брата. Такі спроби почалися незабаром з боку своєї ж старшини, а за ними і курінних богатирів та більш заможного козацтва. Земельні порядки склалися раніше, коли Чорноморці сиділи ще на Слободзеї, а туди вони були занесені з Січі Запорозької, де вони викристалізувалися від часів кошового Калниша, коли Запорожжа переходило до нових форм господарського життя.

Перша дісгармонія була внесена «Порядком общей пользы», який зробив два нововведення; перше — було постановлено видавати «открытые листы», «на вечное спокойное владение» дворами, млинами, лісами, садками, виноградами, хуторами та риболовними заводами, а подруге — «в отменное воздаяние старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям общих его войска благ» дозволялося осажувати при хуторах «родственников и вольножелающих людей». Таким чином, як це вже було в практиці Гетманщини та Слобідської України, на Чорноморрю мусили развинутися приватна властність на землю, усиления матеріальної мощі старшин, а звідси і всі небажані для козацтва наслідки. Дійсно далі всі земельні відносини на Чорноморрю проходять під знаком боротьби курінної громади проти тенденції захвата громадських земель старшиною у «вічнеспокійне володіння».

Чужинец.

Немецкое казакофильство.

(в конце XVIII и в первой половине XIX-го века).

(Продолжение.)

Эпоха наполеоновских войн наполнила немецкую литературу массою сведений о казаках, разбросанных в разных изданиях (и — по большей части — неиспользованной до сих пор ни русскими, ни казачьими историками). Возьмем из нее 2 книги, специально посвященные казакам, — одну фон Плото (1811 г.), другую — Карра (1814 г.). Автор первой Карл фон-Плото был прусским премьер-капитаном в гвардейском пехотном полку и кавалером русских орденов (Анны 2-й и Владимира 4-й степени). Тем более любопытна его книга с длинным названием*): «Казаки или их история от начала их и до современности, с изображением их образа правления и их местожительства».

Плото приглашал немцев подойти к казакам, «подобно человеку, устремляющемуся из беспокойной давки блестящего города к тебе, о! священная дружественная природа», последовать за сочинителем «в тихую хижину человека природы, т. е. казака.

Очень поэтически описывал автор «благословенный край», у Черного и Азовского морей, «страну нынешних (1811) казаков»; движение орд с востока на запад, оседание на месте их обломков, присоединение к ним на берегах рек отдельных несчастных, ссыльных, изгнанников, об'единение их для самозащиты. «Долго тянулась борьба за свободу, которую вела молодая орда... против татар, и борьба против беззаконных страстей своих же сочленов. Зато, сколь мало значительна была она в начале, поднялась она если не на высоту нации в полном смысле этого слова, то во всяком случае заслуживающей уважения народности, принадлежащей по языку и религии ныне к Российской Империи и составляющей, как легкая кавалерия, главный контингент ее армии» (с. 3-4).

Очень сожалел Плото об отсутствии цельной и специальной «Истории Казаков, сего воинственного народа», и об'яснял это обстоятельство «грубыми нравами и постоянными войнами» казаков. «Граждане первого республиканского казачьего государства на Днепре были, как их потомки и ныне, храбры, предприимчивы, веселы, даже легкомысленны, но составляли настоящий, прямой, просто думающий и добродушный народ, равный по воспитанию спартанцам, а по умению владеть оружием — римлянам». Они не покорили под свое иго никакой части света, но свои стада и алтари они защищали мужественно и стойко, и предпочитали тяжесть своей непостоянной и беспокойной жизни — изнеженности и рабству».

Если казаки не совершили того, что афиняне или римляне, то «никто не может отнять у них заслуги, что они одни спасли центральную Европу от затопления восточными варварами; что они открыли и завоевали — полмира — Сибирь; а Днепровские казаки замечательны еще и тем, что свои войска сделали втечение столетий страшными для властителей тронов — польского, турецкого и русского» (с. 56).

По утверждению Плото, казаки основали самостоятельное государство, под именем: «Донские казаки». Это государство послужило родоначальником многих новых ветвей казачества, и «еще теперь, когда украинские казаки давно уже распущены и закрепощены, сохраняет свою свободную конституцию, хотя и измененную несколько духом времени».

Для истории донских казаков фон-Плото считал нужным обратиться вспять к «Казахии», косогам и к «покорению в 1462 г. русскими татарских казаков ордынских, азовских и «меторийских» (methorischen). С примесью к ним (?! автор не указывает к к о м у именно) осевших здесь казаков и получились «нынешние донские казаки», которые вскоре же основали «весьма значительное государство».

Решительным моментом в истории донской конституции было покорение Крыма — границы отодвинулись и нужда в казаках стала меньше. Для внушения соотечественникам уважения к казакам и даже почтения, фон-Плото рассказывает историю взятия Азова и, особенно, защиты его от громадной турецкой армии. Этим воздвигли они себе «почетный памятник на удивление всех воинов всех времен».

Разиновщину фон-Плото считал «к а з а ч ь е й революцией». Булавинское восстание, в его глазах, это «благородное самопожертвование Донских казаков для защиты нашедших у них приют беглецов, искавших свободы»!! Семь тысяч казаков легло жертвою этого заступничества.*)

Донскую «конституцию» 1811-го г. фон-Плото считал «родом республиканского образа правления» (Regierungsform); о з н а ч е н и и войсковых атаманов он не подозревал! Хвалил Платова, «вышедшего в атаманы из рядовых казаков». Ему было известно, что «национальный цвет донских казаков — синий» (с. 62). И его сравнение национальных черт донцов и русских было в пользу казаков; особенно восхвалял он казачку! Подчинение русскому протекторату яицких казаков фон Плото относил к временам Михаила Федоровича, получение первой «определенной конституции и многих привилегий» к 1700-му году (?). Мы не будем рассказывать, как описывал автор книги борьбу за независимость, а затем за автономию яицких казаков, равно и положение служилых войск, вообще, в 1811 г. Одно можно сказать, что в его чине и звании, при его связи с русскими официальными кругами, при тогдашнем положении Пруссии, этот прусский капитан высказал себя и большим поклонником свободы, и искренним другом казачества. Ошибки его в изложении фактов не так уже велики (особенно, для иностранца, да еще в те времена)!

(Окончание следует.)

*) Carl von Plotho „Die Kosaken oder Geschichte derselben von ihrer Ursprunge bis auf die Gegenwart, mit einer Schilderung ihrer Verfassung und ihrer Wohnplätze. Berlin, 1811.

*) Жертв подавления булавинского восстания было гораздо больше, не считая ушедших за Некрасовым в эмиграцию.

Казачья старина.

Вже р. 1797, останній кошовий з запорозьців, Котляревський, який сам, як писарь, мусив брати участь у складанні «Порядка общей пользы», але, очевидячки, був у оппозиції Чепізі, і головно, жонатому, заможному, Головатому, добивается повернення Війську старих запорозьких порядків. Він своєю властью «разделение земель и лесов уничтожил; рубить порядком лес каждому для своих надобностей позволил, казаков употреблять на партикулярные работы запретил, винный откуп упразднил»..., але не надовго — боротьба йшла з переміним успіхом, поки в решті, не перемогла старшина. Вона допомогла витиснути з хуторів рядове козацтво та порушувати його хуторське господарство, але сама залишила за собою захвачені «під млинок, ставок та вишневий садок» найкращі землі. Пізніше вони і були закріплені спочатку в р. 1842, як «пожизненные», а в р. 1870, як «потомственные участки», по встановленних центром нормах: обер-офицерам 230 дес., штабоф. — 430, генералам — 1530, а козакові — пай у 30 десятин. Все ж таки кількість хуторів росла: в р. 1806 їх було 66, в р. 1821 — 1766, а в р. 1825 — 2265.

4. Життя на Кубані. На перших порах Чорноморці займалися головно скотарством і рибними та звіриними промислами; хліборобство було мало розвиненим і довший час хліб привозився з сусідньої Лінії. Почасти було підспорьем виноградарство і садівництво, бо по Чорноморрю, при бувших тут ранійше оселях, залишилося досить садів і родючого дерева взагалі, на охорону і розведення яких В. Правительство звертало велику увагу. Скотарство було головним видом господарства аж до часів визволення кріпаків в р. 1861-му, коли кордони Чорноморря були відчинені для вільного поселення «городовиків» не козаків, і почалася доба зернового господарства. Головне богатство Війська було в рибних промислах та експлоатації солоних озер. Нежонаті сірома займалася звіриним промислом, який разом з прикордонною службою, виробляв славнозвісний тип чорноморського пластуна, так яскраво намальованний Кухаренком у його коротенькому одноїменному творі.

Не дивлячися на такі природні богатства, рядове козацтво жило дуже бідно, у великій нужді та злиднях. Тут головну ролю грали: військова служба, яка відривала робочі руки від господарства, обмежена кількість жінок, нездоровий клімат, а почасти і непристосованність сіроми до сімейного життя. Сірома виявляла вперте небажання осідати на землю, не дивлючися на те, що Військо давало кожній новій родині по 100 карбованців на обзаведення. Часто бувало, що козак женився, прогулявши «обзаведення», а потім втікав від жінки в плавні («пластувати», або і на Дунай до запорожців; були такі, що і по кілька разів «женилися».

Зараз же після поселення Чорноморців на Кубані, туди почався приток біглих та бездомних людей; це нераз вело до зарліток з російськими властями, але і цього підповнення було мало. В. Правительство само вимогало від Центрального уряду присилки переселенців, в наслідок чого у р. р. 1809-11 з Полтавщини та Чернігівщини було переселено 41.534 душі, в 1820-25 р. — 48.383 душі і з 1845-50 р. — 15.500 душ, майже на половину жінок, бо як раз вибіралися «многожіночі» родини. Однак, цього було не досить: переселенці у нових кліматичних умовах, та і по дорозі, страшенно вимирали, і приріст населення був не великий.

Тяжко було поперше жити на Чорноморрю.

Зліпшення умов життя і акліматизування населення прийшло поволі, згодом.

З початку XIX ст. Військо почало відчиняти школи, а в р. 1820 вже малася Військова гімназія і 10 шкіл, головно приходських. Культурними провідниками на Чорноморрії було тоді духовенство, яке на початках чорноморського життя на Кубані було виключно свое — козаче, а тому і користувалося в козаків надзвичайним впливом і пошаною.

«...до последней четверти 17-го столетия Донские казаки были совершенно независимы от Москвы и в отношении других своих соседей вели свою политику, часто совсем не соответствовавшую видам Московского Правительства».

Столетие Военного министерства. 1802—1902 г. г., т. 2, ч. I, стр. 17.

ХРОНИКА

— По распоряжению Руководителя казначеем КНД была послана очередная сумма для казаков-беженцев, как добровольное пожертвование членов КНД к празднику Рождества Христова.

— 11. XII. 1943 г. в гор. Гайнувке (Вост. Пруссия) состоялось общее собрание казаков, проживающих в Гайнувке и Беловежьи, в присутствии представителя Германской власти в Белостоцкой области г. А. Гоффмана, Ведущего местными организациями в Белостоцкой области ст. В. Т. Еремеева и Атамана Белостоцкой ст-цы П. Иванова.

В этот день любезностью властей казаки были освобождены от работ, а городским головой был для собрания предоставлен большой зал биографа. Местным доверенным КНД ст. войсковым старшиною Ф. Пятибратовым был выставлен из казаков почетный караул с оружием для встречи гостей.

Собрание постановило образовать станицу КНД. В правление станицы были избраны: Атаманом ст-цы Н. Исаев, Заместителем Атамана Н. Князев, Помощником А. Никулин, Писарем И. Попов. Правление станицы будет находится в гор. Беловежьи. Старшим группы в гор. Гайнувке остается ст. М. Топорков.

Состав правления, согласно представления Ведущего ст. В. Т. Еремеева, был окружным Атаманом ст. В. И. Бабичем утвержден.

— Окружным Атаманом КНД в Германии ст. В. И. Бабичем утвержден хутор КНД в гор. Васильковe (Вост. Пруссия). Старшим хутора является ст. Г. Бочаров.

— В Праге 14 декабря 1943 г., впервые за время Протектората, на вечере военнослужащих и рабочих главного Германского военного интендантства в Протекторате, по инициативе ст. А. А. Троценко и под управлением ст. Ф. И. Бардина, в Пражском немецком доме, состоялось публичное выступление местного казачьего хора, большинство членов которого работают при Германском интендантстве.

По отзывам публики, выступление хора имело большой успех. Слушателям весьма понравилось казачье хоровое пение, точность и четкость его исполнения, равно как и стройное и дисциплинированное выступление казаков, выступавших в казачьих национальных костюмах.

Исключительный успех выпал на долю казаков-танцоров ст. инж. С. К. Медведева, Н. Сибилева и Д. Щелконогова.

Инициаторы выступления ст. А. Троценко и Ф. Бардин получили от чинов интендантства и воен. командования благодарность и пожелание видеть новое выступление и в будущем.

А. Т.

— Членами Казачьей Национальной станицы КНД в Кнейттингене (Вестмарк) было собрано 70 RM, как скромный подарок казакам-беженцам к празднику Рождества Христова.

К сведению читателей!

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании), посредством которых можно послать как подписную плату за «Казачий Вестник» на 1944 год, так и добровольные пожертвования на поддержку издания «Каз. Вестника».

Неуплатившим подписной платы до 15-го января 1944 года «Казачий Вестник» высылаться не будет!

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе
50 пфеннигов за строчку.

Лиц, знающих местопребывание **Тимошенко** Григория Павловича, 51 г., Кубань; **Волкодава** Григория, 40 лет, Кубань; **Шабатуры** Федора Емельяновича, 46 лет, Кубань; **Затенко** Григория Максимовича, 41 лет, Кубань; **Затенко** Андрея Максимовича, 43 лет, Кубань; **Наумова** Давида Максимовича, 42 лет, Дон; **Сизякина** Прохора Григорьевича, 55 лет, Дон; **Демина** Сергея Акимовича, 48 лет, Дон; **Пухляковой** Веры Владимировны, 56 лет, Москва; **Попова** Александра Николаевича, 60 лет, Новочеркасск, Дон; **Бабаева** Кузьмы Данидовича, 51 лет, хут. Пиева, Моздок, Терек; **Захарова** Алексея Григорьевича, 42 лет, ст. Старо-Михайловской, Кубань; **Репникова** Степана Тарасовича, 50 лет, ст. Кепинской, Дон; **Лаврентьева** Петра Прокофьевича, 50 лет, ст. Марьинской, Терек; **Кадыкова** Герасима Иосифовича, 40 лет, ст. Боковской, Дон; **Кавалева** Ивана Гавриловича, 47 лет, ст. Заплавской, Дон; **Алеменьева** Василия Ивановича, 46 лет, ст. Лабинской, Кубань; **Мачнева** Василия Владимировича, 50 лет, ст. Ильинской, Кубань; **Матвиенко** Ильи Васильевича, ст. Васюринской, Кубань; **Ковалева** Данила Ивановича, 60 лет, ст. Заплавской, Дон; **Харитонова** Михаила Тимофеевича, 41 г., Дасун, Благодаренский район, просят сообщить в редакцию «Казачьего Вестника».

— **Леонова** Владимира Петровича, казачьего офицера, попавшего вместе с итальянской армией в Италию, просят откликнуться Anna Statzewitz, Dolinsca-Podlesuni Molokow, 22, Schmerinka, Mohilew-Podolsk, Transinstria, Rumänien.

— **Ст. Е. С. Басакин** собирает слова казачьего разговорного языка. Им уже собрано несколько тысяч слов. Настоящим обращается с просьбой ко всем казакам посылать известные им слова через «К. В.» или ему непосредственно по адресу:
E. Basakine, Neuilly s/Seine, 18, rue Perronet, Frankreich.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinske muzeum, Praha-
Nusle II,Gutenštejnská 6

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 2 (59) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го ЯНВАРА 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

Вл. Еремеев.

Сила идеи.

Существует общепринятое понятие, что настоящая война, превосходящая своими размерами прежние военные конфликты — это война идей, двух взаимно отрицающих мировоззрений и единственным исходом ее может быть торжество одной идеи при уничтожении другой. О компромиссах здесь нет речи. Так огромна пропасть, разделяющая эти два мира.

С одной стороны — могучий порыв национального возрождения, творческой инициативы, развития свободного духа, с другой — отрицание личной инициативы, порабощение духа и психологический террор над людьми, постепенно утрачивающими способность самостоятельного мышления.

С одной стороны стали люди с полным сознанием своей правоты, борятся во имя нового порядка в Европе, обеспечивающего спокойное развитие всех национальностей, с другой — звериная ненависть ко всем нациям и полное закабаление всех народов под нераздельное владычество еврейского интернационала.

Казачий народ определенно стал на сторону национального возрождения, а в лице Казачьего Национального Движения, Казачество приобрело идейную силу, утверждающую его существование, как отдельный народный организм и приобщающую к историческому процессу жертвенного выковывания нового порядка в Европе.

Декларацией Германского Правительства и Главного Командования от 10-го ноября 1943 г. за казаками признаны исконные права на их Землю и свободное существование, а Казачья Армия, как первая из восточных народных Армий, зачислена, как союзная Великогермании. Этот исторический документ говорит, что казаки в целом еще раз доказали всему миру свою непримиримость к жидо-коммунистическому режиму и историческую обособленность от других народов, а особенно от Москвы, вопреки сложившемуся мнению, что казаки — русские. Несмотря на долгое подневольное существование под влиянием Московского государства, Казачий народ не затерял своего народного самосознания и, при первой же возможности, стихийно стал на дорогу самобытности. В гигантической борьбе двух миров на долю Казачьего Народа выпала очередная историческая задача — осуществить идею свободного существования. Но как надо понимать идею свободного существования? Является ли она жизненной силой, исходящей извнутри народной психики или остается только поэтическим идеалом интеллигенции, не запустившей корней в народе?

Ответ должен быть ясен, точен и только один, конкретно ставящий народ в политические рамки. Других понятий не может быть, как для казаков-фронтовиков, перешедших массами на сторону Германской Армии и носящих в себе тлетворные следы советского воспитания, для казаков-беженцев, испытавших на себе 23-летний большевицкий террор и, наконец, ушедших из своей Родины, так и для казаков-эмигрантов, влачивших, более 23 лет, скитальческую жизнь вдали от своей Родины.

От 1914 года не устает бурный процесс переоценки понятий, идей, основного пересмотра экономических влияний. На арене политического мира появлялись и исчезали государственные образования и вновь зарисовываются очертания новых образований. Война не окончена и процесс выкристаллизирования новых понятий, новых народных организмов продолжается. От степени подготовленности национального самосознания, народной сплоченности, а также в зависимости от условий военных событий, как внешнего фактора, каждый народ готовит свое счастье. Но самым решающим фактором в жизни возрождающегося народа является **сила идеи,** соединяющей всех членов нации в одну крепкую семью единомышленников.

Казачий народ пережил период, обременяющий его быт, зависимости от Российской Империи, разорван на части и уничтожаем кровавым бунтом красного Хама, во имя углубления Великой Революции для интересов еврейского кагала. Все это оставило тяжелый след в его психике, но не искоренило его самосознания. Рассеянных по свету казаков соединяет попрежнему свободный казачий дух, национальное родство от сотен лет. В конечном исходе войны все они соединяться разом, чтобы совместными усилиями строить свою лучшую будущность, свое счастье. Учтено должно быть недалекое прошлое внешних влияний, совершенных ошибок, как непродуманных и политически не созревших актов, стоивших больших жертв всему Казачеству, научиться думать одну думу казачью и, в будущем, стараться не повторять прежних ошибок. Идея национального возрождения должна быть разработана од мелочей, стать уделом каждого казака и пройти через толщу казачьего самосознания. Она должна загореться ясным огнем путеводной звезды притягивающей всех взоры и зовущей к заветной цели.

Велика роль идеи, ведущей народ по начертанному пути к ее осуществлению. **Без идеи немыслимо никакое движение, никакая борьба.** И наоборот, идея не может оторваться от природной психики своего народа и остаться пустой мечтой маниаков. Ее обязанностью есть, — овладеть самодавлеющей силой — народной массой, воодушевить ее и практически указать ей вехи на пути служения одной цели. Идея должна быть глубоко жизненна и отчетливо отражаться во всех проявлениях жизненных актов коллективной воли народа, а особенно, в печати.

Казачья печать имеет пред собою более сложную и более ответственную задачу. Она должна отряхнуть старую архивную пыль с казачьей седины и перевоспитать молодое поколение, не вкусившей еще полностью сладостной надежды на национальное возрождение. Она должна зажечь в душе каждого молодого казака священный огонь казачьей гордости и высоко держать знамя слияния всех казаков в одну национальную семью. Воспевая казачьи традиции и славное прошлое, она должна воскресать дух старины, в период казачей вольности, приобщать казаков к идее служения **только казачьим интересам** и звать на новые подвиги во имя этой вольности. Только сильная духом, скрепленная чудодейственной силой идеи может казачья нация существовать в семье народов Европы. Так, как сильна идея национал-социализма Великогермании, цементирующей теперь всех немцев в один крепкий монолитный организм, способный стихийно воодушевляться, иттина величайшие в мире подвиги, проявляющий чудеса общественной сознательной дисциплины и порядка, так и **казачья национальная идея имеет пред собою задачу создать из своего народа единственный и крепко спаянный монолит со своим собственным именем и со своими собственными стремлениями.** Тогда и жертвы и страдания, понесенные во имя идеи, будут ценнейшим фундаментом в новой жизни. Нельзя допустить, чтобы народ, выковывающий свою будущность, жил различными убеждениями и не сумел подчить собственное самосознание служению общей цели. В таком народе таятся зародки внутреннего разложения. Жлет его трагедия и печальная участь отживших свой век.

Казаки: — эмигранты, беженцы и фронтовики — все ушли от страшного большевицкого гнета, все одинаково выразили свою непримиримость к коммунизму и этим показали полное единство мысли. Это первый шаг народного единодушия, проделанный с большими жертвами сегодня. Но этот шаг еще не окончен — он в процессе своего завершения. Окончанием его будет — победа над большевизмом. Мы стоим накануне нового дня. Завтра наступит осуществление идеи. Дребезжит утренний свет лучшего будущего, но успела ли идея охватить умы всех казаков? Пока уходили от страшных когтей НКВД все стремились очутиться за полем их действий, но еще не все точно могли осознать казачью национальную идею, **во имя которой следует бороться, жить, самоотверженно нести жертвы и, наконец, победить.** На широких степных просторах Казачьей Родины рассеятся темные силы безбожного материализма и ярким пламенем засияет родная, казачья идея, несущая веру в Бога, семейное счастье, творческий порыв к труду и счастье правдивое, не выдушенное кровавыми лапами звероподобного Джугашвили, которому должен был народ голодный и глубоко несчастный петь песни о «счастливой жизни».

1944 год станет годом, многообещающим для казаков, если идея казачьего национализма проникнет в душу каждого казака и казачки и приготовит их к служению своей многострадальной Родине — Казакии. Казачий Народ не может сойти со своего исторического пути. Сила идеи поднимет его до положения полноправных народов Европы, а над Казачеством высоко взовьется гордое знамя степных рыцарей, об'единенных единой мыслью возрождения славного прошлого.

Пусть каждое казачье сердце наполнится несокрушимой волей к борьбе за свободу. Казачество должно бороться, бороться с полным напряжением всех своих сил за свое бытие, за свою жизнь, ибо только при этих условиях Казачество не умрет, но будет существовать, развиваться и крепнуть.

В. Глазков. «К. В.» № 51-52.

И. Безуглов.

Казаки, помните о них.

9-го января, в годовщину смерти Санжи Басановича **Балыкова,** я особенно тяжело почувствовал эту потерю, которая была тяжелой для всего национального Казачества. Кто знал С. Б. Балыкова, тот поймет мое душевное состояние и низко склонит голову в знак глубокого траура по скромном, честном и бескомпромиссном пропагандисте казачьей национальной идеи, в которую он безгранично верил. Его мечте, возвратиться домой и работать в журналистике, не суждено было осуществиться, ушел в лучший мир, но память о нем в Казачестве должна быть вечной. Вспомнились мне сегодня и другие борцы, за лучшую долю Казачества, память о которых каждый казак должен свято чтить и ставить в пример всем, как образец любви к родному Казачеству и готовности жертвовать всем ради его счастья.

Первым опустил нас молодой поэт Юрий Федорович **Гончаров,** который один из первых отозвался на призыв «Вольного Казачества», в котором сотрудничал до своей смерти.

Молодой полковник, Михаил Федорович **Фролов** — один из основоположников Вольного Казачества, который добился издавать первый казачий национальный журнал «Вольное Казачество», и тем самым впервые печатным словом начала шириться по всему свету идея казачьего национализма.

Годы войны отразились на его здоровьи и молодой борец умер. Казаки! Помните о нем!

Генерал **Стариков** Терентий Михайлович, герой Великой и казачье-освободительной войны, первый из генералов стал в ряды Казачьего Национального Движения, возглавляя национальный Комитет, сотрудничал в журнале и оставил после себя много исторических трудов..

Баян вольного казачества, Борис **Кундрюцков.** Так подписался поэт в книге посетителей в 1932 году, во время посещения Донского архива в Праге. Всю свою сознательную жизнь "посвятил пропаганде казачьего национализма. Вместе с П. С. **Поляковым** пробуждали Казачество в Югославии, где работа была особенно трудной потому, что противники, пользовавшиеся влиянием, вредили на каждом шагу.

Работа по организации казаков националистов была успешно проведена. Как поэт, Кундрюцков в казачьей национальной литературе занял такое место, как классики в русской. Сотрудничал во всех казачьих газетах и журналах, всюду проповедывая национальную идею.

Полковник Владимир Иванович **Балабин,** атаман Южинской национ. станицы. Смелый борец за казачье дело. Тяжким трудом зарабатывая на пропитание, все свое свободное время отдавал пропаганде казачьей идеи. Устраивал доклады по казачьей истории, раз'езжал по всей Франции и сотрудничал в журнале, где призывал казаков сплотиться вокруг своего национального органа.

Полковник **Назаров,** брат героя Атамана, погибшего от пуль большевицких бандитов. Был талантливым поэтом, стихи которого были проникнуты горячей любовью к Казачеству, болью за его страдания и верой в его славное будущее. Покончил счеты с жизнью, не выдержав тяжкого эмигрантского бытия.

Инженер **Тулаев,** окружной атаман быв. польского округа, работал по консолидации казачьих национальных сил в б. Польше. Погиб от руки советских чекистов, не успев отступить перед советской оккупацией.

Есаул **Тищенко** Степан Лукьянович, от начала работавший, как пропагандист казачьего национализма. Много сделал для Казачества, что в свое время будет освещено казачьими историками.

Есаул **Трофимов** Александр Никонорович, начал работу с выходом в свет «Вольного Казачества», был одним из учредителей Общества ревнителей Казачества в Париже. Сотрудничал во всех газетах и журналах. Его научные изыскания о Степане Тимофеевиче Разине были самыми обширными из всего, что было до сих пор о Разине написано. Свой труд есаул Трофимов напечатал в журнале «Казакия».

Вот, станичники, перед вами Пантеон казачьих борцов за лучшую долю национального Казачества. Долг каждого казака свято чтить память о них и не забывать, что все силы свои они отдавали служению своему казачьему народу и **Казакии.**

Два флага — одна борьба. Каждое утро с большой гордостью казаки поднимают наряду с Германским флагом и свой флаг, под которым они вступили в борьбу за свою свободу.

Archiv „Der Kosakenbote".

8-го января с. г. Германское Верховное Командование снова сообщало о доблестных воинских успехах крупных самостоятельных казачьих соединений, действующих на различных участках фронта.

Козаки проти большевицьких банд.

Не всі козаки мають тепер батьківщину там, де Терек котить свої бурхливі хвилі чи Дон несе спокволу до моря свої брунатні води. Вони почувають себе дома всюди там, де небо високе, а Кремль далеко, по селах, що захоплено вітали при вступі німецькі війська й приєднались до них, коли вони рушили в західному напрямку. Відтіля вони прийшли, спонукані прагненням волі.

Протягом деякого часу московські можновладці залицяються до козаків, які не хотять і чути про большевизм, бо з карими експедиціями до них тяжко підступити. Тисячами й поодинці тікають вони ще до того, як большевики, встигнуть змусити їх до військової служби, інші приходять з сіл і вимагають зброї, щоб битися проти поневолювачів і ворогів їхньої батьківщини. Німецькі вояки відразу пізнають цих юнаків з різко окресленими обличчями, цих незрівняних вершників, танцюристів і співаків. Їхній войовничий інстинкт заступає, проте, їхню добродушність, коли з них починає бити полум'яна ненависть.

Вперше вони приєднялися до німецьких загонів на південній дільниці східного фронту. Тепер їх можна бачити далеко від їхньої батьківщини, під сонячним небом південно-східної Европи. Вони вже вишколені на військових учбових майданчиках і це полегшує й уможливлює їм з технічного боку виконувати ті бойові завдання, що їм доручені. При цьому можна ідеально використати наявні особливості щодо ставлення й настроїв.

Справа стоїть далеко не так, як хоче собі уявити британський прем'єр. Балкани зовсім не перебувають у полум'ї. Це відбиски, що їх він бачить там. Банди посуваються бездорожними гористими місцевостями, наскакують, убиваючи й палячи все на віддалені села, висаджують подекуди в повітря мости, руйнують іноді залізничні колії або нападають на поодинокі чи слабо охоронені автомашини. Це непов'язані одна з одною, епізодичні сутички. Побитий, обізнаний з умовинами місцевости ворог, уникає одвертих боїв. З ним завжди треба бути напоготові й бити його власною зброєю. І це завдання саме для козаків. Створені з них полки вже протягом кількох тижнів успішно беруть участь в операціях проти бандитів.

(Продовження на 2 стор.)

Полковник Д. Атаманцев.

По казачьему шляху.

Дата 10-го ноября 1943 г. открывает нам новую страницу Казачьей истории. Если до сего времени казачий вопрос стоял для многих в неопределенном положении и был предметом внутренних споров между казаками-националистами, казаками-«русскими» и великоруссами, то теперь акт Германского Правительства, основанный на историческом прошлом, решает эти споры точно и определенно.

В настоящее время для нас, казаков, неважно, кто кто-то там нас считает беглыми, нагаечниками и опричниками, а важно то, что в борьбе против иудо-московского произвола и разгула, рядом с могучей Великогерманской Империей стоит вновь возродившееся Казачество, занявшее почетное место в семье народов новой Европы и заслужившее право на свое существование героической борьбой, как в прошлом, так и в настоящем.

Казачий народ связал свою судьбу с судьбой Германского народа и закрепил верность этому союзу не каким-нибудь договором, а собственной кровью, обильно пролитой на общем поле брани.

Отступления быть не может. Всем тем казакам, которые еще не определили свое казачье место, теперь же необходимо смело и честно открыть свое лицо и сказать крепкое казачье слово, как сказал уже бывший Атаман В. В. Д. генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов.

Все виляния, неопределенность и тому подобные эквивоки недостойны казачьего имени и, естественно, должны рассматриваться, как уклонение и нежелание быть в стане борцов против красного хама.

Всем колеблющимся, всем говорящим: «все это хорошо, но...» пора понять, что настоящая борьба — не борьба народов, а борьба против зла светлой Правды, борьба за право жить, свободно исповедовать свою религию, за право быть человеком, а не рабом жидо-большевизма.

Все монархисты, демократы и социалисты разных толков должны это понять теперь, иначе будет поздно.

Все руссофилы должны сознать, что нет больше России, нет той могучей великой Империи, вера в которую могла бы изменить их отношение к свободному Казачьему народу, союзнику Великой Германии. Там, на месте этой былой России, простиравшейся от берегов Вислы до Великого Океана, уже четверть века царят голод, нищета, позор, разбой и наглое поругание человеческого достоинства.

Нет больше и того императора, который мог сдерживать все страсти своих разнородных подданных. Над ним надругались свои же русские люди, очернили, оклеветали, снизведя с пьедестала Божьего Помазанника на положение народного палача и кровопийцы, а затем предали на ужасную смерть иудеям, умыв, подобно Пилату, руки в содеянном преступлении.

Нет больше и того богоносца русского мужика, который превратился теперь в богопоносца, залившего собственную землю потоками крови и восприявшего заразу большевицкой чумы.

Уже давно нет той «Матушки России», в которую многие верили и надеялись, и которая ныне докатилась до сталинского разгула.

Кто не хочет понять этого, тот или политический слепец, или занимающийся самообманом. Ему нет извинения и оправдания пребывать в невинном, якобы, неведении и закрывать глаза на прошлое и настоящее.

Каждый, в ком сохранилось хотя бы маленькое чувство человеческой совести, кто сумел предохранить себя от заразы большевицкого яда, тот должен стать безоговорочно в ряды бойцов против дикой коммунистической орды, надвигающейся с Востока и готовой затопить Европу потоками крови и ужасного рабства.

Мы же, казаки националисты, спокойно перенося все нападки, будем счастливы и горды тем, что на нашу долю выпала честь быть одним из тех оплотов, о который безусловно разобьется красная волна. С верой в Бога и с надеждой на свою силу Казачью, станем еще сплоченнее, еще крепче в наших казачьих рядах.

Хватит еще пороху в пороховницах, хватит и огня в казачьей крови, а как бить врагов — не забыли мы. С нами Бог, с нами правда и мы победим. Борясь против большевизма, мы готовим себе и своему потомству счастливую свободную жизнь на просторах нашего любимого и родного Казачьего Отечества.

Чужинец.

Немецкое казакофильство.

(в конце XVIII и в первой половине XIX-го века).

(Окончание.)

Вскоре появилась брошюра Карра «О казаках или исторические подробности о нравах, обычаях, одеянии, вооружении и о способе ведения войны сим народом».**) Вышедшая в 1814 г. и по-французски брошюра эта начиналась с утверждения, что «изо всех народов земного шара нет ни одного, который претерпел бы столько превратностей самых гибельных и столько несчастий, самых частых, как тот, кого в истории именуют теперь казаками» (гл. I).

Сорганизовавшись, казаки «искали спасения в могучем покровительстве царей и перешли под владычество России, которая им утвердила прерогативы, льстившие их склонности к независимости, коею они (казаки) одушевлены все время. Однако, это подчинение, столь выгодное для обеих сторон и особенно для России, было далеко от обеспечения казакам свободы, коей они жаждали и которая была им обещена самым торжественным образом, и навлекло на них самые многочисленные бедствия, бывшие следствиями царских капризов и непостоянства человеческих деяний» (с. 7-8).

С каждым царствованием появлялись «новшества и изменения, которые то похищали, то возвращали казакам их обусловленные договором прерогативы, и наконец, подвергли их игу рабства»...

Карр, конечно, думал о нации в государственном, а не этнографическом смысле слова, когда утверждал, что «ныне (1814) казаки не образуют уже, как когда-то, нацию в составе обширной Российской Империи. Они отличаются лишь, как племя, отделенное от других народов этой страны, к коей они принадлежат по их языку и религии. Сие племя, весьма полезное для русского правительства, образовалось незаметно от 1320-го по 1516-й год». Тут Карр, в значительной степени, повторяя сведения фон-Гакстгаузена.

По поводу казачьей державы, Карр писал: «Естественная связь была (в XVIII в.) закреплена насильственным уничтожением духа вольности, одушевлявшего казаков, вслед за их республиканской конституцией, превратив в ничто все заключенные с казаками договоры» (с. 46). Засим Карр излагал «вкратце, как казаки были сравнены с другими рабами русского деспотизма». Мы не будем следить за автором в этом изложении. Отметим лишь его замечание, что «в промежутке между 1775 и 1783 г. г. явная и своеобразная конституция казаков была молниеносно раздавлена всемогущим самодержавием российским».

Вообще, эпоха 1812—1815 г. г. изобиловала упоминаниями о казаках в немецкой литературе. Для всей северной Германии они, идя в авангарде союзных (русско-прусских, главным образом) армий, были вестниками национального освобождения. Но, немцы, приветствуя казаков, видели в них лишь своеобразную часть российских войск; лиц, задумывавшихся над их положением в составе Империи, было немного. К тому, чувство благодарности к императорской России (которая, по изгнании французов, свободно могла остановиться на границе и заключить с Наполеоном почетный мир), а затем и цензура в Австрии и Пруссии, преграждали путь к выражениям сочувствия казакам по поводу судьбы их «конституций». Но за военным значением казачьих войск немцы не переставали следить.

В конце 1820-х г. г. в немецком военном органе «Библиотека кавалериста», редактор его генерал фон-Бисмарк напечатал очерк «О казаках и их военной полезности». Это был текст доклада, который сделан был имп. Александру I в 1816 г. кавалерийским генералом Конст. Христофор. Бенкендорфом.*) Через 2 года в Париже вышел французский перевод статьи отдельной брошюрой.**)

«Эти народы — писал Бенкендоф — приписывают величайшее значение древности их старых обычаев и религиозным обрядам. То и другое — священно!» Бенкендорф порицал молодых донских казачьих офицеров за попытки вносить изменения в эту область.

Любопытно, что этот доклад так и остался неизвестным в России, войдя в немецкую и французскую литературу о казачестве.

Большая и обстоятельная книга о казаках вышла по-немецки лишь в 1860 г., что выходит за пределы нашей темы***). Что касается немецких путешественников 1830—1850-х г. г., писавших и о казаках, то мы укажем на одного из них — на барона Гакстгаузена.

Книга Гакстгаузена сделала много шума и была издана, как по-немецки, так и по-французски.†) Она носила название «Этюды о внутреннем положении, народной жизни и сельских учреждениях России». В ней он довольно широко коснулся казачьего вопроса.

Все приведенные нами данные из иностранной литературы о казаках, показывают, как она была богата и как, в сущности, мало знаем мы всю историю казачества.

---

*) Родной брат любимца Николая I, возведенного в графы, А. Х. Бенкендорфа, Конст. Бенкендорф умер в 1828 г. при осаде Шумлы.

**) „Des Cosaques et de leur utilité à la guerre. Mémoire rédigé et présente à Sa Majesté l'Empereur de Russie en 1816 par le general C. de Benkendorf, traduit de l'allemand, Paris, 1831.

***) A. von B. „Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung und gegenwärtigen Zustanden". 1860.

†) „Etudes sur la situtation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie" par le baron Aug. de Haxthausen. Hanovre, 1847—1853, v. I.—III.

**) L. J. Karr „Des Cosaques ou détails historiques etc. Rocueillis de l'allemaud" par L. J. Karr, à Paris, 1814.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» — ЕДИНСТВЕННАЯ КАЗАЧЬЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ИЗДАЮЩАЯСЯ НА КАЗАЧЬИ СРЕДСТВА. КАЗАКИ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ОБ ЭТОМ.

Из писем в редакцию.

Просим редакцию «К. В.» поместить нашу маленькую заметку-отклик.

Вечером 20-го декабря в наше общежитие приносят газету «Казачий Вестник». Сажусь за стол, вокруг меня 40 казаков. Читаю газету и вижу, что у многих стариков слезы на глазах. Молодые спрашивают у одного из них: «Что Вы, дедушка Федот, плачете?» — «Я, дети мои, не плачу, у меня и у нас, стариков, от радости слезы, от радости, что после долгих страданий и мук, после страшного большевицкого террора и глумления над Казачеством, остались еще и есть действительные казаки, которые о родном нашем Казачестве пищут и заботятся. Мы видим, что это наша казачья, родная нам газета и пишет только о нашем, близком и родном Казачестве и казаках. Не умерла казачья честь и слава, и не должна умереть, раз мы имеем таких казаков. И, если и мне разрешили бы взять оружие в руки, то, несмотря на мои 60 лет, не один бы большевик и их приспешник сложил бы голову!»

После общей читки газеты до поздней ночи слушали рассказы стариков о борьбе казаков за свою свободу и жизнь, о богатствах казачьей Родины, о вольной степи и далеких хуторах и станицах.

Мы горды тем, что наше Казачество признается самостоятельным народом, что у него отнималось, несмотря на его долгую и твердую борьбу. Мы должны отстоять свое право на жизнь, на свою свободу, а этого достигнем лишь тогда, когда сплотимся еще крепче вокруг наших руководителей. Мы знаем, что в случае победы большевизма Казачеству грозит полное физическое истребление, расправа с нашими отцами и братьями, застенки и подвалы НКВД.

Жить или умереть. Жить вольно и свободно, или же умереть в борьбе за нашу Казачью Волю и Свободу, но никогда не быть рабом! — Таков ответ 40 казаков-гундоровцев.

По поручению: **Д. Т. Трифонов,** атаман хутора Королевка ст-цы Гундоровской ВВД.

—

Мне совершенно случайно пришлось прочитать декабрьский номер «Каз. Вестника». Я — русская, но как бы мне хотелось жить интересами такого народа, как Казачий. Я сердечно благодарю за Вашу честную работу и желаю полного успеха в вашем казачьем деле. **Людмила Николаева.**

—

От имени работающих со мною казаков выражаем Вам и в лице Вашем всем сподвижникам и труженикам на казачьей национальной ниве наше казачье спасибо и низкий поклон. Желаем дальнейшего успеха в нашем родном деле. **Никифор Боровлев.**

—

Я с большим удовольствием читаю «К. В.». Он приносит мне огромную моральную поддержку и вселяет надежды на будущее. Я также, как и Вы, готов бороться за судьбу нашего казачьего народа, испытавшего на своем историческом пути много невзгод и страданий, но не потерявшего веру в свое будущее. **Федор Кусенко.**

—

Желаю Вам много сил и доброго здоровья в нашем казачьем деле. Будем твердо верить, что грядущий год будет годом счастья для Казачества и возвращения его на родные просторы Казакии. **Иван Хрипушин.**

—

От всей души желаю полнейшего успеха в Вашей работе на пользу нашего Казачества. Дай Вам всем Бог больше сил и здоровья. **С. Чепурной.**

—

Когда я не получаю нашего родного «Казачьего Вестника», то я чувствую себя одиноким, опущенным, как круглая сирота. «К. В.» вносит в нашу жизнь луч радости и надежды. **П. Савченко.**

—

Мы, казаки Дона, Кубани и Терека,, просим дорогую редакцию поместить на страницах «Казачьего Вестника» наш привет всем казакам, эмигрировавшим в 1920 г. Дорогие братья казаки, шлем Вам свой низкий поклон от Родной Казачьей Земли, желаем в Новом Году полного успеха в завоевании нашей Казачьей Правды и Права снова жить на наших казачьих просторах своей казачьей жизнью. Как бы хотелось всем Вам пожать руки и иметь Вас в своей среде! От имени группы казаков: **Супряга Даниил, Анищенков Алексей, Демин Николай, Гуров Павел.**

—

С далекого финского фронта шлю казачий привет и наилучшие пожелания в плодотворной и благодарной работе по об'единению славного Казачества и защиты его национальных интересов. **В. Фисенко.**

—

С чувством глубокой радости и беспредельного счастья я прочел декларацию Германского Правительства к Казакам, в которой и нам, коренным жителям Казачьих Земель, признано право на устройство вместе с Казаками своей самостоятельной жизни на нашей казачьей Родине. **А. Шехавцов.**

—

В Вашем лице от всего сердца желаем всем казакам бодрости, здоровья и успехов в жизни. Пусть там, на фронте, молодые орлята с полной верой смотрят вперед. Мы, старики, вместе с ними душой и телом, готовы в любой момент помочь им на бранном поле. Твердо верим, что увидим свои привольные степи, покрытые седым ковылем и алыми лазоревыми цветами, пахнущие чоборком, полынью; золотистые, волнующие нивы, родные, утопающие в зеленых садах, станицы и хутора. Наш низкий стариковский до сырой земли поклон нашим молодым орлятам, нашей казачьей гордости, не посрамивших седые головы своих отцов, дедов и прадедов, не забывших своего казачьего я, не продавших и не изменивших своему родному Казачеству. Вам же, неутомимым работникам на казачьем поприще, желаем полного успеха и здоровья в деле защиты славного Казачества. Полковник **Д. Полухин.** Вахмистр **Максимов.**

—

Мы — казаки Кагальницкой станицы В. В. Донского, в количестве 51 человека, во главе с нашим станичным атаманом Иваном Ник. Гончаровым, прочитав родную всем нам, казакам, газету «Казачий Вестник» № 55, благодарим Германское Правительство за его признание прав Казачества на свободную, вольную казачью жизнь, на исконне самобытную жизнь по дедовским обычаям. Газета «Казачий Вестник» приносит нам много радости и моральной поддержки, воспламеняет наши казачьи сердца. За Вашу работу спасибо Вам! Станичный атаман **И. Гончаров,** казаки: **Астахов, Садовов, Колесников, Мышакин.**

—

...С глубоким чувством радости и искренней признательностью получаю я каждый номер дорогого казачьему сердцу «Казачьего Вестника». В нем я нашел живое, истинное казачье слово, которое так необходимо нам в настоящее тяжелое время. Живу я в Германии почти два года, читал и читаю другие газеты, но чувствовал, что мне, казаку, что-то не достает. И вот Ваша газета восполнила в моей душе этот пробел. Она мне указала путь, который мне казался зачастую только во сне, ныне моя мечта превратилась в явь. Ваша газета указала и мне то место, которое надлежит каждому истинному и честному казачьему патриоту, она возродила во мне несокрушимый казачий дух и энергию работать и бороться против порабтителей нашей казачьей Родины.

Старый казак Г. Я. Сафонов.

...Сегодня я получила ряд номеров «К. В.» В одном из них я нашла свой розыск моих родных, а в другом, к моему великому счастью, статью, написанную моим родственником И. И. Безугловым.

Не могу не выразить Вам свою искреннюю благодарность. Ваша газета для меня целый мир откровений, к тому же мой любимый мир, казачий мир. Я хотела бы выписывать «К. В.» постоянно, а если можно, то и любую казачью литературу.

В газете от 15 X с. г. я многие статьи перечитывала по несколько раз, особенно статью Н. Лапкина «Они и мы». Я не могу не сказать Вам, что всей душей и сердцем я люблю и нашу степь ковыльную, и наши хутора и станицы, и всех тех, кому все это также дорого, кто воспевает нашу казачью родину в стихах или прозе, кто защищает ее грудью на поле брани. Мое сокровенное желание — быть полезной в борьбе за светлое будущее Казачества.

Мысли и чаяния моего родственника, а с ним и всего Казачества, — это мои мысли. И какая не грянет беда, я никогда не пойду другой дорогой, кроме той по которой идет вольное и гордое казачье племя.

Вам и ст. Н. М. Дмитренко, которые впервые ввели меня в неведомый мне досели мир, приношу мою глубокую благодарность.

П. Безуглова.

...Казаки просили меня передать Вам, что считают Казачье Национальное Движение (КНД) единственным защитником казачьих национальных интересов и всецело поддерживают как Вас, так и всех активных сотрудников КНД.

Мы верим и надеемся, что Вы и впредь будете также твердо и непоколебимо защищать Казачьи интересы, отметая в сторону все интриги и «работу» честолюбцев, направленную к разрушению Казачьего дела.

Мы здесь, казаки, шлем Вам и Вашим сотрудникам на Вашем тяжелом пути наши наилучшие пожелания. Будьте хранимы Богом! Слава Казачеству!

Хор. **С. С. Настоящев,** Представитель КНД 12 департаментов юга Франции и б. помощник Окружного Атамана Вольного Казачества во Франции.

(Закінчення з 1 сторінки.)

З властивою їм пристрастю виконують козаки їхні завдання. З них утворилися страшні супротивники комуністичних банд терористів.

За короткий час сміливі наскоки козацьких вершників, їхнє уміння днями лежати в засідках серед кущів і скель, всюди посіяли жах серед бандитів. Їхня рухливість, уміння інстинктивно оцінювати сили противника, природна витривалість, безоглядна сміливість у нападі й рукопашних боях проти ворога, що виконує большевицькі завдання, все це властивості, що привели козаків до участи в боротьбі проти банд у південно-східних областях Європи.

Найкраще почувають вони себе на волі, цілий день сидітимуть вони коло вогнища, піджарюючи на патиках барана, якого їм подарує пастух або селянин у горах, де немає ні дворів, ні кухонь, а потім заспівають пісні про далеку батьківщину.

А ніч належить цілком воєнним операціям. Коли смеркне, вони гасять вогнище, й безшумно пересуваються серед гірських перевалів і прірв. Вони не люблять розповідати про нічні пригоди й переживання, хоч бої бувають запеклі, бо козаки неохоче з'єднуються в великі загони. Часто доходить до завзятих рукопашних сутичок.

Коли їхати ранком залізницею без звичайного запізнення, можна тільки здогадуватись про події, що відбувалися тут уночі. Козаки в такий час уже сплять де-небудь у горах чи серед кущів, бо за днем знову прийде ніч, яка належить їм.

(«Вісті»).

Полковник Д-р С. Федоров.

Черты казачьего характера.

Основной, существенной чертой казачьего характера является народоправство, вошедшее в его существо действием веков. Унаследованное с глубокой старины, оно сохранилось в Казачестве до наших дней. Это не есть демократизм расхлябанных народов, но именно народоправство, так ярко выражающееся теперь у национальных народов. Стародавние начала вечевого устройства приняли у Казачества название Войсковых Кругов и Рад, в то время как в московской государственной системе власть вече — народа в весь период ее существования была незначительна и постепенно совершенно исчезла. Казачество пронесло вечевую идею нерушимо через горнило политических страстей до самых времен российской революции.

Казачьи предки, не имевшие своих автократов, не были подвержены непосредственно властолюбию монархов, в ко времени соприкосновения с нетерпимой и разлагающей волей московских владетелей, Казачество было уже настолько сильно, что могло сохранить в себе начала народоправства и после наложения на него в 1671 г. тяжелой московской державной руки.

В черноморско-азовских степях жизнь выковывала из казаков крепкий, твердый народ, закаленный, способный переносить невзгоды кочевых привалов и руководиться народной волей. Эти же свойства казачьего духа давали ему возможность переносить и способы жестокой с ним борьбы позднейших властителей Востока Европы.

Правительство первобытных воинственных племен очень несложно — мужчины собираются в круг, советуются, избирают себе вождя и поручают ему власть в походе. Общества в 30-100 семей управляются избранным старшиной — атаманом, который и правит по обычаю.

Казаки самоуправлялись посредством Рад и Кругов и избранных ими Атаманов. Все казаки были равны в своих основных правах и обязанностях крови, защиты своей Земли.

Общественное разделение Казачества возникло лишь в первой половине XIX ст., как внесение имперской политики России. До последних дней казачьей независимости — 1920 г. казак воин, генерал, хлебороб, учитель, профессор были равны в своих правах владения земельным паем и управлении станичными делами. Рядовой казак нередко избирался в Атаманы, судьи, а чиновный был «забаллатирован» и подчинялся его власти.

Уставная дисциплина существовала только при исполнении служебных обязанностей, все казаки чувствовали себя равными и относились друг к другу, как равные. Еще на памяти наших отцов, при введении в казачьих Землях суда российского, казак офицер игнорировал его шел судиться не в коронный суд, а в свой казачий — до обычаю. И на глазах автора этих строк ходили во двор его отца-офицера, целые семьи не только казаков, но и иногородних, прося рассудить по совести и не желая обращаться к мировому российскому судье.

Здесь действовали проявления патриархального быта. Руководство и воля большинства были неизменной сущностью Казачества. Организованность, самодисциплинированность, общественность, сознательность и чувство воли, равенства и братства, как обязанности, а не только права проявляются в Казачестве, как следствие многовекового процесса. Более того, уважение человеческой личности, как в самом себе, и не менее того в каждом ином, — наивысшее достижение человеческой культуры, было реальным достижением казачьего духа.

Пробы имперского правительства разбить казаков на дворянское и сельское сословие не имели успеха, множество казаков, имевших по российским законам дворянские права, никогда и не хлопотало об их утверждении, не понимая его по своему духу. Все Казачество имело в себе **шляхетный рыцарский дух свободных от века веков людей**, что признавалось за ним и западными монархами и мусульманскими властелинами. Все Казачество еще в XIX ст. отличалось в своей жизни простотой и патриархальностью уклада. Станичная громада — общество по сути были всесословными; в нее входили все поголовно казаки и все они имели одинаковое право на управление, понятно, что интеллигенция: духовенство, офицерство и учителя пользовались особым уважением. Казачество не имело недоверия к своему «пану», ибо все казаки были одинаковыми «панами» и каждый казак был сам себе «пан». Не изменила этих отношений и революция 1917 года. Казачество продолжало быть высоконравственным в своей массе, несмотря на разгул и разнузданность страстей вокруг него. Нравственные инстинкты создаются в людском организме автоматической привычкой, которая прививается медленной работой природного подбора. Под постоянным давлением различных влияний устанавливаются нравственные привычки, которые часто становятся уже и наследственными. Внутренний голос, голос предков, управляющий человеком, часто наперекор всем соображениям — это и есть нравственное чувство, **чувство долга**, которое Казачество сохраняет в себе, как отличительную черту своего национального характера, этот продукт наследственности.

Раз природный инстинкт внедрился в нервные клеточки организма, он приобретает там безусловное господство и действует на выявления человеческого духа. Казачество может быть особенно благодарно природе, наделившей его богатыми, выдающимися качествами инстинкта.

При всей своей отваге, беспощадности, презрению к мирным занятиям, старинные казаки всегда были полны сознания собственного достоинства и особенно отличались вежливостью в отношении к старшим годам. Гостеприимство и сейчас есть святой обязанностью казака, так близко связывающего его с горскими и степными народами; казаки и горцы свято блюли законы дружбы — куначества и даже во время кровавой борьбы.

Нам нередко приходится слышать об отрицательных сторонах казачьего народного характера, в особенности от недругов или плохо информированных о казаках лиц, но мало кто говорит о положительных сторонах. Причины такой, кажущейся «дикости» мы поясняли прежде, а история дает нам очень много примеров, когда и высококультурные народы обращались не только с побежденными, но и в своей среде еще более «дико» и жестоко. А сколько мы имеем у Казачества проявлений высокого чувства человеколюбия! Освобождение казаками пленных в боях с воинствующим мусульманством или выкуп их, принесли в свое время казакам славу, как защитникам страждущего люда и веры христианской. Просвещенные же народы продавали нехристям своих собратьев и помогали им против христиан. Казаки не задумывались кидаться в об'ятья опасности, чтобы спасти жизнь товарища и не было для них большего бесчестья, как оставить в руках неприятеля не то что раненого, но и труп убитого сотоварища.

И вряд-ли заслуженными являются упреки в «неотесанности», грубости и невоспитанности казаков, ибо чрезмерная вежливость находится как раз в обратном отношении к уровню нравственного достоинства человека, пропитанного жеманством и неискренностью; **прямая же откры**тость степей приносит куда меньше неприятностей, чем льстивая вежливость «культурного» человека.

Едва ли не самым главным признаком проявления казачьей осознанности следует считать чувство **единства** во всей широте расселения Казачества. О единении Запорожья — Дона — Сибирско-дальневосточного Казачества уже в XVII и последующих веках, мы знаем и из преданий и документов. Приглушенное в имперские времена, оно особенно ярко проявилось в революционное время. В ней Казачество проявляло политическую солидарность на всех фронтах своей жизни. Орган казачьего представительства в Петрограде, Совет Союза Казачьих Войск — был выражением одной воли, одной мысли, несмотря на колоссальную территориальную разобщенность Казачества.

В особенности в период борьбы главы временного российского правительства Керенского с Донским Атаманом Калединым Казачество проявило мудрость и умеренность а вместе с тем небывалую солидарность всех без исключения Войск, разбросанных од Тихого Дона до Тихого Океана. Все они готовы были вооруженной рукою помочь старшему брату Дону против карательной мобилизации российским правительством двух округов.

Казачество, взявши в свои руки государственную власть на своих территориях, наметило и осуществило в жизни такие высокие идеалы своей седой старины, которые всего лишь полтораста лет тому назад считались величайшим достижением французской революции. Казаки осуществляли эти лозунги тогда, когда в просвещенной и культурной Европе господствовало право сильного и грозная тирания.

Уже на первом казачьем с'езде в революционные времена не было никакой разницы в убеждениях казачьих представителей: профессор и малограмотный, генерал и рядовой казак, все одинаково проявляли свои чувства и мысли, несмотря на то, что с'ехались люди с Амура и Кавказа, Хопра и Туркестана, разбросанные островами среди моря иных народов, столетиями не имевшие прямой связи между Войсками. Это казачье единство радовало всех и Казачество убедилось, какую громадную силу представляет оно в своем единстве.

Единение — это сила и показатель казачьей организованности; в свое время оно приводило к большим и знаменательным делам и последствиям; эта сила держит нас и сейчас и заставляет обращаться к Казачеству не только его друзей, но и недругов. Не мог нарушить этого единства и брошенный большевиками лозунг разделения казаков на трудовое и нетрудовое; оно целиком отбросило его, ибо Казачество есть цельным и единым национальным организмом. **Единение Казачества — его сущность, его принцип — его сила.**

Во времена далекой старины Казачество было едино, монолитно и имея одну цель и устремления и достигало их. Благодаря своему единству, казаки предпринимали и осуществляли великие дела. Но как только Казачество стало зависеть от Москвы, последняя начала делить Казачество на ряд отчужденных Войск. При созданном положении каждое Войско повело борьбу с нею своими средствами и силами и потому и проиграло борьбу, но победа над ним привела к укреплению идеи необходимости об'единения Казачества в одно целое в духовном, народном и государственном значении.

Теперь поднят лозунг — **Казачий Народ есть единый,** нет разобщенного, взаимно непонимающего и отчужденного казака донского, кубанского, уральского, сибирского... **Есть просто казак** и как следствие этого весь казачий Юго-восток — **Казакия — должен быть единым, спаянным организмом.** Осознанность этого проникает все больше в казачью среду. Психологический перелом Казачества, обозначившийся со времени революции, приобрел явно выраженные формы. Все это явилось следствием пробуждения исконных казачьих инстинктов. Борьба веков привела к особой кристализации казачьего мозга, которая и ведет по пути **Казакии.**

Казачья сотня перед атакой.
Archiv „Der Kosakenbote".

Проф. М. Башмак.

Харко Чепіга-Куліш.

Кошовий Отаман Чорноморського Козацького Війська.
1788 — 1797 р. р.

В 1783 році, через вісім літ по зруйнуванні Запорозької Січі, Катерина II. дала дозвіл на творення Козацького війська для охорони кордонів Новоросійського Краю.

Намістник царський на Україні князь Потьомкин доручив колишним старшинам Війська Запорозького Антонові Головатому, Сидорові Білому, Харкові Чепізі та інш. зібрати запорожців й обновити козацьке військо.

В 1787 році Катерина II. видала грамоту на творення війська під назвою: «войска верхних казаков». У наступному 1788 році наказала війську заселити Таманський півострів на Кубани.

Все військо було подилено на куріні, так, як колись і у Війську Запорозькому. Першим кошовим Отаманом був Сидір Білий а його помічником був Військовий Суддя Головатий. На чолі піхоти став сам Кошовий Отаман Білий а кіннотою керував Харко Чепіга.

Не довго прийшлося Сидіру Білому бути на чолі молодого війська. 11. липня 1788 року він умер поранений у війні з турками.

На місце Сидора Білого було обрано та затверджено кошовим отаманом Харка (Захара Олексієвича) Чепігу, козака Кисляківського куріня. Чепіга було його запорозьке козацьке прізвище, а справжня родова назва його була Куліш. Разом з Чепігою обрано було: Військовим Суддею Антона Головатого, козака Кущівського куріня, Військовим Писарем Тимофія Котляревського, козака Леущківського куріня; Військовим Осавулом Сутику, козака Крилівського куріня. Чепіга користувався між козаками повагою, любовю та славився хоробрістю і при ньому молоде військо зорганізовалося та улаштувалося спочатку за річкою Бугом, а потім на землях Кубані.

За турецької війни 1787 — 1791 р. р., в якій молоде військо брало діяльну участь, були козакам подаровані завойовані турецькі землі по над Чорним морем од річки Буга до річки Дністра; переїменували і військо, яке стало зватися: «Войскомъ вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ». Новому війську московський уряд дав клейноди: велику військову білу корогву, малі прапори (короговки) для тринятти восьми куренів. Кошовому отаманові булаву, а курінним отаманам — перначі. Чорноморське військо мало печатку з написом: «печать коша войска вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ», на ній було вибито запорожця в жупані у козацькій шапці зі шликом з шаблею при боці та з мушкетом у правій руці, а в лівій руці з корогвою з Грецьким хрестом посередині. Князя Потьомкина було призначено гетьманом «Войска вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ». Одержавши нові землі, чорноморці з охотою почали оселювати їх; кошем же стали у селі Слободзеї над річкою Дністром, і за два роки на цій землі було вже двадцять пять осель з 1759 родинами — 5068 чол. та 4414 жінок.

В 1791 р. скінчилася турецька війна. В Ясах підписано було мирну догоду. Вертаючись з Яс, Потьомкин, який останні роки свого життя чимало допомогав чорноморцям, несподівано в степах умер, не встигши виклопотати, щоб за чорноморськими козаками було затверджено ті землі. По смерти Потьомкина почали знов землі від чорноморців відбирати, а їм залишили тільки невеликий півострів Тамань на Кубані, на який вони ще не мали грамоти.

Зажурилися чорноморці,
Що ніде прожити,
Уселився вражий москаль,
Виганяє з хати.

То нічого було робити, і чорноморці весною 1792 року послали до Петербургу своїх депутатів на чолі з Антоном Головатим, щоб вони поклопоталися за землю. Аж літом повернулися депутати з Петербургу до Слободзеї і привезли невеселі звістки. Грамотою 30. липня 1792 року Війську Чорноморському на віки-вічні дали Кубанську землю з півостровом Таманню, а землі поміж річками Бугом та Дністром вони повинні були покинути.

Ой, тисяча сімсот девяносто першого року,
Гей! вийшов указ від тої цариці з
Петербургу городу.
Ой, щоб пан Чепіга та пан Головатий,
Зібравши все Військо Запорозьке,
Гей! виступали та на Кубань річку
На вічнее время, гей,
Бувай здоров, Дніпро, ріка мутная!
Підем на Кубань чистої напитися.
Бувайте здорові, всі курині наші!
Тут вам без нас розвалитися.
Там будем жити, там будем гуляти і рибу ловити,
(Народня пісня.)

Новому Війську Чорноморському було подаровано: Корогву, срібні літаври та дві срібні сурми; кошовому отаманові дорогу шаблю, а чорноморським козакам хліб-сіль на дорогу.

На другий рік Військо Чорноморське переселилося на Кубань, де стало кошем в Карасунському куті, заложивши місто Катеринодар.

У 1794 році чорноморські козаки з Кошовим Отаманом Чепігою ходили у Польщу і помогали штурмувати Варшаву. 15. січня 1797 року Чепіга умер в Катеринодарі і похований біля соборної церкви.

Харко Чепіга-Куліш по справедливости може бути названий «батьком Чорноморського козацького Війська», хоча першим Кошовим Отаманом і був Сидір Білий, але при другому — Чепізі Чорноморське Військо зорганізувалося, окріпло та заснувалося на новій своїй землі, на Кубані.

Ермак.

Исключительно интересны недавно собранные на Оби и на Енисее фольклорные материалы об Ермаке и казаках.

Для «кучумовичей» (династия сибирских ханов) Ермак был завоевателем, а для вогулов, урянхайцев и разных других племен он явился, как спаситель-освободитель от монголо-татарских опустошителей. При этом Ермаковы казаки не только освобождали, но и устанавливали мир: запрещали местным народам драться между собой.

Беспримерный поход казаков через всю Сибирь, до Тихого океана, получает, благодаря этим сведениям, неожиданное освещение: вводимый казаками «ясак» (дань) означал прекращение войны между племенами. Таким образом, резня прекращалась и «ясак» был как бы платой за охрану мирной жизни.

Господствуя в Сибири около двух лет, Ермак успел завести торговлю с самыми отдаленными азиатскими странами. Уже Бухарские купцы, проходя Киргиз-Кайсацкой степью, начали привозить в пустынную Сибирскую столицу (Искер) разные произведения восточных ремесел.

Узнав, что Сибирский хан Кучум не дает прохода в Вогайской степи Бухарским караванам, пылкий Ермак, с 50 казаками, поспешил их встретить. Искал целый день и, не найдя следов каравана, на возвратном пути расположился ночевать, оставив лодки свои у берега, близ Вогайского устья.

Лил сильный дождь, ветер шумел и река волновалась, усыпляя усталых казаков. Кучум напал на сонных казаков и всех перерезал, кроме двух: один казак бежал в Искер, другой — сам Ермак, успел пробиться сквозь врагов к берегу, кинулся в бурный Иртыш и, не доплыв до своих лодок, утонул отягченный тяжелой броней, подаренной ему Иваном Грозным.

Это было в 1584 году.

В столице Донского Войска, Новочеркасске, на Соборной площади стоит громадный, красивый памятник завоевателю Сибири с надписью: Ермаку — благодарные Донцы.

Каждый казак знает, что он борется за свободу своих Казачьих Земель, за вольность Дона, Кубани, Терека, за спасение своих отцов, матерей, жен и детей, вынужденных пребывать по ту сторону фронта. Казачий удар в сочетании с военным искусством германского командования и помощью немецкого оружия приумножит славу казачью, приблизит день окончательной гибели жидо-большевизма.

(«Казак» № 3. Казачья фронтовая газета.)

Сотник Е. Гетманов.

Не в свои сани не садись...

Акт Германского Правительства к казакам от 10. XI. 1943 вполне ясно определяет то, что в нем сказано, а сказано там о возвращении Казачеству его исторических прав на те Земли, на которых живет Казачий народ.

Припоминаем мы, что когда немецкие вооруженные силы подошли к границам Казачьей Земли, то тогда уже Верховное Командование выпустило воззвание к казакам, в котором кратко было сказано то, что ныне подробно об'явленно в декларации 10-го ноября 1943 года. Значит, акт этот не является начальным, исходным пунктом в политике немецких властей в казачьем вопросе, а простое логическое следствие принятых решений.

В задачи автора не входит детальное рассмотрение истории этого акта. Задача этих строк иная.

Не раз, конечно, русские использовали заслуги и достоинства казаков в свою пользу. Факты эти общеизвестны и останавливаться на них не стоит, но остановиться на на том, как русские поняли декларацию 10-го ноября 1943 г., следует.

«Парижский Вестник», прежде всего, не полностью поместил (см. № 75, от 20/XI. 1943 г.) вышеуказанный акт, но зато дает ему совершенно произвольное и даже недопустимое толкование. Относясь отрицательно к казачьим национальным чаяниям, отрицая наличие казачьего народа, парижская газета, конечно, не может помириться и с тем, что немецкие власти рассматривают казаков, **как отдельный народ, как народ, достойный быть союзником рыцарского немецкого народа.** Вот и началось толкование акта 10-го ноября произвольно. Какой только ерунды нет в этом толковании. Казаки называются «лучшие русские люди» и т. п. ... Одним словом, старая песня. Кроме этого, — что самое главное, — русские люди из «Парижского Вестника», рассматривают декларацию к казакам, как первый акт в решении русского (?) вопроса. Совершенно непонятно на основании чего делаются такие выводы. Наоборот, в декларации указано, что именно **по вине Москвы казаки лишены были своих естественных прав на свои Земли.**

Каковы будут решения немецких властей по русскому вопросу, нам не дано знать, но мы, казаки-националисты, твердо знаем и хорошо понимаем, что декларацией 10-го ноября **решается именно казачий вопрос.** Этим актом излечивается серьезная сердечная рана казачьего народа и как бы кто не старался вычитать в этом акте что-то другое, все равно не удастся. Не удастся русским неправильным толкованием смутить тех казаков, которые «не занимаются политикой». Напрасны также и замечания «Парж. Вестника», что, де, усмотреть в этом акте самостийность нельзя. Это, конечно, преследует ту цель, чтобы удерживать при себе «для представительства» «казачков», кои тоже в акте немецких властей хотят найти какое то «впредь до».

Успокойтесь все и не смущайте никого своими толкованиями. В акте сказано все ясно, сказано то, что сказано, все точки над і поставлены. Акт касается **казаков** и **Казачьего Народа.**

Всем толкователям его по-иному, в том числе и толкователям из «Париж. Вестн.», можно сказать: «Не в свои сани не садись»...

Не довольно-ли разрушения?

Пугачева выдали свои...
Разина выдали свои...
Булавина предали свои...
Кулабухова Деникин и Врангель повесили казачьими руками...
Свои убедили Запорожцев не защищать Сичи, а сдаться на милость обступивших Сич москалей...
«Красные» казаки помогли московским большевикам оккупировать Казачьи Земли в 1919—1920 годах...
«Белые» казаки помогали «белым» русским бороться с казачьей государственностью...
После ужасных страданий и мук, после страшного террора и уничтожения Казачество снова вышло на свой казачий шлях, на свою казачью дорогу освобождения своей Казачьей Родины и устроения ее светлого будущего. Этот путь был подтвержден и в декларации Германского Правительства к Казакам.
Казалось бы, что казачий вопрос и казачьи задачи ясны и определенны. Однако, всякого рода явные и тайные противники Казачества снова пытаются свернуть казаков на московско-русскую дорогу, которая уже не раз привела к трагедии Казачества. Эти доброхоти опять пытаются повторять свои злодеяния, опять стремятся подменить казачьи национальные чаяния чужими интересами и заставить казаков служить чужим, не-казачьим интересам и тем разрушать свое собственное казачье дело.
Братья казаки! Не забывайте уроков нашей прошлой казачьей истории. Помните, что каждое большое казачье дело топилось до сих пор прежде всего казачьими руками.
До каких же пор это будет продолжаться?
Неужели казаки могут только начинать?
— Братья казаки! От вас самих будет зависеть, кончим ли мы начатое нами великое дело Освобождения и Спасения Казачества или враги наши опять найдут в нашей среде тех, кто будет помогать им и на этот раз душить национальное Казачье Дело?
Станичники, будьте на страже своих казачьих интересов! Сплотим еще теснее, еще крепче свои ряды в борьбе против большевизма за Свободу и Волю нашей Казачьей Родины, нашего славного Казачества.
Поклянемся довести до желанного конца начатое казачье национальное дело.
Слава Казачеству!

В полном сознании всей тяжести взятой на себя задачи и лежащей на нас за ее решение ответственности, вольные казаки, казаки-националисты, в настоящий критический для судьбы Казачества момент обращаются ко всем казакам с предостережением:
Раз'единенных — нас побили. Раз'единенное, разделенное по Войскам, Казачество своей доли не отстоит, своей борьбы не выиграет, своего исторического будущего не обеспечит.
Мы не против каждого Войска, но мы — за об'единение их в одном целом, мы — за об'единение всего Казачества под единым политическим возглавлением.
(«ВК» 25 января 1935, № 167).

ХРОНИКА

— По случаю Нового Года Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) ст. В. Г. Глазков и возглавители национальных организаций угнетенных народов СССР обменялись дружественными приветственными письмами, в которых выразились искренние чувства симпатий, твердой веры в торжество национальных идеалов и светлое будущее возрождающихся народов Востока Европы.

— Хорватские газеты поместили полный текст декларации Германского Правительства к Казакам с указанием «Казачьего Вестника», как источника, послужившего им к опубликованию столь важного исторического акта. Целый ряд газет привел и выдержки из коментария «Каз. Вестника» к декларации.

В Протекторате местной организацией К. Н. Д. 1. I. 1944 г. была организована Новогодняя встреча казаков, живущих в Протекторате. В большом зале ресторана «У Шумавы» в этот день собралось многочисленная казачья семья. Вечер носил ясно казачий, семейный характер. Никаких официальных и политических речей не было. Вечер был открыт пением проникновенной молитвы Господней «Отче Наш». Атаман местной организации в Протекторате ст. инженер Вл. А. Донецкий открыл казачью Новогоднюю встречу коротким приветственным словом, в котором подчеркнул необходимость в настоящее время особенной сплоченности казачьих сил в единую мощную семью, готовую на крайнюю жертвенность в борьбе за свободу Казачьего Народа. Пожеланием всем здоровья, успехов в жизни и счастья увидеть в этом году дорогую всем казакам Родную Казачью Землю свободной и счастливой, атаман закончил официальную часть вечера. В непринужденной, сердечной и живой беседе протекал вечер.

Особенное оживление внесли дорогие гости казаки-националисты из г. Брно, которые преодолели много затруднений для того, чтобы этот первый день Нового Года провести в кругу родной казачьей семьи.

Большое разнообразие и радость внесли казаки-певцы, организовавшие из местных пражских казаков и прибывших из г. Брно, стройный и хороший хор. Этот импровизированный хор под управлением ст. Ф. И. Бардина несколько раз в продолжении вечера исполнил ряд родных казачьих песень.

Ст. А. А. Троценко прочитал собравшимся свое, полное глубокого смысла, стихотворение.

Первый день в наступающем году казаки в Протекторате, благодаря инициативе К. Н. Д., провели в родной казачьей атмосфере; долго не хотелось оставлять родную семью и возвращаться к будничной и серой для казака жизни на чужой земле.

— В гор. Гайновка (Восточная Пруссия) в зале местного кино состоялось собрание, на котором присутствовали казаки, проживающие в районе. На собрании присутствовал представитель областной немецкой власти г-н А.Гоффманн, Ведущий местными организациями в Белостоцкой области ст. В. Т. Еремеев и ст. Атаман в Белостоке ст. П. И. Иванов. Общее собрание казаков постановило образовать местную станицу КНД, которой просить Руководителя КНД присвоить имя Степана Разина. Было избрано правление станицы, которое, посредством Ведущего В. Т. Еремеева, было утверждено окружным Атаманом ст. В. И. Бабичем.

После выборов правления выступил представитель немецкой власти господин А. Гоффманн, который в своем слове в хороших словах охарактеризовал работу Казачьего Национального Движения, и призывал казаков к еще большей сплоченности и дисциплине.

— 3-го января на своей квартире в Генерал-Губернаторстве были убиты бандитами кубанский казак ст. Старо-Леушковской Прокопий Степанович **Ковган** с женою Мариной Васильевной — старые национально казачьи активные работники.

— Обращаем внимание казаков на **новый** адрес Окружного Атамана КНД в Германии ст. **В. И Бабича:**

W. I. Babitsch, Berlin-Wilmersdorf, Prinzregentenstr. 70.

А. Ленивов.

Яицкие казаки.

(Исторический очерк.)

«В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его Государеву указу, Атаманы и казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика»... — выдержка из отписки Донского Войска от 26 мая 1632 г. на Москву, согласно коей видно, что при взятии Казани (1552) участвовали и Яицкие казаки. Несмотря на это обстоятельство, точная дата образования Яицкого Войска до сих пор доподлинно не установлена, если не считать того, что на основании работ российских ученых, российская власть положила считать 1591 год — официальным началом Яицкого Войска, т. е. именно тот момент, когда Москва впервые использовала Яицких казаков в качестве отличной боевой силы, послав их против полчищ татарского шамхада на Сев. Кавказе.

Категорически утверждая о том, что Яицкие казаки существовали еще до взятия Казани (1552 г.), мы в доказательство сего положения, приводим следующее. Согласно историческим данным, точно известно, что еще в 1557 году Ногайский князь послал жалобу Московскому царю, где указывал, что на гор. Сарайчик, расположенный при устьи р. Яика, напали казаки и разорили его. В последнем обстоятельстве быть может и скрывается истина о времени возникновения Яицкого Войска... Допуская мысль о том, что гор. Сарайчик в 1557 г. был разорен не Яицкими казаками, а Поволжской казачьей вольницей, отмечаем, что в древней былине о Ермаке говорится о том, что Круг, составленный из Донских, Волжских, Гребенских и Яицких казаков, принявший решение «идти завоевывать Сибирь» и избравший своим вождем, Атамана Ермака Тимофеевича, имел место на Волге в 1557 году!..

И если приводимые доказательства подлежат сомнению, то участие Яицких казаков в осаде и взятии Казани в 1552 г., разрушает «фантазию» российских историков об образовании Яицкого Войска в 1591 г.!..

В XVI—XVII в. в. Яицкое Войско представляло из себя демократическую республику, абсолютно независимую от Московского государства, причем Яицкое Войско управлялось на основе народного волеизъявления через Войсковой Круг и выборного Войскового Атамана.

Территорию Яицкого Казачества определить в полной степени является делом довольно трудным, ибо к нашему времени не сохранилось подобающих исторических документов, однако вполне логично полагать, что в XVI—VII в. в. Яицкое Войско занимало бассейн нижней и средней части р. Яика, а также и р. Рубежной. Уже в конце XVI в. был возведен казачий городок Яик (Яицкий городок), располагавшийся при слиянии р. Рубежной с р. Яиком.

Яицкое Войско основано Донскими казаками, выходцами с Дона, причем пополнение рядов Яицкого Казачества шло за счет Дона непрерывно до половины XVII в. Уже в период 1579—1581 г. г. появился на Яике Атаман Андрей Нечай, который, пробыв на Волге известный промежуток времени и спасаясь от преследования московских войск воеводы Мурашкина, ушел со своей ватагой Донских казаков в Яицкие степи. Немногим позднее появились на Яике и Донские казаки под водительством Атамана Гугни, ставшем вместе со своей женой «бабкой Гугнихой» легендарным пережитком исторического прошлого Яицкого Войска. Укажем, что по правому берегу р. Дона, стоит станица Баклановская, называвшаяся ранее ст. Гугнинской, которая возведена на месте станки Атамана Гугни, который еще в 80-х годах XVI ст. ушел с Дона «погулять» на р. Яик. Да, воспомнят современные Яицкие (Уральские) казаки о своих достославных предках, когда при испитии чарки вина, они произносят свой традиционный тост «за здоровье бабки Гугнихи».

Отношение Яицких казаков к Донскому Войску определялся на основах полной солидарности, связанной с признанием авторитета Донского Войска в отношении Яицких казаков. И когда в 80-х годах XVII ст. Московское государство обратилось к Донскому Войску с целью воздействовать на Яицких казаков, которые перебили московских рыбаков у гор. Саратова на Волге, то Донские казаки отписали Московскому царю: «Яицкие казаки издавна Донскому Войску в послушании и обо всяких делах от себя присылку имеют, и больших дел без их права у себя не вершают, а присылают к нам на Дон». Следует помнить, что в первый период своей истории, казаки Яицкого Войска назывались «Донско-Яицкими казаками» и созывались на Круг следующим образом: «Послушайте, Атаманы-молодцы, все Донско-Яицкое Войско. Не пейте зелена вина, ни купленого, ни дарового — заутра Круг будет».

В дни Смутного времени, Яицкие казаки в корне отвергнув устремление царя Бориса Годунова, стремившегося низвести казачьи независимые государственные образования Дона, Волги, Запорожья и Яика, — на положение казачьего «служилого» сословия, стали в резкую оппозицию Московскому государству. Каково было действительное отношение Московской власти к Вольному Казачеству, предлагаем судить по выдержке из официальной грамоты от 17 августа 1610 года, в которой говорится: «На Волге, на Дону, на Яике и на Тереке, казаки будет надобе, или ненадобе, о том Государю Королевичу говорити з бояры и з думными людьми, как будет на государстве». Когда на Яике появились Иван Заруцкий, Марина Мнишек и ее сын — «воренок», Земский Собор, собравшийся в Москве, послал грамоту Донскому Войску, прося последнее как-нибудь воздействовать на Яицких казаков: «И Вы к своим братьям, к Атаманам и казакам... Яицким отпишите, чтобы побоялись Бога». В 1614 году московские войска, посланные на Яик, захватили в плен Ивана Заруцкого, Марину Мнишек и «воренка» причем одновременно с ними был повешен московскими воеводами и Яицкий Атаман Баловень!..

Повешением выборного Атамана началась колонизаторская политика Москвы на Яике, причем уже в 1618 году московские воеводы выстроили крепость при устьи р. Яика, на месте выжженного татарами Яицкого городка; последний же был перенесен на место нынешнего гор. Уральска. Заняв московскими войсками вновь выстроенную крепость в устьи р. Яика, обеспечив за собой господствующее тактическое положение, в военном отношении, царь Михаил Романов «пожаловал» Яицким казакам реку Яик со всеми притоками! Не является ли злой насмешкой этот акт «милости» московского царя от 1619 года, и это тем более, ибо Яицкому Войску было подарено то, чем они задолго перед тем владели.

Яицкие казаки не поверили, однако, посулам и обещаниям Московской верховной власти и, несмотря на явные заигрывания Москвы, не пожелали поступиться своей вольностью, своими правами.

В 1670 году побывал на Яике и славный Атаман Степан Разин, коему и было выявлено со стороны Яицких казаков весьма благожелательное отношение, ибо казаки отлично поняли, что в лице Степана Разина они имеют могучего поборника за казачье право и вольность. «Переписки казакам на Дону и на Яике, и нигде по их казацким правом не повелось», говорил Степан Разин в Кругу Яицких казаков... В наглядности и справедливости Разиновской программы и лозунгов, Яицкие казаки лишний раз убедились, когда принесли вынужденную присягу (1676 г.) Московскому царю Федору Алексеевичу, а взамен получили целый ряд ограничений и стеснительных мероприятий со стороны Москвы.

(«В. К.» № 113.)

РОЗЫСКИ

— Чупрыну Петра Ивановича, ст. Новоплотнировской, Кубань, разыскивает брат Николай. Писать на «К. В.».

— Львова Николая из Харькова разыскивает сестра Вера Львова. Лиц, знающих о его судьбе или местопребывании, прошу писать:

Wera Lwowa bei Behrendt Plinkeim. Post Kl. Hemlack. Krs. Rastenburg, Ostpr.

— Смаглюков Д. села Грекова-Александровка, Таганрогского округа, Дон, разыскивает родных и знакомых. Писать на «К. В.».

— Быстрова Андрея Ивановича, служившего на крейсере «Георгий Победоносец», Черномор. флота, а затем эвакуировавшегося, по слухам, в Сербию с женой Лидией и детьми Андреем и Еленой разыскивает сестра А. Быстрова-Шифер. Лиц, знающих что-либо о его судьбе, прошу сообщить по адресу:

A. Schiefer, Wien I., Naglergasse 5—12.

— Курилко Владимира Петровича, ст. Новоплотнировской, Кубань, разыскивает брат. Писать:

Kourilko 11bis rue Elisée Reclus Nanterre (Seine) France.

— Супряга Даниил Игнатьевич, ст. Ново-Николаевской, Кубань, разыскивает своего брата Федора, рожд. 1898 г. и находившегося в Сербии. Писать на «К. В.».

— Болдырева Николая Семеновича, ст. Андреевской, Сальского округа, Дон, разыскивает Иван Никитич Артамонов. Писать по адресу:

I. Artamonoff, Corignan par Laptesse (Gironde) France.

— Анищенкова Михаила Васильевича, проживавшего до 1920 г. в Пятигорске и работавшего с своим братом Степаном в управлении Кавказ. Мин. Вод, разыскивает внук Алексей Анищенков, сын хорун. Николая Анищенкова. Писать на «К. В.».

— Гуров Павел разыскивает дядю Владимира Дудкина. Писать на «К. В.».

— Демина Николая Николаевича, ст. Нижне-Кундрючевской, Дон, разыскивает своего отца Николая Сергеевича Демина, дядю Дмитрия и двоюродного брата Михаила Дмитр. Демина. Писать на «К. В.».

— Каганцев Александр Михайлович разыскивает отца Михаила Каганцева, проживавшего в Болгарии; дядю Григория и Васалия Каганцевых и брата Ивана, находившихся во Франции; тестя Игната Горемыкина, ст. Спокойной, проживавшего в Румынии, сына Николая и брата Алексея Каганцовых, зятя Александра Дидыка. Лиц, знающих их местопребывание, просят сообщить «Каз. Вестнику».

К сведению казаков, находящихся во Франции.

Подписчиков «Казачьего Вестника» просят уплатить подписную плату за 1944 год представителю «К. В.» во Франции сотнику Е. Т. Гетманову (E. T. Guetmanoff. Paris 17. rue Lemercier, 11).

—

К сведению казаков в Генерал-Губернии.

Подписчиков «Казачьего Вестника» просят уплатить подписную плату за 1944 год представителю «К. В.» ст. А. П. Кирьянову. Варшава Аллея 3 мая № 14/48.

Неуплатившим подписную плату следующий номер «К. В.» высылаться не будет!

—

К сведению казаков — членов КНД!

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. Verlag: „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinské museum, Praha-
Nusle II, Gutenštejnská 6

DRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 3 (60) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach, 188. Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

Ф. Донсков.

О нашей работе.

Казачьи националисты и их Движение КНД все время находятся в центре внимания не только казачьих масс, но и друзей и недругов Казачества. Казаки, естественно, смотрят на своих националистов, как на авангард казачьего народа, как на передовой вал в защите казачьих народных чаяний и стремлений. Все они знают что делали и делают казаки националисты, что означают они в казачьем деле, какой вклад им внесен в дело возрождения казачьего народа. Мы видим, какой радостью наполняются сердца казаков, когда они видят Успех и закрепление казачьего дела, мы видим и радость друзей Казачества и злобу и скрежет зубовный всех его противников.

Сами казаки националисты не любят хвастаться или подчеркивать совершенную ими работу. Это и понятно, ибо они считают ее за свой священный долг и прямую обязанность перед нашим страждущим Казачеством.

Однако, иногда мы должны бросить, хотя бы беглый взгляд на пройденный нами путь, на совершенную нами работу, которая явилась результатом не только руководящих и активных работников нашего Движения, но и скромного участия каждого из нас, рядовых членов, так как без нашей поддержки, без нашей помощи им было бы несравненно тяжелее и труднее вести наше дело. При чрезвычайно тяжелых условиях казаками националистами на протяжении многолетней и усиленной работы было сделано много, очень много, хотя сами руководители Национального Казачества заявляют, что казаками националистами сделано и много и мало.

Много потому, что именно они, а никто другой, поставили Казачий Вопрос, как самостоятельный вопрос. Не только поставили, но и внесли в его решение необходимую ясность. И теперь уже никто и никогда не снимет его с повестки дня, никто не затемнит его, как бы кто не старался, как бы кто не жонглировал или не пытался повторять старые опыты.

Много потому, что казаки националисты ясно и определенно формулировали Казачью Программу, поставили перед Казачьим Народом свою Казачью Цель и указали к ней Казачий же шлях-дороженьку. И теперь уже никто и никогда и ни при каких условиях не подменит казакам их программы, не закроет от них их цели и не собьет их с их казачьего пути.

Много потому, что казаки националисты положили начало казачьему возрождению и Казачьему Национальному Движению. И теперь этого естественного роста, этого природного развития казачьей мысли никто не сможет приостановить или уничтожить. При всех условиях и обстоятельствах казачья национальная идея всегда возродится и будет шириться с еще большей динамической силой.

Много потому, что казаки националисты собрали вокруг своего КНД кадры убежденных казачьих патриотов и эти кадры растут и будут расти непрерывно.

Много потому, что казаки националисты, а никто больше, ознакомили внешний мир с Казачеством, с его подлинными национальными чаяниями и стремлениями. И внешний мир узнал подлинное казачье лицо, которое уже никому не удастся подменить или заменить чужим или не-казачьим обликом.

Много потому, что за нецелых два десятка лет казаки националисты опрокинули предшествующие 200 лет. И они уже **никогда не встанут!**

Мало потому, что все это только начало, так как наша казачья программа не имеет конца, как не имеет конца, как не имеет предела и жизнь нашего казачьего народа.

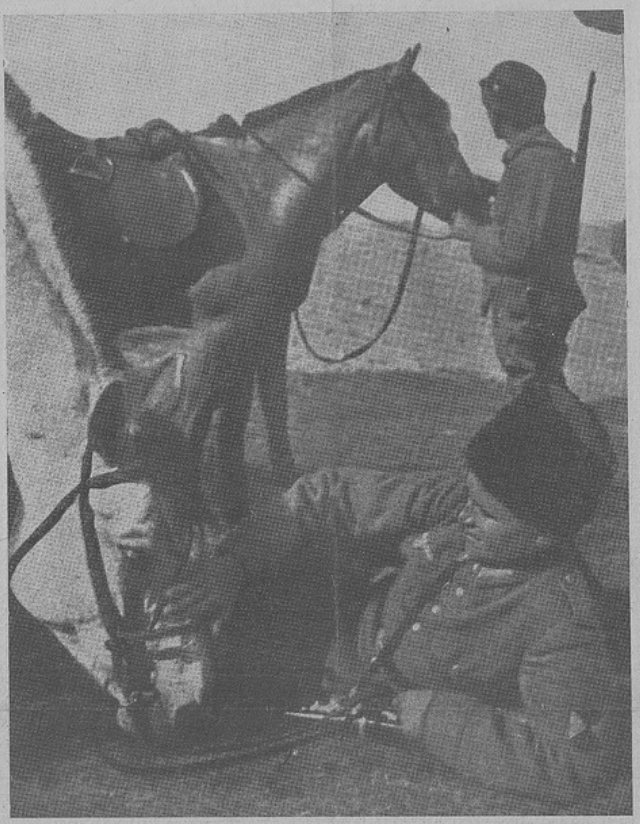
Мало потому, что еще не все казаки, не все мы в полной и надлежащей форме проявили и проявляем свое участие в национальном возрождении своего народа.

Каждый должен задать себе вопрос, что им сделано, что им принесено на алтарь Казачества? В чем и как выразилась его личная участь, его лепта в деле освобождения Казачества из лап большевизма? Способствовал ли каждый укреплению своего национального дела?

И вот, когда каждый честно и откровенно ответить на все эти вопросы, тогда во всей величине станет перед ним та большая работа, которая лежала и лежит на плечах наших руководителей.

Тогда и он будет продолжать начатую программу исторической жизни Казачества, как будут ее твердо и непоколебимо продолжать будущие казачьи поколения. Мы же, напрягая все свои силы и энергию в судьбоносной борьбе против московского большевизма, обретши свою Родину и ее свободу, будем считать первую часть нашей задачи выполненной и на освобожденной Казачьей Земле своему свободному младшему поколению можем сказать: ныне от-

(Продолжение на 2 стр.)

Конь — верный друг казака.

Archiv „Der Kosakenbote".

КНД.

К Новому Году Руководителем КНД были посланы приветствия германским властям и дружественным Казачеству народам.

В ответ получены благопожелания и благодарность из Канцелярии Вождя и Райхсканцлера Адольфа Гитлера, государственного министра д-ра Мейсснера, начальника штаба формаций СС обергруппенфюрера и генерала частей СС Ганса Ютнера и других.

Кроме того, от руководителей дружественных Казачеству народов получены приветствия, некоторые из них считаем необходимым поместить на страницах «К. В.».

Руководителю Казачьего Нац. Движения.

Среди всех народов, населяющих СССР, к числу самых бесправных граждан был отнесен казачий народ. Казачий народ, низведенный до положеня рабского существования, в течении четверти века истребляемый с садистской жестокостью, сумел через эти ужасы пронести свое национальное «Я».

Нет никакого сомнения, что мощное национальное казачье движение, проникнутое новыми жизненно-верными идеями, приведет весь казачий народ к освобождению от той большевицкой рутины, в которой он гибнет. Я поздравляю Вас и весь казачий народ с Новым Годом и благодарю за слова любви, выраженные Вами и всем казачьим народом нашему народу, борящемуся за свободу и независимость своей родины.

Руководитель Национального Освободительного Движения Азербайджанского Народа:

Фаталибек Дударлинский.

—

Руководителю Казачьего Нац. Движения.

Прага.

Приносим Вам свою искреннюю благодарность за Ваше поздравление к Новому Году и выражаем надежду, что наши народы и в этом году сохранят дружеские чувства и будут бок о бок сражаться против нашего общего врага до конечной победы.

Северо-Кавказский Национальный Комитет.

За председателя: **С. Тукаев.**

—

Господину инженеру В. Глазкову,
Руководителю Казачьего Нац. Движения.
г. Прага.

За высказанные Вами к наступающему 1944 г. пожелания и за дружеские чувства Казачьего Народа к Грузии, прошу принять чувства искреннейшей благодарности.

Уверен, что идеалы и стремления наших народов, на протяжении истории традиционно ведущих борьбу за свободу и независимость, осуществятся. Независимые наши государства займут надлежащее место среди цивилизованных народов и тем Казачье Национальное Движение под Вашим руководством добьется намеченной цели.

Главный редактор газ. «Сакартвело», органа Грузинских Легионеров

капитан Гай Магпакелидзе.

—

Решением Генерального Комиссара Белоруссии группенфюрера СС фон Готтберга к участию в жизни Белорусского Народа призвана Белорусская Центральная Рада, президенту которой Руководителем КНД было послано приветствие.

Господину Радаславу Астровскому
Президенту Белорусской Централь. Рады.
Минск.

С большой и искренней радостью приняло Национальное Казачество известие о создании Белорусской Центральной Рады и об ее активном участии в жизни Белорусского Народа.

В этом мудром решении Генерального Комиссара Белоруссии мы видим успех и дальнейшее закрепление национальных чаяний Белорусского Народа на пути его национального возрождения.

Наш Казачий Народ всегда питал самые дружеские чувства симпатий к Белорусскому Народу и с большим удовлетворением отмечает каждый успех в Вашей работе и каждое участие в общей борьбе против большевизма за обеспечение свободы наших народов.

В. Авилов.

Два начала.

Если мы всмотримся в пережитые нами 1917 — 1920 годы, мы увидим там, что на протяжении всего этого времени шла борьба двух стремлений, двух программ, двух начал: начала казачьего и начала русского.

Начало казачье создавало самостоятельные казачьи государства-республики, оно стремилось к об'единению всего Казачества, оно заключало Юго-Восточный Союз, оно проэктировало Доно-Кавказский Союз, оно созывало Казачью Конференцию 1919 года, оно созывало и первый Верховный Круг Дона, Кубани и Терека в 1920 году.

Начало русское в казачьи конституции, в казачьи республики вносило «впредь до», начало русское поддерживало казачье раз'единение и водило казаков на московскую дорогу, начало русское в каждое казачье начинание вносило свою поправку: все казачье в настоящем — временное, постоянное только одно, это одно-русское будущее. Интересы постоянного требовали подчинения себе интересов временного.

Начало казачье требовало исключения начала русского. Начало русское требовало исключения начала казачьего. Казачьи правители пробовали сочетать оба начала вместе, пробовали служить им одновременно, пробовали сидеть на двух стульях и провалились сами и провалили все казачье дело.

Так будет до тех пор, пока казаки не выберут своего пути окончательно, пока не начнут молиться только одному Богу — своему казачьему или чужому русскому... Двум богам одновременно служить нельзя.

Для каждого казака решение казачьего вопроса зависит от решения основного вопроса: кто он русский или казак?

Если русский — все ясно.

Если казак и желает остаться казаком — тоже все ясно.

Неясно бывает только тогда, когда казаки хотят быть и казаками и русскими одновременно.

Никогда нельзя забывать, что все трагедии Казачества как раз происходят именно потому, что казаки иногда хотели быть и теми и другими, и всегда в таких случаях проигрывали.

Если казаки — русские, тогда все ясно. Тогда никакого Казачества. Тогда мы русские и судьба русских — наша судьба.

Никому еще не дано знать, как и чем завершится «великая и бескровная» русская революция, одно, однако, ясно, что в будущем никаких сословий не будет, не будет и иных каких-то различных групп русского народа. Борьба в будущем будет итти только за власть, за тот или иной государственный строй России или Союза. В таком случае у завтрашнего жителя Дона или Кубани, предки которого были казаками, будет все ясно, будет согласие между миром внешним и внутренним, между паспортом и душой, между отечеством и собственным мировоззрением. Не будет раздвоения души между началом русским и началом казачьим.

Неясно тогда, когда казаки хотят сидеть на двух стульях — русском и казачьем. Такое сиденье в прошлом всегда кончалось провалом и проигрышом казачьего дела и казачьих интересов. Утверждение о том, что мы казаки и русские неизменно ведут к уступке казаков русским и к постепенному поглощению казачьего начала началом русским, к ликвидации Казачества, как народа.

Как мы уже сказали, в России сословий никогда не будет и нет к тому никаких оснований. Значит, ошибались и ошибаются те немногие казаки, которые думают, что Казачество может быть сохранено в России, как военное сословие, как заблуждаются они в том, что Казачество было таким сословием в прошлом.

Каждому должно быть ясно и понятно, что при всяком демократическом строе в России Казачество будет ликвидировано на точном основании демократических законов большинства, а в Русском государстве большинство всегда будет принадлежать русским.

Еще меньше могло бы ждать Казачество для себя от строя монархического. Каждый умный русский царь, если он вообще в будущем в России возможен, всегда будет опираться на русское большинство. Ни при каких условиях он не будет дразнить большинства своих подданных теми или иными привилегиями незначительному казачьему меньшинству. К тому же, такой царь, за которым было бы большинство русских, и не нуждался бы в казачьей поддержке.

Судьба Казачества решается и должна решаться не вмешательством в русские дела, а обособлением своего дела от дел русских. Для казаков есть единственный выход и только одно решение своего вопроса. Но для этого нужно всем казакам сказать ясно и определенно, что мы — казаки и желаем ими остаться навсегда. Сказав это, все сразу

становится для нас ясным: ясно, кто мы; ясно, что нам делать; ясно, куда нам итти; понятно наше настоящее и ясно наше будущее; известны наши противники и наши союзники.

Вот мы, казаки националисты, и сказали много, много лет тому назад, что мы — казаки и больше никто, казаки — и только, начинаемся казаками и кончаемся казаками. Казачество для нас имеет ценность абсолютную, имеет ценность само по себе без относительно к тому, нужно ли оно кому или не нужно, нравится ли оно кому или не нравится, любит ли его кто или ненавидит.

Мы не отделяем своей судьбы от судьбы всего Казачества, мы посвящаем ему на службу все наши силы, все наши помыслы, все наши способности, всю нашу энергию, ибо мы — его сыны!

Мы казачьи националисты отчетливо сознаем, что одно начало — отмирающее, дело прошлого, чужого и наносного; другое начало — молодое, нарастающее, дело — свое, родное, близкое, дело нашего казачьего будущего. Мы не сомневаемся в полном торжестве начала казачьего, ибо и здесь, как и в природе, возьмет верх здоровое, молодое. К тому же, теперь каждый казак сознает, что начало русское привело Казачество к катастрофе. Спасти его может только свое начало Казачье.

Ныне и перед целым внешним миром засвидетельствовано торжество казачьего начала. Оно признано и в декларации Германского Правительства к Казакам от 10 XI. 1943 г. Таким образом, и здесь на основании права и справедливости, на основании правды и законности восторжествовало **Казачье начало.**

Следовательно, указанный исторический акт должен означать и конец борьбы двух начал, конец сидения на двух стульях, приведших к ужасной трагедии Казачества. Следовательно, каждый честный и порядочный казак должен выбросить все остатки чужого и наносного, должен проводить лишь одно свое Казачье Начало и им только руководствоваться. Этим он будет способствовать успеху своего казачьего дела, об'единению и сплочению казаков вокруг своих чаяний и стремлений. Всякий же, кто явно или тайно, под той или иной маской или предлогом будет стремиться вносить отброшенное начало, пользоваться старыми методами, должен рассматриваться как разрушитель казачьего дела, как пытающийся вновь бросить Казачество в новые бедствия и мучения.

В настоящее ответственное время мы, казачьи националисты, обращаемся ко всем истинным сынам Казачества с искренним и горячим призывом быть на должной высоте своих казачьих национальных чаяний и стремлений.

Мы отыскали истинное казачье прошлое и хотим строить свое казачье будущее. Ставим вехи по казачьей дороге в историческое будущее. Прошлое Казачества для нас важно, но **важнее будущее.** На прошлом мы учимся, в настоящем мы боримся, чтобы жить в будущем по-своему, по-казачьи!

Мы определенно знаем, что Казачество не случайное явление чужой истории, не каприз, не искусственное создание своего северного соседа, как о том говорят иногда чужие или потерявшие свою метрику казаки.

Уже раскопанная часть нашей подлинной казачьей истории дает нам лишний исторический аргумент за то, чем мы осознаем себя сами без всяких аргументов: **мы казаки и хотим остаться казаками.**

А если мы только казаки и желаем ими остаться, не желаем исчезнуть с исторической сцены, желаем сохранить себя и свое имя, желаем жить и развиваться как и всякий иной народ, то мы должны полностью и безоговорочно исключить из своего сознания, из своей души, из своих помыслов, чужое, не-казачье начало, а подчинить все свои мысли и действия только своему казачьему началу и создать свою казачью жизнь в своем казачьем организме, стать на свой Казачий Шлях и всю свою службу подчинить только этому своему началу.

Тогда и только тогда не будет больше казачьих эмиграций, казачьих беженцев; ужасных страданий и мук нашего народа, тогда мы с большим успехом будем бороться против большевизма, поработившего нашу казачью Родину, только тогда Казачество станет господином своей исторической судьбы, только тогда Казачья Степь будет принадлежать казакам и никому больше.

Назначение генерала Кестринга.

Приказом начальника Генерального штаба должность генерала Восточных войск переименована в должность Добровольческих Войск. Генерал-лейтенант Хельмих, бывший генералом Восточных войск, принял командование одним из немецких соединений на фронте. Генералом Добровольческих Войск, в том числе и Казачьих, назначен генерал от кавалерии Кестринг.

Ген. Кестринг родился и воспитывался в России. В 1895 году вступил в немецкую армию. Во время мировой войны он работал в крупных штабах на Восточном фронте. По окончании войны он принимал участие в создании немецкой 100 тыс. армии. В 1931-33 гг. и с 1935 г. до начала войны с СССР он был военным и авиационным атташе в Москве. Через месяц после начала войны с Советским Союзом ген. Кестринг вернулся в Германию.

Ген. Кестринг считается одним из лучших знатоков СССР и населяющих его народов.

(Окончание статьи Ф. Донскова.)

пущаеши. А теперь же перед всеми нами опять работа и снова работа, работа дружная и твердо организованная.

Мы должны не забывать, что в прошлом наши противники были сильнее нас. Некоторые из них опирались на силу **авторитета,** оставшегося у них от недавнего прошлого казачьей действительности, но за годы эмиграции и их ничегонеделания померк этот авторитет в глазах казаков.

Мы же и наше Движение опирается на силу идеи, на нашу казачью Правду, на совершенную уже нами работу, которая является источником действительного авторитета **в настоящем,** а не в прошлом. Теперь мы можем смело сказать, что у казаков националистов нет идейных конкурентов.

Декларация Германского Правительства к Казакам дает как раз полную сатисфакцию стремлениям казаков националистов.

И никакие потуги противников не смогут уже повернуть казачью историю вспять, как бы они не пытались искать крючок, на котором бы могли зацепиться.

Казачьи националисты зовут и зовут громко всех казаков только на свой казачий шлях. Они идут верной казачьей дорогой, расчищая ее, строя мосты...

Да, мы знаем, что нам будет тяжело, но нашим казачьим детям будет легче, легче и во много раз легче будет и нашему казачьему народу на своей освобожденной и свободной Казачьей Земле.

При своем избрании Атаман Каледин сказал неизвестному донскому казаку: «Себе не изменю!» Казаки же знают, что их казачьи националисты своему Казачеству не изменят, ибо им начинается их задача и цель, им и кончается. Вот почему и видят в них и их Движении КНД единственного и верного защитника казачьих интересов, вот почему казаки всемерно поддерживали и впредь будут поддерживать передовых борцов за свою Казачью Правду, за свой Казачий Присуд.

С. Ф. Лантух.

Запорозька Рада.

У Декларації Германської Влади до козаків з 10. XI. 1943. р. був зазначений історичний звязок Війська Кубанського з Запорожжям: Кубанське — бувше Запорозьке. Таким чином були перенесені на Кубань ті козачі самобутні істоти, які у давній давнині розвивалися серед козаків на Дніпрі й поширювалися на Схід не лише на Дін та Кавказ, але й далі до берегів Тихого Океану.

Грунтовою відзнакою козацької самобутности була участь всього народу у організації форм державного життя та у самітньому державному управлінні. **Це була форма беспосереднього народоправства** — ідеал багатьох народів та держав. Здійснювалася вона передусим у **Раді** найвищому козачому органові законодавчому, судовому й адміністраційному. Лише еволюція державного життя Козацтва принесла пізніше розподіл компетенції органів.

Рада була органом певної округи, союзом населення певної території для охорони від правопорушень, і всі «мужі» — козаки тої округи були обовязковими членами цього союзу.

До народного козацького зібрання прикладалися й инші назви, але зміст його залишається завжди незмінним. У першій звістці про запорозьку Раду, посол австрійського цісаря Рудольфа II-го Еріх Лясота, у 1594 р. називає Раду — «коло». Це звичайно була назва самої геометричної форми козацького зібрання. «Коло» — як Рада — вживалося також і на Гетьманщині. В актах останньої Січі запорозької у другій половині XVIII віку Рада не раз називається «круговым собраніем», «общей войсковой сходкой». Звідси народне зібрання східних побратимів запорозьців — козаків Військ Донського, Яїцького, Гребенського, Терського та Сибирських — прибрало назву «Круг».

У козацтва ж запорозького усталюється назва — Рада, від старого кóрню «рада» у значінні «совет», від дієслова «радеті» себ-то — піклуватися, радитися, совітуватися: «вчинили межи собою раду подлуг права і суду іх»... «зійшовшись все село до громади, учинили раду, аби...», саме так зазначають донці у листі до царя московського, що вони завжди з запорозьцями «совет держат», теб-то спільний Круг-Раду. Саме так ототожнюється Рада з советом у скарзі битюцьких козаків до царя Петра I-го у 1701 р. Та й німецька назва кола — «рад» показує ту ж саму форму зібрання.

В судній грамоті вільного незалежного міста Пскова те ж орган вищого народоправства цієї республики **вічe** називається **радою.** Відповідно й польській Сойм який обрав королем царя Олексія, називається **радою.** Відтак, згодом передається за звичаєм, а скорше за самим змістом козацького народнього зібрання, більш вживана назва **Ради,** яка у 1906 й 1917 р. р. відроджується у нащадків Запорижжа на Кубані й на самій Україні.

Відомости й джерела про запорозьку Раду дуже й дуже незначні, фахових досліджень Ради ми не зустрічаємо, лише в році 1929 з'являється докладніша розвідка, але вона торкається Ради на Гетьманщині та й то Лівобережній після року 1654-го, нас же цікавить Рада взагалі, як орган Козаччини. При дослідженні цього інституту доведеться брати під увагу подібний інститут і козацтва Східнього, яке зокрема в XVI—XVII ст. ст. було дуже вузько звязано з козацтвом дніпровим. Тоді все козацтво творило, властиво, одну велику козацьку **державну сістему,** яка складалася з двох автономних складників: Війська Низового Запорозького й Всього Великого Війська Донського. Тут все козацтво жило тоді одним спільним правом, правом **звичаєвим.**

Не дивлючися на те, що кожне з Військ в певні періоди визнавало за собою зверхність того чи іншого монарха, козацтво дуже мало дбало на інтереси протекторів, в більшости Московщини та Польщі, зокрема коли вони входили в колизію з інтересами Козаччини.

Козаки рахували себе не підданцями цих держав а союзниками, що добре розуміли чужиниці, які відвідували Москву, чи як писав Великий Візір турецький полякам, що «козаки **вільний нарід, від самого себе залежить»** — теж саме писав й гетьман Орлик у «Виводі прав України».

Звязок Військ поміж собою був міцнішим ніж звязок Руси Київської з системою Новгородсько-Псковською у часи князівські, бо там звязувала покревність князів та відгуки спільного походження, а тут вязало саме козаче народоправство, звязком не лише правним а живим — спільностью історичних переказів й спільностью життя. Велика подібність козаків «одягом, звичаєм, мовою» служила, навіть, для военної хитрощі поляків з метою піднесення духа війська.

Голандець Адмирал Крюйс року 1696, коли ходив під Азов, писав в праці для наслідника царського, що всі козаки одного роду; донських, запорозьких, гетьманських козаків треба покладати за **один нарід** після подібности їх життя, домашнього устрію, одягу, та богослужбі. Далі він зазначав, що на Дону у Черкаську говорять по російському, турецькому та **по козачому.** Подібно дивилися на козаків і пізніші історики як наприклад генерал Рігельман за часів Катерини II.

Козацтво одне й козацтво друге вільно пересовується у межах всіх Військ, ходить у спільні походи, приймає участь у спільних Кругах і Радах і живе в такій кількости одне на території другого, що важко сказати, де властиво перебуває більшість народу кожної з цих козацьких республик і де починається «громадянство» поза межами Військ і зникає другого.

Подібно до цього маємо оцінювати й використовувати відомости про Раду козацтва Городового, яке хоч згодом і перетворилося в стан, але довший час зберігало засади повного народоправства, себ-то козацтва **вільного** а не служилого.

Козацькі «древнія обыкновенія» свято оберігалися всім козацтвом взагалі на протязі довшого часу і тому, наприклад, ті самі форми управління й обрядовий бік, що мало козацтво у своїх метрополіях, ми бачимо й у козацтва на еміграції, навіть і у XIX ст. та не лише у січовиків Задунайських, але й у Доно-кубанських емігрантів Великого Війська Кубанського у Малій Азії.

Нашим завданням і буде простежити розвій найвищої козачої установи самоуправління, яка розвивалася **самобутно** та була головною відзнакою козацького державного життя.

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании), посредством которых казаки-члены КНД могут послать свои членские взносы, а неуплатившие подписную плату за «Казачий Вестник» на 1944 год могут воспользоваться для перевода подписной платы.

—

В администрации «К. В.» можно приобрести комплекты «Казачьего Вестника» за 1941, 1942 и 1943 годы за 20 RM с пересылкой.

Полковник М. И. Недбаевский.

Казачий быт.

(Из труда «Воспоминания Кубанского Каз ака», присланного автором в редакц. «К. В.».

Все обычаи, которых придерживалось Казачество, придерживалось и чиновное Казачество или «паны» и не только хуторское, станичное, но и городское. С огорчением должен сказать, что чиновное Казачество после 1870 года, т. е. после размежевания Казачьих Земель и оттеснения казаков с хуторов в станицы, получив земельные наделы большею частью продало их за ничтожные деньги (самое дорогое по пяти рублей за десятину и то еще в растрочку) и пошло служить, т. е. сделалось интеллигентным пролетариатом. Редко кто задержал землю в своих руках, а тем более занялся ее обработкой. Из десяти или одиннадцати панских земельных наделов-участков, в юрте станицы Каневской по реке Средней Челбаске, задержали землю: наш отец, Г. Ф. Нестеренко, М. И. Борчевский и только. Остальные продали чужим пришлым лицам.

Наделение офицерства, чиновничества и священства из Казаков казачьей же землей вместо государственной пенсии, самое вопиющее по несправедливости дело русского царя и его правительства. Если эта земля давалась вместо пенсии, то и владеть ею должны были только пожизненно те, кому она и давалась, это была поместная система. Но тогда давалась помещику государственная земля, а тут грабилось Казачество, права коего на землю торжественно цари подтверждали своими грамотами. Этим же царская власть достигала расслоения Казачества, вводя в его экономическую жизнь враждебный элемент.

Редко какой казак мог купить землю, даже и по дешевой цене, ибо Крестьянский банк казакам ссуды не давал, ссылаясь, что казаки не крестьяне, дворянские банки по той же причине тоже ссуды не давали.

Здесь уместно будет упомянуть, что солдат, получая отличия и награды получал в зависимости от степени награды и положению в армии пенсию: так, подпрапорщик за медаль I-й степени получал 1½ оклада пенсии своего месячного (20 рублей) жалованья, т. е. 30 рублей в месяц (так было при мне), урядник или вахмистр меньше, солдат еще меньше, а казак получал шиш или дулю с маслом. Медали для солдат имели номера, для казаков были без номеров.

При мне служил в полку делопроизводитель С. А. Птушенко, казак, окончивший учительскую семинарию, был учителем в станице более 10 лет, делопроизводителем в полку более пяти лет и не мог быть произведен в чиновники, потому что был казак, если бы он был не-казаком, а солдатом, то по трех — пяти летах службы был бы произведен в чиновники.

Для казаков была черта оседлости, так до 40 или 41 года, т. е. до перехода в запас без приговора общества не мог уйти из станицы ни на фабрику, ни на завод, ни вообще на какую-либо службу вне своей станицы.

Отбыв четыре года службы в первоочередном полку, он не смел продать свою лошадь, еще состоя во второй очереди, не смел запречь ее, ибо если бы след хомута заметила комиссия, то коня браковали. В течение года его раза три вызывали на смотр коня и обмундирования; до перехода в третью очередь ежегодно месяц был в лагере целый месяц май. До первого полка всю зиму проводил в строевых занятиях и так два года и месяц май в лагере.

Жили мы, казаки, на постах по границе, в холодное время в палатках или в буйволятниках, а когда спускались в свои штабквартиры, то тоже жили в помещениях, напоминающия буйволятники. Для пехоты же, драгун и артиллерии армии строили прекрасные казармы. И как только казаков сменяли пограничниками, то немедленно со сказочной скоростью выстраивали для них не казармы, а дворцы. Офицеры же получали и посуду и столовое белье, кухню и т. д.

Войсковым Атаманом, а потом Наказным Атаманом, Военно-медицинским и Ветеринарным инспектором в Казачьем Войске не мог быть казак. Поездки офицеров генерального штаба производились на казачьих лошадях, хотя тут же под рукой были целые полки казенных лошадей драгун и пограничников. Бывало, где какой чорт не возьмется, то требует казачью лошадь и казачью охрану.

Крестьянин имеющий одного сына, по закону не давал его в армию. Имеющий двух и трех давал одного. Казаки же давали всех поголовно. Даже негодные для службы в строю как прихрамывающие, слепые на один глаз (при мне служил нестроевым в I-м Ейском полку казак нашей станицы Каневской Ольшанский, слепой на один глаз) если не шли в первоочередной полк, то облагались военным налогом в сумме 15 рублей в год, который уплачивали до тех пор, пока их сверстники не переходили в запас, кажется, до 39 лет или старше. Налог был 3 рубля в Войско и 12 рублей в станицу, или наоборот. Военного же налога Русь не знала и плодилась и размножалась только для того лишь, чтобы штурмовать впоследствии небеса.

Царская власть просто обманывала Казачьи Войска. Доход от продажи водки поступал в пользу станиц. При введении монополии на водку казна должна была ежегодно уплачивать Кубанскому Казачьему Войску около пяти миллионов рублей ежегодно, а уплачивала только 800.000 рублей.

За время бытности войсковым землемером г. Нордеги было роздано за какие-то засдуги лицам не-казачьего происхождения около 120.000 десятин войсковых земель. Одним словом, самодержцы российские применяли свое самодержавие к чужому имуществу, своим же имуществом не поступались, наоборот после каждой войны приумножали его. Мурабское имение в Средней Азии, Абрау-Дюрсо возле города Новороссийска и Анапы, Алтайские земли, Кахетинские имения и т. д. и т. д., всего и не перечислить.

Я еще застал, когда нашими соседями еще были чиновные люди или паны: Пивень, Щербина, Калери, Скрипниченко и другие. Занимались хозяйством, главным образом животноводством, птицеводством, пчеловодством и рыболовством. Сеяли хлеб очень мало, все рабочие силы отвлекались внешней и внутренней государственной службой. Из России на заработки приходило мало и то на весну и лето для травокошения и жатвы, выручали же главным образом калмыки, которые за присмотр за животными пользовались выпасом и получали, кроме того, некоторое количество животных и хлеба. У нас тоже всегда бывало не меньше 6 — 7 кибиток калмыков и я говорил в детстве по-калмыцки, как настоящий калмык. Русь же шла мало, боясь черкесов и выжидая лучших для себя времен.

Весна, лето и осень проходили в трудах, а веселились зимой, особенно после Рождества, ездили друг к другу, пили, ели, пели, танцовали, играли в карты. Танцевали только мелецицю и польку под шарманку или какой другой инструмент, а если такового не было, а публика развеслится «до кипения», то играли иногда и на гребешке.

Особенно казаки веселились во время свадеб. Веселые свадьбы бывали не осенью, когда работы еще не закончены, а во время мясоеда перед Великим постом. Тогда веселье длилось и по неделям, с ряженными, преимущественно цыганами, тогда можно было наблюдать выявление талантливых казачьих натур.

(Продолжение следует.)

Проф. А. М. Андріевський.

Значення землі для козака.

На сторінках «Козацького Вісника» вже не раз дебатувалось питання про козацький погляд на землю. Що цей погляд збігається з націонал-соціалістичним, у тому спора нема, але не відмежовано його від погляду московського та ліберально-жидівського.

Др. С. Федорів справедливо каже, що «без земли нет козака». Так у старовину й було. Козацькі землі належали козакам, але не задарма. За козацькі грунти козаки зобовязані були служити, себто відбувати військову повинність. Кому служити? Спочатку своїй козацькій громаді — так було у донських козаків і запорожців, — а потім литовським князям і московським царям. Без служби землі не було. Хочеш посідати землю — служи цілому, памятай на добро цілого. Це говорить і націонал-соціалістичний світогляд. Земля дається не кожному, а тому, хто її заслуговує, хто її може ужити на користь не лише собі, а й цілому.

На початку історичного життя козацька земля на праві держання належала козацькій громаді. Терміну «власність» або «собственность» тоді ще не було. Але і в москалів (великоросіян) земля також належала громаді, яка й ділила її між своїми членами. Якаж ріжниця між козацькою громадою, що потім звалась військом Донським, Запорожським і т. і., і московською, просто кажучи, кацапською громадою? Ріжниця є та ще й велика.

На нью вперше вказав славетний історик козацького походження Н. І. Костомаров (Основа 1861 р. «Две народности»). Знав він добре козаків і москалів. Ріжницю між козацькою громадою, знав її южно-руською, і велико-руською — московською, що звалась «міром», бачив він ось у чому: козацька громада є добровільний збір людей, де кожний член сам по собі є самобутній, незалежний. Його обовязки до громади тільки у сфері тих відносин, які встановлює звязок між членами для спільного зиску й безпечности. Кожний член зобовязаний служити громаді остільки, оскільки того вимагає спільна оборона і користь, позатим він від громади незалежний, улаштовує життя по своїй уподобі.

Московська громада або «мір» напроти того є абстрактний вираз спільної волі й цілком вбірає особисту самобутність кожного члена — жадньої волі йому не дає; оскільки член є в громаді, остільки він від неї у всьому цілком залежний. Ілюструю на прикладі.

Син маляра Ге, який жив у Ясній Поляні Л. Н. Толстого, оповідав про такий випад: повернувся яснополянський селянин із-закордону до дому й задумав завести у себе плодовий сад. Виписав щепи й засадив. Яснополянська громада вся — молодь й старі — прийшли на обійстя й повикидали щепи — «без волі міру нічого не сміють робити». Вийшло на те, що саміж москалі кажуть: «Мужик умьон, да мір дурак!»

Проф. Оксяник-Куліковський, описуючи цю колективну прикмету росіян, зазначає її, як «особливе, невідоме Західній Европі, східне, азіятське соціальне самочуття: — чи добре, чи зле, а всі разом, «уж лучше все будем в аду, там нам легше будет».

Мельник-Печерський «В лісах» описує такий випадок: купець Максим Чапурин заблудив у лісі; набрів на артель лісорубів: «виведіть на дорогу» — звертається до них — «добре», кажуть й ціла артель йде показувати дорогу; Чапурин каже: «та чогож ви всі йдете? нехай один йде, а ви ліс рубайте», — «е, ні», відповідають «ми всі підем».

Ф. М. Достоєвський писав, що зо всіх народів москаль є найбільше «стадний». Звідкіля у москалів узялася ця «стадність» — питання не розвязане ще й досі.

Відповідь більше-менше правдоподібна така: москаль є алтайської раси, по природі флегматик, на зовнішні враження реагує слабо, сильний факт — байдуже добрий чи злий — для нього є рішальний, він йому підлягає без суперечок; сьогодня цар, а завтра Ленін — йому байдуже, аби сильний факт; як сами москалі кажуть: «нам каби барин, Сидора по-уху, Якову в ноги».

Історична доля москалів склалася так, що з під сильного факту вони не вилазили. То династія рюриковичів з «дружинами», то татари, то інші держали їх під батогом і гаяли, куда хотіли. Тягар сильного факту викликав у них: а) повну байдужість до вартости людського життя, б) страх самітности, в) хитрощі, як би уникнути ударів того факту, г) самохвальство — хвалитися сильним фактом, а коли його нема,-так видумати, напр. «цар-пушку», «цар-колокол», д) жорстокість, бо й факт поблажки не дає, е) відсутність моральної оцінки, не відріжняють доброго від злого — одно слово сильний факт жене їх, куди хоче. У своїй душі незнаходять вони, за виняткom хитрощів, жадних мотивів поставитись проти сильного факту, напроти тому відчувають одідичену охоту йти за ним. Таким москаль лишився й в сучасній війні — отару флегматичних москалів жене інтернаціональна, в істоті жидівська влада, що замінила бувалу царську. «Стадність» московської громади звязує кожного члена по рукам і по ногам, затримує всякий господарський поступ.

Ліберально-демократичний лад розглядає землю, як звичайний товар (крам), його можна купити, продати й заставити. Капіталистичний ум дійшов давно до способу, яким можна держать в руках і використовувати хліборода. Це застава землі. Заставлений грунт відповідає за капітал і відсотки. Капіталист може нічого не робити, за нього працює хлібороб. Ризика для капіталиста нема жадного — є врожай, чи ні, він свої проценти одержить. Барон Ямес Ротшільд у 1840 році писав: «державець заставного листа на землю є посередній володар землі; він не звязаний місцем осідку, може жити безтурботно, де хоче, маючи в кишені заставлені листи гарантовані державою; брати капітал і відсотки, жити не працюючи та поруч з другими складати державну владу!.

Цим шляхом давно пішли жиди. Намагались цілий світ втягти в цей рухобіг. Хлібороб мусив працювати на жидівського капіталиста; чи є гроші, чи ні, а капітал і проценти плати наперед.

Цей шлях знав Гете. У Фаусті він писав: «не помилуе мене жид — каже німецький хлібороб — наперед бере сплату, рік за роком наперед забірає збіжжа, на стіл приходить першочасно для їжі хліб». В демократичному ладу капітал панував над хліборобом, давив його.

З демократичним ладом, що до долі хлібороба, споріднений і большевицький. Ціль одна — обернути хлібороба у невільника, що примушений творити цінности для непрацюючого капіталиста. Демократичний лад йшов до цілі помалу, ступінь за ступнем, а большевицький зразу. Місце непрацюючого капіталиста осів паразитарний елемент большевицької влади. Демократичний лад для закабалення хлібороба використував заставу, а большевицький лад створив совхози і колхози. Чому так? Бо в психиці московського-великоруського племені найшов сприятливий для того грунт. Проти колективизації повстали окраїнні народи — козаки, українці, білоруси і т. і., але мовчали й голову схилили москалі. До цього привела їх загальна нівеляція особи ради абстрактного людства, азіятська стадність, втрата вартости індівіда в колективній громаді — комашнику.

Ф. М. Достоєвський все це предбачав, коли в свому щоденнику в 1873 р. писав: «никакая община российского муравейника не спасет, будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всею общиною».

Націонал-соціалістичний світогляд, що до землі, віддає повинне особі й громаді. Цим цілком відповідає завітним ідеалам козацьких народів. Він не нищить особи, дає волю й шляхетним здібностям, а в той ж час намагається цій особі прищепити ідею цілого — батьківщини, солідарности, служби, відповідальности та жертвенности, бо забезпечення добробуту людини, є у взаємній кореляції ідей особи й громади.

И. Васильев.

К задачам старой и новой эмиграции.

Войну против большевиков и против тех, кто за ними шел, или кого они против Казачьих Земель воевать посылали, как в прошлом 1917-21 г. г., так и теперь вели не отдельные группы или партии, а все Казачество, весь казачий народ.

В результате перевеса более сильной грубой физической силы побежденная часть казачьего народа ушла за пределы своей Земли. Ушла не партия и не отдельные группы, боровшиеся за тот или иной внутренний строй или социальное устройство, а ушла вооруженная часть народа, побежденного в неравной борьбе с внешней, не-казачьей силой.

Подобно тому и новая казачья эмиграция, явившаяся в результате нынешней борьбы, не является отдельным слоем нашего казачьего народа, а неразрывной его частью, ушедшей за рубеж своих Земель для дальнейшей борьбы за свободу и счастье своего народа. И новая эмиграция, подобно старой эмиграции, ушла с оружием в руках, не для отдыха, не для поисков иного места, а для продолжения начатой борьбы, для завоевания казачьей Свободы и Воли. Ушла она опять от того же самого московского большевизма, как и эмиграция старая, ушла при тех же обстоятельствах и с теми же задачами.

Никто не может оспаривать духовное и кровное родство старой и новой эмиграции, никто не в силах отрицать общность их чаяний и стремлений, равно как и общность стоящих перед ними задач.

Мы — политическая эмиграция, старая ли или новая, все равно, мы — не беженцы. Мы не та эмиграция, которая едет искать своего счастья за морем. Мы — те, кто с оружием в руках ушли в эмиграцию для того, чтобы продолжать раз начатую освободительную борьбу против большевизма за свободу и счастье Казачества. На нашей совести лежит разбить цепи, сковавшие наших братьев там, под большевицкой оккупацией, освободить нашу казачью Родину из костлявых об'ятий коммунистического ига.

В этой борьбе имеются всякие средства и способы для достижения цели. И всеми ими ведущими к поставленной цели, мы должны пользоваться. Каждое оружие, каждый способ борьбы, какой ведет к ослаблению противника, какой ведет к уничтожению его физических, идеологических, материальных и иных сил, должно нами быть использовано и применено. На всех участках борьбы должно быть тотальное напряжение наших сил.

До войны против СССР были способы путем пропаганды, печати, подрыва советской власти и пр., теперь же к ним присоединен и самый решающий способ — путем оружия. Однако, при этом никак нельзя забывать и иных родов оружия, которые также важны и сильны в настоящей борьбе двух миров.

Мы все эмигранты, старые или новые, старые или молодые, мы — в походе, мы находимся в борьбе за свободу своего казачьего народа, мы все являемся воинами, борящимися всеми родами оружия за одну и ту же цель, за одну и ту же мысль.

Являясь продуктом политики, ее результатом, мы являемся политической эмиграцией. Тот, кто говорит или советует не заниматься политикой, помогает идейно ослаблять динамику борьбы казаков. Наоборот, мы должны и обязаны быть политически выграненными и национально выше нашего противника.

Не только нашим правом, но и нашей прямой обязанностью является работа над достижением и осуществлением основной политической задачи, стоящей сейчас перед порабощенным Казачеством. Эта задача, эта цель для нас, казаков, наша родина Казакия. По дороге к ней большие задачи внутренние и внешние.

К задачам внутреннего порядка относяться прежде всего ясное сознание каждым казаком своей цели, своего казачьего участия в борьбе за свободу. Казачий вопрос должен быть ясным и определенным не только для каждого казака, но его нужно сделать ясным и понятным и для других народов. Решающей, конечно, является роль своих собственных сил. Это положение должно стать бесспорным для каждого казака. В наших интересах, в интересах всего исторического будущего Казачества нужно, чтобы в настоящей освободительной борьбе наши силы были наибольшими. Нужно, чтобы наличная казачья сила — физическая, политическая, идеологическая — была максимальной. Необходимым условием для этого является совершенная осознанность и ясность казачьего вопроса. На ясном идеологическом фундаменте должна быть и твердая организационная спайка, ибо только политически об'единенными, на ясной и понятной программе, скованными суровой дисциплиной можно с успехом вести борьбу против организованного противника.

На доле эмиграции лежит и формулировка политической идеологии Казачества, ибо там, под большевиками, о собственной Казачьей Дороге Казачеству не только говорить, но и думать не разрешается. Вот почему мы должны быть особенно строгими к эмиграции, ибо ее долгом и ее обязанностью быть носителем своих национальных чаяний, своей казачьей Дороги, как здесь, в эмиграции, так и там, дома.

Каждый должен отчетливо сознавать, что своих казачьих целей мы без борьбы, тяжелой и упорной борьбы, не достигнем. Борьбу же выиграывают те, кто хорошо знают свои цели и хорошо организованы. Всякая борьба стоит тем дешевле, чем она лучше подготовлена, чем она лучше организована. Вот почему на все это мы должны обратить особое, сугубое внимание.

Одной из причин поражения казаков в прошлой борьбе была казачья разрозненность, необ'единенность, отсутствие единого для всех казаков политического возглавления и единого командования их вооруженными силами. Нужно, чтобы этой основной ошибки Казачество не повторяло.

Поэтому для всех нас вполне понятна та тяга к единому совместному действию как со стороны старой, так и со стороны новой казачьей эмиграции. Поэтому наблюдается страстное желание одних и других совместно творить одно казачье дело. Вот почему отбрасываются всякие искусственные перегородки, какие ставятся между нами. Все мы считаем себя одним казачьим телом одного и того же казачьего народа, имеющими одни и те же задачи, одни и те же стремления. Теперь же мы имеем одну общую и об'единяющую всех платформу, в основном выраженную в декларации Германского Правительства к Казакам.

Мы не должны забывать, что все властно диктует нам избежать распыления наших казачьих сил. Надо помнить и не забывать, что раз'единение погубило казачью борьбу в недавнем прошлом, что раз'единенная эмиграция, существование нескольких атаманов совсем не способствует успеху казачьего дела, особенно, если примем во внимание, что эти атаманы никогда не стремились отстаивать казачьих интересов, никогда не ставили самостоятельно казачий вопрос, но рассматривали его как чужой привесок, как привесок чужого не-казачьего вопроса.

Нужно, в конце концов, показать всем нашим недругам и друзьям единый казачий кулак, а не растопыренные пальцы, нужно показать, что все мы казаки боремся и хотим бороться только за свою казачью свободу, за свое казачье будущее.

Только общими усилиями мы можем успешно завершить свою борьбу против большевизма за освобождение своей казачьей Родины, привести всех казаков домой, принести туда решение Казачьего Вопроса, а там уже создать первый Верховный Круг всего Казачества для оформления и создания своей национальной жизни и его самобытного существования.

В подтверждение мыслей, высказанных в статье ст. И. Василева, помещаем одно из писем, полученных Руководителем КНД ст. В. Г. Глазковым, от одного из активных организаторов казачьих воинских частей на Дону и на Украине ст. полковника В. С. Беляевского, состоящего при штабе Походного Атамана полк. Павлова.

Редакция.

Руководителю КНД инж. Глазкову В. Г.

Почти четверть века разделяло нас, казаков, имеющих общую родину, общую веру, общие надежды и цели. Я имею в виду казаков, эмигрировавших после войны 1918-1920 гг. за границу, и казаков, которые принуждены были в силу тех или иных обстоятельств пережить это время в стане большевиков. У многих сложилось убеждение, что яко-бы первые, т. е. казаки-эмигранты, настолько изменили свой духовный облик, что уже не могут быть полноценными борцами на стороне тех казаков, которые подняли оружие против коммунистического чудовища. Это мнение базируется на том, что люди не пережившие лично те кошмарные явления, сопровождавшие жизнь в СССР, не в состоянии представить себе правильное понятие об этой жизни.

Моя поездка в Прагу, наблюдения во время ее и беседы с казаками-эмигрантами, знакомство с их собственной казачьей литературой, убедили, что подобное представление в корне неправильно. Для меня стало совершенно ясно, что сыны Дона, Кубани и Терека и казаки всех других Войск, несмотря на длительную разлуку с родными станицами, духовно остались теми же патриотами родной страны, сохранившими казачью душу и казачьи традиции. Даже молодое казачье поколение, выросшее уже заграницей, воспитано в большинстве родителями-казаками в духе любви к казачьей родине. Даже административная структура казачьей жизни в эмиграции сохранилась — Атаманы, округа, станицы и хутора.

Чувствуется ясно, что все эти люди, оторванные от родной страны, живут общей надеждой и горят огнем веры возвращения в свои родные Земли. Они все готовы с оружием в руках пойти в бой против жестоких палачей-большевиков, погубивших тысячи их братьев. Они все верят в то, что настанет светлый день победы над коммунизмом и что казачья жизнь возродиться на на родной Земле с прежним полным величием и новым правом. Они ждут этих радостных дней, когда Казачество, детьми которого они себя называют, призывным звоном церквей возвестит миру о своем возрождении и тогда, все казаки, соединившись после долгой разлуки, в одну огромную семью, будут строить на развалинах умершего мрачного прошлого новую счастливую жизнь. В этой жизни уже не будет никаких делений на эмигрантов и не-эмигрантов, не будет, не должно быть различных течений и ориентаций, а будет общая, по вековым традициям, по славе предков и героев нашего времени, великая казачья семья.

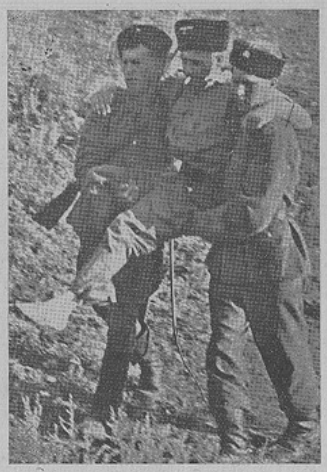
Казаки, пережившие — Чилингирский лагерь, остров Лемнос и лагерь Санжак-Тепе, тоску по родине, тяжелый труд и скитания по чужим краям, также как и казаки уцелевшие после большевицкой чирании, после застенков НКВД, и долгого преследования в СССР, своими страданиями заслужили право на вольную и счастливую жизнь. На это нам всем дает надежду и недавняя декларация Германского Правительства, подтвердившая права казаков.

Это мои впечатления и мое желание и вера в хорошее будущее.

Да поможет нам Господь Бог скорей разгромить большевиков и встретиться там всем на родных наших степях и приступить к восстановлению нашей дорогой многострадальной родины.

Остаюсь с приветом казак станицы Есауловской 2-го Донского Округа

полковник В. Беляевский.

«Сам погибай, а друга-казака выручай». Старая казачья традиция остается и ныне в силе.

Archiv „Der Kosakenbote".

Белорусская Центральная Рада.

Решением Генерального Комиссара Белоруссии группенфюрера СС фон Готтберга признана к участию в жизни Белоруссии Белорусская Центральная Рада.

Это решение Ген. Комиссар сообщил представителям всех слоев Белорусского Народа, собравшимся в гор. Минске. Ген. Комиссар обратился с большой речью, в которой отметил многолетнее угнетение белорусского народа, которое достигло наибольших размеров при большевизме. Затем отметил стремление белоруссов к своему национальному возрождению и к борьбе против общего врага — большевизма. После освобождения Белоруссии громадное большинство ее народа проявило желание к положительной работе и возрождению своего Края. Теперь, в знак особого доверия германских властей, призвана к участию в жизни народа Белорусская Центральная Рада, статут которой был об'явлен всем присутствовавшим и опубликован в прессе.

Ген. Комиссар отметил целый ряд мероприятий, предпринятых для улучшения жизни и положения всех слоев белорусского народа.

С ответной речью выступил президент Белорусской Центральной Рады г-н Радаслав Астровский, который выразил благодарность белоруссов и заверил, что они приложат все свои силы для достижения окончательной победы над большевизмом, для создания нового порядка и обеспечения в нем справедливого места белорусскому народу.

Пением Немецкого и Белорусского гимнов торжественный акт был закончен.

И. Бочаров.

Экономический кризис на Дону в конце XIX и в начале XX столетия.

Начало хозяйственного, а потом и бытового и психологического кризиса в Донском Казачестве надо отнести к семидесятым годам XIX столетия.

Главным фактором обнищания не без основания считается система отбывания воинской повинности. Конечно и до семидесятых годов все казаки отбывали воинскую повинность. Если же принять большую продолжительность этой службы в то время, то нужно сказать, что и раньше эта система губительно отражалась на казачьей экономике, ибо хозяйство в течение долгих лет отсутствия казака велось женщинами, стариками и детьми.

Но в прежнее время снаряжение казака на службу не требовало таких непосильных расходов, ибо лошади были значительно дешевле. Тогда строевого коня можно было купить за 40 рубл., а сторублевый конь был наивысшей оценкой лошади. Обмундирование и снаряжение делалось домашним способом и вместе с холодным оружием переходили по наследству от деда к отцу, от отца к сыну и внуку.

При достаточном количестве свободных юртовых земель основой хозяйства служило скотоводство, требующее меньшей затраты энергии, чем при земледелии.

С семидесятых же годов обстановка резко меняется. Расходы на воинское снаряжение казака увеличиваются, повышаются и требования к предметам снаряжения и обмундирования. Появляется стремление приблизить казачьи полки к типу регулярной кавалерии во всех отношениях.

А наряду с этим земельный пай с увеличением населения уменьшается, скотоводство, как база казачьего хозяйства, начинает уступать место земледелию. К концу семидесятых годов станицы приступают к разделу своих юртов. Казачий пай, теоретически определявшийся в 35 десятин, фактически выразился в 15 и меньше десятинах. Увеличить надел из запасных земель не предоставлялось возможным, ибо лучшие казачьи земли еще в прежние времена были у него отобраны и розданы помещикам, другая часть поступила в собственность чиновников. Около 1½ миллиона десятин запасной земли было из'ято центральной петербургской властью из ведения Донских Казаков и отдавалась в аренду под коневодство с платой по 3 (три) копейки за десятину, с целью обслуживания нужд русской кавалерии.

При чем, ни одной строевой лошади, кроме брака, казаки не имели права приобрести в этих коневодствах.

При новых хозяйственных условиях к концу девяностых годов и началу нынешнего столетия выбирать землю уже было нельзя, приходилось подвергать обработке всю землю. Естественно, что при отсутствии необходимых и нужных знаний агрикультуры, земля быстро истощалась, появились различные сорные травы и падение урожайности. Никаких мер к повышению уровня земледелия не было принято. Казачьи семьи должны были справляться при невероятной затрате трудовой энергии всех членов. К этому же времени расход на казачью воинскую справу возрос до очень крупных размеров, а требования воинской службы значительно повысились.

Воинская служба казака начиналась с восемнадцатого возраста, когда он призывался в свою станицу и здесь под руководством инструкторов проходил подготовку. На девятнадцатом году присягал, потом снова призывался на подготовительные военные занятия. Затем отправлялся на майские лагерные сборы. Потом шел в полк. Окончив полковую службу, перечислялся на 4 года во вторую очередь, затем на 4 года в третью и, наконец, на 4 года в запас. Таким образом, казак служил около 20 лет.

Казаки женились рано, обычно в 18 лет, что вызывалось отчасти соображениями морального порядка, отчасти хозяйственной необходимостью. Состоя во второй очереди, казак имел уже несколько детей. Обычно, вскоре по приходе из полка, если в семье было несколько сыновей, его выделяли. Казак должен был создавать свой собственный угол и хозяйство. Нужна была особо интенсивная работа и большое уменье изворачиваться, чтобы создать свое хозяйство.

К этому казак был не свободен: он был прикреплен к своей станице и не имел права отлучиться на отхожий промысел, будучи обязан службой во 2 и 3 очереди. Несколько раз нужно было являться на проверочные смотры особых проверочных комиссий, иногда за несколько десятков верст, да еще в горячую рабочую пору, когда как никогда нужно присутствие самого хозяина. Со второочередного и даже с трехочередного казака требовалось, чтобы он являлся на смотр в такой же исправности, как и в полк. Всякие неисправности в содержании коня или снаряжения влекли арест до одного месяца часто в горячую рабочую пору. Земельный же пай прогрессивно уменьшался, качество земли падало. В начале нынешнего столетия в некоторых станицах земельный пай исчислялся в 5 десятин.

В девяностых годах на Дону был распространен чрезвычайно любопытный способ приобретения средств на справу бедных казаков — принудительный наем маломощных казаков в батраки, при чем заработная плата поступала в казну, откуда шла покупка коня и снаряжения. Или же отбирался пай и сдавался в аренду. Часто отбирался пай и у отца. В таких случаях семья оставалась совершенно без надела.

Некоторые пробовали жаловаться, но рассматривались властью, как «бунтовщики», «заговорщики». Их ссылали в административном порядке в отдаленные станицы. Особенно это практиковалось во время Наказного Атамана поляка князя Святополк-Мирского.

Нужно было видеть, какое гнетущее впечатление производило на казаков такая политика центральной власти, чтобы понять какое страшное дело творили всякого рода наказные атаманы, какую яму они рыли тому режиму, которому служили. Бороться против злоупотреблений даже просто заявлять о своих нуждах казаки были лишены возможности, ибо наказные атаманы и их начальники штабов назначались исключительно из не-казаков, они Казачества не знали, будучи же строевыми генералами, с гражданской жизнью вообще не были знакомы, к Казачеству относились с предубеждением и смотрели на него как на средство к своему обогащению и достижения своей карьеры.

Положение настолько было угрожающим, что даже петербургские сферы, обыкновенно не признававшие никакого «казачьего вопроса», принуждены были внять тревожному крику о бедствии, исходившему от местных общественных деятелей. Следует целый ряд комиссий, работы которых определенно установили и определили наличие экономического кризиса, неотложную нужду в перемене социальной политики. К сожалению, осязательных последствий работы комиссий почти не имели.

Казаки искали выхода из тяжелого положения — кто как мог. Некоторые шли на шахты, фабрики и в города, иные переселялись в сибирские Войска и на Дальний Восток, на Уссури. Нужно знать страстную привязанность казака к своей Родине, к своему укладу, к традициям, чтобы понять глубину той трагедии, которая толкала казаков на разрыв со своим прошлым и на поиски новой жизни вне Родного Края.

На необходимость реформ наказный атаман князь Святополк-Мирский ответил в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов закрытием на Дону гимназий и реальных училищ, создав взамен их в каждой окружной станице военно-ремесленные школы, которые должны были обслуживать потребности казачьих воинских частей, выпуская военных кузнецов, портных, седельников, оружейников.

Все это диктовалось тем взглядом на Казачество, той политической тенденцией центральной власти, которая хотела видеть в казаке только воина и больше ничего. Петербургские верхи были твердо уверены, что казаку просвещения не нужно, ибо в «государственных» целях то вредно. Никакого образования для казаков не надо, не нужно никаких нововведений в технику хозяйства и жизни, ибо все это будет отвлекать мысль казака от военных традиций в сторону мирного труда. По мнению центральной власти, никаких присущих всем людям, общечеловеческих желаний и интересов не должно быть у казака: стремлений к знанию, к культурной жизни, к благосостоянию, семейному уюту.

Нужно отнести за счет крепости и стойкости казачьего духа, что и эти все безвзгоды Донское Казачество перенесло, не заразилось ядом большевизма, но при первой же возможности возродило свою собственную народную жизнь, которую со оружием в руках с особенным героическим упорством отстаивало перед напором большевицких полчищ, шедших с севера на Казачьи Земли.

Большевики и религия.

(По советским материалам.)

«Религия — опиум для народа». Это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мировоззерцания марксизма в вопросе о религии!. **Ленин.**

«. . . Антирелигиозная пропаганда — кровное дело каждой организации, составная и неотъемлемая часть всей нашей пропагандистской работы. Этому учил партию товарищ Ленин, этому учит товарищ Сталин. . . Партия, как передовой отряд рабочего класса, не может безразлично относиться к мракобесию ввиде религиозных верований. . . Наша пропаганда, подчеркивал Ленин, необходимо включает и пропаганду атеизма. . .»

Журнал: «Пропаганда и агитация» № 24, Ленинград, декабрь 1940.

Вручение медалей «За оборону Ленинграда» митрополиту Алексию и другим служителям Русской православной церкви.

По поручению Президиума верховного совета СССР, вручены медали группе служителей русской православной церкви. . . Принимая медаль, митрополит Алексий сказал: «Я благодарю советское правительство и заверяю его, что и впредь священнослужители православной церкви будут вносить свою лепту в фонд обороны любимой отчизны и будут возносить молитвы за здоровье народного вождя Иосифа Сталина». Сообщение ТАСС, напечатанное в советской прессе 16 октября 1943 года.

— По сообщению шведской газеты «Свенска Дагбладет», секретарь Московского обкома Щербаков на собрании 25. I. с. г. заявил, что «Интернационал» и впредь остается гимном коммунистической партии и в будущем будет исполняться на всех собраниях партии, конференциях и конгрессах.

Новый гимн, созданный по заказу Сталина советскими стихоплетами, является только русско-советским гимном исключительно для домашнего употребления и окалпачивания простаков. Заявление Щербакова является лишним свидетельством того, что большевики были и остаются неизменными в своих целях мировой революции, в своих стремлениях «раздуть мировой пожар».

Проф. Михайло Башмак.

КОЗАЧА БІБЛІОҐРАФІЯ.

Не козаки о козаках.

Будемо описувати книги не в хронологичному, а в абетковому (азбучному) порядкові, тому що нам козакам, цікавий не рік видання книги, а її автор, та що він о нас, козаках, написав.

Як і раніш будемо подавати формат книги в см. (довжина × ширина) тих книг, які мали в своїх руках, тих же книг, що не мали — формат не подаємо.

1. **Александров Я. Белые дни.** Часть первая. Берлин, Град Китеж. Тип. Печатное искусство в Вюнсдорфе. 1922. (23×15.5), 64 стр.
2. **Альманах.** Русская эмиграция 1920-1930. Выпуск I. Белград. Об'единенная русская эмиграция. Тип. при «Царском Вестнике». 1931. (24×15.5), 96 стр. илл.
3. **фон-Валь Э. Г. Значение и роль Украины** в вопросе освобождения России от большевиков на основании опыта 1918-20 гг. Таллинн. Автор. Тип. Libris. 1937. (16×12), 72 стр.
4. **Воронович Н. «Зеленая книга».** Сборник материалов и документов. История крестьянского движения в Черноморской губернии. Прага. Черноморская Крестьянская Делегация. Тип. Neubert-Pour.
5. **В память I-го Кубанского похода.** Сборник под редакцией Б. И. Казановича. И. К. Кириенка и К. Н. Николаева. Белград. Главное Правление Союза Участников I-го Кубанского Похода. 1926. 149 стр.
6. **Врангель П. Н. Южный фронт.** Записки (ноябрь 1916 — ноябрь 1920). Берлин. Медный Всадник. Белое Дело. Летопись Белой борьбы. Тип. Зинабург. (25.5×18.5). Том V — 1928. 311 стр.
7. **Всегоренко, М. Кубань.** Львів. Дешева книжка. Друк «Слово». 1937. (17.5×13). 32 стр.
8. **Гнатюк Волод. Кубанщина й Кубанські Україні.** Львів. Просвіта. Друк. Діло. 1920. (19.5×12.5). 50 ст.
9. **Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917 — 1918 г. г.** Париж. Иллюстрированная Россия. Тип. Libris. 1937. (20.5×14.5). Книга 1. 168 стр. 1 карта. 2. 159 стр. 3. 114 стр., 1 карта. 4. 87 стр., 3 карты. 5. 104 стр., 1-карта. 6. 116 стр., 1 карта. 7. 130 стр., 2 карты. 8. 154 стр., 2 карты. 9. 112 стр. 10. 77 стр., 2 карты. 11. 136 стр., 2 карты. 12. 96 стр.
10. **Гуль Роман. Ледяной Поход.** (С Корниловым). Берлин. С. Ефрон. Тип. Шпамер-Лейпциг. 1922. (17×12). 160 стр.
11. **Husnik, Družstevnictví a hospodářský rozvoj Kubáňského kraje. Praha 1922.**
12. **Даватц В. На Москву.** Париж. Тип. Рirаховский. 1921. (22.5×14). VI—116 стр.
13. **Деникин А. И. Очерки русской смуты.** Том I. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Париж. Поволоцкий. Тип. Union 1921. (23.5×16.5). 183 стр. Том I. Вып. 2. Тоже. 1922. 238 стр. Том II. Борьба генерала Корнилова, август 1917 — апрель 1918. Париж. Поволоцкий. Тип. Зинабург. 1922. (23.5×16.5) 345 стр. Том III. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г. Берлин. Слово. 1924. (25.5×18.5). 272 стр. Том IV. Вооруженные силы Юга России. Берлин. Слово. Тип. Слово. 1925. (24×18). 245 стр. Том V. Тоже. Берлин. Медный Всадник. Тип. Зинабург. 1926. (25×18). 367 стр., 21 лист фот.
14. **фон-Дрейер В. Крестный путь во имя Родины.** Двухлетняя война красного севера с белом югом 1918 — 1919 года. Берлин. 1921. (21×14). 154 стр.
15. **Дроздовский М. Г.** Дневник. Берлин. Отто Кирхнер Тип. Зинабург. 1923. (18.5×12.5). 185 стр., 1 карта, портр.
16. **Емельянов А. Г. Персидский фронт.** (1915—1918). Берлин. Гамаюн. 1923. (205.×14). 200 стр.
17. **Зайцов А. 1918 год.** Очерки по истории русской гражданской войны. Париж. Автор. 1934. (24×16). 280 стр. 10 карт.
18. **Іваєшк І. Кубань.** Економичний нарис. Прага. Український Громадський Видавничий Фонд. Тип. Легіографія. 1925. (25×17.5). 177 ст. 1 мапа.
19. **Клинський Емельян. Сергей Жаров** и его Донской Казачьий хор. Берлин. Донской Казачий хор. Тип. Енергиадрук. 1931. (24.5×19). 54 стр. 1 стр. нот.
20. **Королевич Петр. История переселения казаков** в республику Перу. Новый Сад. 1930. 138 стр.
21. **Королевич Петр. Колонизация в Перу.** Белград. 1930. 28 стр.
22. **Леонтович Владимир. Первые бои на** Кубани. Воспоминания. Мюнхен. Молодая Россия. Тип. Р. Ольденбург. Без года. (21.5×13.5) XIII-88 стр.
23. **Лукомский А. С. Воспоминания.** Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Берлин. Отто Кирхнер Тип. Шпеер и Шмидт. Том. I. 1922. (23×15.5). 300 стр.; том II. 1922. (23×15.5). 332 стр.

(Продовження дале).

Пишите точно и четко свой адрес! Каждую перемену своего адреса немедленно сообщайте в Казачью канцелярию!

«Казачий Вестник» — единственный казачий печатный орган — издается на средства казачьих патриотов. Помогай и Ты распространять и расширять свое казачье печатное слово!

А. М.

КОЗАЧА СТАРИНА

Запорожці й Донці.

Всі козаки одного расового походження. Доля їх ріжна: то були вони самостійними державами, то тратили самостійність та були під владою інших народів — Половців, Татарів, Поляків, Москалів. Але з давних давин мова у них була одна, хоч потім й змінилась, і віра одна — християнська. Козаки памятали про своє спільне походження; розуміли один одного.

В 1111 році руські князі пішли походом на Дон. Коли підходили до міста Шараканя, князь Володимир наказав священникам, що йшли поперед війська, співати тропарі й кондаки. Коли мешканці Шараканя почули спів «вийшли на зустріч, поклонились князям, піднесли їм рибу й вино» — (Іпат. літопис, ст. 192). Влада була половецька, Половці мови й співу християнського не розуміли, а мешканці Шараканя розуміли мову й спів — вийшли назустріч не до чужих, а до своїх, Київських князів та їх війська.

Запоріжці й Донці жили по братські — одні другим помагали. У 1632 р. донські козаки так сказали московським людям: «у нас, Донських козаків з Запоріжськими Черкасами така умова вписана: коли сподіватись звідки приходу великого на Дін або на Запоріжжа, то Запоріжським козакам нам на Дону помагати, а нам Донським козакам помагати запоріжським Черкасам».

Запоріжці й Донці мали одних головних ворогів: Запоріжці Польщу, а Донці Москву. За Донцями слідили пограничні московські воєводи, а за Запоріжцями польські; списувались між собою, попереджали один другого. У березні 1648 р. перед повстанням Б. Хмельницького Браславський воєвода Адам Кісіль так писав пограничному Путивльському воєводі, кн. Юрію Долгорукому: «некая часть, тисяча или мало що больш своєвольников козаков Черкасцов избегли на Запороже, а старшим у них простий холоп, нарицается Хмельницкий, и думают Донских козаков подбити на море; гетман великий и я с ним о том воре промишлять будем, аще ли убежит на Дон з Запорожя, и там би его не пріймати, не щадити, ни на море пустити» (Акты Ю. З. Р. т. III, № 163).

Польша завжди мріяла створити велику Польшу од Можа до Можа, а Москва мріяла про Дарданели й Візантію, тому Польша намагалась приборкати Запоріжців, а Москва — Донців. Нині Польша впала. Сподіваємось, що впаде й Москва. Для нащадків Донців і Запоріжців відкриється воля й настане знову історичний мент спільними силами ту волю забезпечити.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

— Шкаринов Яков Ильич, ст. Кагальницкой, Дон разыскивает дядю Василия Михайловича Шкаринова. Писать:

Frankfurt a/M., Nied. Oeserstr. 16.

— Белоусов Иван Борисович, ст. Цымлянской, Дон, разыскивает своих братьев. Писать:

Ing. Iwan Beloussow, Wien 9, Franz Josef Bhf., Barak Nr. 2.

— Шевцов Яков Дмитриевич, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает тестя Семена Михайловича Кондрашова. Писать:

Frankfurt a/M., Nied. Oeserstr. 16.

— Пархомов Назар Кириллович, ст. Мечетинской, Дон, разыскивает родных и знакомых. Писать:

Prag XIV., Bořkova 23, Protektorat.

— Арьков Иван Александрович, ст. Каргальской, Дон, разыскивает Афанасия Диевича Павлова и Константина Григорьевича Попова. Писать:

Frankfurt a/M., Nied. Oeserstr. 16.

— Рожков Тимофей Кириллович, ст. Зеленчукской, Кубань, разыскивает сыновей Филиппа и Андрея, брата Петра Рожкова и одностаничников. Писать на «К. В».

— Ковалев Иван Андреевич, ст. Мечетинской, Дон, разыскивает отца Андрея Васильевича Ковалева. Писать:

Frankfurt a/M., Nied. Oeserstr. 16.

— Семенников Емельян Васильевич, ст. Ново-Орловской, Дон, разыскивает братьев Василия, Якова и Владимира. Писать:

Kirchmözer Ost. bei Brandenburg, B. E. K., Stube 11.

— Крыжановский Миша разыскивает отца Аркадия Крыжановского, ст. Смоленской, Кубань. Писать по адресу:

Frau N. Wagner, Hohen Neuendorf bei Berlin. Kinderheim.

— **Кто возьмет** на воспитание мальчика 11 лет, урожд. ст. Смоленской, Кубань, Мишу Крыжановского? Сообщить по адресу:

Frau N. Wagner, Hohen Neuendorf bei Berlin. Kinderheim.

— Колесников Иван Романович, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает дядю Якова Тихоновича Колесникова. Писать:

Frankfurt a. M., Nied. Oeserstr. 16.

— Гущин Иван Данилович, ст. Усть-Белокаменской, Дон, разыскивает родных и знакомых, выехавших с Дону. Писать:

Jean Goutschine, Lager N. 38, Berlin-Falkensee, Rotkehlchenstrasse.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Museum, Praha-Nusle II,
Gutenštejnska ul. č. 6.

ZEITUNGSDRUCKSACHE

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 4 (87)

5 JAHRGANG
5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го ФЕВРАЛЯ 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag XII., Skretagasse 12. Telephon 39595.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188.

Неприятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

День памяти героев.

К числу положительной работы зарубежного Казачества надлежит отнести и установление Дня памяти казачьих героев, павших за Свободу и Волю своего народа. Этим днем является 11-го февраля — день трагической кончины первого выборного Атамана Донского Казачества генерала Алексея Максимовича Каледина.

По установившейся традиции, в этот день казаки во всех местах своего рассеяния совершают заупокойные литургии и панихиды по павшим казакам, а затем на особо торжественных собраниях отмечают подвиги и заслуги тех, кто в борьбе за Свободу Казачества и за его право на жизнь положил живот свой за други своя.

Каждый народ высоко чтит своих народных героев, каждый народ имеет свой день памяти героев, приуроченный к тому или иному знаменательному дню своей истории. Наш казачий народ выбрал таким днем исторический выстрел своего первого избранника, начавшего новую, свободную от чужих пут, страницу нашей истории. Выстрел Каледина пробудил Казачество к новой борьбе за свой порог и угол, за свои родные хутора и станицы. Выстрел Каледина должен всегда припомнить каждому казаку необходимость жертвенной и упорной борьбы за свою казачью жизнь, за свое казачье право.

Казачий народ всегда отличался высоким почитанием своих предков, большим преклонением перед подвигами своих прошлых поколений. Прошлая героическая борьба Казачества всегда вдохновляла новые казачьи поколения на борьбу за бытие своего казачьего народа. Народ же, который высоко чтит свое прошлое, может иметь и свое лучшее будущее.

На протяжении всей казачьей истории наши герои и мученники своею же жертвенностью показали не только яркие и высокие образы любви к своему Казачеству, к своей Казачьей Родине, но и великие и священные заветы, от которых мы не должны и не смеем уклониться.

В день Казачьей Скорби нужно не только говорить о подвигах и делах покойных, но необходимо делать также смотр нашим обязанностям перед светлой памятью наших героев и перед нашим народом, необходимо задать вопрос — есть ли еще порох в пороховницах, не застыла ли в нас кровь казацкая, работает ли каждый из нас для блага Казачества, идет ли каждый по казачьему шляху наших запупных рыцарей?

Наилучшей памятью для покойных казачьих богатырей, героев и мучеников, павших в борьбе за Свободу и счастье Казачества, будут не погребальные по ним песнопения, а наше твердое и неуклонное стремление продолжать дело павших, работать на благо Казачества, вести борьбу за его лучшее будущее, удвоить нашу энергию и наши силы в деле освобождения нашей Казачьей Родины от ига большевизма.

Только тогда найдут свое вечное упокоение блуждающие и страждущие за судьбу Казачества тени наших великанов.

П. Поляков.

День казачьей скорби.

Далеко, за морями и лесами, лежит она, наша Казачья Родина. Больше четверти века прошло с того дня как, послав последнюю пулю, ушли мы в путь полный неизвестности и испытаний. Черной тучей лег кровавый туман на казачьи степи и до нынешнего дня не смолкают там стоны казнимых, не сохнут слезы на прекрасных глазах казачек, непрекращающимся потоком течет она, алая кровь братьев наших.

Больше четверти века прошло в неизбывном горе, в постоянных думах о судьбах Родины нашей, о доле ее тяжелой и о сынах ее, головы свои сложивших за честь казачью неподкупную, и за неувядающую славу Народа нашего.

Вот они, огромными тенями встающие перед духовным взором, израненные, окровавленные, с бледными лицами и горящими глазами...

Кто они, эти лучшие сыны Казачества, как звать их было, к чему стремились они, что любили и за что положили жизнь свою?

...Высоко над морем голов вздымается огромная плаха. От первого, тупо прозвучавшего удара топора дрогнула толпа и замерла. Тонкой струйкой по неструганным доскам плахи пробилась кровь и быстро быстро стали падать темно алые капли, прибивая пыль утоптанной Красной площади. Глухо стукнула отрубленная нога о дощатый настил. Лицо казнимого посерело, плотно сжались губы, двинулись и застыли желваки. Ни звука, ни стона, ни движения. Высоко взметнулась секира, гакнул палач, опуская ее на правое плечо донского сокола и, будто отброшенная, с силой отлетела и упала на землю рука. В ужасе, с обезумевшим взором, вскочил привязанный к плахе молодой казак, поднял окованные руки вверх и несвоим голосом не закричал, а взвыл:

— Знаю слово и дело государево... не казните брата!

— Молчи, собака! внятно и твердо проговорил лежавший на плахе.

Возле кричавшего засуетились дьяки. Тряхнув под горшок остриженной головой, сплюнув на руки, палач снова занес топор...

Посередь Москвы, на Красной площади, казнили его, атамана Вольницы Казачьей, живую мечту Казачества, Степана Тимофеевича Разина.

...Верили они в Господа Сил твердо и ничто на свете не могло отвратить их от дедовской старой веры. Никому веры своей не навязывали, но предлагали ее всякому, теплым словом убеждения стараясь каждому открыть врата раевы. И взяли их, и отвезли в Москву, и пытали, и били нещадно, доказывая, что Христос Никонианский лучше Христа Казачьего. Но доказать не смогли. Далеко, выше голов палачей глядя, спокойно умерли они на плахе за старую веру свою, атаманы казачьи, Лаврентьев и Чюрносов...

...По Хопру, по Медведице, по Дону, зажжены и сгорели казачьи городки. Тяжело колыхаясь, медленно крутятся на речном стрежне грузные плоты. Высоко, под самое небо уходят на них виселицы. Низко опустив головы, со скрученными назад руками раскачиваются трупы повешанных... То опускаясь на перекладины, то снова с шумом срываясь с них гомонит бесчетное воронье, выклевывая глаза тех, кто ничего иного в мире не хотел, лишь бы видеть вольными свои родные степи... Тысячи, десятки тысяч погибло казаков в страшном восстании. Сам князь Долгоруков, повелением царя Петра Первого, приказал построить плоты и спустить их вниз по Дону, разукрасив казачьими трупами, мимо уцелевших городков казачьих в назидание всем, чтобы бунтовать впредь у всех охотку отбило.

И затворившись в Войсковой Избе, сквозь щели ставен взглянув в остатний раз на широкие задонские степи, застрелился он, Атаман Войска Донского, Кондрат Афанасьевич Булавин.

...Холодно, дрожь и озноб пробивают до костей, добираются до самого сердца и леденят его, останавливают и сжимают мертвой хваткой. В ночи едва видны контуры Петропавловской крепости. Глухо звенят шаги часовых, тускло мигает огонек жирника в комнате дежурного. Тяжело грохнув, закрылась дверь камеры. Медленно опустился на койку окованный по рукам и ногам гвардии полковник Евграф Грузинов. Нет. Прав он. От своего не отступится. Дон присяги никогда царям не приносил и посему нисколько царям оным подвластен не был.

Тусклым сентябрьским днем казнили Евграфа Грузинова, не признававшего Дон государевой вотчиной.

...Широко раскинув руки, лежит он в кадетской шинели, с синями как казачье небо глазами, смотрит застеклянелым взором прямо в хмурое февральское небо. Смотрит и спрашивает Его, Господа и Творца своего:

— За что же, Господи?

Страшным сабельным ударом раскроен череп, мягкие еще детские кудри сплелись на окровавленном лбу, скрюченные от предсмертных мук пальцы глубоко зарылись в снег. Сколько их здесь, казачьих детей, легло сегодня под станицей Каменской. Как скошенные лазоревые цветы, поникли они юными казачьими головами к родной земле.

В этот день погиб отряд полковника Чернецова и с ним водитель его.

...Хмурилось небо. То снег, то дождь прорывались из холодных облаков, в темной дымке куталась степь, зябли в тревоге за будущее сердца Черкасских жителей. Что-то будет? Казаки разошлись по домам, пусто на улицах донской столицы, далеко за садами, надрывно воет собака. Гремя шашкой, выскочил из атаманского дворца ординарец, смаху вскочил на коня и помчался в пустоту вечереющих улиц. Тревожно заметались тени в темных окнах, где то громко хлопнула дверь и все снова затихло... что случилось?

Оставленный всеми, не видя выхода из положения, застрелился первый выборный Атаман Войска Донского Алексей Максимович Каледин.

...Тяжело шлепают по мартовскому снегу огромные солдатские сапожищи. Перекошенные рожи победителей смотрят тупо, свиным, придушенным взглядом. Нерасторопно выстраивается взвод пехотинцев против в десяти шагах стоящего человека. Комиссар нервничает, хватается за наган, глухо, стараясь не встретить взора приговоренного, подает команду.

Приговоренный выпрямился, замерли губы, прошептавшие молитву, и вдруг внятно, отчетливо и громко раздалась команда из его уст:

— Сво-о-ла-ачь... пли!

Резко рванув воздух, грянул нестройный залп. Медленно сгибаясь, стало валиться на землю тело. Запрокинулась назад кудрявая голова и прямо в небо глянули умирающие очи.

А. М. Назаров, Атаман Войска Донского, сам командовал своим расстрелом...

Десятки их... сотни... десятки тысяч, сотни тысяч... миллионы казаков, давших жизни свои за Казачество, за Степи, за Вольный Казачий Присуд, за право свое жить в своем курене, никого не спрашивая, как жить надо.

Тихо молились они Богу, веру в которого привезли им предки их из под стен Цареграда.

Весело гуляли они на свадьбах и крестинах, лихо скакали на любимых друзьях своих — скакунах и из самого сердца, из глубины души казачьей вырывалась их песня, в которой славили они Бога в небе, да Степи на Земле.

Пуще всего на свете любили они свой Край Родимый, кохали женок своих красавиц, которых выискивали они во всех странах света, и растили сынов своих — казачат, себе на смену, Степям на защиту, Господу Богу на службу бранную.

И ничего им не надо было, только право на жизнь в привольной казачьей степи.

И усеяли они степи своими головами, полили они ее кровью своею и весь свет прошли и везде и всюду знают о них, и гремит их слава по всем уголкам Земли.

В день Казачьей Скорби, молясь за души казаков, за Казачество живот свой положивших, верим мы в справедливость Господа и Бога нашего.

Не запустеет степь казачьими головами, но умножатся они и пронесут славу ее во веки и век века.

Слава Казачеству!

Г. Козловский.

Помощник Войскового Атамана Войска Донского М. П. Богаевский.
Archiv „Der Kosakenbote".

Тени прошлого.

...Разбушевалась, разыгралась стихия, выбросив на улицу никому не ведомых до сих пор людей. Шумят, точно рой шмелей, эти пришельцы, выбрасывая на каждом перекрестке все более чудовищные лозунги. Точно вырвавшиеся из тесных палат душевно больных они шныряют по всем направлениям, выкрикивая заученные, но и им же непонятные фразы:

— Свобода, равенство, братство! —

А по сему, по их логике, нужно в первую очередь покончить раз навсегда с оплотом реакции и потому:

— Смерть казакам! —

Таков смысл улицы, это ее логика. Явились незванные и никому неизвестные, но по старой казачьей традиции, пользовавшиеся всеми правами живого человека, они показали свое лицо, призывая к насилию над истыми хозяевами казачьей земли.

Горбоносые, черноволосые уроды заполонили города и станицы Тихого Дона.

Всюду их можно встретить, совершенно безконтрольно и безнаказанно они собирают митинги и призывают строить новую, счастливую жизнь, по рецепту Карла Маркса.

С быстротою кинематографической ленты наростают события. Неспокойно в верхних округах, донские фронтовики поддаются агитации из вне. В занесенных снегом Донских степях, по станицам и хуторам совещаются станичники. В один голос все говорят о необходимости прекратить своеволье, о необходимости очистки Края от нежелательных элементов.

А в столице Дона, Новом Черкасске, в атаманском дворце, облокотив голову на руки, сидит в глубокой задумчивости первый, вольно избранный Донской Атаман, Алексей Максимович Каледин.

Много и разно тогда толковали про донского атамана. Разноречивы были эти суждения, естественно, где есть за, там непременно существует и против. Что превалировало, трудно было уловить. Как и всегда, к огоньку среди ночного мрака тянутся мелкие букашки. Точно также и вокруг единственного тогда светильника на Дону, атамана Каледина, собирались все те, кто считал грудь несбыточных планов и проэктов. Не сердился и не роптал А. М., молча принимал всякую преподносимую ему ухлядь, сдержано выслушивал надоедавших ему и привычным жестом руки отбрасывал в угол фолианты, лишь только дверь за очередным посетителем закрывалась.

Таков был характер у покойного Алексея Максимовича. Корректный, сдержанный, немногословен, казалось, не умеющий даже улыбаться. Но было в нем что то, что сразу влекло к нему. Большие, выразительные глаза смело и прямо, прямо в упор смотрели на собеседника. Кто знал Каледина, говорил с ним хотя немного, не может забыть этих

глаз. Они насквозь пронизывали и, казалось, ему в глаза нельзя говорить неправды. Все равно, сдержится, но оценит справедливо каждого и в своем осуждении не ошибется.

Отличительной чертой характера А. М. Каледина была честность и трезвый взгляд на свое, казачье. В современном понятии его можно смело назвать самым твердым, самым убежденным казаком-националистом.

Не понял и не оценил по правде и совести своего первого вольного атамана Дон. Политическая толкучка превалировала над здравым понятием, в угоду новшествам, щедрою рукою рассыпаемыми дозунгами, стушевались свои, казачьи интересы, шла дикая пляска вокруг вопроса:

— Быть или не быть самостоятельному Дону? —

Донской Златоуст, Митрофан Богаевский, во главе с незначительной группой казачьих патриотов настаивал над необходимостью отрешиться от чужого и отдать все свои силы на защиту своей самостоятельности, напрасно он доказывал необходимость стать ближе к своему Атаману и идти под его проводом против противников Казачества. Его голос затерялся в общем хорале любителей политиканства.

Никто не давал себе ясного отчета в том, что происходит. Общая говорильня захватила всех.

Понимал все это сам первый вольный атаман А. М. Каледин. Он чувствовал, что не доросло еще Казачество до высокой политики, что слишком углубилось понятие о непременности наличия царя, что нужно много времени прежде чем проснется Казачество и стихийно станет на свой, казачий путь.

И мне думается, это сознание больше всего тяготило донского атамана. Не выпады личного характера, не приклеенное ему звание реакционера, нет, он мучился тем, что нет времени и возможности поставить свой народ на должную ему высоту. Быть может справедливо чувствовал, что не все ему доверяют, он видел всю грязную работу врагов Казачества, но у него не было возможности бороться с нею.

И как честный человек, не желающий никому мешать, особенно в деле касающемся всего народа и всего Казачества, он выстрелом в упор разрешил тяжелую для себя проблему.

Ушел не как жалкий трус, спасающийся от разоблачений, а как истый герой решивший:

— Смертию моею вразумлю свой народ! —

И Каледин не ошибся. Дон понял своего атамана, ясно осознал причины, заставившие его покончить самоубийством и воздал должное его праху. К сожалению, с великим опозданием.

Не стало атамана, Дон лишился своего вождя и все больше углублялся в тину развала многообещающего коммунизма.

...Я пишу эти строки не пользуясь никакими печатанными источниками; для того, чтобы по мемуарам определить удельный вес Алексея Максимовича Каледина, нет еще достаточного материала в печатанном виде. Он ждет еще своего исследователя.

Я знал лично покойного атамана и всего за несколько часов до его смерти говорил с ним о делах, в его же кабинете, в Атаманском дворце.

Как и всегда он говорил со мною серьезно и спокойно и ни одним мускулом лица не выдал своего внутреннего волнения.

Нельзя было предположить, что вот, сидит за столом и спокойно говорит о серьезных делах человек, решивший через несколько часов покончить все земные расчеты.

Поздно ночью дома, в Ростове, меня разбудил телефон из Новочеркасска.

Сдерживая сильное волнение М. Богаевский сообщал мне о происшедшей трагедии.

Закончил следующими словами:

— Ушел от нас, не выдержал несправедливости, но смертью его воскреснет Вольный, независимый Дон! —

А. Ленивов.

Скорбная памятка.

(Астраханский Войсковой Атаман ген. И. А. Бирюков и председатель Уральского войскового правительства Г. М. Фомичев).

«С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои»...

(Псалтирь, глава 125, ст. 6).

Кулабухов, Рыбовол, Назаров, Каледин, Караулов, М. Богаевский, К. Бардиж, Чернецов, Волошинов, Мартынов... Свято чтится казаками память казачьих героев, погибших в недавнюю пору борьбы Казачества с большевиками.

Однако, не мешает вспомнить, что имеются казачьи герои, которых попросту забыли! Учитывая подобный прискорбный факт, надлежит еще ныне восполнить сей пробел, дабы имена Астраханского Атамана ген. **И. А. Бирюкова** и председателя Уральского Войскового Правительства **Г. М. Фомичева,** расстрелянных большевиками, ожили в казачьей памяти!..

В 1861 году в семье Алексея Бирюкова, казака ст. Сероглазинской, Астраханского войска, родился мальчик, получивший при крещении имя Ивана, которому было суждено стать выборным Войсковым Атаманом Астраханского войска. Окончив станичную школу, молодой казак Иван Бирюков после домашней подготовки, успешным образом выдержал вступительный экзамен в Новочеркасское юнкерское училище в 1879 году, курс наук которого окончил в 1882 году, с производством в первый офицерский чин.

В 1886 г. сотник И. А. Бирюков был командирован во вновь учрежденный казачий отдел при оружейной мастерской учебного пехотного батальона в г. Ораниенбауме, для изучения свойств вновь введенной 4-х линейной винтовки системы Бердана. Возвратившись в 1887 г. в г. Астрахань, И. А. Бирюков был произведен в чин подъесаула, после чего вся его последующая служба протекала в пределах родного Астраханского Войска.

Служа в период 1882—1888 г.г. в рядах 1-го Астраханского казачьего полка, подъесаул И. А. Бирюков был назначен от 1889 г. исполнять обязанности правителя Атаманской канцелярии. Состоя в этой должности, И. А. Бирюков был командирован на Дон в 1892 году для изучения дела мобилизационной отчетности в Донском Войсковом штабе. Возвратясь в родное Войско, И. А. Бирюков проявил огромную энергию в деле организации общества содействия народному образованию в Астраханском войске, которое и было утверждено в 1898 году, причем И. А. Бирюков был избран членом правления названного общества, а в 1903 году и председателем его.

В марте 1905 года, И. А. Бирюков, будучи уже полковником, получил назначение быть командиром 2-го Астраханского казачьего полка, вновь мобилизованного. 16-го июня 1906 года последовало назначение его на должность старшего члена Войскового правления Астраханского войска. В январе 1907 года полк. И. А. Бирюков был избран председателем съезда уполномоченных от станиц для производства выборов во 2-ю Государственную Думу. В 1908 году И. А. Бирюков был назначен командиром 1-го Астраханского казачьего полка, вплоть до 1912 года, когда последовало производство его в чин ген.-м., с назначением председателя Войскового Правления.

Потрудившись много на пользу своего родного Астраханского войска, отдав ему всю свою жизнь, И. А. Бирюков увековечил свое имя в казачьей истории, как историк. По службе своей в Атаманской канцелярии, имея непосредственный доступ в Войсковой архив, И. А. Бирюков, принявшись за деятельное изучение истории, успел к 1901 году опубликовать ряд обстоятельных трудов.

От 1902 года последовало распоряжение военного министра ген. Куропаткина, требовавшего составления истории казачьих войск вообще и каждого в отдельности. В 1903 году Наказный Атаман Астраханского войска ген. Газенкампф поручил И. А. Бирюкову составление истории Астраханского войска, причем вначале проектировалось, что означенный труд должен быть закончен в течение трех лет. В конечном счете И. А. Бирюкову понадобилось целых восемь лет на окончание указанной работы. Обследовав первоисточники, хранившиеся в Астраханских архивах: войсковом, губернском, 1-го Астраханского каз. полка и управления калмыцким народом, И. А. Бирюков исследовал затем центральные архивы Петербурга и Москвы, архивы штаба Туркестанского военного округа, временного совета по управлению внутренней киргизской ордой, станичных церквей и правлений. В конечном счете, И. А. Бирюков закончил свой труд к 1911 году, когда в издании Астраханского казачьего войска, в г. Саратове была отпечатана его «История Астраханского казачьего войска» в трех томах (2808 страниц).

В 1917 году на место старого казака Трофима Соколова, недолгое время бывшего выборным Войсковым Атаманом, Войсковой Круг Астраханского войска избрал ген. И. А. Бирюкова.

С захватом большевиками власти в крупных центрах, как Петроград, Москва и т. д., установлена была советская власть и в Астрахани. Перед Астраханским Казачеством встал вопрос, как быть ему: действовать-ли совместно с Донцами, или-же самостоятельно повести борьбу с большевиками и взять власть над Астраханью в свои руки. Войсковой Атаман И. А. Бирюков решил связаться с Атаманом Калединым, почему и послал на Дон специальное лицо — Баянова (представитель Астраханского войска в правительстве Ю. В. Союза).

Тем временем события развивались весьма быстрым темпом, почему, не дожидаясь ответа с Дона, Астраханские казаки произвели вооруженное выступление в день 4-го января 1918 года, пытаясь выбить большевиков из Астрахани: казачья артиллерия производила ураганный огонь, обстреливая старую крепость, где засели красные.

На третий день боя к казакам подошли на помощь калмыки в количестве 200 человек под командой прапорщика Дедова (калмык), присланные нойоном Серб-Джаб-Тюменем из прилегающих к Астрахани — Хошеутовского улуса и Калмыцкого Базара. Однако, казачьих сил было весьма недостаточно для вооруженной борьбы с большевиками, в рядах коих пребывали мобилизованные рабочие, крестьянские отряды из ближайших сел и 155-й запасный пехотный полк, стоявший в г. Астрахани. Спустя 25 дней после начала, казачье восстание было подавлено большевиками и, вся полнота власти в Астраханском крае перешла к Астраханскому, губернскому рабочему, ловецкому и солдатскому съезду.

От 29-го января 1918 года, Войсковой Атаман ген. И. А. Бирюков, его помощник Г. М. Астахов и некоторые войсковые чины с небольшим отрядом Астраханских казаков, отошли от Астрахани вглубь калмыцких степей. Спустя месяц, большевики, преодолев сопротивление казаков, захватили в одной из станиц Войскового Атамана ген. И. А. Бирюкова и отвезли его в Саратов, где он последний был подвергнут зверским мучениям, а потом расстрелян.

Не менее трагической является судьба **Гурьяна Макариевича Фомичева,** одного из самых выдающихся деятелей Уральского Войска. Родившись в бедной казачьей семье в г. Илеке, Г. М. Фомичев в раннем детстве потерял почти одновременно обоих родителей, состоя в дальнейшем на попечении своих старших сестер. Окончив Войсковое реальное училище в г. Уральске, а далее и Киевский политехнический институт по агрономическому отделению, Г. М. Фомичев летом 1909 года получил место преподавателя Уральского сельско-хозяйственного училища. Спустя два года, став заведующим означенным училищем, он устроил больницу, организовал молочную ферму и начал хлопотать перед министерством об открытии опытной станции полеводства и животноводства. Хлопоты его увенчались успехом, станция была открыта и он был назначен первым ея директором.

Скромность Г. М. Фомичева была поразительной, он отказался служить в министерстве земледелия в Петербурге, мотивируя свой отказ желанием послужить своему родному Уральскому войску.

Являясь от природы выдающимся оратором, Г. М. Фомичев принимал близкое участие и в политической деятельности. В период учреждения Государственной Думы, была выставлена его кандидатура в члены Гос. Думы от Уральского войска, но он категорически отказался, заявляя, что он имеет горячий характер. Однако, не пойдя в Гос. Думу, Г. М. Фомичев являлся депутатом от Илецкой станицы на Войсковом Съезде выборных.

К 1817 году, Г. М. Фомичев занимал должность председателя Войсковой продовольственной управы. В начале 1918 года, Войсковой Съезд Уральского войска не избирая Войскового Атамана, избрал Войсковое Правительство, поставив Г. М. Фомичева во главе последнего. При участии его был принят лозунг Уральского войска, начертанный на установленном Войсковым Съездом ордене Св. Михаила Архангела: «За Веру, Родину, Яик и Свободу». Г. М. Фомичев стоял во главе Уральского войска включительно до весны 1919 года, когда с оставлением г. Уральска под давлением большевиков, Войсковой Съезд избрал Войскового Атамана ген. Толстова, дав ему неограниченные полномочия.

В период знаменитого отступления Уральской казачьей армии от границ войска к Каспийскому морю, Г. М. Фомичев дошел до Жилой Косы и дальше на Прорву, где, будучи в тифу, попал в плен к большевикам, в дальнейшем отправившим его в Гурьев Городок и далее в Уральскую тюрьму.

Советский суд обвинил Г. М. Фомичева в том, что он являлся главным идейным вдохновителем Уральского войска, ведя последнее против советской власти.

Во время суда произошел инцидент, когда один казак, находившийся на местах, предназначенных для публики, поднялся и заявил суду: «В чем-же вы обвиняете Гурьяна Макарьевича Фомичева? Его выбрал весь народ. Он выполнял только волю народа. Обвинять его несправедливо»...

Спустя несколько дней, по приговору советских судей, Г. М. Фомичев был расстрелян в г. Уральске, на выгоне.

Иван Настоящев.

Казнь Е. Грузинова.

Рано утром 5 сентября 1800 года барабаны весело и гулко рассыпали дробь по улицам Черкасска — столицы Войска Донского, сзывая казаков посмотреть на собственное унижение, на глумление и издевательство над ними, на подлость и гнусность пришельцев и своих, поставивших свое благополучие превыше существования самого Казачества.

Но, Черкасск точно вымер в эту ночь. Ни одна дверь, ни одна ставня казачьих куреней в это утро не открылась. Казачество не спало. В это утро в куренях затеплились перед старинными киотами лампады. Старые и молодые казаки, рыдающие казачки и казачата в это утро молились за «Божьего раба Евграфа».

А там... на площади Черкасска, у Пороховой Казны, возвышался мрачный эшафот, окруженный зеленым валом, по углам которого были расставлены четыре пушки для устрашения казаков. Солдаты с зажженными фитилями стояли около. На эшафоте, в ожидании жертвы, разгуливали три палача с кнутами сыромятной кожи, а у ступеней эшафота — царские послы: генералы Кожин и Репин, и ставленник царя Войсковой Атаман ген. Орлов. Их окружали «судьи».

Долго били барабаны, но казачий народ не собирался. Генералы Кожин, Репин и Орлов приказали солдатам насильно выгонять на площадь казаков и казачек. Не щадили и детей. Выгоняли всех.

Казачий народ собирался медленно. Шли, точно на собственную казнь, с опущенными долу глазами.

Собрались. Окружили эшафот. Стояли понуро, бессильно сжимая кулаки. Гробовая тишина...

Но, вот, к эшафоту приведен солдатами, признанный комиссией военного суда при содействии генералов Кожина и Репина, а также и Войскового Атамана ген. Орлова, виновным «в нанесении оскорблений императору Павлу I и измене государству Российскому» гвардии полковник **Грузинов,** Евграф Осипович. Оттолкнув солдат, он, с гордо приподнятой головой, взошел на эшафот и окинул взором всю площадь. Казаки еще ниже опустили свои головы и общим отчетливым шопотом произнесли: «Господи, помилуй ны...»

В жуткой тишине раздались слова приговора...

Пусть казаки запомнят, что приговор по делу гвардии полковника Грузинова Евграфа был вынесен самим Павлом I еще до окончания суда. Павел I еще 26 августа 1800 года отослал следующий указ Сенату: «исключенного из службы полковника Грузинова I (Евграфа) за измену против нас, повелеваем, лиша чинов и дворянства, наказать нещадно кнутом и отправить его к нашему ген. Прокурору, а имение его отписать в казну».

По прочтении приговора, дедовская шашка Грузинова была сломана над его головой и началась казнь...

Истязание началось с восходом солнца и продолжалось до двух часов дня. Три палача посменно истязали Грузинова. Грузинов при каждом ударе палача произносил, «Господи, помилуй мя».

Наконец, палачи выбились из сил. Тело Грузинова представляло сплошное кровавое месиво. Но он был еще жив. Генералы Кожин и Репин и Войсковой Атаман ген. Орлов приказали экзекуцию продолжать. Три палача из-за усталости избиение продолжать отказались. Четвертого не нашли. Тогда Кожин и Репин приказали палачам насильно вливать холодную воду в рот мученику. Вливали до тех пор, пока Грузинов не впал в безпамятство и не умер в страшных мучениях. Убедившись в смерти Грузинова, Кожин и Репин взошли на эшафот и прочли казакам указ Павла I, до того находившийся у них на руках, о... помиловании Евграфа Грузинова.

Читатели сами могут убедиться, какой акт невероятной подлости представлял из себя этот указ. Страшное дело! — Совершили казнь, имея указ о помиловании в кармане.

Вот, как погиб Евграф Грузинов, этот исполин казачьего духа, бесстрашия и патриотизма. За что он умер? За то, что разгадал в политике царского правительства гибель Казачества. Цари, желая покончить с Казачеством, но боясь новых его восстаний, как и в пору Степана Разина и Атамана Булавина, решили вбить клин в единство казачьей семьи, создав среди него дворянство. Всячески награждая этих дворян безземельными и крепостными крестьянами для заселения Казачьих Земель, тем самым цари думали и само Казачество, постепенно обратив его в ницых и безземельных, поставить в зависимость от этих дворян. А, там, делай, что хочешь! Дворяне из-за своего благополучия перечить не будут.

Вот почему Грузинов, по награждении его крестьянами Минской губернии, этот царский подарок не принял, а когда к нему явились представители этих крестьян за распоряжением, как к своему господину, выгнал их вон, а по адресу Павла I разразился бранью.

Евграф Грузинов погиб, но память о нем живет в сердцах истинных казаков-патриотов до сих пор. Казаки же того времени возвели его в степень мученика. Вот что пишет историк того времени: «стали распространятся среди народа различные суеверные рассказы о стоне из его могилы, о показывающихся на ней каждую полночь огоньках, в виде зажженной свечи...»

Вместе с Евграфом Грузиновым погибли и свидетели по его делу — войсковой старшина **Афанасьев** (казак ст. Черкасской) и три гвардейских казака, отказавшихся лжесвидетельствовать на суде против Евграфа Грузинова. Всем четырем 27 сентября 1800 года на сенном базаре Черкасска были отсечены головы.

Брат Евграфа Грузинова, **Петр Осипович Грузинов,** за свою солидарность с братом, был судим несколько ранее. На него наложили клеймо, вырвали ноздри, жестоко избили и сослали в Сибирь.

В. Авилов.

Беглые ли люди казаки?

Иностранные историки, касавшиеся истории происхождения казаков, отрицали возможность образования их от беглых московских крестьян и преступников, считали казаков за отдельный народ, хотя и высказывали различные предположения об их происхождении. За отдельный народ, происшедший из местных подонских и азовско-черноморских народов древней эпохи, считали казаков и русские историки Карамзин, Костомаров, Полевой, Устрялов, Татищев, Савельев, Пудавалов и др.

Только в 1832 году Броневским была позаимствована от польских историков и выдвинута, с политической целью разрушить идею происхождения Казачества, теория образования Казачества от беглого московского люда. Эта теория пришлась по вкусу царскому правительству, и его позднейшие историки развили ее до пошлой крайности, выразившейся в определение казака Ключевским — «В Московском царстве казаками назывались бездомные бродяги, батраки и поденщики в крестьянских дворах» — и Иловайского — «казак — вор и бродяга».

Такая теория около ста лет вбивалась в головы не только русских людей и казаков, но даже прививалась общественному мнению Европы. Эта теория была создана для того, чтобы выбить историческое оружие из рук казаков в их борьбе за устройство своей собственной жизни. В захватнических целях необходимо было доказать, что Казачество составлялось из беглых холопов и преступников, нужно это было и для того, чтобы иметь оправдание в проводимом на протяжении многих десятилетий закрепощении казака и его ассимиляции. Для подтверждения теории Броневского никаких документов не приводится, ибо они как раз говорят ясно и определенно против фальсификации истории казачьего народа. Да и сами факты и сама логика говорят против этой теории.

Официальные русские историки считают возникновение Казачества к началу 16 века, основываясь на том, что к этому времени относится первый письменный документ о донских казаках во главе с Атаманом Сары-Азман, до этого же времени, по их утверждению, «Дон был пуст». Почему этих казаков они считают именно русскими беглыми преступниками, а не людьми иной расы или иного народа, они не дают никаких данных и подтверждений.

Всем известно, что окраины Московского царства в 16 веке от Дона отделялись тысячеверстным Диким Полем, где бродили разноплеменные, небезопасные шайки всякого разбойного люда. Русским беглецам нужно было бы подвергаться большим опасностям и риску, проходя такой длинный путь, где не было ни людей, ни приюта, ни продуктов питания, где в любую минуту можно было стать жертвой дикого зверя или бродячих татар, жертвой холода или голода, чтобы затем притти на «пустой и ни кем не заселенный Дон».

В то время не было особенных причин к бегству московских людей на Дон, так как еще тогда не было того крестьянского закрепощения, которое последовало только после Бориса Годунова и Уложений царя Алексея Михайловича. Крестьяне тогда еще имели право свободно переходить с места на место и пользовались сравнительной свободой. К тому же русский крестьянин в северо-восточном направлении, куда потом и устремилась русская колонизация, находил более родственные и привычные ему условия быта, чем на полном тревог и опасностей Диком Юге.

Логически немыслимо создание рыцарского Казачества, с наличием высоких духовных, гражданских и психологических качеств, из русского беглого крестьянина или преступника. Разница между качественными данными казака и крестьянина огромная. Невозможно допустить, чтобы какой-либо калужский или рязанский крестьянин, очутившись в степи, мог сразу сделаться казаком-наездником, или из него мог получиться искусный и боевой моряк, какими отличались предки казаков.

Система государственного и общественного управления Казачества, основанная на прямом народоправстве, на участии в политической жизни всех казаков (Атаман, Круг, Рада), ни в коем случае не могла родиться от московских выходцев, так как эта система была противна и несовместима с традициями, бытом и психологией московского люда. Невозможно даже думать, чтобы московские беглецы, появившись на Дон, сразу же отказались от своих привычек и совершенно чуждой казаку психологии, и сразу же приобрели способность к организации, чувство собственного достоинства, любовь к свободе, храбрость и отвагу, качества которые унаследуются на протяжении многих лет.

Известный русский историк и археолог Ознобишин по вопросу происхождения Казачества говорит: «Басня, переданная Броневским о беглых москвичах, основавших донское казачество, не имеет оснований и не выдерживает критики. В XV веке, в момент появления казаков на Дону, в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое. Предполагать же, что беглые были исключительно преступниками, тоже нет оснований. Какое количество преступлений надо было совершить, чтобы образовалась целая масса, целые тысячи преступников, где-то увидавших друг друга, сговорившихся бежать куда-то в неведомые страны, к незнакомым народам и, явившись в низовья Дона, сейчас же сумевших проявить ум, сметливость, отвагу, успевших приобрести оружие, составивших правильное общество, бесподобное для преступников, управляемое вечем и имеющие толковых грамотеев, умевших писать царям. Все эти предположения — одна фантазия, и можно положительно доказать, что беглые московские люди могли явиться на Дон только тогда, когда были уверены, что найдут там приют и защиту, т. е. уже долго спустя после появления донцов на Дону, после закрепощения крестьян и после церковного раскола, а в другое время беглецы из России на Дон являлись **единицами».**

Действительная история и исторические данные древних историков определенно говорят, что наши казачьи степи никогда не были пустыми, и не могли быть таковыми, ибо по ним в разные времена катились притоки новых народов в Европу, на них разыгрывались жестокие схватки племен и народов, боровшихся за обладание казачьими просторами. Наши курганы-могилы, раскиданные на наших привольных степях, говорят о том, что там покоятся скифы, печенеги, сарматы, алане, готы, касаги и др.

Наши степи никогда не были пустыми, наоборот были времена, когда они были набиты до отказа. Жизнь здесь кипела сильнее и драматичнее, чем в тихих дремучих лесах севера. Наши степи не нуждались в притоке новых людских сил с севера, так как здесь было много своих народов, которые жили и оплодотворяли этот край.

До настоящего времени на Дону сохранилось множество названий, которые своим происхождением ясно свидетельствуют о своем существовании еще задолго до татарского нашествия, как то: Миус, Хопер, Аксай, Тор, Айдар, Курман, Сал, Калмиус и др. Это говорит о непрерывном преемстве населения, которое, передавая из уст в уста, сохранило название местности, рек и т. п.

Все это ясно и определенно свидетельствует, что Казачество произошло путем рождения из местных, коренных элементов, а не от перерождения беглых московских крестьян и преступников, что Казачество не могло появиться в результате московской колонизации, так как исторические, географические и психологические данные и условия говорят против такого утверждения казенных историков.

Новые боевые успехи казаков.

Из ставки Фюрера Верховное Командование в сводке от 10 февраля с. г. сообщило:

Южнее Дравы наступили немецкие части и казачьи соединения совместно с хорватскими воинскими частями и атакой взяли город Вировитицы.

В последнее время опять неоднократно в сводках Верховного Командования сообщается о боевых подвигах доблестной Казачьей Армии. Как известно, упоминание в сводке Верховного Командования об успехах той или иной воинской части считается колоссальным ее отличием, считается высокой честью и наградой для каждой упомянутой в сводке части.

Мы с особой радостью отмечаем ратные успехи наших доблестных братьев-казаков, которые еще больше увеличивают неувядаемую славу своих предков.

С особенным удовлетворением мы отмечаем эти успехи особенно теперь, когда на всех фронтах идет ожесточенная и решительная борьба за быть или не быть, когда требуется особенная напряженность силы и воли. И мы видим, что не притупилось острие казачьего оружия, не ослаб дух казака-воина, что он с присущей ему отвагой и доблестью бьет на всех участках фронта своего заклятого врага, всецело сознавая, что уничтожая эту заразу, он своими подвигами и своей кровью отвоевывает свое неотъемлемое право на свою собственную казачью жизнь и приближает сроки освобождения своей Казачьей Родины.

Все Казачество с искренней радостью приветствует своих доблестных героев и возносит к Всевышнему свои молитвы о даровании окончательной победы боевым казачьим знаменам. Пусть и впредь тени великих казачьих Атаманов и Героев сопровождают наших братьев в их ратных делах!

Юрий Хованский.

В назидание чающим.

В качестве журналиста мне приходилось посещать различные не только страны, храмы, музеи, театры и т. п. хранилища старины глубокой, или рассадники культур всех времен и народов, но и богоугодные заведения для душевно больных.

И вот, у меня сложилось собственное понятие об этих последних. В то время когда например, между этрусками и кельтами вы находите много разного между собою, в больницах для сумасшедших всегда поражает постоянство их обитателей. Каждый больной, в какой бы стадии не было недомогание, упорно останавливается на том пунктике, благодаря которому его изолировали от всего общества. С стоическим героизмом он отстаивает свою принадлежность к какому либо старинному рыцарскому роду, или бьется над изобретением никчемной безделушки, а то чувствует себя окруженным врагами, готовыми каждую минуту лишить его жизни.

Трудно перечислить все виды помешательства. Важно в данном случае не количественное деление его, а то упрямство, с каким они отстаивают свою точку зрения и застрявший в голове клин, который не могут вышибить никакие смирительные рубахи и темные карцеры.

Но есть психоз, отуманивающий человеческий рассудок на определенный срок времени. Он гораздо опаснее всех признаных уже наукой видов помешательства и туго поддается исцелению. Он тем опаснее, что в то время, когда с обыкновенным сумасшедшим вы можете сутками просиживать не рискуя заразиться бациллой помешательства, временные психопаты сеют заразу умопомешательства в самых широких кругах современного общества, сами не видя очевидных фактов, подчеркивающих их же собственную ненормальность.

К разряду таких временно больных относятся все узревшие в деятельности «отца народов» Сталина какое то тяготение к славизму и вообще эволюцию большевизма в сторону человеческую.

Мы переживаем тяжелое время упадка культуры. Все глубокомысленные изречения великих мировых философов капитуллируют перед непревзойденным цинизмом переживаемого нами момента, такие слова, как цивилизация, просвещение, гуманизм, честность, правда и справедливость в наше время являются анахронизмом. Грубый материализм стремительным напором поглощает все человеческие инстинкты, ввергая нас в какой то хаос разрухи и диких инстинктов. Никто не задумывается над содержанием, все живут странной жизнью момента:

— Сегодня день мой, а завтра хоть трава не расти! —

Можно было бы согласиться с таким Вавилоном по крайней мере пять столетий назад. Но сейчас, когда вся вселенная, если можно так выразиться, «отехнизировалась» в самом широком масштабе, как то дико даже наблюдать за отсутствием наблюдательности и упорным нежеланием считаться с очевидными фактами.

Двинув свои полчища на Запад, Сталин с помощью ловких, хорошо тренированных агентов, приобрел симпатии у многих, даже более высоких достойников этого же запада. Он обещал целый ворох всяческих благодеяний и еще столько же милостей. Ослепленные успехами «брата-русса» сдались на его слово и болгары, и румыны, и финны, а среди еще не сдавшихся сильное волнение:

— Как бы не опоздать к раздаче всех милостей, обещанных Сталиным. Подчеркиваем «великого отца народов».

А тем временем «отец народов» продолжает свое гнусное дело, начатое им еще в 1917 году.

Уже заработали воентрибуналы, смертные приговоры градом посыпались на тех даже, кто в той или иной форме способствовал успеху Сталинского оружия.

Но если, учитывая советский принцип, можно понять казнь князя Кирилла и профессора Филова, то чем оправдать расстрел болгарского премьера Багрианова и Муравьева? Ведь никто иной как первый подписал сепаратный мир с советами, а второй присужден к вечной каторге за то, что разрешил советским войскам войти на территорию Болгарии.

Так награждает «великий» Сталин поверивших в его искренность и справедливость.

Бацила коммунистического недуга тесным кольцом старается опоясать всю Европу. Знаменитый разбойник Тито требует суда над генералом Роатти, тоже имевшим неосторожность поверить заманчивым лозунгам большевистского приспешника. На очереди суд над Ритти, подавшим голос за капитуляцию Финляндии перед Сталиным.

Идет полоса очередной комедии, называемой народными трибуналами, сейчас уже безошибочно можно предугадать решение этих клоунад, носящих громкое название трибуналов.

Так расправляется «великий» Сталин со всеми, кто когда либо был против коммунизма, кто когда либо осмелился перечить ему, никакие раскаяния и обещания впредь вести себя паиньками не спасут занесенных в списки подлежащих истреблению.

В угоду своему «доблестному» союзнику Англия и Америка без зазрения совести выдает всех бесподданных, отказавшихся от сожительства с современными гражданами СССР и очутившихся в эмиграции.

Из Франции, Италии, Голландии, Бельгии и иных мест, попавших в руки культурных западников, советские енкаведисты сотнями вывозят эмигрантов для расправы с ними там, на Родине.

В захваченных большевиками районах не ограничиваются гонениями на эмигрантов. Тысячами, десятками тысяч вывозят коренных жителей Румынии, Болгарии, б. Польши, увозят тайно, дабы не наживать лишних врагов среди населения забранных мест, люди исчезают, как то незаметно для многих и неожиданно для себя оказываются в вагонах и на платформах, увозящих их на работы в глубь СССР и в далекую Сибирь.

Так исполняет Сталин свои обещания облагодетельствовать подчиняющиеся ему народы.

Так помогают ему в этой преступной деятельности Англия и Америка.

Пусть вспомнят об этом чающие прихода к ним большевиков и пусть подумают о своей собственной судьбе. Никто не гарантирован от коммунистического произвола. Старые лозунги, выдвинутые в свое время Лениным, повторяются:

— Грабь награбленное! —

О точном выполнении этого лозунга могут современным психопатам много рассказать все те, кто волей судьбы уже очутился под рукою Сталинских опричников. К этим рассказам следует внимательно прислушаться и встряхнуть с себя тот психоз, который ведет всю Европу к подножию эшафота.

Когда четверть века назад советская власть заливала кровью Казачьи Земли и Украину, демократический Запад смотрел на все это, как на эффектное зрелище и не вмешивался в наши внутренние дела. В его старческих мозгах не укладывалось понятие, что то, что проделывает «варварский Восток», может осквернять культурный Запад. Сейчас очевидный факт, как он был близорук. За свою недальнозоркость теперь ему же приходится расплачиваться.

Трудно еще сейчас предугадать результаты войны. Один удачный поворот может смешать карты и сразу перепутать все соображения мировых стратегов. Во всякой войне случай играет не последнюю роль. Очевидно только одно, каков бы ни был исход войны, и Англию и Америку, не говоря уже об СССР, ждут великие потрясения. Ни одна из трех союзниц никогда уже не вернутся к своему прежнему благополучию, большевицкий шквал оставит глубокий след внутри этих трех держав.

Сейчас борются две силы: на одной стороне стоят, на ряду с наемниками, продающими себя за злато и призрачные привилегии, идут в бой забитые, лишенные человеческого облика массы потерявшихся людей, гонимых еврейскими же книжалами и револьверами, на другой рыцари по духу и крови, дающие себе ясный отчет во имя чего идет титяническая борьба, знающих, что сговора быть не может, нужно бороться до конца.

Через головы миллионов стоящих против них и сквозь длинные цепи орудий и танков они отчетливо видят небольшую группу воротил, заправляющих всей войною, они знают, что эта небольшая группа не рискует сама ринуться в бой.

И в угоду небольшой группы фанатиков-изуверов вся Европа залита кровью, разрушаются города и поселки, гибнет вековая культура и опошляет себя цивилизация.

Пусть помнят ожидающие большевицких благодателей, что еще не наступил конец, борьба продолжается. Очередь за ними. Могут быть вполне уверены, что с ними будет поступлено точно также, как с князем Кириллом, Филовым, Баграновым и тысячами иных их предшественников, уверовавших в эволюцию большевизма.

Большевизм не может подчиняться законам эволюции. Он является слепым орудием в руках жидовского кагала, он бессилен вырваться из под контроля своего повелителя и чем дальше будет продолжаться борьба, тем сильнее будут проявлять себя его репрессии.

До сих пор все идет согласно программе выработанной центром кагала.

Так будет и впредь, кагал не успокоится до тех пор, пока не проведет своей программы на все 100%.

Чающие милости со стороны большевизма, возможно несознательно для себя, способствуют торжеству врагов человечества и так косвенным образом принимают участие в грандиозном преступлении, не имеющем себе никакого оправдания.

Они должны осознать это и остановиться пока еще не поздно.

---

14 февраля с. г. Райхсминистр Геббельс принял делегацию казаков Первой Казачьей Дивизии, которая передала министру Миллион Райхсмарк, как дар Казаков Зимней помощи.

Узы дружбы.

Руководителю Казачьего Национального Движения дипл. инж. Глазкову.

Мое наибольшее спасибо за Ваши Рождественские и Новогодние пожелания, которые я с своей стороны сердечно посылаю Вам. Гайль Гитлер!

Г. Гимлер,
Райхсфюрер СС и имперский министр внутренних дел.

Полевая ставка. Январь 1945 г.

Дипл. инж. В. Глазкову, Риководителю Казачьего Национального Движения.

За Ваши дружеские благопожелания к Рождеству и Новому Году сердечно Вас благодарю и с своей стороны желаю всего наилучшего в Новом Году.

К. Г. Франк,
СС Обергруппенфюрер и Государственный министр Чехии и Моравии.

Руководителю Казачьего Национального Движения дипл. инж. Глазкову.

Райхсфюрер СС поручил выразить Вам благодарность, что Вы стремитесь, как это видно из Вашего письма от 18. X. 1944, к ясному национальному объединению и сотрудничеству Казаков.

Гайль Гитлер!
(Подпись) СС-Штандартенфюрер.

Полевая ставка. Личный штаб.

Господину Инж. В. Глазкову
Руководителю Казачьего Национального Движения
Прага.

На Ваше поздравление, посланное мне и через меня Сербскому Народу по поводу Праздников Рождества Христова и Нового 1945 года, приношу сердечную благодарность Вам, Господин Руководитель и Вашему первому Заместителю Господину П. Полякову.

Пользуясь случаем, чтобы Вам, как Вождю национального движения так и всем Вашим сотрудникам выразить свое искреннее восхищение, которое я всегда испытывал в отношении несравненных солдат и бойцов за свободу — Казаков.

Я уверен, что как и Ваша Родина, так и малый числом, но храбрый и великий сердцем Сербский Народ, совместным сотрудничеством в предстоящей борьбе добудут раз и на всегда такое место и такое международное положение, которое им отвечает по их числу и ценности.

Желая Вам от имени своих сотрудников и своего, Господин Руководитель Казачьего Национального движения, всякого счастья и благополучия, как равно и Вашим сотрудникам, приветствую Вас нашим православно-христианским приветствием

С Рождеством Христовым и Новым Годом на страх врагам.

Председатель Сербского Правительства
Генерал от Инфантерии
Недич.

Руководителю КНД инж. Глазкову.

Сердечно благодарю за поздравление, которое было послано мне лично и Болгарскому Национальному Правительству от имени Казачьего Национального Движения.

Тронут Вашим вниманием, с своей стороны прошу принять от меня лично и правительства Вам и Вашим сотрудникам сердечное поздравление и благопожелания лучшего будущего Вашей Родине.

Наш народ питает особенно сердечные чувства к Вам, казакам, отцы и деды которых принимали участие в нашем освобождении.

Надеюсь, что в скором времени поздравим себя взаимно с победой над нашим общим врагом — сталиновским большевизмом.

Приймите мое поздравление и почтение:

Проф. Цанков,
Председатель Болгарского Национального Правительства.

Глубокоуважаемый г-н Глазков,

Вернувшись из поездки, я лишь сейчас смог ответить на Ваше письмо. Я с особым интересом слежу за Национальным Движением Казачества, с которым Румынский народ связан столь многими историческими событиями.

От всего сердца благодарю за Ваши пожелания и также как и Вы непоколебимо верю в конечную победу германского оружия, в победу, благодаря которой и Казачье Национальное Движение сможет осуществить свои национальные идеалы.

Хория Сима,
Глава Румынского Национального Правительства и Руководитель Железной Гвардии.

Господин Руководитель Казачьего Национального Движения!

Сердечно благодарю Вас за присланные мне поздравления и с своей стороны шлю Вам и всему Казачеству свои наилучшие новогодние пожелания.

Пусть 1945 год будет годом окончательного освобождения наших народов из московско-большевицкого ярма и пусть осуществятся наши стремления к обезпечению нашим народам Вольного, Независимого Государственного бытия.

Я глубоко убежден, что свободолюбивое Казачество, в 1945 году, совместно с нашим белорусским народом создаст один, крепкий фронт противобольшевицкий и таким образом приблизит срок освобождения наших народов.

Слава Казачеству!
Жива Белорусь!
С глубоким к Вам уважением

Р. Астровский,
Президент Белорусской Центральной Рады.

Сергей Макеев.

Памяти войсковых атаманов.

А. М. КАЛЕДИНА.

Седую столицу Тихого Дона
Печальные звуки церковного звона
Тревожили в день роковой:
Первый избранник казачего Круга,
В спасении Войска не встретивший друга,
В могилу ушел на покой.

А. М. НАЗАРОВА.

Рыцарей чести — рыцарей Дона
Казнили приспешники красного трона,
Телами усеяв поля.
Первая пуля садиста тирана
Зверски убила орла-Атамана
В пасмурный день Февраля.

М. А. КАРАУЛОВА.

С Турецкого фронта по снежным путям
К терским станицам, к прикумским степям
Мятежников хлынула стая.
Бессудные казни — кровавый туман...
Расстрелян и сам Войсковой Атаман
В сердце Родимого Края.

А. Н. ДУТОВА.

С верховьев Урала к Китайской границе
Ушли на чужбину казачьи станицы
Под натиском грозных врагов...
И там, на чужбине, оружие сдавший,
Убит Атаман — душою страдавший
За вольные степи, за честь казаков.

Из жизни казачьих станиц в северной Италии.

14-го декабря состоялось открытие первой средней казачьей школы.

Казачья школа ставит своей целью развить и утвердить в молодом поколении Казачества понятие о казачьей народности, чувство национального достоинства, преданную любовь к Казачьей Родине, к героической истории Казачества. Казачья общественность сознает потребность национального просвещения и достойно выразила это в уважении и помощи средней школе, открывающейся при Штабе Казачьих Войск. Учебные занятия начались во всех 7 классах школы.

В Донской ст-це открыт донской храм. Много труда приложено казаками при устройстве своего храма на временно обретенной земле. Каждая деталь сделана с любовью и усердием. Особенно заслуживает внимания иконостас, сделанный художником Чугуновым. По праздникам звонит церковный колокол, казаки и казачки с детьми спешат к обедне, в храме поет стройный казачий хор.

В храме всегда большой приток молящихся и не только старики, но и молодежь аккуратно посещают церковные службы.

На основании приказа Походного Атамана генерала Доманова к станичникам и полкам стар и млад дает из своего жалованья на Красный крест, на усиление питания и подарки раненым и больным казакам, находящимся в лазаретах и больницах на лечении.

Организован женский комитет помощи раненым при окружном управлении донских станиц, который проводит большую полезную работу. Члены комитета отдают все свои силы на то, чтобы, как можно лучше провести организацию помощи. Еще в самом начале организации комитетом было собрано 50000 лир и передано на приобретение подарков для раненых казаков, находящихся в госпитале.

Общевойсковая Рождественская елка была отпразднована в зале театра, где красовалась громадная елка, украшенная игрушками и разноцветными электрическими лампочками. Все было залито блеском и светом. За столами сидели приглашенные гости, от немцев и итальянцев. Присутствовал Походной Атаман ген. Доманов, начальники всех отделов штаба, командиры полков, военные чиновники, женщины и дети.

Официальную часть торжества открыл Походной Атаман прочувственной речью. Праздник закончился выступлением казачьего ансамбля и оркестра.

В расположении 1-го и 2-го Донских округов с нового года приступил к работе филиал военно-ремесленного отдела Управления Донских станиц.

Во вновь отремонтированном помещении открыты 4 цеха: кузнечно-слесарный, столярно-плотницкий, портняжная мастерская. В мастерской организовано шитье белья, переделка военного обмундирования, а также изготовление фуражек. Население станиц имеет возможность, не выезжая в город, удовлетворять свои нужды.

На днях начала работать баня с пропускной способностью в 200—250 человек в день; заканчивается оборудование дезинфекционной камеры.

(Эти сведения взяты из газеты «Казачья Земля», издаваемой штабом походного атамана ген. Доманова).

ХРОНИКА

— С 19 января по 2 февраля с. г. Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков в сопровождении своего второго Заместителя И. И. Безуглова пребывал по казачьим делам в Берлине.

В это время он имел неоднократные встречи и беседы с представителями немецких властей, которым было во всех подробностях представлено отношение Национального Казачества ко всем вопросам, касающимся Казачества и волнующим казаков. Кроме того, Руководитель имел беседы с официальными представителями и общественно-политическими деятелями всех дружественных Казачеству народов.

— 30 января с. г. Руководитель КНД имел двухчасовой разговор с Главнокомандующим вооруженными силами Комитета освобождения народов России и председателем этого Комитета ген. А. А. Власовым. При разговоре присутствовали второй Заместитель Руководителя И. И. Безуглов и Начальник личной канцелярии ген. А. А. Власова полковник Кромиади.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

Д-р В. С. ЖУК.

В четвер 8 лютого б. р. несподівано помер кубанець д-р медиціни Василь Симонович Жук.

Покійний народився в станиці Довжанській на Кубані в 1885 році, в старій козацькій, чорноморській родині. По закінченню двох клясової школи у своїй станиці, поступив до Кубанської військово-фельдшарської школи в м. Катеринодарі. Пізніше був довший час в рижих станицях Ейської округи станичним клясним фельдшаром, а в часі першої світової війни в козацькому кінному полку. Як в станицях, так і в полку користався покійний заслуженою пошаною, як фахивець та як людина доброго й щирого серця.

В перших днях революції 1917 р. був делегований полком, як представник фронтового козацтва, на військові з'їзди, а пізніше до Кубанської Краєвої Ради. В Раді, зокрема в бурхливі дні 1917—18 рр., визначався умінням утихомирювати розбурхані маси.

Покійний був учасником Першого й Другого Кубанських Походів. Тут нераз його хист розуміти психологію народньої маси допомогав в скрутних обставинах в боротьбі з розбурханими хвилями большевицької навали на Кубань.

По звільненню Кубані від большевиків в 1918 р. В. С. Жук був знову своєю рідною станицею посланий до Краєвої Ради. Тут а також і в Законодавчій Раді В. С. належав до фракції чорноморців, які боронили державні інтереси Кубані.

По розгромі Кубанської Ради Деникиним, був В. С. в числі інших членів Ради засланий за кордон, до Царьгороду. Відтіль переїхав до Відня а пізніше до Праги, де дякуючи своїй небудженій енергії й витривалости, зробив матуральний іспит та успішно закінчив медичний факультет Карлового Університету.

По чотирьох роках клінічної практики відчинив свою ординацію в Празі, в робітничій частині Просеку, де й працював більше десяти років, користаючись ім'ям доброго практика лікаря, що завжди совісно а не формально виконував свою працю. И серед своїх земляків-кубанців був добре відомий своєю безкорисною лікарською допомогою, а в скрутних випадках і матеріяльною.

Смерть В. С. Жука для його найближчих друзів є великою й болісною несподіванкою. Ще в середу 7 лютого був він серед них і ніщо не вказувало на такий раптовий кінець його кипучого, працею виповненого життя. В ці тяжкі дні рішальної боротьби Европи з большевицькою навалою, покійний живо реагував на події і болів долею рідного Краю. Не довелось йому дожити до кінця подій, за якими він вбачал розвязання й долі рідного Козацтва.

Мир праху Твоєму, дорогий станишник!

РОЗЫСКИ

— Семенов Арсентий Ефимович, разыскивает сына, Ивана Арсентьевича, род. 1915 г. в Тихорецкой, Кавказского отдела, Кубань, а также зятя, Воскресенского Ивана Павловича, род. 1906 г. в Тихорецкой. Фельдпост 32500.

— Овсиенко Филипп, разыскивает сына Алексея Филипповича, ст. Курганской (Кубань), был в г. Ровно, служит в казачьих частях. Прошу сообщить о месте его пребывания по адресу:

Owsienko Filip, Weissenfels, Schutzenhaus (10).

— Фомин Яков Калинович, казак стан. Успенской, Кавк. отдела, Кубань, род. 1883 г., разыскивает родственника профессора Ростовского н/Д. университета Луку Илларионовича Волкова, род. 1886 г., его жену Александру Сергеевну и их дочь Валентину, выехавших из г. Романовска (сов. Кропоткин) в 1942 году. Мой адрес:

Fomin Jakow, Kosaken Lazaret, Kosakenland Nord-Ost Italijen über Reichsmin. Ost Kosakenleitstelle Berlin 16. Rungestr. 25/27.

— Прилипко Василий, род. 1924 г. Запорожской обл. разыскивает брата, Александра, род. 1921 г. в селе Туркеновка, Гуляйпольского района. Писать:

Prilipko Wasil, Wuppertal-Langerfeld. In der Fleute 143a.

— Немирская Вера, разыскивает мужа Якова Алексеевича, ефр. 5 полка РОК-а. Сообщить по адресу:

Wera Nemirska, Hackenbuch 20, Post Eggelsberg (Obd. im Innkreisee — 12b).

— Еськова Елена, разыскивает мужа Мефодия Еськова, ефр. 1-го полка РОК-а. Сообщить по адресу:

Hackenbuch 20. Post Eggelsberg (Obd. im Innkreise — 12b).

— Дурнева Катерина, разыскивает мужа Михаила Васильевича Дурнева, ефр. 2 полка РОК-а. Сообщить по адресу:

Hackenbuch 20. Post Eggelsberg (Obd. im Innkreise — 12b).

— Вдовкина Кристина, разыскивает родственников Ольгу Петровну Богатыреву, Евгению Иосифовну Венде и семью Невструевых. Сообщить по адресу:

Hackenbuch 20. Post Eggelsberg (Obd. im Innkreise — 12b).

— Лейтенант Людоговский Георгий, разыскивает родственников: отца Николая Степановича и жену Елену Трофимовну, проживавших до 15 января 1945 г. в Лицманштадте в лагере Фольксдойчен. Сообщить письменно:

Leutnant Ludogowski Georg, Schwerin (Meklenburg), Reserve-Lazaret III (3).

— Болотенко Григорий Кириллович, ст. Славянской — Кубань, разыскивает брата Георгия, бывшего одно время в Барановичах. След утерян в воинских частях в окрестностях Люблина. Знающих о нем и о месте его пребывания прошу сообщить по адресу «Казачьего Вестника».

— Лесик Володимир, розшукує адресу Комариньского Йосипа, який знаходиться коло Праги, є урядовцем залізної дороги, походить з Турки окр. Дрогобич (Галичина). Писать на адресу:

Lesyk Wolodymir, b. Bauer Arnold Frecking, Lager Holthausen über Burgsteinfurt Bz. Münster.

— Капинус Дмитрий разыскивает сына и родственников: Капинус Ивана (сын), Капинус Ивана Семеновича, Лапшина Антона Никифоровича, Литвинова Петра Васильевича, Полупановых Ивана и Егора Дмитриевичей, Ханжосова Федора Дмитриевича, обер-лейтенанта в Казачьей сотне в Варшаве. Все из Терека. Мой адрес:

Kapinius Dmitrij, Quellengrund (9-a) Kr. Gr. Strehlitz, Bauwerkstätten.

— Шашин Николай, ст. Зеленчукской, Баталпаш. отд., Кубань, разыскивает сына Николая. Писать:

Obltnt. Schaschin Nikolaj, Kosakenland Nord Ost Italien, Udine.

— Рудык Николай Львович, ст. Гривенской, Кубань, разыскивает брата Григория Львовича, эмигрировавшего в 1920 г. в Сербию. Писать:

Fürstenfeld, Feistritzgasse 10-15 Ost-Steiermark, oder Prag XIV., Linzerstr. 84.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «КАЗАЧЬЕГО ВЕСТНИКА».

Вследствие невозможности увеличить число выпускаемых экземпляров газеты, администрация «Казачьего Вестника» не может удовлетворить просьбы всех казаков о высылке им газеты.

Читателям «К. В.» предлагается по прочтении газеты передавать ее другому казаку. Казачьим организациям — по возможности уменьшить число выписываемых ими экземпляров «К. В.» и тем дать возможность новым казакам-подписчикам иметь свою казачью газету «Казачий Вестник».

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinské muzeum, Praha-
Nusle II, Gutenštejnská 6

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 5 (62) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го МАРТА 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188. Telephon 634-70

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает.
Гонорар не платится

И. Васильев.

Необходимая ясность.

Одною из основных причин наших неудач в недавнем прошлом было то, что мы не были готовы к событиям в тех формах и размерах, в каких поставила их перед нами жизнь. Оттого и была у Казачества путаница мыслей и целей, оттого и были столь гибельные разногласия. Если и на этот раз мы повторяли бы старые ошибки и разногласия, приведшие уже неразъ к трагедии Казачества, то этого не простил бы нам никто: ни наш народ, ни история.

Поэтому прежде всего: ясная мысль, ясная цель и ясные задачи, казачьи задачи.

Нашей основной и конечной целью должно быть благо своего казачьего народа, своей Казачьей Земли прежде всего.

Мы неоднократно подчеркивали, что в то время как для различных русских антибольшевиков война с большевиками была и остается внутренним спором разных партий и группировок за государственную власть и за тот или иной социальный строй, т. е. войной гражданской, для нас, казаков, эта война была и является войной внешней. Не внутренний спор, не свое домашнее дело решали казаки с большевиками в течение трех лет в 1917-20 гг. на поле брани, и решают теперь. Для Казачества эта война является внешней войной, войной оборонительной и освободительной.

При этом мы все должны ясно и отчетливо сознавать, что войну против большевиков и против тех, кто за ними шел, или кого они против Казачества воевать посылали, вели не отдельные группы или партии, а все Казачество, весь наш народ. Поэтому то и старая казачья эмиграция иная, чем эмиграция русская. Казачья эмиграция не стоявшая верхушка над народом, не политические сектанты, не одиночки-добровольцы, а более сильной физической силой побежденная часть вооруженного народа. Не казаки изгоняли казаков, но чужими руками, внешней силой оторвано живое тело от живого тела. И эта часть живого казачьего тела в настоящих событиях показала воочию, что живет одной думой и одними чаяниями с остальной частью своего казачьего народа, что нет никаких различий между новой и старой казачьей эмиграциями, явившимися политическим результатом борьбы против того же самого противника — московского большевизма.

Задача Казачества не состоит в борьбе за ту или иную всероссийскую или всесоюзную власть, а в борьбе за раскрепощение и освобождение своих Земель, в восстановлении своей собственной национальной жизни на своих казачьих просторах, в защите своего права распоряжаться судьбой и долей своих Краев так, как только будет ему угодно.

Идеалы Казачества, как народа, поднявшего знамя своей Свободы и Воли, быть полным хозяином своих Казачьих Земель.

Вот почему мы, казаки националисты, ставили и никогда не перестанем ставить четко и ясно вопрос о том, что пора казакам думать свою думу, пора становиться в свои казачьи ряды — свой к своему. Нужно безоговорочно выходить на свой собственный исторический шлях. Наступило время, когда Казачеству самому нужно брать свою историческую судьбу в свои руки. Признание казачьей национальной самобытности Правительством Великогермании является для всех казаков еще большим призывом к борьбе за свободу и счастье нашего Казачьего Народа, за его историческую будущность.

Все, кто казак душой, кто любит Казачество не только на словах, но и на деле, кто любит свои семьи, родные и близкие нам станицы и хутора, кто хочет поскорее увидеть их освобожденными, тот должен стать в ряды своего казачьего народа и бороться за его светлое будущее.

Долго «опекали» нас одни. Кроваво мучили нас другие. И те и другие — чужие. Пора всем казакам думать самим о себе. Пора казакам ясно сознавать, что будущее Казачества должно принадлежать только самому Казачеству!

В прошлой своей истории Казачество брало чужие задачи иногда на свои плечи довольно дружно. Мы убеждены, что строительство своего казачьего дела нисколько не труднее, чем служение чужим интересам.

Нужно только немного веры в себя и в правоту своего казачьего дела!

Каждый казак должен ясно решить для себя самый главный вопрос: надо ли или не надо стремиться к сохранению Казачества как Казачества, к его развитию, к обеспечению его самостоятельной исторической жизни? Если не надо, то тогда для него должно стать все ясным, тогда — никакой борьбы за Казачество, тогда все — русские, тогда — одно государство российское, один русский народ и никаких иных разговоров.

Если Казачество, как Казачество, умирать не хочет, тогда надо делать из этого и все соответствующие выводы, тогда надо признать и то, что Казачество сохранится, может жить своей исторической жизнью только в своем собственном национальном организме, когда Казачество само себе будет Хозяином.

Запись новых казаков-добровольцев в одном из городов на Востоке.
Archiv „Der Kosakenbote".

И Безуглов.

Кремлевский реформатор.

Все реформы, которыми «батюшка» Сталин осчастливил народы СССР, служили главным образом для внутреннего употребления. В течении 25 лет населению твердили о том, что надо готовиться к бою за мировую революцию, что советская армия — непобедимая и разобьет врага на его собственной территории. Война показала, что это не так. Армия терпит поражение за поражением, миллионы попадают в плен, миллионы гибнут на поле брани. Итти и умирать за мировую революцию, народы СССР, очевидно не хотели и надо было спешно искать выход.

Зная настроение масс, не трудно было найти этот выход, надо было только уничтожить все то, за что до сих пор стреляли. Война с Германией и ее союзниками была об'явлена «отечественной» и это кое на кого в СССР подействовало в патриотическом смысле. Интернационал официально распустили, а его рабочий аппарат, состоящий из гангстеров всего света, был распределен по пропагандным учреждениям СССР. Красных офицеров и солдат начали награждать орденами Суворова, Кутузова, Александра Невского, завели царские погоны, за которые от 1917 до 1920 г. расстреливали сотни тысяч граждан бывшей Российской Империи.

Чиновникам дали дореволюционные чины, а всему населению СССР — свободу вероисповедания, не уничтожив, однако, антирелигиозных законов. Подобно тому были амнистированы понятия родины и патриотизма, за что раньше полагались застенки Г. П. У. Восстановили патриархат, открыли церкви. Не жизнь, а масленница, молись сколько хочешь, служи — получишь погоны, ордена, чины, — никто слово не скажет. А раньше то, за это — к стенке! Но ничто не укроется от зоркого ока «батюшки». Послушал внимательно Интернационал-гимн вдумался в содержание его слов и ... отменил. Ведь слова то какие: «Вставай проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов», — как никак, на 26 году советской власти, слова неподходящие.

Дабы показать, что все «батюшка» делает серьезно, — об'явил себя маршалом Советского союза. Тут уж и самые неверующие поддались и уверовали в эволюцию. Много заграничных простаков поймалось на эту удочку и теперь орут на всех перекрестках, восхваляя мудрого «батюшку».

Последняя же реформа — изменение конституции СССР — предназначена целиком для улучшения работы вне Союза. Прежде, все республики, входящие, в СССР, пользовались правами только лишь на бумаге, — теперь же будто и на деле. Каждая республика будет «самостоятельна», даже, и в своей заграничной политике. Отдельные сов. республики будут иметь свои отдельные и им подчиненные армии.

До сих пор все государства уделяли много внимания работе, которую вели дипломатические, военные и торговые представительства советов, занимающиеся прежде всего коммунистической пропагандой. Теперь иначе, пойди-ка уследи за всеми представителями 16-ти советских республик. Открылась возможность поселить в каждой стране массу НКВД-истов и притом вполне легально вести работу по разложению всех и вся. На всех международных конференциях большевики будут иметь больше всех представителей. Придумано «батюшкой» и его заплечными мастерами здорово, комар носа не подточит. Отныне советы подобны Англии, но советские республики пользуются более широкой «свободой». Английские доминии не смеют заикнуться об отделении от Англии, а в СССР, по конституции, конечно, не понравилось, например, выражение лица маршала Сталина какой-нибудь республике, взяла и вышла из Союза. Легко и свободно.

Все это лишь очередные трюки и маневры сталинской клики, готовой по тактическим соображениям сбросить с себя и последнюю марксистскую рубаху, лишь бы всеми правдами и неправдами удержаться у власти и притти к своей неизменной цели — мировой революции.

Внешне сбрасывая с себя старую марксистскую чешую, большевики остаются неизменны своему внутреннему содержанию. Нынешняя маска советского патриотизма, которую коммунизм набрасывает на свою физиономию, является лишь прикрытием старых московских великодержавных идей, переплетенных с стремлениями «раздуть мировой пожар» и утвердить царство обмана и ненависти. Сталин лишь меняет свои лозунги, но сущность и практика его остаются неизменными.

Изменение в свое время так восхваляемой до небес большевиками «самой демократической и самой идеальной Сталинской конституции», принятой всего лишь несколько лет тому назад, дает Сталину возможность заменить работу распущенного Коминтерна работой дипломатических представительств отдельных «самостоятельных» советских республик. Эта работа будет усилена в 16 раз, дает Москве возможность легальным способом наводнения всего мира агентами Коминтерна, которых при полном дипломатическом представительстве 16 советских республик было бы, по подсчетам одной иностранной газеты, неменее 42 000 челов.

Необходимо отметить, что изменение конституции СССР свидетельствует также о больших противоречиях между отдельными народами, входящими в состав СССР, и о попытке уверить народы Европы, что буд-

(Продолжение на 2 стр.)

Алексей Иванов.

О самосознании.

«О, нечестиви и юроде, зашто ся срамишь да се наречешь болгарин»...
Паисий Хилендарский.

Этой фразой, взятой мною как эпиграф, начинается «История болгарска», написанная вдохновенным болгарским иноком и, как мне кажется, фраза эта очень хорошо определяет отношение многих казаков, забывших свой род и народ, к вопросу возрождения Казакии.

Если провести параллель между историей казачьего и болгарского народов, то можно найти много общего, если не во внешних формах, то во внутренней сути прошлого обоих героических народов.

Болгары, попав под политическое господство турок, одновременно оказались в духовном плену у греческого духовенства, всячески способами стремившегося убить, угасить национальное самосознание болгарского народа, часто при поддержке греко-команов — «чорбаджиев» — тогдашней элиты болгар — из личной выгоды примазывавшихся к грекам.

Соединенные усилия греков и грекоманов-болгар не пропали даром: приближался момент, когда, казалось, вот-вот угаснет не только последняя тлеющая искорка национального «Я», но и самое имя народа болгарского. Именно тогда и появился скромный Святогорский монах Паисий с своей «Историей» — плодом неустанного труда всей его жизни — написанной при невероятно тяжелых условиях, ярким пламенем осветившей забытое уже славное прошлое болгар и зажегшей их волю к самостоятельному существованию.

В дальнейшем блестящая и трагическая плеяда болгарских патриотов, как базу своей деятельности, имела наследство отца Паисия. Такие великаны духа, как Василий Левский, Христо Ботев, Бенковский и другие показали всему цивилизованному миру, что болгары существуют как народ, что дух их не угас и что они хотят и имеют право жить своим домом. Эти патриоты кровью своею щедро полили корни того «древа жизни», плодами которого пользуется сейчас независимое царство Болгария.

Эти светочи Болгарии, происходя из народа, в своей деятельности находили помощь главным образом у селян и ремесленников — в то время как «чорбаджии» интеллигенция, за немногими исключениями, были или равнодушны, или же явно и активно враждебны к святому делу освобождения.

Так было у болгар. Посмотрим, что было и есть у казаков.

В императорский период русской истории казачество находилось всецело под господством России, как в культурном, так и в политическом отношении. Под шумок присяжные русские историки типа Иловайского и Броневского основательно сумели упрятать истинную казачью историю. Упрятали и исковеркали так основательно, что выходило как-будто бы и так, что казаком-то называться было не только не почетно, но даже, как будто, и зазорно. Выходило так, что казак годен только лишь на то, чтобы «по границам раз'езжать», да пороть «врагов внутренних». На этом официальном материале воспитался целый ряд поколений. Многие из казаков так это и восприняли. Многие, но не все. Помимо истории Иловайского казаки знали и другую историю. Ту историю, которую они слышали от бабушек и матерей. Ту историю, которую они слышали из уст самих творцов истории: казаков-бойцов, отцов и дедов. Вот эта то неписаная история и явилась путеводным огоньком, освещающим душу казака. «И свет во тьме светит и тьма его не об'ят».

В поисках за «светом истинным» была принесена в жертву не одна казачья жизнь. Много пало их под ударами судьбы: — известных и неизвестных — земной поклон перед их светлой памятью...

Если находились сильные духом казаки, готовые на смерть и муки, лишь бы только пролить свет в тьму официальной истории — это только доказывало, что национальное самосознание казаков — как народа — не угасло, что национальное самосознание их живо и ждет своего претворения в плоть и кровь.

В наши дни честные и крепкие духом казачьи патриоты постепенно, страница за страницей, развернули перед нашим взором документально-обоснованное героическое прошлое нашего народа в его чисто казачьем освещении. Теперь перед нами лежит наш ясный казачий путь в конце которого, как цель, — Казакия и благо казачьего народа. «Per aspera ad astra»...

Заканчиваю эти строки перефразируя слова, взятые мною как эпиграф:

— «О, нечестивый юродивец, почему ты стыдишься назваться славным именем казака?» — ибо не мы, казаки-националисты, а стоящие в стороне от нашего синего знамени будут одиноки в тот благословенный миг, когда свободно, как могучее дыхание степного урагана, пролетит над просторами Казакии громовым эхом наш боевой, победный клич —

Слава Казачеству!

С. Ф. Лантух.

Участь у Запорозькій Раді.

Так саме, як старовинне віче, й козача Рада уявляла із себе орган безпосередньої участи всього населення козачої «республики», яке мало право керувати державним життям Війська. На Раді виступало все **товариство** як Військовий колектив, якому в купі належала вся сума державних прав на території Війська.

Спочатку ці виступи були в цілому його комплексі, згодом з відокремленням Війська Низового у окреме державне тіло, лише Кіш запорозький заховав засади народоправства, в той час як з моменту утворення гетьманської Держави, його верхній побратим — Військо городове пішло своїм шляхом аристократично-становим.

На Раді Військо завжди виступає в цілому, навіть і тоді, коли фактична участь була й не ціла і всі акти виходять в імени всього **товариства й Війська.** Цим Військо приймає на себе відповідальність в цілому й рішенням «спільного кругового зібрання» мають підлягати всі, навіть і Гетьман без Ради не сміє нічого робити. Нарід керує всім загалом, як колектив, й кошові начальники «ні в чому не власні коли до того чернь не приступить» т. е. весь нарід. Рада є справжнім зверхнім органом управління всією землею. Лише царський уряд своєю політикою обертає її на Гетьманщині у фікцію й урізує автономію Кошу Низового.

Відповідно до цього в старовинних актах ми маємо определення Ради, як зібрання «общаго», «полного», «генерального», також ж і як «великая», «большая» — себ то в значінні широкої участи всього народу.

В протилежність таким Радам бувають Ради неповні, тайні, старшинські та місцеві. Ради відбувалися при участи й 70.000 люду, то була участь «Війська запорозького з усим його народом», як кажуть акти. Тут присутні всі: Гетьман з старшиною, митрополіт з духовенством чорним і білим, козацтво, міщани, й вся «чернь» себ то всі люде — суспільство, без розділу станів і «положенія», всякої кондіції люде». Участь була завжди по ознаці територіальній, але бувало що на Раді в гетьманщині приймали участь й козаки слобожанські; в Задунайському у Кощі бували на Раді «мужики» — жонаті підданці. Але саме **Козацтво прираховувало себе до шляхти,** бо в Польській державі воно мало її права «всегда в шляхетстви а не в черносошных перебывало»; по договорних статтях гетьмана Многогрішного царь Олексій навіть мусив карати тих, хто козаків називав «мужиками».

Так було з «чернью» на Гетьманщині, в Кощі ж Низовому під чернью розумілося рядове козацтво, поруч з — «старшин й меншин», а не селянське не-козаче населення Землі Війська Низового. Не-козацьке населення могло бути присутнім на Раді, але участи в ній не приймало, в той час, як «люде вільні» сюди допускалися. В Січі тако ж бачимо участь в Раді й духовенства, але не в ролі вирішальній, бо воно не мало права виступати в справах управління, а лише могло «благати» за засуджених, просячи їм милости.

Погляди на Раду, як на орган становий — класовий, не відповідають дійсности. Рада є всестановою народньою, але звичайно лише тих, хто користувався всіми правами громадянина козацької Держави.

При розляглости території Війська, звичайно, не все населення могло приймати участь в Раді, бо не завжди відбувалися Ради «зупольні», «вальні». Звичайно керуючу ролю відігравала Рада головного місця перебування Гетьмана, або скликана в місці по його вказівкам, чі на вимогу товариства. В Кощі Низовому — Рада Січова. Крім того відбувалися Ради й в інших місцях, полках, курінях, паланках, селах і околицях.

Присутність на Раді мешканців у місці її скликання була не лише правом але й обовязком; та ж людність яка була далеко «на верху і на низу, на лугах, на полях, на полянках і на всіх Дніпрових й польових урочищах», або понад Доном де ще «за часи Прецлава Ланскороньского козаки зимовники мали», право присутности було лише правом, яке козак міг використати добровільно.

Неприсутність на Раді взагалі карається. До воріт міста ставилася на час Ради сторожа з наказом невипускати нікого з міста. Присутність на Генеральній Раді обомовлювалася фактичною можливістю, бажанням, бо не всі могли до неї дістатися пішки, але «кто ехать похотел», «кто коней имеет». Військо Низове навіть загрожує «карaнням військовим», «під горлом» — себ то смертною карою тим, хто не прийде на Раду.

Могли висилатися на Раду й депутати, в нашому розумінні, як це видно з договору Гетьмана Орлика з запорозьцями, або як було в ріжних Радах, коли висилалися крім старшин по 5 депутатів від міста, чи по кілька десятків від полків.

Звичайно, що все козацтво й не могло прибути, бо 64 поселення запорозьців й більш як 4000 зимовників були роскидані на велику дальність, крім того були перекидки й военного характеру, та й Ради великі не були частим явищем, в якому б приймав участь увесь нарід. Лише в випадках надзвичайної важливости, ми зустрічаємо в Раді поспільство й міщан, на «чорних, общих Радах» на яких обирається Гетьман. В інших випадках Ради бувають суто козацькі. Часто старшина з причин політичних, намагається, щоб й просте козацтво «чернь» — формально рівноправна — не брала участи в Раді, й борониться скликанню «чернової Ради». Гетьман Дорошенко каже, що «при великій кількости недобра буває у людей козацьких». Все це є опаска з безпосередніх проявів волі «чернової маси».

Звичайно ми говоримо про Раду, як інституцію найвищої влади, яка до останніх часів заховувала свій характер Ради всенародньої. Про Ради іншого порядку інша й річ.

(Продовження).

И. Л-ов.

Что об'единяет капитализм с коммунизмом?

Кто внимательно следил и следит за политическим и экономическим развитием света, того едва-ли удивит этот вопрос.

Каждому в настоящее время должно быть известно, что как в капиталистических странах, так и коммунистическом СССР фактически всем руководят жиды (в Америке «мозговой центр», а в СССР в центральном коммунистическом комитете они составляют абсолютное большинство).

В то время, когда в западной Европе жиды подрывали веками созданную духовную и материальную культуру, измышляли вопросы о взаимных отношениях труда и капитала (Маркс, Энгельс), делили христиан на враждующие классы и политические партии, искусственно вызывали споры, беспорядки, гражданские войны и пр., сами «под шумок» накопляли огромнейшие богатства в своих руках, захватывали в свои руки и политическое господство в международном масштабе, чтобы в будущем руководить человечеством в том направлении, которое им будет необходимо для полного порабощения всего христианского мира. Особенное внимание обращено было ими на Америку, страну колоссальных возможностей в будущем. Предприимчивость, энергия, любовь к труду первых переселенцев-пионеров из Европы создали интенсивное накопление богатств и капиталов в руках христиан, а следовательно и огромное влияние на политическую и экономическую жизнь страны. Жиды, учитывая это влияние, начали вести втихомолку, невидимый для «простого глаза» бой, создавая грозные экономические крепости, «тресты»... С появлением трестов начали появляться естественно и такие вопросы, как взаимное отношение труда и капитала, организация рабочих союзов (пролетариат), об «империализме», о золотой валюте и проч. Все это могло бы провести само правительство, но жиды, желая вести за собой массы, которым искусственно внушали свое особое попечение и заботу о них, создавали особые «вопросики», которые были будто-бы скромные и невинные, а на самом деле назойливой мухой жужжали все время в ушах американских государственных деятелей, жужжали и — жалили, мешая и тормозя этим созидательной работе. Многие зададут вопрос, что значит муха в сравнении с такими слонами, как государственные деятели Америки? Жиды отлично знали, что есть мухи с ядовитым жалом; притом яйца, которые такая муха умудряется ввести в живой организм, для этого организма не безопасны. Этим они твердо вступили на путь полного разложения американского общества. Разлагая христианство, они, как ехидно крадущаяся язва, обманывая массы, организовывали всевозможные секты, прикрываясь христианскими словами и формами, употребляя их для своего прикрытия и приманки.

В свое время даже сами американцы подняли шум о широкой деятельности секты — **мормонство,** которая руководилась фактически жидами и имела огромный успех среди американцев.

Можно наверно сказать, что ни одна религия в мире, кроме мормонской, не была сочинена и водворена, заведомо и почти нескрываемо, на основании прямого и непосредственного участия жидов. Пропагандируя принципы безнравственности (многоженства, полное уничтожение морали), они развращали народ духовно, расстраивали семейные, политические и экономические устои целой нации.

Выдавая себя за религиозную секту, они прежде всего всегда стремились к материальной силе, светской власти и постоянному расширению сферы этой власти. Механизм же этой политики весь сосредоточен в правящей олигархии — самодержавном сонме «святых». Не гнушаясь никакими средствами, не обращая внимания на правила обыденной морали, дурача массы мнимыми откровениями и вымышленными шарлатанскими чудесами, они внушали своим членам беспрекословную покорность.

Все эти грязные способы давали возможность жидам накоплять богатство, расстраивать народные умы и с каждым днем усиливать свое политическое влияние на конгресс, посредством которого могли бы проводить такие законы, которые служили бы исключительно на пользу израильского племени. Не удивительно поэтому, что жиды в Америке в настоящее время играют важную роль в жизни.

Стоя в стороне от православной духовной жизни, куда им фактически не было доступа, жиды шли иными путями разврата, возвещая расцвет цивилизации только при условии полного уничтожения религии. Революция в 1917 году в б. России, а особенно при коммунистах, открыла им широкий путь для борьбы с православием. Тут они открыто вступили в бой с христианством, православную религию об'явили вне закона, разрушали церкви, уничтожали духовных, развращали морально народ, а тем окончательно убивали в нем душу...

У жидов все средства хороши. Для них существует одна цель — сделать человечество рабами, превратить его в «роботов». Нет, следовательно, ничего удивительного, когда жиды открыто выступили на арену боя на противоположных полюсах (у капиталистов и коммунистов), имея одну цель.

И только теперь, когда война жидов с христианством ведется уже много сотен лет, народные массы поняли это и начинают реагировать. И в Англии и в Америке начинается народное движение против жидов. Настанет время, когда жиды окончательно будут выметены из общественной жизни христиан.

Наши силы равны нашей вере в свои силы!

(Продолжение с 1-ой стр.)

то наступление красной армии ничем не грозит их национальному существованию, но фактически делает очередной прыжок в сторону «мировой революции».

Изменение конституции является очередным обманом московского большевизма, в результате которого является еще большее укрепление диктатуры компартии над народами СССР. Оно расчитано лишь на простачков и слюнтявых европейских и заокеанских демократов. Как «Сталинская конституция» 1936 года не сделала из советских обывателей свободных граждан, так и нынешнее изменение этой псевдодемократической конституции не несет свободы народам или республикам СССР, но для каждого, кто знает сущность коммунизма, означает еще большую фактическую централизацию СССР, ибо только она и беспощадный террор, исключающий всякую свободу, являются основными двигателями большевицкой власти. У Сталина меняются лишь методы и тактика, но основная цель остается твердой и неизменной, а ею есть мировая революция и установление большевицкого ига во всем свете.

Ликование и радость, с какой в Англии и в Америке было встречено изменение конституции в СССР, лишний раз свидетельствует о том, что ныне не Москва воюет за сохранение и укрепление британского империализма, как это вначале предполагал Лондон, но Англия и Америка воюют за большевицкую мировую революцию и расширение красного московского империализма.

Нас, казаков, Сталин не надует своими реформами, цену им мы знаем и на удочку, предназначенную для простачков пускай ловит кого угодно. Нам хорошо известны все заботы и трюки советской власти, начиная с военного коммунизма и НЭП'а и кончая коллективизацией и поворотом «лицом к Казачеству».

Казачество и большевизм разделяют потоки крови и слез, горя и страданий, принесенных нашим казачьим народом в борьбе с этим заклятым врагом, и никакие очередные обманы и трюки большевизма, никакие его новые маски нас, казаков, не смутят. Казачий народ твердо знает, что только окончательное уничтожение большевизма может обеспечить его свбодное и независимое существование.

Пишите точно и четко свой адрес! Каждую перемену своего адреса немедленно сообщайте в Казачью канцелярию!

Полковник М. И. Недбаевский.

Станичное духовенство и школа.

Из труда «Воспоминания Кубанского Казака», присланного автором в редакц. «К. В.».

Церковь у нас, в станице Каневской, была с двумя пределами, или иначе трех-престольная, кирпичная, первая на Кубани из твердого материала, построена была в царствование Николая I. Какова была прежняя старая церковь, построенная Запорожцами, я не распрашивал ни отца, ни старых людей, а потому о старой церкви ничего не могу сказать. Постройка новой церкви в нашей станице весьма замечательна.

В нашей станице жил весьма и весьма богатый казак Роман Билый, имевший много настоящих денег, т. е. золота, а не ассигнаций, скота, овец и лошадей несчетное количество. В молодости был он чабаном (пастухом) и весьма возможно, что разбогател, начиная с пастуха, как это случалось не только тогда, но и позже. В Батальпашинском отделе Синеоков (кличка Гарькуша), крупный землевладелец (12.000 десятин земли) и овцевод, начал тоже с чабана, был неграмотный, умер в 1916 году, Макеевы, Мазаевы, Цветновы на всю б. Россию известные овцеводы начинали свою карьеру чабанами. Овцевод Нестеренко не то Ново, не то Старо-Леушковской станицы, правда, некрупный, имел лишь 30.000 овец, начал с чабана и т. д.

У нашего казака-чабана Билого семьи и близких родственников не было. Неоднократно он высказывал свое желание оставить все свое состояние на постройку в станице кирпичной или каменной церкви. Но, к сожалению, умер, не оформив свою волю. Собрались почетные казаки-старики, священник казак нашей же станицы Орда, и стали горевать, что не быть в нашей станице прекрасной каменной церкви. Тогда священник Орда обращается к каждому из присутствующих почетных лиц станицы задавая один и тот-же вопрос: «Ви Іван Івановичу чули!» — «Чув». «А ви Микола Михайловичу, чули від небожчика волю пожертвувати всю імовину на церкву?» — «Та вже ж чув, ще й стільки разів». Переспросили всех присутствующих, все подтвердили одно и то же, но не доставало духовного завещания, а показания свидетелей по закону в таких делах не имели силы.

Тогда, не долго думая, священник Орда тут же написал духовное завещание, что раб Божий Роман Билый, находясь в здравом уме и твердой памяти, заблагорассудил распорядиться всем своим имуществом так, чтобы все обратить в деньги и на вырученное от продажи построить в родной станице Каневской кирпичную или каменную церковь. Духовное завещание подписал тут же покойник — ему в мертвую руку всунули перо и водили, выводя имя и фамилию. В качестве свидетелей подписались сам священник Орда и несколько почетных присутствующих казаков. Духовное завещание вскоре было утверждено, имущество обратили в деньги и приступили к постройке новой церкви.

Уже церковь была выведена выше первых окон, как власти прекратили постройку, началось следствие, священника отрешили от совершения богослужения и т. д. Оказалось, что кто-то из присутствующих при подписи духовного завещания проболтался. Какие то дальние родственники ухватились и заварилось дело.

Думал, думал священник Орда и решил ехать до самого царя Мыколы первого и рассказать ему все, как было. Так и сделал. Поехал в Петербург с составленным докладом в нескольких экземплярах и там с помощью же казаков, служивших в разных местах, заинтересовал приближенных царя, стало это известно и самому царю и священнику Орде удалось представиться лично царю; он рассказал все без утайки, прибавив, что станица бедная, несколько раз страдала от разных бедствий и подал обо всем этом свой письменный доклад.

Не Иисус Христос, а русские цари от Петра I и особенно от Павла I возглавляли Русскую церковь, помыкали епископами и св. Синодом как им нравилось. И в данном случае царь поступил по своей воле. Ему, царю, весьма и весьма понравился казак священник и он пожелал слушать в своей дворцовой церкви богослужение, совершаемое казаком-священником Ордой. Запрещение, наложенное Новочеркасским епископом, Синод снял, а фельд'егер с докладом священника Орды поскакал на Кубань. Изложенное в докладе Орды все подтвердилось. А пока фельд'егер ездил на Кубань, Дон и обратно, священник Орда часто служил во дворце, его служба понравилась царю, который осыпал Орду наградами. По возвращении гонца в Петербург, царь рассмотрел дело священника Орды и приказал следствие над ним прекратить, духовное завещание, подписанное мертвецом, оставить в силе, церковь достроить. Орда осмелел и после принесенной благодарности просил царя, чтобы он, Орда, достроив храм, служил бы в нем несменяемо и чтобы без суда его не переводили в другой приход, что царь и сделал через св. Синод. Священник Орда возвратился в станицу, осыпанный наградами, забронированный от произвола консистории; только не помню возвратился ли он митрофорным протоиереем или же впоследствии был награжден уже местным Новочеркасским епископом, которому была тогда подчинена Черномория.

Церковь священник Орда благополучно достроил и погребен в церковной ограде, оставаясь ее несменяемым настоятелем.

—

Министерская школа в станице Каневской открыта в 70-х годах и помещалась в улице, ведущей на другую площадь, рядом с домом и магазином купца А. И. Губырина. В период времени с 1876 до 1878 г. г. станица выстроила хорошее светлое здание для школы на церковной площади рядом со станичным правлением и при ней же квартиру для учителя.

Привел меня отец к учителю в сентябре месяце 1878 года, учитель был молодой, ласковый, приятной наружности. Он был казак станицы Переясловской И. Д. Бровченко, ему помогал его брат Василий и две сестры Елена и Наталия. С ними жила и вела хозяйство их матушка, вдова. Иногда и она, работая в кухне рядом с классом, когда с нами занимался старший ученик, отворяла дверь и делала указания, как вести урок.

Классных комнат было две и в них размещалось три отделения по усмотрению учителя. Школа была смешанная, но девочек училось мало.

Отношения между учителями и учениками были хорошие. Редко когда учитель бывало потянет ученика за чуб или поставит на колени. Учились мы охотно. О станичной школе у меня сохранились самые прекрасные воспоминания. Учителя же с нами занимались и пением,

Каждый праздник ученики собирались утром в школе и шли в порядке, рядами, в церковь, стояли против южного придела, стояли прилично. Учителя пели на клиросе. Крайне редко старые казаки делали замечания неспокойным. Я и после школы любил стоять не на клиросе, а там где я стоял учеником.

В церкви пел хор учеников, учителя братья Иван и Василий Бровченко и еще несколько любителей для густоты хора. Пением руководил регент Бондаревский, казак нашей станицы, бывший в придворной капелле, но за склонность к вину был уволен оттуда.

Директором народных училищ был Блудов, который лишь один раз за мое время посетил нашу станичную школу. Инспектором был Родионов, этот об'езжал школы чаще. Он имел в городе Екатеринодаре книжный магазин на имя жены. Он приходил в ярость, когда при посещении школы видел у учеников тетради не его производства, а Войскового склада или книжного магазина Галладжианца. И бывали нередки случаи, когда он рвал ученические тетради. Нужно сказать, что качество его товаров чаще было худшим или были дороже, чем у других.

И. Б.

К вопросу пополнения Казачества.

За последние 30 лет казачий народ потерял большие человеческие массы в различных войнах и в борьбе за свое существование. Восполнить эти потери естественным приростом населения в течение ближайших лет будет трудно, поэтому вопрос пополнения Казачества для каждого казачьего политического руководителя является одним из актуальных вопросов. При разрешении этого большого и весьма важного вопроса необходимо иметь ввиду и опыт исторического пополнения Казачества, которое и раньше несло большие потери в своей живой силе, которые оно несло в непрерывной вооруженной борьбе с многочисленными и сильными врагами.

При решении этого вопроса можно говорить о пополнении Казачества с севера — со стороны великорусского народа — и с юго-запада — со стороны потомков Запорожского Войска — и обратить внимание на опыт этого пополнения в прошлом.

Жизнь казачьего народа в прошлом была постоянной борьбой не только за свободу и вольность, но и за самую жизнь. Казачество заключало в себе осуществление заманчивых прав в сравнении с бесправием в Московском государстве, но оно требовало и несение тяжелых обязанностей и прежде всего упорной и непрерывной борьбы и за свою собственную жизнь, и за существование своего городка и всего Войска.

В прошлом физическое пополнение Казачества могло быть только со стороны тех элементов, которые были более родственны к казакам, к условиям их жизни, близко стоящее в психологическом отношении, привычные к степной стихии, близкие по своему быту.

Таким являлось население территории Войска Запорожского, которое было и в прошлом передатчиком для пополнения старейшего Донского Войска, где они были наиболее желательным элементом, который после своего оседания быстро ассимилировался казачьим населением.

Это явление облегчало и то знаменательное явление, что как донские, так и запорожские казаки взаимно пользовались полными правами на территории своих Войск, могли участвовать друг у друга в собрании Круга и Рады.

Из Московии же до половины XVII века массового притока в Казачество не было, оттуда были лишь одиночки, которые в зависимости от внутренних процессов шли спасать свои животы сюда, где «выдачи нет».

Казалось бы, что после Смутного времени, когда содержание Казачества стало программой, Дон должен был бы заполниться выходцами из Московии, хотя бы теми, кто принял в пределах ее имя казаков, не будучи ими. Но они, по утверждению историка Ключевского, предпочли остаться пропивать награбленные зипуны боярские. Не имели особенного желания пополнять Казачество и те полоненники, которые были в многочисленных походах казаков освобождаемы, они предпочитали возвратиться к себе в Московию, чем нести все тяжести казачьей жизни, связанные с борьбой за существование.

Из Московии были люди, но не для пополнения Казачества, а для устроения своего лучшего блага, для устроения на Казачьих Землях ремесла или занятия торговлей: кузнецы, плотники, сапожники, портные, шапошники,

Значительное и постоянное пополнение шло из политических эмигрантов всех стран: турок, татар, черкесов и пр.

Подобное значительное пополнение было и от браков казаков с пленницами.

Во второй половине XVII века на Дон идет более или менее значительное число беглецов из Московии вследствии господствовавшего там экономического кризиса, развития крепостничества и религиозного гонения. Этот элемент, спасая свое я и борясь за свое личное благополучие, совершенно не был склонен участвовать во внешней борьбе Казачества. Он нес чуждые Казачеству идеи, втягивая Казачество во внутреннюю борьбу Московского государства, чуждую казакам. Этот приток не только не пополнял Донское казачество, но, наоборот, своими действиями вовлекал Войско в борьбу за чуждые интересы, приносил невознаградимые потери как в физическом, так и в политическом смысле. Благодаря этим элементам, Дон потерял свою государственную независимость.

И в последнее время, после революции, Дон имел небывалый наплыв эмиграции из пределов Московии. И эти эмигранты несли чуждые Казачеству идеи и задачи, извращали идеи казачьей национальной борьбы, втягивали казаков во внутреннюю борьбу во всероссийском масштабе. В этой борьбе Казачество снова несет громадные потери и убыль в мужском населении.

История нас учит, что массовый наплыв из Московии в Казачьи Земли приносил Казачеству только вред, навязывание чуждых идей и задач казакам, вел только к раздвоению Казачества, к междуусобной (борьба главного Войска с старообрядцами, прибывшими в верховье Дона и поддержанными верховыми казаками) борьбе, что вело не к усилению численного состава Казачества, но как раз к его физическому ослаблению в борьбе за чужие и чуждые интересы.

После включения Московией в свой состав и Украины и заведения там своих московских порядков со своим крепостничеством начался новый массовый приток и сокращения рядов тамошнего Казачества, начался новый массовый приток населения на Дон. И со второй половины XVIII на Дону стал образовываться новый род населения, в настоящее время являющимся коренными жителями Дона — иногородние.

В большинстве своем это население из Приднепровья и в прежнее время они попали бы в ряды Донского Казачества, но тогда, благодаря условиям российским государственным мероприятиям, не могло стать. Только вначале XIX ст. была попытка массового пополнения Донского Казачества, когда несколько тысяч станичных крестьян, числившихся за станицами, было обращено в казаки, а для их полного «оказачения» в этих станицах было поселено 500 казачьих семейств. И казаки этих станиц уже через 2 поколения ничем не отличались от других казаков Донского Войска.

С освобождением крестьян от крепостного права были и донские крестьяне освобождены от крепостной зависимости, но в отношении их российским правительством была допущена та несправедливость, что они не были обращены в донских казаков, а для Войска был нанесен вред тем, что ими не могли быть пополнены казачьи ряды, что было создано искусственное существование двоякого рода коренного населения, что так трагично сказалось на борьбе Казачества с московским большевизмом.

Мы, казаки, верим в живучесть Казачества, в живучесть своего народа, верим и знаем, что он переживет все невзгоды, исживет все чуждые наплавы, которые имеют место и при советском правительстве, все они также исчезнут в историческое небытие. На наших же Землях останутся лишь те элементы, которые близки этим землям по своим условиям психологического и иного порядка.

В будущей жизни Казачества его пополнение является жизненно необходимым. Это пополнение более полезным и возможно необходимым для Дона — это донские крестьяне, для Кубани — иногородние. В нынешнем понимании это пополнение означает полное политическое, экономическое и социальное равенство и усвоение ими понятия и психологии казака.

Совместное пребывание под советским игом, совместные мытарства и переживания и пребывание в рядах казачьих частей и представителей этого слоя нашего населения является также одной из предпосылок грядущего пополнения Казачества, ибо только наличие борьбы не только за общие интересы и идеалы, но и несение всех обязанностей является хорошей тому порукой.

Первая помощь своему тяжело раненому другу.
Archiv „Der Kosakenbote".

Современное Казачество.

Привет туркестанцев.

Господину Руководителю
Казачьего Национального Движения
инж. Глазкову.

Чувствительно тронут Вашим вниманием и искренне благодарю за выраженные пожелания.

Туркестанский народ всегда питал к казакам глубокие симпатии и уверен, что отношения этих двух народов всегда будут дружелюбными и что их дружбу ничто не нарушит.

Я также непоколебимо верю в то, что будущее принесет нашим друзьям-солдатам Великой Германии — и нам победу, которая займет самое блестящее место в истории.

Мы победим и московские иудо-большевики будут окончательно разгромлены.

Желаю полного успеха в Вашем Движении и шлю Вам и Вашим доблестным бойцам Туркестанский привет.

За Председателя Национального Туркестанского Комитета:

Др. Вели Каюмхан.

Сбор казаков.

Во исполнение декларации Германского Правительства в ряде городов правобережной Украины учреждены сборные казачьи пункты. Во главе их стоят казачьи офицеры, которые проводят повсеместный сбор казаков. Этот сбор проходит при помощи областных комиссаров и военных властей.

В отдельные районы и села за казаками и казачьими семьями посылаются специальные уполномоченные. Казаков и их семьи отправляют, предоставляя им транспортные возможности, в главные сборные пункты, откуда казаки отправляются в места своего временного поселения.

Бесстрашные.

Они жили в станице Смоленской, в горных кубанских лесах. Три сына учились в школе, отец был лесничим, мать занималась домашним хозяйством. Жили плохо, а могли бы жить лучше, но отец не хотел воровать.

Перед самой войной внезапно умерла мать. Жизнь стала совсем невыносимой. Ребята ходили оборванные, полуголодные, и все же ни одно бревно из государственного леса не было украдено. Наконец, старший сын ушел из 9 класса и устроился помощником лесничего. Но через месяц юношу призвали в армию, затем — на фронт. Скоро с фронта отец получил извещение, что «боец т. Крыжановский погиб в боях за дело Ленина-Сталина». Оставалось готовить к гибели за это же «дело» двух младших сыновей...

С приходом в ст. Смоленскую Германской армии все изменилось. Казалось, скоро наступит тишина и мир. Вышло не так. Через день вновь загремели орудия у самой станицы. Немецкие редкие цепи, отстреливаясь и отступая, прошли через нее, но сейчас же вернулись и стали занимать круговую оборону. Это было вызвано окружением.

Крыжановский, который никогда до того не держал речей, не агитировал, вдруг преобразился. Он собрал в станице казачий отряд в 56 человек — всех, способных стрелять; им выдали винтовки, и отряд вышел на линию огня.

Крыжановский лежал в окопе, а рядом с ним — его родные дети Николай и Михаил. Первому было 15 лет, и бился он не хуже других. Второму — 11 лет, и ему не доверили винтовку. В отряде оказалось 18 старых казаков из былых пластунских батальонов. Они пошли в атаку, не пригибаясь, за ними поднялись все — немцы. В окопах остался один Михаил.

В разгаре атаки эскадрон советской конницы пошел наперерез. Немцы обстреляли эскадрон и он стал осаживать, когда передние всадники уже доскакали до атакующих. Один из них поднял шашку над Крыжановским, и тогда пуля старшего сына спасла отца. Кольцо окружения разорвалось. Хлынули в прорыв обозы, повозки жителей. Уходила вся станица. Сыновей Крыжановский отправил в тыл. На первой же версте пятнадцатилетний Николай заупрямился.

— Пойду выручать отца, — сказал он брату и пошел к фронту. Коля не дошел до фронта, упал на дороге. Младший брат увидя это, под пулями пробрался к нему. Чем он мог помочь смертельно раненому? Он только гладил его руки.

Так остались вдвоем отец и младший сын. 15 месяцев пробыли они на фронте, отступая от Кубани до Херсона. Старик все дни провел в боях и получил ордена. Сын ездил с полевой кухней, которую обстреливали ежедневно. Пули не тронули отца и сына. Немцы, рассчитав, что учебный год начался, командировали их, чтобы старик устроил мальчика в школу.

Маленький Крыжановский теперь снял военную форму. Он ученик школы. Отец, уезжая на фронт, долго смотрел на последнего своего сына и о чем-то говорил ему то ласково, то строго.

И. Т-ов.

Сын родной Кубани.

Станица Псебайская на Кубани вырастила многих славных сынов и среди них Павла Федоровича Б. Его алый башлык, кубанка, кинжал — все это вызывает чувство гордости. На груди у сотника германский орел и зеленая орденская ленточка. Их сочетание символично. Казаки и в этой решительной борьбе за свободу и справедливость показали себя героями.

С юных лет пришлось сотнику Б., как и многим другим казакам, вынести много преследований. В 1930 году четырнадцатилетним юношей он был сослан с отцом и матерью на дальний север. Семь лет томился молодой казак в советских застенках. А потом с огромным риском бежал из концлагеря.

Проф. А. М. Андрієвський.

Козацькі предки.

Назва «Козак» походить від арійського слова «сак» або «кас», що в санскритській мові значить «приятель». Греческі й римські письменники старих часів згадують про великий народ «саки», що ще до Різд. Хр. жив у чорноморських степах і належав до індо-европейської або індо-германської раси. Ближчих відомостей про цей нарід, про його вдачу й звичаї названі письменники не дають. Аж у шостому віці по Хр. два греческих письменники — Йордан, родом алан, і Поропій Цесаріенсіс — у своїх творах про готів говорять в дійсности про саків, але, не називаючи саками, зачисляють їх до групи Антів, хоч правда Прокопій вживає назву «сакхи» й «зекхи». Анти, як це ясно свідчить Прокопій, це територіальна назва всіх народів, що жили в чорноморських степах. «Анти» — слово арійське, значить «попередній» — той, що жив раніше. Раніше жили саки, Греки їх потім назвали антами.

Йордан зве словян Венетами. Каже, що вони посідають величезні простори, вже перемішані з Антами. Все ж він розріжнює словян від антів, що живуть коло Чорного Моря. Про цих антів каже він, що вони fortissimi — найхоробріші між народами; «скрутили» — себто опанували — Чорне Море, займають простор від Дністра аж до Дніпра, селяться хуторами вздовж рік (про походження Готів, с. 29).

Прокопій заговорив про Антів з такого приводу (De Bello Gothiko, III., 14., с. 335): Анти взяли в полон начальника Римського війська Хильбудія, гадаючи, що за такого пана Римляне дадуть чималий викуп, зібрались на раду, щоб обміркувати, як то треба поступатись, щоб не прохибити. Порокопій був співробітник Белізарія, напевне брав участь у переговорах з Антами, добре знав їх і так про них написав: «Словяни й Анти **одному** не підлягають, себто монархії не визнають, а від старих часів живуть демократичним ладом. Є у них звичай — користь здобуту на війні, ділять між всіми, але й шкоду несуть спільно. У других справах мають свої звичаї, від старих часів встановлені. Почитають тільки одного Бога, творця грому й блискавки, пана всього світу. Йому приносять у жертву волів, а також й інші жертви. Вони не фаталісти, на долю вважають мало — не приписують їй яку-будь силу між смертельними. Коли хто захворів, або в похід збірається й почуває, що може вмерти, або буде вбитий, тоді дає обіт Богу за своє здоровля щось стале пожертвувати; коли небезпека мине — не вмер і невбитий, тоді сповне свій обіт і вірить, що за обіт йому повернено життя. Почитають також ріки (криниці), богинь (Нимф), що живуть в гаях, добрих духів — демонів; на честь їх справляють священнодії й по ним вгадують майбутнє. Живуть в хатах дешевих, плетених з хворосту, які розсіяні одна від другої; иноді міняють місця селищ. У бій проти ворога йдуть пішки, з щитами й списами в руках, шкіряного панцира не одягають, а дехто з них не має хитона (сорочки з вовни), не має навіть жебрацької одежі тільки мають на собі широкі штани, що зручно пасують мужчинам. Мова у Словян і Антів одна. Формою тіла також не ріжняться — представительні (показні), стрункі і сильні, барвою не білі й не руді, а чорняві й русяві. Життя ведуть, як і Массагети — просте, невигабливе, роскіші не знають. Не злі розумом, безхитрості, нелукаві, простосердечні й щирі. Назва Словян і Антів колись була одна — в старину називали їх — «sporoi», тому — на думку Прокопія — що їх поселення були роскидані, хати розсіяні, займали вони величезні простори, навіть землі по обидві сторони Дуная.» Так описує Прокопій.

Простір, що займали Анти, він називає греческим словом «Χῶρα». Від греків цю назву взяли й наші письменики і всю територію, що посідали Анти, назвали Україною, від греческого «хора! — «хра», наше —кра, країна, україна. Ця назва є територіяльна, як і назва Анти, або часто вживана у нашому літопису назва «Скифія» та «Велика Скуфія».

Анти є нащадки саків і предки запорожських козаків. Саки колись мали свою мову приналежну до арійського пня, а коли змішались з другими народами, то створили спільну мову. За часів Йордана й Прокопія — VI стол. по Хр. — мова у них була одна з словянами, але вдача, звичаї, громадські порядки були відмінні від словянських, через те Йордан і Прокопій, залічуючи їх до Антів, відріжняє їх від словян і других народів та присвячують їм особливу увагу.

Громадський устрій у саків та їх нащадків був такий: першою клітиною громадського життя була сім'я. Велика з'єднана сім'я звалась курінь, або двір. Курінь і двір є арійські слова — курінь від «кур» значить огнище, а двір від «длур» значить двері. З великої сім'ї курінь розрісся до адміністраційної одиниці. На чолі куріня був отаман, яка назва походить від санскритського «atman», що значить дух, душа. У саків був культ предків — очолював рід, був його оборонцем померший предок, його дух витився над родом. Отаман перебірав владу від померлого предка, заміняв його. З курінів складалась сотня, начальник якої звався сотник, сотський отаман. З сотень творились полки, полковник звався полковим отаманом. З «отаман» пізніше виникла назва «гетьман», що значить ясний, світлий отоман. У запорожців ще була назва «паланка» — це земельна одиниця, означає земельний простор, приналежний одному або скільком куріням. Паланка походить від арійського слова «плт» — полоти, поле, звідси й назва «полк».

Військовий устрій саки взяли від римлян. Як говорить Прокопій, частина саків деякий час підлягала римлянам. Римляне дали їм вожда й тримали там свої легіони. Кожний сак мусів відбувати військову повинність. Збірним пунктом, центром, де відбувались військові справи й наука, був «кіш». Назва кіш в санскритській мові «коша» — значить клад, скарб. У коші був склад дорогоцінностей і зброї. Начальник коша звався Кошовий отаман. Йому підлягав кошовий гарнізон. Новачок, що прибував до коша на науку, віддавався до роспорядження чотирьох старших козаків, які не лише начиняли його наукою, як володіти зброєю, а й напитували козацьким духом. Запоріжці заховали назву «кіш», але й прийняли нову словянську назву «січ».

Прокопій назвав громадський лад у Антів демократією. Запорожці, як правдиві нащадки Антів, заховали демократію, але ця демократия ріжниться від історичної польської демократії і сучасньої. Найвищим громадським органом була Рада, на ній ви-

Но вот загремели орудия на Западе, и в сердце казака затеплилась надежда на освобождение. С началом войны в его жизни наступил перелом: из затравленого «политического преступника» он превратился в героя. Павел Федорович добровольно пошел на борьбу против иудо-большевизма. Его назначили командиром взвода. После ранения молодой казак приехал в отпуск в родную станицу. Радостно билось сердце, когда он снова увидел землю отцов и дедов. Но не сидится дома храброму воину, его ждут славные боевые дела. Едва вылечившись, он формирует казачий отряд и получает от Германского командования боевой приказ выступить против партизанских шаек.

Геройски сражались казаки и многие получили боевые отличия. Вскоре отряд скрестил оружие с регулярными красными частями, и вновь казаки проявили свою традиционную доблесть, разделив боевую славу со своими германскими соратниками. Семь месяцев он провел в боях на Кубани.

А. Антонов.

Воротничок.

Накануне Нового года, который мне пришлось встречать в первый раз вдали от Кубани, я подшивала воротничок к гимнастерке. И тогда мне вспомнился случай из моей фронтовой жизни.

Вместе с германскими войсками в марте 1943 года наша 1-я казачья горная сотня отходила с боями на Таманский полуостров. Некоторое время мы находились в станице Славянской на передовой линии. Я занимала квартиру у казака Себедаш. У него была дочь Нина, с которой я подружилась. Я получила костюм медсестры и для френча шила воротнички. Нина мне помогала. Ниночкина мама называла меня дочкой, ухаживала за мной, как за своей Ниной, кормила меня, как родную. Мать с дочерью ко мне привязались. Это было понятно, ибо мы были казачки. Кровь и дух наши были одни.

Нам нужно было оставить Славянскую. Отец Нины вступил в нашу сотню добровольцем и уходил с нами. Нина и мать оставались дома. Я с Ниночкой рассталась, как с родной и любимой сестрой. Мы ушли, они сделались пленницами красных.

...Шло время. На Кубанском фронте тысячами уничтожались большевики. Наша сотня находилась на передовых позициях в горах у Новороссийска. Отец Нины, смотря на меня, часто вспоминал свою дочь Нину. Он проклинал себя за то, что не взял ее с собой.

Однажды, в станицу Раевскую привезли партию военнопленных девушек, пулеметчиц и зенитчиц. Говорили, что среди них есть девушки-казачки из ст. Славянской. Славянцу Себедаш разрешили поехать в ст. Раевскую посмотреть своих станичниц... Он стрелой помчался в лагерь военнопленных. Сердце его готово было разорваться на куски. Вот и ст. Раевская, вот и лагерь. Вот он уже разговаривает с пленными девушками... К нему позвали его станичниц. Подошла к группе беседующих и здоровая девушка. Казак Себедаш взглянул на нее, остолбенел и бросился к ней: в его об'ятиях была родная дочь Нина, та самая Нина, та самая Ниночка, которая шила со мной воротнички и снаряжала меня в поход. Она была пулеметчицей у красных. Взяли ее в плен на передовых позициях.

Отец плакал и смеялся от радости, как ребенок. Он спросил о матери. Нина свела брови и тихо сказала:

— За тебя красные маму расстреляли, а мне расстрел заменили отправкой на передовую линию. Я воевала с тобой, а теперь, видишь, мы вместе...

Мать погибла, но дочери не суждено было умереть за Сталина. Сейчас она вместе с отцом находится в казачьих войсках. Вместе с ним отважно воюет против большевиков за честь и славу Казачества, за свободу своих станиц.

Медсестра Кубанского Казачьего Войска

Мария Ярыш.

Казачка ст. Марьянской.

(«Казачий Клинок» №№ 3, 4. 1944.)

ХРОНИКА

— По представлению Окружного Атамана в Германии ст. В. И. Бабича, Руководитель КНД ст. инж. **В. Г. Глазков** утвердил местную организацию КНД в гор. Вене во главе со ст. полковником **Д. А. Масловым** (Wien XX. Feikestrasse, 4-6) и местную организацию КНД в Кирхмоцер н. Хавел во главе со ст. сотником **Я. Быковым.**

— Окружной Атаман Казачьего Национального Движения (КНД) ст. **В. И. Бабич** (Berlin-Wilmersdorf. Prinzregentenstr. 70) утвердил, согласно донесения Ведущего каз. нац. организации в Белостоцкой области ст. **В. Т. Еремеева,** новый состав правления Казачьей Национальной станицы в гор. Августове, избранный на станичном сборе станицы. Атаманом ст-цы **М. Муругова,** помощником Атамана **И. Мотарыгина,** казначеем **Н. Кузнецова,** писарем **С. Ткачева.**

Одновременно Окружным Атаманом КНД был утвержден новый состав правления Казачьей Национальной станицы КНД в гор. Белостоке, избранный на станичном сборе 6 февраля с. г. Атаманом ст-цы войск. старшину **Ф. Пятибратова,** помощником Атамана **П. Иванова,** писарем и казначеем **И. Комшу.**

— На очередной административный год во главе Казачьего Национального хутора в Биттерфельде был утвержден на основании постановления хутор. Сбора Атаманом хутора ст. **А. Кравцов,** его заместителем ст. **И. Бабкин.**

— Атаман КНД в Протекторате Чехия и Моравия ст. инж. **Донецкий** на годичном собрании Казачьей Национальной станицы в Праге 19 февраля с. г. утвердил правление станицы в составе: Атамана **С. Школяра,** заместителя **Д. Коваленка,** помощников **П. Захарова** и **Н. Бочарова,** казначея **И. Письменскова,** писаря проф. **М. Башмака.** Ревизионную комиссию в составе: **И. Баклана, М. Гаркуша, Е. Ковтун.**

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

...Получил «Казачий Вестник». Я несколько раз прочел так близкие и родные мне строки. Передо мной вновь промелькнули исторические образы казачьих великанов. Мой искренний привет и наилучшие пожелания хорошему и большому делу казачьего национализма.

Григорий Бирюков.

...На днях получил «Казачий Вестник». В нем я нашел то, что волнует и облагораживает казачью душу. Главное же, на страницах родной газеты я увидел казачью правду и тяжелую, горькую и радостную. Я увидел жизнь и ее смысл, увидел надежду и проникся верой во возрождение былой казачьей славы и воли. Приятно читать настоящее крепкое казачье слово. Читаешь и будто бы снова рождаешься и живешь своей уже казачьей жизнью.

Федор Малахов.

...Я — молодой казак, двадцать четыре года проживший под гнетом большевизма, знал из уст своей матери, что мой отец и брат после борьбы казаков против советского рабства ушли за границу. Сколько мук и страданий пришлось нам оставшимся казакам пережить, однако, ничто не сломило нашего казачьего духа. С первым же выстрелом я перешел на сторону немецких войск и борюсь ныне вместе с ними за счастье и свободу наших Казачьих Земель.

Все мы всемерно стремимся еще больше прославить наше казачье имя и возродить в полной красоте наше родное Казачество.

Благодаря нашей газеты «Казачий Вестник» мне удалось найти своего брата и я его сегодня имел великое счастье увидеть после долгой разлуки, здесь в далекой Франции, в гор. Санс. За это приношу большую благодарность нашему станичнику Глазкову и всей редакции «К. В.» Искренне мое казачье спасибо!

Казак **Иван Киреев.**

рішували всі важливі питання. Вона складалася з двох «кол», — пізніше «кругів», старшого й молодшого. Старше коло комплектувалось із старшин, полковників, сотників, куріних отаманів і «кращих людей»: письменних та обранних по пяти чоловік від кожного міста, присутнім також міг бути Київський митрополіт і Луцький єпископ. Одно слово — старше коло це були ліпші, досвідчені люди — еліта. Старше коло остаточно рішало питання, молодше ж коло складалось з усіх присутніх козаків, вони вислухували рішення старшого кола і давали йому апробацію.

Такий порядок застав на Запоріжжі і описав його посол германського Імператора Рудольфа II, Ерих Лясота, що прибув від нього з пропозиціями у 1594. р. Це була не демократія у сучасному розумінню, а аристократія, бо головні справи вирішували ліпші люди.

Запорізька Рада не виникла раптово як у греків Deus ex machina, а своїм корінням сягає до часів Антів і є наслідком попереднього досвіду. Коли до Київа прийшла династія Рюриковичів, вона застала старовинний, віками вироблений і освячений порядок. Найулюбленіший богатир св. Володимира Ілля Муромець у билінах зветься «козацьким отаманом», а осаулом його був поповський син Альоша. Володимир Св., як оповідає літопис, щоневділі у своєму дворі улаштовував пири — банкети, закликав на них бояр, гридів (придворний персонал), соцьких, десяцьких і «нарочитих» мужів, — певне ліпших, письменних, та не тільки бавився з ними, а й радився. Це була подобизна козацької ради.

Демократичний лад з владою еліти захований у нас в братствах і цехах. Там розрізнялись старші братчики від молодших, майстрі від помішників. Молодший братчик і цеховий помішник, щоб стати старшим братчиком або майстром, мусив відбути стаж. Про долю цеха або братства рішали сбори старших братчиків або майстрів. Доки цей порядок удержувався, національне життя було забезпечене від несподіванок. Москва знищила еліту, перевівши всіх без розбору в розряд царських холопів, а Польща, давши рівні політичні права всій шляхті, підірвала всяке значення еліти.

Кошевий отаман, а пізніше гетьман у Запорожців — це не монарх у московському розумінні; його влада спочиває не на праві на владу, а на відповідальности за долю народу. Рада обмежує його владу: між ним і владою — конституція, рівновага сил; він керує членів ради, а рада обірає його. Символом влади булава. Археологічні роскопки відкрили нам стародавні булави приналежні народам на козацької території. Булави бронзові, насажені на залізні тички, на голові булави образки різних звірів. Коли взяти на увагу, що у старовинних народів різні звірі були святинними «тотемами» — їх вважали за своїх оборонців і малюнки їх вирізували на зброї, то наші булави свідчать, що наші предки вірили в силу тотемів, вирізували їх на головці булави. Булаву, як символ обєднання не тільки цілого народу — живих, мертвих і ненароджених земляків — а й його оборонців — тотемів і духів предків, вручали одній особі а тим накладали на ню обовязок старатись о добро народу й карати його шкідників і ворогів.

Історія козацького громадського ладу заховує реальні можливости, належне освітлення і осмислення її вказує дорогу на майбутнє. Збочення з цеї дороги кінчається катастрофою. «Учітесь, брати мої», говорив Т. Г. Шевченко, — «думайте, читайте і чужому научайтесь й свого не цурайтесь».

Проф. Михайло Башмак.

КОЗАЧА БІБЛІОГРАФІЯ.

(Докінчення.)

Не козаки о козаках.

24. **Мицюк О.** Наукова діяльність статистика Ф. А. Щербини. Подебради. Українська Господарська Академія. Без року. (24×17). 29 ст., портр.
25. **Наживин Ив. Записки о революции.** Вена. Русь. 1921. (20×13). 332 стр.
26. **Никольский В. П.** Сарыкамышская операция. 12-24 XII 1914. София. Тип. Древна Болгария. 1933. (23.5×16). 113 стр. 3 схемы, портр.
27. **Орлов Георгий. Те дни.** Скопле. Союз участников I-го Кубанского похода. 1933. 32 стр.
28. **Покровский Георгий. Деникинщина.** Год политики и экономики на Кубани (1918-1919 г. г.) Берлин. З. И. Гржбина. Тип. Герман. 1923. (20×13). 279 стр.
29. **Раковский Г. Н. В стане белых.** (От Орла до Новороссийска). Константинополь. Пресса. 1920. (19.5×14). VI-342 стр., 1 карта.
30. **Раковский Г. Н. Конец белых.** (От Днепра до Босфора). Прага. Воля России. 1921. (22.5×14.5). 276 стр.
31. **Серебрянников И. И. Великий отход.** Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919-1923. Харбин. М. В. Зайцев. 1936. (20×14). 267 стр.
32. **Сирин С. Н. Юго-Восток России.** К проблеме его экономического восстановления. Берлин. Труды Комитета Экономического возрождения Юго-России. 1922. 133 стр.
33. **Смоленский С. Крымская катастрофа.** София. Тип. Придворна. 1921. (24×16). 15 стр., 1 карта.
34. **Соколов К. Н. Правление генер. Деникина.** (Из воспоминаний). София. Российско-болгарское книгоизд. Тип. Придворна. 1921. (24×15.5). IV-292 стр.
35. **Суворин Борис С. За Родиной.** Геронческая эпоха Добровольческой армии. 1917 1918 г. г. Впечатления журналиста. Париж. ОДИКО. 1922. (18.5×13.5). 250 стр.
36. **Сулятицький Павло. Нариси с історії революції на Кубані.** (III-1917 — V-1918) Том I. Матеріяли до історії Української революції. Прага. Український Інститут Громадознавства. Тип. Легіографія. 1925. (25.5×17.5) Том I. 196 стор. 1 мапа.
37. **Sulatický Pavel. Kubáň, Warszawa. Towarzystwo Polska Zjednoczona.** 1930. 68 str.
38. **Сулятицький Павло. Разгром Кубанской Краевой Рады** в ноябре 1919 года. Прага. Кубанский Край. Тип. Политика. 1931. (14.5×10.5). 36 стр.
39. **Суханов, Ник. Записки о революции.** Берлин. Гржбина. Тип. Шпамер, Лейпциг. (19.5×13.5). Книга I. 1922, 352 стр. 2. 1922, 421 стр. 3. 1922, 450 стр. 4. 1922 522 стр. 5. 1923, 375 стр. 6. 1923, 312 стр. 7. 1923, 34 Остр.
40. **Туркул А. В. Дроздовцы в огне.** Живые рассказы и материалы обработал Иван **Лукаш.** Белград. Тип. Светлость. 1937. (22×15), 324 стр.
41. **Хаджиев Р. В. хан. Великий бояр.** (Ген. Л. Г. Корнилов). Белград М. А. Суворин. 1929., 397 стр.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе
50 пфеннигов за строчку.

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «К. В.»

По техническим причинам в отделе «Розыски» нет возможности помещать все поступающие в «К. В.» розыски, поэтому впредь будут публиковаться лишь те, в которых разыскиваются прямые родственники.

— Степаненко Евдокия Мартыновна, урожд. Лебединцева, разыскивает дядю Никиту Харламп. Лебединцева ст. Новолокинской, Кубань. Писать:
München 9. Falkenstr. 18.

— Кузьминов Григорий, ст. Засовской, Кубань, разыскивает своего брата Филиппа, эмигрировавшего в 1920 году. Писать на «К. В.».

— Кондратов Павел разыскивает брата офицера Федора Сергеевича Кондратова. Писать на «К. В.

— Ухов Сергей Петрович, из Константиновки, Донбасс, разыскивает брата врача Николая Петровича Ухова, рожд. 1914 г. Лиц, знающих о его местопребывании, прошу сообщить:
Umsiedlerslager Ladendorf. Kreis Mistelbach N/Donau.

— Душейко Павел разыскивает среди эвакуированных из Запорожья брата-казака Сергея Душейко. Писать:
Paul Duscheiko. Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager D.

— Черкесов Петр, хут. Калач н/Д., ст. Пятизбянской, Дон, разыскивает брата Ивана Никитича Черкесова, служившего в корпусе ген. Мамонтова и эвакуировавшегося заграницу. Писать на «К. В.».

— Вальдман Мария Ивановна разыскивает сына Гарри Вальдман, находившегося до войны в гор. Лионе. Знающих о нем прошу сообщить по адресу:
Umsiedlerslager Ladendorf. Kreis Mistelbach. Niederdonau.

— Савин Николай разыскивает среди эмигрантов дядю Тимофея Мясникова, проживавшего в Болгарии. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel. Waldlager D.

— Горбань Иван Борисович Орджоникиевского края, Арзгирского района, Трудпоселок № 2, Ново-Романовка, разыскивает дочь Агрипину, следовавшую в Германию через Минеральные Воды на Тереке. Писать:
Frankfurt a. M. Nied. Oeserstr. 16.

— Петров Нестор, ст. Луганской, Дон, разыскивает своих братьев Михаила и Александра — офицеров Донской армии 1920 г. Писать:
Halle-Saale Reilkaserne 128. L. S.

— Казак Малахов Николай Яковлевич разыскивает своего брата - эмигранта Михаила и двоюродного брата Константина Семен. Малахова. Писать на «К. В.».

— Сафронов Степан разыскивает среди эмигрантов брата казака Константина Сафронова. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel. Waldlager D.

— Клиточенко Степан, ст. Кущевской, Кубань, разыскивает дядю эмигранта Василия Титовича Клиточенко. Писать на «К. В.».

— Павлов Иван Иванович, хут. Николаева, ст. Усть-Белокалитвенской, Дон, разыскивает сына, братьев и родных. Писать:
Iwan Pawlov. Warschau. Szara 1—214.

— Медведев Андрей, ст. Засовской, Кубань, разыскивает дв. брата Федора Васильевича Медведева, эмигрировавшего в 1920 г. Писать:
Linz an Donau. Stickstoffwerke Ostmark. Lager 39. Barake XX/1.

— Бирюков Григорий разыскивает сына Льва, выехавшего из Ростова н/Дону 5. IX. 1942 г. Писать:
Birjukow Grigorij. Bremen. Schlachthofstr. 7.

— Соловьянский Иван Петрович, ст. Кубанской, разыскивает двоюрод. сестру Надежду Сергеевну Пащенко, проживающую в Австрии у барона Г. Штенгель. Писать на «К. В.».

— Горбачов Капитон Абр., хут. Керченского, Кочетовской ст-цы, Дон, разыскивает родствен. и станичников. Писать:
Dorf Glonska, Post Sypniewo über Ostrolenka. Ostpreussen.

— Бай Харлампий Михайлович разыскивает Павленко Георгия Мироновича с сыновьями Иваном, Константином, Александром, ст. Анапской, Кубань, эмигрировавших в 1920 г. Кроме того, разыскивает Анну Гавриловну Критери, урожд. Бай. Писать на «К. В.».

— Никифорова Августа разыскивает дядей Андрея и Николая Григорьевичей Майнохa, проживавших в ст. Таманской, Кубань. Писать:
Nikiforowa Augusta in Freundenberg. Krs. Rastenburg. Ostpreussen.

— Сущенко Елена разыскивает брата Валентина Петровича Лишенко из гор. Кобрынь. Сообщить через «К. В.».

— Беляевская Татьяна Васильевна из Ростова н/Д. разыскивает братьев Николая, Генадия и Евгения. Просит писать: на «К. В.».

— Маско Маркел, офицер, ст. Камышеватской, Кубань, разыскивается Сухомовским Семеном. Писать на «К. В.».

— Власов Иван Климович разыскивает родных и знакомых. Писать:
Ivan Vlasov, Bratislava, Ružova dolina, 199, Slowakei.

— Пархомов Назар Кириллович, ст. Мечетинской, Дон, разыскивает родных и знакомых. Писать:
Prag XIV., Bořkova 23, Protektorat.

— Тананакин М. разыскивает К. Забобурина, ст. Митякинской, Дон. Писать:
Hamburg 39, Sierichstr. 53, Pol. rev. 17.

— Инж. Берестовский разыскивает брата Владимира Владимировича Берестовского, проживавшего в Албании в гор. Тирана. Писать:
Ing. Berestowsky, Lager Bierau über Heydebreck O./Schl.

— Каклюгина Ивана Ивановича, ст. Нижне-Кундрюческой, Дон разыскивает сын Владимир. Писать на «К. В.».

— Пухляков Сергей Васильевич, ст. Раздорской, Дон, разыскивает сына Леонида 18 лет и племянницу Ольгу Пухлякову 30 лет. Писать:
Puchljakow, Luxemburg (Bonneweg), Gemeinschaftsager Nr. 60.

— Мельников Николай Автономович, ст. Еланской, Дон, разыскивает сына Василия, брата Павла, родных и одностаничников. Просит писать:
Kirchmöser a./H. Französenlager, Stube 11. Brandenburg Havel.

— Растеряев Даниил Дмитриевич разыскивает жену Наталию Петровну Растеряеву, выехавшую из Зверевского района, Ростов н/Д. области. Писать: Ченстохово. Краковская № 45 Генерал-Губернаторство.

— Семенов Виктор А., ст. Приморско-Ахтырской, Кубань, разыскивает брата Трофима, проживавшего до 1936 года в Бессарабии,Румынии. Писать: Ченстохово. Краковская № 29. Генерал-Губернаторство.

— Овчинников Павел Федотьевич разыскивает дядю Ивана Павловича Овчинникова, хут. Изварина, ст. Гундоровской, Дон. Писать:
Trier-West. Sportplatz. Gemeinschaftslager.

— Ерохин Петр Павлович, разыскивает Дениса Ивановича Деревянкина с хут. Королевка, ст. Гундоровской, Дон. Писать:
Trier-West. Sportplatz. Gemeinschaftslager.

— Пузанов Аристарх Иванович разыскивает Дмитрия Федоровича Плешакова, Ветровых Тихона, Алексея, Афанасия, Николая Степановичей, Логачевых Филиппа Харитоновича и Филиппа Никифоровича, Улитина Михаила Прокофьевича, хут. Богданова, ст. Калитвенской, Дон и полковника Ивана Ивановича Карташова из Новочеркасска. Писать:
Trier-West. Sportplatz. Gemeinschaftslager.

— Ораовского Вадима Ювенальевича, выехавшего из г. Ст. Оскола в 1920 году, разыскивает Г. Виноградов. Писать на «К. В.».

— Тренкес Юлия разыскивает дядей Виктора Константиновича Аптекарева и Ивана Ивановича Яновского. Писать:
Wien 20. Dresdnerstr. 128/14.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin belde in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Ruzle II, Gutenštejnská 6

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 6 (63) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го МАРТА 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70
Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach, 188. Telephon 634-70,
Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

Ф. Донсков.

КАЗАКИ.

Под таким заголовком помещена обширная статья*) в ежемесячном журнале «Иностранная политика» („Auswärtige Politik" Oktober 1943.) — официальном органе Министерства иностранных дел. Статья принадлежит перу известного журналиста Ханс Кроекер, которым уже был помещен в различных немецких журналах и газетах, целый ряд интересных статей по казачьему вопросу.

Ханс Кроекер начинает свою статью с констатирования большого интереса, какой теперь проявляют к Казачеству не только немецкие круги, но и целый мир, читая сообщения о доблестных подвигах казачьих воинских соединений и видя их действия даже на кинематографических лентах. При этом каждый задает себе вопрос, кого и что из себя представляют в действительности Казаки?

Автор останавливается на истории Казачества, говорит о свободном и независимом существовании Казачьих республик, которые были грубой силой Петра I и Екатерины II подчинены России. В течении двух столетий русский империализм всемерно стремился превратить этот свободолюбивый народ в военное сословие и заставить его быть авангардом русского великодержавия, посылая казаков не только во все войны, но даже пользуя их для водворения внутреннего порядка. Автор статьи говорит, что до сего времени был косный и неправильный взгляд на Казачество, как в мировой общественности, так и в самой русской, умышленно укреплявшей понятие о казаках, как о «сословии».

Революция 1917 г. уничтожила всякие сословные различия. Само Казачество, не признавая себя за «сословие», стремилось к своей национальной свободе, и мир увидел на просторах доевней Казакии возрождение свободного Казачества, воскресившего свои древние обыкновения, жизнь своих предков.

Тогда ведущими кругами казаков с помощью вожаков Русской Добровольческой армии Казачество было использовано в целях реставрации царской империи и спасения России. Однако, ни один из «спасителей» России не вырос на высоту своей задачи и кровавая жертва Казачества была напрасной. Казачьи Земли были залиты большевизмом, разносившими по казачьим селениям ужасный террор и уничтожение. На протяжении многих лет господствовал на казачьих просторах великорусский люмпенпролетариат. С освобождением Казачьих Земель немецкими войсками мы воочию убедились, как систематически уничтожался этот народ.

Однако, живет глубокая вера и стремление к свободной жизни не только среди тех старых казачьих бойцов, которые в 1920 г. принуждены были уйти за рубеж своей Земли и живут ныне на чужбине в качестве эмигрантов, но живет эта вера, глубокая вера в возрождение Казачества и среди нынешних казачьих бойцов, кующих свое национальное дело, желающих возрождение своей народности, быта и традиций.

Для нас, стремящихся к построению новой Европы, является долгом ближе подойти и ознакомиться с вопросом Казачества, с его историей, его ценностями и значением. Все, что до сих пор общеизвестно, происходит исключительно из источников великой и неделимой России. Как во время царей, так и Сталина нельзя было говорить об об'ективной, настоящей истории самобытного Казачества, только наше время дает возможность пролить свет на историю полноценной народной группы Востока Европы, которая после больше чем двухсотлетнего порабощения восстала к жизни.

Такими вкратце словами начинает свою статью о Казаках г-н Ханс Кроекер. Дальше автор подробно останавливается на истории Казачества, начиная с древних времен и неоднократно Казачьи Земли называет именем Казакия.

Статья Ханс Кроекера в основном была помещена и в «Политическом извлечении из книг и журналов» — справочнике для высших военных представителей, политических руководителей и воспитателей или по-немецки: „Politische Auslese aus Buch und Zeitschrift". Ausgabe C. Für die als Soldaten im Felde stehenden Hoheitsträger, Politischen Leiter und Schulungsredner. Folge 2, 15. 1. 1944.

*) В очередных номерах «Казачьего Вестника» редакция поместит перевод статьи г-на Ханс Кроекера. **Примечание редакции.**

...Казаки националисты, а никто больше, ознакомили внешний мир с Казачеством, с его подлинными национальными чаяниями и стремлениями. И внешний мир узнал подлинное казачье лицо, которое уже никому не удастся подменить или заменить чужим или не-казачьим обликом. .....
(Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

А. Ленивов.

Быть или не быть!

Вторая Великая война продолжается. Жестокие битвы имеют место на всех мировых театрах военных действий. Без лицемерия можно утверждать, что победителем будет тот, кто имеет крепкие нервы и обладает сильной волей...

Если в предверии начала настоящей Великой войны не вполне было уяснено значение и роль Казачества в имеющих место событиях, то теперь такое положение вполне определилось, причем современник-наблюдатель может уточнить некоторые критерии, именно с положительной точки зрения для Казачества.

Политические работа по возрождению национального бытия Казачества, ведомая казачьими патриотами на протяжении 17 лет, является лишь предрешающим финалом к утверждению в жизни подлинного, свободного существования Казачества. В этот подготовительный период предопределяемости успешного завершения казачьего национального дела была проделана огромного масштаба пропагандная работа исключительно казачьими патриотами, казаками националистами! Наилучшей оценкой этой работы послужили и служат ненависть и ужасная злоба со стороны всех тех, кто не считает казаков за особый казачий народ, равно как и утвердившееся в иностранных кругах понимание и значение Казачьего Вопроса.

Что такое Казачий Вопрос? Своевременно он был подробно разобран на страницах казачьей печати целым рядом авторов из среды национального Казачества, в том числе и мною. Говорится и пишется о нем и сейчас в казачьей национальной печати. Сопоставляя ныне все данные, определяющие и уясняющие наличие Казачьего Вопроса, надлежит констатировать, что таковой получит свое окончательное разрешение в исходе разыгрывающейся второй мировой войны. Нет никакого сомнения в том, что Казачество встав и ныне, после долгих кошмарных лет физического уничтожения и дьявольского угнетения, с оружием в руках против московского большевизма, продемонстрировало единство, кровное братство и родовую сущность Казачьего Народа перед лицом целого света. Теперь весь мир знает, что Казачество не только билось ранее, но и в наши дни бьется за свободу своего казачьего национального существования. Казачество, подняв оружие против СССР, лишний раз утверждает положение, что «история повторяется, что Казачество, обретаясь в лоне и рамках Российского государства, всегда с оружием в руках восставало против своих поработителей, против московского ига.

Отбрасывая в сторону излишние добавления, смеет быть приведенным лишь уяснение, что Казачий Вопрос, подготовленный казачьими патриотами — авангардом всего Казачества — поставлен ныне на разрешение выявлением воли всего Казачества. Проблематичное суждение оставляет возможным для автора утверждать, что лишь завершительный финал настоящей Великой войны даст окончательное разрешение Казачьего Вопроса. Анализируя ход чередующихся событий, следует отметить, что победа германского оружия должна дать в совершенной форме наличие свободного бытия Казачества. Необходимо также отметить, что лишь день, когда, сойдясь за зеленым столом, победители будут диктовать свою волю побежденным, будет являться днем окончательного завершения в деле разрешения Казачьего Вопроса.

Грандиозная по своим размерам вторая Мировая война, без сомнения, будет иметь и неслыханные по своему масштабу и грандиозные последствия. Может стать, что день, когда будет диктоваться воля победителей в отношении к побежденным, явится днем рождения казачьего государственного организма, в противоположность дням так называемой Версальской конференции, завершающего финала первой Мировой войны.

Казачья история служит не только вельмом в глазах противников казачьей государственности, но еще и всегда давит своей многовековой тяжестью на плечи Казачества, ибо нет и не может быть национальной истории народа, если народ находится в подневольном состоянии. Учитывая этот факт, каждый казак должен понимать, что ценой казачьей крови, пролитой и проливаемой в жесточайших боях настоящей войны, добивается подлинная свобода нашего Казачьего Народа.

Поражение Советского Союза явится не только его военным поражением, и крахом политической системы (строя), но и определит полный развал и распадение российской великодержавной государственности. Измеряя центробежный цикл завершительных событий, надо считать, что не забудут о казаках, когда будут писаться решения за зеленым столом.

Нет иного совершенного ответа на насилие, как тот же ответ, который давали казаки, выступая с оружием в руках против московско-русского гнета, полноценным и обстоятельным свидетельством чего служат казачья и русская история. Весь мир теперь знает, что казаки не желали быть последними в русских городах, но предпочитали всегда умирать, стоя в полный рост и имея в руках оружие, стремились быть первыми в своих казачьих хуторах и станицах, казаки не желали жить, стоя лишь на коленях... Куя славу казачьему оружию в эти годы, казаки должны ковать и свободу всему Казачеству!

Яркими буквами должны запечатлеться в глазах и отпечататься в сознании каждого казака слова: «Быть или не быть!» Символ и значение этих слов должны быть и вполне определенным положением.

Казачьи депутаты, топчась в стойлах русских политических партий, в Государственных Думах, закапывали Казачий Вопрос, казачьи политики сегодняшнего дня не должны играть в «кружковщину», но создавать единый казачий фронт в защите своих казачьих интересов, привить и дать ясное и определенное сознание казачьим фронтовикам, чтобы проливаемая ими кровь не пропала даром, но служила национальному возрождению Казачества и цементировала бы будущее казачье строительство.

Тезисом текущей казачьей работы служить ныне: «Быть или не быть!»

...Не только нашим правом, но и нашей прямой обязанностью является работа над достижением и осуществлением основной политической задачи, стоящей сейчас перед порабощенным Казачеством. Эта задача, эта цель для нас, казаков, наша родина Казакия. (И. Васильев. «К. В.» № 3 (60).

Полевая почта приносит большую радость, как немецким солдатам, так и их друзьям по оружию казакам.

Archiv „Der Kosakenbote".

В. Авилов.

Путь к единству Казачества.

Казачий народ всегда стремился к своему единству, к выявлению общей воли и стремления к созданию своего общего организма. Пореволюционные события особенно четко выявляли эти тяготения казаков.

Политическо-государственное творчество Казачества с первых же дней революции 1917 года шло по двум ясным направлениям — к созданию своей казачьей власти и к об'единению Казачества.

Уже «законному» Временному Правительству Дон ответил старым казачьим жестом «С Дона выдачи нет!». То же самое мы видим и на Кубани, которая, вопреки категорическому требованию того же Временного Правительства, приняла свою собственную конституцию и ввела ее явочным порядком в действие.

Определенное стремление Казачества к об'единению проявилось несколькими с'ездами (Петроград, Киев, Новочеркасск) и образованием Союза всех Казачьих Войск. Этот Союз создавался казаками во всероссийском масштабе для защиты интересов Казачества в новом государстве в то время, когда не только казаки, но и все другие народы верили в то, что новое государство будет действительно новым, будет свободным и равным для всех. События очень скоро опрокинули все такие ожидания и каждый из народов начал сам строить свою собственную государственность, свою свободу и свое право. Вступили и казаки на этот путь, но дела своего не довели до конца.

Уже в августе 1917 года казачьи делегаты, бывшие на Московском государственном совещании, воочию убедились, что казакам нечего ждать ни от российской революционной демократии, ни от Учредительного Собрания, но необходимо самим подумать о своей судьбе и подумать серьезно. Тогда уже был поставлен на повестку дня вопрос о том, что необходимо сговориться между собой всем Казачьим Войскам. Так родилась идея Юго-Восточного Союза.

Кубанское Войсковое Правительство решило созвать конференцию по этому вопросу, а для приглашения на нее Дона послало специальную делегацию. Эту инициативу всецело одобрил Донской Войсковой Круг на своей сентябрьской сессии и Терское Войсковое Правительство.

20—24 сентября в Екатеринодаре состоялась первая конференция с участием представителей Донского, Кубанского и Терского Правительств, предрешившая расширить образование Юго-Восточного Союза на шесть Войск, на Горцев Северного Кавказа и некоторых степных народов. Для выработки союзного договора и оформления Союза было решено созвать новую конференцию во Владикавказе 20 октября, пригласив на нее всех намеченных участников Союза.

В образовании Союза приняли участие и в него вошли Войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Горцы Северного Кавказа и Калмыки. Потом присоединились Войско Яицкое (Уральское) и Оренбургское, равно как и губернии Ставропольская и Черноморская.

Суть подписанного союзного договора сводилась к борьбе с анархо-большевизмом на территории членов Союза, взаимная поддержка и законности внутрй Союза и доведение России до Учредительного Собрания. Будущую Россию договор представлял, как демократическую федеративную республику. Государственное единство России предполагалось сохранить путем свободного соглашения с окраинными Областями, провозгласившими свою автономию... Во главе Союза было поставлено об'единенное Правительство в составе двух представителей от правительства каждого члена Союза, а от Горцев в числе четырех. Об'ем и пределы власти союзного правительства не были определены договором.

По существу правильная мысль была осуществлена неправильно. Союзный договор хотел удовлетворить двум началам — русскому и казачьему, хотел служить интересам России и интересам Казачества.

Беря на себя служение интересам России, союзный договор возлагал на Казачество непосильную задачу доведения ее до Учредительного Собрания. Созданный для службы Казачества Союз сделал все в своем договоре, чтобы сделать невозможным осуществление своей собственной казачьей задачи.

Юго-Восточный Союз не был государством, но был скорее временной целевой организацией. Хотя во главе Союза и было поставлено Об'единенное Правительство, власти и силы оно никакой не имело. Члены Союза не уступили союзной власти никаких своих прав, не снабдили ее никакими полномочиями.

Вот почему, как только собралось это правительство, оно увидело, что придерживаясь союзного договора, ему нечего делать, поэтому вместо того, чтобы править оно занялось выработкой новой союзной конституции, предложив членам передать в введение союзной власти пути сообщения, военные дела, финансы, внешние сношения и управление торговлей и промышленностью.

Приняв это решение, члены Об'единенного Правительства раз'ехались для доклада своим правительствам проэкта новой конституции. Новую конституцию Союза успел принять только Дон. Началась разруха, Юго-Восточный Союз прекратил свое существование, но идея его не умерла. Каждая сессия Донского Круга выносила постановление о неотложной необходимости осуществления идеи Юго-Восточного Союза.

То же самое было на Кубани и на Тереке (Донская Летопись, кн. 2).

Поэтому ничего нет удивительного, что через полгода эта идея возродилась в проэкте бывшего Атамана ВВД ген. Краснова о создании Доно-Кавказского Союза. Ген. Красновым в июле 1918 г. был предложен проэкт конституции этого Союза, сводящийся к 16 пунктам, по которым Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Терского, Астраханского и союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации. В 16 пунктах проэкта была нарисована структура нового Союза. Но и этот проэкт имел существенные недостатки. Он не создавал действительного правительства того государства, которое хотел строить. Он стремился иметь сильное государство, но при этом не давал этому государству сильной власти, а многоголовый совет.

Проэкт ген. Краснова так и остался всего лишь проэктом. Против Доно-Кавказского Союза резко восстало командование Добровольческой Армии во главе с Деникиным. Не приняла этого проэкта и Кубань, главным образом потому, что тогдашний Кубанский Атаман был предан Деникину, но не малую роль сыграло и существовавшее у кубанцев недоверие к самому ген. Краснову. Не было постоянства мысли, четкости и определенности.

И, действительно, вскоре после этого ген. Краснов сделал ген. Алексееву предложение по существу прямо противоположное Доно-Кавказскому Союзу. «Я бы пошел дальше, писал ген. Краснов ген. Алексееву. — Полное об'единение Дона и Кубани послужило бы к началу воссоздания единой и неделимой России...».

Следует только пожалеть, что проэкт Доно-Кавказского Союза остался не осуществленным. Приняв его в основном и внеся в него необходимые поправки, начиная с территории, названия Союза и кончая организацией более сильной власти, следовало бы провести в жизнь.

Уже через полгода вопрос о Союзе снова ставится на повестку дня. В феврале 1919 г. Кубань сделала предложение о созыве конференции представителей казачьих и всех кавказских государственных образований для решения вопроса о Союзе. Мысль эта, благодаря резкому протесту со стороны Деникина, не была осуществлена.

Через три месяца эту инициативу берет на себя Донской Войсковой Круг. 11 июня 1919 г. собралась в Ростове на Дону конференция представителей трех Войск: Донского, Кубанского и Терского. В первом же заседании было решено, что членами конференции могут быть только представители государственных образований.

Торжественное открытие конференции состоялось 13 июня, в ту же ночь был убит глава кубанской делегации Н. С. Рябовол...

Убийство Рябовола было как следствие сильной враждебной компании против казачьей конференции всех единонедилимцев, не постеснявшихся на Казачьей Земле из-за угла убивать казачьих представителей.

Убийство главы кубанской делегации было одновременно и концом не успевшей, как следует, открыться Казачьей конференции для образования Казачьего Союза.

К осени того же года оформилась идея созыва Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, который собрался в Екатеринодаре 5 января 1920 года в составе 150 депутатов, по 50 депутатов от каждого Войска, избранных собственно на Больших Кругах и Краевой Раде.

12 января Верховный Круг об'явил: Мы, избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады, Терского Большого Круга берем в свои руки Верховную власть по делам общим для Дона, Кубани и Терека и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

Верховный Круг является полномочным представительством государственных образований Дона, Кубани и Терека и ставит себе задачи:

а) установление Союзного Государства, составленного из указанных выше территорий, с возможностью расширения пределов Союзного Государства включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеиз'явлению тех областей;

б) создание союзной власти.

Имеющая быть выработанной союзная конституция вступает в силу с момента принятия ее Верховным Кругом.

Так шло Казачество в недавнем прошлом постепенно к единственно правильному решению своего вопроса — к самостоятельности и об'единению в одном казачьем государстве. Путь этот был тяжел и тернист. Мешали и свои и чужие. Да и сами мы не выявили тогда столько упорства, сколько было нужно. И тем Казачество не довело до конца ни одной попытки к своему спасению, к своему об'единению.

Подлинно казачий выход из современных исторических перепетий несколько раз намечался уже там, на нашей Казачьей Земле, но не доводился до конца не только общей неподготовленностью казаков к тому, чтобы во-время взять свою судьбу в свои казачьи руки, но и вмешательством каждый раз посторонних сил, заинтересованных в том, чтобы казаки не стали на свой собственный исторический путь, а отказавшись от своего казачьего начала, пошли на службу началу русскому.

Прошлую борьбу Казачество могло бы выиграть, если бы стало за одно, за казачье начало, за казачью цель, за казачье и только за казачье решение своего вопроса.

И нынешнюю борьбу Казачество может проиграть, если будет повторять еще раз то, что было, если будет опять служить двум Богам и русскому и казачьему. Выиграет, если об'единившись, подчинит все только началу казачьему, если станет только на свой Казачий Шлях.

Один казачий организм, одно казачье государство, в котором бы все Казачьи Войска об'единились в дружном и совместном сожительстве и работе — это не заграничная выдумка части казачьей эмиграции, а воля всего Казачества еще там, на свободной Казачьей Земле.

Великие идеи не падают с неба. Они родятся и зреют постепенно. Так и с идеей об'единенного казачьего государства — идеей Казакии. Эта идея родилась и выросла через Юго-Восточный Союз, через проэкт Доно-Кавказского Союза, через Верховный Казачий Круг.

Все то, что творилось в них казачьего и во имя казачьего, все мы принимаем, как свои исходные точки в недавнем нашем прошлом. Принимаем и несем дальше по Казачьей Дороге к Казачьей Цели; к нашей общей родине Казакии.

Противники казачьего национализма часто упрекают нас в том, что наше Движение возникло заграницей. Если бы даже это было так, то и то никакого греха, никакой вины нашей в том нет. Время возникновения нашего Движения не может быть ни пороком его, ни аргументом против него. Не в минус, а в плюс поставит нам казачья история нашу инициативу при всех обстоятельствах. Тем не менее, для восстановления истины мы должны напомнить, тем, кто этого не знал, или плохо знал, или забыл, что мы, казачьи националисты, лишь продолжаем то, что было начато, что было намечено еще там, дома, казачьими Конституциями и некоторыми иными решениями Верховной казачьей власти на Дону, Кубани, Тереке... Мы преемственно принимаем и продолжаем дело «Юго-Восточного Союза Казачьих Войск, Горских народов Кавказа и вольных народов степей», Первого Верховного Круга Дона, Кубани, Терека. И это казачье об'единенное целое мы называем не саженно-длинным названием, а простым, понятным и близким каждому казаку словом: Казакия — страна Казаков.

Непрекращающееся стремление всего Казачества к своему единству мы должны довести к полному успеху. Разделительным тенденциям врагов Казачества мы должны противопоставить мощную, твердую и непреклонную волю к единству. Каждый казак должен сознавать, что всякие отдельные попытки Войск к самостоятельному действию снижают динамическую силу казачьих национальных устремлений, крепкий казачий кулак превращают в растопыренные пальцы. Только совместными, дружными усилиями, только об'единенной силой Казачество может обрести свою свободу и свое место под солнцем.

С. Ф. Лантух.

Участь у Запорозькій Раді.

(Продовження.)

Не всі однак мешканці у Війську могли мати право участи у Раді; як в кожній громаді й державі того часу, не всі користувалися однаковими правами. Жінки у козаків не мали жадних публичних прав, від так не мали права й **«молодики»**, які перебували під опікою батьків, родичів чи старих козаків, **«в послушеніях»**, доки вони не були приняті у товариство. Саме так не користувалися правами й **«новики»** — люде, які допіру прийшли у Військо й мусили пройти кількалітній стаж, поки не були приняті у склад козацтва. Англійський посол у Петербурзі каже про 7-ми літній стаж для «новиків», инде говориться, що вони мусили бути 3 роки на послушенію, завчаючися козачої справи, поки не були приняті у «лицарство». Таких новиків й молодиків було при козакові 3-4 а то й більше, вони були не лише учнями але й слугами, подібно до «пажів» середневіччя. За них відповідав і ручався перед товариством опікун, а за опікуна, в свою чергу, весь курінь, себ то курінне товариство, круговою порукою. Новики й молодики слідували за своїми опікунами скрізь — в поході, а від так і на Раді, де вони безпосередньої участи не приймають, а лише тримають зброю козаків, що стоять у Раді.

Подібними неповноправними громадянами були й **«посполіті»**, себ то підданці Війська, зобов'язані рижними податками на користь громади. Це були хлібороби селяне, виходці з рижних країн, вони жили по городах й **оселях**, або на **«волі»**. Частина цього поспільства згодом зараховувалася у козаки й приймала участь на війні, у походах, вартовій службі на кордонах і при паланках (окружних управліннях). Треба гадати, що це **«посполіте** товариство» було козацького походження, вихідці з Слобожанщини або Гетьманщини, яке вийшло у кордонну смугу Запоріжжа.

Сімейне козацтво приймало повну участь й не раз мало вплив на змирення настрою й бійок при виборах на Раді. Не були повноправними **«бурлаки»** — промисловці, які находили заробіток й захист від кари на Запоріжжу, саме так як й не мали прав й **«малороссіане»**, які перебувають при «курині Низовому» та робітники **«аргати,** елемент лише до певної міри звязаний з територією Війська. Не знаємо про участь й **«військових татар»,** які прослися до Війська «по древнему козачьему обыкновенію» — під панство. Не мали повних прав й **«тумів»** — вихідці мусульмане, або помусульманені полонені, або діти поневолених жінок християнок, чи від козаків з нехрещеними полоняниками. Вони могли жити десятками років на території Війська без того, щоб були приняті у військову громаду.

На землі Війська жило не мало рижного люду — зайдів, яких російські влади часто рахували козаками, але саме козацтво від них відхрещувалося, бо це **«козацтво мнимое», «набьродне»** лише видавалося за козаків і приносило Війську більш шкоди ніж користи. Запорожці таких «козаків» самі виловлювали та відсилали на суд до гетьманщини або до Київа.

Козацтво справжне було й повноправним, воно було паном на своїй землі, саме так, як й зараз це буває у інших народів й держав. Приняття у козацтво значило й надання повних горожанських прав. **Козак мусів бути вписаний у склад Війська й то однаково якого, тоді він користався всіми правами на території всіх Військ взагалі.** Свідчень цьому безліч — ми раз у раз бачимо запорожців поміж донцями, терцями, яїцькими козаками й навпаки — вони спільно відбувають Круг або Раду, обірають Отамана, вирішують справи, перед ними навіть й Гетьман складає булаву — «все донские, гребенские, яицкие, запорожские казаки». Донці були участниками на Раді не лише Низовій запорозькій, але й на гетьманщині; воно й не дивно, бо на Січі донці мали свій курінь й іноді **«майже, що не половина всій Січі були донці»,** відтак вони й зимували у «городах» на Гетьманщині цілими тисячами. Співучасть козаків «реестрових» з Гетьманщини у радах Січовиків була самозрозумілою, саме так і **козаки «с польської области»,** які **«живуть не малым числом...** і обратно отходят» **на Січ,** що дуже турбувало московську владу, бо вона була ворожа до Польщі й рахувала січовиків своїми. Москва боялася, що Польща буде знати рижні воєнні таємниці її, бо тоді, коли було їй треба козацької допомоги, козаки про це обговорювали на «явній Раді», де дійсно від інших козаків не було вже жадних таємниць.

За рижні провини, головно порядку державного винникам або підозрілим, заборонялася участь у Раді, або тимчасово, або й «во вік живота в Раді не бути». Це звичайно була найбільша кара для людини, особливо коли це був Кошовий, якого за провини до Війська Отамани куренні постановляли не допускати на Раду. Були й інші козаки, які підлягали такій ж карі, у Війську Донському для них є назва «пенные», бо вони є «под пенею войсковою», яка їм «прощена може бути».

Иноді на Раді бувають присутніми, як публика: посли, свідки, інформатори і чужинці, навіть турки й татари; звичайно, що не на таких Радах, де розглядаються важливі військові справи, бо козаки взагалі були обережні й бувало, що під час бурхливих Рад в першій половині XVII. ст., на Раду не припускалися козаки «унейщики», себ то тогочасні польські угодовці, які пішли на релігійну Унію з Римом. Але неприпущення козаків це вже явище виключного порядку, як ненормальним було й скликання Ради «реестровцями» без участи «свавільних», себ то вільних козаків, не занесених у списки полкові за урядовою польською згодою. «Свавільні» тут же відкрили «чернецьку» Раду й захопили військовий прапор, під яким обов'язково мусила відбуватися Рада.

В часи царської гетьманщини на Радах були присутними, при обрані гетьманів і московські представники, навіть з військовою асістенцією, для охорони послів і на випадок захиста своїх кандидатів. Але це було проблематичне, — при обранні Брюховецького на Чорній Раді, московське військо не оборонило від насильств, хоч і вжило навіть зброї.

Ця асістенція починає бути присутньою на Радах виборчих з року 1659. — з приєднання «Малороссії» до Московщини; в тому році в Переяславлі вона в кількісти аж 40.000 оточувала Раду. Козаки до цього ставилися незичливо, «Черкасы вельми имеют оскорбление» з цього, доносили посли, але коли була велика ворожнеча поміж січовиками й городовими козаками, то перші не хотіли йти на реестрову Раду у році 1662. до Полтави без присутности там московських стрільців «чтобы межи ними самими с городовыми смущенія якого не учинилося». Все ж вони докоряли гетьманів за те, що вони були обрані «під бердишами й мушкетами московськими», або що «Ваша милость возведені зостались под мушкетами московськими».

В кожному разі рішаючу участь у Радах вседержавно-військового порядку брали участь лише дійсні справжні козаки, безроганні, незалежно від свого службового й матеріального становища, з рівними для всіх правами.

Казачья сметка.

В окружной газете «Гиршбергер Беобахтер» (Силезия) была напечатана заметка «Смертный случай», о гражданском подвиге кубанского казака станицы Лабинской Владимира Ильича Нечаева. Он спас жизнь от угара своему работодателю Азерге и его жене, в Кромменау.

В. И. Нечаев, вынужденный среди ночи вызвать хозяйку в коровник, не мог к ним достучаться. Вспомнив, что с вечера было затоплено в печи дровами, он предположил, что мог бы быть угар. Топором сбил двери и, учуяв запах угара, быстро открыл окна и стал старым испытанным казачьим способом приводить хозяев к жизни.

Хозяева были спасены. В. И. Нечаев получил от хозяина в благодарность часы и денежное вознаграждение, а от окружного управления по здравохранению в г. Гиршберге похвальный диплом «за отважность и находчивость» и 100 марок деньгами.

В. И. Нечаев, рожденный в 1907 г., отбывал в СССР заключение в лагере НКВД на Дальнем Севере, на Кольском полуострове, бежал оттуда и в начале войны с советами перешел на немецкую сторону.

Таким образом, наши собратья казаки убеждают европейцев в том, что они не только на поле брани, но и в гражданском быту всегда стоят на высоте положения, отличаясь работоспособностью, исконней казачьей сметкой и находчивостью

Полковник М. И. Недбаевский.

Штаб-трубач Н. С. Жежель.

Жежель Никита Сергеевич, казак станицы Старо-Деревянковской, штаб-трубач 1-го Ейского полка, личность замечательная в казачьей полковой жизни, пробыл на службе в полку более 50 лет и ушел в отставку лишь потому, что все зубы выпали и дуть в трубу было ему уж очень трудно. Когда командир полка предложил ему место полкового каптенармуса, то Жежель ему ответил: «Я с трубой родился и с трубой умру». Пользовался большим уважением не только в полку, но и во всем Кавказском корпусе. Его знал лично великий князь Николай Николаевич и посылал ему приветы. Жежель знал не только кавалерийские сигналы, но и артиллерийские и пехотные, поэтому при посещении лагерей высшим начальством, всегда его назначали туда трубачем. Был трубачем и у царя Александра III, когда в 1888 году он посетил Закавказье, от него получил золотой императориал. Имел Георгиевский крест 4-й степени за Русско-Турецкую войну, почему в день праздника этого святого 26 ноября приглашался на закуску в офицерское собрание. В старые времена, еще во время Кавказской войны, в Кавказской армии был прекрасный обычай 26 ноября и в другие дни больших и табельных праздников приглашать в офицерскую среду на обед или ужин заслуженных солдат и унтер-офицеров и они сидели в перемешку с офицерами.

Жежель был ходячей историей Ейского полка. В службу он вступил в 1853 году в гарнизон города Екатеринодара, затем перешел в 1-й Ейский полк, который в те времена носил название не то 3, не то 5-й Конный полк. Знал все Кавказские войны, в лагерях под Саракамышем, Карсом, Александрополем на местах повествовал о боях и часто совсем не так, как их излагали в книгах, т. е. без прикрас.

Был весьма и весьма начитан, знаком со многими философскими учениями, вплоть до Спенсера, Ницше и Дарвина. В Бога невидимого верил, в Иисуса Христа, как Бога и прочее, как учит церковь, не верил. Говорил об этом редко с кем, и разговор с ним на эти темы редко кому был по зубах.

Человек он был состоятельный, имел деньги в банках, при чем Рыков наказал его на 5.000 рублей (Скопинский банк), и во Владикавказском банке тоже была какая-то задержка, выплачивали ему только по 500 рублей в год. Жежель был вдов, имел дочь, которая была замужем. В 1910 году я узнал, что Жежель уже дома в станице Старо-Деревянковской, и заезжал к нему навестить его. Он был здоров. Когда умер не знаю, но, говорят, перед смертью примирился с церковью. Распределил все свое состояние между родственниками и сделал крупный вклад на церковь. Для характеристики его приведу несколько примеров из его жизни.

У дам одно время была мода носить напахи, а Жежель как раз был мастер шить их, поэтому был завален всегда заказами. Счета подносил самые точные до $^1/_{10}$ копейки за нитки. Одна полковая дама при заказе шапки просит его поставить шелковую подкладку. Жежель выслушал, но сделал по-своему, поставил ластик. И на упрек дамы заявил ей: «когда сами будете зарабатывать деньги, тогда будете требовать, что угодно, а теперь Вы это делаете на деньги мужа, которому они не легко даются».

Лет 50 тому назад, в дебрях Закавказья стригольников еще не было, не было для стрижки и машинок, а стригли научившиеся этой премудрости казаки. Это же делал и Жежель. Как то он стриг командира полка полковника В. С. Жукова., этот все время разговаривал, чем мешал работе, а это для такого артиста, как Жежель, было обидно, потому, остановясь в своей работе и обращаясь к командиру, сказал: «Ваше Высокоблагородие! Давайте посідаемо та будем балакати, або будемо стригтися». Командиру пришлось подчиниться.

Командир полка полк. Жуков отправляет с Жежелем детей в Тифлис в корпус и институт. По железной дороге расчитывает проезд по второму классу. Дети просят Жежеля везти их по третьему классу. При расчете с детьми в Тифлисе дети просят возвратить им разницу в проезде. Жежель отвечает, что эти деньги им не принадлежат, а отцу, их же благодарит и хвалит за расчетливость.

Командир полка отправил в Тифлис командующему войсками несколько Джейранов (степных коз), а дичь поручил отвезти Жежелю. По возвращению Жежель отдал подробный отчет о поездке и денежный отчет и еще дал 25 рублей. «А это что за деньги?» спрашивает командир полка. «А це дав командуючий військами». «Ну, возьми их себе».

Как то Жежель купил себе винограду и белого хлеба и стал есть. Потом вдруг вскочил и стал топтать виноград, а хлеб забросил на плоскую крышу здания и стал сам себя ругать: «Ах, ты старый лакомка! недоволен тем, что тебе дает казна, захотел и белого хлеба и виноградчику».

На смотрах большого начальства, когда он исполнял при начальстве роль трубача, то без стеснения делал замечания по адресу начальников частей, делавших ошибки. Жежель прекрасно знал все военные уставы и ученье полка и дивизии.

...При своем избрании Атаман Каледин сказал неизвестному донскому казаку: «Себе не изменю!» Казаки же знают, что их казачьи националисты своему Казачеству не изменят, ибо им начинается их задача и цель, им и кончается. Вот почему и видят в них и их Движении КНД единственного и верного защитника казачьих интересов, вот почему казаки всемерно поддерживали и впредь будут поддерживать передовых борцов за свою Казачью Правду, за свой Казачий Присуд.

(Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

И. Бочаров.

Большевизм и национальный вопрос.

На территории бывшей России национальный вопрос развивался в неНормальных условиях, в удушливой атмосфере царского режима, принимая все более и более уродливые и болезненные формы.

Вина в этом прежде всего царского правительства и его бюрократического централизма и антиинородческого фанатизма. Но немалая доля ответственности падает и на русскую общественность, которая и не хотела и не сумела понять масштаб национальной проблемы в быв. России, сознательно и упрямо трактуя ее исключительно в русских интересах и интересах господства великорусского народа.

Некоторые либеральные и демократическо-социалистические круги русской общественности иногда признавали в своих программах принцип самоопределения угнетенных народов, но эти программные утверждения имели только декларативный характер, не мыслились даже авторами всерьез и не имели никакого практического влияния на мышление московитов.

Вполне понятно, что такие условия не могли содействовать развитию нормальных взаимоотношений между центром и окраинами, между «инородцами» и великорусским народом — московитами.

Война 1914 — 18 и последующая революция внесли основательные поправки в довоенные теоретические построения национального вопроса в б. России.

Февральская революция и Временное правительство не сумели договориться с окраинами, не поняли автономических и федеративных стремлений окраинных народов и сами дали толчек к дальнейшему усилению центробежных сил не-русских народов. Петроград считал национальные требования окраин опасными и вредными для дальнейшего углубления и успеха революции. Не было отстранено старое недоверие между центром и окраинами. Взаимоотношения их попрежнему оставались напряженными и еще больше натягивались.

Октябрьская революция, ликвидировавшая либерально-демократический февраль, умело использовала все грехи и ошибки в национальном вопросе своих предшественников, но использовала их только для нужд политики большевицкой партии.

По национального вопроса большевики ни теоретически, ни практически не решили. После 26-ти летнего деспотического царствования большевиков взаимоотношения между окраинами и Москвой — центром — СССР — еще больше напряжены, чем в 1917 г., накануне большевицкого переворота, о чем особенно ярко свидетельствуют последние попытки большевиков бумажного разрешения противоречий между народами СССР, стремящимися к своей национальной свободе.

Все эти попытки являются всего лишь очередным обманом и желанием большевиков использовать национальный пафос угнетенных народов. Небезинтересно будет, хотя бы вкратце, остановиться на отношении большевиков к национальному вопросу от прихода их к власти до нынешних дней.

Как и во всей своей политике, большевики избрали в национальном вопросе дорогу максимальных и демагогических лозунгов, расчитанных на непосредственный успех и совсем не считавшихся ни с реальными возможностями, ни с фактическим положением вещей.

Если во время войны оперировали лозунгом права самоопределения порабощенных народов и считали одной из своих главных задач их освобождение, то большевики должны были пойти еще дальше по этому пути, провозгласив принцип права каждого народа на самоопределение «вплоть до отделения».

Эту точку зрения защищал Ленин накануне войны (1913 г.), ей же придерживался он и на марксистских конференциях в Циммервальде и Кинтале (1914 — 18). Чтобы понять большевицкую практику в национальном «строительстве», нужно знать и надлежащим образом оценить ленинскую теорию и идеологию по этому вопросу.

Эта теория и идеология Ленина построены очень хитро, предоставляя возможность государственному аппарату обещать угнетенным народам самоопределение «вплоть до отделения» и в то же время закабаливать их в тиски нового национального рабства, как это можно наблюдать на тяжелом положении окраин в СССР. Для Ленина самоопределения народов, а следовательно, и борьба их за независимость, отнюдь не цель, а только метод социальной борьбы.

По Ленину, пролетариат господствующих наций должен бороться за отделение порабощенных народов, а пролетариат порабощенных должен стремиться к «добровольному союзу народов» и даже больше — «к слиянию их», к преодолению национальной раз'единенности путем полного слияния народов.

Для большевиков нация или народ — это пролетариат, в действительности же еще уже, потому что знак равенства ставится политически между нацией и коммунистической партией. Этот социологический анахронизм подобен утверждению французской аристократии дореволюционного времени, что дворянство является синонимом нации. Однако, с точки зрения практической и особенно партийной политики, Ленин дал большевизму весьма гибкую теорию и идеологию национального вопроса. Последующая национальная практика большевиков, как бы она не касалась первоначальных лозунгов, ныне опять повторяемых, о самоопределении народов «вплоть до отделения», всегда может быть не только согласована, но и обоснована теоритическим ленинизмом.

Для каждого внимательно следящего за политикой большевиков со всей очевидностью ясна круговоротная эволюция национального вопроса в СССР.

Еще в мае 1917 г. большевицкая партия приняла ленинскую теорию и идеологию национальной проблемы. Ее первую часть, а именно сепаратистическую, большевики стремились осуществлять, отмечая свои намерения в известной «декларации прав национальностей России», где снова подчеркивалось полное право на самоопределение народов и их абсолютную независимость.

В 1918 году большевиками уже начался подчеркиваться союзный характер государства и фактически анулировалось право выхода из его состава отдельных государственных окраин.

Годом позже эта федеративная форма уже считалась одной из «переходных ступеней... к полному единству».

Через два года, на X-ом с'езде коммпартии в 1921 г., большевики публично радовались, что они счастливо разрешили национальный вопрос, достигнув не только «мирного сожительства», но даже «братского сотрудничества национальностей».

Но эта радость длилась, однако, недолго, ибо уже в 1923 году большевики отмечают необходимость конкретно-практического решения национального вопроса, не удовлетворяясь уже своим теоритическим решением.

На протяжении первых лет существования Совдепии были обнаружены с одной стороны извечный великорусский централизм по отношению к окраинам, что заставило самого Ленина (как явствует из его записи в дневнике от 30. XII. 1922. Этот дневник признан соввластью нелегальной литературой для СССР). думать о необходимости «защитить инородцев от истинно-русских держиморд», а с другой национальный шовинизм, оказавшийся весьма сильным и под кожанной курткой коммунистов на окраинах, которые никак не могли вразумить национальную философию ленинизма.

Советские инородцы стремились к разрешению вопроса о правовом отношении и компетенции центра и окраин, хотели видеть более ясный смысл союзного характера большевицкого государства.

Эти «трения» были ликвидированы в 1923 году июльской конституцией советского союза, официально переименованного в СССР, к большому ужасу всех русских патриотов, оскорбленных в своих национальных чувствах кощунственным устранением имени России.

На самом же деле июльская конституция еще больше ограничила автономные права окраин, фиктивно и номинально только маскируя «союзную» конструкцию Советского Союза.

Даже такой поборник московско-русского великодержавия, как проф. Милюков, писал, что «если РСФСР — странная федерация, то СССР — еще более странный «союз государств». Так был замкнут железный круг большевицкого национального строительства, начавшийся крылатым лозунгом самоопределения народов «вплоть до отделения» и закончившийся драконическим централизмом во имя единства государства.

Дальше красной Москве пришлось делать уступки настоятельным требованиям жизни, ибо планируя свои теории ленинизма и сталинизма, они забыли своего главного и неумолимого противника — настоящую жизнь, которая совсем не любит «серых теорий». Вопреки коммунистическому гнету, оккупированные московско-большевицкой силой окраины все сильнее и сильнее стремятся к своей полной свободе и независимости. О наличии этих стремлений народов СССР, без сомнения, говорит и указанное бумажное предоставление «союзным республикам» СССР иметь свои комиссариаты иностранных дел, свои представительства дипломатические за границей, свои комиссариаты воендел и свои армии. Сама жизнь и события заставили большевиков возвратиться в их исходное положение с их прежним обещанием самоопределения «вплоть до отделения», которое является новым очередным обманом «Кремлевских реформаторов».

... Среди всех народов, населяющих СССР, к числу самых бесправных граждан был отнесен казачий народ. Казачий народ, низведенный до положения рабского существования, в течении четверти века истребляемый с садистской жестокостью, сумел через эти ужасы пронести свое национальное «Я».

Руководитель Нац. Освободительн. Движения Азербайджанского Народа **Фаталибек Дударлинский.** «К. В.» № 3 (60).

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

— 18-го февраля с. г. в гор. Лионе (Франция) скончался всеми казаками глубокоуважаемый протоиерей отец **Иоанн Попов,** казак станицы Орловской ВВД.

Ушел в иной мир один из ярких и твердых казаков-националистов. Покойный глубоко верил в торжество казачьей Правды и днями считал сроки приближающегося возвращения в горячо любимую им свободную Казачью Землю.

Отец Иоанн пользовался исключительным уважением и любовью не только казаков, но и всех, кто его знал и кто с ним встречался. На протяжении долгих лет покойный был настоятелем большого православного прихода в Лионе. Для казаков он был не только духовным отцом, но и идейным соратником, всегда и всюду чутко относившимся к нуждам и запросам казаков и полностью жившим их чаяниями и стремлениями. Казаки видели в нем образец истинного казачьего пастыря.

Покойный отличался исключительной любовью не только к казакам, но и ко всему, что касалось Казачества. Составил обширную казачью библиотеку, с богатым содержанием книг, журналов, газет, брошюр. Кроме того, имел большой сборник материалов, статей, отзывов о Казачестве, появившихся в иностранной прессе или литературе. Его заветным желанием было передать свою библиотеку в будущую Казачью Национальную библиотеку для воспитания казачьей молодежи.

Похороны покойного состоялись 21-го февраля. На его гроб от имени казаков-националистов был возложен большой венок с лентой в казачьих цветах с надписью «Казаку от казаков».

Пусть будет нашему дорогому отцу Иоанну чужая земля пухом! Вечная ему память!

С. Настоящев.

— В санатории С. Мартэн дю Тертр (С. и У.) (Франция) скончался, после тяжелой и продолжительной болезни, подхорунжий **Сашников** Василий Алексеевич, казак ст. Орловской ВВД. Погребение состоялось на местном кладбище, о чем извещают друзья покойного.

Ст. **И. Ф. Текутов.**

Военные священники и политкомиссары.

В числе пленных, захваченных в последнее время под Кировоградом, находится значительное количество людей, прибывших на фронт непосредственно из тюрем и концлагерей Советского Союза. Среди них выделяется Антон Родичев — бывший красноармеец 983 стр. полка. Этому красноармейцу уже 56 лет. В прошлом он был дьяконом обновленческой церкви. В 1938 году Родичев был осужден на восемь лет строгой изоляции за ведение «контр-революционной пропаганды», выражавшейся в том, что он вел беседы с верующими на религиозные темы.

Сейчас Антон Родичев рассказывает:

— Я был в Белозерском концлагере, когда нам было предложено отправиться на фронт, чтоб «искупить свои преступления перед народом». Большинство нас от такой чести отказалось. Тогда была создана особая комиссия, которая каждого из нас вызывала поодиночке и проводила соответствующие внушения, после которых количество добровольцев стало быстро расти.

В частности, такую «беседу» вели и со мной. В начале ее председатель комиссии, уполномоченный НКВД Лобанов потребовал, чтоб я дал подписку о неразглашении того, о чем будет вестись со мной разговор. Я такую подписку, конечно, дал. После этого меня спросили, почему я не хочу ехать на фронт. Я об'яснил, что считаю себя для этого дела старым и непригодным по болезни. Мне сказали, что это пустяки, так как я могу быть использован на фронте в качестве священника. Меня это удивило, я попытался по этому поводу задать несколько вопросов, но ни на один из них я ответа не получил. В конце и я тоже оказался в списке добровольцев.

Но на фронте я был не священником, а рядовым красноармейцем, потому что утверждение меня в этой должности задержалось. Несмотря на это, по приказанию командиров и их заместителей по политчасти, мне неоднократно приходилось выполнять религиозные требы, главным образом, приходилось выполнять религиозные треба, главным образом причащать смертельно-раненых бойцов.

Нужно признаться, что отношение красноармейцев ко мне, как к священнослужителю, было ироническое. Никто всерьез не принимал того, что я говорил, и все считали, что я выполняю требы только потому, что меня заставляют это делать.

Мои беседы с красноармейцами на религиозные темы, строго контролировались. Заместитель командира по политчасти несколько раз вызывал меня к себе и подробно об'яснял, как следует вести религиозную пропаганду среди бойцов.

Я считал, что шумиха, поднятая большевиками вокруг восстановления церквей и вообще религии, является не чем иным, как очередным кощунством и надругательством над свободой совести, провозглашенной так называемой сталинской конституцией. Впрочем, редко кто из советских граждан верит в эту свободу, тем более, что мы ее уже не раз испытали на собственной спине.

(«Труд», № 8.)

Др. М. Зощ-Кравченко.

Зауваження до історії Українського Козацтва.

Дужий, присадкуватий, неначе врощий в землю, упертий невідступний, суворий з виду, але повний невичерпаного й здорового юмору, співак Божою милостю, що витворив найкращий в світі й найбагатший епос — чудесну пісню й незрівняну казку, непереможний в боротьбі й праці та невпинний у веселости, коли він скаже-но несеться в своєму національному «гопаку»... такий є українець. Таким створила його сувора, немилосердна історія й чудесна природа його батьківщини.

Барвиста, але смутна судьба України, особливо її подніпрянської частини, а головним чином її Козацтва, що з'явилося в XV., XVI. і XVII. ст. нащадком слави Великокняжої Руси-України.

Навряд чи хоч одна країна в світі перенесла стільки хуг, стільки кривавих сторінок, стільки драматичних занепадів, героїчних піднесень, нових зруйнувань й нових відроджень — скільки їх висвала в своїй історії Україна із своїм Козацтвом.

Природа щедро одарувала нашу Батьківщину своїми дарами. Середній, здоровий, мнякий климат, найбагатший в світі чорнозем, повноводні річки, мо"е — що зв'язує її з іншими краями, мужний, трудячий нарід... «край, де все достатком дише»...

Здається, є всі данні для створення міцного организму, багатого, вигодного і щасливого життя, але історія судила инак.

Після блискучого періоду Київської Руси-України, коли великі князі зо своїми «дружинами» трясли стіни Царьгороду, переходили далекі південно-східні степи Хозарського царства, нищили печенігів і половців, коли їх слава гриміла по всім краям Европи, а европейські властителі рахували за честь породнитися з ними — у XIII ст., під вдарами татарів, Київська Русь-Україна сходить зі сцени. Судьба її з'єднується з судьбою Литви, а після Польщі й нарешті розтворюється в їх історії.

У XVI ст. Київщина знов виходить на історичну сцену в оригінальним образі, що ніде в світі, крім південного сходу Европи, не повторився — в образі Козаччини, цього самобутнього, чисто народнього лицарського ордена чести й свободи.

Українське Козацтво під проводом його серця — Запорізька, що було цілковитим уплотненням ідеї козацької вольности, впродовж двох століть героїчно бореться за свою свободу і честь проти чотирьох міцних ворогів: Польщі, Москви, Турків і Криму.

Прольято море крові й сліз. Тяжко уявити собі ті страждання, які пережив і витерпів за той час дійсно «многострадальний» і високо героїчний Козацько-Український нарід. Польська шляхта віддавала жидам на аренду Православні церкви. Для потіхи ксензи й поміщики запрягали українських людей до екіпажів. Пониження людської гідности й поробления було доведено до грані сучасного московського большевизму.

Повставало Козацтво за рідний нарід, платило стократ своїм гнобителям, знов падало під вагою нерівних сил. Знов річки крові заливали тучні й плодючі землі Богом благословенної, а людьми скаліченої країни. Поляки здирали шкіри з вождів, четвертували їх, садовили на кіл...

Найвищого напруження боротьби за право жити на своїй землі по стародавньому звичаю досягає на Україні в половині XVII. ст., в героїчні часи Богдана Хмельницького, кращого й талановитішого із синів Козацтва. Ряд блискучих і ошарашуючих перемог козацьких над польськими військами, що йшли під командою славетних военачальників і самого короля, затряслн Польщу до коріння.

Здавалось, що українське Козацтво досягло своєї мети: воно могло диктувати переможеному умови, які хотіло. Але в останній момент його зраджують спільники — кримські татари — й наслідки перемог сказалися нижче тих, яких можна було сподіватися.

Однак не стільки татарська зрада була погибельна, як те, що й у нашій протибольшевицькій боротьбі, а саме — відсутність не лише в козацьких масах, а й у самих їх вождів **ясної політичної** програми. Не було «символу віри», не було відточеного розумом і випестованого серцем ідеалу. Були гасла які виникли інстинктом, рефлексом, зоологічними спонуканнями — позбавитися від польського батога, що сьогодня болюче б'є по шкірі. Але про майбутню систему громадських і державних відносин ніхто не думав, або думали мало.

Такою безпрограмністю характеризуються й всі послідуючи рухи освобождення українського народу включно до Мазепи, т. е. до часів Петра I-го, коли українському козацтву було нанесено настільки тяжкий вдар, що здавалось від нього вже ніколи не зможе звестися. Від цього часу Україна знов заходить з історичної сцени, як би пролвалюється до прірви небуття аж до революції 1917. року.

А між тим, був час, коли Україна викликала особливу пажню европейських держав; спочатку — в період розцвіту Київського Великого Князівства, а після в епоху Богдана Хмельницького і Мазепи. Рух Хмельницького не лише до коріння трусонув міць Польщі а й викликав гаряче зацікавлення до сили, яка знов виникає на Сході Европи — до Українського Козацтва з його вождем Богданом Хмельницьким, ім'я якого набуває широкої відомости в Західній Европі, що з великим зацікавленням слідкувала за зносинами козацького вождя з Туреччиною, Швецією, Трансільванією, Бранденбургом і Австрією. Сам Кромвель, протектор Англії, пише листа до Хмельницького, запрошуючи його до спільної боротьби проти папистів.

У 1640. р. у Франції виходить твір де-Бондана — «Опис України», який негайно перекладається на мови англійську, німецьку й латинську. У 1663. р. у Парижу видається ще одна французька праця: «Історія войни Козаків проти Польщі» — Пьера Шевальє, де автор називає Хмельницького «Кромвелем повтореним у Росії». В 1674. р. у Парижу виникає нова праця — П. Ліпаж Вансієнн: «Правдиве походження Козачого руху проти Польщі».

Рух Мазепи в цілі створення, за допомогою Карла XII-го, самостійної держави, знов звертає пажню Европи й знов видається цілий ряд літературних праць по українському питанню.

Епоха Мазепи натхнула й Вольтера, який написав у 1731 р. твір — «Історія Карла XII., короля шведського», де великий письменник каже: «Україна завжди намагалася бути свободною, але обколена Москвою й Польщею, вона була примушеною шукати оборонця в цих державах». На його думку, Україна, яку занадто поробила Польща, віддалася під владу Москви, яка «третировала» українців, як рабів; спочатку вони користувалися правом обірати собі вождя, але скоро Москва стала сама призначати його.

КАЗАЧЬЯ СТАРИНА

— **Казаки в описании француза.** — В „Revue hebdomadaire". 1. octobre 1914. Филисьен Паскаль вспоминает, как сто лет тому назад парижане с любопытством и вместе с тем с ужасом устремлялись в Елисейские поля взглянуть на ужасных казаков, расположившихся там лагерем.

Парижанам любопытно было взглянуть поближе на оригинальную красоту их мундиров и наблюдать их нравы и обычаи.

И вот какие наблюдения сделали парижане. Их крайне изумляло одно обстоятельство: казаки никогда не ходили пешком. У них были два излюбленных положения: или верхом на лошади, или сидя на земле возле лошади. Казак оставался верен себе, даже когда ему предстояло сделать ровно тридцать шагов к большому ушату с водою, который охранял часовой. Они вскакивали на лошадь, чтобы достать свое копье из общей пирамиды копий, накланялись до земли за тыквенной бутылкой и мчались к ушату. Потом клали все на свое место и опять усаживались на земле. Они обыкновенно сидели небольшими группами по три-четыре человека и беседовали между собою «очень мягким голосом, с гармонической интонацией», так выразилась о них графиня де-Буань в своих воспоминаниях. Но они не сидели сложа руки, а то поправляли свою одежду, до шили новую, то чинили уздечки.

Парижские женщины и дети вскоре убедились что не так страшен чорт, как его малюют. Они стали смелее приближаться к казакам и даже отважились брать в руки их работу и осматривать ее. Казаки охотно допускали их до этого осмотра. Но время от времени они ради шутки издавали оглушительный страшный крик. Любопытные с ужасом отскакивали от них. Казаков это забавляло.

Графиня де-Буань в своих мемуарах рассказывала, что сначала ее садовник и его жена не могли без ужаса думать о казаках. Однажды, пока жена садовника приготовляла казакам ужин, ее ребенок так расплакался в своей люльке, что казаки не знали, как его утешить. Наконец один из них подошел к люльке, вынул ребенка и понес его к огню. Мать бросило в дрожь от ужаса. Но скоро она успокоилась. Казак поднес его к огню, чтобы отогреть его маленькие ножки. Потом вместе с товарищами принялся старательно его занимать. Он нашептывал ему разные ласкательные слова, и у ребенка вскоре показалась улыбка. С этой поры «ужасные варвары» поочередно нянчили его все время, пока стояли в имении.

Еще одна черта у казаков бросалась в глаза парижанам: они страстно любили цветы.

По целым часам стояли казаки пред теплицами графини де-Буань и любовались цветами, которые манили их из-за стекол. Но они умели, когда надо, удерживаться, и графиня де-Буань уверяет, что они не тронули руками ни одного цветка. Они были очень довольны, когда садовник подарил им букет, и благодарили его.

За эти сто лет, говорит Ф. Паскаль, казаки, конечно, совершенно изменились. Теперь они совсем уже не те прежние казаки, которые сеяли вокруг себя панику.

Описывая психологию казаков, Паскаль говорит, что казак играет жизнью и презирает смерть. Выше всякого блага на свете казак ставит — свободу.

Один француз пытался уловить характер казацкой мелодии и говорит: «Ноты этих жителей степей не встречают на своем пути никаких препятствий. они скользят по росе равнин, до бесконечности рассыпаются и тают в пространстве, не оставляя по себе следа».

Казак всегда был свободен: он никогда не знал неволи и если замечал, что его хотят лишить свободы, то перекочевывал в другое место.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

...От имени всех наших станичников-казаков я выражаю искреннюю благодарность за регулярную высылку родного нам «Казачьего Вестника».

Все свободное время казаки посвящают чтению своей газеты, которая вдохновляет и воодушевляет их сердца на предстоящие подвиги, достойные их предков, вписавших много славных страниц в историю казачьего народа.

С чувством глубочайшего удовлетворения казаки отнеслись к величайшему историческому бытию — опубликованию Германским Правительством декларации о исторических правах Казачества на свою самобытную жизнь.

Столетиями боролись наши, овеянные неувядаемой славой, предки, отстаивая свои священные права на национальное государственное существование. Борьба была жестока и не равна. Казаки были сломлены, но не побеждены, не был сломлен крепкий и здоровый дух казачьего народа.

В этой вековой исторической борьбе выковался среди нашего народа стойкий боевой дух, любовь к свободе, настойчивость и все те лучшие качества, которыми мы по праву должны гордиться.

Мы твердо сознаем трудность и тяжесть борьбы и готовы принести любые жертвы во имя торжества идей, поднятых Казачьим Национальным Движением. И поверьте, что я выражаю не только свои личные чувства, но и чувства, желания и волю всех казаков, спаянных и окрепших в течение долгой и совместной работы воедино.

«Казачий Вестник» вселяет в нас много бодрости, надежды и веры. Мы всегда готовы, как один биться до последнего вздоха, до последней капли крови против ненавистного большевизма за счастье и будущность родного казачьего народа.

Слава Казачеству!

Войсковой старшина **Г. П. Сацюк.**

—

...Мы, казаки, перенесшие более двадцати лет жидо-московской неволи, где из нас каленым железом выжигали наше казачье национальное сознание, нашу казачью волю, за нашу героическую защиту казачьего права в 18-20 гг., за то, что мы хотели жить на своих Казачьих Землях по своему, по-казачьи, мы не можем не приветствовать наших братьев казаков, отступивших за границу для продолжения национальной борьбы и боровшихся в тяжелых условиях далекой чужбины за наше казачье право, за наши подлинно-казачьи интересы, за наше родное Казачество.

Мы, казаки, искренне и сердечно благодарим Вас за Вашу неутомимую казачью национальную работу, за издание родного нам «Казачьего Вестника», в котором пробуждаете национальное самосознание нашего Казачьего народа и твердо и непоколебимо защищаете казачьи интересы.

Великий исторический акт — признания казачьего права на свою собственную самобытную жизнь, вселил в сердца наши еще больше веры и сознания.

Мы выражаем нашу искреннюю благодарность Вождю Германского народа и Германскому Правительству за рыцарское и справедливое признание прав нашего Казачьего народа.

Просим Вас крепче и выше подымайте казачье национальное знамя и еще шире об'ясняйте нам нашу истинную казачью историю. Мы же заверяем Вас, что будем до победного конца бороться против нашего заклятого врага — жидо-большевизма за свободу и счастье нашей казачьей родины Казакии, будем твердой поступью итти в авангарде казачьего национализма и нести наше казачье знамя свободы в далекие, но милые и близкие нам казачьи хутора и станицы. Слава Казачеству!

Сотник **Кубанкин** (следуют подписи).

Награда добровольцам.

Согласно нового приказа Фюрера, солдаты и офицеры добровольческих частей, в том числе и Казачьих соединений, воюющие на стороне немецкой армии против большевизма и его союзников, будут награждаться наряду с «Отличием за храбрость и заслугу для восточных народов», немецкими орденами — «Железным крестом» или «Крестом за военную заслугу».

Фюрер нашел, что добровольческие части в боях не на жизнь, а на смерть, показали свою исключительную храбрость и равноправие со своими немецкими друзьями по оружию на почести и отличия.

—

...Каждый должен отчетливо сознавать, что своих казачьих целей мы без борьбы, тяжелой и упорной борьбы, не достигнем. Борьбу же выигрывают те, кто хорошо знают свои цели и хорошо организованы.

(И. Васильев. «К. В.» № 3 (60).

ХРОНИКА

— В первых числах марта с. г. Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) ст. инж. В. Г. Глазков имел совещание с представителями дружественных Казачеству народов. Во время разговоров была установлена общность интересов, стремлений, необходимость согласованной работы и единого фронта в борьбе против большевизма, в защите интересов и в достижении свободы дружественных народов.

— Белорусские газеты «Минская газета», «Раніца» № 8 поместили на первых страницах полный текст приветствия Руководителя КНД Президенту Центральной Белорусской Рады г-ну Радаславу Астровскому.

— Представитель КНД на юге Франции ст. С. С. Настоящев (Lyon (Rhone) 10, rue Gandoliere, 10) назначил заведующим отделом пропаганды Р. П. Изварина, казака ст. Гундоровской, Дон.

—

...Казачество для нас имеет ценность абсолютную, имеет ценность само по себе без относительно к тому, нужно ли оно кому или не нужно, нравится ли оно кому или не нравится, любит ли его кто или ненавидит.

(В. Авилов. «К. В.» № 3 (60).

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «К. В.»

По техническим причинам в отделе «Розыски» нет возможности помещать все поступающие в «К. В.» розыски, поэтому впредь будут публиковаться лишь те, в которых разыскиваются прямые родственники.

— Петров Нестор, ст. Луганской, Дон, разыскивает своих братьев Михаила и Александра — офицеров Донской армии 1920 г. Писать:
Halle-Saale Reilkaserne 128. L. S.

— Пухляков Сергей Васильевич, ст. Раздорской, Дон, разыскивает сына Леонида 18 лет и племянницу Ольгу Пухлякову 30 лет. Писать:
Puchljakow, Luxemburg (Bonneweg), Gemeinschaftslager Nr. 60.

— Мельников Николай Автономович, ст. Еланской, Дон, разыскивает сына Василия, брата Павла, родных и одностаничников. Просит писать:
Kirchmöser a./H. Französenlager, Stube 11, Brandenburg Havel.

— Просвиров Владимир Иванович, хут. Горкина, Урюпинской ст., Дон, разыскивает дядей Просвировых Петра Федоровича и Василия Гавриловича, Мышалова Алексея М., эмигрировавших в 1920 г. в Болгарию и проживавших до 1930 г. в гор. Мессеврия. Просвирова Ивана Гавриловича, выехавшего в 1917 году в Германию. Писать:
Proswirow, Wl. Heerte über Wolfenhüttel. Lager D.

— Никитин Стефан, ст. Усть-Белокалитвенской, Дон, разыскивает дочь Колистру Никитину, рожд. 1926 г., выехавшую в Германию. Писать через «К. В.».

— Смеюхина разыскивает мужа Степана Степановича Смеюхина, казака Кубанского Войска, рожд. в 1914 г. Писать:
Smejuchina. Lager B. Stahlwerke Braunschweig. Watenstedt über Braunschweig.

— Евтухов Иван с сыном, ст. Новочеркасской разыскивает родных и знакомых. Писать через «К. В.».

— Марченко Петр Степанович, Александровка, Азовского района, Дон, разыскивает сестру Татьяну, по мужу Старую, выехавшую в 1920 г. в быв. Чехо-Словакию. Писать:
Medgethen Bz. Königsberg (Pr.) Werkdienst. Einheit P. II. Kompanie.

— Панкратов Михаил разыскивает сына Ивана и брата Василия, кубанских казаков. Писать:
Waldlager D. Heerte über Waldhüttel.

— Ленивой Савва Иванович разыскивает брата Ивана Ив. Ленивого, кубанского офицера, проживавшего в Париже. Писать:
A. Tschernyj für Leniwoj. Warschau, Ogorodowa 30. w. 18.

— Бурсака К. П. и Косолаповых Н. П. и А. П. разыскивает дядя Максим Иван. Недбаевский. Писать:
Kroatien, Petrowaradin, Relkowitschewa 46.

— Курочкина Мария Ал., ст. Курганской, Кубань разыскивает брата Романа Ал. Гончарова, эмигрировавшего в 1919 г. Писать:
Groß-Olkowitz. Mausdorf-Hof bei Znaim N. D.

— Заяц Павел разыскивает сына Ивана Заяц, выехавшего в Германию в 1942 г. Писать:
P. Sajatz. Heerte über Wolfenhüttel. Waldlager D.

— Гриценко Роман Савельевич, ст. Егорлыцкой, Дон, разыскивает сына Василия Гриценко, вступившего добровольцем в Кубанский Каз. полк 24. X. 1942 г. Писать:
Grizenko Roman. Luxemburg. Bonneweg 60. Gemeinschaftslager.

— Наугольнов М. Ф. разыскивает Ерохина Михаила Егоровича, Гайдукова Ивана Митрофановича и Кравцова Григория Ивановича. Писать:
Naugolnow. Waldlager D. Heerte über Wolfenhüttel.

— Золотарев Илья Васильевич, ст. Александрийской, Терек, разыскивает родных и знакомых. Писать:
Solotariew Ilja. Wien 9. Franz Josef Bhf. Barake 2.

— Литвин Федор Алексеевич из Харькова, Мерефа, разыскивает сына Бориса и племянника Сидоренка Бориса. Писать:
Luxemburg, Bonneweg N. 60. Gemeinschaftslager.

— Кокоткин Николай М., ст. Тихорецкой, Кубань, разыскивает родных и станичников. Писать:
N. Kokotkin. Langewiesen (Thüringen). Oberweg, 6.

Решетило Степан Иванович из с. Снижки, Харьков. обл. разыскивает племянницу Решетило Татьяну Федоровну. Писать:
Luxemburg, Bonneweg. Gemeinschaftslager.

— Сафиулина Наталия, ныне Илюева, разыскивает сестру Сар. Гайнолину, рожд. в 1912 г., выехавшую из Софиевского района, Запорожской обл. в 1942 г. в Германию. Писать:
Iljuew, Waldlager D. Heerte über Wol-

— Фролов Павел, ст. Александровской, Терек, разыскивает родственников Фроловых, Чексова, Шабанова и знакомых. Писать:
Paris XV. rue de la Grote 24.

— Дядей Теслям Алексея и Ивана Павловичей, ст. Кущевской, Кубань, разыскивает Мария Подгорная. До 1923 г. дяди проживали во Франции. Писать:
M. Podgornaja. Hof Groß-Olkowitz bei Znaim. N. D.

— Строганов Александр Павлович, хут. Задонско-Кагальницкого, Богоявленской ст., Дон, разыскивает отца Павла Ник. Строгонова, эмигрировавшего в 1920 г. По сведениям, проживал в Румынии. Писать через «К. В.».

— Борисов Е. Д., ст. Александровской, Дон, разыскивает брата Аристарха, проживавшего до 1939 г. в Париже, и родственника Левицкого Алексея из Ростова н/Д. Писать:
Tschenstochau. Distr. Radom. Manienburgestr. 19. „Hasag" Apparatebau.

— Сухомовский Семен Герасимович, ст. Камышеватской, Кубань, разыскивает брата Маську Маркела, эмигрировавшего в 1920 г. в Прагу. Писать:
Suchomowskyj Semen. Lemberg. Postlagernd.

— Казнодей Михаил Романович разыскивает сотника Кубан. Войска Ивана Леонтьевича Казнодей, эмигрировавшего в 1919 г. Писать:
Kasnodej Michal. Kielce. Distr. Radom. G. Gouw.

— Клиточенко Степан, ст. Кущевской, Кубань, разыскивает дядю Клиточенко Василия Титовича, эмигранта с 1920 г., проживавшего до 1928 г. в быв. Чехо-Словакии в г. Стоглау. Нетонице № 14. Сообщить через «К. В.».

— Яковлев Дмитрий Семенович, хут. Крутинского, Усть-Белокалитвенской ст., Дон, разыскивает дядю Ивана Фомича Яковлева. Сообщить через «К. В.».

— Емельянов Никанор Михайлович, хут. Погорелова, ст. Бело-Калитвенской, Дон, разыскивает сына Ивана 29 лет, племянника Василия Степановича Емельянова, по сведениям, поступившихся в районе Таганрога в Каменскую каз. сотню. Писать:
E. Emellanoff. Unterkunft. Schönkirchen 9/8, Kiel-Neumühlen.

— Севостьянов Василий Федорович разыскивает сына Николая, находившегося в немецкой армии у Фельдмахрихтен K. drt. 55. Писать:
Westmark. Mövern. Arbeitslager. Kantine Rosslingen.

— Инж. Бондаренко Павел просит откликнуться казаков и черкесов, окончивших Темиргоевскую гимназию. Писать:
Slowakei. Prešov. Suranská ul. 16.

— Попов Константин Георгиевич, ст. Суворовской, 2-го Донского Округа, разыскивает родных и знакомых. Писать:
M-r. Popoff, 12 bis rue Haut-Pressoir Angers (M-L). France.

— Разыскиваю зятя Стефана Петровича Могилина, племянниц: Надежду, Варвару, Юлию и племянника Василия Михайловичей Ивановых, выехавших в Германию, а также Мефодия Григорьевича Дубинина, эмигрировавшего в Болгарию. Писать по адресу:
Orechow. Waldlager D. Heerte über Wolfenhüttel.

— Прудаков Тимофей Алексеевич, ст. Митякинской, Дон, разыскивает родных и знакомых. Писать:
M-r. Proutzakoff, 11, rue Ste Aigman. Angers (M-L). France.

— **Людвигсгафен.** «Казачий Вестник» можно приобрести у Возглавителя местной организации КНД ст. М. Салтавец:
(Ludwigshafen, Gemeinschaftslager II., Bau 178.)

К сведению казаков-членов КНД.

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой 3.50 RM.

У 1771. р. вийшла книга генерала Манштейна в німецькій мові, в якій він також трактував про українських козаків.

У 1788. р. в Парижу видана праця Бенуа Шерера по історії Запоріжського і Українського Козацтва. Цей автор приривнює історію козаків до історії античних народів — «те ж спартанське виховання, та ж упертість в захисті своєї батьківщини та своїх огнищ».

Нарешті, історія української боротьби за незалежність натхнула геніяльного англійського поета Байрона, який написав відому поему названу іменем гетьмана «Мазепа».

Така кількість літератури в XVII-XVIII. ст. по українському питанню свідчить про ту зацікавленість європейської громадянської думки, яку воно надавало цій новій силі на Сході Европи. Однак, високо розцінюючи українське Козацтво (порівнення з античними народами), європейські письменники не рахували їх російськими, «русскими» людьми. На їх думку, вони були народом словянського племени, як поляки, москалі та ін., але вони мали самостійну історію, окрему мову, звичай і особний світогляд.

Француз Казімір Деламар, депутат і власник журналу «Ля Патрі» в 1869. р. в своїй петиції до сенату імперії, пише: — «ці два народи є московити й рутени, яких змішано під загальним іменем руских. Рутени (українці), що знаходяться між Москвою і Польщою, до яких колись лише й відносили ім'я руських, були опановані московитами й нарід завойовник присвоїв собі назву народа переможеного, щоб здобути очевисте право панування над ним. Тому слова «московит» і «руський», які нам здаються тотожними, в дійсности для історика цілком ріжні. Це умисне змішення дозволило московитам втягнути й саму історію рутенів (Київська Русь), неначебто послідуюча політика може ділувати на історію попередніх епох».

«Треба сказати правду», продовжує Деламар, «дійсно в Европі є нарід, про якого запам'ятали та якому лише й належало ім'я руський — цей нарід рутени, нація в 15 мілйонів (тепер близ 40). Чи цей нарід знищений? запевне ні. Він животіє, має історію, яку неможна змішувати ні з історією Польщі, ні тим більше Москви. Він має свої традиції, свою мову одинаково відмітну від російської й польської, має свою яскраву особистість. Історія мусить так саме одрізняти рутенів і від поляків і від москалів, тому що вони були ріжні в минулому, як і в теперішньому». Так говорив французький писемник 70 років-раніш, а ось що кажуть чужинці зараз.

У своїй книзі «Проблема незалежности України», що видана у Парижі в 1931. р., Еммануїл Евен, депутат від м. Парижу, пише: «етничну границю між руськими і українцями легко провести. З одного боку бачиш села, які збудовано й сплановано в українському звичаю, з другого — в руському. В українських селах білі хатки під соломою, що спускаються на чотирі боки, неначе б обрямковані зеленими садками. В той час як великоруські жилта сумно маячать на голім обрії. Вони збудовані без пляну, із не обарвеного дерева, навіть необструганого; мало коли їх околює садок, мало коли їх зеленює яке будь дерево. Двори й внутрішність осель великорусів і українців цілком ріжні. На границі села українські і великоруські часто сусідствують, але ніколи неможна побачити будов, що були частично українського а частично великоруського типу. Обидва стилі ніколи не змішуються».

Стільки ж, а може ще й більше визначна ріжниця в світогляді й в психології цих двох народів і в їх фольклорі: в казці і в пісні — в її мельодії та змісті.

(Продовження.)

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Wien II, Gutenstejnska 6

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 7 (64) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го АПРЕЛЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188 Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

В. Авилов.

К годовщине казачьей катастрофы.

Ради будущего надо обернуться иногда назад и посмотреть в прошлое. Там можно часто найти уроки и для настоящего. Настоящим же делается будущее.

Весна 1920 года — гибель казачьих стремлений 24 года тому назад. Весна 1920 года — катастрофа первого периода казачьей государственности, восстановленной после двухвекового перерыва.

Сейчас как никогда необходимо припомнить хотя бы немногое из того, что было 24 года тому назад. Вспомним, какие силы играли какую роль, какие события и люди предопределили исход почти трех-летней вооруженной борьбы Казачества и привели его к ужасной трагедии на берегах Черного моря.

Самым большим внутренним врагом казачьего дела была путаница и противоречия на верхах казачьего управления и законодательства, иначе говоря, на верхах казачьей государственной власти. Казачьи законодательные органы Круг и Рада принимали законы в самостийном направлении, а исполнять эти законы ставились противники казачьей самостийности.

Донской Войсковой Круг, принимая определенно самостийную Конституцию, во главе Донской Республики ставил резких противников самостийности. Кубанская Рада, принимая ясную самостийную программу, Атаманом выбирала определенного противника самостоятельного бытия Казачества. Такая двойственность и несознательность не проходят даром. Раз самостийные Конституции, то и во главу исполнительной власти надо было ставить самостийников, прямых и логических защитников казачьего национального дела. Иначе, выбирая Атаманами единонеделимцев, терялся практический смысл самих Конституций.

Каждый народ должен отчетливо сознавать, что в моменты решительной борьбы за свободу, когда идет вопрос о жизни или смерти, во главе себя народ должен ставить людей, соответствующих и своей национальной программе и по характеру своему отвечающих требованиям данного исторического момента. Если в мирных условиях соответствие между общей программой и задачами народа с одной стороны, и личными качествами исполнителей-вождей и возглавителей государств и политической жизни с другой, играют большую роль, то в обстоятельствах чрезвычайных такое соответствие или несоответствие играет решающую роль. К глубокому несчастью Казачества это одно из основных условий успеха и казачьего дела не было исполнено.

Неразбериха на верхах и разногласия в самых важных и существенных вопросах между представителями Казачества в законодательных органах и носителями исполнительной власти, намеренная тяга последних к общерусскому делу и стремление делать казачьими руками непосильное для казаков дело восстановления старой России, равно как невыгранность и неясность политического мышления у других, отсутствие «реальной силы» в руках самостийников, — все это привело и к тому, что на верхах казачьей государственной жизни играли большую и всегда вредную роль чужие люди, даже и с точки зрения Конституций, не граждане казачьих республик. Эти элементы никогда не были друзьями Казачества, но были ревностными вредителями казачьего дела, а иногда просто и предателями, находившимися одновременно на службе непосредственных врагов его (напр. ген. Болховитинов, бывш. военный министр Кубани).

Казачья катастрофа 1920 года произошла не только под давлением внешней силы большевиков завоевателей, но не в меньшей мере и благодаря не удачной, не отвечающей казачьим интересам политики той части Казачества, которая тянула тогда в сторону русской контрреволюции. Эта тяга и была гибелью тогдашних надежд другой части Казачества, которая, воспользовавшись русской революцией, хотела освободить Казачество от московского гнета, хотела всерьез возродить прежнюю казачью жизнь и построить свой собственный казачий организм.

24 года тому назад потерпели поражение приверженцы былой единой и неделимой России и Казачество, которое к этим представителям старой России усиленно и даже насильно тянули сторонники их из казаков, упало под обломками Деникинщины.

Спор между двумя группировками, представителями двух решений казачьего вопроса продолжался и заграницей. Продолжается он и теперь, правда, теперь представители той части Казачества, домагания которых погубили казачье дело в 1917-1919 годах, продолжают тянуть всё на тот же путь иными методами и под иной маской, но для опытного глаза казачьего патриота не ускользнут никакие их потуги. Казакам известен их широкий диапозон от великого князя Николая Николаевича вплоть до второй советской партии — младороссов, их постоянная поддержка всего того же, что являлось продолжением стремлений единонеделимцев.

За годы усиленной и долгой работы казачьих патриотов казачьи национальные стремления от стихийных настроений укладываются в ясную и определенную казачью программу, нашедшую теперь вполне очерченное подтверждение этим стремлениям. Но представители старого не сдаются, и, проявляя всяческое лавирование и маскировку, они надеются еще раз повести Казачество по той же дороги смерти, по которой они провели его уже в 1919-20 гг.

Катастрофа 1920 года — катастрофа не только вооруженных сил Казачьего народа, это — провал, страшный провал вождей Казачества единонеделимческого толка, увлекший за собой в пропасть и Казачество, отдавший в московские красные руки обескровленные и разоренные ожесточенной войной Казачьи Земли. Катастрофа 1920 года — это расплата Казачества за его союз с Добровармией Деникина, за стремление некоторой части казачьей старшины взвалить на казачьи плечи непосильное дело «спасения России от русских».

Много ошибок, много роковых и непростительных промахов было в прошлом. Нашей обязанностью — научиться не повторять их и заставить подчинить все казачьи стремления и все наши начинания только одной воле, одной цели — Казачьей Цели и служению своему Казачьему народу.

Нынешняя судьбоносная борьба повелительно требует от каждого казака точного и ясного сознания своей казачьей цели, своих казачьих стремлений, исключив при этом все то, что привело в прошлом к трагедии Казачества на Черном море.

Каждый истинный казак должен быть сугубо заинтересован, особенно в нынешнее историческое время, чтобы наша казачья семья стала еще большей, сильной, еще более могучей. Для него не должен ни один казак пропасть даром для казачьего дела. Необходимо, чтобы каждый казак стал твердой ногой на свой Казачий шлях, на свою Казачью Дорогу.

У каждого истинного казака одна и та же казачья душа и одинаковое казачье сердце. Каждый казак должен прежде всего заботиться о своем и близком ему Казачестве, а не искать свое у чужих, не искать помощи для себя там, где казачье не болит, стучаться к соседу, который сам не знает, что ему делать и сам не верит в свои собственные силы.

Пора и блуждающим по чужим, не-казачьим дорогам казакам возвратиться в лоно своего казачьего народа, перестать ходить на чужом поводу, пора уже всем нам взяться хорошо за свой казачий повод.

Никто из нас не желает плохого русским людям, но пусть русские люди занимаются своими русскими делами, а нас пусть оставят заниматься нашими делами, казачьими. У русских хватит своего дела, а нам, казакам, дай Бог справиться со своим.

В прошлом мы дали России не мало: увеличили ее территорию, честно охраняли ее границы, а иногда даже и порядок внутри. На этих делах пролили море своей крови, а из костей казачьих, положенных за русское дело, можно было бы построить башню до самого престола Всевышнего. И все это не только напрасно, но прямо таки на погибель себе.

Чем нас, казаков, отблагодарили за честную и верную службу? Войной и разорением наших Казачьих Земель, насилием и издевательством над нашими матерями, женами и детьми, колхозами и насильственным выселением из родных казачьих куреней, систематическим уничтожением и истреблением казачьего рода.

Каждый должен подумать и крепко подумать над всем этим, подумать, кто виноват все это над Казачеством и теперь и в прошлом? И ответ будет только один, другого пути для казака нет, кроме своего пути к казачьему национальному возрождению, к казачьей свободе.

И как логический вывод из этого — казачья политическая жизнь возможна только в казачьем национальном лагере. Только он ставит перед собой казачьи задачи в чистом виде. Только национальная часть Казачества всегда говорила о самостоятельной роли Казачества в будущих событиях, только она ставит Казачий Вопрос самостоятельно и независимо от всякого иного вопроса. Только она считает себя казаками — и никем больше. Только казачий национализм давал и дает ясные и точные ответы на все волнующие душу и сердце казака вопросы.

Теперь самые события повелительно требуют от всех казаков стать за одно, дружно приняться за свое казачье дело, строить свою казачью жизнь по своему, по-казачьему, оставим же нашим потомкам более счастливое наследство, чем наши настоящие дни, передадим им действительную казачью свободу, ту свободу, ту долю и волю казачью, о которых так много мечтали и за которые так горячо боролись лучшие сыны Казачества на протяжении всей его многовековой истории.

Только об'единенными силами, на своей Казачьей Земле, под своим казачьим небом, своими собственными казачьими руками мы сможем построить свою жизнь, свое счастье и свое будущее, чем какая бы то ни была Москва — Москва царей или комиссаров, белых или красных, Москва монархистов или республиканцев, Москва правых или левых. Доказательством тому все прошлое и настоящее: Петр и Екатерина, Ленин и Сталин.

Каждый казак, который не хочет на всю жизнь остаться у чужих в батраках, кто хочет, чтобы и все Казачество не осталось историческим батраком другого народа, тот должен стать активным борцом за свое казачье счастье, за освобождение своего народа из под гнета московского большевизма за национальное возрождение нашего славного Казачества.

Ф. Донсков.

Тяжесть нашей борьбы.

В результате денационализации Казачества, продолжавшейся усилиями русских царей в продолжении почти 200 лет, мы видим еще теперь в среде Казачества казаков, не верящих ни в свои собственные силы, ни в силы всего Казачества. Этим об'ясняется и большой процент «нейтральных», по существу безвольных. Они пойдут за победителями.

Очень близка к этой категории и серия неустойчивых, непостоянных, перекидывающихся из одного лагеря в другой, нигде не находящих себе места. Не находят они себе места и потому, что сами не знают хорошо, чего ищут.

Эти явления, вне сомнения, очень ослабляют казачье дело. Виновата в этом история. И эти явления будут продолжаться до тех пор, пока не будут вырваны все корни, питавшие в казачьей среде по существу антиказачьи силы и стремления.

В то время, как эмиграции других не-русских народов состоят преимущественно из самостийников, из тех, кто боролся за национальное дело своего народа, казачья эмиграция, вследствие почти двухвековой руссификации, имеет много и противников казачьей самобытности.

И если в среде эмиграции других народов есть внутренние партийные споры, и почти нет споров по вопросу их национального бытия или не бытия, то в среде казачьей, наоборот, «партийных» споров почти нет, но был и еще есть основной спор между самостийниками и несамостийниками.

Мы знаем, что наше теперешнее соотношение между самостийниками и не самостийниками значительно отличается от того, что было там, дома. Но чужие этого не знают и судят по тому, что видят своими глазами.

Это нашу работу, работу национальной казачьей эмиграции значительно затрудняет. Однако, это не должно нас ни в какой мере ни останавливать и ни ослабевать нашей работы, ибо как раз в последнее время даже в среде наших противников начинают убеждаться, а многие уже и убедились в том, что если есть выход для Казачества, если есть решение Казачьего Вопроса, то не на их путях, а на наших, на путях казачьего национализма, который нашел полную сатисфакцию и в признании его основных установок внешними факторами.

И если имеются прозревшие и прозревающие в лагере «русских казаков», то там имеются и такие, злоба и ярость которых по нашему адресу растет с падением их неделимческих шансов. Раньше да и теперь они очень были заинтересованы в том, чтобы казаки не занимались политикой, так как хорошо знали, что это было единственным средством сохранить за собой руководство.

Теперь самые заядлые неделимцы даже принимают маску, внешне конечно, казаков националистов, внешне пытаются повторять отрывки их идеологии и лозунгов, но внутри продолжают, к глубокому сожалению, тратить свои силы на борьбу с казачьими националистами, с казачьими самостийниками, и такими действиями ослабляют осуществление казачьего дела.

Нужно заметить, что поддержку и полное содействие нашим единонеделимцам оказывают русские люди и их организации. Надо также отметить, что ничьих других самостийников — ни украинских, ни кавказских, ни туркестанских и иных каких-либо — русские люди ненавидят так, как самостийников казачьих. Казачий вопрос для них самый острый и самый раздражительный, даже самый актуальный...

Надо признать, что в настоящее время

(Продолжение на 2-й стр.)

Начальник Первой Казачьей Дивизии генерал фон Паннвиц.
Archiv „Der Kosakenbote".

Свою военную карьеру генерал-майор фон Паннвиц начал шестнадцатилетним добровольцем-кадетом в Уланском полку во время мировой войны 1914-18 гг. В возрасте шестнадцати с половиной лет был произведен в лейтенанты. За боевые отличия он получил тогда железный Крест 1-ой степени. Был несколько раз ранен.

После мировой войны, когда Версальский договор поставил Германию в тяжелое положение и когда большевицкий яд начал разлагать государство, генерал боролся в одном немецком добровольческом корпусе против большевизма в Германии. При этом его очень ненавидели красные палачи и начали преследовать его, как преступника. Он вынужден был бежать за границу.

Лишь через много лет, генерал возвратился в Германию и стал офицером Германской армии, возродившейся после прихода к власти Адольфа Гитлера.

В походах германской армии против Польши, Франции и СССР он был командиром разведовательного дивизиона, командиром летучего отряда одной из дивизий и командовал многими боевыми группами. Солдаты его очень любили за его личную отвагу, смелость и отеческую заботу.

Уже в ноябре 1942 года ген. фон Паннвиц имел задание сформировать на Кавказе крупную казачью воинскую часть. Только преждевременный отход германских войск помешал осуществлению этого намерения. 27-го марта 1943 года он получил почетное поручение от Фюрера Адольфа Гитлера сформировать 1-ую Казачью Дивизию. Это не так легко далось генералу.

1-го июня 1943 г. он произведен в генерал-майоры. Он принадлежит к тем немецким генералам, которые вышли из рядов молодых офицеров-фронтовиков, много раз показавших себя в боях и приобретших в них лучшие знания и боевой опыт.

В наступлении германских войск на гор. Пиниск, в контратаке у Ольшан, в боях у Пирятина и у Сталинграда генерал заслужил боевую славу. У Пирятина со своим небольшим летучим дивизионом, он захватил 8.000 пленных и тысячи автомашин. Южнее Сталинграда боевая группа ген. фон Паннвица отбросила в калмыцких степях прорвавшиеся, во много раз превосходящие численностью, советские войска и полностью уничтожила две советских кавалерийских дивизии.

Исключительные боевые подвиги генерала получили особое признание со стороны Фюрера. За боевые отличия генерал получил 6 сентября 1941 г. Рыцарский Крест к Железному Кресту, а 23 декабря 1942 г. «Дубовые листья» к Железному Кресту. Такие знаки отличия даются только за особые подвиги, в которых проявляется выдающаяся отвага и достигается успех, имеющий решающее влияние на ход военных действий.

Высшим достижением, сегодня лишь 45-ти летнего генерала фон Паннвиц, было достижение успеха с возможно меньшими собственными жертвами. Этому принципу он всегда был и остается верным, и успех ему, храбрейшему из храбрых, никогда не изменял.

Под его командованием 1-ая Казачья Дивизия уже получила признательность Фюрера Адольфа Гитлера.

Воен. кор. Карл Гольц.

Др. М. Зоць-Кравченко.

Зауваження до історії Українського Козацтва.

II.

Залізна воля історії не дала можливости козацькому українському населенню природнього, самобутнього розвитку свого державного організму. Колись свободне населення Київського князівства, що в своїй передкордонній, передстеповій частині було джерелом і колискою всього козацтва, опинилось спочатку під владою Литви а після Польщі та було примушене спробувати весь гніт польсько-шляхетського режиму з його політичною анархією — безладдям королівського правительства, повновладдям своєвільної шляхти та повним безправством низших верств, а особливо селянства.

Вже в XIV. і XV. ст. на Україні, по прикладу Польщі, почав складатись клас державців із нащадків старих руських князівських і боярських родів, які з бігом часу, привабленої сухозлотицею зовнішньої культурности польського шляхетства, стратили й православну віру своїх дідів і зв'язок із своїм народом, обполячились і створили місцеве українське шляхетство. Крім того, польські королі, а після й російські монархи, щедрою рукою роздавали маєтности польським панам і фаворитам, закріпачуючи за ними колись свободних городян Київської Руси, головним чином у Правобережній Україні.

Дніпровське лівобережжя в ті часи було майже не заселене. Воно було під безпосередньою погрозою Кримських татарів і до того ж тутечки, як і в Дикім Полі, блукали ватаги всяких «охочих» людей, що промишляли полюванням, рибальством а то й просто розбишацтвом. Багаті, вільні й вигодні степи примамлювали заміристих людей всякого стану. Туди йшли й городяне, й пройдисвіт-шляхтич, а особливо козацьке й козацького напрямку селянство пригнічене польсько-шляхетським режимом. Цими «вольними» людьми й комплектувалось українське Козацтво, найбільше незалежна й свободолюбива частина якого заклала на островах Дніпра Запорізьку Січ, що не визнавала влади «Ні царя, ні короля, ні султана, ні Українського гетьмана».

Таким чином, укрїнське Козацтво склалося з місцевих елементів, як реакція проти соціяльного гнїтv польсько-шляхетського режиму. Таке походження Українського Козацтва вирішило в значній мірі його історію, особливо історію його боротьби за свою свободу, що мала характер більше соціяльний, революційний, ніж характер політичної боротьби за незалежність.

Структура українського суспільства, яке склалося під впливом і на зразок Польщі, мала видимий становно-дїдичний характер. Воно складалось: 1) із старшини всяких рангів, яка володіла селянами, — 2) із козаків, особисто свободних хліборобів, але які лехко могли позбутися землі та попасти в неволю кріпацтва і 3) маси безправного кріпацького селянства. Суперечність класових інтересів, цілком розуміло, не могла допомогти успіху боротьби й проти Польщі, а потім і проти Москви.

Класовий характер боротьби українського Козацтва різко виявився в жорстоких розправах з польською шляхтою, з жидами-орандарями та в намаганнях козацтва добитись привілейованого становища, т. є. власну обібрану адміністрацію та свої суди. Національний характер боротьбі додавав лише релігійний мотив — зрівняти православну церкву з католицькою. Цей класовий інтерес козацької боротьби є прикметою й перших революційних вибухів козаччини й головним стимулом боротьби часів Богдана Хмільницького, чим і пояснюється те чудне явище, що Хмільницький, здобувши цілий ряд блискучих перемог над польськими військами, нанесши Польщі знищуючі вдари, сам злякався свого успіху. Він повстав не проти корони, до якої весь час ставився цілком лойально, а лише проти своєвільної польської шляхти, що гнітила населення й неслухала короля. Його мета була добитись зліпшення правного становища, добитись побільшення кількости реєстрових козаків, одержати право призначення на командні посади лише козаків та зрівняти в правах православну віру з католицькою. Але той вдар, який було нанесено Польщі, відчиняв шлях до повної незалежности Козацької України.

Політична думка тодішньої козацької старшини не могла обхопити таких широких планів на майбутнє, бо не була до того зовсім приправлена. Тільки повернувшись до Київа, Хмільницький побачив, що народні змагання пішли далеко далі, ніж плани вождів; що українські маси — духовенство, селянство й київська інтеліґенція, під впливом успіху боротьби, не хотять завдовольнитись тими вузькими рямками, в які вилився вдїйсности здобуток героїчної боротьби.

Послідуюча боротьба ведеться Хмільницьким вже по більше широкій програмі. Перед очима гетьмана й старшини починає вимальовуватися незалежне Князівство Руське, як нащадок старої, славетної Київської держави. Але всі ці змагання й плани уявлялися козацькій старшині в надзвичайно неясних формах.

Така відсутність певного ідеалу, твердого переконання в політичному символі віри, й знищили так блискуче почату Хмільницьким справу боротьби за право й свободу. Після умови з королем Яном Казіміром, якою поширювались лише права козацтва, селянство, що вічині з козаками виявило надзвичайне лицарство й жертвенність, не одержавши нарешті нічого, стало охолоджуватись та емігрувати на Схід, за Московську границю, де й засунувало, так звану Слободську Україну.

Такаж відсутність політичного ідеалу й програми характеризує і всі послідуючі рухи освободження за часів гетьманів: Виговського, Юрія Хмільницького, Дорошенка й Мазепи.

Проф. В. Б. Антонович на засіданні О-ва Нестора Літописця, 14 січня 1898. р., у своїй промові з приводу 250-ліття повстання українського Козацтва під проводом Б. Хмільницького висловився так: — діяльність Б. Х--го ми не раз зустрічаємо з непорозумінням, чому після перемог, будучи на чолі народу і володіючи потрібною силою Х-кий не помислив про створення окремої держави. Непорозуміння це засноване лише на позверховому й шаблоновому погляді. Власне Південно-руський нарід, внаслідок особливостей етнографичного складу свого народнього характеру, не мав здібности створити незалежну державу. Для того, щоб створити державу, народ мусить володіти значною часткою самопанування, вміти утримуватися у кождy потрібну хвилину від акцій, які є наслідком безпосередніх вражінь, з огляду на майбутні загальні зиски; мусить вміти пожертвувати часткою, иноді досить значною, особистої волі та особистих бажань на користь влади, що визнана до організації суспільства та керування державними метами. **Цими якістями** південно-руський нарід **ніколи** не владав і сам глибоко розумів їх відсутність. Небагацько спроб, иноді дуже талановитих і дотепних його представників (Данило Галицький, Олелькович, Михайло Глинський, Мазепа), скінчалися невдачами, розбиваючись об байдужість або перешкоду народньої маси. Південно-руський нарід завжди був охочий прихилитись до існуючої держави, щиро підпорядкуватися його владі, підтримувати й цінити її авторітетом». Так характеризував проф. Антонович південно-руський нарід.

Коли до міркувань проф. В. Б. Антоновича додати невелику зміну, а саме, що не нарід у своїй масі безпосередне творив нашу історію — бо нарід у масі ніколи історії не творить — а його провідна верства, то вийде, що козацько-українська провідна верства була не здібна, або заслаба, щоб створити власну державу, а те тому, що не мала політичного ідеалу і програми, не передбачала наслідків своєї акції, без чого ні керувати ні тим більше будувати не можна.

(Продовження.)

Раненные казаки в гор. Брюни.
Слева: Михаил П., Тимофей Т., Федор Д, ст. Славянской, Кубань, и Александр Х., ст. Урюпинской, Дон.

Archiv „Der Kosakenbote".

20-го февраля с. г. местная организация КНД, в помещении своей столовой на Jakobgasse, 1, устроила проводы подлечившихся станичников, уезжавших опять в ряды славных и боевых казачьих полков.

Украшенные комнаты столовой, накрытые столы с приготовленными кушаньями — изделием казачек — и традиционная водочка, создавали и вызывали веселое и дружеское настроение хотя до некоторой степени и оголчала мысль разлуки с дорогими станичниками, кровью своей обагрившими далекую землю, защищая и борясь со злом всего человечества — большевизмом.

Открывая банкет инж. В. В. Карпушкин на немецком языке приветствовал представителей Германской армии, офицеров и солдат, как почетных гостей, и всех остальных гостей, друзей и знакомых, — иневших участие в этой задушевной трапезе.

Дружеская встреча была разнообразна и пестра своим весельем и теплотой. Конечно, не обошлось без наших казачьих песен, без казачьих танцев. Особенно всем понравилось исполнение казачка ст. Карпушкиной, инж. М. Ереминым и самих гостей-казаков, равно как блестящее исполнение лезгинки ст. инж. В. В. Карпушкиным, инж. С. К. Медведевым, ст. М. Карпушкиной. Глубокий и неизгладимый след оставили игрой на гитаре ст. инж. П. С. Танутров и милый Вася Енин игрой на гармошку.

Милыми хозяйками оказались М. Карпушкина и М-ме Мосева которые все время проявляли свою заботу о казаках, приготавливая им угощения и подарки, всячески стараясь удержать в «здоровых телах» наших гостей станичников «бодрый дух» и предоставить им разнообразие во время их пребывания в гор. Брюни.

Уехали наши дорогие братья, друзья и станичники, но в памяти на долго останутся их веселые лица, милые шутки и чисто дружеское отношение. Тяжело было расставаться. Но долг велит, и казак спешит опять туда, где залог светлого будущего всего Казачества — на поле брани.

Соб. кор.

Майор Г. Сацюк.

„Не посрамим славы казачьей".

Из окна открывается величественная панорама: на сером мартовском небе четко вырисовываются строгие контуры гигантских сооружений, по форме напоминающие громадные глыбы каких-то неведомых чудовищ.

Дыхание жизни доносится оттуда — слышен ровный, характерный шум заводской работы, изредка прерываемый свистками паровозов, снующих по разным направлениям, дымки которых медленно стелются вслед уходящим составам. Изредка встречаются люди, с деловым видом, быстро спешащие куда-то. В 12 часов общую гармонию гигантского созидательного труда, в его размеренном и строгом ритме, кипящего вокруг, нарушает столь характерный для нашего времени знакомый звук сирен. Звуки, мощно потрясая воздух, несутся повсюду и властно проникают во все уголки. Воздушная тревога!

Картина резко меняется. Широкие асфальтированные улицы быстро заполняются толпами людей, расходящихся по своим убежищам. Мимо меня проходят немцы, французы, украинцы, русские, изредка встречаются знакомые лица станичников — казаков. Взор спокойно скользит по быстро пустеющим улицам. Скоро настает полнейшая тишина, изредка прерываемая звуками шагов одиноких прохожих. Сумрачное небо роняет редкие капли дождя на покрытый, как лаком, блестящий асфальт.

В воздухе слышен, вначале неясный, гул моторов и привычное ухо быстро распознает направление полета и типы самолетов: — летят английские бомбовозы — гангстеры. Шум непрерывно растет и приближается, образовывая сплошной, непрерывный гул.

В караульном помещении внешне ничего не изменилось: люди сидят в обычных позах, ведут вполголоса между собой беседу; при моем появлении встают и застывают, как и обычно, в спокойных, вытянутых позах. Дежурный по караулам сотник К. резко подает команду: «На усиление постов. По постам шагом марш!» Комната мгновенно пустеет. В караульном помещении мы остаемся вдвоем — я и сотник. Выходим на улицу. Моросит мелкий дождь, холодный ветер пронизывает до костей. А наверху серое небо, скрывающее в тумане низко несущихся облаков, тайну приближающегося налета.

Кажется сделано все: — необходимые распоряжения отданы, посты усилены. Невольно лишний раз задаешь себе вопрос, а всё-ли сделано так как надо, всё-ли расчитано и предусмотрено и, в сотый раз, услужливая память повторяет все проделанное до мелочей. Нет, сделано всё! Ничего не забыто. В 100 метрах замаячило виднеются знакомые контуры ближайшего укрытия, но какой-то невидимый бесенок шепчет на ухо: «Трусишь? Хочешь запрятаться в убежище. А люди, которые стоят на постах и спокойно ожидают смерть в любую минуту?»

Игра с совестью длится недолго. Берешь себя в руки и спокойно ждешь развязки.

Рядом где-то оглушительно бьют зенитки, стрельба соседних батарей слышна отовсюду. Разрывов не видно. С воем и свистом уносящиеся в неизвестность снаряды бьют по врагу. В воздухе со свистом носятся осколки снарядов и с шумом падают вокруг. Стоять на открытом месте становится опасно. Мы находим себе укрытие у стены стоящего рядом здания.

Вокруг рождается сплошной хаос звуков — кажется что земля и небо вступили в грандиозное, невиданное состязание, смертельную схватку не на жизнь, а на смерть. Битва достигает своего апогея. Оглушает рев стремительно проносящихся над головой стальных чудовищ. Рассекаемый железом и сталью воздух, наполнен свистом, шумом и ревом моторов. Непередаваемая какафония звуков! Крошечными точками, столь знакомыми привычному глазу, от серой воздушной пелены, угрюмо нависшей над обнаженной землей, отделяются бомбы, сброшенные воздушными гангстерами с заоблачной высоты и рельефно выделяясь на фоне серой массы несущихся облаков, с пронзительным свистом и воем идут в атаку на затихшую и притаившуюся землю.

В эти мгновения, отделяющие жизнь каждого из нас от небытия, сознание напоминается непередаваемым конгломератом чувств и переживаний. В «войне нервов» — это высшая точка напряжения всех физических и нравственных сил человека. Кому не знакомы эти чувства!

Не каждому дана в эти минуты великая сила побеждать самого себя, свою природу и живущий в каждом из нас инстинкт сохранения жизни. В такие моменты нужны сильные духом люди, крепко верующие в силу всепобеждающей идеи. И эти люди — есть! Их много! Сейчас героев искать не надо, они — повсюду. На каждом шагу можно встретить героя и если ему об этом скажешь — он обязательно улыбнется. Так стало просто. И поэтому для того чтоб стать героем из числа героического народа — мне кажется, нужно сделать что-то сверхчеловеческое.

Так сложилась и складывается новая жизнь.

Рядом с оглушительным треском рвутся фугасные бомбы. Сплошной грохот, треск разрушаемой материи, клубы дыма, фонтаны осколков. Где-то рядом чувствуешь дыхание смерти. Сплошной звон в ушах, не хватает в первые мгновения воздуху. Откуда-то сверху падают непрерывным дождем осколки, камни, песок, пыль. Все застелается сплошной пеленой грязно-серого цвета. Местами различаю огоньки — горит фосфор! Рядом горит асфальд.

Еще далеко до отбоя, бой еще не закончен, в воздухе слышен гул моторов, попрежнему с остервенением бьют зенитки, а в тумане сплошного огня и дыма пожаров уже видны копошащиеся фигуры людей, спасающих строения, имущество и жизнь пострадавших. Мимо нас, со звоном, проносится пожарная команда. Спорится в руках знающих свое дело людей, привычная работа. Бушующее море огня начинает затихать — стихия побеждается волей человека.

Вместе с сотником К. и майором З. обходим пострадавшие от бомбежки районы. Всюду работают наши славные казаки — сердце радуется, когда смотришь как они работают: живо, с под'емом, вызывая удивление окружающих. Как обычно подходят начальники караулов и докладывают; на лицах ни малейшего смущения, остатков страха. Беседуешь, спрашиваешь — один ответ: «Все в порядке!» Спрашиваем дальше: «Ну, а как, не страшно было?» — Недоумевающий взгляд, легкая улыбка и быстрый ответ: «А чего страшно. Мы не боимся смерти, кого надо она сама найдет!» В этих простых безхитростных ответах ясно чувствуешь и радостно волнуешься от этого за них, за таких славных, хороших людей, что эти люди **никогда не подведут и не изменят — казаки!**

Впереди еще много работы, надо спешить. Навстречу попадается знакомый немец г-н N. Радостно жмет руку, благодарит. Спрашиваю за что. Выясняется — он с тремя казаками спасли от пожара один важный об'ект. Уходит, жмет крепко руки нам всем и взволнованно бросает: «Спасибо казакам. Хорошие они люди!»

Сердце наполняется хорошим, теплым чувством к дорогим станичникам. На душе радостно и приятно за них. Невольно думается: «Не посрамим нигде казачьей славы!»

Работа всюду кипит, — впереди караульного помещения асфальт очищен от осколков и мусора и блестит ровным матовым блеском.

Казаки, закончив работы, сходятся группами к месту сбора. Слышен смех, разговоры, оживленно обсуждают недавно пережитое. Подходим — вступаем в разговор. Люди почтительно раздвигаются, кто-то услужливо зажег спичку. Закурили вместе. Приносят донесение от начальника 4-го караула — читаю: «Господину Майору. Докладываю о том, что во время бомбежки в районе поста № 1 упало две зажигательных бомбы, которые погасил казак К. и спас этим от пожара важный об'ект. О чем и докладываю Вам. Нач. караула, ст. ур-к С.».

Думаю: «Молодец. Представить к поощрению. Надо доложить начальнику».

Рассказываю об этом собравшимся. В глазах окружающих вижу одобрение. Некоторые заявляют, что вокруг них тоже падали фосфорные бомбы и они их много затушили.

Под конец разговорились на **больную** тему — насчет участия на фронте борьбы с большевизмом. Вижу — каждому хочется сказать, все говорят разом и впопад: **«Скучно нам здесь, господин майор! Хочется поскорее на фронт, бороться вместе с германским народом, за нашу казачью долю. Пускай — только пустят на фронт!»**

Общий отбой тревоги. Работы закончены. Сотни с лихой песней возвращаются домой.

Ганс Кроекер.

КАЗАКИ.

II.

Мы именуем казачьи земли «Казакией». Речь идет об областях по нижним Донцу и Дону, Волге и Яику, равно как и на севере Кавказа. Это степные области, через которые напирали на Европу массы Азии. Эти области всегда представляются населенными и, хотя основательное изучение стародавней истории этих областей и осевшего там населения в широком смысле еще не закончено, все же является твердо установленным, что Казакия и ее народонаселение известны нам уже с начала эры нашего летоисчисления. Историки России и Казачества следуют в своих историческо-географических описаниях обыкновенно к временам Геродота. В его описании рек Востока Европы мы находим восьмую реку Танаис. Точно установлено, что это касается нижнего течения реки Дона, которую он обозначает, как границу между Скифией и Сарматией. Было бы нужно выйти за пределы настоящего исследования, если бы распространяться о подробностях в отношении различных народов, которые в течение столетий, до и после начала нашей эры, господствовали в степных просторах Казакии, но мы не ошибемся, когда установим твердо, что именно казачьи предки уже в этот период были здесь осевшими.

Особенный интерес представляет для нас действительность, что уже во II — IV столетиях Остготы господствовали от западных областей Казакии до Кавказа. Восточноготская империя Германариха распространялась в 370-м г. на Восток Европы от р. Тиссы до Дона и Кавказа и от Балтийского до Черного морей.

Эти готы были сильны и воинственны. Они вторгались до Афин и в Грузию, но были поражены в решительном сражении гуннами, со своим королем Виннитаром у Риона в Грузии. В сообщении об этом решающем сражении было, что король гуннов Баламбер усмотрел гота Виннитара. После он взял замуж его племянницу Вадамерку и господствовал над всем готским народом, который пребывал в мирном подданстве, однако, подчиняясь своему собственному Главе, который назначался по избранию гуннов.

Во всяком случае, установлено, что известная часть готского народа осталась навсегда в области Казакии и вне сомнения имела значение при дальнейшем развитии особенностей казачьей народности. Не меньше имело значение на народное развитие в казачьей области и влияние греков, исходившее из их колоний на берегах Черного моря и Крыма.

Когда в VII-м столетии господство готов и гуннов перешло к империи хозарской, то с того времени «Казакия» становится твердо установленным понятием. Уже император византийский Константин, в своем описании земель и народов Хозарской империи называет так эту страну, которая распространяется от северных отрогов кавказских гор до Дона и Каспия. Но и русские летописи называют население этой области «Касогами» — видоизменение от казахов и казаков. Мы находим далее, что уже в X стол. население этой страны известно как «русы» и «казахи». Тут сталкиваются понятия «русь — руссе». Немецкое слово «руссе» производится от «русь». Немногим известно, что под этим именем были известны шведские норманны в Восточной Европе. Это наименование расширялось и шло далее от созданного ими киевского государства, но первоначально не имело ничего общего с народом, который с течением веков стал известный как «русский». Во всяком случае наименование «руссы» или «россы» свидетельствует об одной части осевшего на Азовском море населения. Она во времени изменения веков подобая иной народной группе известной, как «Казахи», которая ведет свое происхождение прямо от норманнов.

Собственное ядро «Казакии» образует Донская Земля, которая, как только было упомянуто, во II — III стол. была вчленена в империю остготов.

Большая часть их позже удалилась на Запад, но не подлежит никакому сомнению, что очень многие из этих готов, после двухсотлетней оседлости, стали туземцами и остались здесь. Этот народностный резерв был позже усилен еще пришедшими с Днепра скандинавцами «россами». Хотя политические судьбы тут постоянно, после вторжения гуннов, изменялись, однако, нельзя не познать, что упорядоченная государственная сущность готов является направляющей для донского населения и его Земель. Мы знаем здесь прежде всего княжество Тмутараканское, о котором сообщает летопись Нестора. По его утверждению в 1022 г. правивший в Киеве князь Ярослав, должен был уступить Мстиславу Тмутараканскому, потомку Варягов, земли восточнее от Днепра. И отсюда с еще большой ясностью продолжается бытие возникшей казачьей государственности с своеобразной и самобытной народностью. Для Европы очень важное значение имела прежде всего действительность, что Казаки со времени вторжения монголов составляли вооруженную силу, которая противопоставляла себя напору с Востока и которая в последующих столетиях находилась в постоянной борьбе против различных антиевропейских сил, пробовавшихся прорваться из Азии.

*) Перевод из журнала «Иностранная политика» — «Auswärtige Politik», Oktober 1943.

Полковник Д-р С .Федоров.

Астраханское Войско.

В частях, сражающихся против заклятых врагов Казачества, находятся и казаки астраханцы. Сражались их отцы и сородичи с красными насильниками и в 1918-20 гг. Часть из них вышла, после проигранной неравной борьбы, на чужбину и образовала там, вместе с терскими казаками Терско-астраханский полк. Теперь об астраханцах снова заговорили, а между тем не только о них, но и сами астраханцы мало знают прошлое своего Войска. Прошлое богатое славой и бурной военной и политической жизнью поволжского Казачества.

Вольные и невольные мероприятия российского правительства приводили к тому, что даже в оффициальном труде о Казачестве, изданном Военным министерством, было сказано: «историческая судьба Волжских казаков совершенно не исследована: после самозванщины исчезают всякие исторические сведения о них». В московских интересах было, чтобы действительно навсегда исчезло всякое упоминание о предках Астраханского Казачества, так много и много причинявших хлопот властолюбивой Москве, загнездившейся на самых жизненных нервах поволжского Казачества, которое целых два века вело непрестанную борьбу с московскими насильниками и захватчиками.

Исторические судьбы астраханского Казачества всегда были связаны с волжскими казаками и со всем Великим Войском Донским. В нем оно занимало, наряду со своими побратимами яицкими с Урала и гребенскими с Терека, автономное положение, равно и запорожцы принимали деятельное участие в военной и политической жизни казаков на территории покоренного ими вместе царства Астраханского.

Всевозможные российские историки, пытаясь осветить появление и жизнь поволжского Казачества, старались связывать его с древней новгородской вольницей — ушкуйниками, добычничавшими на Волге и на Каме. В старину и земли Вятские принадлежали вольной республике ганзейского Новгорода, но ни Новгород, ни его удалые ушкуйники не имели никакого влияния на возникновение волжского Казачества и ни на его жизнь.

Уже в IX-X столетиях мы знаем о славных походах казачьих предков из Прикаспийских и Придонских земель по Волге вниз на Каспий и Закавказье. Знаем об их жизни там во времена Хозарские и казачьего княжения Тмутараканского. Знаем и о жизни во времена владычества Золотой Орды на исконных казачьих Землях. Древние исторические документы и первоисточники говорят нам о том, что в XIII — XV стол. в Поволжьи была организованная казачья жизнь, она охватывала всю территорию Архиепископии Сарайской и Подонской, простиравшейся от Урала и за Днепр, вдоль берегов Азовского и Черного морей. Там удержалось Казачество и до тех пор, когда оно стало появляться на исторической сцене московского государства, то в качестве его союзников, то заклятых противников.

В описании Олеария о путешествии датского посольства в Персию, по Волге, в первой половине XVII ст., говорится, со слов бояр и очевидцев, о **господстве казаков на Волге,** начиная уже от Симбирска. Никоновская летопись подтверждает это: «на Волге казаки живяху и вороваху, много по Волзе и иным рекам». «Воровать» тогда не значило красть, а заниматься «вредными» московскому государству делами.

Впервые об участии **поволжских казаков во взятии г. Казани в 1552 г.,** говорит грамота Войска Донского. Тогда казаки с Волги, Дону, Яика и Терека выходили под Казань под начальством Атамана Сусара Федорова. Четыре года спустя восточные казаки, вместе с запорожцами, **покорили царство Астраханское.** С этого времени в Астрахани стали селиться и казаки городовые. В 1591-м г. 1000 волжских казаков было послано на Терек для наказания Шамхала Тарковского — дербентского князя.

Служба царю, однако, не мешала казакам нападать на царские суда, и караваны, плывшие вниз по Волге на Каспий и на московские сторожи так, что цари не редко высылали против казаков целые экспедиции. После горячих боев в 1577 — 79 гг. с московскими войсками часть казаков ушла с Волги, под предводительством донского Атамана Ермака Тимофеевича на Урал, а оттуда в Сибирь, где они **покорили** вскоре и **царство Сибирское.**

При сыне царя Ивана Грозного — Феодоре были построены на Волге крепости: Самара, Царицын, Саратов, первыми поселенцами которых были казаки и конные стрельцы, позже перечисленные в городовые казаки.

Все они несли сторожевую службу по охране Поволжья от инородцев, обеспечали караваны от разбойников. Вольное Казачество, и в это время, чувствовало себя хозяином на берегах Волги.

Особенно оно проявило себя в наступившем вскоре на Московской Руси Смутном времени. В эти годы Казачество запорожское, совместно с восточными побратимами, потрясало основами московского государства, а донской старшина «черкашенин» Иван Заруцкий стал даже правителем его. Когда военное счастье обернулось против поддерживаемого им сына, убитого претендента на престол Дмитрия, Заруцкий вместе с ребенком и его матерью Мариною, дочерью самборского воеводы Мнишка, ушел в Астрахань и долго еще там сопротивлялся новоизбранному московскому царю Михаилу Романову.

«На Волгу атаманам и казакам и всему Войску» посылалось царское жалованье

(Окончание на 4-й стр.)

Ростислав Павлович Алидзаев.
Archiv „Der Kosakenbote".

Редакция «Казачьего Вестника» сообщает, что ее сотрудник и специальный корреспондент Ростислав Павлович **Алидзаев** пал на восточном фронте смертью храбрых.

Р. П. Алидзаев родился в семье помощника пристава городской полиции Павла Савельевича Алидзаева, 27 марта 1908 г. в Железноводске, Пятигорского отдела, на Тереке. Среднее образование окончил в гор. Георгиевске на Тереке в 1925 г. В 1926 году он потерял отца, который был расстрелян Пятигорским ГПУ за участие в казачьем восстании.

После окончания средней школы поступил во Владикавказский Индустриальный Политехникум, на Землемерное отделение, которое окончил в 1929 году, получив звание «техника-землеустроителя».

По своей специальности работал в Кабардино-Балкарском земельном управлении на горных семках у подножий Эльбруса по распределению пастбищ и хозяйственному устройству горцев.

В 1931 г. перешел на работы по коммунально-городским семкам и благоустройству городов. Принимал участие в технических работах под руководством академика архитектуры А. И. Таманяна, по планировке гор. Эривани.

В 1934-35 гг. работал по специальности в Гражданской авиации по изысканиям воздушных авио-линий и аэродромов и участвовал в прокладке воздушн. линии «Тифлис-Минеральные Воды» через Казбек.

В 1937 г. перешел на педагогическую работу в Сельско-Хозяйственном Техникуме по преподаванию технических дисциплин. Одновременно был заочным слушателем Ростовского государственного университета на географическом отделении.

В 1938 г. был арестован НКВД и затем осужден по ст. 58 п. 10 на пять лет (за контрревол.). Наказание отбывал в Краснодарской тюрьме и на строительстве Рыбинской гидро-станции НКВД.

Из ссылки вернулся на родной Терек после начала войны с Германией. 18 октября был мобилизован в красную армию. Был участником Севастопольской обороны на участке «Микензиевы горы».

2 июля 1942 г. перешел на сторону Германских войск, где уже 14 июля вступил добровольцем. За особые заслуги и личную отвагу и смелость нераз получал благодарность в приказах по армии, был награжден и орденом добровольцев.

Ростислав Павлович Алидзаев со дня своего освобождения из под большевицкого ига всем сердцем и душой принимал

М. Е.

Из прошлого.

С каждым километром продвижения московских войск на запад, среди европейских народов, все больше и больше сознается опасность, которая угрожает всей Европе со стороны московско-русского империализма, стремящегося к поглощению народов западной Европы и обращению их в рабство.

Уже нераз всей Европой признавалась угроза со стороны дикого великорусского империализма, нераз в прошлой истории политические мужи Европы указывали на его истинные стремления и на необходимость всем народам бороться против московской экспансии, проводившейся раньше русскими царями, а ныне их кремлевскими преемниками.

В настоящей заметке хотим обратить внимание читателя на то, что все европейские государства, — поскольку они могли или вели самостоятельную политику, поскольку были вне зависимости от коварного Альбиона или Москвы, — всегда понимали московскую угрозу для Европы и боролись против этого.

В современном обществе сложился неправильный взгляд на «традиционную» русофильскую политику Франции. В действительности же, традиционной политикой Франции, когда она представляла из себя крепкую независимую державу, была борьба сначала с московским, а после переименования Москвы в Россию, с российским империализмом, опиравшимся на казаков и на другие покоренные Москвой народы.

Остановимся на некоторых моментах французской политики, признававшей в прошлом всю опасность со стороны московского великодержавия.

Уже в царствование Людовика XV Франция беспрестанно обращала свои взоры **на Казаков,** которых в это время, всеми способами, стремилась прибрать к рукам Россия, в целях использования их для своего продвижения на Юг и стремившаяся затем использовать их в своих целях. Переписка того времени французского министерства иностранных дел с его послом в Константинополе и в Варшаве, а также с Крымским Ханом Каплан Гиреем, заключает многочисленные указания на то, что французский король был очень озабочен судьбой **«Казацкой Нации»** и употреблял все усилия, чтобы видеть казаков на стороне Франции и Турции против России. Но действия русских рублей, подкупность и слабость турецкого правительства помешали этой комбинации, и Турция первой была за это жестоко наказана, потеряв в течение короткого времени почти все свои европейские владения, не без участия во враждебном лагере казаков, которых еще так недавно Франция предлагала ей в союзники.

Разгром союзников Франции, Турции и Польши, а потом и несчастное царствование Людвика XVI, оттеснили на задний план как страх Франции перед бурным развитием российского империализма, так и интерес к угнетаемым Россией народам. Последовавшие затем события показали, что во французском общественном мнении эти идеи были живы, о чем свидетельствует много выступлений по этим вопросам со стороны целого ряда видных деятелей французской революции.

Для переживаемого нами момента характерна речь депутата парижского Конвента, Буасси д'Англа, произнесенная им на заседании Конвента 11 плювиоза III года Республики (30 января 1795 г.) и направленная против российской опасности, угрожавшей всей Европе и всей европейской цивилизации еще перед 150 годами. Считаем нужным привести некоторые выдержки из этой речи, продолжавшейся более двух часов.

«Проснитесь вы, спящие народы Европы! Где ваши флоты, где ваши силы, ваши земледельцы, ваши финансы, ваша кровь? Вас заставили всем этим пожертвовать, чтобы предоставить России владение землей, а гордому Альбиону владение морем. Нужно ли вам напомнить, как Россия, давши 60 лет назад частичное образование своему варварскому народу, который воспринявши новейшее искусство и тактику, сохранил в то же время свою дикую силу, уже унизила китайцев, основала свои колонии на берегах Америки, поколебала Кавказ, покорила Грузию, ввела свои законы в части Персии, **покорила Казаков,** уничтожила татар, завоевала Крым, разделила Польшу и угрожает Константинополю».

«Не видите ли вы, как честолюбивая Екатерина, давая лживые обещания эмигрантам и разжигая вражду немецких князей, сумела вовлечь своих врагов в войну, которая их истощает, чтобы завладеть Польшей и таким образом открыть для себя двери Германии».

«Я знаю, что мне скажут и не без оснований, что Русская империя — это колосс на глиняных ногах, что увеличиваясь, она сама себя ослабляет и что каждое ее завоевание — это шаг вперед к ее разрушению. Я согласен со всем этим, но помните, что этот гигант, раньше чем распадется постарается опустошить, унизить и уничтожить наши государства. Датчане, шведы, немцы, турки, подумайте об этом. Время летит, московская река вздувается. Аттила снова надвигается на Европу и вы погибните, если вы во-время не об'единитесь, чтобы остановить этот опустошающий бич».

Наполеон был первым из тех, кто пробовал придать реальное содержание антирусским формам французской политики. Его деятельность в этом отношении была очень обширна и нет возможности в этой краткой заметке ее отметить. Укажем только на два его проэкта.

Первый был составлен в 1802 году, т. е. еще во время консульства и принадлежит его доверенному Годену, который предложил организовать на берегу Черного и Азовского морей, на Украине и на Казачьих Землях ряд пунктов, которые бы в согласии с местным населением мало-по-малу оттеснили Россию на север и приготовляли бы тем полное освобождение Казачьих и Украинских Земель.

Второй проэкт, также одобренный Наполеоном, был составлен непосредственно в Париже министерством иностранных дел (графом д'Отрив) и касался не более и не менее, как образования из Украины и Казачьих Земель самостоятельных и независимых государств, которые, по мысли проэкта, должны были служить мощным барьером против движения России на Кавказ, Балканы и Турцию.

Но судьба и на этот раз судила иначе. После падения Наполеона, Франция долгое время испытывала последствия революций и войн и ее политика всецело зависела от других государств, которые в большинстве случаев в этот период шли на поводу у России, начавшей тогда играть первенствующую роль в Европе.

Только при Наполеоне III, Франция после освобождения от чужих влияний, занимает свое место в ряду великих держав и принимает активное участие в европейской политике. Ее политика сейчас же обращается к ослаблению России на Черном и Азовском морях, результатом чего и является Севастопольская кампания.

В это время всякими интригами Петербург стремится создать в Европе убеждение в существовании особой российской нации из об'единения населяющих Россию народов. В атмосфере идей XIX века нельзя уже было практиковать прямое нападение на соседние народы, как это делала Россия в XVIII в. Чтобы не вызвать всеобщее возмущение в Европе, нужно было найти новые пути для московской экспансии, как найдены они и теперь Сталиным. Для этого появилась идея панславизма — славянские ручьи должны были слиться в русском море. Выдвижением этой идеи московский империализм убивал сразу же двух зайцев: закреплялись уже завоеванные «славянские» народы и возникло право двигаться в Европу на «выручку» угнетен-

самое деятельное и самое активное участие по пропаганде казачьего национального дела, которому отдавал все свое свободное время; для своего казачьего дела он находил время и при исполнении своих служебных обязанностей.

Он был первым связующим звеном между зарубежьем и освобожденным Казачеством. В «Казачьем Вестнике» его корреспонденции с Казачьих Земель читались с захватывающим интересом. Всюду и везде, где только не находился, он не забывал своего казачьего дела, о его пропаганде и популяризации. Многие и многие освобожденные станицы Терека и Кубани впервые от ст. Алидзаева услышали о свободном Казачьем Слове.

Его заветным стремлением была работа в казачьей журналистике, где он уже зарекомендовал себя, как в высшей степени талантливый и заметный работник.

В борьбе за Казачью Свободу и Волю он отдал и свою жизнь.

Мир праху Твоему, наш дорогой соратник и сотрудник!

(Продолжение с 3-ей стр.)

лишь бы только оно выступило против Зарцкого с Мариною и «воренком». Грамоты слались и к самому Заруцкому в Астрахань — от царя, Земского Собора и пограничных воевод, равно как и к казакам, обещая им прощение и награды. Направлялись они обычно через Войско Донское, «в послушании» у которого состояли волжские казаки. Характернее всего, что грамоты зачастую писались на татарском языке — дипломатическом того времени на Юго-Востоке. Очевидно, инородческий элемент был очень силен в Войске и не тяготел к Москве. В царской увещательной грамоте от 26-го марта 1614 г. укоряли казачьего Атамана, в том, что он хочет отдать царство Астраханское, фактическими владетелями которого были тогда казаки, — шаху персидскому Аббасу.

Казачье дело не увенчалось успехом, но **Волга еще целый ряд десятилетий оставалась казачьей рекой.** Царские гарнизоны, в большинстве тоже состоявшие из казаков, сидели по малочисленным крепостям, а царские караваны судов ходили по Волге раз в год и под сильным многотысячным конвоем стрельцов.

Через несколько десятков лет **на Волге разыгрывались снова великие трагедии московского государства и Казачества.** Здесь целый ряд лет подвизался легендарный Атаман **Степан Разин;** сюда уходили с Дона, после тяжелой кровавой борьбы за веру, **эмигранты 1688 г.** Здесь «гуляли» флотилии вольных казаков с Днепра и ближайших к Волге рек до тех пор, пока, после **астраханского бунта,** Петр I не ликвидировал окончательно астраханских казаков. Целый ряд новых крепостей: Черный Яр — построенный в 1627 г., Красный Яр — в 1665 г., Камышинский острог — в 1692 г. переделанный в г. Дмитриевск, укрепления: Александровское — в 1700 г. и Сергиевское — в 1703 г., служили, в большей мере опорными пунктами против самих же казаков, чем местами для ненадежных гарнизонов городового Казачества. Целый ряд десятилетий качались иссохшие казачьи тела на московских виселицах тут, по дорогам ведшим от Волги на Дон! После астраханского бунта, продолжавшегося с 1705 до 1709 г., оставшиеся в Астрахани казаки были посланы на войну с Швецией.

(Продолжение следует.)

...Нашей основной и конечной целью должно быть благо всего казачьего народа, своей Казачьей Земли прежде всего.

(И. Васильев, «К. В.» № 5 (62).

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

Казаки националисты в гор. Людвигсгафене с глубоким прискорбием извещают о преждевременной и трагической смерти своего местного Возглавителя ст. хорунжего Михаила Ефремовича **Салтавца,** казака ст. Батуринской, Кубанского Войска.

Покойный родился 10 января 1900 г. Молодым юнцом поступил он добровольцем в ряды Казачьей Армии, боровшейся против московско-большевицкого нашествия в Казачьи Земли. За свою храбрость и исключительную отвагу был награжден знаками отличия, а по окончании военного училища был произведен в офицеры.

В эмиграции большей частью проживал во Франции, где был среди первых активных основоположников Союза Вольных Казаков в Лионе. Несмотря на повседневную тяжесть физической работы, несмотря на тяжелые условия эмиграции, ст. Салтавец всегда проявлял исключительную энергию и жертвенность в казачьем национальном деле, которому посвятил все свободные минуты своей жизни. Всюду был активным и примерным националистом и, попав на работы в Германию, он в новых условиях создал местную организацию КНД и был ее возглавителем. Он всегда и всюду открыто и без боязни защищал казачье дело, которому старался быть полезным и честным тружеником.

При террористическом налете англо-американцев на гор. Людвигсгафен н/Р. с 13 на 14 сего марта ст. М. Е. Салтавец был смертельно ранен и скончался 15 марта в городской больнице.

17 марта состоялись похороны покойного, на которых, кроме казаков, присутствовали начальник рабочего лагеря, представители и рабочие фабрики, на которой работал М. Е. Салтавец. После совершения похоронного обряда, который исполнил священник-казак Александр Попов, над свежей могилой был возложен венок и с речами выступили начальник лагеря и представитель фабрики.

С болью в сердце растались мы со своим соратником и другом.

Мир праху твоему, наш дорогой Михаил Ефремович!

Иван Мельников.

—

5-го марта с. г. скончался наш дорогой друг и соратник, писарь станицы Михаил Матвеевич **Флизани,** казак ст. Славянской, Кубанского Войска.

Покойный родился 28. IX. 1895. После окончания 1-ой Кубанской учительской семинарии с большой любовью посвятил себя делу воспитания родной ему казачьей молодежи. Наступившая война оторвала его от учительского дела. В борьбе с надвигавшимся на Казачьи Земли большевизмом он принимал самое активное участие, находясь в казачьих частях. М. М. Флизани после окончания школы прапорщиков служил в 7 Кубанском пластунском батальоне, затем в чине сотника принимал участие в десанте на Кубань.

Все годы эмиграции покойный провел в тяжелой физической работе, много лет служил на сталелитейном заводе. При этом он никогда не забывал своего казачьего долга, принимая самое активное участие в жизни Казачьей Национальной имени полк. Е. Грузинова станицы в Кнейттингене. Долгие годы он был станичным писарем, с большой любовью и жертвенностью относясь к горячо любимому им казачьему национальному делу. Во всем проявлял особенную аккуратность, честное и добросовестное отношение к делу, во многом был действительным примером, как нужно беззаветно и преданно любить свой казачий народ, которому он мечтал отдать свои последние силы, особенно же в его любимом деле, деле воспитания казачьего поколения. В станице он был душой кружка самодеятельности и с особенным вниманием относился к детям своих одностаничников.

Всевышнему было угодно преждевременно взять его из нашей среды, но память о нем будет неизгладимой не только среди казаков нашей станицы, но и других соседних станиц, где он также пользовался большим уважением.

Мир праху Твоему, дорогой друг и соратник!

А. Ивашков, Атаман станицы.

—

— 8 января 1944 г. в Болдогосонфольва (Венгрия), после долгой и тяжкой болезни, умер мл. урядник Петр Лазаревич **Мошногорский,** казак ст. Роговской, Кубань.

Покойный почти всю свою жизнь в эмиграции провел в поездках с командой казаков-джигитов по Румынии, Венгрии, б. Югославии, Германии, Франции и Бельгии, рекламируя лихость, неустрашимость и особую способность владения конем казака-наездника.

П. Л. Мошногорский был твердым и убежденным казаком патриотом, всегда открыто заявлявший о своих казачьих национальных убеждениях и пропагандировавший их как в казачьей среде, так и во вне.

Мир праху Твоему, дорогой станичник!

— 25-го февраля 1944 г. в гор. Аугсбурге (Германия) трагически погиб хорунжий Тихон Антонович **Коротков,** казак ст. Милютинской, Всеведикого Войска Донского, рожд. 13. 8. 1893 г.

Генерал Науменко в Праге.

На обратном пути из Берлина в Сербию, в Праге пробыл два дня ген. штаба генерал В. Г. Науменко

Теперь ген. В. Г. Науменко является членом, вновь образуемого германскими властями **Главного Управления Казачьих Войск,** в которое, по его сообщению, назначены: ген. П. Н. Краснов, ген. В. Т. Науменко и от освобожденных казаков донской полковник Павлов и терский войсковой старшина Кулаков.

Положения о компетенции, об областях деятельности, направлении работы и местопребывании названного Управления еще неизвестны, одно ясно, что оно будет касаться только казаков с востока.

В Праге ген. Науменко не был с 1922 года и потому к его приезду местная казачья колония проявила большой интерес.

23-го с. м. в Праге состоялось собрание общеказачего об'единения в Великогермании, на котором присутствовало около 50 человек, в большинстве не членов об'единения. На собрании ген. Науменко сделал обстоятельное и интересное сообщение о теперешнем положении казачьей эмиграции — новой и старой. Б особенности привлекало внимание сообщение о сражающихся на фронтах каз. бойцах, о казаках в дивизии ген. фон Паннвиц и находящихся на службе в Русском охранном корпусе в Сербии, равно как и о предполагаемых мероприятиях германских властей в отношении урегулирования жизни новой казачьей эмиграции. Ген. Науменко подчеркнул **абсолютную необходимость для всего Казачества помогать делу борьбы с большевизмом для достижения победы Германской армии,** так как для Казачества не может быть никаких колебаний, что только Германия поможет ему сохранить и восстановить самобытную казачью жизнь. Расчеты на Англию или заигрывания и приспособливания к сторонникам демократической коалиции — для Казачества **гиблое дело.**

На собрании взял слово молодой донец есаул Романчуков, 4 раза раненый, украшенный двумя орденами за храбрость, находящийся в отпуску в Праге. Присутствовавшие услышали много интересного о службе и боевой работе освобожденных казаков и их настроениях. Есаул Р. особенно подчеркивал, что фронтовое Казачество сильно нуждается «как в хлебе и воде» в общении со старой эмиграцией, желает ее видеть в своих рядах в качестве воспитателей и учителей казачьей жизни и старого казачьего быта, т. к. гнетущее подсоветское существование не давало возможности не только знать что-либо о прошлом своих отцов и дедов, но даже и мыслить о нем.

Блестящий ответ дал есаул Романчуков некоему Копылову, которого все время нервировало, что казаки говорили только о своем Казачестве и ни разу не упомянули о России. По иронии судьбы собрание происходило как раз в помещении галлипольского Союза в Праге, стены которого были украшены портретами «белых вождей» и царствовавшего в России Дома.

Копылов пожелал слышать ответ на вопрос: — «За кого же вы, казаки, воюете на фронте?, за Казачество или вот как тут», показывая рукою на портреты вождей и членов царствовавшего Дома, «за Единую Великую Россию?»

Есаул Р. гордо ответил ему под аплодисменты присутствовавших казаков — «не только от своего собственного имени, но зная умы и настроения фронтового Казачества, смело могу сказать всем, что **Казачество уже никогда не пожелает и не будет играть роль ненавистных жандармов Москвы!»**

Ген. Н. передал через есаула Р. привет фронтовому Казачеству от его старших собратьев эмигрантов. Во время пребывания ген. Н. в Праге с ним встречались и имели совещания некоторые представители казачьей общественности.

Ф. С.

ХРОНИКА

В Праге 23 марта с. г. состоялась встреча Руководителя Казачьего Национального движения (КНД) ст. инж. В. Г. Глазкова с Его Превосходительством генералом В. Г. Науменко. Встреча имела чисто деловой характер и касалась самых актуальных казачьих вопросов.

При беседе присутствовали окружной атаман КНД в Протекторате ст. инж. В. А. Донецкий, атаман местной Казачьей Национальной станицы ст. сотник С. И. Школяр и ад'ютант Кубанского Войскового Атамана восковой старшина Заболотный.

С удовлетворением отмечается, что в большинстве вопросов мнение ген. В. Г. Науменко совпадало с взглядами ст. Руководителя.

— Заботой и стараниями Представителя КНД и Атамана Всеказачьего Союза в Сербии ст. П. С. Полякова, Правления Союза и его членов сооружен алтарь и иконостас для церкви Первой Казачьей Дивизии. Стоимость этого сооружения выражается в 500.000 динар.

— Согласно предоставления Возглавителя местной организации КНД в гор. Вене полковника **Д. А. Маслова,** Окружной Атаман КНД в Германии ст. **В. И. Бабич,** утвердил начальником канцелярии местной организации есаула Михаила Александровича **Ильина,** начальником отдела пропаганды есаула Михаила Александровича **Голубова.**

— Казачья Национальная станица в Праге имеет постоянное помещение в зале ресторана «У Медведя» в Праге II, Степанская улица № 9, где каждую субботу и воскресение от 6 часов вечера происходят дружеские встречи казаков и членов их семейств.

В субботу 1-го апреля с. г. в 6 час. вечера состоится очередная встреча казаков и их семейств.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «К. В.»

По техническим причинам в отделе «Розыски» нет возможности помещать все поступающие в «К. В.» розыски, поэтому впредь будут публиковаться лишь те, в которых разыскиваются прямые родственники.

— Бирюков Григорий разыскивает сына Льва, выехавшего из Ростова н/Дону 5. IX. 1942. Лиц, знающих о его судьбе, просят писать:

Birjukow Gr., Bremen, Schlachthofstr. 7.

— Петров Нестор, ст. Луганской, Дон, разыскивает своих братьев Михаила и Александра — офицеров Донской армии 1920 г. Писать:

Halle-Saale Reilkaserne 128. L. S.

— Мельников Николай Автономович, ст. Еланской, Дон, разыскивает сына Василия, брата Павла, родных и одностаничников. Просит писать:

Kirchmöser a./H. Französenlager, Stube 11. Brandenburg Havel.

— Петров Игнат Акимович, ст. Кармалинской, Кубань, разыскивает сына Алексея Игнатовича Петрова и племянников — Якова, Василия и Петра Алексеевичей Петровых. Писать по адресу:

Petrow Ignát. Csillag utca, 19 Ujvidék, Ungarn.

— Шебуняев Григорий Кузьмич, ст. Мигулинской, хут. Шебуняевского, Дон, разыскивает дядю Дмитрия Устиновича Миронова, эмигрировавшего в 1920 г. во Францию. Писать по адресу:

Heerte über Braunschweig, Lager „D".

— Шалаев Михаил Антонович, хут. Медвежего, Казанской ст., Дон, разыскивает братьев Василия, Семена, Иллариона Шалаевых и Василия Яковлевича и Иллариона Никандровича Гребенниковых. Писать через «Казачий Вестник».

— Тимошенко Анисим, ст. Ново-Щербиновской, Кубань, разыскивает брата Ивана. Знающих о его судьбе просит сообщить по адресу:

Timoschenko Anisim. Warschau C 1. Postfach 256. I. W. 2/8.

— Васильев Сергей Семенович, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает сына Николая. Писать по адресу:

Frankfurt a. M. Nied. Oeserstr. 16.

Краснощекова разыскивает сестру Евдокию Ильинишну Краснощекову, род. 1917 г., выехавшую из Ростова н/Дону на работы в Германию. Писать:

Heerte über Wolfenbüttel. Waldlager D.

— Рожков Петр разыскивает братьев Тимофея и Тихона Кирилловичей Рожковых. Писать через «Казачий Вестник».

— Садовов Василий Кириллович, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает сына Василия Васильевича Садовова. Писать:

Sadowow, Frankfurt a. Main. Nied. Oeserstr. 16.

Примечание: В отделе «Розыски» не могли быть помещены все поступившие розыски, а лишь их незначительная часть, остальные будут опубликованы в очередном номере «Казачьего Вестника».

К сведению читателей!

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (Для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании), посредством которых можно послать новым подписчикам подписную плату за «Казачий Вестник», добровольные пожертвования на поддержку издания «Казачьего Вестника», членам-одиночкам КНД — членские взносы.

—

Следующий номер «Казачьего Вестника», по случаю Праздника Христова Воскресения, будет издан в двойном размере.

ных славян, как теперь «угнетенных фашизмом народов Европы».

Для этого российские агенты всеми средствами и способами старались привить Европе мнение в славянстве России, которую эта самая Европа еще ясно помнила в образе подумонгольской Московии, солдаты которой с'ели в Париже в 1814 году все сальные свечи.

Все дальновидные политики Европы всемерно боролись против московской фальсификации. Среди французских ученых и политиков нужно отметить К. Деламара и Карно. Последний на заседании парламента 17 июля 1868 г. со всей яркостью вскрыл истинную цель российского панславизма.

«Идея панславизма, это упорная идея, которой охватывается Россия, имеет свои определенные методы, которые применяются с большой настойчивостью. А именно — убедить в единстве языка для того, чтобы установить единство расы, а через это единство достигнуть полной ассимиляции захваченных территорий. Такова цель и вот дорога, которая к ней ведет»...

«Посредством своих эмиссаров, посредством целого ряда этнографических конгрессов Россия проникает до самого сердца славянских провинций Австрии и ее пропаганда распространяется повсюду: в Париже так же, как и в Вене, в Берлине так же, как и в Белграде, в Бухаресте, в Константинополе. Она проявляется всюду и всюду с ней нужно бороться тем же оружием, если не придется применить иного».

«Я сказал уже, что российская пропаганда это маска, скрывающая жажду завоеваний. Посмотрите, что она делает с народами, которые очутились под ее властью. Она их уничтожает. Не говорим только о поляках, она не лучше обходится с украинцами, белоруссами, **Казаками,** когда они просят национальной свободы; а они ее требуют».

«И если России удастся когда-либо реализовать свою мечту захвата всего славянского мира, то она повиснет такой тяжестью над Европой, что вся Европа будет у нее в подчинении, да, в подчинении! Но не думайте, что этот славянский элемент в ней будет господствовать. Нет, это будет московский, а с ним триумф азиатской цивилизации над европейской».

Народы Европы должны понять, что в этом вопросе их интересы сходны и общи, что в действительности есть только две важных политических проблемы: проблема Европы и проблема Москвы».

Впоследствии франко-прусская война надолго искривила линию французской политики в восточных вопросах.

Необходимо отметить, что до середины прошлого столетия покоренные Россией народы, а в том числе и Казачий, были в Европе более известны и пользовались большими симпатиями, чем сама Россия. Только упорной и лживой пропагандой московско-петербургского правительству, со свойственными ему интригами и подтасовками фактов и событий, удалось навязать народам Европы искусственный и ложный взгляд на историю Российского государства, написанную казенными русскими историками, но эта история резко расходится с той, которая была известна Европе без московских подложных фабрикаций.

История, к сожалению, не делается быстро; еще медленнее происходит переоценка установившихся шаблонных взглядов общественности. Однако, нет сомнения, что с каждым днем народы Европы все более убеждаются в том, что империализм Петра и Екатерины, панславизм Александра и Николая, большевизм Ленина и Сталина суть явления одного и того же порядка.

— «Проснитесь вы, народы Европы! Аттила надвигается во второй раз и вы погибнете, если во-время не об'единитесь» — воскликнул 150 лет тому назад Бусси д'Англа, указывая на Россию, а сегодня его слова должен повторить каждый европеец, сердцу которого близки счастье его нации и существование его национальной культуры.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Nr. II, Gutensteinská 6

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 8-9 | 4 JAHRGANG | 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 16-го АПРЕЛЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. | Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
Schriftleitung:
Prag II., Starékgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach, 188. Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

Всем бойцам за Свободу и Волю Казачества, всем казачьим патриотам, в рассеянии сущим, всем братьям-казакам, страдающим на нашей Казачьей Земле, всем сынам нашего Казачьего Народа, томящимся и страждующим в большевицких ссылках и тюрьмах

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Наш народ еще совершает свой Крестный путь. Но недалек конец Его страданий и мучений, недалек час его воскресения и национального возрождения.

Чтобы приблизить этот долгожданный час, соберемся все под одним Казачьим Знаменем, об'единимся в одном стремлении, в одной мысли. Выйдем на одну свою Казачью Дорогу, станем все за одно, за свое родное Казачье — тогда Воскреснет и Казачество!

Руководитель Казачьего Национального Движения.

К воскресению Казачества.

Свыше четвертьстолетия наш Казачий Народ совершает величайший Крестный Путь. Казачья Голгофа наполнена ужасными страданиями и мучениями сынов и дочерей нашего народа, проходящего через горнило сверхчеловеческих испытаний. Наши Казачьи Просторы обращены в попелища. Само Казачество распято, а к его гробу привален тяжелый камень коммунизма... Но восстанет наше славное Казачество и победит свою нынешнюю смерть, ибо правда, наша Казачья Правда, с нами! Как восстал из мертвых и победил смерть распятый Спаситель, так восстанет и наш народ.

Лицемерные книжники и фарисеи осудили Христа потому, что он им мешал и был им опасен. Интернациональный большевизм и его служители осудили Казачество, так как оно мешало им умертвить свободную душу человека и им было опасно. Опасно потому, что Казачество никогда не служило разрушающим идолам и не допускало сковать свою казачью Волю.

Подобно ученикам Христа, рассеявшимся по всему свету и разносившим Слово и Правду своего Учителя, рассеялись по всему лицу земли и сыны Казачьего Народа. По тюрьмам и ссылкам, по различным концлагерям и промстроям, по Соловкам и Сибири разогнал большевизм свободолюбивых казаков. Но рассеянное физически Казачество не рассеялось духовно. Оно не умерло, но сохранило и закалило свою волю в борьбе за Казачью Правду.

Свою Свободу и Независимость наш многострадальный Казачий Народ ныне утратил, но чести своей не потерял и никогда и ни при каких условиях не поклонился красному идолу. А раз осталась и сохранилась честь и своя Казачья Правда — будут сброшены и цепи рабства. Порукой тому наши доблестные казачьи бойцы, достойные потомки славных казачьих предков, борящиеся за Свободу и Волю Казачества и несущие на своих знаменах Его грядущее воскресение.

Как после темной ночи наступает светлый день, как за суровой зимой следует радостная весна, как после лжи и злобы торжествует правда и справедливость, так и после кошмарных дней страданий наступит и для нашего Казачества день Правды, воскресение и торжество. На день-ли, или месяц-ли, или год позже, но засияет солнце Правды и над нашими Казачьими Степями, загудит благовест и снова раздастся возглас праздника весны, праздника жизни. Пронесется и над Казачьей Землей победный клич над смертью, пронесется призыв к воскресению. Услышим и мы: Христос Воскрес! Воскресло Казачество!

Ныне мы еще раз слышим этот благовест вдали от своих родных хуторов и станиц, вдали от своих родных и близких. Еще раз раздается «Христос Воскрес!», но еще скован наш Казачий Народ, он еще распят на кресте. Близится время сойти со креста распятому мученнику-народу и воскреснуть во всем своем блеске, силе и красе.

Всем нам, истинным и верным сынам Казачества, нужно приложить все свои силы, все свои способности и энергию, чтобы снять его со креста и приблизить час его воскресения.

Мы глубоко верим в воскресение Казачьего Народа. Залогом этой веры служит наша безграничная к нему любовь и наша борьба за его освобождение. Борьба идет... Идет тяжелая и упорная борьба. Она потребует новых жертв во имя спасения нашего народа от смертельной гибели. В этом смертном бою каждый должен приложить свои силы, чтобы оправдать седую славу казачью и дать жизнь будущим казачьим поколениям, чтобы оправдать тысячи и тысячи жертв лучших сынов Казачьего народа, отдавших свою жизнь за его Свободу. Все наши помыслы, все наши стремления должны быть направлены только к достижению воскресения и возрождения Казачества и нашей Казанъей Родины. Это в свою очередь требует от нас сплоченности и единения, общенаправленности и крайней жертвенности.

Свет всегда разгоняет тьму. Светлое освещает и мрак... Слово Христа осветило жизнь человечества. Его учение не сломили никакие гонения, ибо Он Сам воскрес и воскресил всепобеждающую Правду. Не сломят никакие невзгоды и гонения и Казачьей Правды и стремлений нашего народа к своей Свободе и к своему национальному возрождению.

И для Казачества будет день его славного воскресения, день полного его национального возрождения. Пронесется и над широкими казачьими просторами радостный клич:

Христос воскрес! Воскресло Казачество!

Николай Келин.

* * *

Дон мой тепловодный
Дон — отец родной,
Ощетинься рябью,
Зашуми волной.

Вдарь в немую полночь
Валом в берега,
Отгони на север
Лютого врага.

Почему доселе
Там, в тиши ночей,
Плачет над степями
Нежный суховей?

И родных могилок
Вековая жуть
Днем и ночью давит
Раненую грудь...

Опустели гумна,
Молча спят базы,
Утром над толокой
Не скрыпят возы...

Люд чужой и вражий
Все извел вконец,
На заре туманной
Не слыхать овец.

Все замолкло в Крае,
Всюду кровь и жуть...
Но пробьем мы к Дону
Снова торный путь.

Зашумят левады,
И сквозь темень туч
Снова над степями
Заиграет луч.

—

И. Коваленко.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Журчит таинственно ручей,
Шумит-звенит зеленый лес:
«Нет больше в мире палачей,
Погибла смерть — Христос Воскрес!..»
Морской прибой ту весть несет
И лобызает волнорез,
Волна волне передает,
Что гнет насилия исчез...
Над степью ласточка кружит,
Ныряя в облако небес, —
Она сказать ему спешит:
«Великий Праведник воскрес!..»
Повсюду слух о чуде том
Рождает радость и покой,
Лишь я пред Господом-Христом
Поник печально головой, —
В моей душе сомнений яд,
В лице застыла скорби тень
И безразличием об'ят
Этот весенний, ясный день.

Увы, не верю я Мечте,
Мне праздник-праздников не люб,
Былая песня Красоте
Уж не слетит со сжатых губ.
Я знаю, смерть еще сильна, —
Ей служит ревностно палач;
Еще в цепях моя Страна —
Там не смолкает горький плач,
Грустить Кубань, томится Дон,
Рыдает Терек среди скал,
А ветер их надрывный стон
Несет на Волгу и Урал.
Я знаю все и мне не мил
Весны цветущей звонкий шум, —
Он в сердце нынче разбудил
Притихший рой тяжелых дум.
И я, смахнув слезинку с глаз,
Пытаюсь выяснить вопрос:
Когда, когда-же и для нас
Воскреснет Мученник-Христос?..

Инж. Вл. А. Донецкий.

Голгофа и Воскресение.

В далекой восточной земле, окропленной кровью Богочеловека и освященной Его страданиями, два тысячелетия тому назад совершились величайшие события, в корне изменившие психологию и мировоззрение человечества. Там впервые на земле зазвучал благовест высочайшей истины Божьей — благовест учения, основанного на безграничной любви к Всевышнему и к своему ближнему, к брату человеку. Послышалась проповедь горячей любви, как основы всего мироздания. И как изсохшая земля в знойные дни засухи, жадно пьет благотворные, освежающие капли дождя, — так сердца людей, широко раскрываясь, принимали в себя золотые зерна великой Идеи. Почва старой рутины отжившей идеи «око за око и зуб за зуб», идеи мести, зависти, злобы, неравенства людей перед Богом и перед самими людьми заколебалась. Носители ее, опасаясь потерять свой авторитет, благобыт и ведущее положение в человеческом обществе, в своем заслеплении кажущейся своей силы и власти, — вступили в борьбу с безмерной силой всепобеждающей чистотой идеи Божьей Правды, принесшей на землю Христом. Ложью, золотом и властью удалось им, хранителям смертной тьмы, навлечь оковы Великому Пророку, Божественному Вестнику Небес. В злобном упоении, торжествуя мнимую победу, они добились осуждения к смерти Богочеловека. Девятнадцать веков тому назад совершилось величайшее злодеяние в мире. Людской злобой был предан смерти и распят на Голгофе, руками людей, Великий Учитель человечества Сам Сын Божий. Мученической смертью запечатлел Искупитель свою беспредельную любовь к человечеству, ибо Он как Богочеловек знал, что Его учение, затрагивая эгоистические интересы властьимущих, встретит энергичный отпор в их закоснелом мире. Страданиями и смертью укрепил Христос свою великую идею создания нового мира, основанного на всеоб'емлющей любви. В момент смерти Великого Учителя светлой истины вздрогнула и затряслась земля от ужаса злодеяния; закрыдо блистающий лик свой светоносное солнце и, стыдясь за человеческую низость, покрыло тьмою злое деяние людей. Страх и смятение вошли в души свидетелей необычайных событий; и в тот момент поколебались основы старого мира и рухнула идея Старого Закона. А на третий день совершилось неизбежное, пробудился Христос, воскрес Он из мертвых, чтобы актом Своего Воскресения засвидетельствовать, вечность и непобедимость идеи чистоты, идеи справедливости. Драгоценная весть о воскресении Спасителя радостью наполнила сердца избранных, понявших глубину Его учения. Оно вселило в них непоколебимую веру в силу и торжество Нового Учения. Оно укрепило их силы в защите их Правды. Безстрашно, стойко и самоотверженно хранили и сеяли они семена Веры Христовой по всему лицу земли. И ни жестокие гонения, ни страдания, ни самая смерть не устрашала их в их пути к торжеству Правды. В их сердцах горели огненными буквами вписанные слова «Христос Воскрес» «Воскрес для истинны Христос». Чистая идея бессмертна — она непобедима. Христос прошел свою Голгофу и этот крестный путь укрепил и привел Его учение к блестящему торжеству.

И теперь человечество проходит свою голгофу. И теперь золотом и ложью враги Веры Христовой, начало смертной тьмы, об'явило борьбу началу Света-Добра. Под градом смертоносных бомб пылают города христианских народов; обагряются кровью невинных детей, старцев и женщин мостовые разрушаемых городов и сел; обращаются в руины величайшие ценности человеческого творческого духа. Превращаются в руины и святые храмы и монастыри, в которых хранились и создавались веками неоценимые сокровища христианской духовной и материальной культуры и цивилизации. Это голгофа христианских народов. Но ближится момент торжества Правды, момент воскресения христианских народов. Из пепилищ и руины вновь воскреснут дивные творения духа и силы христианских народов. Христос воскрес — воскреснет в сотрудничестве своих народов и новая Европа, Европа сотрудничества и уважения всех национальных народов, борящихся за свое лучшее, светлое и справедливое будущее.

Наш Казачий Народ не остался в стороне от крестного пути христианской Европы. Не миновало и его своя казачья голгофа — голгофа несказанно тяжелая. В дни Воскресения Христова царит на казачьих просторах жуткая тишина. Четверть века не слышат наши станицы радостной игры торжественных звонов Пасхальных. Умолкли медные глашатели вести о поражении смерти и торжестве жизни. Уничтожены и самые храмы святые. Мрак страданий и смерти вошел в Казачью Землю. Казачество вступило на свой крестный путь. Неверояно тяжел крест, несенный казачьими плечами. Скользят его ноги по размытой казачьей кровью и слезами дороге, усеянной казачьими костями. Тяжек крест, тяжек крестный путь, но не падает народ наш под тяжестью бремени. Нет силы человеческой, которая бы сломила волю Казачьего Народа в борьбе за свое Право, за родную Землю предков, за свой Присуд казачий. Умолкли звоны медные-колокольные, но не умолкло живое слово Казачьей Правды. Казачий Вестник неутомимо и неумолчно несет казачьему сердцу светлую идею Казачьей Правды, воскресает седую славу предков, укрепляет понявших казачью голгофу.

И слышит народ наш радостный благовест торжества жизни, благовест воскресения Казачьего Народа.

Весенний праздник Воскресение Христово — праздник победы над смертью, праздник торжества жизни, праздник вечности идеи света и правды.

Идея казачьей Воли есть идея света и правды; — она безсмертна. И как ни долог будет крестный путь Казачьего Народа, путь беспредельных мук его, но завершится он Светлым Воскресением Казачества к новой, счастливой жизни; жизни на своем казачьем Присуду по древне-казачьему обыкновению

Христос Воскрес! Воскреснет Казачество!

...Казаки националисты положили начало казачьему возрождению и Казачьему Национальному Движению. И теперь этого естественного роста, этого природного развития казачьей мысли никто не сможет приостановить или уничтожить. При всех условиях и обстоятельствах казачья национальная идея всегда возродится и будет шириться с еще большей динамической силой.

(Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

Александр Пивень.

Весенняя ночь на Кубани.

(Отрывок из незаконченной повести).

Как прекрасна на Кубани весенняя ночь, как она таинственно тиха и полна дивной прелести! Вот она незаметно, точно украдкой, спустилась над уснувшей станицей и раскрывает в серебряном свете месяца одну за другою чудные картины своей волшебной сказки. Словно молодая невеста в подвенечном наряде, покрыла все красавица-ночь своею прозрачной фатою и обвила таинственным, только ей одной свойственным, колдовством и очарованием.

Медленно плывет в глубокой синеве неба полный, ясный месяц, любовно оглядывая дремлющую станицу и засматривая во все ее широкие дворы, в темные сады-левады, в таинственные садочки и скрытые уголочки. Убаюканная и залаская этим нежным, мягким светом, станица раскинулась и разметалась в сонном забытьи своими бесконечными улицами и переулками и тихо дремлет, полная чудных грез и видений. Будто малый нежный ребенок в белоснежной пуховой колыбели, заботливо укутанный любящей матерью, она вся утопает в окружающей роскоши, одетая пышными садами цветущих вишень, черешень и абрикосов, которые дивными кудрями белого и темно-розового цвета ниспадают с возвышений и пригорков в яры и речные склоны, благоухая в ночной тиши сладким миндальным ароматом.

В станице всюду тихо. Утомленные дневной весенней работой, жители ее давно спят. Только изредка слышится кое-где лай собак, да с далеких окраин доносится иногда пение неугомонной молодежи, которая часто в такую ночь не ложится спать до самого рассвета.

А какой красавец наш веселый, ясноликий месяц, — большой любимец и приятель нашей станичной молодежи! Как он добродушно ласков и приветлив, и какая у него широкая во все лицо улыбка! Когда он вечером всходит над землею своим полным круглым ликом, будто большая раскаленная сковорода, то всякий в станице старик или старуха доподлинно знают, что месяц выкован из чистейшего червонного золота. И потому именно, говорят они, сотворил его Бог из чистого золота, что только хорошее червонное золото может засветить, как следует, в ночное время. Но не то диво, говорят еще старые люди, что месяц золотой, а то Божие диво, что он не мертвый, а живой, и что дал ему Бог чистое казачье сердце и добрую душу и большие-пребольшие светлые очи, чтобы он каждую ночь светил с высокого неба на землю и смотрел за всеми людьми. И вот потому-то месяц всю ночь в полнолуние так ярко светит и обо всем, что делается на земле хорошего или нехорошего, рассказывает днем самому Богу.

Взглянет, положим, месяц в большой тенистый сад, заросший раскидистыми яблонями, высокими великанами-грушами или стройными абрикосами, — непременно нужно подсмотреть хоть одним глазком и хорошенько узнать: куда именно спрятался молодой казак Тышко со своей светлокосой коханкою Натусей, крепко ли он ее любит и горячо ли в ее сочные, теплые губки целует? Или направит он свой взор на вишневый садочек, возле беленькой чистенькой хаты, у которой все окна так причудливо расписаны синими и червоными лапками, — он и здесь внимательно следит сквозь густую вишневую листву: скоро ли выглянет из окошка смуглое личико кучерявенькой Гапуни, и как она ухитрится, украдкою от матери, поцеловать черноморзого Мусийка, который давно уже терпеливо поджидает ее под окошком, спрятавшись в кустах бузка? Увидит месяц, что и там, и здесь все в порядке, по хорошему, и добродушно, ласково улыбнется. Когда же услышит он звонкоголосую, длиннокосую Миланку, что каждый вечер поет в конце большой отцовской левады, над самою речкою, так и совсем, обрадуется своим добрым казачьим сердцем, направит туда свои чистые и ясные очи и непременно проследит, где она и что делает: идет ли росистою левадой, обмывая в мокрой траве свои белые ноги; пробирается ли под тополями, берестом и ясенем, которые каждое лето так причудливо, с низу до верхушки, обвиты хмелем; или уже стоит над чистою, как ясное зеркало, криницею, обросшей плакучими вербами и червоною лозою? И когда увидит, что Миланка уже на месте, возле криницы, и уже ластится как ясочка, и крепко обнимает своего Панька, — ему станет любо и отрадно; выглянет он из-за вербы своим светлым ликом, отразится целиком в чистой кринице и смотрит затем с двух сторон, снизу и сверху, во все глаза на влюбленную парочку, на их чистую любовь и добрые ласки; и рад-радешенек наш добрый месяц, и долго-долго на них смотрит, и все улыбается своей приятной улыбкой. А потом весело, беззвучно рассмеется, когда услышит, как эта голосистая певунья запоет:

Зійшла ясна зіронька,
Усе поле освітила;
Вийшла красна дівонька, —
Козаченька звеселила.
Не подоба зіроньці
Раньше місяця тай зходити;
Не подоба дівоньці
До козака тай виходити!..

Крепко любят в станицах все парубки и, в особенности, чернобровые дивоньки наш веселый светлоокий месяц! Любят за его ясную, небесную красоту, за его ласковость и доброту. Знают они, что он постоянно на них с высокого неба смотрит, всю их чистую любовь видит и знает и часто им где случится, помогает. Любят они и все звездочки-зироньки — эти ночные ангельские очи — и каждую ночь поют им и месяцу многоласковые песен или жалуются на свою незгодоньку...

Так ходит себе месяц дозором по небу каждую ночь. Никто от него не укроется, никто не спрячется; бывает только иногда, что сам месяц прячется от людей, когда заметит на земле какое недоброе, беззаконное дело. Увидит он как-нибудь, что из хаты вышла нехорошая, дурная жена, оставивши там малых своих деток, пробралась тайно от мужа к бессовестному соседу-куму и целует его нечистым, грешным поцелуем, — запечалится очень наш добрый месяц и сейчас же спрячется на малое-время за тучку. Стыдно ему, что так нехорошо делается среди добрых людей, и не хочет смотреть он в это время на землю. Когда же увидит месяц, что где-либо творится страшное, безбожное дело: кража, грабеж, драка и смертоубийство, — закроет он свои ясные, правдивые очи, скроется совсем за большую тучу и больше не показывается до самого рассвета.

Тихо и спокойно взошел месяц в этот вечер и весело, любовно оглядывал станицу, засматривая во все ее дворы, во все сады и левады. Уже он осмотрел все места, уже увидел всю молодежь, всех своих любимцев, и затем, обдумывая, куда бы еще взглянуть, случайно остановился своим взором на далекой леваде казака Степана Паливоды, что раскинулась над рекою, на самой окраине станицы. Никогда не видел он здесь молодежи. Он знал хорошо, что у Паливоды есть сын — молодой Василько и что он крепко любит свою Катруню. Знал он и то, что они виделись редко, так как жили далеко друг от друга, и что всякий раз Василько приходил к ней сам, в назначенное потаенное место, возле глубокого яра.

Взглянул теперь месяц в леваду Паливоды и вдруг видит: стоит под большой развесистой вербою, в глубокой тени, обнявшись, влюбленная парочка — казак и дивчина, и слышит он горячие поцелуи, вздохи, подавленный плач и опять поцелуи.

— «Кто бы это были?» — думает месяц. — «Кажись, это стоит рослый и статный Василько?.. Да, это он... Так неужели он завел себе другую коханку, какую-нибудь ближнюю соседскую дивчыну, а Катруню разлюбил и покинул? Но нет, быть этого не может!.. Не такой Василько казак, чтобы сделать это. Да и слишком хороша Катруня: другую такую, пусть весь свет обойдет, нигде не найдет!»

Так думает месяц, а сам смотрит в малую щелочку, между листьев, и никак не может разглядеть: спрятала девушка свое лицо на груди у Василька, припала к нему вся и плачет, вздрагивая плечами, а тот ее любовно гладит по головке и утешает: «будет, серденько, голубонько! Перестань моя ясная зиронько!» Но вот девушка вдруг подняла голову, крепко обвила руками шею Василька и порывисто, горячо стала целовать его.

«О!.. Да это же сама Катруня!» — Обрадовался месяц, узнавши знакомую девушку. — «Но почему же, почему она сама пришла к казаку?.. Ведь этого нигде не бывает, это — срам!.. И потом — так горько плачет... Нет, видно что-нибудь у них не совсем ладно»...

Встревожился месяц, слушая плач молодой девушки, — слишком он отзывчив на всякое горе молодежи, — и стал внимательно прислушиваться к их беседе.

П. Поляков.

СЕМЕН — ОТРОК.

(Пролог к поэме «Семен отрок»).

. . . . . .

Ходят тучи темные,
Серо небо мутное,
Утром затуманенным
Обжигает стыть...
Листья — буто вороны,
Мысли — листья желтые,
Что поземка веются, —
Не остановить.

Мне про Дон бы Батюшку
Да про степь кормилицу,
Да про племя вольное
Песню заиграть.
Да в нехитрой повести
Про Семена-Отрока
Господу пожалиться.
Детям рассказать...

В старину старинную,
Времена далекие
Без молитвы-радости
Нехристь, разве, жил...
В старину великую
Перед делом-промыслом
Всяк по Дону истово
Крест святой творил...

Помоги мне, Господи,
Послужить Казачеству,
За него, родимое,
Жизнь отдать свою.
Упокой мя, Господи,
Промежду курганами
Возле Дона Тихого
Да в родном Краю...

Положуся, веруя.
Я на волю Божию,
А на Волю-вольную
Тихо, помолюсь,
И за славу Господа
И Казачью Славушку
С нерушимой верою
В другорядь окщусь...

Слава Богу Господу,
Слава Дону Тихому
И всему Казачеству
Слава — ярче звезд...

. . . . . .

Я за Правду вечную
И за души воинов,
За нее боровшихся,
Ставлю третий крест.

Др. М. Зоць-Кравченко.

Зауваження до історії Українського Козацтва.

III.

Мимоволі кидається в очі подібність боротьби українського Козацтва проти Польщі й Москви перед трьома століттями з боротьбою, яка велася з 1917 року за національну самобутність. Тіж презумпції, таж ідеологічна невиразність і кружлявість, а наслідком того невдатний кінець. Різниця лише в тому, що в першому випадку цьому спричинилися класово-сословні (станові), а в другому — вузько-партійні інтереси провідньої верстви.

Українська провідна верства, що безпосередне брала участь у російсько-українській революції, була вихована за зразками загально-російської культури. Вона політично думала так, як мусив думати кожний справжній російський інтелігент; політика ж російської провідної верстви, щодо народів російської держави, була така: — в боротьбі з самодержавним режимом мусить бути єдиний фронт, а коли режим повалимо, тоді заживемо, як рідні брати.

Цілком ігноруючи менталіту селянства на Україні, цього спокон віку приватного власника-хлібороба, з його майже хорою прихильністю до землі; ігноруючи виключний консерватизм села та взагалі вороже відношення його до всякого новаторства, а особливо соціялістичного, активна українська інтеліґенція, на зразок російської, згуртовалась у партії майже виключно соціялістичного напрямку: соціяльних демократів, соціялістів-революціонерів, соціялістів-самостійників, соціялістів-федералістів і хліборобів-демократів.

Твереза верства українського суспільства, що не захоплювалась чадом революції, активної участи в проводі прийняти не відважалась, бо все, що було «правіше кадетів», рахувалося з перших же днів революції «буржуями» й контр-революціонерами, яких лише терпіли й то до часу. До цієї категорії входили: земельна шляхта, козацтво й заможне селянство. Таким чином провід опинився в руках пролетаріяту, що мріяв про свою диктатуру над цілим світом. Перед — по своїй кількості й по впливу на маси — вели есери й есдеки, що принесли на нашу Батьківщину з чужого, російського поля: перші — соціялізацію землі, а другі — класову боротьбу; спільно ж в політиці ледве додумалися до обласної автономії та до неучуваної до того в світи персональної автономії для улюблених жидів. Правда, по мірі того, як вони втягувалися в політичну боротьбу, мусили відступити від автономії та оголосили самостійність, але на першому плані в них був завжди соціяльний добробут і визволення «трудових мас».

Найсприятливіший час для здійснення національних домагань, що принесла за собою російська революція, було занедбано, бо провід жив зовсім другими ідеалами, які не мали нічого спільного з ідеалом національної козацької України — власною державою. На початку революції, коли національне поривання охопило власне всі верстви населення, здавалось, що провідна верства буде мати один спільний фронт, але цього не сталось. В рішальний мент, на першому Всеукраїнському Військовому З'їзді фронт заломився. Домагання делегатів, що репрезентували не менше як двомільйонову армію, української самостійности не зустріли відгуку в партійній інтеліґенції. Націоналісти були переможені й депутати повернулись до частин ні з чим. Салдатські маси згубили віру в український провід і попали в большевицьку сітку, бо демократичне правительство наказувало воювати до переможного кінця, а большевики оповістили мир «без анексій і контрібуцій».

Повторилась помилка, яку було зроблено за часів Богдана Хмельницького, коли народні маси в своїх домаганнях пішли дальше, ніж провід, та розчарование селянство охолоділо й відійшло від проводу, який залишився без бойової сили. Тепер знов — позитивна, творча маса, т. зв. «середняк», домагалась в особі своїх фронтовиків самостійности та організації власного війська для захисту своїх маєтків і майна від большевицького навалу, а партійний провід, опіраючись на міський пролетаріят і сельську голоту, поглядав на «старшого брата» — російських большевиків — і мізкував, що краще: чи йти з самостійниками, яких боявся, бо був із своїми соціялістичними мріями для них чужим, чи — з большевиками, від яких мало чим ріжнився й ідеями й тактикою.

Витворення гетьманської України, суверенної держави без власного війська, не врятувало ситуації. Партійна інтеліґенція, по принципу: «як не я, так не треба й Україні», збойкотувала владу. Наступив час панування на Україні збіглих з Петербургу й Москви росіян, які дійшли до такої нахабности, що в той час як Германський Імператор приймав у Берліні Українського Гетьмана, як Голову суверенної держави, «українські» сенатори, на засіданні з приводу мови українського законодавства, дебутували питання: — чи Україна є держава, чи «временное местное образование?»... Самостійникам гетьманський уряд об'явив війну, заарештувавши їх лідерів: Луценка в Одесі, а О. Макаренка в Київі, які й сиділи у вязниці до самого перевороту. Коли ще в початку гетьманщини були деякі надії на краще, тепер ні в кого не було сумніву, що це лише переходовий етап до «єдіной і неделімой».

Після протигетьманського повстання партійна соціялістична демократія, захопивши знов владу, знов почала загравання з большевиками, що й продовжувалось до того часу, доки вона, під прикриттям українського національного козацького повстанства, не опинилась за кордоном, звідки ще пропонувала свої послуги большевикам, але вже без успіху — «мавр зробив своє діло»...

Українське й південно-східне козацьке населення зустріло большевизм спочатку без ворожнечі, деяка частина майже прийняла його, та лише , коли новий режим торкнувся соціяльних і економичних інтересів, коли зачепив болюче релігійне питання — як і за часів Богдана Хмільницького — реагувало ладним і стихійним повстанням з повною негацією большевизма, але безо всякого позитивного політичного ідеалу.

Козацтво дивилося на большевицький навал, як дочасний сумний випадок, як діло рук Леніна, Троцького та партійців, і мало надію, що це «випадкове непорозуміння» буде скоро й легко зліквідоване та життя знов піде по старому. Лише в процесі довгої боротьби населення Козацьких Країн ступнево зрозуміло правдиве значіння бігучих подій. Козацтво побачило, що справа не в Троцьких і Леніних, а в організованому й натхненому большевизмом рускому народові, що є зотруєний грабіжництвом і ненавистю до Козацтва. Тільки тоді Козацтво зрозуміло, що большевицька навала не є випадковий епізод, що залежить від окремих осіб, а є наслідком непримиримої протилежності двох світів, двох світогляді: козацького — свободолюбивого, нахильного до порядку та до державного ладу і великоруського — політичні й соціяльні настрої якого завжди хиталися від анархії до рабства і навпаки, що чужеземні спостережники запримітили ще в початку XVII ст.

Бігом подій, яких ми є свідками, виявилося, що не вважаючи на суспільне життя московського, великоросійського й козацьких народів півдня, не вважаючи на те, що рецептація Київської культури Москвою в XVII ст. і приєднання Козацьких Земель спричинилися утворенню нової великодержавности, якій дали й своє імення Руси, московський-великоруський нарід і народи козацькі є елементи, щоз не можуть бути сполучені в жадному випадку.

І останній період національної боротьби є тому найкращим доказом. Свободолюбивий і нахильний до державного порядку український Козацький нарід, не дивлячись на всі зовнішні перешкоди і на перепони, які йому ставив власний український партійний уряд, все ж показав себе вартим носієм незмеркших запоріжських, старо-козацьких традицій.

Не лише в зовнішніх ознаках, як: оселедець, довгі вуси, жупан, шаблюка й шлик, виявило українське Козацтво ці традиції, що часто вороги його закидали ще в 1917—1918 р. р., а в виразному бажанні самому панувати на своїй Батьківщині, за що воно, як і в старі часи, залило своєю кров'ю рідну землю.

Українізація військових частин на руїнах російського фронту і виникання Вільного Козацтва у 1917 р. домагання делегатів від українських фронтовиків самостійности та організації власної армії на Військовому З'їзді в початку літа 1917 р.; Запоріжський корпус Балбачана, Північна армія Оскілка, південні загони Луценка, безліч повстанських куренів, загонів і гуртків, що сіткою розкинулись по всій Україні, — це все була національна армія під козацькими гаслами, яка повстала не силою наказа або мобілізації, а з власної ініціативи отаманів і свободного, козацького почуття сельських мас.

Ця армія билась і лила кров не за соціялізацію землі, вона не мала гасла: «пролетарії всього світу єднайтесь», бо тоді чогож би було б битись з большевиками, що теж мали ці гасла?.. Армія ця була національна козацька і билася за національні, хоч може й не виразні позитивно, ідеали. Цілком розуміло, що така армія не користувалась сімпатіями центрів с. р. і с. д., яким печешкоджувала створити «один всеукраїнський радянський уряд» (постанова Ц. К. с. р. і с. д. у Проскурові, весною 1919 р.). З погляду їх, це була «отаманія», яку вони понижували й висміювали, бо її боялись, але факти кажуть самі за себе та не будь цієї отаманії, ні від провідної партійної верстви, ні від Директорії, ні від її уряду не залишилося б і сліду.

Отже, й історія й досвід сучасних подій вказують єдиний шлях, яким Козацький український нарід мусить йти до свого національного ідеалу. Цей шлях є звороти до старих козацьких традицій, які невмерло живуть в продукційних селянських масах та які мають в собі позитивно-творчі елементи. Це шлях один, бо Україна може бути лише козацькою, або її зовсім не буде.

Казачья старина.

П. Юдин дает живую страничку в «Русском Архиве». Речь идет о герое войны 1812 — 14 г. — донском казаке, высокую оценку которого, сделанную немцем, в 1812 году совершенно разделял и Наполеон.

Когда во время тильзитского свидания император Александр представлял Наполеону своих генералов, великий полководец обратился к донскому атаману Платову:

— Mon cher general, — сказал он ему: — я очарован вашими казаками и желал бы иметь таких вояк в своей армии. Скажите, пожалуйста, как сделать, чтобы сформировать мне хотя бы тысяч двадцать казаков?..

— Ваше величество, — не сморгнув глазом, ответил храбрый атаман: — пришлите на Дон двадцать тысяч молоденьких француженок и через двадцать лет вы получите двадцать тысяч казаков.

Талантливый атаман, не умевший давать тонких царедворческих ответов, грубовато выразил глубокую мысль: **создать казака нельзя искусственными мерами, — им можно родиться и стать, проникнувшись духом и идеалами Казачества.**

Со слов покойного Бартенева П. Юдин передает, что накануне вступления французских войск в Москву Наполеон присылал атаману Платову курьера с предложением не помогать русским, а присоединиться к его армии, обещая за то казакам почести и славу.

«Исторический вестник» 1915 г.

Полковник Д-р С .Федоров.

Астраханское Войско.

(Окончание).

Анексия Петром I-м огромной казачьей территории, прилегавшей к Волге, и ряд укреплений отделили донских казаков от волжских и те из них, кто не были уничтожены во время кровавой борьбы, ушли, вместе с донскими **эмигрантами** времен Атамана **Кондратия Булавина на Кубань** в эмиграцию, где влились в **основанное в 1692 г. Войско Кубанское,** а частью осели на Дону.

Бурное волжско-астраханское Казачество, перестало с этого времени играть самостоятельную роль на исторической сцене.

На его место, однако, появляется новое Волжское Войско, также вскоре прекратившее существование, а на землях последнего водворяется **Астраханское казачье Войско.**

В 1720 г. была закончена, протяжением в 60 верст, укрепленная Царицынская линия, ведшая от Волги на Дон к Иловле, с крепостями Мечетной, Грачевской, Сокорской и Донской. Сначала она занималась регулярными царскими войсками, а потом были вызваны охотники из донских и днепровских казаков. С 1732 г. начинается вновь заселение казаками Поволжья, в окрестностях Дубовки по р. Балаклее, между Камышином и Царицыным. Во главе Войска становится первый Атаман донской старшина Макар Персидсков. Во владение Войска поступают земли от Иловли до г. Дмитриевска; вводится управление по донскому образцу. Войско получает право посылать зимовые станицы (посольства) в Москву, но по делам, которые не может разрешать Войсковой Круг, оно обязано было обращаться к царицынскому коменданту, а в более важных случаях в Военную Коллегию в Петербурге. Главным Войсковым городком стала Дубовка, на правом берегу Волги, повыше Царицына; в 1742 г. казаками были заняты вновь устроенная Енотаевская крепость и целый ряд форпостов от Царицына до Астрахани.

Волжское Войско однако просуществовало недолго: Часть его в 1770 г. была переведена на Терек и образовала там Моздокский полк.

На Волге снова разразилось казачье восстание, во главе с донским старшиной, а позже Войсковым Атаманом Терского семейного Войска Емельяном Пугачевым. В нем поволжские казаки приняли горячее участие, а по подавлении мятежа остальные казаки были переведены на охрану линии от Моздока до Азова и образовали там Волжский полк Терского Войска, в районе Пятигорска.

Оставшиеся снова пустыми исконние казачьи земли, были заселены государственными крестьянами, главный войсковой городок Дубовка был обращен в посад. Оставшееся на Волге казачье население было включено во вновь образованное **Войско Астраханское.**

Зародышем его была трехсотенная астраханская казачья команда, состоявшая из потомков первоначальных астраханских казаков, участников покорения царства Астраханского. К ней впоследствии были причислены казачьи дети; крещеные калмыки и татары и в 1750 г. она была переформирована в Астраханский казачий полк, поселенный за Казачьим Ериком, в Казачьебугровской станице, в 2-х верстах от города. Войско постепенно росло и станицы его распространялись вверх по Волге к Черному Яру и Енотаевску — Лебяжинская, Замьяновская, Сероглазовская, Ветлянская, Грачевская, Косикинская, Копановская, Городофорпостинская, Дудриовская.

Станицы управлялись вначале гражданским начальством, а в 1777 г. были переданы командиру Астраханского полка; к последенему в 1784 г. были присоединены казаки енотаевские, а в 1786 г. красно и черноярские.

В 1801 г. владения Войска были распространены до г. Саратова и вскоре было образовано еще 2 полка. Служба была нелегкая — казакам приходилось жить постоянно в землянках, в болотистых, безводных, нездоровых местах; казакам было очень тяжело.

В 1801 г. к Войску были причислены казачьи команды: Царицынская Саратовская, Камышинская, а в 1804 г. казаки, жившие в Александровке, Пичужинской и Дубовке. Все они занимали 4 линии: Каспийскую, Эльтонскую, Ахтубинскую и Узеньскую. Полков в армию астраханцы не выставляли, только с 1823 г. один полк служил на Кавказе 8 лет; входили они в состав Кавказской инспекции, а в гражданском отношении подчинялись властям Астраханской губернии. В 1811 г. к Войску были присоединены еще два полка из калмыков, кочевавших на правом берегу Волги, на Кавказе и Дону. Только в 1817 г. было введено Положение о Войске и учреждена самостоятельная Войсковая канцелярия с войсковым Атаманом во главе.

После того как киргизы внутренней орды привыкли к спокойному образу жизни, а хан их Джангер основал в Рынь-песках Ханскую ставку в 1826 г., астраханские казаки были значительно освобождены от службы, но и правительство перестало уже заботиться о них. Только в 1831-м г. были еще зачислены в Войско некоторые новопришельцы, а с 1845 г. вообще было запрещено принимать в него сторонних людей, кроме калмыков. До 1832 г. Войско управлялось астраханским комендантом, а с этого года губернатором и только в 1845 г., по новому Положению, на донской образец, был введен Наказный Атаман. **Правительство** российское **все еще не доверяло самим казакам.** Ограждало оно от казачьего влияния и русское обывательство — Войску строго было запрещено принимать в свою среду помещичьих и казенных крестьян, хотя среди них было не мало казачьих потомков, преимущественно днепрового Казачества.

Высшее местное управление оставалось в руках главноначальствовавших на Кавказе и в Грузии, которые до 1819 г. подчиняли Войско Начальнику 19-й пехотной дивизии. До 1861 г. главное местное управление Войском принадлежало Астраханскому военному губернатору, а с этого года — Военному Министерству, но с образованием военных округов в 1864 г. Войско поступило в распоряжение Командующего Казанским Округом.

В 1869 г. последовало общее преобразование управления Войском, по части административной, военной и судебной. Существовавшие три полковых управления были упразднены, Войсковое правление сокращено, а Войско разделено на два отдела. Ревизия сумм и капиталов возложена на Астраханскую контрольную палату, а судебная часть подчинена общероссийским судебным учреждениям. Некоторые преобразования последовали еще в 1871 г., в 1880 г. были об'единены в одном лице власти Наказного Атамана и Астраханского губернатора, в 1896 г. усилены штаты управления отделов.

Ввиду крайней разнообразности казачьего населения по среднему и нижнему течениям р. Волги, полковая организация частей выставленных в военное время, была признана неудобной в мобилизационном отношении, а потому было решено изменить ее на сотенную. Мера эта, проведенная в 1895 г., дала уменьшение расходов на содержание штабов полков. Малочисленное сравнительно Войско несло общую казачью службу, в военное время выставляло полки в армию и отличалось высокой культурностью — в 90-х гг. прошлого столетия 66% его мужского населения было грамотным.

При сравнительном малоземельи астраханское казачество, главным образом, занималось рыбной ловлей и работой на промыслах, славясь качествами мореходов, столь ценимыми еще в старые времена кавказскими владетелями.

Годовщина „Газавата".

По случаю годовщины издания еженедельной газеты «Газават», органа Северо-Кавказского Национально-Освободительного Движения, редакция газеты выпустила специальный номер газеты, где поместила приветствия представителей иных национальных организаций, отметивших годовщину работы Горцев Северного Кавказа. Приветствия поступили: от председателя Северо-Кавказского Национального Комитета Ахмед-Набі-Магома, редакции грузинской газеты «Сакартвело», армянской газеты «Айастан», азербайджанской газеты «Азербайджан», туркестанской «Яны Туркестан», идель-уральской «Идель-Урал», Калмыцкого нац. комитета, Казачьего Национального Движения, Крымско-татарского лейтштелле при Восточном министерстве и целого ряда других организаций и общественно-политических деятелей возрождающихся народов.

Ниже приводим текст письма КНД, помещенного в юбилейном номере «Газавата» № 53.

«Господину Маниусу Мансуру,
главному редактору газеты «Газават».

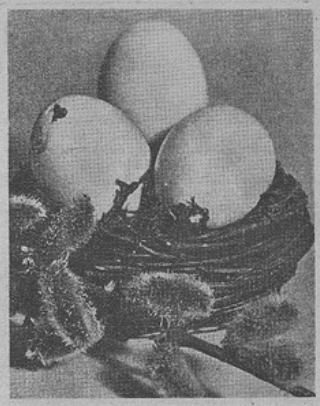
Внимательно следя за прессой всех народов Востока Европы, я должен отметить высокий уровень газеты «Газават», ее умелое и талантливое Вами ведение. «Газават» действительно является образцовой газетой, дающей богатый и содержательный материал, касающийся не только национального возрождения горской независимости, но и широкого освещения всех волнующих вопросов переживаемого нами исторического времени. За истекший год своей работы редакция «Газават» может вполне быть спокойна: ею внесен большой вклад в дело национального возрождения Горцев Северного Кавказа. От всей души я и все национальное Казачество желаем полного успеха в дальнейшей работе своим соседям-кунакам.

Инж. **В. Глазков,**
Руководитель Казачьего
Национального Движения

Несмотря на то, что российское правительство старательно заглушало в нем исторические воспоминания о вольной жизни, расселяло его с Волги по разным внутренним линиям, применяя даже вооруженную силу, как это было при Николае I-м, во-время выселения приволжского Казачества на оренбургскую линию, астраханские казаки сохранили в себе воспоминания о славном прошлом своих предков и вольной казачьей, независимой от Москвы жизни.

В различных войнах и походах астраханцы сталкивались с казаками иных Войск и жили одними и теми же старыми казачьими традициями и бытом. Давши в Великую мировую войну колоссальное напряжение, астраханцы в революцию 1917 г. пошли рука об руку, стремя к стремени, с остальным Казачеством. Восстановили у себя по древнему казачьему обыкновению Войсковое устройство и еще теснее слились с своими вековыми соседями калмыками, с которыми давно уже несли военную службу в российских пределах.

Приволжские калмыки были целиком приняты теперь в Войско Астраханское, а их наследственный глава князь Тундутов стал выборным Войсковым Атаманом. Войско Астраханское вошло равным членом в возникшее в 1917 г. государственное образование — **Юго-восточный Союз** и повело совместную борьбу против московского империализма, а впоследствии и советской власти. На следующий же день после большевицкого переворота, в Октябре 1917 г., Войсковое Правительство, сообща с иными Казачьими государственными образованиями, провозгласило независимость Войска от московской власти и вступило в вооруженную борьбу с большевицкими ордами. Три года боролось астраханское Казачество за свою самобытную жизнь. В новую Великую Освободительную войну оно взялось снова за оружие, стремясь уничтожить большевицкого врага и возродить свою казачью жизнь.

Archiv „Der Kosakenbote".

Редакция «Казачьего Вестника» поздравляет всех казаков и своих читателей с праздником Светлого Христова Воскресения и желает полного здравия и благополучия.

Борис Кундрюцков.

ПОРЫВ.

Туда... Туда, где развернулись степи...
Где ковыли прижал лазурный небосвод...
Сорвем с себя неволи душной цепи
И груз швырнем печалей и забот...

Душа дрожит, горит от нетерпенья...
Вскочив в седло — свободою я пьян...
От ветра свист в ушах, в груди — стон наслажденья...
На дальний конь взбирается курган...

Какая ширь... Где край, и где начало!..
Обнять казачью степь расширил руки я...
Любить безумно сердце не устало, —
Любить Тебя, Казакия моя...

Любить за то, что эта вот природа
Вдохнула д..... мне и силы мне дала,
И сыном сделала казачьего народа,
И кровь горячую мне в жилы налила...

С душой мятежною, порывами влекомый,
Перестрадал я все и мысль пускай молчит...
Смеясь, кричу и гик, коню знакомый,
Отвагою и вызовом звенит...

—

С. Савицький.

НА СТЕПУ НЕ ДЗВОНЯТЬ КОСИ.

На степу не дзвонять коси,
Не співають козаки.
Бу'янами сум голосить, —
Загніздились павуки.
Де-ж подилося Козацтво? —
Зник і слід степовиків:
Славне лицарство — бурлацтво;
Решта — гірше кріпаків...
. . . . . .
За широкими морями
Піднялися козаки.
Крила вирослі, орлами
Пруть з вирію бурлаки.
Гей, москаль, ставай до бою!
Ще козачий дух не вмер, —
Той побореться з тобою,
Ч'е імя в степах ти стер.

... Судьба Казачества решается и должна решаться не вмешательством в русские дела, а обособлением своего дела от дел русских. Для казаков есть единственный выход и только одно решение своего вопроса.

(В. Авилов. «К. В.» № 3 (60).

Полков. Сергей Макеев.

Во Власти Хама.

(Повесть.)

Пролог.

То не тучи саранчи осели на зеленеющие нивы, то не орды диких кочевников ворвались в цветущие города, станицы и аулы, то не гунны и не варвары сжигали Божьи храмы, насиловали женщин, бросали в ямы замученных детей, — то народ «богоносец», воспетый великими писателями и воспитанный на их поучениях, покорял под ноги своя «врага и супостата».

Распоясался русский мужик, вывернул наизнанку свою душу, размахнулся животными чувствами, залил кровью свой разум и голодный и жадный, как зверь лесной, устремился на окраины к другим народам, чтобы там творить злое дело, чтобы там покупаться в грабежах и насилиях, чтобы там показать себя во всей своей наготе.

Заклокотал вулкан, полилась огненная лава, задымили пожары степные; закипела земля, орошенная кровью соседних народов; засмердели поля, усеянные невинными головами...

Вторгнулся северный враг и в Казачьи Земли... Установил свою власть — власть Сатаны, власть Хама, и на человеческих костях праздновал свою победу... И пока терзалась в муках одна область и красное пол'ыма «победителей» выбрасывало зловещие языки, другие области беспечно копошились в житейской суете, не слыша грозных раскатов, не внимая стонам, доносившимся с севера, не веря слухам о тех ужасах, которые творились под властью Хама везде и всюду.

Как в степях, так и в горах Кавказа, прозорливцами оказались, убеленные сединами и умудренные житейским опытом, старики. Они гнозно предупреждали о неминуемой опасности, но голос их тонул в шумной толпе, подкупленной красивыми лозунгами московских палачей.

— Сметет нас с лица земли «сиволапый мужик», — говорили старики, — не гляди, что он лапотник, за оружье надо браться, Вольность свою отстаивать! ! ! !

— Довольно уж воевать, итак осточертело, — отвечали более молодые, перенесшие на своих плечах всю тяжесть Великой войны, — три года вместе в окопах сидели, последним сухарем делились, так чего же теперь делить? Брататься надо!

— Ну вот, как придут, так они вам побратаются!

— Глядите, чтобы за ваши сухари черкески с вас не поснимали! — убежденно заявляли старики.

— Небось не обидят, свободный народ... он и нам волю несет!

— Казачья воля на клинке казачьей шашки, а без шашки будет неволя! Держитесь крепче за оружье, сыны, помяните наше слово!

— С Москвой, братцы, не шути, спокон веков загрызть нас хочет. Не мало наши деды перенесли горя!

— Кто нас за Кубань загнал?

— А кто строил виселицы и по Дону пускал?

— Когда это было? Прошло уж то время! Теперь народ не тот!...

— Народ еще хуже стал!

Шумели станичные майданы... Упало яблоко раздора между стариками и фронтовиками. Одни призывали к борьбе за свое существование, другие кричали о мире с «братским» народом.

Так продолжалось до тех пор, пока рокочущий вал не захлестывал в кровавую пучину казачью станицу и над станичным правлением не появлялась красная тряпка с серпом и молотом, возвещавшая Белокаменной о новой и славной победе над врагом, о новом истреблении ненавистного казачьего племени.

Докатился свирепый ветер и до Кубани... Разбросал казачий люд, раздул пожарище, разметал огненные искры по всей стране и кровавой золой засыпал цветущий край...

Запылали станицы, застонали аулы, почернело небо от слета пернатых хищников, все новые и новые выростали могильные курганы...

Глава I.

Разразился громовой удар над спрятавшейся в далеком ущелье Кавказских отрогов, станицей Б-ской под самое Благовещение в тихий мартовский вечер, когда благостный звон сливался в ясном голубом небе с пением жаворонков и молитвенно настроенные казаки и казачки шли в церковь соединиться мыслями со Всевышним.

Прискакал, вдруг гонец из соседнего аула, свалился с коня и заплетающимся от усталости и быстрой езды языком, доложил атаману:

— Гаспадын атаман, балшавик пришла на наш аул, стариков всэх резил, гдэ твоя казак? ?

Побледнел атаман. Своим светлым, здоровым разумом сразу же представил всю ту опасность, которая повисла над ним, над его родной хатой, над станицей, где он родился и вырос, и над той Вольностью, о которой мечтал столько лет казачий народ. Наступает час гибели... Как ни старался атаман, сделавшись временно комиссаром, отписываться на всевозможные распоряжения центральных властей, и, спокойно отсиживаясь в глуши Кавказа, вразумлял вернувшихся фронтовиков встать на защиту Края, вновь сделаться истыми казаками и не верить тем обещаниям, которые сулили московские палачи, ничто не помогало... Черная туча надвинулась.

— Когда? — спросил он черкеса.

— Вчэра ночью... тэперь на твой станица придут...

— Погибло Казачество! — глухо простонал атаман, — не я ли говорил на сходе, что не нужно бросать оружие, война не кончилась! ? Там на полях Галиции мы дрались за Россию, а здесь нам надо защищать родные хаты! Тесной лавой надо встать на защиту своего Края и дать отпор красной нечисти. Да где там! ! Обалдел народ, наслушался ласковых слов мужицких, поверил! ! !.

— Иван Василич! — обратился к атаману его помощник, чернявый с густой бородой урядник, — чтой то треба делать, аль погибать будем? !

— Да что делать? С кем? Ты слыхал вчера на сходе, что фронтовики говорили? — нервно ответил атаман. — Вся надёжа на тех, что из Персии вернулись... Пошли кого-нибудь на колокольню, пусть в колокол ударят, соберется народ, потолкуем.

— Всенощная идет, удобно ли? ..

— Шепни батюшке дело, мол, безотлагательное.

В то время, как в храме Божием совершалось богослужение и диакон оглашал с амвона ектению «о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, пленённых, и о спасении их, Господу помолимся», и когда верующие усердно молились о

Ганс Кроекер.

КАЗАКИ.

III.

В южно-русских степных областях формируются одновременно два важных «военных лагеря» — на быстринах Днепра и на Дону. Эти «лагеря» были образованы казаками. Уже в XIV стол. сообщают современные исторические писатели о запорожских казаках, главный опорный пункт которых находился на днепровском острове Хортице. Центром донских казаков был гор. Черкасск, тоже на одном из донских островов, расположенном недалеко от нынешнего Новочеркасска. С этого времени казаки постоянно упоминаются в историях. Однако, доступные для общественности сведения о них, так редактируются, с одной стороны русскими, с другой поляками, что действительность представляется в соответствии с этими их влияниями и как раз теперь необходима исследовательская работа, которая бы действительно от всего отшелушила, об'ективно, этнологически и политически, историю Казакии и Казачества. Каким образом действовали самодержцы бывшей России видно из следующего случая:

В 1821-27 гг. работал ученый В. Д. Сухоруков, сам донец, над «Историей Земли Войска Донского». Его произведение отражало судьбу Донской Земли между 1549 — 1709 гг. и было следствием долголетних работ в русских, турецких, персидских, крымских и иных архивах. На основании целой массы правительственных документов, нот и докладов, которыми обменивалась Москва с ее соседними землями, Сухоруков в течении своей работы приобрел убеждение, что казачий народ совершенно отличается от русского народа и что имел полнейшую независимую государственность. Его труд был признан петербургской цензурой, как «насквозь вредным российским государственным интересам». В феврале 1827 г. Сухоруков был принужден отправить цензуре все рукописи и приложения, а он сам был сослан. В продолжении дальнейших семи лет рукопись Сухорукова была основательно переработана правительственными учреждениями и одна опись ее была переслана царю Николаю I-му. Но ему и правительственная переработка истории Казачества показалась совершенно недостаточной и он поверил польского «исторического писателя» В. Б. Броневского еще раз переделать, уже искаженные работы Сухорукова. В 1834 г. появилась «История Донского Войска» Броневского, в которой этот поляк, в отместку за поражения, которые имел его народ в прошлом от казаков, доказывал, что сами казаки происходят собственно от тела и крови русских и украинских крестьян и беглецов-преступников и что они самое большое являются «сословием» в среде русского народа. Этот «труд» Броневского нашел широчайшее распространение, не только в России, но и заграницей и на нем покоятся главным образом все представления о Казачестве. Интересным, однако, является одно обстоятельство: во всех русских школах учили, что казаки в своей основе происходят от беглых преступников. Но в тоже время наследник российского престола был «почетным атаманом» всех Казачьих Войск и, таким образом, если верить российской «исторической науке», нужно всем без различия признать, что он являлся наивысшим вождем «воров и разбойнико».

Мы приводим этот типичный пример царского и польского исторического писания, для того, чтобы хоть в некоторой степени ограничить и теперь закорененное представление о происхождении казаков и пояснить казачью народность.

Мы упоминали выше, например, о казаках запорожских и донских. Запорожцы сидели на Днепре и были смертельными врагами поляков, которые стремились закрепостить их и подчинить шляхте. Но совершенно неправильным является представление, что ядро Казачества составляли крестьяне. Уже во времена княжества Тмутараканского переселялось одно северокавказское казачье племя, называвшееся «черкасами», на Дон и от него произошло название главного города «Черкасск» — а потом их переселение дальше в область нынешнего Чернигова.

Они на Украине были чужинцами и здешний народ называл их «черными шапками» (клобуками — прим. ред.), потому что они носили типичные черные папахи из овчинного курпея.

Они осели хуторами, были хорошими колонистами и имели собственное самоуправление. Только тогда, когда, с одной стороны поляки, с другой турки, крымские татары и Москва, привлекаемые благосостоянием запорожцев, покушались присвоить все и подневолить себе казаков, развилась «запорожская Сечь», общеизвестный «военный лагерь» на Днепре.

Одновременно и на Донской Земле находилось упорядоченное **Казачье Государство,** состоявшее в узких взаимоотношениях с Запорожьем. Казаки называли себя «лыцарями» т. е. «рыцарями» и главным их лозунгом был бой за христианство и свою культуру.

Политическая организация Донской Земли достигла в XVII ст. своего наивысшего развития. Власть находилась в руках выборного Войскового Атамана (на Днепре — Гетмана). После распадения монгольской империи, отчасти и на землях «Казакии», образовался целый ряд государств — наследников ханства: Ногайское, Крымское, Астраханское, с которыми казаки принуждены были постоянно бороться. В XVI стол. появилась на сцене и Москва, как сильный политический фактор, так что казаки и их Земли, должны были биться на все стороны за свои независимость и существование. Этот многовековой бой был так же одной из причин того, что Казачество создало свою героическую самобытность — особенность, в народностном отношении совершенно отличавшуюся от соседних славян и **преобразовалось в воинственный народ,** со своими совершенно своеобразными обычаями и обыкновениями.

Для Москвы, которая во всех отношениях была наследником распавшейся азиатской монгольской империи, Казачьи Земли, понятно, должны были быть колючкой в глазу. Она приобретала политический вес и старалась иметь соответственное влияние на казачьи государства, не посягая однако на их самостоятельность. Донские казаки, например, были в обязательствах к Москве, в то время как Запорожцы, под своим Гетманом Хмельницким заключили с нею формальный союз, для того чтобы спастись от поляков. Союз, который вскоре был использован Москвою для того, чтобы казачьи области на левом берегу Днепра все более и более ограничивать в правах. Вследствие этого отсюда, равно как и с Дона, переселялись большие группы на нижнюю Волгу, Яик (Урал), Терек и равным образом также обратно на Кубань.

Стремления казаков прежде всего преследовали цель обеспечить свое право на национальное существование контролем водных путей сообщения по Волге и Дону, против чего, разумеется, оборонялась Москва. Наконец, Ивану IV-му удалось в XVI ст.*).

*) **Прим. редакции:** Донское Войско впервые принесло присягу на подданство не Ивану IV, но царю Феодору Романову в 1671 г., только через 15 лет после договора и присяги Хмельницкого. В отповеди Войска Донского царю Михаилу Романову в 1632 г., с отказом принести присягу, как раз и указывалось, что в 1552 г. казаки выходили с Атаманом Сусаром Федоровым, в помощь царю Ивану IV, под Казань — **«не по присяге** и в иных многих походах помогали ему и иным царям **не по присяжному обязательству»** — «не за крестным целованием», но добровольно.

*) Перевод из журнала «Иностранная политика» — «Auswärtige Politik», Oktober 1943.

Полковник М. Недбаевский.

Культурная жизнь Екатеринодара.

(в 1880-тых годах).

Культурная жизнь в городе Екатеринодаре была такова: Летний театр вместо сгоревшего, скоро построили новый и в нем обычно подвизалась драматическая труппа, украинская или русская. В то время уже существовало запрещение украинского языка, почему ставилась украинская пьеса, а после нее, для обхода закона, русская вещица в одном действии, которую никто не слушал, так как находились под впечатлением украинской пьесы.

Зимой, существовавший любительский драматический кружок, который и разыгрывал русские вещицы. Устраивали и музыкальные вечера, выступала в качестве исполнительницы княгиня Дондукова-Корсакова.

Любительскими спектаклями года два до 1886 года руководил казак, пользующийся правами по образованию и бывший в С. Петербургской театральной школе М. В. Зеленский, сын нашего воспитателя.

С проведением железной дороги стали приезжать гастролеры и труппы чаще. В 1888 году приезжал хор Агренева-Славянского. Так как наши реалисты были большие любители музыки и пения, то просто бредили приезжим хором, или певцами гастролерами, как оперный баритон Чернов и др.

Клубная жизнь была не очень развита, а в кофейны на Красной улице считали заходить предосудительным. Заседали там одни греки. Проводили время больше посещая друг друга, в политических беседах, играли в карты, молодежь пела, играла, танцевала. Продуктов было в изобилии и принять гостей было необременительно.

Успех имели скороходы, канатные плясуны и пр. Цирк приезжал не только летом, но и зимой. В 1883 году и немного позже разбивал свой шатер на углу Штабной и Красной, наискось от теперешнего Областного Правления, против кабака Бадурова. Уже более 40 лет там стоит 2-х этажный дом И. К. Назарова. В 1883 году был, так называемый кружок, члены коего были инженеры, офицеры, учителя, чиновники. Они устраивали спектакли, концерты, а для детей елки. Духовенство и купечество жили замкнуто. Из духовенства помню священника о. Сазонта Мищенко, который очень удачно играл в карты и обыгрывал инженеров путейцев, проводивших от станции Тихорецкой на город Новороссийск через Екатеринодар железную дорогу. Бывали случаи когда в один вечер он выигрывал до 6.000 рублей, что считалось весьма крупным выигрышем.

Казачеством интересовались чиновники Областного Правления: Садило, Волошин, Лях, Живило и др., но все с'ежзали на социализм. Помню еще высокую статную фигуру мирового судьи Мовы, два его сына учились со мной.

В Екатеринодаре то появлялась, то умирала, не знаю вольно или невольно, газета «Кубань»; печаталась она в начале 80-ых годов в частной типографии Моисеенка. Оффициальная же газета была «Кубанские Областные Ведомости». Большинство выписывали «Свет», «Ниву» и пр. А мой учитель Бровченко, будучи в станице Каневской, выписывал газету «Минута», которую я помню и до сей поры.

В газете «Кубань», выходившей в Екатеринодаре, сотрудничали из моих знакомых: Н. М. Калери, Белоусов станицы Роговской, а так же и мой отец. Темой служила большей частью станичная жизнь и в частности деятельность нашего пристава А. Федоренка, казака станицы Таманской.

А. Федоренко был большой любитель свиных производств: мяса, окороков, колбас, сала и прочее, конечно, и самих свиней. Я сам неоднократно видывал Федоренка, возвращающегося из об'езда своего участка, а за ним тоже на тройке под присмотром проводника свинью или поросенка. Благодаря ему в нашей станице Каневской, а также и в станице Стародеревянковской весьма улучшилась порода свиней.

Служба чиновника в те времена оплачивалась весьма скудно, почему чиновничество принуждено было прибегать к каким то способам для своего существования, а самый легчайший способ это взятки; в старину это называлось «кормление», т. е. население кормило воеводу и чиновничество, это длилось веками и вошло в плоть и кровь народа, как дающего, так и берущего взятки.

Федоренко тоже был чиновником из Гоголевского «Ревизора» и в начале 80-ых годов вошел в столкновение с законом, так зашел далеко и потому, чтобы избежать последствий стал притворяться душевно-больным. Был на испытании и отдан на попечение своей жены и умер в Тамани, приблизительно около 1895 года.

(Продолжение следует.)

Священник Н. Судоплатов.

Светлое Воскресение.

В день Праздника праздников — Светлого Воскресения — исстрадавшиеся казачьи души наполняются внутренней теплотой, успокоением и еще большей верой в торжество нашей казачьей Правды, в воскресение славного Казачества.

В этот день каждый, кому обстоятельства не позволили посетить храм Господний, мысленно переживает священную радость, благолепие и благоухание пасхального богослужения. Мысленно переносится на наши Казачьи просторы, к своим родным и близким, томящимся в неволе. Со всей остротой проявляется тяга к далеким, но близким сердцу хуторам и станицам, к нашей прекрасной казачьей степи, одевающей свой прекрасный весенний облик.

С весной воскресает природа, с весной торжествует жизнь над смертью, торжествует свет над тьмой.

Нынешнее торжество из торжеств и праздников праздник наполняет наши сердца наряду с душевной радостью невыразимой тоской по нашей казачьей Родине, еще совершающей свой крестный путь. Но пусть в этот день наполнятся ваши сердца, дорогие братья-казаки, и несокрушимой верой в победу жизни над смертью, в торжество Правды Господней над злом и ненавистью. Пусть ваши сердца и души в день Воскресения Христова наполнятся крепкой и несокрушимой верой в воскресение нашего страждущего Казачества.

«Воскресе Христос и падоша демони. Воскресе Христос и радуются ангели. Воскресе Христос и жизнь жительствует». Воскресе Христос — воскреснет и многострадальное Казачество!

... Никто не может оспаривать духовное и кровное родство старой и новой эмиграции, никто не в силах отрицать общность их чаяний и стремлений, равно как и общность стоящих перед ними задач.

(И. Васильев. «К. В.» № 3 (60).

благополучии отсутствующих членов семьи, зарыдал набатный колокол и нервные звуки, тревожа людские сердца, полились по станице...

Запестрел майдан шумной толпой. Со всех концов станицы стекались и старые и малые. Разлетелась страшная новость по майдану, узнали в чем дело и пошел спор...

Наконец, показался атаман в сопровождении десятка стариков с серебряными бородами и с большими костылями в руках. Атаман был с насекой. Притихла толпа, кое-кто снял шапку — поздоровался, а больше все молчали, или шептались потихоньку меж собой.

— Господа казаки! — дрогнувшим от волнения голосом обратился атаман к толпе и на бледном лице его отразилась печать скорби и душевных переживаний. — Известно ли вам, что случилось в К-ском ауле? Вот черкес, который приехал к нам с этой страшной вестью!

Атаман указал на черкеса. как живого свидетеля всех ужасов, творившихся «под новой властью», и вывел его перед собой.

— Долго ли будем заниматься разговорами? — продолжал он. — Не пора ли и одуматься, да по-казачьи дать отпор врагам, посягнувшим на наши права, на нашу свободу и вольность! Господа казаки, знайте, что погибнет Казачество, зальется кровью, если вы, верные сыны, отречетесь от своей матери, от своей неньки, воспитавшей вас к славным подвигам! Не видать вам казачьей воли, рассеют вас по чужим землям и будете ходить под ярмом! Одумайтесь пока не поздно, есть еще время!

Дрогнул, загалдел майдан. Словно хворост сухой подбросили в горящий костер и огненные языки пламени с новой силой вырвались наружу. В самую душу, в самое сердце кольнули атаманские слова. Ведь один путь правильный: идти с атаманом, вооружаться и вставать на защиту своей казачьей Родины; другой путь: оставаться в станице, ждать «победителей» и отречься от того, что ты казак, — преступление. Казачество само себя обречет на гибель.

— Братцы! — закричал, вдруг, с крыльца один из молодых казаков, коренастый малый, с заломленной назад шапкой и с нагайкой в руке, — да что-ж это в самом деле, неужели мы дадим свои хаты на посрамление? Вы послушайте только, что черкес рассказывает, волосы дыбом встают!

— Мало ли что он наговорит, не всему же верить? — послышался из толпы протестующий возглас.

— Чего же не верить, не брехать же попусту приехал сюда! — опять громко крикнул молодой казак.

— Эй ты малай, сопли утри! — сразу послышалось несколько сердитых голосов со стороны фронтовиков. — Маткино молоко на губах не обсохло, а туды же лезет!

— Он тут за девками бегал, а мы в окопах изнывали. Будя, повоевали!

На станичном крыльце, где стояли старики во главе с атаманом, появился учитель Веревкин и, нагло окинув группу выборных представителей станичного управления начал митинговую речь.

— Товарищи, не верьте провокационным слухам! Революционная московская власть несет свободу, равенство и братство! Довольно уж вам жить в кабале, пора свободно вздохнуть и сбросить с себя буржуйские цепи! После царского засилья появилось Временное правительство, состоявшее из тех же буржуев и генералов! Настоящая свобода только теперь при советской власти, но казаки до сих пор не могут ее признать, боятся расстаться со своими привилегиями и землей!!. Атаман хотя и выбран был когда-то комиссаром станицы, но оставался тем же атаманом, несмотря на то, что революционная власть всех уравняла в правах, и в настоящее время нет ни казаков, ни крестьян, ни дворян.

— Правильно! Верно! — загудело со всех сторон. — Слабода, значит, полная! Да здравствует советская власть!

— Советская власть не для нас, у нас есть своя казачья власть — Войсковая! — авторитетно заявил атаман, но голос его потонул в людском море, а учитель Веревкин вновь продолжал свою речь.

— В царское время, товарищи, вас нарочно делили на классы для того, чтобы иметь опору правительству в его реакционных стремлениях. Что такое казак?! Это опричник, защищавший старый царский строй! Теперь не будет этого и постыдные рабские цепи с вас сброшены. Идите по хатам и спокойно ожидайте прихода законной власти и поменьше слушайте своего атамана и офицеров! Они опять хотят войны, чтобы украсить свою грудь красивыми побрякушками! Остерегайтесь! Не поддавайтесь на провокацию! Наемники контр-революции не дремлют!

Веревкин замолчал и по сияющему лицу было видно, что он остался доволен своей речью.

— Не ожидал я от вас таких слов, — укоризненно сказал атаман, приближаясь вплотную к Веревкину, — а не вы ли просились в казаки? Что отказал вам сбор, так на это ведь есть и причины? Сперва нужно послужить Казачеству, а потом и проситься в его семью.

Над толпой выросла фигура нового оратора. То казак-фронтовик Степан Еременко, размахивая длиннными руками, старался перекричать толпу.

— Братцы! Товарищи! Довольно уж лить кровушку! Против кого мы пойдем драться? Супротив наших братов? Не вместе ли с ними страдали на фронте? Война теперь кончилась, поделимся землей с иногородними и заживем по-хорошему!

— Ишь ты, женат на русской, так и гнет на мужичью линию! — раздалось из толпы.

— Пусть едут туда, откуда приехали, там и получают землю то, а нашей не тронь!

— Казаки! — загремел могучий голос сотника Ревы, — вы слышали слова атамана, так знайте, что время терять не следует! В ком сохранился еще дух казачий, у кого осталась любовь к родной Земле, собирайтесь завтра утром к станичному правлению в полном вооружении!

Как в бушующем море новый порыв ветра усиливает волны, так и здесь каждый новый оратор все более и более разжигал страсти и, в конце-концов, станичный майдан имел вид потревоженного улья. Разбились на несколько партий, ругались, кричали, спорили...

Говорить уже никто не решался, да и о чем было говорить, когда и без того всем было понятно, кроме, конечно, тех, кто злобно молчал и косо глядел на казачью толпу.

Весенний вечер опустился на землю. В небе засверкали звездочки. Густая тень от белой колокольни легла через площадь. Многие сами по себе стали расходиться. Группа стариков окружила атамана.

— Иван Василич, с казаками дела не сваришь, видишь как на фронте то распустились, а и тебе не сдобровать, когда явятся эти антихристы, укрылся бы ты, хоть, на кош, что-ли! Не подставлять свою голову под рассейские пули!

— Спасибо, старики, на добром слове, только я думаю, как выборный атаман ваш не должен покидать станицу. Что будет, то и будет! Бог не без милости, казак не без счастья!! — улыбнувшись сказал атаман.

(Продолжение следует).

В. Куртин.

За Казачество уми...

...Э, мій сотнику, були колись богатирі... Коли б вони й тепер були між нами — далеко б були москалі, заканчивает свой рассказ Диденко.

Я смотрю на него, на его мощную, восьмипудовую фигуру, на огромные лапы, в которых карабин кажется детским игрушечным пистолем...

...Да разве-же ты сам не богатырь?! И, каких-же богатырей рождало Вольное Казачество, когда даже этот колосс, одними пальцами ломающий подковы, считает себя по силе, чуть-ли не пигмеем, в сравнении со старыми запорожцами!...

...Было, було, Андреичь, подтверждает старик Савостьяныч. — В книгах-то об этом ничего не написано. — Некому писать-то было... Только правду истинную говорит Илья Пахомыч... Помню и я, гуторили старые люди, как наших на Аму-дарью гнали... Ремни со спины вырезали. Солью посыпали... А они хоть-бы — ах... А нынче...

— Сляжоть! — коротко бросает Стеша, сухой, жилистый казак, лет 40. Стешка лежит около маленького костра; шомполом ковыряет угли... — От первых гранат разбежались, с... дети!..

— Ты не ругайся, Стешка... придет черёд и на них... Образумятся... — спокойно продолжает старик. А из-под длинноющих бровей его, похожих скорее на усы, чем на брови, смотрят куда-то, в неопределенную даль, два луча маленьких, глубоко запавших глаз. Седая, широкая борода беспомощно спустилась на грудь, касаясь рукоятки кинжала.

— Да я, дедушка, не ругаюсь!.. А только ты скажи, что дальше?..

— Нехай нащі офіцери скажуть!

Офицеры предложили собрать желающих надежных казаков, кому дома остаться опасно, и уйти в горы. Там выждать, пока «сляжоть» просохнет и организовать новое восстание.

Молчание. У всех внутри будто что-то стиснулось, заныло. Будто прислушались к чему-то...

Шелестят голые ветки карагачей. Плещется, журчит мутная Кубань. Клубясь спешат на юг громоздкие, тяжелые тучи. С горы, из станицы доносится лай собак...

— Я од своєї хати не піду.

Все, молча, уставились на дядю Диденко. Огромный, совершенный тип мужской красоты и силы, на аршин выше каждого участника совещания, — он давил своей непоколебимой решительностью, своей бескомпромиссностью.

— Од своєї хати не піду.

У Савостьяныча трясутся руки. В знак одобрения-ли, или от боли, он тихо кряхтит. Ласково смотрит на дядю.

— Не пойду и я... так-то, Похомыч... Умереть и дома смогём...

Они остались. А потом станицу оцепили красные. С броневика пустили несколько десятков гранат. Площадь станичную покропили шрапнелями. По гумнам поползли разведчики. За ними, в крайние улицы, влетели конные. Схватили первых попавшихся баб.

— Где казáки?

— Ушли.

А у Правления уже собрались местные красные. Гарнизуются: с хлебом-солью завоевателей встречают. Радостные, услужливые, уже пошептывают: — Диденко Илья дома сидит. Савостьяныч старый — тоже...

— Найдем, многозначительно ухмыляясь, цедит комиссар. Хихикают кругом: понятен им смешок комиссара.

Окружили небольшой двор. Ощетинились штыками. Пулемет на канаве поставили... Среди двора стоит Диденко. На нем его лучшая, «парадная» черкеска. Высокая, лохматая шапка. Вся грудь белеет крестами и другими отличиями, между которыми есть и заграничные.

Стоит, точно дуб, ухватившийся корнями за родную землю. Дался без борьбы. Без единого слова. Осмелевшие Ваньки, под хохот толпы, сорвали с него черкеску... А уж полувзвод прицелился. Дядя Илья взглянул на толпу...

— За Казачество уми...

Залп.

Навалила толпа:

— В голову!.. В голову!..

...А Савостьяныч сидел в своем просторном «зале». В одном легком бешмете, в чириках на голую ногу... Поглаживая бороду, прищурившись, смотрит на вошедших...

— Так, так... По душу, значит, мою пришли... По кровь казачью... Дело...

А Стешка? Стешка не остался дома. Не таковского был нрава. Запомнили его хорошо «товарищи». Сторицею отомстил он за дядю Илью и Савостьяныча...

Только в 22-ой год нечаянно подвернулся «карательному отряду»... А мог и он быть с нами, в эмиграции. — Из Владикавказа вернулся.

— Не могу, говорит, я сам в Грузию. Пойду сыновей выручать. Они говорит, хоть и малолетки, да казаки добрые.

Его отговаривали: —

— Не доберешься, Стешка. Ни за понюх табаку пропадешь...

А Стешка только посмеивается. —

— Отродясь табак в рот не брал. Обойдусь подороже...

И ушел. Слышно было после: выручил сыновей из станицы. Но Кубани не оставил. Крепко верил, что не нынче — завтра вернется Казачество. А уж лучшего проводника и «знакомого с обстановкой» трудно бы и представить было...

Не дождался Стешка: В голодный год поезд с хлебом захватил, что большевики от казаков выколотили. Шестьдесят сум пшеницы насыпал и — ходу. Да напоролся на засаду... Даже в «Известиях» пропечатали:

— «Отряду тов. Сёмкина удалось окружить банду Степана Байдина. Бандиты уничтожены»...

Борис Кундрюцков.

Казак Иван Ильич Гаморкин.

(Отрывок из повести того-же названия).

Эти записки можно читать и с конца, к примеру — то же впечатление получится. Но вот некоторые, что читают, — смеяться изволят это не хорошо. Может, конечно, какие смешные места и есть, или обороты, или выражения, что-ж — такой уж у нас язык — но только смеяться — грех. Слез больше рассыпано. Ох, больше слез! Они, положим, не видны очень. Да их и не надо чтобы видели, ну а только, если настоящий казак возьмет эти записи в руки — да припомнит все в картинах ежели — так ворохнется у него сердце. Ну, хоть, суд Войскового Круга над покойником — Алексеем Максимовичем, когда ему был наказ явиться в Могилев на следствие по обвинению в измене. Когда ему имя было дано «предателя». Послушайте, что рассказывает Гаморкин.

— Как это было, кум? Уж и кричал я! Уж и надрывался. Сперва Атаман пришел ответ давать Кругу. Голова опущена. Поник казак головушкой. На вопросы отвечал тихо так, спокойно. Так, дескать, и вот этак. А потом выступил наперед Митрофан Петрович — учитель, в вольной одеже, да как крикнет:

— С Дона выдачи нет!!!

Мы выбирали, мы и судить будем — иначе нет Дона, нет Казачьего Права, нет Казачества! Своего Атамана казаки сами судить будут.

Как поднялся тут, при этих словах, рев тысячеголосый. Как повскакали все со своих мест. Как закричат все:

— С Дона выдачи не-ет. Не-е-ет, не-ет, не-ет! Нет и нет!! С Дона выдачи не-ет!!

— Огнем на них!!

— Войной на Русь!

— У мине пика стоить, у сына шашка вострая!

— Огне-ем на них! Огне-е-ем!

Господи, что за крик. Все как с ума посошли. Сколько встало казаков, сколько сердец загорелось. И стали тут успокаивать нас — Николай Михайлович, да и сам Митрофан Петрович.

— Что вы, говорят родные казаки?! Что вы, говорят, успокойтесь. Насилу все опять в норму вошло...

Вошло в норму и... потеряли мы Атамана.

Что значит — неорганизованность. Да если-б мы... не двести лет рабства... Да если-б мы помнили каждый свое место, наш-то, наш-то герой народный, Казачества герой — погиб бы так? Позор нам! Своем ли мы его теми реками крови, которые сейчас льем всем Войском? Дай Бог, чтобы мы навсегда горьким опытом сним научились и держались бы всю жизнь друг за дружку. А всю бы дрянь нестоющую — в сторону, засорились мы, много у нас сору. Нам бы метлу хорошую, чтобы подмела она в казачьем Державном Курене, чтобы всю нечисть вымела. Уложили бы мы ее на лопатку, отнесли подальше, да и ссыпали бы на свалочном месте. Сгинвай и воняй себе на воздухе. Нам бы — стать за Отечество свое Казачье. Нет ничего выше братства в Казачестве — почитания старших, воздаяния мертвым, любви к Краю — к стране своей, Всевеликому Войску Донскому.

Гаморкин отвернулся.

— Взялся я защищать кормильца нашего, Дона Ивановича — метка моя винтовка. Верю в Казачество, - верить ли Русским, Белым, бегущим в наши земли — не знаю. Увидим мы. Можно или нет. Как они к Кругам и Радам отнесутся.

Сейчас взыграл олень в Войсковом гербе, загудел колокол на нашем златоглавом Державном соборе, твердо держит Круг власть на Дону.

Говорит так вот Иван Ильич и не знаю — жив я или мертв! До какого времени дожили! Живо Казачество! Живо старое, жестокое, и справедливое Казачество! Никогда оно не умирало и никогда не умрет. Не задавили его ни колодки, ни петли, не пресекли его топоры и мечи, не растерзал в пыточной, холуй-палач. Нет такой силы, которая могла бы уничтожить Его — ни золото, ни блуд изменников и предателей, ни бабьи бредни. Это дух народа, это с кровью матери всосана нами — жажда к Воле. Сейчас вот старинная мечта осуществилась — Азов наш. Дон свободен от красной нечисти. Степь наша. Шумит майдан, идут на смерть казаки: отцы и дети, старики и внуки, и женщины. Подняла нас Народная Освободительная война.

«За честь Отчизны, За Казачье Имя», — поет казачий певец Крюков.

«На заре то было-ой, на зорюшке!»

. . . . . .

Когда мы с Иваном Ильичом восстали против большевиков и, очистив Казачий Присуд, оно же Дикое поле, оно же Всевеликое Войско Донское, созданное на наших казачьих костях и крови — мы подошли к граням.

Подошли и стали.

В голос кричал Гаморкин, повернувшись спиной к Миллерову, а лицом к Воронежу:

— Нужен нам большевизм на Дону и Революция? — Нет не нужны. Со своими, которые к Москве, или к власти — сами управимся. Знаем кого выбирать и кого смещать. Из дураков не выберем. Ума казачьего нам ни у кого не занимать. А вам, ежели подай Революцию — вы и старайтесь. Подай мир хижинам. А я вас спрошу, нашим куреням иде от вас мир? А землю нашу, на которой мы веками честно трудились, оставили вы нам? У одних отбираете, да другим даете? Иде это видано? Одним, выходит, нужна, а другим, нет. Почему мужику мой пай нужен, а мне кровью и потом его обрабатывавшему, не надобен?

За него, за пай этот, казак в землю всех предков уложил и прадеда, и дед, и отца. Войны всяческие вели, ваши же душеньки спасали. Соплик какой-нибудь на готовое припрется — казачьему народу на шею сесть. Да ешшо расселять начнет, да голодом морить, да порядки свои рабские заводить. Не-ет! Покеда я казак Вольного Дона, покедова последняя капля крови казачьей во мне содержится — не уступлю, всю жизнь биться буду. Никому не верю: ни монархистам, ни демократам, ни сицилистам — на кой хрен они все мне сдались, со своими планами, программами и раз'ясненіями. Как жить, сам знаю! Никого мне не нужно! На свои только силы и расчитываю, Доном даденные! На всех плюю, Евграфыч, с высоты чести своей Казачьей, столь для них недосягаемой, все одно что солнце красное.

Прежде всего — я, Иван Ильич Гаморкин. Затем мои ближние — Настасья Петровна с Нюнькой и Ёомкой, потом сродственники, знакомцы, хуторцы, станичники и остальные казаки Войсковые, народ, так сказать Казачий. Кроме этого — другого для меня не существует даже не должно, да и не может!Мо-огут какие промеж нас приютиться казанскими сиротами. Так уж ты свою сиротскую долю и разумей, не лезь со своим уставом в чужой монастырь. Себя мы не обманем. Сам себя — дулю обманешь. А что —а эти разнесчастные года всю душу из казака вымотали — так это хвакт.

Из вольных людей-солдатиков, помещиков, партейцев, дворян и прочих фигур понаделали. Полюбуйтесь-ка на казаков таких. Не затем наши деды и прадеды в степях сидели и каждодневно смерти в глаза глядели, штобы потом, среди их вольных потомков такие нашлись, что всю Войсковую Организацию шпелчком уничтожали, в лакейские мундиры наряжались и из Орлов Степных в куриц превращались. Да как же. Держи карман шире. Слушай, кум...

— Будет, — тихонько сказал я, — видишь, Иван Ильич, от твоих слов грозных, вся Воронежская губерния разбежалась.

Поцеловал Гаморкин шашку, каковой махал и вложил ее в ножны.

— Верно! Шут с ними! Разве они нас поймут? Бабы, я тебе скажу, кум, даже бабы и те у них — что блаженные. Пощекотать не дают! А ежели застрашшанишь — в обморок — хлоп. Одеололонцу, дайте, просють. Ровно порченные — ни ругаться, ни визжать толком не умеют. Чудной народ. И в кого он уродился — не пойму. Жале!!...

Пластун. (Со старой картины.)

Archiv „Der Kosakenbote".

Павел Поляков.

ХУТОР РАЗУВАЕВ.

Не велик мой хутор Разуваев —
Ста дворов, пожалуй, и не набежит.
Речка Чертолейка лугом протекает,
По степи широкой змейкою блестит...

Наклонились вербы над глубоким плесом,
Камышом зеленым старый пруд зарос,
Гусь за колосками прямо под колеса
На плотине узкой тянет желтый нос...

Из ольховой чащи мельница-старуха
Выбитым оконцем смотрит на луга,
Над помольной хатой вьются тучей мухи,
И под легким ветром шелестит куга...

И, привады взявши, на заре вечерней,
Поплывя меж лилий тонких, лопухов,
Порыбалить едет в дубшегубке мельник
И с волненьем скрытым ждет сазаний клёв...

Тихо-тихо ляжет ночи покрывало,
И луна уснувший пруд заворожит,
Лишь шуршанье слышно мельничного вала,
Соловейка свищет, да вода шумит...

В куренях казачьих говор затихает,
Спит усталый хутор, вербы, чакан, пруд,
Далеко, у гумен, пес на месяц лает,
Да кристальным небом облака плывут...

И туда к полночи выйдет мельник сонный
В ковш зерна подсыпать... Камень застучал...
И чеканит месяц силуэт склоненный...
И мешок порожний падает с плеча...

А в пруду... русалка... с белой грудью пышной
Соберет подружек дикий хоровод...
Мельник не боится, мельник — он привышный,
Мельник слово знает супротив тово...

Вон, надась, завощик — парень сам бывалый, —
Ворочаясь ночью позднею порой,
Увидал, как тихо по большому валу
В мельницу вернулся старый домовой...

А жалмерка Настя — продала скотину,
Припоздилась... Тёмно... Шла-то через лес...
Глядь, а меж кустами, под сухой осиной,—
Он... Лесной Хозяин, Леший — вот те крест...

Хутор Разуваев просыпался рано.
Поедали горы пышек и блинов,
И, охлюпкой сиди, мимо атамана
В степь подростки гнали кровных скакунов...

Выдезли деды к мельнице иль школе
И вели беззубый долгий разговор:
О пашах турецких, о царе Миколе
И о том, что... Разин вовсе не был вор...

...Не велик, да стар мой хутор Разуваев —
Триста лет шептался с чаканом камыш,
Провожая дедов к Стеньке, под Измаил,
Под Царьград, на Альпы, с Платовым в Париж.

И седлались кони, колыхались пики...
Много, много наших полегло в бою...
Хутор Разуваев, в перекатном гике
Ты по свету славу разносил свою!..

О родимой степи, чакане в прудах,
...И пою я песни о дымке кизечном,
О скитаньях долгих, о тоске извечной,
О слезах кровавых на моих следах...

Юрий Гончаров.

ВЕСЕННИЕ ДЫМЫ.

И — ты, и — я, мы хрусткие снежинки.
За крыльями зимы промчалися туда —
Где ночи — как хрусталь и дни — как пламень жидкий,
Где в снежной синеве зыбятся города...

Мы видели во льдах узорные окошки
В глубины капиц северных богов!
Мы излетали все завьюженные стёжки,
Овеянные сном и песнями снегов.

Смотри вперед: за прядью мятелей
Весенние дымы взметнулись к небесам!
Иные голоса в подлуньи прогремели!
Велели людям жить и — зеленеть лесам.

Смотри вперед: вечерний воздух звучен,
И в солнечной стране ликует буйный ритм!
Торжественный костер весна зажгла под тучей,
Скорей!.. Летим туда и — в пламенах — сгорим...

Инж. Ф. Полковников.

Записки из жизни Макара Пощечина.

Имя у меня, как сами изволите видеть, не салонное. Как его не крути, как не переводи — все Макар, да Макар.

Много у меня было всяческих неприятностей. Дулся я, дулся на своего батюшку и на свою матушку, что нарекли меня так, а потом и плюнул — не в магометанство же переводиться в самом деле — и красиво было бы — Мокко, прямо шейх исламский, да душа не налегает в иноземство переходить — неприятность одна...

Бывало, попадешь в приличное общество, дамы такие важные и, сами знаете, — любят красоту, изящество всякое, просвещеннейшие дамы, не то, что по кабакам, да трактирам — вертихвостки недобродетельные, им хоть Самоваром представься — все единственно... Так вот и не знает благородная и невинная женщина как тебя назвать. Ивану-то хорошо, скажут так это томно: «Жан, а Жан!» и даме приятно и Ванька совсем себя Версальским принцем чувствует, так доволен, аж раскалывается от счастья...

А мой родитель, царствие ему небесное, не предучел этого. И чего я не родился годов пятьсот тому назад, тогда и князья были с такими именами?.. Да и куда дальше-то идти...

...Ну вот, пошли это мы компанией гулять. Красота: поля, цветы...

Ну, конечно, каждый из кавалеров прямо разрывается... и о Блоке, и о Пушкине, одни и Шекспира подпустил, стал романсы насвистывать...

Я в ту пору влюблен был в одну... Идем мы с нею рядышком, я это норовлю, что-бы отстать, а она, такая непонятная, а авансы будто дает, как посмотрит на меня — я так и загорюсь, так и загорюсь.

И вот идем мы это так и всякими пустяками разговор общий поддерживаем. Я и забыл, что меня Макаром зовут, она все «Вы», да «Вы»... Вижу что любит меня, что не хочет обидеть и Макаром не называет... Мне прямо больно стало и в груди затомило от признательности, так и подмывает — упаду прямо на колени и во всем признаюсь: «Люблю, скажу, — идем под венец, идем к Заплавскому попу, недалеко — верстов пять до него, оженимся и все.

Тут, добро, компания вперед ушла и мы вдвоем идем.

Только это я подумал, а она срывает своими пальчиками василек: «Дайте, я Вам в петличку... со значением! И не мог я дальше... как побежали у меня круги в глазах, — все разноцветные, да все сходятся и расходятся, а в сердце запищало как на дудке...

Я и бух на коленки, да прямо попал на репейники, и хотел подумать, что больно ушибся, да некогда было, да и совестно стало в такой, можно сказать, ответственный момент о репяхах размышлять...

А она, — голубка моя невинная, солнышко мое майское, стоит как свечечка и улыбочка такая отроческая, отроческая...

«Люблю!» говорю я «Вас, девица моя желанная, коли есть у Вас охота — идемте к Заплавскому попу...» И вижу я, на ще-

(Окончание на 6-й стр.).

А. М. Андрієвський.

Російський імперіалізм.

Є українське повірря, що на Св. Великдень воскресший з мертвих Христос дозволяє всім померлим вставати з гробів та одвідати своїх кревних і знайомих. Одвідини тягнуться цілий перший тиждень, а в понеділок другого тижня кревні й знайомі випроважають своїх гостей назад до могилок; там розлучаються, відправляють парастаси, обідають. Цей день зовуть «проводами».

Віра у звязок живих з померлими є у всіх індо-европейських народів. Померлі цікавляться долею живих, помагають їм, тому треба старатися, щоб заслужити та здобути їх ласку. Недокінчене померлими діло мусять довершити живі: —

Наливайко і Павлюк
І Тарас Трясило
Із могили кличуть нас
На святеє діло...

Колиб всі померлі, замучені царським і большевицьким режимом, встали, що живим сказалиб? якого діла не довершили? з чим боролись і в боротьбі впали? який заповіт далиб живим?

Сумніву нема, що всі померлі козаки — українські, донські, кубанські і т. д., в один голос сказалиб: ми боролись з російським імперіялизмом, в боротьбі впали, живі — докінчіть наше діло, знищіть російський імперіялизм, бо це є найбільше зло.

Чому? — Російський імперіялизм виник з нечесности, жорстокости, ненаситности московського купця старих часів. Для свого ринку він готовий цілий світ зажерти. У засобах не розбірається: йому були наруку — «хитрі обмани, злістні насилля, грозні Івани, темні Василі» (Розенгейм). Конкуренттів нищив: зруйнував торговельні республіки Новгорода й Пскова, обдурив Єрмака Тимофеевича, по черзі знищив донських і запоріжських купців.

Хитрощі мав неймовірні. Хижацтво треба було виправдати перед людьми — найшовся у XV ст. ігумен Филофей, який сказав, що Москва є третій Рим, а четвертому не бути, така воля Божа. Шляхом Филофея пішли славянофіли, що казали: «Росія покликана, щоб бути вождем всім народам». Підпер славянофилів і А. С. Пушкин: — «все рускому мечу підвласно» — і Ф. М. Достоєвський, що вивів на люди «руського богоносца» та наділив руський народ здібністю перевоплощення, казав: «бути росіянином значить замиряти, внести примирення і спокій серед всіх народів».

Першим осудив російський імперіялизм козацький філософ Г. С. Сковорода у творі «Брань Архангела Михаїла з дияволом». Під впливом цього твору Т. Г. Шевченко написав поему «Кавказ». Від Сковороди взяв і вираз: «і не ситий не виоре на дні моря поля». У поемі Шевченко розкрив дійсну природу російського імперіялизму і показав, що підставою його була не віра у високе покликання Росії, а ненаситна жадоба грабунку. Імперіялизм підбивав народи, все від них забірав, натомість їм нічого не давав. Бив і плакати не давав. «На всіх язиках все мовчить», казав Шевченко — «бо благодейство».

Р. Імперіялизм роспаскудив російського мужика; навчив його напірати (натискува-

(Окончание с 5-ой стр.)

ках ее согласие — закраснелись, как помидорчик спеленький...

И говорю я: — «будьте Вы — супружница моя законная, — не будь я Пощечин... Макар!..»

И зачем я сказал имя свое — сам не знаю, в пафосе, значит, был.

Как выпрямится она, как стукнет каблучком своим: «Макар, Макар... не пойду за Макара, перед всеми сраміться? Что я ближайшим родственникам своим скажу?..

И побежала она от меня злющая, злющая...

И встал я, не знаю как...

«Эх, Макар, Макар — репяхи хихикали — Макар!..»

Р. Імперіялизм розкладав провідну верству підбитих народів, особливо козацьких-українських. У його інтересах було, щоб підбиті народи лишались без голови, а тому заохочував здібних і хитрих йти до нього на службу. Платив добре: «рублями й соболями»; була велика тяга до Петербургу й Москви. Виходці з підбитих народів маєтки одержували, ставали генералами, сенаторами, а часом «подлими німими рабами», людськими шашелями, ніняками й дядьками відчизни чужої.

Р. Імперіялизм є хорість спадкова; переходить од покоління до покоління. Був правий, царський імперіялизм — теперички настав лівий, большевицький. Істота імперіялизма не змінилася, на місце правих камергерів, генералів, сенаторів сіли ліві — жиди, матроси, ремісники. Жадоба жити на чужий рахунок лишилась, тільки виправдання її змінено: про богоносця вже не говорять, в ходу пролетарська революція, а чорт один! Там сиділи на шиї підбитих праві, а тепер ліві. Перші всеж були шляхетніші, а другі носять печать хама.

Хорий імперіялизм на наших просторах вже був. На теренах, де відбувалися бої з большевиками, у 4—5 ст. по Хр. жили Гунни, народ, як і москалі, алтайської раси. Арійці звали їх безносими, бо ніс у них не гострий, а широкий, приплюсклий до лиця. Історик VI-го ст. Йордан у творі «De origine Gottorum», ст. 94, так описує цей народ: «Гунни народ, як стверджує історик Приск, жорстокий; сидить коло Азовського моря; не займається жадною іншою працею, тільки полюванням; порушує спокій підбитих народів, спочатку обдуривши й ограбувавши їх». Гунни були дикі, письма не знали й не хотіли знати. Другий історик Прокопій VI в. у творі «De bello Gottico», ст. 477, оповідає, що Гунни напали на своїх сусідів Готтів, частину їх вирізали, а друга частина з жінками й дітьми втікла на римські грунти; потім Гунни на чолі з Аттилою пішли на Европу, де були знищені, але для того не досить було Римлян і Готтів — допомогали Франки, Сармати, Арморіціани, Літіціани, Бургунди, Саксони, Рипари, Бріони та ще деякі кельтські й германські народи (Йордан 134).

На Европу сунуть нові Гунни, затроєні імперіялизмом. Ніякої нової культури вони Европі не дадуть, бо самі немають, а ограбувати Европу можуть, як що й спільними силами не будуть зостановлені. Величезні полчища Аттили роспилались і зникли; слїда після них не залишилось. Правда, по смерти Аттили сини його почав був трохи тріпатись, але повставші народи придавили його й Гуннів неначе й не було.

Правдоподібно, що й новітні імперіялистичні гунни зникнуть, розкладуться й по них зістанеться купка гною. Коли буде знищено з корінем російський імперіялизм, тоді тільки можуть легко зітхнути підбиті народи, бо зас'яє промінь надії, що на несходимих просторах булої Російської імперії почнеться людське життя.

—

Казакам, проживающим в гор. Вене и его окрестностях и состоящим в рядах КНД, предлагается в кратчайший срок дать о себе точные сведения по адресу: Возглавителя местной организации КНД в Вене ст. полк. Д. А. Маслова: Wien XX. Feikestrasse, 4-6.

А. Ленивов.

Суровая действительность.

Отказывать самому себе в точном понимании событий сегодняшнего дня, или иметь преднамеренное желание не видеть Казачьего Возрождения в будущем — значит быть глухим или незрячим. Уяснить точное значение этих слов могут, конечно же, только казаки, в жилах коих переливается подлинная кровь знаменитых казачьих предков, утверждавших законы и заветы Казачьей Государственности на просторах Дикого Поля.

Сегодня... или никогда! На заре обновляемого мира многострадальный и одновременно с тем храбрейший Казачий Народ вносит свою лепту в общее дело, стремясь способствовать победе доброго начала над злым. Изливается широкими ручьями драгоценная казачья кровь, но неизменно казаки идут сплоченными рядами в бой на всех фронтах, твердо веря в торжество Казачьей Правды и своих национальных стремлений.

Никогда не наблюдалось в истории, чтобы какой-либо народ продвигался вперед по жизненной тропе, не имея своих ответственных руководителей. Нет песни, когда не имеется слов и... жестокая правда должна быть сказана вслух. Казачий Народ еще не имеет в настоящее время, крепко сплоченной и об'единенной казачьей общественности. И если ставится вопрос, кто виноват, на ком лежит ответственность, то отвечать можно лишь следующим образом: все те казачьи политические деятели, которые в эти ответственные дни нашей истории ставят свои личные интересы выше интересов всего Казачьего Народа.

Много писалось и говорилось трескучих фраз, не мало пишется и произносится кисло-сладких слов и в данное время, но тем не менее, казачьи деятели еще не могут достичь полного понимания, а потому имеют на коаце своих рук не крепко сжатые кулаки, а растопыренные, разрозненные пальцы. Служба на благо своего народа не знаменуется безответственной болтовней, а выявляется в виде общепризнанного положения — отдать душу и тело на алтарь служения своему народу!

Еще сейчас, но не позже, возможно выровнять положение, если все здоровые казачьи национальные силы пойдут дружными, сомкнутыми рядами. Для достижения не требуется многого, требуется лишь желание поставить свои личные интересы ниже интересов всего Казачьего Народа. Холодный рассудок и чистая совесть могут очень помочь в последнем.

Произносить громкие слова, но не осуществлять их, значит заниматься лишь праздной болтовней, тем более в переживаемое время, когда казачьи массы имеют полное право спросить, где же находятся духовные пастыри Казачества, которые защищали бы с достоинством казачьи интересы. Речь идет, конечно, не о тех лицах, которые привели Казачество к роковому концу еще в недалеком прошлом и которые в сегодняшнем стремительном калейдоскопе событий могут по своему возвратному стажу числиться в кунсткамере пережитков старины.

Обязаны итти не только в ногу с казачьими массами, но и возглавить таковые, именно те казачьи патриоты, которые пробуждали казачье национальное самосознание в течение последних двадцати лет и наконец пробудили таковое. Памятуя казачьи заветы, воскрешаем в памяти казаков настоящих лет, что казачьи руководители на протяжении многовековой истории Казачества, являлись всегда лишь первыми среди равных!.. Уроки прошлого дают весьма наглядные примеры, а потому сегодняшняя борьба Казачества настоятельно требует своего возглавления истинными казачьими руководителями.

В момент, когда от казачьих масс требуется жертвенный подвиг, казачьи руководители обязаны знать свое место: служить своему Казачеству и отстаивать его жизненные интересы. Казачьи руководители должны знать, что они делают на пользу и что во вред Казачеству. Слишком много претерпело последнее, а потому казачьи руководители обязаны вершить лишь полезные начинания для Казачества.

Суровая действительность тсавит свой приговор для будущих времен. Если казаки уже сегодня не соблюдут единения в своей среде, то от раз'единения остается ожидать, конечно, только отрицательные результаты! Добавлять что-либо в этом отношении не приходится, ибо указанная истина представляется совершенно ясной для всех казаков.

Суровая действительность является таковой только и только для казаков, но отнюдь не для лиц русского происхождения, называющих или мнящих себя казаками. Если настоящие, подлинные казаки будут итти в разрез с суровой действительностью, то, конечно же, останутся в выигрыше тогда лишь одни русские, именующие себя казаками.

Казачьей кровью писалась всегда казачья история, пишут таковую сегодня и современные казаки, проливая свою кровь во имя Казачества. При критическом разбирательстве перепетий суровой действительности, нужно желать и требовать от всех элементов, совокупность которых составляет фронт казачьей национальной общественности, дабы был вспомянут и приложен к делу завет Атамана Каледина. «Казаки, думайте холодным рассудком, но не горячим умом».

Сегодня... или никогда!

Настоящая великая война несет окончательное разрешение Казачьего Вопроса, будь то в положительном, будь то в отрицательном отношении. Осознать самих себя, значит казачьим руководителям, в лице казачьей национальной общественности, приняться с должной энергией, методичностью, гибкостью и разумением за вершение Казачьего Дела, которое делают казачьи массы на полях сражений. Для голословных толкований нет почвы, нужны факты и факты, которые знаменуются лишь делами, ибо «вера без дел, мертва есть».

Казачьи руководители, в лице казачьей национальной общественности, должны возглавить казачьи массы.

Колебаниям нет места, забыть все обиды, невзгоды, понять положение Казачества и... Рубикон перейден!

Сергей Чепурной.

ТРЕВОГА.

Эх, настало время, сбросив с плеч катомку
И оставив посох, голову поднять,
Не свою — чужую в руки взять винтовку
Да с судьбой поспорить, с нею поиграть.

Разразилась буря... Дали потемнели.
Молнии сверкают, раздается гром.
Разгулялись ветры... Песни зазвенели
О неволе, Воле, близком и родном.

И в душе усталой смутно шевелится
Робкая надежда, что в борьбе двух сил,
После этой бури, степь освободится
Всеравно — ценою крови и могил.

Только чтобы жертва не была напрасна —
Нас не так уж много (могло-б больше быть!)
Не забывших братьев там, в степи несчастной,
И решивших цепи ржавые разбить.

Нас не так уж много... Где-же остальные?
Ведь мы все оттуда, все одной семьи!
Почему не видим, гей орлы степные,
Рубежей казачьих, прадедов Земли?

Может-быть увидим... цепи переменят
(Старые уж рвутся, новые дадут...)
По заслугам нашим братья нас оценят
За свои страданья многих проклянут...

Казаки! Тревога! Больше уж не будет,
Или не придется слышать нам другой
Все под наше Знамя, все кто Волю любит
Ненавидит рабство сердцем и душой!

И. Л-ов.

Удары эмиграции.

Наконец-то и я в эмиграции добился права на человеческое существование в будущем... Окончив Институт, мне посчастливилось получить место по своей специальности в Подкарпатской Руси.

Пережив тяжелые тиски жизненных и житейских разочарований, гражданскую войну и эмигрантское скитание, меня снова потянуло в провинцию к мирно текущей жизни, где бы я, как раньше бывало в своей родной станице, понимал всякую ее светлую струйку, всякий пульс сельской жизни и чувствовал бы приносимый этими светлыми струйками по этим спокойным чистым ручейкам распускающуюся красоту и поэзию природы...

Я с жаром принялся за работу на своем новом месте, Мне нужно было во что бы то ни стало зарекомендовать себя, как эмигранта, с хорошей стороны, укрепиться на постоянном месте и скопить немного деньжат, чтобы поскорее вытащить из коммунистического ада свою семью, оставленную в Родных Краях на милость «победителям».

В то время я жил исключительно увлечением интересных и новых для меня подготовительных весенних работ по земледелию и постоянным ожиданием писем из дома. Придя как-то из канцелярии после обычных занятий домой, я на столе нашел письмо от своей жены.

Тороплюсь скорее открыть его... Читаю...

«Дорогой, милый, славный!... Я обезумела, я лишилась рассудка, я дни и ночи в слезах... Я не могу словами выразить того горя, которое нас с тобою постигло... — умерла наша крошка Нилочка»...

Письмо это я получил в субботу на Страстной неделе.

Утомленный спешкой предпраздничной работы, а к тому еще эти апрельские дни, когда всюду зеленеет трава, когда особенно свежая, нежная и пронзительная солнцем лазурь неба щедро посылает природе оживление, воздух пропитан силой весны — эти дни вызывали во мне, человеке с еще неокрепшими нервами, какое-то изнеможение, как у готового заболеть лихорадкой. Это известие, сообщенное в письме, окончательно лишило меня самообладания и я, точно подкошенный, опустился в полном бессилии в кресло и долго-долго просидел в нем, точно окаменелый, а потом, опустив голову на грудь, зарыдал на всю комнату...

— Боже мой, Боже мой! Нилочка! Моя крошка! Этот опавший листок моей жизни! С ней соединял я все мое будущее. Это было мое дитя, с моими глазами, с моими руками, с моей улыбкой. В ней я страстно любил мое родное, любил в ее улыбке, в ее детском лепете, во всем ее пухлом и нежном, как пушинка, упругом и подвижном, как пружинка, тельце — яркий луч солнца, огня и жизненной энергии... И вот это дитя угасло, и в нем угасла та радость, та надежда, которые мне давали поддержку, в тяжелой эмигрантской жизни...

Долго я сидел в кресле под отдаленный шум хлопотни моей хозяйки. Я не замечал этих хлопот, хотя хозяйка или кто-нибудь из ее дочерей, в увлечении праздничной суетой, проносились мимо открытой двери моей комнаты. Но и они не замечали, что в моих глазах стоят слезы...

Мне в это время не хотелось никого видеть, а тем более встречать праздник. И я тут же решил провести эту ночь в вагоне, чтобы утром быть в одном женском монастыре, расположенном в горах...

Вечером я уже был на вокзале. Взяв в кассе билет, я вошел в пустой вагон в «эту святую ночь». Точно желая убедиться в том, что и в других вагонах пусто, прошелся по целой их анфиладе вдоль поезда. Только в одном я увидел крепко спящего суб'екта, сильный спиртуозный запах от которого свидетельствовал, что он разговелся несколько преждевременно.

Я в своем вагоне остался один. Остался в пустом почти поезде, мерно подрагивавшем на рельсах, унося меня все ближе к монастырю.

Почувствовав страшное утомление, я лег и незаметно для самого себя задремал.

Долго-ли я дремал — не знаю. Вдруг я сразу очнулся и невольно присел на сиденье. Это произошло, вероятно, от того, что поезд, проходя по мосту, замедлил свой ход, а перемена в темпе движения во время сна на движущимся предмете всегда действует на спящего, всего чаще будя его. Я встал, протер глаза и подошел к окну, в котором, поблескивал из бархатного мрака весенний ночи, мелькали многочисленные огоньки. Поезд действительно шел по мосту очень тихо, едва заметно подрагивая. Из окна вагона виднелась внизу, точно в голубой пропасти, река. В ее темном теперь зеркале отражались звезды.

А на одном ее берегу, также глубоко ниже моста, как на ладони виднелась небольшая сельская церковка, вся залитая огоньками плошек. И из главных дверей ее медленно выливался и обтекал вокруг церкви многолюдный поток крестного хода, с хоругвями, фонарями, иконами. Пения отсюда с поезда не было слышно, но благодаря множеству огней, все: церковь, домики села вблизи нее, крестный ход — проходили передо мною точно в прекрасной подвижной миниатюре-панораме. А поезд, как будто из невольного благоговения перед этим моментом святой ночи, шел так тихо, что, когда дошел до конца моста, крестный ход, обойдя церковь, уже снова втекал в нее своей гирляндой огней...

Я посмотрел на карманные часы. Было 12 полночи.

— Христос воскресе... — точно невольно прошептали мои губы в мертвой тишине едва движущегося пустого вагона.

И точно поезд ждал только этих моих слов. Он зачастил колесами по рельсам все более и вновь, уже весьма ощутительно подрагивая, понес меня все ближе и ближе к монастырю. Залитая огнями церковь исчезла, как видение. В окно глядели только бархатная мгла весенней ночи да звезды с темной синевы ночи. Я опустился на сиденье у окна и спустил его стекло. Теплая и ласковая свежесть воздуха этой ночи так и хлынула на меня.

И, вдыхая всею грудью эту благоуханную прохладу ночи, долго неподвижно сидел я у окна, сидел, смотрел на бархатный мрак, таинственно заглядывавший на меня в окно, на звезды неба, точно кивавшие мне, на мелькавшие порой огоньки селений, сидел и вспоминал угасшую мою Нилочку, вспоминал и себя ребенком и молодые годы, когда я посещал церковные службы, особенно в эту ночь, в Христову заутреню. Служба этой заутрени всегда радостно захватывала меня и блеском бесчисленных свечей, и ликованием бесконечного пения хора, и настроением бесчисленной толпы в церкви, и чудной легендой воскресения Христа. И христосованье после заутрени чуть не со всяким встречным, и веселое «розговенье» дома — все это сохранило для меня всю свою прелесть.

Порой глаза мои увлажались и высыхали сами собой. Их влага меня не беспокоила: никто ведь не видал ее в вагоне...

Сидя у окна вагона, погруженный в свои воспоминания, в свои думы, я не заметил, как дымка мрака сползла со всего, редея под пронизывающими лучами света. Солнце еще не показывалось, но уже высылало эти лучи из-за горизонта, и они были все

Майор Г. Сацюк.

„Лагерь в лесу".

Дорога стрелой взрезается в лес. Слева стройные диагонали высоких сосен, справо —дубовый лес. Наверху узкая голубая полоска. Как-то сразу выросшая лагерь. Широкая вымощенная дорога и симметрия бараков. У в'езда — застывшая фигура часового.

Света и воздуха здесь уже больше. Широко врезался в чащу задумчивого леса квадрат голубого неба.

Над бараками голубоватыми струйками вьются дымки. Внутри — тепло, уютно. Тишина.

Уже просыхают дороги и жирными камками застывает грязь. Шелестят прошлогодние листья и нога уходит в мягкую, податливую почву. Робко выглядывают первые подснежники. По утрам радостно щебечут птицы. Погода поминутно меняется. Тогда дуют северо-западные ветры. Тогда — небо заволакивается серо-стальными тучами и летят в лицо холодные хлопья мокрого снега.

От высоких заводских труб отрываются пышные белые султаны и стелются над землей.

Здесь мы отдыхаем, учимся строить, охранять и завоевывать новую жизнь.

—

Недалеко за бараками — поляна. В просвете между деревьями видны контуры завода. Со всех сторон обступили поляну огромные столетние дубы. Занимается 2-я сотня. Четкими, стройными шеренгами выстроены отделения. Соблюдается ранжир. Под сводами, застывшего в своей дремотности леса, разноголосым эхом отдаются команды. Цак-цак-цак — эхом разносится по лесу. Серьезные, напряженные лица казаков. Все отдаются учебе. Суетятся урядники — носятся вокруг своих отделений — учат, поправляют. В центре стоит командир сотни хорунжий Ч. Острым взглядом замечает каждую мелочь, ошибку. Свисток. Воцаряется тишина. Все стоят по команде: «Смирно!» — и смотрят на офицера. — «Приступить к отработке строевого шага, по отделениям».

Занятия идут хорошо как и всегда. Я стою в стороне и мне интересно наблюдать издали поведение людей. Вот проходит казак Пастушков. Я делаю вид, что его не вижу. Смотрю одним глазом — идет на вытяжку, тянется, видно как от напряжения вздрагивает правая рука и трясутся от усердия усы. Поварачиваюсь во фронт и так-же его приветствую. Я чувствую — меня здесь любят. За глаза называют — «батько наш». Люблю ли я их?

—

Мои мысли уносятся далеко. Бесконечной лентой мелькают прожитые, связавшие нас накрепко дни и месяцы совместной работы, удивительной, понятной только нам, казакам, дружбы. Незаметно кончается второй год. Сколько пережито, передумано, прочувствовано, проверено внутри каждого из нас!

Знаю всех до единого, знаю их прошлое, тяжелое и безрадостное, настоящее, их заветные думы и надежды. Всем сердцем и душой разделяю их и вдохновляю на грядущие и настоящие подвиги. Верую, как и все они, горячей, пламенной, несгораемой верой в будущее Казачества.

Нас собрала воедино сила великой **Ненависти,** привитая с молоком матери каждому из нас, и сила великой **любви** к потерянной Казачьей Родине.

Там мы были парнями, рабами по рождению — потомки гордых степных рыцарей Дикого Поля!

Здесь — мы равные в первых шеренгах борцов за новую жизнь, за поруганную, потерянную Родину.

Мелькают в памяти знакомые лица казаков и офицеров. Вот молодой кубанец Ш. П. Ему едва 22 г., даже не ровесник большевицкого Октября. А за плечами целая повесть тяжелой жизни бесправного пария. Раскулачивание. Ссылка и работа в лагерях НКВД, арест отца, ссылка на Соловки и — смерть от голодной, непосильной работы. Война. Стройбат и рождение новой жизни. На Кубани остались сестренки и мать-старушка с клеймом — «казачки».

Казак Н. «Дед» — как за глаза называют его молодыео казачата. Гражданская война. Эмиграция. Тоска по родине в далекой Болгарии. Возвращение на родину и тяжкая весть: двое сынов расстреляны ЧК за контрреволюцию. Плачет старик горькими слезами, когда вспоминает об этом. Дальше опять Стройбат. Рытье окопов, траншей и снова эмиграция. Итак без конца...

У всех позади один безрадостный тяжелый пройденный путь. Смерть родных и близких. Раскулачивание, разорение — высылка. Ссылка. Концлагери. 58 статья. Всех задела, раздавила, смяла проклятая жидовская власть!

Люблю ли я их? Можно ли назвать такими простыми человеческими словами то чувство, которое нас всех об'единяет воедино, в общую семью, стальную фалангу людей твердо верящих в правоту своего справедливого дела?

Мы все горячо любим свою Родную Землю, мы тоскуем по ней, она простирает к нам свои незримые об'ятия и благославляет на подвиги.

И, мы — сыны своей родной страны, непокорные — готовые служит **Тебе** — Родина, готовы сложить у **Алтаря твоего** наши буйные головы, чтобы на земле, пропитанной кровью нашей и устланной телами нашими, взросла, вспыхнула ярким светом молодая радостная жизнь и своими буйными побегами всегда рвалась к вечному Солнцу, свободе и счастью родного Казачьего Народа.

Первый Железный Крест.

Известный боевой казачий командир, полковник Иван Никитович **Кононов,** командир Н-ского Казачьего полка, первым из казаков награжден за боевые отличия Железным Крестом. Свыше двух лет полковник Кононов вместе со своим полком принимает самое живое, деятельное и жертвенное участие в борьбе против большевизма. Ранее полк. Кононов был за особенную храбрость и доблесть награжден орденом для Восточных Войск всех степеней.

Полк. Кононов родился 2. 4. 1900 г. в ст. Ново-Николаевской, Всевеликого Войска Донского. По окончании среднего образования всецело посвятил себя военному искусству. В 1938 г. окончил с дипломом 1-ой степени 4-х годичную Академию Генерального Штаба. В армии находится уже 25 лет.

Во время войны против СССР полк. Кононов уже 22 августа 1941 г. вместе с своим полком добровольно переходит на сторону германских войск, а 28 октября того же года он уже активно борется против большевизма.

Полк. Кононов пользуется особой любовью и доверием своих офицеров и казаков, а его полк считается одним из лучших казачьих полков, стяжавших себе своей храбростью новую казачью славу.

П. Покотило.

МАРШ.

Міцніше, Козацтво, єднаймо ряди
В час лиха й недолі країни,
Міцніше, бо знайте, що лише сюди
Благаючий зір Батьківщини!

В кім сила ще є — хай рідний прапор
Несуть на рраменах могутніх,
Хай дружно співає козацький наш хор —
Всім славу борцям незабутнім!

Єднаймось думками й бажанням одним,
Не біймось ні смерти, ні болю;
Ми чином, єдинанням, змаганням своїм
Козацтву здобудемо Волю!

Иван Колесов.

Степная дрема.

Солнышко пошло с полдня.

Тени стали расти, шириться. Воздух свежеть. Побежала тень от яблонки, в смутной истоме одиноко стоящей в ложбинке по среди равнинной степи, перекинулась через балочку, на бугорок взбежала и, покрывая собою тень татарника, гордо стоящего на меже, потянулась дальше, дальше...

По толоке разбрелся табун скотины.

Подложив под голову сумку, посапливая, сладко спал пастушенок Митрошка под кустом боярышника, пышно разросшегося над балкой.

Приснилось что-то.

Потянулся... Колючая ветка боярышника впилась в руку. Открыл глаза.

— Ишь, окаянная!.. Больно ка... — разглядывая показавшуюся из царапины кровь, выругался он.

Отерев кровь о штаны, Митрошка поднялся на локте и окинул глазами табун. Отбившись от других, к зеленевшему невдалеке хлебу подходила корова.

— Ку-да! Ку-да, Лашлиха, — гаркнул Митрошка, называя корову по имени хозяйки ее, бабки Лашлиной.

Вскочил.

Разбежавшись, взмахнул увесистым, дубовым чекмарем. Чекмарь, свистя, полетел по воздуху и звякнул по рогам поднявшей голову коровы. Тяжелой, неуклюжей рысью, мотая головой, корова вернулась к табуну и, уткнувшись мордой в землю, стала жадно щипать короткую, толочную траву.

Митроша поднял чекмарь. Глянул на солнышко.

— Часа три должно быть будет.

Приметив конец бегущей от себя тени, Митроша начал ее мерить:

— Один, два, три, четыре... считал он шаги, — аккурат три часа..

Вдалеке виднелся хутор. Солнечной мглой синели вербы. С бугра к хутору, кучками сходил народ.

— Сопчества идуть; «Дальний Клин» должно быть продавали... Подпили небось.

Митрошка снова вернулся к кусту, расстелил зипун и, улегшись на живот, стал глядеть в степь.

Огромная равнина, прорезанная балочками с высящимися там и сям курганами, седела полынью, чобором и пыреем. На курганчиках, повсюду торчали суслики, оглашая пронзительным свистом пустынную степь. В высокой синеве огромными кругами плавали коршуны.

Степь дремала в полусне.

—

Подгуляв, навеселе, шли старики со схода. После дележки лугов осталась неудобная, далекая от хутора земля. Решили всем обществом ее продать. За четверть водки пошел «Дальний Клин».

За общественной чарочкой потянулась своя. Подгуляли старики.

— Сват Онисим, дорогой мой, да и хороший же человек у нас лавошник Фома Егорыч, даром што мужик, — обнимая левой рукой деда Онисима, говорил Казьма, — ложки то совсем никудышные, да и не подрукой хутору, а он четверть водки выставил.

— И-их хорошие есть на свете люди, сват, дюже хорошие, — отозвался Онисим, — вот как в Польшу ходили, командир у нас был, покойник теперь, царство ему небесное... Иван Яковлевич. Бывало в бой — впереди всех несется. Голосина — труба, как крикнет: «За мной ребята!» Аж-но душа замрет. Засверкают палаши... и-их, гуляй душа казачая.

А на отдых идем: «Песенники наперед!» командует. Когда в'езжаем в деревню, как хватим песни... вся деревня бежить за нами. А ему лесно.

«По карцу водки», кричит, «всем от меня!»

Х-хороший был человек.

— Сват Онисим, давай старину, штоль, вспомним... Заводи-ка ты песню.

— Давай, штоль, заиграем, сват...

Онисим откашлялся:

«Да сказали про Польшу
Эй, што богатая-а-а,
А теперича Польша —
Голь проклятая...»

Подхватили старики, а Казьма залился, зазвенел звоником подголоском, выводя выкрутасы и рулады.

Подошли к хутору.

— Сидорка-а-а? — послышался ребячий голос в садах.

— Э-э-а-й!.. откликнулся на призыв кто-то.

В двух, в трех местах раздался свист.

Где-то вдалеке зазвенела песня. Слышались молодые голоса.

Старики примолкли, прислушались...

— Наши шалыганы, — проговорил Казьма. Эх, и песни же они теперь играют паршивые... Слухать неохота. Продолжай штоль...

«Да бывалыча в Польше
Корчмы частые,
А теперича в Польше
Корчемка одна
Корчма Польская,
Королевская»...

Э-о-ой — э-о-о... Звенел подголоском старый Казьма.

Из садов вышли девчата, остановились, прислушались. За ними показались ребята; прошли мимо, почтительно сняв перед стариками фуражки. Остановившись, прислушались к песне и ребята, а подголосок старого Казьмы лился и звенел в вечереющем воздухе, как чистое серебро...

—

Выйдя за дворы, в зеленеющую весенней зеленью степь, молодежь начала играть в клинушки; старики разместились на колодце, по близости, у большого богатого дома Лашлиных.

— Андрюшка, да не щипайся ты, — говорила запыхавшаяся от быстрого бега молоденькая Феня поймавшему ее парню, — и так руки все в синяках. Срамота, вчера стала рубахи банить, стыдно рукава засучить.

— А ты не серчай, Феня, ведь это я жалеючи тебя.

— Желанный какой нашелся. Ольгутку то Инякину тоже жалеешь?

—Андрюшка с Феней рука об руку прошли и стали в пары ждать, когда до них дойдет очередь бежать.

Маленькая, толстенная Анфиса была почти постоянно клином, не будучи в состоянии догнать кого-либо из резвых пар.

Из хутора донесся крик:

— Анфиска-а!.. дяданю не видала?!

— Видала-а!.. отозвалась Анфиса, — вон он на колодке сидит!

— Зови ево домо-ой... Станишные приехали!

Анифса побежала к колодке звать домой дела Онисима.

Игра растроилась. Молодежь собралась кучками, разговаривая, пересмеиваясь. Часть стала расходиться.

Анна Егорова, бойкая хуторская жалмерка, попрощавшись с подругами, пошла домой по узенькой хуторской уличке.

По близости хрястнул перелаз.

Перескочив плетень, перед Анной стоял бравый, молодой казак.

— Домой, штоль, Нюра? — улыбаясь, проговорил он.

— Домой, — отозвалась Анка.

— В амбаре спать-то будешь? Приду нынче..

— Приходи, — отозвалась Анка тихо и, оглянувшись кругом, быстро прошла мимо казака.

С толоки доносилось мычанье скотины. Подымая столбы пыли, табун шел к хутору.

Слышался голос Митрошки:

— Ку-да!.. Ку-да, Аксютка, чума-б тебя забрала!

Темнела в вечерней дремоте степь. Теней и гуще становилась синь по вербам. Садилось солнце. (Отрывок из рассказа).

острее и, понемногу вливаясь в темноту, все более раздирали ее дымку. И в окне все серело, все яснело.

Под'езжая к горам, глаз уже различал голые деревья, рыхлую грязь только что оттаявшей земли, кое-где еще залежавшийся ноздреватый снежок. Потемневшие от влаги утреннего весеннего тумана избы селений, здания станций точно умывались в этой обильной весенней росе. И вдруг вся эта мокро-серая картина сумерек рассвета зажглась бледно-розовым огнем, и горизонт на востоке заалел, запылал.

Точно сквозь медленно раскрывшиеся наконец веки глянуло пламенное око солнца. И скоро все заискрилось, засверкало палевым золотом солнечного утра. Блески этого золота влажно загорелись на домах, на кустах, на столбах, на земле железнодорожных насыпей и канав, — в росинках, осыпающих все это, на остатках снега в дорожных проталинах. Глазам стало больно от этого блеска.

Я почти всю ночь не смыкал их, и веки, в тяжелом изнеможении, слипаясь, опустились на зрачки, по которым пробежала острая резь... Я почувствовал непреодолимую усталость и тут-же на сидении сразу заснул, как убитый.

Но во сне я жил, жил своей взволнованной душою: это сказалось в моем сновидении. Мне снилось, что я в высоком и просторном бело-мраморном храме с дорийскими колоннами. И ослепительный палевый совершенно солнечный свет изливается бесчисленными золотыми лампадами на золотых цепях, формою вроде кадильниц. И эти неподвижные лампады-кадильницы изливают благоухание совершенно такое, каким, казалось, веяло на меня сегодня весенняя ночь. Икон в храме не было, — лишь дивные бело-мраморные изваяния Христа на кресте, в гробу, восстающим из гроба, возносящимся на небо. И перед этими изваяниями — множество людей без толкотни, без тесноты, без духоты, стоят в безмолвном благоговении.

И я между этими людьми. И одна женщина, с ребенком на руках, отделяется от остальных людей и тихо приближается ко мне. Черты лица у ней, ее фигура — несомненно черты и фигура Нины, матери Неонилы, и на руках у ней еще более несомненно — она, мое дитя. Только моя Нина как-то осунулась, похудела, глубоко задумчива; глаза впалые, каких у ней не было, все черты удлинились, все лицо побледнело и стало точно прозрачно-восковое. Прежней станичной цветущей здоровости, придававшей этому лицу округлость и сочность зрелого свежего плода, на нем ни следа теперь...

И когда она тихо протянула мне руки, на которых лежала наша крошка, — и в этих руках тонких, прозрачных, как янтарь, с бледно-лазурными жилками, тоже не было ни следа рук моей Нины, полных и сильных, про которые можно было сказать словами Отелло о руке Дездемоны, что они сулят плодовитость...

И уста моей Нины не прежние: алые, сочные, пухлые, поцелуй которых был звучен, как щелканье подзадоривающего бича, и крепок, как густое стоялое бургонское, — а новые уста, тоньше тех, бледнее тех, с морщинками великой скорби и кротости. Эти уста произнесли: — Христос воскресе!

— Воистину! — невольно вырвалось у меня. В этот момент я проснулся от пережитого во сне волнения...

Через некоторое время я уже был на последней станции, откуда извозчик быстро довез меня до монастыря.

Сдав вещи, я отправился на монастырское кладбище. Там стояли памятники, а кругом распустившиеся цветы украшали могилы. Я невольно остановился перед грациозно-грустной мраморной фигурой девушки, с поникшей головой и со свитком в опустившейся руке: на пьедестале этого памятника вделан за толстым стеклом портрет этой юной девицы.

Это изваяние пробудило во мне воспоминание о бело-мраморном храме моего сна. На кладбище было пусто. Солнечная синева неба сияла над ним. Благовест пел свой неумолкаемый пасхальный гимн. Цветы на могилах благоухали. Казалось, — настроение моего сна снова овладевает мною.

И вдруг на дорожке, по которой я шел между могил, медленно, появившись из-за церкви, шла ко мне навстречу стройная, тонкая, как-будто слегка надломленная женская фигура в темном платье. Я поклонился. Она ответила на мой поклон и остановилась... Мы разговорились... Она, оказалось, казачка-эмигрантка. В гражданскую войну потеряла мужа и с единственной дочкой очутилась на чужбине. А тут потеряла и свое последнее утешение.

— Я ее похоронила здесь. Пойдемте, я вам покажу могилу своей дочери, — сказала она своим тихим мелодическим голосом.

Мы подошли к памятнику, перед которым я только что стоял.

— В этом монастыре я пострижусь в монахини и навсегда останусь тут, у Шуриной могилки, — смиренно проговорила она.

Я разсказал ей о смерти своей единственной дочки, о своем тяжелом переживании.

— Да, в нынешнем миру тяжко... Тут эта скорбь в молитвах переносится легче. Пока я жива, — тихо сказала она, — буду и вашу дочечку поминать вместе со своей Шурой, а это облегчит и вам страдания.

Потом вдруг встала со скамейки у памятника и, бледная, строгая, по-монашески поклонилась мне и ушла в обитель.

Я ушел на берег реки, протекающей под самым монастырем и просидел там до вечера, забыв на время мирскую суету. До меня откуда-то доносилось отдаленное церковное пение. В монастыре, вероятно, шла уже всенощная, вечер был ясный и теплый, совсем почти летний, окна храма были открыты, и отдаленное пение хора монахин разносилось эхом по лесам, как прекрасное, торжественно-грустное, точно как-то идеализированное, художественно-обособленное от всего земного, рыдание о счастье, красоте, святости.

И мне чудились под сводами храма темные монашеские фигуры, бледные женские лица под клобуками и скуфьями. И чудилась она, ее лицо, слышался даже как-будто в общем хоре ее голос — этот трогательно-мелодичный голос истрадавшийся от житейского горя и ищущий утешения в отрешении от мира.

В этот вечер я уехал домой...

Встреча в Париже.

Париж. Елисейские поля. Спокойным, уверенным шагом, как-будто по Красной улице Екатеринодара, идет молодой есаул. Его стан, выправка, черная кубанка, красный башлык, развивающийся по ветру, сразу же выдает бравого кубанского есаула. Казачье чувство и сердце потянули меня к своему брату-казаку. Подхожу. Знакомимся. Сразу же между нами налаживается дружеский разговор, взаимный обмен привычными, но близкими и милыми каждому казаку вопросами. Незаметно мы подходим к его отелю. Он любезно предлагает зайти к нему и продолжить наш казачий разговор.

Естественно, он распрашивает о казаках-эмигрантах, об их жизни и настроениях, я же о жизни наших братьев под советским игом, об их переживаниях там, на далекой Казачьей Родине.

В моем собеседнике я узнал есаула М. Земцова, казака ст. Николаевской, автора вышедшей книги «Слышишь, Кубань?», в которой он сосредоточил свои статьи и обращения к казакам, борящимся против большевизма. В этой книге он простыми и безхитростными словами изложил боль своей исстрадавшейся казачьей души.

Наша беседа затянулась, как затянулись и другие, ведь казаку с казаком есть о чем поговорить по-душам, поговорить о своем общем и дорогом казачьем деле.

Е. Гетманов.

Историческая справка.

На просьбы уроженцев Ставрополья и Черноморья редакция сообщает названия казачьих станиц, которые рескриптом императора Александра II от 31 декабря 1869 г. отобраны у Кубанского Войска и разказачены, казаки были обращены в крестьян, а исконние казачьи земли одним росчерком пера стали достоянием российской короны.

Это были станицы: Александровская, Бешпагирская, Калиновская, Кругголесская Михайловская, Надеженская, Саблинская, Северная, Сергеевская, Спицевская, Старомарьевская, Татарская.

Когда с течением времени казаки перестали быть нужными и на Черноморском побережьи, в 1896 году была образована Черноморская губерния, состоявшая из трех округов, выделенных из Кубанского Казачьего Войска, с казачьим населением, которое было причислено к крестьянам.

Разказачив казаков этих казачьих земель, которые были отторваны от казачьего тела, российское правительство не могло убить в них казачьего духа, который был преемственно передаваем из поколения в поколение.

И в 1918 году эти «расказаченные» казаки, как только возродилась свободная жизнь Казачества, послали своих представителей к Кубанской Краевой Раде с просьбой о принятии их в состав своего родного Казачества.

РОЗЫСКИ РОДНЫХ

Вследствие военных действий на Востоке многие потеряли свою связь с родными. Розысками в газетах, издаваемых в освобожденных областях, а также и при содействии газет для добровольцев, многим удалось эту связь восстановить. Но продолжает еще и теперь поступать множество просьб о розысках как от добровольцев, так и жителей освобожденных областей, а также и от находящихся в Германии рабочих, вносящих своим трудом свой вклад в дело борьбы против большевизма.

Чтобы удовлетворить эти запросы Немецкое Верховное Командование решило учредить несколько центральных розыскных бюро, которые, в пределах возможности, будут удовлетворять такие запросы.

Создано четыре центральных бюро, разделенных по территориальному признаку:

Бюро № 1.

Zentralauskunftstelle I. Feldpost No. 57000 (57800).

По этому адресу следует направлять просьбы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих областях:

РСФСР. Краснодарский край с автономной Адыгейской областью, Орджоникидзевский край с округом Кизлярским и автономными областями Карачаевцев, Черкесов и Осетин, Ростовская область, Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крым.

УССР. Области Запорожская, Николаевская, Одесская, Сталинская, Молдавская АССР, Азербейджанская ССС с Нахичеванской АССР, Юго-Осетинская автономная область (ССР Грузия).

Бюро № 2.

Zentralauskunftstelle II. Feldpost No. 11900.

РСФСР. Области Воронежская, Курская, Сталинградская с Астраханским районом.

УССР. Области Винницкая, Волынь, Ворошиловградская, Днепропетровская, Житомирская, Каменец-Подольская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Харьковская, Черниговская.

Бюро № 3.

Zentralauskunftstelle III. Feldpost No. 19000.

РСФСР. Области Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская.

Белорусская ССР. Области Барановичская, Брестская, Вилейская, Витебская, Гомельская, Минская, Могилевская, Пинская, Полоцкая.

Примечание. При отправлении запросов необходимо пользоваться специально отпечатанной открыткой полевой почты (фельдпосткарте) и указать точные сведения о розыскиваемых лиц: имя, отчество, фамилия, день, месяц, год и место рождения.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

— В Варшаве 28-го марта с. г. при торжественной обстановке был похоронен павший при исполнении служебных обязанностей казак ст. Павловской, Кубань, Василий **Малушко,** родившегося в 1922 г. и служившего при одной из казачьих частей СД. Воинские почести покойному были отданы его частью в здании Штаба, откуда тело его было отправлено на Военное кладбище, где его ожидал почетный караул в составе 2-х взводов Н-ской Казачьей сотни СД и духового оркестра. Церковный обряд похорон совершил православный священник. Пел хор. Над могилой с речью выступил начальник штаба СД, затем командир Н-ской Казачьей сотни СД сот. Кубанкин. От имени казаков-националистов с речью выступил ст. Г. С. Козлов, который с помощью ст. Тимощенко и Близникова возложил венок с лентой казачьего цвета и значком КНД на могилу ст. В. Малушко.

— В городе Котен ин Ангальт (Германия) скоропостижно скончался Иван Николаевич **Середа,** казак ст. Полтавской, Кубанского Войска. Был похоронен на местном городском кладбище.

— **В гор. Линце** 4. 4. с. г. умер казак ст. Григорополисской, Кубань, Иван Максимович **Занщенко,** 60 лет. Похоронен на местном кладбище.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Слышу — как колокол зовет.
Вижу — как в храм народ идет
И катится звезда с небес.
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Нет в Родном Краю казаков,
Рвется тихий Дон из оков,
А там за Доном шумит лес.
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Проснулась Родная Земля,
Всходы ржи покрыли поля.
Пришла Весна — полна чудес.
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Что Судьба нам присудила,
Нам должно быть это мило.
Ведь светит солнце всем с небес!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
У работника — работа,
У бойца — война забота,
Но все мы ждем Весны чудес.
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

А. Лесников.

. . . Я очень прошу Вас не отказать мне в подписке на нашу родную и близкую нам, казакам, газету «Казачий Вестник». Она нам приносит много радости и моральной поддержки в нашу жизнь, дает нам надежды на светлое будущее нашего Казачества. От глубины сердца и души желаю Вам полного здравия и благополучия и достичь нашего казачьего Идеала.

Казак **Г. Колобанов.**

. . . «Казачий Вестник» сделался для меня не только нашим дорогим казачьим печатным органом, но и руководителем и справочником по всем вопросам нашего казачьего прошлого, настоящего и будущего. Казачья история со всей ясностью говорит о том, что казаки много раз пытались возродить свое самостоятельное национальное бытие, но не могли свои стремления довести до конца. Отчасти и потому, что не было ясного и определенного Казачьего фундамента — своей казачьей идеологии. Теперь она есть, сейчас мы воодушевлены одной идеей, своей казачьей Идеей. И никакие невзгоды и лишения, никакие трудности и попытки недругов Казачества уже не в силах остановить этого казачьего роста. Ничто теперь не изгладит Ваших заслуг и Вашей работы в деле национального осознания Казачества. Дай Вам Бог здоровья и долгой жизни. Храни Вас Бог. Слава Казачеству.

Владимир Болдурьев.

. . . **И для нас Дон розольется. . .**

С 1920 г. много изменилось на нашем Тихом Дону, много воды ушло. Только кормилец-Дон неизменно, властно и свободно ежегодно разливается, таит в себе жуткое прошлое и настоящее Казачества, таит свою Казачью тайну и ждет в свое лоно детей своих — ясных соколов Казаков Донских.

Хмурясь пенится теснимый берегами и непокорный вырывается на простор, подходит почти морем своими полыми водами к своей державной столице Черкасску, неся ему тайный весенний поклон от всех верховых станиц, от всех запольных речек и ериков казачьих, об'единяя их и вливая в них надежду на воскресение и возрождение Казачества.

Ждут возвращения своих сынов измученные, истосковавшиеся матери-казачки, проглядели уже все свои глазеньки, выплаканные бессонными ночами.

Как теперь вспоминается весенний разлив нашего Дона, его вешние воды, предпасхальные каникулы, поездки на пароходах! Далеко ушли вместе с вешними водами те счастливые, невозвратные юношеские годы. На светлое прошлое легли тяжелым бременем годы гонений, унижений, годы бессильной борьбы и отчаяния. Но, Слава Казачеству! Придет время и для нас Дон разольется и на нашей освобожденной Казачьей Родине.

Вольная казачка **Мария Ст.**

Казаки! Не забывайте, что Ваш национальный орган «Казачий Вестник» издается на средства самих казаков-патриотов. Не забывайте и Вы о своей лепте на поддержку своего казачьего дела!

ХРОНИКА

— Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) ст. инж. **В. Г. Глазков,** по представлению Окружного Атамана КНД в Германии ст. **В. И. Бабича** (Berlin-Wilmersdorf, Prinzregentenstr., 70) утвердил местную организацию КНД в г. Линце н/Дунае во главе со ст. полковником **Д. К. Полухиным,** казаком ст. Атаманской, Дон, и местную организацию в г. Гренцгаузене (Вартеланд), во главе со ст. **Н. К. Никоновым,** казаком ст. Чертковской, Дон.

Оформление в последне время опять целого ряда местных организаций КНД со всей очевидностью говорит об увеличении и укреплении рядов национального Казачества, об укреплении среди Казачества сознания и твердого убеждения, что только торжество казачьих национальных идеалов принесет подлинную свободу и волю Казачьему Народу.

— Очередную беседу казаков Казачьей Национальной станицы в Праге 8. 4. с. г. посетил Руководитель КНД, который сделал доклад о современной обстановке, о положении казачьего вопроса и Казачества. Прибывший из Словакии ст. инж. **Д. Н. Еременко** сделал сообщение о положении и настроениях казаков, находящихся в Словакии.

Казачья Национальная Станица в Праге в день Светлого Христова Воскресения 16-го апреля с. г. в 5 часа дня, в помещении малого зала б. Славянского острова в Праге II, устраивает общие разговены казаков.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «К. В.»

По техническим причинам в отделе «Розыски» нет возможности помещать все поступающие в «К. В.» розыски, поэтому впредь будут публиковаться лишь те, в которых разыскиваются прямые родственники.

Просьба ко всем казакам — писать свои адреса четко, разборчиво и точно!

— Поздняков Максим разыскивает Матвея Антоновича Афанасьева, ст. Вешенской, Дон, проживавшего до 1937 г. в Болгарии. Писать:

Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager D.

— Бирюков Григорий разыскивает сына Льва, выехавшего из Ростова на/Дону 5. IX. 1942. Лиц, знающих о его судьбе, просит писать:

Birjukow Gr., Bremen, Schlachthofstr. 7.

— Петров Нестор, ст. Луганской, Дон, разыскивает своих братьев Михаила и Александра — офицеров Донской армии 1920 г. Писать:

Halle-Saale Reilkaserne 128. L. S.

— Мельников Николай Автономович, ст. Еланской, Дон, разыскивает сына Василия, брата Павла, родных и одностаничников. Просит писать:

Kirchmöser a./H. Französenlager, Stube 11. Brandenburg Havel.

— Фарзинов Казгери разыскивает Табулова Федора из Црау, гор. Алагир, эвакуировавшегося с госпиталем из Запорожья. Писать:

Waldlager „D". Heerte über Braunschweig.

— Орехов Илья Сергеевич, ст. Константиновской, Дон, разыскивает родных и станичников. Писать через «К. В.».

— Илюе в Кадир разыскивает братьев Дуйсалиева Хасена Ахата и Габрашита, равно как и дядю Хайрушова Нураша, из Сталиноградской обл. Владимирского р-на, из Нижнего Баскунчака. Писать:

Heerte über Wolfenbüttel. Lager „D".

— Плитниченко Григорий Михайлович разыскивает двоюродных братьев и друзей по Добрармии: Романько Ефима, Нарожного Федора, Замкового Емельяна, эмигрировавших в 1902 г. в Болгарию, а также двоюродную сестру Голиздру Пелагею Ивановну, выехавшую за границу в 1932-33 гг. Писать:

Luxemburg, Bonneweg N: 60. Gemeinschaftslager.

— Разыскиваю братьев Ефима и Семена Михайловичей Шуруповых, а также племянников Ивана и Михаила Ефимовичей Шуруповых — кубанских казаков. Писать:

Heerte über Wolfenbüttel. Lager „D".

— Лиховидов Виссарион Ефимович, хут. Гусынка, ст. Каргиновской, Дон, разыскивает дядей Лиховидовых Михаила Петровича, Григория и Михаила Гавриловичей, проживающих во Франции. Писать через «К. В.».

— Тихонов Гавриил-Федорович, хут. Каменного, ст. Казанской, Дон, разыскивает брата жены Арсения Ивановича Раздоркина, поржившего в Аргентине. Писать:

Lerta bei Hannover. Lager „Ida", Baracke 1. Zim. 1.

— Суббота Гавриил Иванович, ст. Ново-Мышастовская, Кубань, разыскивает родных и станичников. Писать через «К. В.».

— Наумов Федор Михайлович, хут. Гундоровского, Орловской ст., Дон, разыскивает брата-эмигранта, проживавшего до 1927 г. во Франции. Писать:

Kielce, Prostastr. 30. General-Gouvernement.

— Разыскиваю жену Верещека Дарью Павловну из Темрюка на Кубани. Знающих о ее судьбе прошу писать через «К. В.». Разыскивает Оскар Клетке.

— Данильниченко Яков Андреевич, ст. Кущевской, Кубань, разыскивает братьев Герасима, Андрея, Василия и Федора Андреевичей Данильниченко. Писать:

Heerte über Wolfenbüttel, Lager „D".

— Токова Илью Д., двоюродного брата из Городка, Глуоского р-на, Полесской обл. Писать:

Babitsch Raisa, Parchim. Konservenfabrik, Barth i. Co. Sr. N. 2.

— Федченко Федор Михайлович, ст. Медведовской, Тимошевского района, Кубань, разыскивает родных и знакомых. Просит писать по адресу:

Heerte über Wolfenbüttel. Waldlager D.

— Ратц Эрнест Эрнестович разыскивает брата Генадия Васильевича Касаткина, проживавшего в Ставрополе на Кавказе. Писать:

Luxemburg, Bonneweg 60, Gemeinschaftslager.

— Гаврилов Андрей Андреевич, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает сына Петра Андреевича Гаврилова. Писать:

Frankfurt a. M., Nied. Oeserstrasse 16.

— Тимохин Александр Иванович, хут. Кавалерка, Егорлыцкой ст., Дон, разыскивает отца Ивана Павловича Тимохина, эвакуированного в гор. Бердянск. Писать через «Казачий Вестник».

— Кудрявцев Иван Федорович, разыскивает Семенова Федора Степановича, ст. Хомутовской, Дон; Федора Андреевича Писценскова, хут. Воровская Балка, ст. Старочеркасской, Доз, и Михаила Николаевича Беловолова той же станицы. Писать:

Kudrjawtzew. Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager D.

— Васильев Сергей Семенович, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает шурина Константина Ивановича Пузанова. Писать:

Wassiljew S., Frankfurt a. M. Nied. Oeserstr. 16.

— Иноземцев Сергей Васильевич разыскивает сына Леонида, проживавшего в ст. Богатой, Ставропольского района. Писать по адресу:

Inosentzew, Luxemburg, Bonneweg 60, Gemeinschaftslager.

— Демидюков Михаил разыскивает Семена Ильича Морозова из Ростова н/Дону. Писать через «Казачий Вестник».

— Комова Владимира Макаровича, из Моздока, Терек, разыскивает шурин Астахов. Писать:

Astachov. Heerte über Wolfenhüttel, Waldlager D.

— Кандашова Наталия Семеновна, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает отца Семена Михайловича Кондашова. Писать:

Kondaschewa, Frankfurt a. M., Nied. Oeserstr. 16.

— Севостьянова Николая Васильевича, родив. в Горловке 20. 8. 1924 г., разыскивает отец Василий Севостьянов. Писать:

Rosslingen Mövern. Lager. Kantine. Westmark.

— Рубашкин Сергей Григорьевич, хут. Ольховского, ст. Бело-Калитвенской, Дон, разыскивает брата-эмигранта Петра Рубашкина, проживавшего в Болгарии, гор. Татар-Пазарджике и братьев Леонида и Ивана Рубашкиных, эвакуировавшихся с хут. Погорелова, ст. Бело-Калитвенской, в 1943 г. Писать:

S. Rubaschkin. Heerte über Braunschweig. Lager D.

— Шевцов Яков Дмитриевич, ст. Кагальницкой, Дон, разыскивает брата Василия Яковлевича Шевцова. Писать:

Frankfurt a. Main, Nied. Oeserstrasse 16.

— Гущин Иван Данилович, ст. Усть-Бело-Калитвенской, Дон, разыскивает родных и знакомых, выехавших с Дона. Писать:

Jean Goustchine. Lager Nr. 38. Berlin-Falkensee. Rotkehlchenstrasse.

— Самборская Таисия разыскивает своего мужа Самборского Евгения из Днепропетровска, Сообщить:

Umsiedlungslager Steinberg. Krs. Oberpullendorf. Niederdonau.

— Дахов Кирилл Никифорович, ст. Архангельской, хут. Платова, Кубань, разыскивает сыновей Алексея и Михаила Кирилловичей Даховых. Писать:

Dachow, Heerte über Wolfenhüttel. Lager D.

— Амосова (Кислицына) Германа из Питигорска, Терек, разыскивает отец Лиц, знающих об их судьбе, просит писать по адресу:

Amosow, Heeresremonteamt, Razot, Krs. Kosten. Wartheland.

— Кондратов Павел, ст. Родниковской, Кубань, разыскивает брата Федора Сергеевича Кондратова, проживавшего до 1937 г. в Болгарии. Писать:

P. Kondratow. Gut-Chelmo. Post Shehewize, Distr. Radom. G. G.

— Попивненко Михаил Иванович, ст. Платнировской, Кубань, разыскивает родных. Лиц, знающих об их судьбе, просит писать:

Burg Waldstein, Post Rückers, Krs. Glatz, Schlesien.

— Асеев Андрей Иванович, ст. Владимировской, Кубань, разыскивает братьев Акима, Александра и Николая Ивановичей Асеевых. Писать по адресу:

Andrej Assejew, Altremda. Krs. Rudolfsstadt Thüring b. Friend. Lindner.

— Пшеничнов Стефан, ст. Орловской, Дон, разыскивает брата Ивана Евдок. Пшеничного, двоюрод. брата Стефана Потапович Пшеничнова ст. Луганской, Дон, родных и знакомых. Писать:

Heerte über Wolfhüttel. Waldlager D.

ОТ РЕДАКЦИИ.

По случаю праздника Светлого Воскресения этот номер «Казачьего Вестника» редакция выпускает в двойном размере без повышения его стоимости в продаже, в знак своей признательности всем своим верным читателям.

Редакция выражает твердую надежду, что она и в будущем будет встречать со стороны всех сознательных казаков всемерную поддержку в деле распространения Казачьего Слова и пропаганды Казачьей Правды.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 10 (67) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го МАЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация Schriftleitung:
Prag II., Starégasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188 Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

Казаки и горцы.*)

Казачий народ, сам недвусмысленно выявивший волю к своему национальному бытию и к созданию независимой казачьей государственности, не может иметь в вопросе самоопределения горских народов Северного Кавказа иной принципиальной позиции, кроме положительной. Казаки совершенно не заинтересованы в отстаивании великодержавной российской точки зрения в горском вопросе. Государственно самоопределившееся Казачество, ставши на своих землях действительным, вместо России, северным соседом горцев, не может на себя брать задачи продолжения и удерживания положения, созданного завоеванием Кавказа Россией.

Реализация горцами права на свою национальную жизнь должна быть признана обоснованной и закономерной. Помимо очевидной для всех совершенной отдельности горцев от русского народа в расовом, языковом, культурном, бытовом и религиозном отношениях, не менее очевидной является и **общая воля** горцев, ясно и определенно засвидетельствованная как исторической дружной борьбой против имперской России, так и актами волеизъявления 1917-20 гг.

Стремлению горцев к достижению их независимости не может препятствовать и факт их крайней внутренней дифференциации в племенном и языковом отношениях. Ведь никому не приходит на ум оспаривать или отрицать право независимо распоряжаться самим собой и устраивать свою собственную жизнь, напр. швейцарцев, говорящих на разных языках и различающихся в племенном отношении, подобно как и бельгийцев. Горцы Северного Кавказа имеют несомненное право на свое существование и на свою жизнь, независимо от того, в какую форму она выльется, в виде ли одного национально-политического организма, или нескольких независимых, — это дело самих только горцев и только их дело.

В прошлом казачий народ, насильно включенный в состав России, был принужден принимать участие в завоевании Россией Кавказа. При этом завоевании казаки много пролили крови своей, и чужой крови, но пролили не за свои казачьи интересы. Сотни лет казаки были добрыми соседями кавказских племен по Тереку и Кубани, еще в те времена, когда Московское царство боялось выйти из своей дремучей лачуги за реку Оку. Горско-казачье взаимное ожесточение является исключительно результатом российской завоевательной политики, результатом сознательно организованной земельной чресполосицы, результатом натравливания друг на друга казаков и горцев. Казачьему же народу в его самостоятельном бытии и независимой государственности не нужно завоевание горцев Северного Кавказа, казакам не нужна сакля его непосредственного соседа-кунака. Казачьи земли сами широки и обильны и на них есть где применить свои силы в мирном творческом труде.

Казачий народ глубоко заинтересован в том, чтобы на его южных границах свободно развивались соседние народы, с которыми казаки желают жить в мире. Интересы Казачества не в продолжении московско-русской войны с кавказскими соседями, а в полном с ними мире и самых добрососедских и дружеских отношениях. Мы уверены, что в том же заключаются и интересы горцев, Искренний мир с казачьим народом даст Кавказу возможность мирного строительства и культурного процветания. Взаимная дружба и поддержка между казаками и горцами возможна только при обоюдном признании права на свою народную жизнь, на свое собственное бытие и при искреннейшей воле решать общие вопросы только по взаимному добрососедскому соглашению.

Горцам должно быть ясно, что установивши мертвенность старой русской великодержавной идеи, ее ненужность кому бы то ни было, в том числе и самому русскому народу, Казачество не взяло и не возьмет на себя реставрацию Империи.

Равным образом, не найдя для себя места в иных русских системах, демократических или советских, Казачий народ начал строить свое казачье дело и казачья идея формировалась и формируется, как противопоставление идеям русским во всех видах и оттенках, усиление этого национального самосознания Казачества находится в прямых интересах и горцев Кавказа.

Казачья идея сразу же определилась, как исключительно и определенно оборонительная. Казачеству нечего искать в России. Казачество только хочет жить по своей казачьей воле, на своих прадедовских землях, а какие порядки заведет себе русский народ — это его дело.

Надо признать, что советские государственные идеи имеют все те же черты русской ширины, размаха и экспансии, какими отличалась и старая Россия. Они стремятся в той или иной форме, под тем или иным видом охватить не только русский народ, но и иные народы, в том числе и казачий народ и горцев Кавказа. Отсюда вытекает неизбежная оборонительная война наших народов, при чем эта борьба должна вестись дружными и сопряженными усилиями всех народов, которым грозит новое поглощение московской великодержавностью, выступающей ныне под советской фирмой.

Вот почему необходим единый фронт всех народов против московско-большевицкой опасности и ее стремлений поработить и уничтожить наши народы. В общем фронте против общей опасности должна создаваться не только наша правовая и моральная сила, но и сила физическая, которая не допустит грубого насилия над нашими народами. Каждый народ, борющийся против общего врага, должен быть заинтересован в усилении другого народа — своего союзника, помогать выступать всюду и везде единым дружным фронтом, выступать не только на поле брани, но и на поле политическом и внутреннем, где до сих пор еще действуют всякого рода тайные и явные враги свободы наших народов. Эти враги зачастую облекаются в разные ризы и всемерно пытаются вредить всем возрождающимся народам.

Решать горские политические и государственные вопросы может ни кто иной, как только сами горцы свободно выявленной волей. Каковы бы не были эти решения — соседние народы, в том числе и Казачий народ, могут определять к ним свое отношение лишь как к совершившимся фактам.

После российской революции между Казачеством и горцами Северного Кавказа было много общего, много общих задач, которые решались на общих Казачье-Кавказских конференциях, стремившихся создать Юго-Восточный Союз, Доно-Кавказский Союз и пр.

Равным образом и отношения Кубанского Казачества к горцам были самые наилучшие, о чем свидетельствуют отзывы самих горцев и их представителей в Казачьих законодательных органах. Сами представители горцев подчеркивают особое внимание казаков к горцам, без представителя которых на Кубани не было ни одного правительства, ни одной делегации.

Северным соседом горцев является и должно быть не Россия, а Казачество, вольное, строящее на просторах своей родины Казакии свой дом. Поэтому в общих интересах горцев и казаков не отгораживаться друг от друга, но полюбовно, добрососедски сговориться об общих делах. У нас как раз больше общих интересов и общих задач, чем мелких и теперь особенно ненужных разногласий. У нас общий враг, общие стремления победить этого врага, избавиться от его насилия и создать каждому свою собственную народную жизнь.

Как и казаки, горцы не смогли в прошлом защитить молодой Республики, но раз зажженное пламя свободы и национальной освободительной борьбы будет неугасимо светить и указывать путь новым борцам за горскую свободу.

В борьбе с красным московским империализмом многие народы потеряли свою свободу, но ни один из них от нее не отказался, ни один из них не примирился со своим рабским положением, как бы ни старался Кремль выдумывать «новые формы» сожительства народов СССР, как бы он ни пытался снова обмануть живые силы в пользу укрепления и расширения большевицкого зла. Тем более это относится к горцам, любовь которых к свободе является их отличительным признаком.

В трудных условиях рождалась горская государственность. Эти горские трудности мы, казаки, знаем слишком хорошо, ибо в значительной мере это были и наши трудности. Весьма возможно, что эти трудности были причинами не только наших, но и горских неудач. Будем надеяться, что в будущем ни мы, ни горцы этого не забудем.

Знаем также, какие трудности преодолевают горцы и сейчас. Знаем, какие тяжести и препятствия стоят и на их пути к национальной свободе. Будем верить, что нами в будущем будут исключены все ошибки прошлого, все то, что раз'единяло нас, что мешало и нам и горцам.

У казаков нет причин желать горцам в их дальнейшей работе меньше, чем себе. Верим, что и горцы не откажутся быть нашими добрыми соседями. А добрыми соседями мы должны будем быть.

Руководитель Казачьего Национального Движения инж. Глазков.

*) Редакция газеты «Газават» — органа Северо-Кавказского Национал-Освободительного Движения — обратилась к Руководителю К. Н. Д. ст. В. Г. Глазкову с просьбой написать для «Газавата» статью.

Просьба была охотно уважена. Статья была помещена в № 15 (58) указанной газеты. Редакция.

А. Ленивов:

В казачьем карауле.

Полярная ночь... Темносиний эфир небосклона рассекается мерцающими бликами северного сияния. Громадные завалы снега покрывают пересеченную местность бесконечных просторов тундры. Воздух как-бы жалобно стонет от мороза, температура 50° ниже нуля...

Напряженное зрение и настороженный слух улавливают малейший шорох и шум в ночной тишине. Укутанные в длиннейшие полушубки, имея меховые сапоги на ногах и громадные меховые капелюхи на головах, судорожно сжимая руками пулеметы и винтовки, стоят лихие донцы в казачьем карауле на краю Европы, заносимые снегом! Гукает-ли полярная сова, пробегает-ли трусливый белый заяц, шарится-ли голодный волк, думает казак свою казачью думу, упирая еще пристальней напряженный взор вперед, где стоит в боевой готовности заклятый враг!..

Столь горька дума казачья, сколь сильна любовь казака к породившему его Казачеству. Жуткая темнота полярной ночи озаряется от взлетов сигнальных или диверсионных ракет. Дико завывает пурга, едкая стужа пронизывает тело, проникая через мех. Но, казачья кровь бурлит, казачий рассудок ясен! И, здесь в избытках боевой страды, правдой вещей чудиться сказание о том, что чем темнее ночь, тем ярче звезды. Не может значиться лишних слов в утверждение того, что сейчас стелется еще черная тоскливая ночь над Казачьими Землями. Но... знает казак, что рано или поздно, а займется заря Казачьего Освобождения и Воскресения.

В казачьем карауле на краю Европы казаки, находящиеся далеко на север от Полярного круга, велают, что и их участь в победе несет с собой переустройство старой Европы на новых началах. Памятуя последнее, казаки занимающие свои боевые посты, куют также свободу и счастье многострадальному и многославному Казачеству. Сильнее охватываются замки пулеметов, еще крепче сжимаются в казачьих руках винтовки, ибо только кровавый бой, последний бой, решает все и вся...

С победой германского оружия, организуется устройство новой Европы, уничтожая неравенство и несправедливость, порожденные гегемонией в форме Версальского трактата 1919 года. Вносят свою долю на общую пользу и казаки, полноценные и храбрые союзники Великой Германии в борьбе против Советского Союза, проливая свою кровь на чашку весов победы.

Как-то имело место в весну и лето 1918 года, когда возрождалась Донская государственность, Донская армия и германские войска под командой генерала фон-Арнима, дрались совместно против общего врага, выбрасывая его из пределов Донской Земли. Германия 1918 года признавала Всевеликое Войско Донское, но т. н. Антанта отвергла казачье право на самостоятельное государственное существование и... это был «казачий Версаль» 1919 года. Как, что, почему, но... ныне известно, что именно русские люди утопили в те времена Казачью Государственность, ибо за спиной всемогущего Ллойд-Джорджа стоял Сазонов (быв. министр иностранных дел царского времени).

Повторяется или не повторяется история?.. Думается тяжелая казачья дума... Мерещится в ночной тьме, что усматривает казачий напряженный взор через блеск северного сияния недалекие Соловецкие острова, где был некогда Донской Атаман Степан Разин, где сгнил в заточении последний Кошевой Атаман Запорожской Сечи Калнышевский. Чудится казачьим взорам, что на фоне горизонта, запирающего тундру с Востока, лежат на мерзлой земле бесконечными рядами трупы казаков, загнанных московскими катами в Мурманский край.

Воочию или нет, но сторожевым постам слышится странный шум среди завываний ветра пурги. Выстрел, другой, залп, залпы, пулеметные очереди, взметы ручных гранат... и приближавшаяся русская разведка, отходит назад, неся большие потери. Глухой рев артиллерийской канонады в сочетании с пулеметным огнем и разрывами мин, сливается с гулом снежной пурги! Казачий караул на краю Европы не спит, он бодрствует...

Тяжелая казачья дума делает взлет!.. Нет!!! Не бывать тому! Не погибится и не должно погубиться сегодня казачье дело. Нужно сплотиться воедино всем казачьим патриотам и, тени прошлого, протягивающие свои старые закоснулые ревматические пальцы на погубу Казачьей Свободы, должны будут отстраниться стремглав, обратясь вспять. Если казачьи патриоты будут стоять в крепком казачьем карауле у дела Казачьей Свободы и Воли наших дней, как стоят уже два с лишним года казаки в крепком казачьем карауле на фронте, казачья история будет вписывать страницы блестящей эры для Казачества.

Оружие всегда должно быть в порядке и наготове.
Archiv „Der Kosakenbote".

Будущее Казачества зависит сегодня во многом от самого Казачества, ибо физический закон «действие равно противодействию» сохраняет везде и всюду — свое значение. Только дело, только дела, которые должны вершить казачьи патриоты, доведут до победоносного конца начинание 1927 года, когда казачьи патриоты провозгласили начало борьбы за свободу и независимость Казачества.

Дело, которое сегодня уже должно утвердиться в действительности, это имеющее произойти об'единение казачьего тыла, ибо лишь в последующий день после окончания настоящей войны, Казачий Вопрос обретет свое подлинное актуальное значение и, казачьи патриоты должны готовиться к этому дню. Казачий фронт готовит развязку, а казачий тыл обязан докончить таковую.

Казаки обязаны проникнуться сознанием того, что оружие решает, а дипломатия завершает. Казак не может быть в наше время всего лишь воином, он обязан во имя любви к своему многострадальному и многославному Казачеству — проявить наконец свои дипломатические способности. Казачий фронт выделил несравненных воинов, казачий тыл имеет определить искусных дипломатов. Будущее Казачества в руках самих казаков!

Полярная ночь продолжается; дико завывает снежная пурга в тундре, мерцают блики северного сияния.... Выстрел, другой, залпы, казачий караул на краю Европы, он на стороже, он бодрствует!!!

Борис Кундрюцков.

* *
*

Певучий стих рассеет подозренья,
Идеи стяг нас всех об'единит,
И вождь в одно сольет наши стремленья,
И вера нам свободу воротит.

Казачий Край пробудится... В упорной
Наш брат борьбе не изнемог.
Казак-боец с улыбкою задорной —
Он из стремян своих не вынул ног.

Не опустил кривую шашку книзу,
И пики след и меток и кровав,
Смеемся мы судьбины злой капризу,
Оковы все порвав...

Как долго враг со злобою не бился —
Он не смутил казачие умы:
Кто казаком от казака родился,
Того в рядах давно узнаем мы...

Он там стоит на страже нашей Воли
Казак-герой, герой и патриот,
Для Края он желает лучшей доли
И за народ казачий лишь умрет.

Певучий стих рассеет пусть сомненья,
Идеи стяг нас всех об'единит,
И вождь в одно сольет наши стремленья,
И вера нам победы воротит...

...Каждый должен задать себе вопрос, что им сделано, что им принесено на алтарь Казачества? В чем и как выразилась его личная участь, его лепта в деле освобождения Казачества из лап большевизма? Способствовал ли каждый укреплению своего национального дела?

(Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

Ганс Кроекер.

КАЗАКИ.

(Окончание).

От Петра I-го начинается систематический бой, против каждого проявления казаками своей народной осознаности; было выпестовано высшее общество, награжденное поместьями и вполне воспитанное в духе великороссийского империализма. Александр I напал уже и на жизнь обыкновенных казаков и принялся их руссифицировать. Николай I поделил землю, которая до сих пор находилось в войсковом пользовании. Каждому казаку пришлось 32 гектара земли, а офицерам по чинам, от 100 до 1000 гект. и больше. Казачество, как народ, окончательно было принуждено обратиться в «сословие» вооруженного крестьянства. Офицеры-дворяне имели при этом большие преимущества и, вполне понятно, что охотно поддерживали каждую попытку Москвы душить казачье народное и национальное осознание. Но Казачество в целом никогда не утеряло своего желания оторваться от Москвы. В тоже время оно было надежнейшей опорой царской силы и свет долгое время мог утверждаться в их верности, в поддержке, когда казаки —отличающиеся от русской народности, — были в каждое время против всякого возмущения в стране, а цари, в противоположность иным воинским силам, употребляли их для подавления в зародыше каждого революционного движения в стране. Для самих же себя было невозможно отвязаться от московского господства, в особенности из-за полнейшего руссификирования офицерского корпуса, и только революция 1917 года снова оживила надежды на восстановление Казачьей Свободы. После отречения Николая II тотчас же вспыхнул бой против «российского правительства». Для казаков пали вместе с царем все обязательства и связи в отношении российского государства. Запорожские казаки взволновались, Дон, Кубань и Терек стали на собственные ноги. Потом они искали и заключили союз с Германской империей, который, однако, вследствие развала в Германии не привел ни к чему.

Затем последовал бой против большевизма. На Земле Войска Донского утвердилась Добровольческая Армия около 7000 человек. От нее казаки держались в стороне и ограничивались тем, только чтобы удерживать большевиков вне границ своей Земли. Только часть казачьего офицерства воображала, что они должны спасти российскую державу, имея у себя едва стотысячное казачье войско. Они заключили союз с добровольцами, подчинились их главному командованию и шли теперь навстречу от одного поражения к другому. Дон был сдан. 20.000 донцов, позорно покинутых командованием и их союзниками англичанами, должны были сдаться и были уничтожены большевиками. Другая часть донских и кубанских казаков, около 40 тысяч бойцов, были точно также преданы и разделили судьбу своих земляков. Тысячи иных были эвакуированы бежавшими генералами и их западно-европейскими помощниками в Малую Азию и на Балканы, откуда они распространились в качестве эмигрантов по всей Европе.

В самих казачьих Землях никогда в течении 25-ти летнего большевицкого господства не был сломлен ожесточенный бой против красной Москвы. Ни в какой иной части Советского Союза не свирепствовал так террор, как тут. 60 и больше % Казачества было уничтожено и сослано и то, что от него на сегодня еще там оставалось, выглядело только тенью того, что прежде было своеобразной народной группой. Но эти оставшиеся чуют сейчас опять предрассветный воздух. Как ни одна из различных народностных групп обширного российского простора, стали казаки, все равно к какому бы Войску они не принадлежали, на сторону сражающихся против большевизма немецких и европейских сил.

Непрерывно сообщают военные корреспонденты о действиях казачьих частей, а в тылу фронта создаются все больше и больше новые казачьи полки и дивизии. Таившийся в течении десятка лет в сердцах молодых казаков зародыш национализма пробивается в массу их уцелевших земляков. Эти молодые люди, которые должны были покинуть еще, почти, детьми четверть столетия тому назад свою казачью Родину, все же хорошо знают, за что они и их предки должны благодарить Москву. В них говорит сейчас опять-таки казачья кровь, глася щая им, что их место находиться на стороне сражающихся за Новую Европу народов. Они стараются подхватить остатки своей народности, чтобы спасти ее и обеспечить ей мир и спокойствие, в которых она нуждается для своего усиления и возрождения. И они твердо убеждены, что это возможно только под охраной победной Великогермании.

Вполне понятно, что такие стремления встречают оппозицию тех кругов, которые еще связывают себя с минувшим, жаждут восстановления ее и не представляют себе Новую Европу без «великой неделимой России». К сожалению, в каждом народе находятся элементы, стоящие на могильном холме прошлого и никогда немогущие кинуть взор на будущее. Но, мы знаем по собственному опыту, что эти люди не представляют никакой силы, которая способна была бы безошибочно служить шагающему вперед времени, создавать историю и творить в Новом судьбы свои и человечества. **Как десятилетия тому назад принуждены были противопоставиться молодые силы национально-социалистической партии против мира оппозиции, точно также должны преодолевать сопротивления и казаки националисты.** Их величайшие задания лежат в области воспитания и школьного обучения.

Необходимо все-таки пробыть с казаками дольшее время и пожить в их среде, чтобы не только досконально распознать их основное различие, своеобразие и характер, от иных чисто славянских русских, но и вполне понять их. Свои историю и традиции они носят в себе и бесстрашное стремление вперед означает у них наивысшую добродетель. Им чужды колебания и расчеты, раз представляется возможность к действованию. Благодаря этим чертам их характера, мы имеем многие рассказы про «дикость» казаков, которые для многих должны были представляться «страшилищем» царской России. Не нужно и пренебрегать тем, что Европа, а также и большая часть России, знали казаков только по военным историям. Война и бой, в особенности для не принимавших в них участия, являются отвратительными «ужасами» и поэтому совершенно нечего удивляться, что человечество представляло себе всегда казаков, как только сабле- и кнуто-бойцами — янычарами российских властелинов.

Совершенно иное впечатление получается, однако, тогда, когда с этими «дикими» наездниками посидишь у лагерного костра, послушаешь их истории и песни и, таким образом, имеешь случай соприкоснуться с их правдивым и самовозросшим душевным складом.

Это впечатление углубляется, если к тому же познаешь их казачьи станицы, Отчизну и Дом казаков, где жены и дети во время войны, как и в мирное время, должны подождать своих мужей, отцов и сыновей, которые в большом процентном соотношении должны были стоять на различных фронтах царских, или патрулировать на отдаленных границах. Только тогда научаешься видеть, что имеешь дело со здоровым в своем корне **Народом,** который полон доверия и открытой сердечности в отношении того, кого он чувствует нешкодливым для себя. Соответственная этой простоте характера доброта превращается в разогорченную силу, когда они познают кого-либо, как врага своего народа. В течении веков таковыми были татары и наиболее всех почучились иудеи, для которых со времен средневековых пребывание в казачьих областях было сопряжено с опасностью для жизни и которые до начала большевицкой революции ни в одной из казачьих областей не смели стать на ноги. Никто иной и не пробует более к оклеветанию Казачества в Европе, как именно иудеи своей литературой и искусством.

Какое значение имело Казачество для царской государственности и его безопасности, видно хотя бы из того, что из 121 конных полков мирного времени 44,6%, а это значит 54 полка, выставлялось казаками, а из 53 конных батарей было 20 казачьих. В военное время число казачьих полков возростало втрое, т. е. 162, в то время как число в частях армейской регулярной кавалерии оставалось одним и тем же. Значение этого привлечения казаков, в особенности становится видным, когда взять, что при общем количестве населения в 1912 г. нечто более чем 100 миллионов, насчитывалось «казачьего сословия» только 4.053.694. Из него было мужчин 2.029.552, из которых опять-таки состояло на службе 444.967 душ. Иными словами на действительной службе находилось более чем 21% мужского казачьего населения. Россия должна была бы, если бы хотя приблизительно, имела для остального населения воинскую повинность соответственно казачьей, содержать в 1914 году постоянную армию силой в 10 миллионов. В действительности она имела в мирное время несколько меньше миллиона, а в том числе, почти, половина ее состояла из казаков.

Обращаясь к этим числам, вполне становиться понятным, что все защитники «единой, великой, неделимой России» ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах не желают ничего знать о самостоятельности Казачества. **Дело не идет о воссстановлении прежней их империи и положения, но о строительстве Европы, с надежно защищенными евразийскими предобластями.** Построить пути сообщения в Азию, отстроить эти области, пользоваться ими и защищать их в интересах европейского сообщества народов — это и есть целевое стремление национального Казачества. **Оно чувствует себя свободным от внутренней обязанности еще раз строить на своей крови российское государство,** которое на протяжении минувших веков, промотало бесчисленные наилучшие его силы и от которого Казачество ничего не может ожидать, кроме военной обязанности для казаков — служить от 16 до 65 лет. В мирное, равно как и в военное время, во всякий час днем и ночью, обязаны они были, со своим снаряжением, на собственных конях, быть всегда готовыми, за что им в России и в остальном свете признана «слава» жестоких головорезов и нагаечников, каких только знает человеческая история.

Теперь Казачество видит перед собою новое время. Оно ищет мира и стремится к восстановлению своего народного существования не в интересах национально и бытового чужих государств, но в общих интересах новоорганизуемого европейского сообщества народов, в которое оно правосильно включилось. И не обращает внимание на какое-либо прошлое и на мнения, которые бы связывались с какими-либо решениями политического или географического характера, а лишь на то, что нужно и пригодно к заданию для руководства Новой Европой. Для воли национального Казачества не является решающим могущее быть политическо-географическое лицо будущей Восточной Европы, но прежде всего и единственно его сознание, что дискуссия о всех сопряженных с этим вопросах, может быть только после окончательного поражения духовных и материальных сил большевизма и его союзников. Судьба каждого казака неразрывно связана с тотальной победой и он знает, что приходящаяся на него часть в победных лаврах Новой Европы, будет измеряться в зависимости от его участия, его действенности и жертвы.

Инж. Д. Еременко.

О богатствах Казакии.

В пределах быв. России компактные казачьи территории представляли следующие административные единицы: 1) шесть областей:Донская, Кубанская, Терская, Оренбургская, Уральская и Астраханская; 2) две губернии: Ставропольская, которая была отделена от Казачьей Земли царским правительством в 1869 году, и Черноморская, оторванная от казачьего тела в 1896 году.

По величине занимаемой территории Казакия представляет из себя непрерывную географическую единицу с пространством около 870 тысячь кв. километров и с населением (по советским сведениям до 1930 года) около 15.000.000 человек. Если сравним площадь Казачьих Краев с площадью земель иных государств, можем констатировать, что, например, Казакия в два раза больше чем такое европейское государство, как Франция (без ее колоний), в три раза больше Англии и Италии (тоже без колоний), и немного уступает Великогермании с Протекторатом и Генерал-Губернаторством. Одно лишь Войско Донское почти в два раза больше Болгарии и в 7 раз больше Бельгии и т. д.

По количеству населения Казакия уступает только Европейской России, Англии, Германии, Франции, Италии и Испании, остальные европейские государства превышает, некоторые, как например Швейцарию, почти в пять раз, а другие и еще в более раз.

Основой благосостояния населения в Казачьих Краях было земледелие. Ежегодный сбор земледельческих продуктов в Казакии до 1920 года был такого количества, что полностью удовлетворял весь внутренний российский рынок и, кроме того, значительная часть его вывозилась и заграницу. Часто бывало так, что на Кубани выпал в мае — июне дождь и этого было вполне достаточно для того, чтобы курс зерновых продуктов на Чикагской бирже в Северной Америке немедленно понизился.

В восточной части Казакии находятся большие безводные пространства, пустынные пески, солончаки, в других частях ее горные, лесные склоны и плавни непригодные для хлебопашества. Превладающая же часть просторов Казачьих Земель, особенно в западной части Казакии, в климатическом и почвенном отношении весьма благоприятная для развития земледелия и с большим избытком выравнивает недостатки восточной своей части. Особенно плодородна почва на Кубани.

Главными продуктами зерновых культур Казакии были пшеница, ячмень, овес, кукуруза, подсолнух, лен, конопля и т. д.

Только сбор годичного урожая пшеницы, ячменя и кукурузы перед первой мировой войной составлял одну треть всего урожая в Европейской России. Общий сбор урожая всех зерновых культур в 1917 году в Казакии равнялся 10.040.000 тоннам, заграницу вывозилось, кроме России, зерновых продуктов 4.000.000 тонн. Посевная площадь всех главных земледельческих культур достигала почти 215.000 кв. километров, т. е. была немного меньше всей территории быв. Юго-Славии.

Чтобы иметь полное и ясное представление о величине урожая некоторых зерновых хлебов в Казакии, сравним его с соответствующими статистическими данными других государств. Оказывается, что по сбору пшеницы наши Земли занимали до 1920 г. шестое место в мире, превосходя и таких его поставщиков, как Аргентина, Австралия, немного уступали сбору в Канаде. Наш сбор пшеницы превышал весь сбор Германии, Италии, Испании и равнялся одной четвертой огромного сбора такого гиганта, как Соед. Штаты.

По сбору ячменя Казакия уступала только таким государствам, как С. Штаты и Германия, занимая таким образом третье место в мире. По сбору овса занимала 9-ое место, но зато по сбору ржи, несмотря на сравнительно небольшое ее значение в наших Землях, Казакия занимала 5-е место в мире, уступая лишь Германии, Франции, С. Штатам и Испании.

Помимо зерновых хлебов и масляничных растений Казачьи Земли были богаты целым рядом специальных земледельческих культур, как например, табаком, хлопком, различными лекарственными растениями и т. д. Сбор высших сортов табаку в Казакии превышал половину всего сбора в бывшей Российской Империи. Одна лишь Кубань давала ежегодно 32.000 тонн табаку т. е. столько, сколько давали перед прошлой мировой войной Германия и Турция вместе, при чем площадь засева в 1917 году была доведена до 24.000 десятин. Нельзя не отметить также и виноградства в наших Землях. Площадь земли, занятой виноградниками, равнялась 45.000 гектарам. Годичный сбор винограда достигал 112.000 тонн и составлял пятую часть всего сбора винограда во всей быв. России. Некоторые сорта получавшегося у нас вина, напр. Цымлянское на Дону, Абрау-Дюрсо на Кубани, были непревзойденными.

Весьма развито было в Казакии огородничество, бахчеводство и садоводство. Десятки миллионов пудов арбузов и дынь ежегодно отправлялось в Россию, а в особенно урожайные годы казаки порой не знали, что с ними делать, куда их девать.

Второю по важности отраслью сельского хозяйства в Казакии было скотоводство. В дореволюционной России Казачьи Земли по количеству скота стояли на первом месте. Лошадей было более 3.000.000 голов, крупного рогатого скота — более 7.000.000 голов, верблюдов — около 200.000 голов; овец и коз — около 13.000.000 голов, свиней — более 2.000.000, а всего около 26.000.000 голов. Если сравним с данными того времени других государств, то найдем, что по общему количеству скота Казакия занимала 8-е место в мире, превосходя такие государства, как Италия, Испания, Дания, Бельгия и Голландия. По количеству же голов скота, которое приходилось на 100 человек населения, Казакия была на 3-ем месте в мире, уступая только Урагваю и Аргентине, и была обеспечена скотом почти в два раза больше, чем Россия и больше нежели в 4 раза Германии. Более 300.000 голов крупного рогатого скота ежегодно вывозилось в Россию в живом состоянии и много миллионов тонн в переработанном виде, как мясо, сало, жиры и т. д. Одной тонкорунной шерсти вывозилось более чем на 73.000.000 золотых рублей. Несмотря на то, что тонкорунная шерсть Казачьих Земель составляла 75% сбора всей бывшей России, Казакия не имела ни одной фабрики на переработку шерсти в текстильные фабрикаты, вернее, ей было запрещено иметь подобные фабрики. Таким образом, казаки имели со своей шерсти минимальный доход. Огромная же прибыль попадала в карманы русских фабрикантов, которым российским правительством была дана возможность на севере строить специальные суконные фабрики.

Высоко также было развито в Казакии птицеводство и пчеловодство. В отношении пчеловодства Казакия, напр., занимала первое место в быв. России. Особенно в этой отрасли выделялась Кубань, где число пасек доходило почти до 8-ми тысяч, а годичный сбор меду равнялся 1.600.000 клгр.

В народном хозяйстве Казакии не малую роль играл рыбной промысел, хотя его значение у нас не дооценивалось. Более 110.000 челов. нашего населения занималось исключительно рыболовством, в такой же стране, как напр., Англия насчитывалось всего 100.000 человек, которые были связаны с рыболовством. Более 65 % улова Европейской России приходилась на долю улова всех Казачьих Земель. Одна лишь область Каспийского моря давала ежегодно 500.000 тонн улова. Один только Астраханский район рыбной ловли по величине улова уступал лишь таким государствам, как Англия, С. Штаты, Россия, Канада и Япония, т. е. иными словами был на 6-м месте в мире.

Недра Казачьей Земли таят в себе неиссякаемые источники народного богатства.

Огромнейшие месторождения нефти в Казакии известны всему свету и имеют значение не только местное, но и мировое. Наиболее богат нефтью район Грозного на Тереке, потом следуют районы — Майкопский, Калужский, Крымский, Анапский на Кубани и Урало-Эмбский в северо-восточной части Казакии. В 1914 г. было добыто в Казакии 2.048.000 тонн нефти, таким образом, по добыче нефти Казачьи Земли были на 4-м месте в мире, уступая лишь С. Штатам, Бакинско-Ферганскому району в Азербейджану и Мексике. В 1917 г. 37% всей добытой нефти в бывшей России приходило на долю Казакии. При этом надо заметить, что, по советским данным, в последнее время одни Кубанские буровые скважины давали 6.000.000 тонн годичною нефти.

В северо-западной части Казакии, особенно в Таганрогском округе, на Дону, находятся огромные залежи угля. Вся угленосная площадь только лишь на Дону исчислена почти в 7.000 кв. километров. Угольные же запасы этого района по приблизительному подсчету равняются 20 миллиардам тонн, уступают своим общим запасом ископаемого угля только таким государствам, как С. Штаты, Германия, Канада, Россия, Англия. Если же принять во внимание то, что 68% этих запасов угля дает высший сорт угля — высококачественный антрацит, то удельный вес угольных богатств наших Земель значительно увеличится. Наш запас антрацита уступал только запасу антрацыту в Китае, Индо-Китае и С. Штатах. Уже перед прошлой мировой войной было заметно большое оживление в области бокетного производства и получения побочных продуктов коксования: смолы, амиаку, бензолу и т. д.

Огромных богатств и запасов всевозможных рудных ископаемых в Казакии человеческая рука еще не коснулась. Железная руда, найденная на Кубани между рекой Белой и Лабой, содержит до 71% металлического железа, а магнитный железняк, обнаруженный в некоторых местах Балтапшинского и Майкопского отделов на Кубани, содержит 70%. В верховьях реки Кубани обнаружен мышьяковый колчедан, серный колчедан; у станицы Переправной, Хамкетинской и Губской — марганцовые руды. В Донской области обнаружены месторождения бурого железняка. Имеются и полиметаллические руды, как-то: цинк, свинец, медь, золото, серебро, олово, молибден, ртуть и т. д. К сожалению, до настоящего времени нет точных и окончательных подсчетов полезных ископаемых богатств, ибо по сей день нет точных геологических карт. Природные богатства исследованы весьма мало, а большая часть мест их нахождения вообще не была исследована, так что никто точно не знает, какие еще полезные ископаемые богатства таятся в недрах Казачьей Земли. Многие залежи ископаемых доских пор не могли быть разрабатываемы исключительно вследствие своей оттоованности, вернее, вследствие полного отсутствия путей сообщения. Вся наша горно-добывающая промышленность сводилась лишь к эксплоатации серебро-свинцово-цинковых месторождений у местечка Садон. Несмотря на абсолютную ничтожность добычи в сравнении с другими странами, в Казакии добывалось 100% добычи серебра б. России.

Соляные богатства Казакии принадлежат к самым крупным богатствам такого пода в мире и исчисляются сотнями миллиард тонн. До революции 60% всей русской продукции соли давала Казакия. Лишь одно озеро Баскунчакское ежегодно выбрасывало на рынок более 500.000 тонн соли.

(Продолжение на 3 стр.)

И. Безуглов.

Панславизм в исторических фактах.

Если бы мы захотели вспомнить историю взаимоотношений славянских народов в прошлом, то, без сомнения, натолкнулись бы на много фактов, которые широкой общественности очень мало знакомы, или же совсем неизвестны. Большинство воспоминаний относится к самому большому народу славянскому, к народу великорусскому.

Из истории мы знаем, как враждовали и уничтожали друг друга славянские племена, образовавшие впоследствии великорусский народ. Лишь благодаря жесточайшим мероприятиям Ивана III был положен конец братоубийственным войнам великих князей и племена были об'единены настолько, что с успехом могли отражать постоянные набеги татар. Первой жертвой славянского братства и любви была свободная Новгородская республика, которая благодаря своим обширным торговым сношениям с западной Европой настолько разбогатела, что возбудила зависть Москвы, была ею покорена и приведена к послушности самым жесточайшим образом. Такая же судьба постигла и Псков. От 15 века начала Москва бой со славянскими братьями поляками за Литву и Белоруссию, бой продолжался столетия и окончился победой Москвы. В те времена Украина была политически как бы разделена Днепром на западную и восточную. Западная находилась под властью польских королей, а восточная сохраняла полную независимость, будучи буфером между Турецким Крымом, Великороссией и Польшей.

Братья поляки стремились к овладению и восточной Украины, а посему старались как можно скорее ополячить западную, силой насаждая католицизм и тем самым вносить раскол в среду украинского народа. Польская администрация правила так жестоко, что украинцы об'единились и расправлялись с поляками, о чем свидетельствуют многочисленные восстания. После восстаний поляки некоторое время оставляли украинцев в покое, но оправившись принимались за старое. Москва искусство использовала недовольство поляками и постепенно, путем подкупа украинской шляхты, наложила на них руку. Поверив братьям славянам и приняв их протекторат, украинцы позже глубоко раскаялись, когда Москва в царствование Петра I и особенно Екатерины II, расправилась с ними так, что польские притеснения по сравнению с русскими, казались пустячными. При Петре I русские заняли войсками Украину, но не чувствовали себя настолько сильными, чтобы окончательно поработить их и только Екатерина II вбила последний гвоздь в гроб украинского народа. Окружив Запорожскую Сечь и разоружив часть гарнизона, не пожелавшего пробиться в Турцию, Екатерина всю землю украинскую роздала своим приближенным, а народ прикрепила к земле в качестве крепостных. Запорожцы, ушедшие в Турцию, поселились по Дунаю, но Екатерина путем уговоров и обещания всяческих благ склонила их к возвращению в Россию.

—

Почти тот же самый метод был применен и к другим «братьям славянам» — Донским казакам. Первый натиск был сделан Москвой во II половине 17 века, но предприятие окончилось неудачей и только потому, что у казаков был прозорливый патриот Степан Тимофеевич Разин, который так ослабил Москву, что она временно оставила мысль о покорении. Петр I, окончив войну со шведами, послал на Дон свои войска под командой князя Долгорукого и приказал ему привести казаков к присяге. Казаки собрались на Круг и категорически отказались присягать. Долгоруков хотел силой заставить их присягать, казаки возмутились, солдат перебили, а Долгорукого зашили в куль и бросили в Дон. Воспользовавшись этим, Петр I собрал большую армию и послал на Дон. Началась война; казаки с атаманом Булавиным выступили против Петра, но были разбиты, Булавин будучи окружен со всех сторон — застрелился. По Дону солдаты расправлялись с казачеством без милосердия. Тысячи казаков было повешено и на виселицах, поставленных на плоты, пущены вниз по Дону, для отстраски. Атаман Некрасов собрал остатки войск и ушел с ними в Турцию. До сих пор вблизи Константинополя живут Некрасовские казаки эмигранты, сохранив язык, веру, обычаи и казачьи традиции.

В результате разгрома казачество утеряло свою самостоятельность и должно было мириться с очень ограниченной автономией. Завести крепостное право Москва не решилась.

Казаки никогда не мирились со своей судьбой и часто поднимали восстания. Пугачевское было самым крупным и отрясло Российской империей настолько серьезно, что для подавления был вызван полководец Суворов.

Последующие цари относились к казакам более осторожно, использовав их как завоевателей и колонизаторов. Покорив украинцев и казаков, Екатерина направила свои устремления в сторону поляков. На освободившийся польский трон, путем подкупа и интриг ей удалось посадить на престол графа Станислава Августа Понятовского, который долгое время проводил руссофильскую политику. После смерти короля, Польшу заняли русскими войсками и разделили между тремя великими державами, причем львиную долю братья славяне взяли себе.

В 1917 году поляки и украинцы, воспользовавшись русской революцией, отделились от Москвы и образовали самостоятельные государства.

В 1918 году Дон об'явил себя самостоятельным государством и начал войну с русскими большевиками, пытавшимися навязать казачеству советскую власть, дабы снова прикрепить их к единой неделимой. Почти трехлетняя неравная борьба окончилась победой большевиков и казачья армия, во главе с Атаманом, Кругом и правительством, принуждена была покинуть родные земли, которые уже 25 лет стонут от жестокостей оккупантов. В 1932 году, при подавлении очередного казачьего восстания, большевики применяли все роды оружия, вплоть до удушливых газов. Много казаков постреляли, много сослали на север в лагеря, но несмотря на это и теперь, после 24 летнего террора, дух Казачества не был сломлен и при первой возможности казаки взялись за оружие, чтобы совместно с немецкой армией уничтожить бич 20-го столетия — большевизм.

—

В 1877 году Москва, под видом освобождения балканских славян, — об'явила войну Турции и обеспечила болгарам и сербам, независимое от Турции, существование. Чем же окончилось братское славянское покровительство? В Сербии после двухлетнего пребывания русской военной миссии, население было так озлоблено проти русских, что члены военной и дипломатической миссий должны были спешно покинуть Белград, причем некоторые из них были и убиты.

В Болгарии, где почти пять лет русские помогали управлять страной, поднялось такое недовольство, что русских попросили просто покинуть пределы Болгарии, причем болгары говорили: «лучше будем жить с турками, чем далее терпеть правление братьев славян».

Только чехи, словаки, хорваты и словинцы избегли проявления русских славянских забот.

—

После войны поляки освободились и первым долгом все силы направили к тому, чтобы прибрать к рукам братьев славян галицких украинцев и белоруссов, поступая при том точно так, как поступали с ними русские. Закрыли массу школ, сажали в тюрьмы всех противящихся полонизации.

В настоящее время отношения у поляков с украинцами и белоруссами настолько испорчены, что о примирении не может быть и речи.

Тоже самое было и в Югославии, где сербы проводили самым брутальным способом свою великодержавную политику по отношению к братьям хорватам, что породило вражду не меньшую, чем между украинцами и поляками.

Между славянами возможна, также как и между другими народами, лишь реальная политика. Это должен каждый славянин осознать и не тешить себя несбыточными мечтами о славянском рае.

Мы казаки знаем цену подобным утопиям, так как на себе испытали братскую любовь великорусского народа, и верим, что только в Новой Европе, за которую наши войска льют кровь вместе с немцами, займем подобающее нам место.

Казачья Православная Церковь в Берлине доводит до сведения всех казаков, что Богослужения совершаются по субботам в 18 час. и по воскресеньям в 12 час. дня. Поет казачий хор.

Адрес церкви:

Jerusalemerstr., Ecke Kochstr. (Jerusalemer Kirche) Berlin. U-Bahn, Spittelmarkt выход Lindenstr.

Адрес о. настоятеля:

Berlin W. 50, Bambergerstr. 5, Telefon 25-73-00.

Священник Николай Судоплатов.

Д-р А. Балабас.

Вместо венка на могилу сотника М. М. Фризани.

(Один из многих).

В скорбном листке «Каз. Вест.» от 1-го апреля с. г. прочли мы печальное сообщение Казачьей Национальной станицы в Кнейттингене о том, что «5 марта 1944 года скончался наш дорогой друг и соратник, писарь станицы, Михаил Матвеевич Фризани, казак ст. Славянской, Кубанского Войска.»

Тяжелое известие для всех, кто ближе знали покойного. Со смертью М. М. Фризани отошел в вечность один из тех, кто при возникновении большевизма распознали его звериную сущность и в течении 25 лет не только призывали к идейной борьбе с ним, но и сами, с оружием в руках, оборояли свою Родину от московско-большевицких узурпаторов. Неумолимая смерть вырвала из казачьей боевой лавы этого скромного, но отважного и спокойного бойца как раз тогда, когда близятся к осуществлению заветные чаяния и надежды его.

М. М. Фризани всегда верил в неизбежность советско-европейского конфликта. В возможности такого конфликта он видел спасение своей Родины. Конфликт настал. Его конца покойному дожить не судилось. Но уже первые фазы этого столкновения оправдали и подкрепили надежды и чаяния покойного. «Вышло так, как мы думали. Европа не уклонилась от своей обязанности приборкать распоясавшуюся красную Москву.

Новая Германия взяла на себя эту историческую задачу... Близится к концу, или во всяком случае к кульминации, та долгая борьба, которую мы, казаки, когда-то вели сами с красным дьяволом». Такими словами характеризовал покойный в одном из своих писем сущность советско-германского конфликта, рассматривая это событие под углом зрения своих казачьих интересов. В этом конфликте усматривал М. М. Фризани подтверждение смысла казачьей антибольшевицкой борьбы.

Само об'ективно-историческое подтверждение веры не греет живущего верующего. Он ждет всегда еще и людской оценки и признания современников. И этого дождался покойный. Декларация Германского Правительства от 10 ноября 1943 года есть такой оценкой и признанием современниками жертв, какие Казачество понесло в своей неравной борьбе с красной Москвой. В письме от 8 декабря 1943 г. писал покойный по этому поводу: «Теперь наша жизнь просветлела. То, что так долго ожидали — совершилось. Казаки признаны как народ, как нация. Наша долголетняя, кровавая и неравная борьба не была напрасна. Есть справедливость у Бога, есть она и у людей. Наша борьба, наши заслуги перед культурным светом признаны правительством и командованием могущественной державы. Ты только вдумайся в этот акт, подписанный высокими представителями Германии!.. Как я счастлив, что наконец — а это уже почти есть — снова засияет солнышко правды и своими живительными лучами отогреет нашу измученную Кубань и она вновь заживет свободной, счастливой казачьей жизнью»... Так живет и волнуется покойный перспективами лучших дней для своей родины. И это тогда, когда сам уже настолько болен, что для себя ничего от жизни не ожидает. В том же, уже цитированном письме, далее читаем: «Грустно только, что здоровье мое не позволит мне дожить до радостных дней. Жутко сознавать, что я останусь тлеть в чужой земле, где я только заброшенный чернорабочий. Но с другой стороны я счастлив, что до гробовой доски не изменил своим убеждениям, ни на минуту не прекращал своей посильной борьбы с большевицкой заразой, где бы ее ни встретил и в какой бы форме она не проявлялась»...

В демократической Европе не было почти никаких возможностей бороться с большевизмом. Тратились все силы лишь на то, чтобы выдержать враждебность или равнодушие к себе окружающих и не упасть под ударами ежедневной борьбы за физическое существование. М. М. Фризани проявил истинный героизм и в этой форме борьбы. В тяжелых условиях скитальческой жизни ни разу не поколебался в правоте своего дела; и в сутолоке скитальческой жизни, остался заботливым другом, мало думающем о себе.

1924 году я случайно узнал его местопребывание и писал ему, чтобы он прорбрался в Прагу, где была возможность учиться. «Как-то не хочется оставлять товарищей. Здесь нас четверо, сжились. Если сможем все вырваться, привалим, а самому, как-то неловко в таких условиях». В этих словах видится целый образ покойного.

Казачье Национальное Движение, в лице станичника А. Ивашкова, атамана станицы в Кнейттингене, возможным в нынешних условиях образом, оценило заслуги покойного перед Казачеством. А я, на правах станичника М. Я. Фризани, хотел бы над его свежей могилой отметить хотя те его этапы личной жизни, какие прошли на моих глазах.

Я близко знал покойного с 1906 года. В 1910-14 г.г. мы были коллеги по учительской службе в ст. Славянской. В нашей школе была самая дружная учительская семья среди десятка станичных школ. И лучший ученический оркестр. Главная заслуга в этом принадлежала М. М. Фризани.

В 1915 г. покойный окончил школу прапорщиков в Тифлисе. До конца 1916 г. оставался там же курсовым офицером. Потом служил в какой-то армейской части на Кавказском фронте. — В казачьи части смог вернуться только в конце 1917 года; и здесь, в первые дни развала России, стал горячим сторонником обновления старых казачьих форм жизни. Позже, не колеблясь, стал в первые, еще редкие тогда ряды тех, кто смело встретили большевицкие орды на рубежах Родного Края. — В 1919 г. тяжело оскорблен в своих наилучших чувствах поведением Добровармии в Казачьих Землях. Особенно дикая и бестолковая расправа с А. И. Кулабуховым и Кубанской Радой заставили покойного поставить знак равенства между белыми и красными «собирателями земли Русской». — Участник Второго Кубанского похода. Участник десанта на Кубань. А потом: Крым, Лемнос, Сплит, Болгария, откуда в 1924 году выехал по контракту на работу во Францию на металлургические заводы. И там прожил 20 лет в тяжелой физической работе. «В работе мне не везет. С киркой, лопатой и вилами не расстаюсь... Если бы ты хоть на день мог попасть в мою обстановку, сразу бы задал себе вопрос: как может еще этот человек жить?» Так пожаловался как-то покойный в одном из последних своих писем.

Трагика наших людских отношений иногда заключается в том, что мы не можем вовремя понять истинный смысл слов и поступков тех, кто при скромном своем облике скрывают в себе великую духовную силу. И часто только по их смерти откывается нам их истинный облик. Под свежим впечатлением невозвратной утраты я снова прочел последнее письмо покойного. Как мало в нем личного и сколько тревог и волнений за других. Как чутко и горячо реагировал покойный на все, что касалось казачьей жизни! И какое понимание, быть может интуитивное угадывание, смысла и хода событий нашей тревожной эпохи!

Со сметью М. М. Фризани Казачество понесло тяжело вознаградимую потерю. В нем лишается Казачество в тяжелые дни своего боя одного с тех бойцов, кто до последней минуты своей жизни без претензий, без жалоб несут на себе главную тяжесть боя на очередном посту. И при том непоколебимо верят в справедливость боя и в его успех.

Многое из того, во что верил покойный М. М. Фризани, осуществилось. Осуществится и его пламенная вера в лучшее будущее нашей Казачьей Родины. Из этой веры черпал покойный свои силы во все долгие годы своих скитаний. А мы этой верой будем облегчать нашу боль над теми жертвами, какие несет Казачество в своем справедливом бою за свою жизнь.

(Окончание со 2-ой стр.)

Металлургическая промышленность в Казакии была представлена главным образом в Донской области вблизи угольных залежей и равнялась приблизительно одной седьмой части металлургической промышленности всей б. России. Самым крупным заводом был Макеевский в г. Дмитриевске, вторым по величине был завод Таганрогский на Азовском море у Таганрога и третий завод Сулинский на север от Новочеркасска. Все эти заводы работали на руде Криворожской и Керченской. На Аксайском заводе на Дону и Ачмаирском на Кубани, а также в Царицыне изготовлялись исключительно сельско-хозяйственные машины.

За последние годы перед революцией мукомольная промышленность в Казачьих Землях развивалась очень быстро. В 1914 г., напр., перемол ржи и пшеницы в Казакии равнялся почти 3.000.000 тоннам. Число крупных вальцовых мельниц достигало 600. По числу предприятий и размерам перемола на первом месте стояла Донская Область, на втором месте — Ставропольская губерния.

Заметно развивалось в Казакии также кожевенное производство. Вывоз сырой кожи заграницы Казачьих Земель составлял 3.200 тонн т. е. почти 40% поступавшего на рынок сырья. Интересно отметить при этом, что этот вывоз приблизительно соответствовал тому количеству, которое ввозила бывшая Чехословакия, так что Казакия с успехом бы могла сама обслуживать целый рынок Протектората, где производство кожевенных изделий стоит весьма высоко.

Среди иных видов промышленности видное место в Казакии занимает производство цемента. Главным поставщиком цемента являлась Черноморская губерния, на втором месте была Донская область, а за ней следовала Кубанская. Всего было 19 цементных заводов. Из Казакии цемент вывозился даже в Японию и Китай. Годовое производство цемента достигало до 1920 г. 1.000.000 тонн, больше чем половина этого количества цемента вывозилась заграницу.

Довольно развито было в Казачьих Землях производство кирпича, черепицы и извести. На Тереке, напр., число заводов по получению извести обжиганием натуральных известняков вместе с заводами по выделке алебастра и гипса достигало 56.

Принято Казачьи Земли рассматривать как чисто степные края, бедные на лесные богатства, это не совсем соответствует действительности. Лесная площадь Казакии исчисляется в 3.500.000 гектаров. Эта площадь в сравнении с площадью лесов некоторых губерний России кажется скромной, но если сравним площадь лесов Казачьих Земель с площадью лесов некоторых государств, определим, что площадь лесов Италии приближается к площади лесов Казакии, площадь лесов Англии (без колоний) меньше площади лесов Казачьих Земель более чем в три раза. Число пород деревьев, встречающихся в лесах Казакии, превышает 300, в то время, как в остальной России их было небольше 200. Главные представители: дуб, граб, бук, каштан, ясень, пихта, тис и т. д.

На основании кратко изложенных и рассмотренных нами богатств нашей Родины Казакии мы узнаем, что наши Земли заключают в себе такое богатство, что вполне становится ясным и понятным, почему именно так тяготеют к нам северные «братья по крови», почему они проявляют такой интерес и «заботы» к Казачеству.

Возрождение и процветание Казакии в будущем зависит исключительно от нас самих казаков — хозяев всех колоссальных богатств нашей Земли, добьемся ли снова Казачьей Свободы и Воли, с'умеем ли мы, казаки, стать хозяевами своей Казачьей Родины, обильно политой кровью и потом наших предков. В этом заключаются жизненные интересы всех казаков, к этому должны стремиться все истинные и сознательные сыны Казачества.

...Мы должны не забывать, что в прошлом наши противники были сильнее нас. Некоторые из них опирались на силу авторитета, оставшегося у них от недавнего прошлого казачьей действительности, но за годы эмиграции и их ничегонеделания померк этот авторитет в глазах казаков. ...

...Мы же и наше Движение опирается на с и л у и д е и, на нашу казачью Правду, на совершенную уже нами работу, которая является источником действительного авторитета в настоящем, а не в прошлом. Теперь мы можем смело сказать, что у казаков националистов нет идейных конкурентов.

(Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

...Казаки националисты, а никто другой, поставили Казачий Вопрос, как самостоятельный вопрос. Не только поставили, но и внесли в его решение необходимую ясность. И теперь уже никто и никогда не снимет его с повестки дня, никто не затемнит его, как бы кто не старался, как бы кто не жонглировал или не пытался повторять старые опыты.

(Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

Инж. Ф. Полковников.

Москва - III Рим и Интернационал.

Профессор Федотов на страницах «Вестника» — органа русского студенческого христианского движения (№ 1-2, Париж, 1929 г.) «задал вопрос: «Будет ли существовать Россия?» и несмотря на обширную, в несколько десятков страниц статью не мог найти на него успокоительного ответа.

Вопрос о том, будет ли существовать Россия или не будет, у большинства не вызывает никакого сомнения и, больше того, для многих это вообще не вопрос, разница только в том, что это «большинство» резко разбивается на два совершенно противоположных лагеря и то:

1) Одна часть этого большинства, несомневающихся в этом вопросе, уверена, что Россия не только будет существовать, но «всегда» существовала, существует сейчас и «невозможно», чтобы перестала существовать.

2) Другая часть большинства тоже «совершенно» не сомневается и тоже определенно уверена, но только в том, что Россия уже не существует и существовать не будет.

Правда, г. Федотов свою статью «Будет-ли существовать Россия?» написал в 1929 году, т. е. во времена так различные и временам и событиям сегодняшнего дня. После опубликования этой статьи протекло много воды, осуществлено или отброшено много желаний, идей и программ, но нам кажется что успокоительный ответ на поставленный вопрос в 1929 году г. Федотов не смог бы дать и в 1944 году.

В 1944 году, в самый критический момент войны, больше чем когда-либо начиная от 1917 года окрепла уверенность и у многих первых и у многих вторых; эти «многие» сейчас еще ясней, еще бесповоротнее, все тверже и определеннее не только верят, но и «знают», что: «Россия будет» или «Россия не будет».

Ясно, что кто-то из этих «двух» ошибается, так как одновременно не может быть двух взаимно опровергающих истин или — ошибаются и первые и вторые, а истина лежит в чем-то третьем, а это «третье» не видят и не могут видеть ослепленные некритическим фанатизмом пророки или только всего на всего обыкновенные попутчики формулы: «будет — не будет».

Правда, проф. Федотов в конце своей статьи далек от безоговорочной фанатичной уверенности и кончает свою статью тем, что на вопрос: «Будет ли существовать Россия?» не отвечает: «будет! будет!» а «буди! буди!»

Из статьи ясно, что проф. Федотов под именем России подразумевает Россию в границах 1914 года и в этих границах Федотов определенно различает «господствующую» народность русскую, а народность русская есть великороссы, а колыбель великороссов — Святая Русь.

Проследим же мы, казаки, течение мыслей одного профессора великоросса, который совершенно откровенно развивает перед читателем свои взгляды и чаяния, мысли и желания великоросса, который, видимо, далек от обыкновенной «уличной» мегаломании многих и многих своих земляков, которые управляли государством Российским, которые привели государство к революции, которые проиграли мировую войну, которых овоплотил Деникин и Ко., которые провалили нашу борьбу с большевиками, которые с полными чемоданами «заблаговременно» выехали в Лондон, Париж, Рим, Ницу и Биарицу, которые редко когда подставляли свои «благородные» груди под пули, а которые считают себя единственными, законными, пожизненными и наследственными вождями народов бывшего государства Российского.

Проф. Федотов не принадлежит к этой группе вождей «Божьей милостью», нет, он неизмеримо лучше их, но... как он далек, как страшно далек от истины, как неизмеримо далек от элементарной правды, как он не может понять, и не в состоянии понять того, что жизнь идет своим током, что если один велидоросс в течении столетий «привыкший» быть «господствующим» народом в государстве не может «это» вычеркнуть и от этого отказаться, то и «негосподствующие» народы тоже не могут вычеркнуть своей истории рабства, своего унижающего положения и улучив момент постараться быть свободными, чтобы на своей земле, со своим народом жить своей жизнью, идти своим историческим путем, чтить свою старину, молиться своему Богу и никогда в границах земли своей не чувствовать себя «кем-то» и «чем-то», а только полным хозяином своей отчизны.

«В революции, пишет проф. Федотов, мы привыкли видеть кризис власти, но не кризис национального сознания. Многие не видят опасности, не верят в нее. Я могу указать симптомы. Самый тревожный — мистически значительный — забвение имени России. Все знают, что прикрывающие ее четыре буквы С. С. С. Р. не содержат и намека на ее имя, что государственная формация мыслима в любой части света...»

«...О том, что Россия становится географическим и этнографическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой».

«Можно отмахнуться, пишет он дальше, от этих симптомов, усматривая в них лишь новые болезни интеллигенческой мысли, — к тому же не проникшие в Россию.

Но никто не станет отрицать угрожающее значение сепаратизмов, раздирающих тело России. За одинадцать лет (статья написана в 1929 году) революции, зародились, развились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабленном теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтелигенции(?!), которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под покровительством интернационального коммунизма в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России».

«Казанским татарам уйти(!) некуда. Они могут лишь мечтать о Казани, как столице Евразии. Но Украина, Грузия и др. (в лице их интелигенции — это примечание самого Федотова) рвутся к независимости».

«И мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чистокровные великроссы — сибиряки тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской республике — легкой добыче Японии».

«Революция укрепила национальное самосознание всех народов, об'явила контрреволюционным лишь национальные чувства господствующей вчера народности»...

Так жалуется на «негосподствующих», вчера «господствующий» великоросс. В чем дело? Где же элементарная правда? Кто виноват во всем том, на что жалуется великоросс проф. Федотов?

Виноваты ли «негосподствующие» народы, которые хотят быть свободными или виноват «вчера господствующий» народ, который так хорошо «господствовал», что даже великороссы-сибиряки захотели отделиться и мечтают о Сибирской республике.

Но великоросс проф. Федотов, сетуя на неблагодарных сепаратистов, «которые уже гонят от себя своих русских учителей», «рвутся к независимости» и «имеют зуб против России», сам на стр. 14 своей статьи дает и об'яснение и оправдание этого так ненавистного ему сепаратизма:

«Национализм русский выражался, главным образом, в безцельной травле малых народностей, в ущемлении их законных духовных потребностей, создавая России все новых и новых врагов».

Это признание великоросса проф. Федотова очень интересно и показывает, что сепаратизм должен был появиться, как неизбежное последствие «безцельной травли малых народностей».

В революции 1917 года великороссы «видели кризис власти», но это оказалось ошибочным, революция 1917 г. была не только кризисом власти и не только кризисом национального сознания, но кризисом вообще — слом всего, разрушение всего и попытка создать что-то новое еще нигде и никогда не бывшее и потому исторически чуждое.

Отбрасывание имени России было лишь логическое последствие и неизбежность процесса революции, — выполнение программы мировой революции невозможно под орлатом России, а возможно только под флагом «четырех букв» С. С. С. Р. которых так боится Федотов.

Но проф. Федотов, боясь «четырех букв» С. С. С. Р. и отбрасывая это название потому, что, как он говорит, «Россия становится географическим и этнографическим пространством, бессодержательным, как бы пустым...», все же так близок главной цели коммунизма — мировому господству.

Мистическая цель вождей фантастического московского мегаломанства была, есть и будет одна и таже и не зависит от того сидит ли в Кремле вождь «белый» или вождь «красный».

Если цель «красной» Москвы — мировая революция и создание единого советского государства и потому: «пролетарии всех стран соединяйтесь» и то вокруг «красной» Москвы, то и цели Москвы «белой» теже самые.

Россия — не нация, но целый мир... Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материального она погибнет как Россия», — говорит великоросс проф. Федотов на стр. 20 своей статьи.

Разница только в том, что Федотовы и вожди Москвы «белой» хотят быть «господствующими» в целом мире и целому миру навязать имя России, вожди же Москвы «красной» считают, что «не в названии дело», главное — постигнуть цель, достигнуть господства, иметь власть.

Москва «красная» есть наследница Москвы «белой», только наследница без мещанских» предрассудков, она смотрит в «корень вещей».

Москва «белая» создала идею о «III Риме», выполнить же эту идею не было ни сил, ни способностей, ни возможностей; Москва «красная» очень легко могла подменить идею «III Рима» родственной идеей о «III Интернационале», что по существу одно и то-же:

«Россия — не нация, но целый мир».

По нашему скромному убеждению это и есть то, что уничтожит Россию, это есть то что проглотит Россию и сотрет ее окончательно с исторической сцены.

Г. Федотов уверяет что:

«Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материального, она погибнет как Россия.», —

а мы утверждаем совершенно обратное т. е. разрешив свое сверхнациональное призвание, Россия погибнет как Россия, и потому мы утверждаем, что сейчас победа Москвы не приведет к победе, а в конечном, итоге к окончательному поражению России.

Господа великороссы должны бы призадуматься над этим вопросом, пора взвесить свои силы, способности и возможности — до мирового господства путь так далек и тернист, а от великого до смешного всего один шаг.

(Окончание следует).

Казаки, верьте в самих себя, верьте в свои силы!

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый г. Глазков!

Сердечно поздравляю Вас и всех Ваших сотрудников со днем Воскресения Христова.

Ваша газета приносит Вашей Родине — Казакии большую пользу. Когда-нибудь об этом вспомнят наши дети. Ваша газета есть как бы флаг, который ведет бойцов на решающий бой. «Казачий Вестник» есть газета для всех: для малых и для старых, для всех, кто интересуется о Казачестве. Казаки могут гордиться, что они имеют славных вождей-героев. И я уверен, что под командованием таких вождей казаки одержат решительную победу над нашим общим врагом — большевизмом, и вместе с тем освободят свою Родину — Казакию.

Пусть Господь Бог им поможет.

Слава Казачеству!

С совер. почтением **Ал. Гросс.** Рига.

В Редакцию газеты «Казачий Вестник»

Мы, группа донских и кубанских казаков, служащих в жандармерии Волковыского Округа, настоящим поздравляем со Светлым Праздником Христова Воскресения нашего Руководителя К. Н. Д. ст. Глазкова В. Г., а также и весь состав Редакции, и желаем им сил и здоровья в их трудной работе на благо нашей Казакии.

Верим, что скоро наступит Воскресение и Возрождение всего Казачества «в рассеянии сущего».

Слава Доблестной Германской Армии и ея Вождю А. Гитлеру!

Слава Казачеству!

Казаки: Авилов С. Е. (Дон); Вифлянцев Д. С. (Дон); Маркин М. А. (Дон); Симонов С. Л. (Дон); Иванов П. К. (Дон); Пономарев В. И. (Дон); Похлебин Я. Ф. (Дон); Голуб Я. К. (Кубань); Захарченко С. Ф. (Кубань); Толоконников Г. И. (Кубань).

...Сердечно благодарю Вас за присылку мне «Казачьего Вестника». С каким интересом и просто жадностью прочитываю я его строки... Прежде мне казалось, что мы уже никому не нужны, заброшенные люди, прошедшие все мытарства. Была решительная апатия к жизни. Теперь уже чувствуется надежда в лучшее будущее, вера в светлую казачью жизнь.

Я часто задавал себе вопрос: почему же ты называешься казаком, а пишут тебя русским. Как будто похоже на иную национальность. Спрашивал я у старых казаков, видел я эту разницу во всем между нами и ими, а теперь я знаю, что я казак сын своего славного Казачьего народа и за это спасибо мое Вам, дорогие станичники.

Владимир Нечаев, ст. Лабинской, Кубань.

...Случайно мне попался один номер «Каз. Вестника». Вы не можете себе и представить, какова была моя радость, когда я его прочел и увидел в нем борца и защитника славного Казачества. Я здесь чувствую себя оторванным от своего казачьего народа и своей родной Казачьей Земли. Прошу Вас посылать мне родную газету, которую хочу получать регулярно. Посылаю Вам и всем братьям казакам, поднявшимся против Сталина и ставших на защиту родного Казачества, сердечный казачий привет.

М. С. Овчиников.

Посылаем Вам несколько экземпляров «Казачьего Клинка». От всей души желаем полного успеха в Вашей так необходимой для Казачества работе, которая для казаков имеет колоссальное и большое значение, указывая им их собственный казачий путь к своему национальному возрождению.

Редакция «Казачий Клинок»

ХРОНИКА

— 22 и 23 апреля с. г. Руководитель Казачьего Национального Движения ст. **В. Г. Глазков** пробыл в гор. Брюнн, по делам местной организации КНД.

В воскресенье 23. 4. с. г. Руководитель в сопровождении местного атамана ст. инж. **И. П. Мосева** и членов правления посетил военные лазареты, где находятся на излечении раненые казаки.

— В Праге, первый день Пасхи 16-го апреля, местная Казачья национальная станица ознаменовала общей казачьей Пасхальной трапезой. В этот день в помещении большого пражского ресторана «на Жофине» к 3-м часам дня собралось многочисленное общество казачьей колонии в Праге. Зал, декорированный немецким и казачьими флагами, был переполнен участниками собрания.

Прибывший на Пасхальный обед Руководитель К. Н. Д. ст. инж. В. Г. Глазков и Окружной атаман Казачьего нац. округа в Протекторате ст. инж. Вл. А. Донецкий были при входе в зал приветствованы атаманом пражской Казачьей нац. станицы ст. С. Шкоряром.

Перед разговением хор казаков пропел молитву «Отче Наш» и «Христос Воскрес».

Официальная часть состояла из приветствий и коротких речей по моменту дня — Руководителя К. Н. Д., Окружного Атамана и писаря местной станицы.

Несмотря на тяжелое военное время заслугами и стараниями станичниц-казачек в Праге, при содействии станичного Правления, казачий Пасхальный обед удался вполне. Увеселительную часть обеда оживили казачьи национальные танцы, а самое главное родные песни и задушевная, дружеская беседа, которая затянулась до позднего вечера.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 50 пфеннигов за строчку.

— Митрофанов Андрей ст. Ново-Золотовская, Дон, разыскивает зятя Никифора Егоровича Денисова. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager „D".

— Мартынов Федор Еф. ст. Атаманской, Дон, разыскивает Ивана, Акима и Феоктиста Петровичей Текучевых. Писать через «Каз. Вестн.».

— Ирхин Савелий ст. В. Чирской разыскивает брата Николая, родственника Аполония Гайдукова и др. родственников. Писать:
Stickstoffwerke Ostmark Bau SO/31. Lager 39. Linz an/Donau.

— Ренсков Александр ст. Новочеркасской, Дон, разыскивает брата Петра и Корниенко Александра Михайловича. Писать:
Weisenfels, Calle Dammstr. 1.

— Сафонов Георгий Яковл. ст. Провоторовской, Дон, разыскивает сыновей и братьев, племянников Ачшиновых и двоюродного брата Сазонова и Владимира Мезенкова. Писать:
Safonow, Rammelburg üb. Wippra, Süd-Harz.

— Мешков Анисим Степанович ст. Распопинской, Дон, разыскивает братьев Мефодия, Андрея и Александра. Писать:
Meschkow A., 49, Rue Pres-Wilson, Zevallois Perret, France.

— Жердев Артамон разыскивает двоюродного брата Акима Вас. Жердева, дядю Зубенко Василия Ефимовича. Писать:
Scherdew Ar., Artern (Unst) Bahnmeist.

— Цысарский Дмитрий ст. Старо-Минской, Кубань, разыскивает братьев Василия и Илью. Писать:
Cysarskij Dm., Prag XIII., Kralická 13.

— Пастушков Никифор Савостьянович ст. Усть-Медведицкой, Дон, разыскивает сына Еремея. Писать:
Pastuschkow, Heerte über Wolfenbüttel, Lager „D".

— Проскудин Николай Никитович ст. Краснокутской, Дон, разыскивает братьев Арсения и Ивана. Писать:
Tchistow Jakob, Poststrasse Nr. 8. Hemelingen-Bremen.

— Давыдов Михаил ст. Усть-Бело-Калитвенской, хутора Титова, Дон, разыскивает сына Венедикта и двоюродных братьев Петра и Петра Свинаревых. Писать:
Davydow M., Praha XII., Bělehradská 63, Hotel Libuše.

— Максименков Петр Семенович г. Новочеркасск, Дон, разыскивает отца Семена Ильича. Писать через «Каз. Вестн.».

— Кулешов Федор ст. Цымлянской, Дон, разыскивает Кулешова Александра Аверьяновича. Писать через «Каз. Вестн.».

— Аникеев Алексей Яковл. ст. Елан-ской, Дон, разыскивает Семена Яковлевича Аникеева с хутора Кочетовского. Писать: через «Каз. Вестн.».

— Буджалов Михаил разыскивает брата Андрея Буджалова. Писать:
Budzalow Michal, B. W. Deutzerfeld, Köln-Deutz.

— Галдина Ксения Никитична село Никола-Александровка, разыскивает сына Василия Васильевича. Писать:
Haldina Ks., Frankfurt d. M., Nied. Oeserstrasse 16.

— Даценко Семен Миронович село Никола-Александровка, разыскивает сына Ивана Семеновича. Писать:
Frankfurt d. M., Nied. Oeserstrasse 16.

— Кузнецов Федор Федоров. село Никола-Александровка, разыскивает сына Николая Федоровича и брата Ивана Федоровича. Писать:
Frankfurt d. M., Nied. Oeserstrasse 16.

— Понамаренко Ганна розшукує своїх батьків Василя й Віру, сестру Катерину та брата Миколу. Писати:
Ponamarenko Hanna, Potsdam, Mittelstrasse 36.

— Кулешов Петр Васильевич ст. Гундеровской, Дон, разыскивает сына Анатолия и братьев жены Петра и Василия Сергеевых (Минаковых). Писать:
Kuleschow Peter, W. S. Ic. Ost. Waldlager „D", Heerte über Wolfenbüttel.

— Сизякин Радион Ив. ст. В.-Кундрючская, Дон, разыскивает родных и станичников. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager „D".

— Акулиничев Михаил Филатьевич ст. Морозовская, Дон, разыскивает отца Филипа Николаевича. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager „D".

— Цилютин Николай Алексеевич, ст. Каменская, Дон, разыскивает братьев Ивана Федоровича Цилютина, Василия Ивановича Письменского, Александра Андреевича Гавилова. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager „D".

— Моторин Дмитрий, село Еиукрепление, Кубань, разыскивает брата Ивана Максимовича Моторина. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager „D".

— Кудрявцев Иван Федорович ст. Манычская, хутор Зеленая Роща, Дон, разыскивает брата Кислякова Георгия, племянников Василенко Ивана, Кудрявцевых Павла и Василия. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager „D".

— Самойлов Лаврентий Павлович ст. Филиповской, Дон, разыскивает сына Василия. Писать:
Orthodoxe Kirchengemeinde in Weichselstädt/Wartheland, Hermann-Göringsstrasse Nr. 4.

— Князев Иван Георгиевич ст. Петровской, Хоперского округа, хутора Ржавского, разыскивает родственника Гордеева Степана Сергеевича. Писать через «Каз. Вестн.».

— Шаляпин Федор Семенович ст. Тенекинской, Дон, разыскивает дядю Тушканова Семена Ивановича и одностаничников: Плотникова Андрея Тихоновича, Иванова Федора Семеновича и Страхова Никиту Ивановича. Писать через «Каз. Вестник».

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Gutenštejnka ul. č. 6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 11 (68) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го МАЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация:
„Der Kosakenbote"
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188. Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

Одна казачья платформа.

В декларации Германского Правительства к Казакам от 10. 11. 1943 года отмечаются все те основные цели и стремления многих казачьих поколений, во имя которых так много пролито крови и слез, пережито так много горя и страданий. Вековые чаяния Вольного Казачества в указанной декларации не только были отмечены, но в ней нашему Казачьему Народу обеспечивается его национальное бытие, гарантируется неприкосновенность нашей Казачьей Земли и все стороны национальной самобытной казачьей жизни. Этот первостепенной важности исторический акт нашел не только искреннюю радость и удовлетворение среди всего Казачества, но и живой отклик среди иных народов и друзей Казачества, которые также отмечают справедливое решение Германского Правительства.

Вполне естественно, что ныне все Казачество с большим напряжением ожидает практические результаты, какие вытекают из декларации Правительства Великогермании и какие должны обеспечить дальнейшее развитие казачьего вопроса.

Как логическое следствие, нужно ожидать об'единение и слияние в одно целое всех частей Казачества, поднятие на должную высоту правового положения всех казаков, всестороннее обслуживание нужд и запросов не только казаков и казачьих беженцев, но и казачьих бойцов.

Об'единение всего Казачества не только своевременно, но как никогда возможно полное слияние всех здоровых сил его на ясной и определенной **казачьей базе.**

Наличием декларации Германского Правительства была оформлена общая казачья платформа, на которой можно и нужно об'единить и сплотить всех казаков и которая решительно отбрасывает всякие поиски иного решения казачьего вопроса или стремлений сделать его привеском чужого, не-казачьего дела. Декларация вносит ясность в решение казачьего вопроса и определяет основные вехи, по которым пойдет его дальнейшее развитие, поэтому всякие споры в этом отношении теперь совершенно излишни и даже вредны.

Каждый честный казак, горячо любящий и преданный своему Казачеству, отбросив всякие наносные чужие, не-казачьи мысли и стремления, должен безоговорочно включиться в общую борьбу против большевицких поработителей за свободу и счастье Казачьей Родины, в общую работу на пользу и благо своего народа. Всякие сделки с совестью или стремление перехитрить себя и других должны быть в корне отброшены, служение одновременно двум богам невозможно и просто исключается. Теперь как никогда не только нужно, но и требуется искреннее и честное ведение казачьих дел в духе казачьего национального бытия, в духе основных мыслей декларации, в противном случае работа не даст и не может дать положительных результатов и мы можем оказаться свидетелями повторения старых роковых ошибок, приведших в 1917-20 годах к казачьей трагедии.

Об'единенные на одной **Казачьей платформе,** казаки должны иметь и один общеказачий орган, представляющий Казачество не только перед внешним миром, но и являющийся выразителем чаяний и стремлений всех казаков. Этот орган, составленный из проверенных и твердых казачьих патриотов, должен заняться, в контакте и при поддержке германских властей, не только включением всех живых сил Казачества в борьбу за освобождение нашей Родины, но и всесторонним и надлежащим обслуживанием нужд и запросов всех казаков. Этот орган должен быть составлен не только из лиц прошлой истории Казачества, несущих на своих плечах известную долю ответственности за переживаемую нами трагедию, но и людей настоящей, действительной казачьей борьбы за свое освобождение. Здесь мы не можем руководствоваться только популярностью, житейским опытом и преклонным возрастом тех или иных лиц, но, главным образом, необходимостью как можно полнее и вернее защитить и удовлетворить интересы Казачества. Перед нами стоит много, очень много самых неотложных и жизненных задач, которые необходимо как можно скорее разрешить общими и дружными усилиями всех казаков. Потребуется колоссальное напряжение сил и энергии, нас ожидает тяжелая и упорная работа, требующая здоровых и крепких сил.

Мы являемся живыми свидетелями того, как народы, борящиеся за свое национальное бытие, вручают всю тяжесть своей работы не в расслабленные руки, но возлагают ее на крепкие плечи здоровых своих мужей, могущих вынести всю тяжесть работы и ее ужасное напряжение. Они как раз являются проводниками новой жизни, и их деятельность протекает на наших глазах в новой Германии. Они и представляют самый активный слой своего народа.

Состав общеказачьего органа, конечно же, не безинтересен и для соседних с Казачеством народов, которые внимательно следят за национально-политической работой казаков и которые также склонны видеть точный и определенный облик представителей Казачества и будут всегда обеспокоены тем, если они не будут уверены в ясности казачьих национальных стремлений, если они будут иметь опасения, что одного дня на их рубеже соседом будут не казаки, а старый призрак «единой и неделимой».

Во исполнении декларации Германского Правительства уже начался сбор и организация казаков и жителей Казачьих Земель, ушедших вместе с германскими войсками или попавших в плен из красной армии. Часть этих казаков уже находится в наших доблестных казачьих соединениях и покрывают все новой и новой славой наше Казачье Имя, уже давно эти казаки борятся за освобождение своей Родины. С большим удовлетворением и радостью казаки приняли извещение о сборе казаков из рабочих лагерей и коренном изменении их положения. Начался и сбор казачьих беженцев и казачьих семей, находящихся в большом количестве в тылу Восточного фронта. Кладутся основы организации новой казачьей жизни во временном поселении казаков на чужбине. Вся эта работа требует много усилий, энергии и забот, при осуществлении многого еще требуется время, выдержка и дружная, сплоченная работа всех казаков.

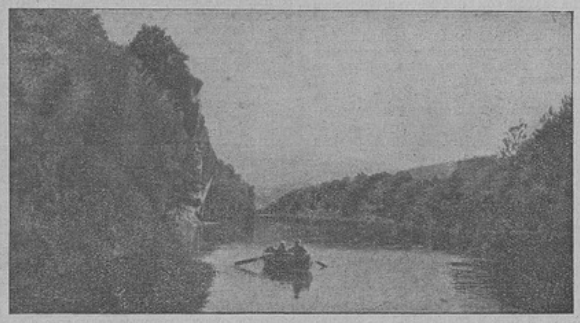
С самого начала войны против СССР казачья эмиграция стремилась и стремится к своему участию в борьбе против большевизма, много горячих просьб о предоставлении этой возможности поступало и еще поступает к соответствующим германским органам. Теперь к ним присоединяются и просьбы освобожденного Казачества, желающего видеть в своей среде своих братьев старой казачьей эмиграции, пионеров борьбы против большевизма. Все казаки страстно желают слиться в одну крепкую казачью семью и сопряженными усилиями бороться за казачье право на жизнь, за лучшее будущее Казачества. Все казаки категорически отметают всякого рода искусственные перегородки, разделения, которые приносили Казачеству только вред. В настоящей борьбе быть или не быть должны быть все истинные и верные сыны Казачества в одной казачьей лаве, в одном казачьем кулаке.

В ближайшее время надо ожидать начало разрешения и этого актуального вопроса и первые шаги к включению старой казачьей эмиграции в общую казачью семью, в общую казачью работу. При этом должны будут отпасть все те препятствия, все то, что мешало этому слиянию. Не будем скрывать, мешало этому прежде всего наша раздробленность, наше раз'единение. Конечно же, раздробленные силы, в прошлом даже взаимно враждовавшие, нельзя включить в общий организм, не приведя их к одному знаменателю, **к одному казачьему началу.** Нужно признать, что раз'единяло нас, казаков, не что-либо казачье, и враждовали мы не по нашим казачьим вопросам, а по чужим, стоящим вне Казачества. Враждовали и спорили мы не о своем казачьем, а о чужом: одни тянули казаков к Москве, считали прежде всего думать не о своем казачьем деле, а о чужом московском, о «единой и неделимой» России, находились и такие, которые тянули казаков в лоно соборной Украины, но подавляющее большинство казаков стремилось и стремится делать **только свое казачье дело,** защищать **только свои казачьи интересы,** предоставив чужим делать их собственное дело: русским — русское, украинцам — украинское.

Теперь же само время грозно диктует всем казакам прежде всего и только сохранить свое Казачество. За последние 30 лет Казачество столько потеряло сил, столько потеряло своего живого материала, что было преступлением думать и мечтать о чужих делах, брать на свои плечи чужие задачи и чужую работу. Ныне все наши помыслы, все наши силы должны быть направлены лишь к сохранению Казачества и обеспечению его самобытной жизни.

Приведенная к одному **казачьему** знаменателю, к одному только **казачьему началу** казачья эмиграция бесболезненно и с пользой для казачьего дела будет включена в общую казачью работу. Старая казачья эмиграция представляет колоссальные культурные силы Казачества. За 25 лет зарубежного ее существования создались большие кадры своей казачьей интеллигенции, среди которой много высококвалифицированных работников всех специальностей. Все эти силы должны будут включены в общую казачью работу в общую борьбу за казачье право на жизнь. Каждый обязан внести свою лепту на алтарь своего родного Казачества, каждый должен стать бойцом и строителем светлого будущего нашей Казачьей Земли.

Все здоровые, сознательные, любящие свое Казачество силы должны сплотиться под одним знаменем, своим Казачьим знаменем для достижения только своих казачьих целей и обеспечения права на жизнь нашему многострадальному Казачеству!

Родные места. «Горячий ключ» вблизи ст. Ключевой на Кубани.

Archiv „Der Kosakenbote".

Новые боевые успехи казаков.

Из ставки Фюрера Верховное Командование в сводке от 30-го апреля сообщило:

Сражающаяся с начала октября 1943 года против коммунистических банд на Западных Балканах Первая Казачья Дивизия прекрасно отличилась во многих боях и нанесла бандам тяжелые потери в людях и материале.

Упоминание в сводке Верховного Командования об успехах той или иной воинской части считается колоссальным ее отличием, считается высокой честью и наградой для каждой упомянутой в сводке части. Мы с особой радостью и гордостью отмечаем новые боевые успехи наших доблестных братьев-казаков, которые все больше увеличивают неувядаемую славу своих предков.

Уже нераз Верховное Командование отмечало боевые успехи казачьих частей на Восточном фронте, нераз оно упоминало о них и в боях на Балканах. Теперь же снова отмечается казачья доблесть, казачьи боевые успехи крупного казачьего соединения. Казаки всюду, где только их не поставят, с присущей им отвагой и доблестью, бьют своего заклятого врага, всецело сознавая, что уничтожая эту заразу, они своими подвигами и своей кровью приближают день освобождения своей Казачьей Родины.

Все Казачество с искренней радостью приветствует своих доблестных героев и возносит к Всевышему свои молитвы о даровании окончательной победы боевым казачьим знаменам. Пусть и впредь тени великих казачьих Атаманов и Героев сопровождают наших братьев в их ратных делах!

Первого мая исполнилась годовщина создания Первой Казачьей Дивизии по этому случаю ее боевой и любимый казаками командир генерал-лейтенант фон Паннвиц издал нижеследующий приказ своей дивизии:

ОСОБЫЙ ПРИКАЗ

По Первой Казачьей Конной Дивизии.

Казаки!

1-го Мая наша дивизия празднует годовщину своего существования! Большевизм разрушил духовные и национальные основы почти всех народов Советского Союза. Однако, Казачество продолжало жить, несмотря на угнетение и преследования. Казаки показали себя достойными своей гордости и проявили свою воинскую выдержку. Это были люди, которые смело примкнули к Германской Армии, чтобы совместно с нею бороться против большевизма за освобождение своей Родины.

За короткое время созданы были бесчисленные казачьи соединения, которые вместе с Германской Армией боролись против большевизма.

Фюрер поручил мне сформировать казачью дивизию. Вот уже год донские, кубанские, терские и сибирские казаки сражаются в нашей дивизии и в высокой мере заслужили доверие Фюрера. За этот год много раз получили мы благодарственную признательность Германского Военного Командования. Сегодня многие немцы и казаки нашей дивизии носят одинаковые знаки отличия (Крест за военные заслуги, Железный Крест и Знак отличия за храбрость для восточных народов).

Фюрер признал нас **равноправными союзниками и обещал нам привести нас, казаков, обратно на нашу родную Землю. Мы верим нашему Фюреру и благодарим его за то, что, согласно его приказу, отпадает последняя разница между немецкими солдатами и казаками: с 1-го мая все казаки будут носить германские знаки различия.**

Если мы, казаки, 1-ой Казачьей Дивизии, и в дальнейшем, как до сих пор, будем верно и честно исполнять свой долг, мы станем самой дисциплинированной и сильной воинской частью и ядром будущих Казачьих Войск.

Да здравствует Фюрер!

Да здравствует свободное Казачество в новой, единой Европе!

Начальник 1-ой Казачьей Дивизии
генерал-лейтенант **ф. Паннвиц.**

С 1-го мая во всех казачьих воинских частях введены германские знаки различия. Тем казаки, как верные и честные союзники Германской Армии, получили и внешние приравнения с немецкими офицерами и солдатами.

В этот день генерал фон Паннвиц обратился с речью, которая высылалась всеми немецкими радиостанциями и в которой он обрисовал участь казаков в борьбе против большевизма и боевые подвиги Казачества в нынешнюю войну.

О казаках.

Немецкая и другая иностранная печать продолжает все чаще и чаще знакомить своих читателей с казаками, к которым возрос большой интерес. Общественность желает ближе знать казачье прошлое и настоящее и их стремления. Этот интерес еще больше увеличивается с ростом боевых успехов казаков.

Мы не имеем технической возможности отмечать все появившиеся статьи и заметки о казаках . Однако, считаем необходимым отметить более важные из них.

Военный корреспондент Эмкоттер поместил две больших статьи в центральном немецком органе «Фолькише Беобахтер» №№ от 19 и 20 апреля с. г. В них он, под названием «Путь кубанского казака», обширно знакомит с эпопеей казачьей борьбы против большевизма теперь и в прошлом и с ужасными страданиями и преследованиями казаков советской властью. Одновременно автор подчеркивает успешные действия казаков в настоящей войне, сопровождая свои статьи богатыми иллюстрациями. «Гамбургер Иллюстрирте» № 17 от 22. 4. с. г. посвятил казакам первую и четвертую страницу своего журнала. Военный корреспондент Рехе целым рядом военных картинок знакомит читателей с боевыми действиями казаков на южном участке Восточного фронта.

Сотник Е. Гетманов:

Встречи и разговоры.

Недавно пришлось встретиться и поговорить с теми молодыми орлятами-казаками, о которых так много писалось в европейской прессе, на которых обратил внимание вождь немецкого народа Адольф Гитлер, доверив им оружие. Молодые казаки ехали из лазарета, где лечились от ран, в свои части. В Париже пришли они к православной церкви, где собираются все народности б. России. На рукаве каждого воина национальный знак его народа. Есть грузины, армяне, украинцы, казаки, великороссы...

Казаки появились здесь впервые и обратили на себя внимание своей выправкой и опрятностью одежды, а «кубанки» на голове сразу выдают их. Среди них есть такие, которые до последнего момента боролись на Кубанском предмостьи, потом в Крыму, Таврии.

Знакомимся... Завязывается беседа между казаками эмигрантами и этими молодыми орлятами. В беседе принимают участие не только казаки, но и другие.

Присматриваясь к эмигрантам и слушая вопросы, порой неуместные, один казак дает общий ответ:

— За такие вопросы в «самой свободной сталинской стране» расстреливают... А у вас вот здесь «каторжный режим» длинных языков... Мы, казаки, с хлебом солью встречали немецкую освободительную армию и добровольно вступили в борьбу против большевизма и жидов, от которых казачий народ больше всех пострадал. Сегодня казачья армия является союзной Немецкой Армии и союз наш будет до полной победы над большевизмом. Будем делить горе и радость с немцами до конца.

С казаками был и солдат РОА — симпатичный молодой человек, студент. Он тоже ехал в свою часть. Разделяя взгляды казаков, он добавил:

— Нам приятно хотя бы что-либо сторвать от красного Кремля. Пусть, кто может, устраивает свою собственную жизнь, как и встарь, лишь бы ослабить нашего общего врага. Нам, русским, хватит и того, что наши историки называют Великороссией.

Все они потом, окруженные казаками-эмигрантами, были приглашены в кафе, а потом проводили их на вокзал с соблюдением казачьих обычаев — давать служилому на дорогу деньги...

Казаки были разных возрастов — от 22 до 49 (большинство, правда, молодых). Познания у них тоже разные. Знают о войне 1918-20 гг. Знают генералов, Атаманов, политических деятелей. Знают, кто пострадал за Казачество и кто были этому виновники...

Интересуемся, какие у вас газеты и откуда вы все это так четко помните.

Пожилой, 49 летний казак с любовью спокойно говорит о Казачестве. 32-х летний, темпераментный, говорит о казачьей истории. Он начал с Атамана Булавина, поднявшего знамя борьбы за самобытность казачью. В то время Петр I пробивался на Север и на Юг, силой подчиняя себе народы, жившие на его пути. По причинам неравенства сил и отчасти предательства славный батько-Атаман выстрелом покончил счеты с жизнью, не хотел видеть казачьих страданий, учиненных нашему народу Петром I-м.

Говорит молодой казак о Разине, Пугачеве, которые хотели освободить казачий народ от московской опеки. О славном Атамане Ермаке, Платове и др. О Некрасове, о некрасовцах, ушедших в изгнание, и до первого выборного Атамана Каледина, также покончившего самоубийством... Калединский выстрел превратился в сполох, а потом борьба, провозглашение казачьей независимости, создание Донской армии уже при ген. Краснове, избранном в Атаманы. Ему скоро пришлось уйти. Началась свистопляска, началось убийство казачьих политических деятелей. Убили Рябовола, казнили Кулабухова. Результаты борьбы с большевиками сведены на нет. Жид воцарился повсеместно и осиротевшие казаки загнаны на Север, в края дальние, хмурые и суровые...

Но вот блеснул лучь надежды. Вспухнула война и казачьи взоры устремились на Адольфа Гитлера... Декларацией 10-го ноября казачий вопрос решен и это решение отвечает казачьим чаяниям.

— Вот ознакомились мы, — продолжает наш гость, — со статьей «Реальная Политика» в «Париж. Вестнике» № 86. Хочется верить, что тут пишут искренно. И о Туркестанцах хорошо написано. Совсем не так, как думают сторонники 2-й империи. Осуждаются, хотя и осторожно принципы старой империи, осуждается «ассимиляция»... Понимаются стремления других народов, особенно казаков. Наша сегодняшняя задача — поразить общего врага а дальше... дальше спокойная жизнь, на добровольных договорных началах, как народов Новой Европы.

Вот мы теперь и знаем, как думают те молодые орлята, которые совместно с европейскими силами ведут борьбу с жидо-коммунизмом. А думают они так, как думаем и мы, национальное казачество, как думали казачьи исполины встарь, как думало всегда Казачество.

Полковник М. Недбаевский.

Культурная жизнь Екатеринодара.

(Окончание).

Из служебной практики Федоренка в нашей станице Каневской приведу один случай. Как-то приводят к нему в чем-то провинившегося цыгана. Разобрав дело он начинает его ругать: мерзавец, сукин сын, сатана красноглазая и т. д. Цыган на последнее возвражает: не красноглазый, а синеглазый. Федоренко: «Если я говорю тебе, сатана, что ты красноглазый, то значит красноглазый; иначе изобью тебя». Цыган отвечает красноглазый, красноглазый. После этого цыган уходит. Если расшифровать этот воровской язык, то Федоренко требовал от цыгана десять рублей, а цыган ему предлагал только пять рублей, но потом согласился на десять. (10 рублей бумага была красного цвета, а 5 рублей — синего).

Меня спросят, почему я копаюсь в скверном прошлом? Да потому, что рисую прошлое людей, а люди есть дурные и хорошие. Если рисовать только хорошее, то оно не так резко оттеняется и было бы слишком пресно, да и не натурально. Почему скажу еще несколько слов, не особенно хороших, о нашем деятеле, но гораздо покрупнее этого о Наказном Атамане Кубанского Казачьего Войска Н. Н. Кармелине, который занимал эту должность с 1873 по 1833 года, хапун был отчаянный, типичный воевода былой Московской Руси. Громадные запасные Войсковые земли сдавались овцеводам за гроши, за что он получал от них только по фунту чаю в подарок, а под видом чая были завернуты сторублевки, пятидесятирублевки и двадцатипятирублевки.

После Русско-Турецкой войны конные полки имели огромные экономические суммы, кроме того, что пристало к рукам командиров полков и хозяйственных лиц полка. Кармелин приблизительно знал сколько денег пристало к рукам и вел просто торговлю с хозяйственным комитетом полка в своем кабинете. Когда Кармелин не соглашался на предлагаемую ему меньшую сумму и лица собирались уходить, то из-за ширмы закрывающей дверь в соседнюю комнату, раздавался женский голос: «Бери, дурак, а не то и того не получишь». Этот голос был его супруги.

С одним полком он никак не мог столковаться, слишком мало ему предлагали. Он предал суду командира полка, фамилию его я забыл, заведующего хозяйством Перепеловского и казначея Г. Т. Люльку, моего сослуживца (казака станицы Копанской, он умер в Сербии года 4-5 тому назад). Эти лица прибегли к помощи В. И. Канатова, известного Екатеринодарского адвоката, который за изрядную сумму денег их так обелил, что хотя сейчас помещай их в рай.

Этот Кармелин, представляясь Наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу, был в стареньком поношенном кафтане, что заметил Наместник и сказал: «Ты бы приказал тавричанам сшить новый кафтан», (хотя и сам великий князь охолку на руку не клал).

На нажитые от кормления в нашем Кубанском Войске деньги, Кармелин построил в Галерной улице в С. Петербурге, недалеко от Николаевского моста, прекрасный дом-дворец; а в Крыму приобрел дачный участок на камнях и возил на баржах чернозем с Кубани и настилал его на камнях.

В 1892-1894 годах я его часто видывал в С. Петербурге, он страдал уже в большой степени клептоманией, его знали всюду и вслед за посещением им магазинов торговцы посылали его жене счета, которые она и оплачивала. П. П. Бурсак посмеивался и говорил шутя, что эту болезнь он получил на Кубани.

Кармелин можно сказать опустошил наше Кубанское Войско, а Войско кроме земель еще имело огромные доходы от рыболовства, лесов и соли. Все знали об этом, говорили об этом, но дальше разговоров дело не шло

П. П. Бурсак выписывал толстые журналы: «Русская Мысль», «Вестник Европы» и «Русскую Старину». Не знаю, почему он не выписывал «Киевской Старины». Этими книгами он снабжал и моего отца.

Об общественных библиотеках не было и слуха. Библиотеки были лишь в учебных заведениях и у некоторых частных лиц. Концерты и разного рода доклады происходили в большом зале городской женской гимназии на Бурсаковской улице, против Войскового собора. Здание этой гимназии было выстроено не то в 1887 не то в 1888 году, на ее месте стояла маленькая хибарка, крытая камышем, загороженн двор был паршивым забором, тротуар был дощатый и без калош нельзя было пройти ни после дождя, ни осенью, ни весной в сырое время.

Многие из жителей Екатеринодара имели собственные выезды, а также и рабочих лошадей. Извозчики были парные фаэтоны и дрогели (дроги). Такса была невысокая, конец стоил 15-20 копеек. Скачки стали входить в моду с 90-х годов.

По городу раздавался постоянно визг черкесских арб, арбы не смазывались и потому страшно скрипели. Черкесские арбы были двухколесные и колеса с осью составляли одно целое и вертелись при движении вместе с осью, так же как у вагонов.

Значки для рабочих с Востока.

Первого мая было издано соответствующее распоряжение, согласно которого рабочие с Востока будут вместо значка «Ост» носить значек по их национальной принадлежности, будет введено ряд мероприятий по улучшению условий рабочих с Востока. Значек «Ост» будут носить только рабочие, которые плохо работают, недисциплинированные и т. п. До проведения в жизнь указанного распоряжения руководителем предприятия, никто не имеет права снять сам значек «Ост» и рабочие призываются соблюдать в этом отношении дисциплину.

Для русских рабочих новый значек представляет собой венок из подсолнечников, на красном фоне с голубым Андреевским значком в середине. Для украинских рабочих — значек в голубых и желтых цветах с трезубом в середине, а для белорусских — в красных и белых цветах с колосом в середине. Значки носятся на левом рукаве.

Казаки, согласно полученных нами сведений, никаких значков носить не будут и, в связи с коренным изменением их положения, **всем казакам,** прибывшим с Востока, предлагается в кратчайший срок дать о себе следующие сведения: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, образование, специальность или профессия, место работы (точное наименование и адрес фирмы), краткую биографию, адрес.

Сведения посылать по адресу:

Kosaken-Leitstellen, Abteilung Kartei, Karwe, Kreis Neu-Ruppin.

Террор в Казачьих Землях.

Из нейтральных источников сообщаются все новые и новые сведения о бешеном большевицком терроре над оставшимся казачьим населением в казачьих станицах и городах. Сообщается о массовых насилиях в Ростове, Майкопе, Новочеркасске, Армавире и Краснодаре. Большевицкому гнету и насилиям подвергнуты не только старики и женщины, но даже дети, которых загоняют на тяжелые работы не только в сельском хозяйстве, но и в тяжелую промышленность и даже шахты. Теперь уже нередкость в СССР видеть «детей-рудокопов и грузчиков, работающих под присмотром специально прикрепленных к ним комсомольцев, которые подтягивают отстающих пионеров.

Полков. Сергей Макеев.

Во Власти Хама.

(Продолжение.)

— Бог-то не без милости, да счастье-то от нас далеко укатилось.

— Нет, Иван Васильевич, вам непременно нужно уехать на это время. А там будет видно, когда все успокоится. Вы видите, как мужики против вас настроены? Добра ждать нечего! — подделжал стариков военный писарь Максимчук, хромой на левую ногу еще с Японской войны.

Из церкви шли запоздалые старушки, а следом за ними устало шагал священник с дьяконом. Завидев атамана, батюшка подошел к нему, перекрестил дрожащей рукой и облобызал холодными старческими губами.

— Слышал, атаман, слышал!.. Мужайся, крепись, Бог на стороне правых!

— Старики советуют, батюшка, укрыться мне на первое время, так, как бы ночью не пришлось уехать на коши... Комиссар-то из меня вышел плохой, по-атамански правил станицей, известно мужикам не понутру.

— Уезжай, атаман, старики тебе худа не желают. Да благословит тебя Бог! — священник широким крестом осенил наклоненную голову атамана и трижды поцеловал его в покрытые бородой щеки.

Глава II.

Поздно вечером возвратился домой Иван Васильевич. Вся семья была в сборе и ожидала его к ужину. Марья Петровна — жена Ивана Васильевича — добрая женщина, истая казачка и верная подруга жизни, по бледному лицу мужа догадалась, что на сборе ни до чего не договорились и казаки не поддержали своего атамана в его стремлениях. Но зная твердый характер мужа, спросить не решалась, все равно ничего не скажет, или ответит строго:

— Не бабье дело лезть в казачьи дела! Следи вон за ребятишками, да гляди, чтобы каша не пригорела!

Иван Васильевич перекрестился и молча сел за стол. Видя настроение отца, даже маленькие детишки присмирели и старались не стучать ложками. Общее молчание нарушил отец Ивана Васильевича, семидесятилетний старик, видавший не мало горя на своем веку и слыхавший от своего деда, что творилось на Дону в старые времена.

— Что, Иван, беда-то должно к воротам подошла? Слава-то о нас казачья, да жизнь-то наступает собачья! На чем порешили?

— Э, папаша, лучше не спрашивай, не казаки стали, а тряпки. Ишь как полюбились им москали, что и землю хотят поделить пополам. Ну, а мужики-то и рады, чего-ж лучшего?! Степан Еременко гайдел больше всех, за мужиков ратовал.

— Породнился с мужиками, ну известно, гнет на ихнюю сторону, — заметила Марья Петровна.

— А ведь хороший урядник был в полку, образцовый, и начальство любило и казаки уважали. Словно переродился человек?!.

— Так оно и в старину было: не хватало спайки меж собой, а честные атаманы погибали из-за этого. Коли бы слухали старших, так разве какой враг сунулся бы к нам? — строго прошамкал старик почти совершенно беззубым ртом.

— А что с черкесами-то сделали? — боязливо спросила Марья Петровна и любовно взглянула на мужа. Чувствовало сердце женское беду неминучую, но как спастись от этого, как уберечь мужа от злодейских рук, не знала бедная женщина, да за повседной работой и размышлять об этом было некогда.

— С черкесами расправились по-зверски, чего и говорить. Аул спалили, кого расстреляли, а то в тюрьму в Майкоп отправили. Кто остался в живых, в горы ушли к Волчьей поляне.

— Ах, сукины сыны, — возмутился старик, — завсегда по одной линии! Не иначе, как всех нас звести хотят, вишь и черкесов не пожалели!..

В окно кто-то постучал. Как-то невольно все вздрогнули.

— Кто там? — отозвался атаман.

— Открой. Иван Васильевич, свои!..

Щелкнула калитка и через минуту вошли в хату атаман и полковник Заболоцкий.

— Жена, принимай гостя. Вот не ожидал вас видеть, садитесь пожалуйста.

— Спасибо, я на одну минутку. Здравствуй, дедушка, как можется? Здравствуй, хозяюшка! Ишь какой казак растет! — потрепал по щеке тринадцатилетнего Васютку полковник.

— Откуда вас Бог принес? — спросил дед. — Мы думали, что офицеров-то своих боле не увидим, один сотник на всю станицу.

— С фронта, дедушка, с фронта... из Персии.

— Ну, как там?

— Там все кончилось, а вот здесь начинается.

— Ну, ребятишки, спать идите, — приказал Иван Васильевич, присаживаясь рядом с полковником. Марья Петровна стала прибирать со стола, а дед занялся своей трубкой, с которой не расставался с Турецкой кампании.

— Давно пожаловали? — спросил атаман.

— Только сейчас. Минут десять побыл с женой, узнал станичные новости и поспешил к тебе.

— А полк где?

— В Петровске обезоружили и распустили по домам. Требовали выдачи офицеров, да казаки отстояли, еще немного совести осталось, не всю на митингах потеряли. Да, заварилась каша!!.

— Что теперь делать? С нашими хлопцами за работу браться нельзя, не казаки стали, а бабы!

— И везде так, Иван Васильевич, везде!.. Нужно выждать немного. Вон на Дону, как хватили этой слабости, как залили им коммунистического сала за шкуру, так сразу очухались! Станица за станицей поднимаются, бьют большевиков, а ведь давно ли своего атамана расстреляли, Назарова? Слышал, дорогой атаман, что генерал Корнилов к Екатеринодару идет, большевики в панике!!.

— Собирал я сход сегодня, говорил, да все без толку, как дурману об'елись, собачьи дети.

— Одумаются, сами к нам побегут. Большевики мягко стелют, да жестко спать придется. Скоро бока заболят.

— Чайку стаканчик не угодно ли? — предложила Марья Петровна, внимательно слушавшая полковника.

— О, нет, от чаю отказываюсь. Я на одну минутку. Вот что, Иван Василич, в станице оставаться нельзя, скоро заявится эта сволочь и нам крышка. Я сегодня же ночью еду на Богомолов хутор, а потом перейду на кош к Волчьей балке, советую и тебе последовать моему примеру.

— Там и черкесы из Кумского аула укрылись, — заметил атаман.

— Вот видишь, все там собираются, значит и нам надо ехать туда же.

— А как же станицу-то бросить? Что потом скажет Войсковой?

— Войсковой атаман сам бросил Екатеринодар и с верными войсками вышел в степи. А теперь он соединился с Кориловым и вместе наступают на столицу Кубани.

— Хоть бы помог им Господь!!!

— В станице завтра же появятся большевицкие орды, выберут нового комиссара, а тебя все равно по шапке, а потом за контрреволюцию арестуют. Уходи пока цел. О казаках не беспокойся, они напьются медку, протрезвятся и к тебе же с повинной придут.

— Вот это дело, пан полковник! — одобрил молчавший до того дед. — Как хвостыто прижмут, так вспомнят и про атамана.

— Я пойду домой приготовлюсь, а часа в три заеду к тебе. Пока бувайте здоровеньки.

После ухода полковника Заболоцкого, Иван Васильевич не раздеваясь прилег на постель и, заложив руки под голову, обдумывал, как ему лучше поступить. Красиво ли будет, если он, выборный атаман, убежит из станицы, спасая свою шкуру? Что потом скажут казаки? И как отнесется к этому войсковое начальство, если область освободится от врагов? А ведь рано, или поздно, будет же конец этой разрухе и вольные станицы вздохнут свободно. Не уйти вовремя — погибнешь, как гибнуть многие атаманы, аульные старшины, ни в чем неповинные офицеры. Какая от этого польза? Добровольно отдать свою голову врагу на потеху, нет никакого смысла и всякий осудит впоследствии.

Долго колебался атаман в своем решении и, наконец, ласково обратился к жене, молившейся в это время перед слабо освещенным тусклой лампадой ликом Спасителя.

— Ну, Марья, посоветуй мне, как быть? Старики говорили давеча, чтобы я уехал на кош что-ли, от греха подальше и полковник о том же говорит, а хорошо ли будет, если я покину станицу и убегу спасаться? По-казачьи ли это выйдет?

— Ох, Иван Василич, милый ты мой, — заплакала Марья Петровна не то от радости, что муж обратился к ней за советом, или просто потому, что переполнилась чаша страданий душевных, — да о казаках ли теперь думать, раз они отказались от вас; езжай с Богом, перебудь это страшное времячко и я то буду спокойна за тебя! Береженого и Бог бережет! Не следует на рожон лезти, только греха наживешь, да нас сиротами оставишь.

Слезы жены положили конец колебаниям атамана и он, вскочив с постели, обнял жену и велел собирать белья и провизии.

— А я пойду приготовлю «Копчика», — весело сказал он.

(Продолжение следует.)

Инж. Ф. Полковников.

К единству Казачества.

Судьба Казачества решается на Восточном фронте. От исхода борьбы на Востоке зависит не только наши будущие «самостоятельности» и «несамостоятельности», не только наши, так наз. «сепаратизмы», но и жизнь Казачества, как народа, жизнь каждого отдельного казака и казачки, как личности.

Результат борьбы на Востоке решит о том — быть нам или не быть.

Так стоит наш «казачий вопрос» во всей своей трагической величине и подходить к этому вопросу с каким бы то ни было другим освещением не только близорукость, легкомыслие или непонимание, но самое тяжелое преступление по отношению к Казачеству.

Победа красных интернациональных полчищ сотрет с лица земли не только казаков сепаратистов и казаков неделимцев, но и другие народы.

Национальные идеи могут жить и развиваться не в царстве III-го интернационала, а в противоположном ему лагере — в семье европейских народов, где каждый народ по своим силам и уменью внесет свою лепту, где каждый народ даст от себя, что может, и получит то, что заслуживает.

При такой постановке вопроса надо считать преступным легкомыслием все разноголосицы. Все то, что тормозит, вносит раздор и хотя бы недоразумение в протикоммунистячесий лагерь — есть преступление, сейчас, когда решается вопрос о том — быть или не быть. Ссориться, спорить и разводить философию о правах одних и бесправии других, о «неделимстве» и «делимстве», о том — потомки ли мы «московских холопов» или такой же особый народ, как и другие — все это сейчас неактуально.

Сейчас куется новая жизнь и создается новая история. Казаки, борящиеся на Востоке, куют судьбу Казачества.

Так стоит вопрос во всей своей наготе.

Сейчас никто и не может и не имеет права не только что-то требовать, но и ждать только потому, что его предки сделали что-то.

Неисчислимые могилы казачьих борцов 1917-20 г. г. — могут только увеличить «удельный вес» наших дел сегодняшних. Все старое может иметь цену только тогда, когда мы покажем, что мы делаем и даем сейчас. Без настоящего, без фактического участия в борьбе сегодня — мертво и прошлое.

За счет заслуг отцов не могут и не имеют прав их потомки, если они окажутся недостойными понять события сегодняшнего дня, ждать и претендовать на то, что сами не заслужили.

Казачество должно спасти себя в первую очередь. Казачество борется и должно бороться за свое будущее. Распыление казачьих сил на другие надобности, кроме борьбы с коммунизмом и за право на свою жизнь, есть ничто иное как непонимание всего того, что мы переживаем, всего, что происходит, что ожидает нас и наших потомков.

Сейчас идет вопрос о том — будут ли существовать те или иные народы или исчезнут с лица земли не только как политические организмы, но и как отдельные личности.

Наш казачий вопрос, как и вопросы других народов, будут решаться, в борьбе, в огне и крови лучших сынов нашего народа И старые и новые эмигранты и борцы решают и должны совместно решить общую и близкую им судьбу Казачества.

Мы не можем и не смеем оставаться в нынешних судьбоносных событиях посторонними зрителями, но должны быть активными борцами за свободу и счастье своего Казачества, которое находится свыше 25 лет в лапах ужасного большевицкого гнета.

Свою борьбу и мы, казаки, должны вести дружными, сплоченными рядами, своими хорошо организованными силами.

Казакам нет другого пути, кроме пути создания единого казачьего фронта.

Нет таких цепей, которые бы могли сковать свободолюбивого казака!

Archiv „Der Kosakenbote".

И. Бочаров.

К возрождению казачьих традиций.

Освобожденное Казачество, страдавшее долгие годы под советским гнетом, где опасно было даже думать о Казачестве и казачьих особенностях, с большим рвением взялось за возрождение своих старых казачьих традиций и казачьего быта, что составляло особенную красоту казачьей жизни, что выковывало крепкий казачий дух, создавало единую, дружную казачью семью. Такое стремление нужно не только приветствовать, но всеми мерами необходимо поддерживать. В этом отношении большую и положительную роль должны сыграть старые, пожилые казаки, выросшие в атмосфере подлинной казачьей жизни и те казаки старой казачьей эмиграции, которые унесли с собой на далекую чужбину подлинную казачью жизнь с ее особенностями, с ее традициями. Вдали от своих родных куреней и станиц они бережно сохраняли светоч казачьей правды и жизни и теперь он должен разрастись в полное казачье пламя.

Однако, к возрождению наших традиций необходимо относиться бережно, нужно подходить разумно, а не безрассудно поворачивать казаков вспять на двадцать пять лет. При этом следует учесть и время и дух времени.

Прекрасной казачьей традицией было уважение старших, стариков, людей большого житейского опыта. Это создавало своего рода патриархальность казачьего уклада жизни. Но при этом совсем не следует итти до абсурдных крайностей «почитания бороды». Сам преклонный возраст и прекрасная борода еще не являются предпосылкой иных качеств, так необходимых нашим казачьим руководителям, особенно в наше тяжелое и ответственное время.

Нельзя также забывать, что за время советской власти во всех отраслях жизни давалось определенное предпочтение молодежи. Особое внимание и особое ответственное, а иногда и руководящее место занимает молодежь и в новой Германии и в других странах, где также заботливо относятся к запросам молодежи и подготовке смены. Нельзя и нам, казакам, упускать из виду этого для нас в высшей степени важного вопроса.

Среднее и молодое поколение в настоящее время составляет основную базу Казачества. Оно представляет подавляющую массу действующих казачьих частей, из него состоят главные культурные силы Казачества. Поэтому было бы большой ошибкой, было бы непростительным упущением, если бы мы не привлекали молодое казачество к руководству наших дел, где оно приобретало бы необходимый навык и опыт в работе.

Вспомним ли недавнюю казачью жизнь освобожденного Казачества в 1917-20 гг. видим, что главными действующими силами событий того времени были не бородатые старики, а преимущественно среднее поколение, пользовавшееся советами убеленных сединами стариков. Это поколение представляло тогда самый активный элемент Казачества и оно как в возрастном, образовательном так и в отношении опыта было несравненно ниже современных казачьих поколений.

Нынешнее же среднее поколение представляет, особенно в среде старой эмиграции, прежних юных борцов и офицеров казачьих армий 1917-20 гг., перенесших на своих плечах всю тяжесть освободительной борьбы против большевиков. Они перенесли и все невзгоды последующих лет, приобрели знания и опыт, которые теперь должны внести в казачью сокровищницу. Они теперь представляют полные расцвета силы, еще полные жизненной энергии. Им мы должны предоставить возможность вести наше казачье дело, а нам, старикам, прошедшим через бурю страшных лет, всем своим житейским опытом быть им добрыми и нелицеприятными советниками.

Мы не можем и не должны ставить вопроса «отцов» и «детей», этот вопрос был всегда чужд казачьей натуре, но не смеем забывать, что «прежние парнишки стали бородаты», и что всякий поверхностный подход к вопросу нашей смены может вызвать нехорошие последствия, которые теперь и не нужны и вредны для нашего общего казачьего дела.

Само время требует наивысшего напряжения сил и энергии, чего мы, старики, уже не в состоянии дать в полном и необходимом об'еме, но можем и должны этого требовать от более молодых казаков, которые обязаны приложить все свои силы и способности в дело освобождения и возрождения Казачества.

При возрождении наших казачьих традиций нам следует руководствоваться не только духом времени и интересом и пользой казачьего дела, но при этом должны исключить и все то, что было отрицательными явлениями нашей прежней жизни и внести в возрожденные традиции лишь положительные стороны нашего быта, внести при этом и необходимую динамику, так нужную для успешного завершения обеспечения будущей жизни Казачества.

Пасха у казачьих бойцов.

По приглашению командира Н-ской казачьей части полковника П. В. Г. я имел честь праздники светлого Христова Воскресения провести в среде казачьих бойцов.

Уже по дороге в город Х. встречаются знакомые казачьи лица с характерными кубанками на головах. В субботний день казаки наполнили оживленный городок, где, как видно, население привыкло к обитателям далеких степей.

Со станции меня с большой любезностью сопровождали станичники до квартиры своего командира. В расположении части сразу бросаются в глаза суетливые предпраздничные приготовления.

С заметной радостью встречает меня полковник Г., старый кубанский офицер, служивший в 6 Кубанском пластунском батальоне, а позже комаидовавший 17 пластунским батальоном и даже особым соединением на Тамани. При великом Казачьем Исходе в 1920 г. не мог выехать из Грузии, был опознан, арестован, осужден к высшей мере наказания, замененной каторжными работами. Затем жизнь скрывавшегося под чужой фамилией и вечно гонимого человека. С приходом немецкой армии организовывал казачьи части, принимал с ними участие в боях и был награжден за особые отличия. Среди казаков считается батькой.

После знакомства с рядом офицеров и чинов части затянулась длинная беседа о пережимом, о настоящем и желательном светлом будущем Казачества.

На Пасху в городе был один из католических храмов приспособлен православному богослужению, украшен, приведен в полный порядок. С раннего утра началось пасхальное богослужение, при котором храм был заполнен пришедшими в полном порядке сотнями. Пел большой и прекрасный хор. На всех заметно было действие торжественного пасхального богослужения.

Из храма сотни в полном порядке отправлялись в свои расположения, где каждая сотня имела свой праздничный стол, на котором были и куличи и пасхи, и крашеные яйца, и ветчина, и колбасы, и сало, и прочие яства. Все это было приготовлено руками самих казаков. Каждый казак, проходя мимо стола, христосовался с командиром сотни, получал свою долю праздничных яств и шел к своему котлу, где ему выдавалась чарка водки.

Вечером в офицерском собрании был устроен праздничный ужин, на котором присутствовали и все казаки, свободные от несения службы. Ужин прошел в самой непринужденной обстановке. Было произнесено много тостов, пелись казачьи песни, вспоминались боевые эпизоды.

Майор Т. Сацюк.

„С того берега".

Сегодня в нашем чудном лесу особенно хорошо: нежно ласкает глаз приятная свежая зелень распускающихся деревьев; в прогалинах и на лужайках — яркая зелень молодой травки и пестрый ковер разноцветных цветов; голубая ширь неба и караваны белых пушистых облачков; ослепительный солнечный блеск и радостное ликование повсюду пробуждающейся молодой жизни. Как-то по особенному радостно и приятно на душе. Благодать.

Рядом со мной стоит казак ст. Гривенской ст. Г. и радостно улыбаясь, подставляя открытую грудь веселым лучам солнца, говорит:

«Хорошо здесь. Никогда не думал, что придется так жить».

Мне хочется с ним поговорить. Время у нас обоих есть, мы садимся на скамейку у раскрытого окна нашего барака и оба отдаемся, вновь, прелести этого весеннего очаровательного дня.

«Ну, скажи, почему ты думал, что не придется так жить» — спросил я своего собеседника после некоторого молчания. Я хорошо знаю его прошлое, понимаю его настроение, но мне хочется послушать еще один из эпизодов его богатой впечатлениями жизнь концлагерника, куда безжалостной рукой кровавого Сталина ссылались тысячи таких как он.

«Эх, господин майор! Если-бы Вы знали, сколько в это время погибло на Беломорканале... Из нашей партии одних только казаков с Кубани в 7000 человек в живых осталось не больше 300 чел.»...

Он жадно затягивается несколько раз подряд крепкой, пахучей махоркой, словно хочет убить нахлынувшие на него неприятные воспоминания и долго задумчиво смотрит на кружевную игру теней молодой листвы. Я чувствую, что невольно задел в его душе самую болезненную струнку и мне жаль этого крепкого мужественного человека, вынесшего на своих могучих плечах страшную, нечеловеческую тяжесть и муку сталинской «перековки».

— «А за что ты попал в концлагерь?» — задаю давно мучивший меня вопрос.

— «Как за что? Известно — 58 ст. За вредительство. Я у себя в станице был бригадиром полевой бригады. Ну, сами понимаете, как нам хотелось работать в колхозах. Ни один казак в нашей станице не был доволен этой жидовской выдумкой. Был у нас агроном тоже из казаков, вот мы и договорились учинить вредительство»...

— «Какое-же вы делали вредительство?» спрашиваю я.

— А очень просто: пахали, боронили а сеять ничего не сеяли» — отвечает с радостной улыбкой мой собеседник и снова продолжает:

— «А потом, ясно, дознались в чем тут дело и полстаницы загнали в концлагеря, за коллективное вредительство. Меня, агронома и еще других приговорили к «вышке», но потом расстрел заменили 10-ю годами концлагерей. Приехали мы на Беломорканал несколькими эшелонами. Насобиралось со всей Кубани тысяч, чтоб Вам не соврать, семь народу, казаков самих. Строительство уже было в полном разгаре. Первые три дня я не мог никак освоиться с новой жизнью. Словно не люди здесь собрались, а звери какие-то. Кричат, ругаются как только могут и хотят, на все лады. Оборванные, голодные, вшивые — прямо страшно смотреть на них. Работать приходилось от зари и до зари — перерывов никаких. Работа тяжелая, все в ручную, без машин, без техники... Видно в стране «социализма» бесплатный труд рабов был гораздо дешевле механизированого труда»... На минуту нить его воспоминани обрывается, он нервно свертывает папироску и закурив снова продолжает:

— «Так вот я три дня все присматривался к новой жизни и решил что здесь могут выжить только те, которые глоткой и обманом берут. Так я и стал действовать: голосина у меня здоровенная, как рявкну — на три версты слышно, кулаком трахну — быка свалю. Думаю, — нет не погибать-же зря казаку. Жить надо. Сберечь жизнь для мести и будущей борьбы. Ударником заделался. Кормить стали лучше. — Появились силы. Так и брал все — где глоткой, где нахальством, а где просто обманешь. Люди кругом — звери. Чуть зазеваешься и погиб. Охрана из НКВД так и наровит кого-либо подстрелить. Прямой для них расчет: вещи убитого — себе, да и награда от правительства два пуда белой муки и 60 рублей деньгами. Почти каждый день были такие случаи. А делалось это просто: — вот, допустим, увидят на вас брюки хорошие, или рубашку, часы или что-либо такое, что понравится конвойному НКВДисту— он и приказывает:

— «Эй ты, шляпа! кати тачку вон туда!» и указывает куда-либо в сторону от людей. Ну затем выстрел в спину разумеется, а версия, как обычный стандарт, готова — «при попытке к бегству». Ни судов, ни следствия. Просто. Или допустим морда чья-либо не понравится, конец — тот-же»...

— «Вот Вы сказали, что из Вашего эшелона осталось в живых только 300 человек, а как-же могли погибнуть остальные?» — перебиваю его мысль.

— «Как погибли? Вы спрашиваете. Очень просто это делается. Человек получает в сутки 300 грамм плохого черного хлеба и один раз баланду чорт знает из чего. Работают там без сроку — сколько влезет, сколько пожелает хозяин НКВД. Работа, сами понимаете, тяжелая, изнурительная, люди при таких условиях сначиваются быстро. Появляются болезни, цынга. Потом попадают в «слабосилку», откуда уже никто не возвращается. Потом хоронят, интересно как, пускают всех под откос метров 30 и присыпают сверху землей. Там смерть ужасна и на новичков производит потрясающее впечатление. Пожалуй, на всю жизнь И правду ведь говорят, что весь канал построен на человеческих костях. Да... Немало там тысяч сложено и казачьих голов с Дону, Кубани, Терека»...

Стоашной жутью веет от этих простых, бесхитростных слов. Радостный весенний день меркнет в тумане нахлынувших воспоминаний недавного прошлого. Там — на далеком востоке — истерзанная, залитая кровью родная Казачья Земля. Льются потоки крови, стоны и проклятия умирающих на фронте; голод, непосильная, каторжная работа, вечный страх в тылу и на далеких заснеженных окраинах в вечной мерзлоте, в непроходимой таежной глуши, за полярным кругом в нечеловеческих условиях созданных дьявольским воображением кремлевского владыки попрежнему в бессильном отчаянии несутся к холодному суровому северному небу проклятья и мольбы, стоны и вопли новых жертв страны «победившего социализма», перед ужасами которой детскими забавами кажутся пытки древних владык мира...

—

Голос моего собеседника отвлекает меня от этих безрадостных дум.

— «Вот я лучше расскажу, как мне жилось на воле, после концлагерей. Срок мой кончился и меня выпустили. «Перековали», как говорят НКВДисты. Какой там к чертям «перековали»! Зверем вышел я из лагерей. Людей боялся. Приехал в Москву. На вокзале битком людей, а мне страшно. Как посмотрю на себя и смешно и стыдно. Вообразите мой наряд: лапти, ватные брюки все в дырах и заплатах, свитка какая-то без одной полы и на голове соломенная шляпа. Люди обходят меня стороной и каждый косится. Стою я один и не знаю, что делать, жрать, конечно, хочется, аж тошнит. Смотрю идет «урка» — я обрадовался ему, как родному брату. Подхожуь

вились в казармы, где в каждой сотни был приготовлен праздничный стол. Полковн. Г. в прекрасной черкеске при чеканном кинжале и шашке предложил обойти с ним сотни, которые он пошел поздравить с праздником Христова Воскресения.

Всюду приятная, задушевная и милая обстановка и настроение, всюду заметно, что казаки своего командира любят и искренне уважают. Каждая сотня стремится как можно дольше задержать у себя своего командира, побыть вместе с ним.

Узнав, что я из старых казаков-эмигрантов, казаки с особенным любопытством и радостью встречали и меня, задавая массу вопросов, и главное, когда же и они увидят в своей среде своих старых братьев-пионеров борьбы против большевизма.

Командир и офицеры выступали с приветствиями, и мне пришлось сказать своим братьям пару искренних и сердечных слов. И всех нас об'единяла и об'единяет одна мысль, одна дума — наша дума и стремление общими силами совместно бороться за счастье нашего Казачества.

Пением казачьих гимнов, и наших старых казачьих песен отмечался праздник в казачьей части, где можно было видеть много и много трогательных сцен любви к далеким хуторам и станицам нашей Казачьей Родины.

Этот праздник Пасхи останется не изгладимым следом в моей исстрадавшей от заграничных скитаний душе.

Е. Г.

От КНД.

Общеказачья станица в Берлине (Allgemeiner Kosaken-Verein, e. V.), возглавляемая ст. под'есаулом И. Д. Овсяником, своим отношением от 29. 4. 1944 г. на имя Руководителя Казачьего Национального Движения (КНД) ст. инж. В. Г. Глазкова выразила желание войти в состав КНД, приняв его Статут и влившись в единую казачью национальную организацию.

Естественное и вполне правильное решение станицы к полному слиянию всех казачьих сил было охотно удовлетворено. Этим решением все до сих пор существовавшие, даже самые незначительные, группы казачьих националистов слились в одну казачью национальную организацию под одним руководством КНД.

Руководителем была назначена специальная комиссия для рассмотрения личного вопроса ст. под'есаула И. Д. Овсяника. Комиссия, пересмотрев предложенные ей данные и принимая во внимание целый ряд внешних фактов, имевших место в прошлом, равно как и твердую необходимость казачьего единства, предложила руководителю реабилитировать ст. И. Д. Овсяника, освободив его перед казачьей общественностью от обвинений, указанных в распоряжении № 42 от 3. 7. 1942 г.

Предложение комиссии было принято и утверждено Руководителем КНД, о чем доводится до сведения казаков.

Из жизни казаков.

В гор. Августове (Восточ. Пруссия) на второй день Пасхи состоялся прощальный вечер абитуриентов полицейской школы, где находилось целый ряд казаков. На закрытый вечер, происходивший в немецком ресторане «Амтскруг», были приглашены члены местной организации КНД с семьями. После ужина и официальных приветствий начальника школы г-на Порцек была веселая, оживленная беседа, во время которой казаки исполнили ряд народных песен и танцев. Особенный интерес вызвало выступление казачки Ольги Гоунской-Куцобинской, исполнившей ряд балетных номеров.

27-го апреля Ведущий местными организациями КНД в Белостоцкой области ст. В. Т. Еремеев сделал очередную лекцию по казачьему вопросу новому составу слушателей полицейской школы. Лектор вызвал, как и в прежних своих лекциях, живой интерес слушателей к Казачеству, особенно молодых казаков.

30-го апреля в большом зале городского дома было совершено торжественное пасхальне богослужение. После богослужения казаки местной организации в Августове во главе с атаманом ст. М. Муруговым организовали национальный вечер, на котором присутствовали в качестве гостей немцы, украинцы и белоруссы. После официальной части вечера, в которой выступал с докладом ст. В. Т. Еремеев, состоялся вечер казачьей самодеятельности, где ряд казаков и казачек показали свои прекрасные выступления, особенно ст. Мигачева, Нехорошкин, Грунская и др. На вечере присутствовало свыше 200 человек.

В Василькове местная организация КНД по инициативе своего атамана ст. Г. Бочарова и деятельном участии ст. И. Белова устроила в день Пасхи общий обед, на котором присутствовал местный комендант и служащие в комендатуре казаки и ряд гостей.

В Праге на первый день Пасхи местная Казачья Национальная станица устроила общие разговень, на которых присутствовало свыше 200 человек. Староста местного казачьего хора ст. И. Долотин и регент хора ст. Ф. Бардин доставили большое удовольствие выступлением хора, исполнившим много казачьих песен. Была разнообразная программа. Заботами казачек был приготовлен пасхальный стол. До поздних часов казаки не хотели покидать дружную, веселую и чисто казачью обстановку, какую создало правление местной станицы.

Турнэ казачьего хора.

В настоящее время хор Первой Казачьей дивизии, в составе 60 человек, совершает турнэ по городам Европы.

27-го апреля хор давал концерт в Париже в помещении Военного театра. Концерт имел колоссальный успех. Перед выступлением в театре хор в образцовом порядке прошел по главным улицам Парижа, где появление казаков вызвало большое оживление.

Хор располагает большим репертуаром казачьих песень, при этом демонстрирует и новые песни, из них особенно выделяются: «Плаче Кубань, «Степан Разин», «Донской марш» и др.

—

К сведению казаков-националистов,

проживающих в Берлине и окрестностях, сообщается, что в воскресение 21 мая с. г. в 3 ч. дня назначается общее собрание всех казаков-националистов Берлина, имеющее быть в большом зале ресторана «Боцов» (Берлин-Шарлотенбург. Угол Кайзердамм и улицы Кенигин Елизаветстрассе). Вследствие ограниченности времени предлагается прибыть точно к началу собрания в 3 ч. дня.

...Казаки националисты ясно и определенно формулировали Казачью Программу, поставили перед Казачьим Народом свою Казачью Цель и указали к ней Казачий же шлях-дороженьку. И теперь уже никто и никогда и ни при каких условиях не подменит казаков их программы, не закроет от них их цели и не собьет их с их казачьего пути. (Ф. Донсков. «К. В.» № 3 (60).

ХРОНИКА

— В двадцатых числах апреля с. г. Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) ст. инж. **В. Г. Глазков** был вызван немецкими властями по казачьим делам в Берлин.

30-го апреля и 1-го мая Руководитель посетил богослужение Казачьей Православной церкви в Берлине.

В первых числах мая Руководитель прибыл в Прагу.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Бирюков Григорий разыскивает сына Льва, выехавшего из Ростова н/Дону 5. IX. 1942. Лиц, знающих о его судьбе, просит писать по адресу:
Birjukow Gr., Bremen, Schlachthofstr. 7.

— Мельников Николай Автономович, ст. Еланской, Дон, разыскивает сына Василия, брата Павла, родных и одностаничников. Просит писать по адресу:
Kirchmöser a/H., Franzosenlager, St. 11.

— Ермилов Василий Уварович, хут. Рыгина, ст. Каменской, Дон, разыскивает брата Митрофана, эмигранта 1920 г. Писать:
Iw. Melnikow, Ludwigshafen, A. R. Gemeinschaftslager VI., Bau 1041.

— Мурзаева К. П. разыскивает племянника, кубанского казака Таллерова Юрия Николаевича, рожд. 29. 6. 1913 г., мобилизов. красными 1. 9. 41 г. в Краснодаре. Писать:
Halbturn. N. Donau, Forschungszentrale.

— Кузнецов Федор Федорович, Ставрополье, разыскивает брата Николая, служащего в РОА, и брата Ивана Федорович. Кузнецовых. Писать:
Frankfurt a/M. Nied. Oeserstr. 16.

— Милкин Егор Иванович, ст. Вознесенской, Кубань, разыскивает братьев Петра и Павла. Писать:
Cim N. 47 u Nového Knina, Protektorat B. u. M.

— Юрьев Александр Иванович, хут. Изварина, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сына Анатолия и брата Илью Юрьевых. Писать:
Trier-West, Sportplatz, Gemeinschaftslager.

— Альшинский Л. разыскивает двоюродных братьев Владимира Васильевича Чумаченко, Григория Иван. Гавпищенко, проживавших в Сербии, Виталия Абр. Гаркушу, ст. Старощерелиевской, и атамана ст. Полтавской Леонида Михайловича Ануфриенко. Писать:
Halbturn. N./Donau, Forschungszentrale.

— Пономарев Иван Стефанович, хут. Кондрашова, ст. Луганской, Дон, разыскивает двоюрод. брата Максима Антоновича Носикова. Писать через «Каз. Вестник».

— Михин Федор Архипович, ст. Кепинской, Дон, разыскивает Прокофия Курина, Кирилла Даниловича Каменова, Ивана Андреевича Молодцова, Павла Петровича Агофонова. Писать через «Каз. Вестник».

— Казаки Карнеев Николай Данилович и Анфимов Ефим Маркович, хут. Нехаевского, Бурацкой ст., Дон, разыскивают Александра Павловича Малахова, Василия Ефим. Герасимова, Захара Давид. Тихонова, Назара Петр. Герасимова, Григория Степанов. Нехаева, Павла Гаврил. Дремина, Федора Иван. Обознова, Константина Никит. и Степана Измаил Макеевых. Писать через «Каз. Вестник».

— Пастухов Мефодий Иванович, хут. Комарова, ст. Константиновской, Дон, разыскивает двоюр. братьев Павла Петровича Пастухова и хуторцов и одностаничников.
Westostpreussen, Thorn, Gerbergasse 13.

Казаки! Не забывайте, что Ваш национальный орган «Казачий Вестник» издается на средства самих казаков-патриотов. Не забывайте и Вы о поддержки своего печатного слова!

— Обухов Иван, ст. Персияновка н/Дону, разыскивает сына Николая Обухова. В последнее время находился в казачьих частях. Писать по адресу:
Halbturn N/D. Forschungszentrale.

— Слюсарев Павел, ст. Новочеркасской, Дон, разыскивает братьев Николая и Владимира. Писать:
Pawel Slüssarew, Banamt-Gliwitz, Luftwaffen, Schlesien.

— Буджалов Михаил Сергеевич, ст. Власовской, Дон, разыскивает брата Андрея, родив. 1899 г. Писать:
Köln-Deutz, B. / W. Deutzerfeld.

— Щепихин Константин Васильевич, ст. Урупской, Кубань, разыскивает отца полк. Василия М. Щепихина и дядей Александра, Стефана и Прохора Щепихиных, проживавших в гор. Вранье, Сербия. Писать через «Каз. Вестник».

— Кощеев разыскивает родственников Федора Митрофановича Рукинова и Андрея Павловича Караченцова, ст. Губской, Кубань, эмигриров. в 1920 г. Писать:
Heerte über Braunschweig, Waldlager D.

— Тихонов Гавриил Федорович, хут. Каменного, ст. Казанской, Дон, разыскивает родственников Александра Дмитриевича Какурина и Анфизу Георгиевну Калашникову, проживавших во Франции. Писать:
Lehrte bei Hannover, Gemeinschaftslager „Ida", Barak 1, Stube 1.

— Дюбина Александра Дмитриевна, ст. Каменской, Дон, разыскивает сыновей Пантелея рожд. 1915 г., Алексея рожд. 1921 г. и племянника Ивана Ив. Дюбина рожд. 1921 г. Писать:
Mielau-Nord, Kosaken-Ewakuirten Lager Nr. 1. Ostpreussen.

— Гладков Михаил, ст. Есауловской, Дон, разыскивает двоюрод. брата Василия, проживавшего во Франции, и племянника Ивана Иванов. Харина, из Азова. Писать:
M. Gladkow, Heeres-Uffz. Schule, Jauer, Schlesien.

— Наугольнов, ст. Калитвенской, Дон, разыскивает брата Егора Федоровича Наугольнова, племянников Михаила Егоровича Ерохина и Григория Ивановича Ковалова. Писать:
Nauglow, Waldlager D. Heerte über Wolfenbüttel.

— Коноводов Василий, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сотника Ивана Емельян. Кулешова. Писать через «К. В.».

— Дворецкий Виктор разыскивает сестру Антонину Дворецкую, рожд. 1925 г. в гор. Лебедин, Сумской обл. Писать через «Каз. Вестник».

— Тананакин М., ст. Митякинской, Дон, разыскивает братьев и племянников Федора, Александра, Василия Павловичей Рудаковых с хут. Исаевка, Митякинской ст., Дмитрия, Василия Александровичей Тананакиных, Александра и Екатерину Иван. Тананакиных, хут. Верхне-Митякинского, той же станицы, Лазаря Иван., Андрея Лазаров. и Павла Нефедовича Горшколеповых, с хут. Красновка, ст. Митякинской. Писать:
M. Tananakin, Hamburg 39, Sierichstr. 53. Pol. Rew. 17.

— Назаров Кузьма, хут. Свидовского, ст. Казанской, Дон, разыскивает братьев, эмигрировавших в Болгарию, Ивана, Василия, Якова Иосифовичей Назаровых, Ивана Иван. Назарова, Ивана Авдеевича Назарова, Фолынскова Кузьму, Мартына Дмитр. Назарова. Писать через «Каз. Вестник».

— Колумбет Анастасия Никитична разыскивает брата Тихона Колумбет, окончившего сел.-хозяйств. институт в Праге.
Luxemburg, Bonneweg 60, Gemeinschaftslager.

— Линьков Иван Аксентьевич, хут. Н.-Митякинского, Митякинской ст., Дон, разыскивает дядю Григория Ивановича Попова, эмигрир. в 1920 г. Писать:
2 W. S. Pronerkompanie, Eisenbahnlager Trzebinia O/S.

— Дубровский Иван, ст. Константиновской, Дон, разыскивает родственников Константина, Валентина Абраменко, Павла Дубровского, Макара Болебкова. Писать через «Каз. Вестник».

— Иванов Василий Иванович, ст. Верхне-Курмоярской, Дон, разыскивает брата Алексея Андреевича Траилина, Ивана Николаевича Марушкина и сестру Пелагею Федоровну Алимову. Писать через «К. В.».

— Бочаров Иван Никитич, хут. Скородумовского, ст. Каменской, Дон, разыскивает родственника эмигранта Виктора Васильевича Голганова. Писать на «К. В.».

Администрация «Казачьего Вестника» располагает весьма ограниченным количеством полных комплектов «Казачьего Вестника», являющихся уже теперь большой библиографической редкостью. Эти комплекты не будут больше посылаться частным лицам, а лишь казачьим организациям, которым предлагается заблаговременно приобрести полный комплект «Казачьего Вестника». Стоимость комплекта — 20 марок.

В Казачью канцелярию поступила очередная партия бортовых (нагрудных) значков КНД. Значки можно приобрести через местные организации КНД или одиночкам непосредственно от Казачьей канцелярии. Стоимость значка с пересылкой — 3.50 RM.

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании), посредством которых новые подписчики могут послать подписную плату за «Казачий Вестник», равно как читатели могут послать добровольные пожертвования на поддержку издания «Казачьего Вестника», члены-одиночки КНД — членские взносы.

— «Здоров, браток!» Тот смотрит на меня — спрашивает:

— «Ты откуда?»

— «Ясно откуда — с Беломорки. 10 лет отсидел» — говорю с гордостью.

Тот улыбается, спрашивает куда еду — отвечаю: «На родину, в Новороссийск».

«Урка» смотрит на меня понимающими глазами. Мой вид и ответы видимо его удовлетворяют и внезапно предлагает:

— Хочешь заработать?»

— «Хочу» — отвечаю.

— «Так вот гляди, там стоит фрайер, ты его займи чем-нибудь, а я стяну «угол».

Я подхожу к незнакомому гражданину и пока прикуриваю папироску, чемодан, стоящий рядом с ним — исчезает. Через полчаса «урка» приносит мне целый «бубон», поллитра водки и колбасы.

Жизнь начинает налаживаться. Сажусь в поезд на Новороссиск. По дороге узнаю неприятную новость — что надо обязательно нашему брату браться на учет в местном отделении НКВД. Вот, думаю, история. Отсидел 10 лет и опять куда-нибудь «подберут». Пр-р-проклятая жизнь!

Поезд прибыл в Новороссийск утром. Иду по улицам, аж самому стыдно — люди идут, оборачиваются. Милиционеры смотрят подозрительно — думаю, заберут еще чего доброго в каталажку. Выбрался на окраину города, купил поллитра водки, хлеба, немного колбасы за последние деньги. Сел в придорожной канаве, разложил свои яства... От выпитой водки с непривычки приятно закружилась голова, а на душе стало как-будто-бы легче. Вот, думаю, хорошая вещь водка не даром ее любят так у нас. Помогает лучше всякого доктора от любых болезней и, самое главное, помогает прятаться от самого себя, от проклятой действительности, от жизни подлой и оплеванной... Спать потянуло. Хорошо бы сейчас этак развалиться на хорошей мягкой койке и уснуть... Посмотрел невольно на себя, на свой жалкий наряд, вспомнил, что не брился уже недели две — обидно за себя стало. Кто пустит такого бродягу к себе, кто даст кров и отдых?

Невдалеке виднелось кладбище — побрел я туда. Иду медленно, рассматриваю старые покосившиеся кресты, провалившиеся могилы неизвестных страдальцев и вдруг вижу старинный склеп весь в зелени кипарисов, величаво стерегущих мертвый покой богатых и когда-то именитых... В склепе было сумрачно и сыро, два больших оцинкованных гроба мне не мешали. Я быстро улегся на охапке гнилой соломы, оставленной здесь неведомыми моими предшественниками, видимо, такими-же отчужденными и выброшенными за борт жизни как и я, и не помню как уснул.

Я проснулся от резкого толчка в бок. Видимо, спал долго и крепко. В склепе слабо мерцало желтым язычком пламя восковой свечки прилепленной к крышке одного из гробов. Надо мной склонились два лица уродливо освещенные мерцающим светом.

Мне достаточно было бросить одного взгляда, чтоб успокоиться — это были «свои». Урки признав во мне тоже своего — видимо успокоились.

Один из них постарше, лет 35, одетый довольно прилично, спросил:

— «Ты откуда залетел сюда, братик?»

— «Известно откуда — с Беломорки. Приехал на родину в Новороссийск. Думаю устроиться на работу».

Последние слова были прерваны громким хохотом обоих урок. Они оба смеялись, делали какие-то гримасы — от их смеха и движений свеча отплясывала какой-то дикий танец. Видно слово «работа», от которой они давно отвыкли доставляло им какое-то наслаждение в неумолкаемом смехе.

Оба с интересом стали рассматривать меня и другой помоложе спросил:

— «Ты что ж всерьез думаешь работать? Эх ты, дура! Проработал 10 лет на Советскую власть бесплатно и все ему мало. Вот мы уже сколько лет не работаем, как нас раскулачили и живем ничего. Лучше умереть с голоду, чем работать на эту сволочь!»

Через полчаса мы стали друзьями.

— «Тут недалеко в колхозе есть пара хороших коней. Ты помоги нам отвести их в столовую, а мы тебе за это справим костюм» — предлагает мне который постарше, критически осматривая мои лохмотья.

Я недолго думаю. Все равно выбирать не приходиться, а главное прельщает костюм. Давно уже хочется сбросить с себя эту вонючию рвань, память долгих лет работы на Беломорканале.

Темной, глухой ночью мы трое подкрадываемся к колхозному сараю. Старший мне вручает наган и шепотом наставляет: «Стой тут и гляди в оба. В случае чего — стреляй».

Я стою у небольшого строения — конторы правления колхоза и напряженно ловлю обостренным слухом удаляющиеся шаги моих товарищей.

Сонная тишина простерла свои невидимые об'ятия. Время идет мучительно медленно, я судорожно стискиваю «машинку».

Но вот слышно слабое поцокивание копыт и из темноты выростают силуэты моих приятелей и две конские фигуры. Мы долго идем молча все убыстряя шаг. Я иду рядом с тем, который помоложе и сдавленным шопотом спрашиваю: «Ну, а теперь куда?» Тот, видимо довольный удачей, радостно улыбается во весь рот и негромко отвечает:

— «Дело известное. Сведем в столовую. Не в первый раз. Кониги гладкие, сытые — хаарошие будут «котлетки для трудящихся». Он сдавленно смеется и слегка косится в сторону своего приятеля.

— «Чего ржешь, рыжий дьявол!» — доносится оттуда.

Через час мы трое сидим в светлой комнате столовой Наотпика, радостно ощущаем приятную сытость желудков и хмельной туман. Завстоловой, молодой юркий еврейчик, обслуживает нас. Уже два часа ночи и, кроме нас, в столовой никого нет. Мне дают брюки, рубашку и старые ботинки. Свою рвань с наслаждением стаскиваю и бросаю в угол. К утру мы опять на своей «квартире». (Продолжение следует).

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag, Druck „Buchdruck"
Aufsichtsamt Nr. 25.

Gutenštejnka ul. č. 6.

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 12 (69) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ИЮНЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация:
„Der Kosakenbote"
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188 Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

А. Ленивов:

Казачество и Европа.

Сегодня, в 1944-ом году, каждый обитатель Европы знает о казаках, а образованный человек имеет представление о том, что существует огромная научная литература о Казачестве. Поэтому несомненным является то положение, что враждебная Казачеству пропаганда, проводимая в течении долгого времени, сведена теперь почти к нулю. И вот Европа наших дней знает казаков именно в освещении об'ективной международной литературы. Но, конечно, не может быть никаких сомнений в том, что никто не может знать лучше о Казачестве, чем сами казаки, которые никогда не ограничивали понятия о себе умением сражаться превосходным образом на полях битв... Нет, сегодня есть уже и казачьи политики, голос которых не заглушается грозным шумом битв. Они, рожденные и взращенные казачьей действительностью последних 25-ти лет, отдавая себе отчет в серьезности переживаемых нами событий, стараются помочь своему народу выйти из полосы бурь, свирепствующих на его пути уже долгое время. Этот выход из создавшегося положения казачьи политики видят в окончательной ликвидации жидо-большевизма и для этого находятся и будут находиться в самом тесном контакте с народами Европы, вдохновленными идеей нового национализма.

В этой борьбе Казачество оспаривает себе место авангарда, потому что оно стремится первым соприкоснуться со своим кровным врагом, принесшим ему столько зла.

Смертельная схватка Европы с большевизмом должна завершиться поражением Советского Союза. Иного исхода не может быть, потому что большевизм в случае его победы угрожает гибелью Европы. Европейская цивилизация, этнический жизнепорядок Европы и ее географические границы будут сохранены в том случае, если большевизм, а следовательно и Советский Союз будут побеждены.

Что же будет далее, в результате второй мировой войны, после поражения большевизма? Наша казачья заинтересованность в связи с этим проявляется в возможном уточнении роли и определения места для Казачества в будущем.

Сплоченным фронтом бьются сегодня народы Европы против Советского Союза, стремясь разбить ее «девятый вал». В этом фронте занимают свое место и казаки. Таким образом, явилась возможность непосредственного знакомства народов западной Европы с Казачеством. В процесе сотрудничества Казачества с европейскими народами в деле борьбы с большевизмом выявилась роль казаков в настоящей войне, но также необходимо определить и роль Казачества в дни и годы следующие за окончанием этой войны.

Время шло, а вражеская пропаганда всех политических оттенков стремилась внедрить в сознание каждого читающего и слушающего идеи враждебные Казачеству. В свою очередь казачья пропаганда, обосновываясь на научных данных и базируясь на фактах защищала интересы Казачества.

И вот декларация 10-го ноября 1943-го года выявившая отношение Европы, в лице Германии к Казачеству, явилась лучшей наградой казакам и казачьим политикам за их выдержку и дисциплинированность в работе на благо Казачества.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сказать следующее: казачье будущее предопределяется его прошлым. В прошлом же Казачество в роковые времена становилось на сторону Европы. Оно было его форпостом в защите духовных и материальных европейских ценностей. На Куликовском ли Поле или в Азове, Казачество неизменно выступало защитником христианской культуры, подобно тому, как ее защищали в исторические времена немецкие рыцари крестоносцы. И в последней войне Казачества с Советским Союзом в 1917—1920 гг. оно выступило опять как авангард Европы в борьбе с антихристианским большевизмом. Поведение же казаков в наши дни подтверждает вышесказанное, а сама жизнь утверждает, что Казачество — форпост Европы, а Германия ее крепость.

...Идеалы Казачества, как народа, поднявшего знамя своей Свободы и Воли, быть полным хозяином своих Казачьих Земель.

Вот почему мы, казаки националисты, ставили и никогда не перестанем ставить четко и ясно вопрос о том, что пора казакам думать свою думу, пора становиться в свои казачьи ряды — свой к своему. Нужно безоговорочно выходить на свой собственный исторический шлях.

(И. Васильев, «К. В.» № 5 (62).

Войск. старш. К. Кирсанов.

О нашей борьбе.

Мало хотеть, нужно
и уметь бороться.

Всякая борьба, а тем более национальная, каковой является в настоящее время борьба Казачества, распадается на две неразделимых, но взаимно дополняющих друг друга части: 1) борьба физическая и 2) борьба идеологическая. Слабость или отсутствие одной из этих частей — это верный залог неуспеха в деле. Для борьбы необходим руководящий центр идеологического и организационного руководства и водительства. Частичные, отдельные неудачи в физической части борьбы не страшны лишь тогда, когда имеется на лицо идейная убежденность, политическая зрелость и моральная стойкость.

Нужно, чтобы выдвинутая идея борьбы была динамична. Руководство должно своим горением, своей верой в правоту, в победу выдвинутых идей зажечь и увлечь всех остальных за собой. Массу нельзя убедить. Масса должна прочувствовать, пережить и воспринять идеи и их ценность. Последнее у нас, казаков, на лицо; наше подъяремное Казачество и коренное население нашей отчизны осознало, поняло ложь марксизма-большевизма, испытав его непосредственно на собственной спине, бросилось от него прочь и всецело на стороне своего казачьего национализма. Нужно только направить его в желаемую нам сторону. Масса не делает историю и перевороты, а сильные личности, люди мысли и идеи, об'единившие и собравшие вокруг себя ведущую элиту своих единомышленников; масса дает лишь силу удара. Героев создает и выдвигает окружающая их среда, они идут на подвиг и ведут за собой массы. Люди мысли создают настроения, формулируют и пускают в ход идеи.

Разрушительная и созидательная сила идей огромна. (Пример: Злой гений Ленина и работа его немногочисленной гвардии старых большевиков). Красная Москва победила в прошлой борьбе Казачество и белых не одной только грубой физической силой, но и динамикой своих ложно-преступных идей, победила прежде всего своей политикой.

Врага своего нужно изучать, изучать всесторонне, познать сильные и слабые его стороны. Вредна и губительна недооценка и переоценка сил врага, средств его борьбы и собственная, необоснованная самоуверенность. Свои силы необходимо правильно оценить, уяснить, как слабые так и сильные стороны без всяких преувеличений и уменьшений. В борьбе излишний оптимизм, как и пессимизм вреден и недопустим. Чутко схватывать, угадывать настроение масс противника и своих. Твердо усвоить и всегда помнить, что никогда организация не терпит импровизации, а только идейность, революционность, организованность дадут победу. Учиться бороться и побеждать на исторических ошибках прошлого и методах действия врага. Не забудем также и наличие всяких случайностей, влияющих на ход истории, будем готовы вредные для нас парализировать, а выгодные использовать до предельного конца.

Идеи того или иного исторического отрезка времени, возникая стихийно в недрах души народов, воспринимаются отдельными общественными деятелями этих народов, сразу находят отклик в сердцах и мыслях народов. Оказываясь нежизненными теряют свою сущность, перестают находить достойных носителей сначала в национальном самосознании народа, а затем, как следствие этого, во всей толщи народной.

Сейчас, как никогда все казаки об'единены лютой ненавистью к режиму Московского большевизма, к красному империализму, к чужаку-пришельцу, красному насильнику.

У нас у всех много пережито горьких обид от пришельцев. У нас много характерных черт нашего общественного бытия, нашего национального характера. Родившуюся среди нас солидарность надо еще больше развить, укрепить общностью устремлений в будущее.

Надо нам перестать быть петербургскими, московскими казаками, изживем в себе, в своей среде, насильственным путем привитые нам отрицательные черты северного племени, будем просто казаками и только казаками, будем верными сынами нашей казачьей Родины.

Командир сотни отдает короткий и ясный приказ.

Archiv „Der Kosakenbote".

Сотник Е. Гетманов:

Страшный призрак на границе Европы.

Страшный призрак всеразрушающего большевизма вновь докатился до границ Европы. Уже виден его зловещий, кровавый оскал, застывший в неопределенном выражении, не то улыбки не то угрозы.

Ничего, конечно, хорошего этот оскал не предвещает.

Большевизм принесет Европе все те качества, что составляет его сущность.

Четверть века на необ'ятных просторах восточной Европы проявлялась эта сущность жидо-большевизма. Проявлялись его единственные неподражаемые, ни кем не превзойденные способности: —

разрушение.

Это же разрушение ныне грозит и Европе, если волна большевизма хлынет дальше. Зальет она своим смрадом усердно и любовно обработанные поля крестьянина, ворвется в его дом, предав разрушению поколениями создавшееся благополучие. Ворвется этот страшный большевизм в чистые и опрятные квартиры городского рабочего и ремесленника, отравит его своим сладковатым ядом. Разрушит семейные очаги, развратит детей, изнасилует женщин, уничтожит интеллигенцию.

Подвергнет разрушению церковь, школу, заведенный и привычный гуманный государственный аппарат.

Вековые достижения христианской культуры должны будут исчезнуть. Все способное жить и творить — подвергнется уничтожению.

Над всем, подвергнутым в разрушении, будет царствовать кровавая Чека, — неот'емлемый атрибут большевизма.

Почему мы, казаки-националисты, так уверенно «пророчествуем?»

Говорим так потому, что сущность большевизма известна нам с первых дней воплощения в жизнь теорий жида Карла Маркса. Не изменилась эта сущность и ныне и сотни тысяч казаков, уже теперь прибывших в Европу, подтверждают это.

Менялись названия, менялись формы, менялись лица, но дирижер, стоящий за спиной этих разрушительных сил —

вечный жид —

оставался несменяемым.

Не первый раз мы, казаки-националисты, возвращаемся к этому вопросу и не первый раз с удивлением констатируем, что и за спинами всевозможных «демократов» стоит тот же дирижер — вечный жид, — преследующий те же цели:

разрушение и уничтожение.

Нам, казакам, волею исторических событий предопределено было первыми взяться за оружие и дать отпор поспоясавшемуся жидо-большевизму. Вести борьбу с ним всем казачьим народом (тремя поколеньями) и продолжать ее в течении 25 лет средствами, кои были доступны нам в те или иные периоды времени.

Начавшаяся борьба европейских народов под водительством Германии и ее Вождя, против большевизма, влила в нас, казаков, свежие струи бодрости, порыва и дерзновения. Казачество первое примкнуло к этим силам и с присущим ему упорством и энергией ведет борьбу с большевизмом там, где это зло старается распространиться.

Казачья национальная эмиграция, несмотря на страшный оскал большевицкого зверя, несмотря на подзадаривание этого зверя заморскими «свободными демократиями», продолжает и еще с большей энергией будет продолжать служение своему Казачьему Народу.

Не остановит нас в этом служении ничто. В какую бы гримасу не искорчился облик большевизма, каким бы страшным ни был его оскал, его страшный призрак ныне стоящий на границе Европы, мы с еще большей энергией будем продолжать работу, отведенную нам событиями и временем.

Свою Свободу и Независимость наш многострадальный Казачий Народ ныне утратил, но чести своей не потерял и никогда и ни при каких условиях не поклонился красному идолу. А раз осталась и сохранилась честь и своя Казачья Правда — будут сброшены и цепи рабства. Порукой тому наши доблестные казачьи бойцы, достойные потомки славных казачьих предков, борящиеся за Свободу и Волю Казачества и несущие на своих знаменах Его грядущее воскресение.

(«Казачий Вестник» № 65—66).

В. Еремеев.

За новую жизнь.

В настоящей войне решается на много десятилетий участь не только Европы, но и каждого народа. Идет неумолимая бескомпромиссная борьба между добром и злом, между правом и бесправием, между справедливостью и диким насилием. В этой войне участвуют народы всей Европы, одни из них борятся за идеалы Нового, Порядка, другие же, прикрываясь жывыми идеями и трескучими фразами, стремятся к новому закабалению других народов в оковы невиданного грубого насилия, которое так свойственно натуре жидо-коммунизма.

Советская действительность — это жуткий кошмар, грубый материализм, построенный на классовой ненависти, лжи, грубости, отрицании личности и звериной подлости. Там говорится о свободе личности, но это лишь горькая ирония, пустой звук. Есть только принуждение и превращение человека в послушный автомат. Так долго это не может существовать. У человека появится естественный бунт души.

Не материальные блага удовлетворяют человека. Но и материального благополучия не хотят дать большевики. Они держат обезличенные и уставшие народы СССР в постоянном голоде, стремясь вызвать в его воображении идеал сытости и материального довольства. Это ложный путь. Человечество давно убедилось, что материальная обеспеченность не вполне удовлетворяет человека. Есть что-то более ценное в человеке, что вызывает в нем вечную тоску к душевному равновесию, основанному на благородстве мысли. Подсознательно человек стремится к высшим идеалам, к вечной правде, к познанию истины своего бытия.

Война породит новую эпоху. Она создаст нового человека иных понятий. Холодный и безучастный взгляд капиталиста-хищника или же обезумевшего от крови коммуниста заменит взгляд глубоко перетерпевшего муки человека. Его взгляд будет устремлен с любовью на другого страдальца. В глубоком несчастии родится глубокая любовь, а в ней человек обретет свое достоинство.

Мы живем верой в окончательную победу духа над приматом материи, носящей в себе зародки людских несчастий. Мы идем дорогой познания Божьей правды на земле, чтобы облегчить земские страдания, чтобы в гармоничном сочетании своих стремлений с непреложными законами природы установить социальную справедливость, чтобы творческий дух нашел свободное проявление в душе человека, чтобы труд его перестал быть его проклятием, а наоборот, стал ему благословением. За эту лучшую будущность, за новые идеалы Европы мы решили бороться до конца. За насилие над нами мы отвечаем вооруженной силой. Знаем хорошо, что пока существует большевизм, на свете не может быть свободы народов, не будет их национального возрождения.

Казачий Народ переживает великое несчастье. Он лишился свободы. Отняли у него самое дорогое заклятые враги, жидо-коммунисты, которые постановили стереть с лица земли свободолюбивое Казачество.

Много казаков погибло в ссылках, казнено в застенках НКВД, не мало ушло на эмиграцию, а оставшиеся продолжают вести кровавую борьбу в рядах возрождающейся Казачьей Армии.

Под тяжелым бременем эмигрантской жизни мы носили на себе пятно чужих людей, везде смотрели на нас с точки зрения общественной безопасности, но нам давали право думать по-своему, по-казачьи. Все наши мечты, все наши чаяния всегда были направлены к родным Краям.

Казакам, оставшимся под советским игом, выпал еще более тяжелый крест страданий.

Нас разделили силой и казакам там приказали забыть о нас, заставляли думать иначе, хотели у них и у нас вырвать казачью душу, благородные побуждения, рыцарское сердце. Такая страшная пропасть разделяла нас 24 года. Сколько несчастий таит в себе ее черная пасть! Сколько жизней, дорогих нам поглотила она!

Мы здесь, за границами, в поисках заработка погибали, старели, глубоко тосковали по своей Казачьей Родине, по своим братьям-казакам, а они там, «у себя» мучились в застенках, в лагерях, переживали ужасную пытку красного звериного террора.

Но Провидение оказалось ласкавее красных палачей. Оно допустило нам вынести жестокие муки и позволяет снова всем нам соединиться, чтобы итти вместе в великой борьбе за свою вольность казачью.

Большевикам не удалось уничтожить Казачество. Судьбе угодно было присоединить голос и оружие казаков к великому походу за идеалы Новой Европы. Были моменты страшные. Казалось, что все пропало. Не хватало силы выдержать нажим советского колосса. Но мы выдержали и теперь можем смело говорить о том, что свободолюбивое Казачество может рассчитывать на свое национальное существование без большевиков.

Декларация Германского Правительства от 10. 11. 1943 г. подтверждает эти слова. Мы верим твердо, что наступит светлый день воскресения Казачества, которое наравне с другими народами Европы будет итти по пути своего национального возрождения.

Мы, старые эмигранты, никогда не забывали о Родном Крае, о своем многострадальном Казачестве. Сюда мы выносили из дома искорку прошлого и здесь научились глубже и сознательнее любить свою Казачью Родину.

Долгими вечерами думали «казачьи думы» и мечтали о возвращении домой. Тоска вселась в нашу кровь по родным куреням и станицам.

Думали о том, как бы построить у себя жизнь по привольнее, чтобы каждый казак чувствовал бы себя свободно и радостно, вкладывал бы свой труд в дело общего строительства, чтобы можно было творить, а не разрушать, чтобы, наконец, высвободившись из тины противоречий, закабаления духа, человек искал бы под напором новых стремлений новые пути к Свету и Правде.

Мы счастливы тем, что здесь, в условиях крайней материальной нужды, не потеряли способности думать свободно, по-казачьи.

Этим богатством и делимся теперь с нашими освобожденными братьями и знаем, что они не откажутся от своих же казаков и не отбросят наши слова любви и единения. Мы не претендуем на роль учителей, нет, мы только из чувства родства, общности наших казачьих целей и стремлений, после долгой разлуки встречаемся со своими казаками сердечно и любовно, потому что знаем хорошо, что не звериный эгоизм и предательство нации, а чувство полной солидарности и братства осветят наш общий путь к лучшему будущему, всеми нами горячо любимого Казачества.

Богатство наше заключается в том, что сохранили в сердцах своих дух казачьей вольности. Везде, где пребывали казаки, организовывались хутора, станицы, поддерживались старые казачьи традиции и наш казачий быт. В умах эмигрантов выковывалась национальная мысль и приобретала конкретные формы казачьего движения. Создавались общества «ревнителей Казачества», «изучения Казачества», разрабатывались исторические материалы, сохранившиеся в европейских архивах, на собственные средства издавались казачьи журналы, исторические труды и повести. В истории Казачества здесь, на эмиграции, впервые был поставлен Казачий вопрос во всей его полноте, об'ективно, без московского цензора. Пред европейской общественностью Казачий Вопрос приобрел иное понятие нежели это было в царские времена. Здесь казаки открыто и громко заявили всему свету, что Казачество исстари является самобытным народом, а не превусловутым сословием в угоду царскому империализму, который держал в своих оковах казачью вольность около 200 лет.

Тяжелое наследство оставило по себе московское владычество. Трудно отряхнуться от позорных следов оккупации и белой и красной Москвы. Но мы не питаем никакой вражды к русскому народу. Мы искренне желаем русскому народу избавиться от сатанинской власти и создать такую жизнь, как он себе хочет. Мы не желаем вмешиваться в устройство чужой жизни, равно как и отметаем вмешательство в нашу Казачью жизнь.

Казаки-националисты отдают себе отчет в трудностях, которые стоят на пути осуществления их стремлений, но это не отклонит их от твердой воли итти вперед. Знают они, что их стремления справедливы, оправдываются жизнью и полностью соответствуют историческому процессу развития народов и их национального возрождения. На развалинах разлагающего марксизма возрождается творческая мысль здорового национализма, утверждающего социальную справедливость.

Казачье Национальное Движение (КНД) является выразителем национальной казачьей мысли и об'единяет всех казаков, преданных Казачьему Делу. Насколько жизненна и популярна среди Казачества идея КНД, мы позволим себе отметить страстное массовое тяготение к нему казаков, пребывавших 25 лет под страшным террором большевизма. Казачья пресса нашла живой отклик у себя дома и казаки перешли на сторону Германской Армии и здесь, под руководством Германского Командования организовывают полки и дивизии возрождающейся Казачьей Армии. Казаки еще раз доказали свою непримиримость к советской власти и принимают самое активное участие в кровавых боях против красного ига, против порабощения духа, за оздоровление социального порядка в Новой Европе и за национальное свое возрождение. Велика роль казачьей эмиграции, пробудившей национальное сознание, еще более велика роль фронтового казачества, завоевавшего своим бесстрашием и природным мужеством славу лучших бойцов, и с оружием в руках отстаивающего право на жизнь Казачества.

Их совместные жертвы, наравне с великими жертвами Германского народа, кладут фундамент лучшего будущего,

Кровь казаков, пролитая совместно на поле брани, сольется в один могучий поток великой жертвенности и послужит символом единства мысли и вечной дружбы народов. На нас, здесь пребывающих, падает ответственная обязанность сохранять всеми мерами идею национализма и быть готовыми к несению больших жертв за те же идеалы нового порядка.

Судьба наша зависит от исхода борьбы с большевиками. Самым счастливым выходом для судеб всех народов — осознание крайней необходимости в об'единении для общей борьбы с жидо-коммунизмом.

Полков. Сергей Макеев.

Во Власти Хама.

(Продолжение.)

На дворе стояла такая темнота, что в двух шагах нельзя было различить предметы. Небо покрылось тучами и начинал накрапывать теплый весенний дождь. Слегка дул ветер.

«Коли дождь под праздник, значит будет удача»! — подумал Иван Васильевич и ощупью направился в конюшню.

Дворовый пес бросился ему под ноги и ласкаясь и визжа от радости, прыгал около своего хозяина. Он потрепал пса по мягкой пушистой шерсти и отворил дверь в конюшню. «Копчик» встретил атамана легким ржанием.

— Ешь, Копчик, — сказал атаман, надевая на коня торбу с овсом, — собирайся в поход и до нас с тобой очередь дошла!

Выйдя из конюшни Иван Васильевич, освоившимся в темноте глазами заметил, что кто-то осторожно перелез через огород и тихонько крадется к хате. Пес зарычал, но чувствуя на себе руку хозяина, притих.

— Кто здесь? — раздался звычный голос атамана.

— Я, Михаил Еременко, господин атаман! — послышался тихий ответ.

— Ты чего?

— Батько меня послал к вам!

— Ты чего-ж через плетень лазишь, дверей что ли нет?

— Да я... — смутился молодой казачек, — чтобы, значит, никто не видал.

— Говори в чем дело?

— Дозвольте в хату войти?

Атаман и Михаил Еременко вошли в хату. Молодой казак снял шапку, стряхнул с нее капли дождя и истово перекрестился на образ.

— Садись! — сухо сказал атаман.

—Покорно благодарю, я и постою.

— Ну?

— Так что к Евдокие-то, Степановой жинке, приехал брат Егор, — начал Еременко, — ну, у них сичас было сборище... Почитай все мужики собрались там. Егор-то говорит, что нужно перво на перво арестовать атамана, пока, дескать, не утек, а потом уж за остальных стариков браться. Говорит уж везде ихняя власть, только здесь почему-то дремлют. Вот батько меня и послал к вам доложить, чтобы вы сичас же уехали из станицы, а то, неровен час, и впрямь арестуют...

— Спасибо на добром слове. Поблагодари отца-то, скажи, что я не забуду эту услугу. Ах, сукины сыны, а? Мало я им добра делал?!

Михаил Еременко, пожелав атаману счастливого пути, вышел во двор, перелез через плетень и задами, крадучись побежал до своей хаты, а Иван Васильевич тем временем спешно укладывал в походные сумы все необходимое к от'езду. Теперь уже ясно стало, что оставаться дома нельзя и чем скорее он покинет станицу, родную хату и горячо любимую жену, тем будет лучше.

— До трех часов еще долго, — говорила ему Марья Петровна, — ты бы не мешкал, поседлал бы «Копчика» и прямо к полковнику. Чего тянуть зря?.. Уедешь и я буду спокойна...

— Я и то думаю, теперь уже засиживаться нечего.

За сборами Иван Васильевич отдавал жене последние распоряжения по хозяйству и, главное, просил заботиться о детях и воспитывать их в любви к родной Кубани, к славному Вольному Казачеству.

— Не век же они будут царствовать над нами, всколыхнется сила могучая, раздавит врага, освободит станицы!. Воспитывай их, Марья, чтобы росли казаками, блюли бы веру отцовскую, хранили бы честь и волю казачью!

Перед тем, как выезжать со двора, Иван Васильевич простился со стариком отцом, зашел к беззаботно спавшим детишкам, и осторожно, чтобы не потревожить сладкий детский сон, поцеловал их в лоб и осенил крестным знамением. Остановился старый казак перед постелью Васютки и задумался...

«Вот он, старший сын, кормилец семьи... надёжа материнская, опора в хозяйстве»!

Васютка проснулся, испуганно привскочил с кровати и протирая кулаченками заспанные глазенки, заплакал.

— Папанька, ты куда? Я с тобой...

— Нет, Вася, ты останешься дома. Хто позаботиться о матери, о дедушке, а? Ты один казак, вся надёжа на тебя. Смотри, Вася, будь умницей, слушайся старших, следи за хозяйством... Я вот вернусь скоро, коня тебе куплю.

При мысли о том, что он уже большой и отец, уезжая, поручает ему мать и дедушку, и скоро будет иметь своего коня, Васютка перестал плакать и бросился к отцу на шею.

Иван Васильевич вывел со двора «Копчика», обнял еще раз плачущую жену и вскочив в седло, тихо промолвил:

— Обо всем сообщай с Васюткой, али как найдешь сподручнее, да язык держи за зубами... помни, что я говорил!

Конский топот, по мягкой от дождя земле, растворился в темной улице, а Марья Петровна все стояла около хаты и долго глядела вслед уехавшему мужу, впиваясь мокрыми от слез глазами в ночную даль...

Казачество осознало эту необходимость и исполнит свой долг пред Родиной. Все истинные казаки первыми отдают свои силы и жизнь делу освобождения своих Земель из под власти большевиков. Не предрешая будущих форм правления, казаки думают вернуться домой политически организованными, подчиненными одному общему плану работы, придти так, чтобы каждый из них знал не только место, но и то, что делать ему на этом месте. Но без помощи Германского оружия возвращение домой немыслимо, поэтому казаки предоставили себя и всю силу собственной организованности в полное распоряжение Германского Главного Командования. У них и у нас сильна вера в окончательную победу над большевизмом, ибо верим все в торжество Духа и Правды!

«Нужно будет раз и навсегда отказаться от всяких великодержавных, империалистических или шовинистических устремлений. Нужно запомнить раз и навсегда ту совершенно бесспорную, исторически многократно доказанную истину, что обширность территории государства Российского была источником его слабости, но отнюдь не его силы! Нужно запомнить еще и другую истину, столь же бесспорную, что русская земля всегда была велика и обильна, но порядка в ней не было!» Профессор-доктор П. Иванов. «Новое Слово» 22. 9. 1943. № 76.

Я. И. Лопух.

КУГОЕЙСКИЕ СТЕПИ.

Черт вас возьми, степи,
как вы хороши.
Гоголь.

Мало уже остается кубанцев, видевших беспредельные Кугоейские степи, принадлежащие Кубанскому Войску. Уже перед европейской войной 1914—1917 гг. на этом пространстве былой целинной степи с белыми султанами ковыля, где раньше бродили тысячные отары тонкоруных мериносов, паслись косяки прекрасных лошадей и гурты крупного рогатого скота, белели своими хатами и златоглавыми церквами, обсаженными акациями и фруктовыми деревьями, станицы: Новороговская, Новосергиевская, Новопашковская, Плосская, Кугоейская, Веселая и бесконечный ряд хуторов по реке Кугоее,

Большая часть Кугоейской степи в административном отношении была включена в район ст. Незамаевской, где я в 1884 году, будучи четырнадцатилетним мальчуганом, учился писаревать. На этой части степи были расположены экономии крупных овцеводов: Мазаева, Пеховского, Хатранова и других более мелких. Все эти овцеводы арендовали земли у Войска. В этих экономиях круглый год пребывало по нескольку десятков рабочих, а во время сенокоса таковых насчитывалось сотни. Для вручения этому люду паспортов, повесток, писем, для собирания статистических сведений, я с помощником станичного атамана почти каждый месяц, а в летнее время и чаще, об'езжал эти экономии.

Ранняя весна. Тройка добрых степняков легко мчит тарантас по просохшей уже дороге. Пыли еще нет. Молодая, ярко-зеленая нежная травка уже начинает пробиваться из под засохшей прошлогодней серой травы. Этот серо-зеленый фон разукрашен неисчислимым количеством светло-фиолетовых подснежников, желтых одуванчиков, мелких голубеньких цветов и самых разнообразных тюльпанов, качающихся на своих тонких безлистных стебельках от дуновения теплого весеннего ветерка. А в общем — красота... Это какой-то волшебный беспредельный ковер. Весеннее солнце своими благодатными лучами освещает и согревает эту беспредельную чудную равнину. Степь как бы дышет.

Жаворонок, поднявшись в высь, почти незаметно трепеща крылышками, как бы висит в воздухе, и оглашает степь своей весенней песней, радуясь теплу и свету. Высоко в небе курлычат летящие на северо-восток журавли. Откуда-то внезапно появившийся тушканчик скачет впереди тройки, помахивая беленьким султанчиком своего длинного хвостика; а там, смотришь, немного в стороне, спугнутый звоном троечных поддужных колокольчиков, положив уши на спину, улепетывает заяц. В воздухе то там, то сям парят пернатые хищники, высматривая добычу. Степь живет.

Приблизительно чёрез месяц степь меняет свой убор: всюду зелень, а из нея выглядывают светло - желтые отцветающие уже цветы «горицвета» и головки начинающого цвести темно-красного «воронца». Кое-где возвышаются над травой голубые колокольчики; местами белеют цветы клубники. Степь наполнена разнозвучным стрекотом кузнечиков и перекличком перепелов: «Пидь-пидем, пидь-пидем», несется с одной стороны; «ха-вав, ха-вав» слышится с другой. Это перекликается самец с самкой.

Время приближается к полудню. Солнце начинает припекать сильно.

— Якове, дивись, он святий Петро овец гоне, говорит мне ямщик, указывая кнутовищем вдаль, где на горизонте от солнечной теплоты происходит волнообразное движение воздуха, которое приобрело в народе название овец святого Петра.

Среди зелени трав резко выделяются темносерые отары овец. Приближаемся к одной отаре, пасущейся вблизи дороги. Чабан, опершись на «гирлигуз», стоит неподвижно как статуя, а два других «личман» и «грабич» возятся около гарбы, украшенной по углам пучками белого ковыля. Дымок кизяка тонкой струйкой подымается вверх: чабан готовит обед. Четыре громадных лохматых пса с свирепым лаем кинулись было к тройке, но грозный окрик личмана остановил их на полдороге. Пара серых упитанных волов лежат в траве и лениво пережовывают жвачку. Под'езжаем.

— Добрый день, люди добри, приветствует помощник атамана чабанов.

— Здрастуйте. Куди це вас бог несе?

— Та по экономиям. Чия отара?

— Мозаивська.

— Дайте води напиться.

Гарбич наточил из боченка, прикрытого влажным войлоком, воды в корец и подал помощнику.

— Спасибі, поблагодарив помощник, возвращая корец.

— На здоровля. Як там у вас у станиці?

— Та нічого, живимо та хліб жуемо. У будень робимо, а в неділю до обід Богу молимось, а після обіду горілку пьемо; і виходе, що й Бога ублажаем й чорта потішаем.

— Та не так, тільки Бога ублажаем гривеником, а чорта полтинником.

И личман и гарбич оба в холщевых заголенных широких штанах и таких же рубахах, а на головах «куйнари». У личмана возле ноги, ниже колена привязан ремнем рог с скипидаром, смешанным еще с каким-то снадобьем для лечения овец, а на широком ременном поясе, украшенном медными бляхами и пуговицами, навешены разного рода железные инструменты для производства тех или иных операций над заболевшими овцами.

Покатили дальше. Помощник атамана начал рассказывать мне о жизни чабанов.

— Добре живуть чабани, Якове. Весну, літо й осінь в степу. Воздух чистый, приятный; не то що у нас в канцілярії в правленії. Кругом зелено та привольно. А харчі? И казать нічого: баранина, чебуреки, куліш с салом, або галушки. А робота? Ото бачиш стоїть, опершись на гирлигу та дивиться на овец та на світ божий — ото й вся робота. Ото тільки і робота як овец стрижуть, а потім того в табаці їх купають, щоб короста не напала та зимою два рази в день сіно вівцям роскидають. А плата 100—120 рублів в рік.

Вдали показалась экономия Пеховского.

В июне степь наполняется людьми: идет сенокос. Сенокосок в то время еще не было. Чтобы обеспечить себя косарями, овцеводы еще в зимнее время посылали своих приказчиков в Орловскую, Курскую и Воронежскую губернии, где по волостям происходил наем рабочих целыми партиями для уборки сена. В первых числах июня эти партии приезжают на Кубань к своим работодателям и распределяются последними по обширной степи косить и убирать сено. Своей одеждой этот пришлый люд резко отличался от местных обывателей. Почти все они в белых холщевых рубахах, пестрых шароварах, на головах белые войлочные шляпы, а на ногах лапти; благодаря этому они резко выделялись на яркой зелени степи. Степь то там, то сям пестрит белыми группами косарей. Как по команде эти люди, слегка то нагибаясь, то разгибаясь, сверкают на солнце косами. В одном месте косят, в другом гребут, а там, смотришь, уже подвозят на возах душистое сено и складают его в островерхие стога. Степь благоухает ароматом сена и клубники, которая к этому времени поспевает в изобилии.

Где трава еще не скошена или оставлена для выпаса белеют султаны ковыля. Там находят себе приют, пищу и убежище тысячи экземпляров степной дичи.

Вот стадо дроф. Два старых самца, подняв головы, зорко посматривают по сторонам. Это часовые. Остальные мирно пасутся. Едущих на экипаже, а на возах с сеном в особенности, эти птицы подпускают близко, но от едущих верхом или пеших людей поднимаются далеко — саженей за полутораста.

Стрепета целыми тучами с особым характерным хлопаньем крыльями перелетают с места на место. Не так далеко от дороги как-то особенно дружно поднялось стадо стрепетов. На месте, где они паслись, слышен был какой-то хрип и хлопанье крыльями. Свернули туда, где увидали на траве только несколько перьев, из которых некоторые были окровавлены.

— Це тхір задавив, об'яснил ямщик.

— Що ж будеш робить? І йому треба їсти та щей дітей годувать, а трави він не їсть, пояснил помощник.

Немного в стороне от дороги верхом на прекрасной лошади едет человек.

— Ото бачиш, Якове, верхового? Спрашивает меня помощник.

— Бачу. А що?

— То приказчик Пиховського. Ото він об'їжає свій степ, та наблюдає за робітниками, та порядок їм дає. А кінь? Дивись який? То кінь завода Пиховського. У Мазаева таких коней нема, бо Мазаев більш у овец вдається; а у Пиховського й вівці є, й косяк коней. Та ще які коні? На скачках у Москві кожного року призи бере. Дивись яким шагом йде, та щей голову вперед протяга; поводу просе.

О. Калаус:

Путь от раз'единения к единству Казачества.

Вопрос об об'единении казачьих сил на чужбине подымался на страницах казачьей прессы уже много раз. И на страницах «Казачьего Вестника» уделялось и уделяется этому вопросу много внимания. В этом нет ничего зазорного. Вопрос об'единения народных сил является вечной и не всегда удовлетворительно разрешаемой проблемой и у народов с более счастливой историей, чем история Казачества.

В новейшей истории силы народа измеряются чаще всего степенью сплоченности его социальных групп. Там, где социальные противоречия внутри народа настолько сглажены, что действительная острота их не заслоняет опасности, грозящей народу извне, там встречаемся с удивительным проявлением народной силы и могущества.

В социальном отношении Казачество всегда было беспримерно однородным, монолитным народным организмом. Не только в далекие времена своей героической истории, но и во времена новейшие, когда казачьи общественно-хозяйственные установления насильно были включены в уродливые, чужие системы отсталых, феодально-крепостнических форм, и в такие времена Казачество отстояло и до конца первой четверти текущего столетия сохранило такую совершенную социальную структуру своей народной жизни, какая вполне соответствует и максимальным требованиям найновейших социалистических программ.

В социальной равности кроется источник вековой жизненности и неисчерпаемой силы Казачества. Из нея и из ей присущих форм семейной, родовой и общественной жизни выросло Казачество давно уже в этический комплекс, внутреннюю спайку которого могли нарушать только большие внешние силы. Казачья история полна таких внешних вмешательств во внутреннюю жизнь Казачьих Земель с целью их ослабления или уничтожения. Способ вмешательства всегда тот же — превосходство сил противника на границах и обман, интрига внутри. Так было встарь.

Ничего не изменилось и тогда, когда «богоносный народ» взял власть в России в свои руки. Демократическая Россия по ничтожному поводу мобилизовала против одного только Дона два военные округа; большевицкая-же власть в первые дни своего владычества призвала всю Совдепию на борьбу против всего Казачества.

Это нашествие озверелых русских масс под водительством международной шайки, загнездившейся в Москве, внесло в порвое время большое замешательство в ряды Казачества. В этот ответственный и тяжелый момент своей новой истории не все казаки одинаково распознавали грозящую им епасность. Этим было положено начало расслоению дотоле единодушных широких казачьих масс, начало тех «ориентаций», что вот уже 27 лет являются причиной пагубного блуждания по чужих лагерях тех казаков, политическая слепота которых так упорна, что они еще и сегодня не знают, где их место в происходящей борьбе.

История этих блужданий весьма поучительна и имеет уже четверть-столетнюю давность. Отмечая лишь главные этапы ее, можем набросать приблизительно такую картину:

I. В Родных Землях.

В своей антибольшевицкой борьбе 1917—20 гг. Казачество не во всех фазах этой борьбы имело общую руководящую идею. Сначала трудность борьбы заключалась, как уже сказано, в том, что далеко не все казаки распознавали опасность, какую нес с собой московский большевизм. Хорошо видели эту опасность старшие казаки в станице; там прежде всего обнаружились скрытые причины необыкновенной «заботы» советской власти о «малоземельном и безземельном» Казачестве. Этой опасности не видели, а потому и не понимали своих отцов, четырехлетним пребыванием на войне отбившиеся от рук, казачьи фронтовики Первой Мировой войны. Усталые и подавленные ревом одичавших миллионных масс российского «христолюбивого воинства», казачьи фронтовики уклонились в самый критический и ответственный момент новой казачьей истории от активной и организованной защиты Родных Земель, где, пока они пробивались из развалившихся фронтов домой, была уже организована по старому и славному казачьему обыкновению, своя казачья державная власть. Фронтовики поверили русским солдатам и матросам, что они свои претензии полностью удовлетворят, за счет российских помещиков и капиталистов и не тронут скромной казачьей хаты.

На этом обмане и из него вытекающей пассивности фронтовиков построили свои эфимерные карьеры скорбные головы типа Подтелковых, Кашириных, Сорокиных, которые предательски распахнули двери отцовских домов перед бесчестным врагом. В то время, когда один дисциплированный полк мог разгонять стотысячные пьяные большевицкие орды, казачьи правительства не могли с уверенностью опереться ни на один из действительных казачьих полков, возвращавшихся с фронта. Так сильны были отупения от четырехлетней безидейной чужой войны и гипноз большевицкой демагогии.

При таком настроении фронтовиков Правительства неокрепших еще казачьих республик не могли оказать должного сопротивления всеобщей анархии и поэтому уже зимой 1917—18 года все Земли европейского Казачества очутились под властью красной Москвы. Казачьи Правительства и Законодательные установления не подчинились этой власти и с теми небольшими вооруженными силами, какие остались при них, одни лучше, другие хуже, но организовано, ушли в скитание по Родным Землям, где одурманеные большевиками казачьи фронтовики «держали нейтралитет».

Это первое скитание, известное как первый поход, не было продолжительным и не вышло за пределы Родных Земель. Через 3—4 месяца этот поход превратился в триумфальное шествие по казачьим станицам, где к правительственным отрядам стихийно присоединялись очнувшиеся в об'ятиях «богоносного» брата фронтовики. Многие из них сторицею искупили свое первоначальное заблуждение. Прозревшая и раскаявшаяся казачья фронтовая молодежь с такой энергией кинулась на большевицкие орды, что в течении весны и лета 1918 года из Казачьих Земель почти везде была изгнана большевицкая власть и полностью восстановлены казачьи государственные установления, созданные в предыдущем году.

Летом 1918 года создались особенно благоприятные условия для дальшого развития возникших казачьих государственных образований. Уже вначале лета на берегах Дона и на Тамани стояли немецкие войска; Украина провозгласила свою самостоятельность; на всех окраинах советской России многие народы, численно и территориально меньшие отдельных казачьих областей, прокламировали и осуществили свою независимость. Распад царской России стал очевидным и неоспоримым фактом. Все народы б. России делали из этого факта надлежащие выводы.

Казаки знают теперь за что они борятся. Знают также, кто друг им, а кто враг.
Archiv „Der Kosakenbote".

Сделали этот вывод и Казаки. Донской Круг уже весной 1918 года, Кубанская Рада несколько позже, вновь провозгласили государственную независимость своих Земель. Генерал русской службы, донской казак П. Н. Краснов, присягнул на Донскую Конституцию и, защищая серьезно и мужественно суверенные права Донской Державы, стал союзником Германии и добрым соседом Украины.

Эти события вызвали новое возбуждение политических страстей в Казачьих Землях. В 1917 году такое возбуждение подогревали агенты большевицкой Москвы; теперь эту роль исполняли превосходительные, чиновные и именитые обломки рухнувшей империи, убежавшие от своего богоносного народа в Казачьи Земли. Здесь они мечтали начать казачьими руками обновление рухнувшей России. Политической базой их была Добровармия, которая еще во время нейтралитета казачьих фронтовиков завоевала себе при помощи казачьих прислужников едино-неделимой, уже в первом кубанском походе довольно сильные позиции. Едино-неделимческая стряпня создавала довольно значительные затруднения и тормозила многообещавшее развитие новой казачьей жизни, но остиновить его сама не могла. Крутой поворот настал с появлением Антанты «союзников» в Черном море.

Этот новый фактор сразу поднял значение Добровармии, главной добродетью которой была верность Антанте. Появившиеся в казачьих столицах антантские миссии открыто стали на сторону едино-неделимческих групп, богатых на русских вождей, министров, губернаторов, но без русских солдат. Вся тяжесть военного, хозяйственного и финансового напряжения ложилась на казачьи плечи. Такое положение вещей не могло не вызвать острой реакции со стороны тех, на кого падала вся тяжесть антантско-добровольческой затеи. Сразу же в казачьей среде создались два лагеря, различно смотревших на смысл и ближайшие задачи казачьей антибольшевицкой борьбы, лагерь казачий и лагерь русский.

Первый из этих лагерей защищал интересы широких казачьих масс и основными положениями его практической программы было:

а) усилия о восстановлении развалившейся Российской Империи тщетны, а что касается казаков, то и неуместны;

б) большевизм является настолько естественным для русских людей режимом, что бороться с ним в Великороссии, это значит входить в острый конфликт с непреклонной волей 90% всего русского народа и тех инородцев, что растворились в русском море;

в) в центральной России ни одна значительная народная группа не оказала большевикам сопротивления и поэтому гражданская война там окончилась через 3 месяца после октябрского переворота. Дальше уже русский народ воюет против народов, какие от Москвы хотели отделиться;

г) для войны против целой России силы одного Казачества недостаточны;

д) не Россию должны спасать Казаки, а сами, в тесном союзе с другими народами, должны спасаться от русских масс,

Много ошибок, много роковых и непростительных промахов было в прошлом. Нашей обязанностью — научиться не повторять их и заставить подчинить все казачьи стремления и все наши начинания только одной воле, одной цели — Казачьей Цели и служению своему Казачьему народу.

(В. Авилов, «К. В.» № 7 (64).

Майор Т. Сацюк.

„С того берега".

(Продолжение).

Я проснулся с неприятным вкусом во рту. Трещала голова от выпитой водки, а главное мучила совесть — вспомнилось вчерашнее. С твердым намерением итти устраиваться на работу я поднялся и заявил своим товарищам:

— «Иду на работу. Воровать больше не хочу. Кто из вас знает, где находится НКВД — мне нужно сначала взяться там на учет».

Те подняли опять меня на смех — кричат: — «Дурак! Мы знаем, куда тебя пошлют — на обозно-ремонтный завод. Там ни один рабочий не может удержаться: высокие нормы и низкие расценки. Каторга. Будешь работать, как ишак и всегда голодный. Все равно опять придешь к нам. Слаще жизни для нашего брата нигде не найдешь».

Их слова и смех посеяли в моей душе яд сомнения. Я начал колебаться, но привычка к труду взяла свое и я направился к выходу. Мне вдогонку еще долго неслись смех и насмешливые возгласы блатных, оставшихся в склепе:

— «Все равно придешь к нам!»

— «Ха-ха-ха! Вот работник еще нашелся».

Погруженный в волновавшие меня мысли я незаметно подошел к городу и, как-то инстинктивно угадывая дорогу, остановился у огромного серого здания с застывшей фигурой часового у входа — НКВД. Весь сжавшись от охватившего меня тайного ужаса перед этими роковыми яркими кроваво - красными буквами, украшающими фасад здания, я, словно ища спасения, бросил взгляд вокруг. Широкая залитая асфальтом улица с громадами серых домов уходила куда-то вдаль и терялась в лабиринте других улиц. Редкие прохожие, зябко подняв плечи, торопливо мелькали по противоположному тротуару, скрывались за первыми поворотами и, угадывая их состояние, я снова слышал вздохи облегчения вырывавшиеся у каждого из них. Моя неподвижная фигура обратила на себя внимание часового:

«Чаво стаишь? Прахади!»

Повинуясь смутному инстинкту, я подошел к ближайшей двери и очутился в коридоре стоя в растерянности. Дежурный НКВДист в фуражке с кроваво-красным околышем, рассматривая меня в упор серыми глазами на выкате, грубо спросил:

«Чего тебе тут надо?»

Узнав, что мне браться на учет, он ткнув пальцем в открытое окошечко бросил: «Там регистрируют».

Из окошечка уже выглядывала какая-то мрачная личность и глазами удава связывала мои движения. Получив направление, как мне пророчили «урки», на обозно-ремонтный завод, я вышел на улицу и отойдя подальше от этого проклятого дома, движимый каким-то тайным чувством, — вскрыл пакет. «Казак ст. Гривенской Г. осужденный по 58 ст. и отбывший срок наказания в концлагерях Беломорканала направляется на завод для использования по Вашему усмотрению. О его поведении и политической благонадежности (подчеркнуто) доносите нам еженедельно».

Дальше — размашистая чекистская подпись захватывающая пол текста.

Вот и устроился на работу, думаю, мало быть вечным рабом на этом каторжном заводе, надо еще быть по гроб жизни политическим поднадзорным. Одного только слова сказанного в сердцах, взгляда и полетит донос в НКВД, а тогда... тогда опять концлагеря, откуда не вырваться. После этого все мои хорошие намерения: работать, трудиться, как-то сразу отпали. Росла злоба и ненависть к проклятым пришельцам лишивших нас крова, хлеба и человеческого достоинства. В бессильной ярости сжимались кулаки...

На одной из улиц меня встретили знакомые «урки» и поняв по моему виду в каком состоянии я нахожусь, деликатно предложили:

— «Пойдем, браток, на «квартиру». Завьем горе веревочкой. Ты того — не падай духом. Держись нас, не пропадешь!»

К вечеру, когда уже садилось солнце и приветливо бросало над широкой, неоглядной степью свои прощальные лучи и приятная свежесть потянула с моря — уже был готов новый план ночной «операции». Предстояло увести трех быков из ближайшего колхоза и сдать знакомому еврейчику из столовой «Пищепрома». «Операция» — прошла удачно. Мы были снова сыты, пьяны и у каждого появились деньги.

Когда хмельной угар стал проясняться и деньги расстаяли, у меня снова возникло желание работать.

Хожу однажды с такими мыслями по городу и читаю надпись: «Требуются заливщики». Что такое заливщики я не знал, но мне казалось что это очень хорошая и приятная работа. Не долго думая захожу в контору завода и заявляю, что хочу работать заливщиком. Приняли меня очень хорошо. Заполнили анкету, записали в какие-то книги, сделали отметки на моих документах. Пришел главный инженер и стал что-то об'яснять о моей работе. Через полчаса ведут меня в цех, на производство. Ну знаете, я никогда не предполагал, что люди могут работать в таких условиях. Жара невыносимая, нестерпимый блеск расплавленного металла... Приносят мне ватную одежду, валенки, на голову шлем какой-то. Оделся кое-как, спрашиваю, что делать дальше. Дают мне какой-то крюк железный и об'ясняют что делать с ним. Куда там — у меня только и мысли, как бы отсюда поскорее удрать. Здесь еще хуже, чем на Беломорканале. А жалованье — 180 рублей в месяц! Вот где думаю настоящая каторга.

Не вытерпел, через полчаса бросил работу, стянул с себя ватные доспехи, переодеваюсь в свое платье. Ко мне подходит мастер — говорит;

— «Что-ж ты сволочь эдакая работать не хочешь?!»

Отвечаю я: — «Не желаю здесь работать. Работал 10 лет бесплатно на Беломорке, а здесь и дня не хочу».

— «Ах ты контра! Ты еще, сволочь, агитируешь! — кричит взбешенный мастер.

Вижу дело плохо. На ходу застегиваю пуговицы и стрелой вылетаю за ворота завода. Мне смешно и горько.

Что-ж делать дальше? Куда итти, где работать?

К вечеру ничего больше не оставалось делать, как итти обратно на «квартиру».

Урки видимо меня ждали. Их богатый жизненный опыт и знание людей безошибочно говорил — что я должен вернуться. Окончательно потерявший надежду мирно устроить свою жизнь и честно трудиться, я легко согласился на новую опасную и тяжелую «операцию» — предстояло угнать в далеком совхозе 15 быков! Перспективы были заманчивы!

...Едва забрезжил рассвет и первые птичьи голоса нарушили предутреннюю тишину, — широкие ворота столовой «Пищепрома» проглотили 15 прекрасных, сытых совхозных быков.

Жидёнок был в восторге. Он, видимо, подсчитывал огромные барыши. Его любезность и предупредительность были неиссякаемы. Веселые, хмельные, с туго набитыми животами и карманами, полными денег, мы возвращались в свое логово. Я от этой «операции» получил куш равный годовому заработку заливщика.

Совесть уже не так мучила. Я испытывал приятное чувство мести. Да, я мстил, мстил как мог, за годы издевательств, мучений, за попранную свободу, за расстрелянных и замученных станичников. Это было только начало. Чувствовалось приближение кровавой развязки. Надвигалась война с Германией. (Окончание следует).

охотно и слепо подчинившихся шайке международных проходимцев.

Эти положения были положены и в основу казачьих Конституций, принятых верховными представительствами Казачества, Кругом на Дону и Тереке и Радой на Кубани. Соблюдение этих положений оберегало Казачество от вовлечения его в безнадежную авантюру освобождения России от русских большевиков-казачьими силами.

Совсем иначе смотрели на тогдашнее положение вещей те казаки, которые не понимали жизненных интересов Казачества, или вернее, для которых интересы чужого народа были ближе и дороже, чем интересы собственного народа.

Гибкие и изворотливые, они голосовали за казачьи конституции, добавляя свое «впредь до»; присягали на эти конституции, но каждого, кто был конституциям верен, называли презрительно сепаратистом, самостийником, а то и просто изменником.

Количественно эта группа никогда не была велика. Ее сила заключалась в интриге, русской прессе, полицейском аппарате Доброармии и вмешательствах антантских миссий. Обманом и ложью, а не интелектуальным превосходством, пролезли эти единонеделимческие креатуры на командные высоты молодых казачьих государственных организмов и, зажавши большевицкой опасностью рты всем, кто видели авантюризм и безнадежность борьбы под знаменами Особого Совещания, передали все живые и материальные силы Казачества, особенно на Кубани, в руки количественно ничтожной, политически безграмотной, реакционной и безталанной организации русских беженцев, сгруппировавшихся вокруг командования Доброармии. Доверенные им силы эти господа использовали не против большевиков, а главным образом на то, чтобы неподатливый в то время Донской Атаман, не допускавший безконтрольного хозяйничания Доброармии в своем Войске, был свержен, а его пернач передан в руки податливые;

чтобы десятки казачьих полков были посланы в поход против Украины, Грузии, Азербайджана, против народов Северного Кавказа и многих других, находившихся в тяжелом бою с большевиками;

чтобы оберечь и укрыть тех негодяев в офицерских мундирах, какие организовали и совершили убийство Председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола в тот день, когда он на первом заседании Доно-Кубано-Терской конференции произнес свою программную речь об об'единении всех антибольшевицких сил Юго-Востока;

чтобы разгромить Кубанскую Краевую Раду, видевшую бездарность политики Особого Совещания и азартность военного командования Доброармии;

чтобы не допустить сговора борющихся против красной Москвы народов: за подпись на Договоре Дружбы, заключенном Кубанской делегацией в Париже с представителями Народов Сев. Кавказа, А. И. Кулабухов был отдан в руки преступной шайки Покровского, которая этого лучшего из лучших казаков повесила на исторической площади Кубанской столицы за «измену Казачеству».

Эти и много, много иных безчинств и «злодиянийˮ совершили над казаками в Казачьих Землях «русские витязиˮ и те казачьи отщепенцы, сердца которых малиновый звон московских колоколов волнует больше, чем стоны миллионов собственного народа.

Малинового звона московских колоколов так и не удалось услышать ни русским витязям, ни их союзникам. Аргументы, какие Доброармия своими действиями предоставила большевицкой пропаганде, разгром Доброармией народных антибольшевицких сил в своем тылу, безумная война, об'явленная всем и вся, все это привело к неизбежной катастрофе, вся тяжесть которой обрушилась как и всегда на Казачество. Большевицкие орды заняли Дон, Терек, Кубань. Казачьи Земли занял враг, с которым никакой мир невозможен. И, как и зимой 1917—18 г., казачьи Правительства Круги, Рада и на этот раз десятки тысяч бойцов оставили Родные Земли и ушли во второй, теперь уже в безконечно долгий поход за пределы Родных Казачьих Земель, в многолетнее скитание, где были пережиты новороссийская, черноморская, крымская трагедиѝ, Лемносское и Чоталджинское пленения...

Особенная трагичность этого второго исхода кроется не только в безмерном количестве напрасных жертв и страданий, пережитых казаками в скитаниях и дома, но еще и в том, что те, кто завинили эту катастрофу, не только не искупили своей вины, как это в свое время сделали фронтовики, но еще сваливают ее на плечи тех, кто в этой катастрофе неповинны. Не только в начале своих скитаний, но и теперь еще, когда нам известны уже все обстоятельства, содействовавшие разгрому Казачьих Земель, еще и теперь для виновников этой катастрофы: А. И. Калабухов — изменник Казачества, а Покровский, Врангель и иже с ними — казачьи патриоты.

При таком различии во взглядах на однозначущие факты казачьей истории казалось невозможным широкое об'единение до сих пор еще раз'единенного разными ориентациями Казачества. И тем не менее, такое об'единение уже происходит и недалек час его полного завершения. Уверенность в этом дает нам тяжелый опыт того брожения казачьей политической мысли, какое произошло во всех местах расселения Казачества в годы его скитания в поверсальской Европе.

Развернувшиеся перед нами события дали большой толчок к единению Казачества только под своим казачьим флагом, только по защите своих казачьих интересов и достижению только своих казачьих целей. Теперь все Казачество видит для себя лишь один путь в достижении своей казачьей свободе, в сохранении своего родного Казачества и его национальном возрождении.

И. Л-ов:

И только за то, что мы Казаки.

...И поймешь, моя родная,
Возвращаяся домой,
Что нет в мире лучше края,
Чем казачий Край родной...
Н. Туроверов.

Эмиграция... Европейские города... Иная жизнь, иная культура... Кругом все чужое... Тоскуешь по родине, по родным степям, по казачьему раздолью... И вдруг неожиданное счастье — судьба забрасывает меня на широкие равнины Венгрии. Сразу ожил, повеселел, почувствовал свое, родное, близкое... От счастья опьянел... Все хочется видеть, запечатлеть, воскресить... Радуюсь, что вижу даже такое же ясное небо ночью, усеянное яркими-яркими звездами, такими, какие бывали в наших краях в эти летние ночи.

И вновь воскресли, как оборванные нити, воспоминания о далеком прошлом. Как на экране, вижу себя еще мальчиком, когда, бывало, летом я возил верхом на «маштаке» провизию чабанам. Выедешь далеко-далеко от станицы, глянешь, а кругом, насколько глаз видит, раскинулись наши родные степи. Трава всюду еще свежая, сочная, зеленая, а над нею гордо стоит красавец ковыль и щедрою рукою разбросаны степные цветы; волнообразно, как морской прилив и отлив, переливается на солнце трава разноцветными красками; воздух насыщен упоительным запахом степной малины и цветов. Как в необ'ятном просторе океана, плывут в воздухе волны миража, уносясь в безпредельную даль, в безконечность, придавая степям еще большую величественность, могущество и сказочную красоту. Кругом на большом расстоянии, как на кинографической ленте, медленно передвигаются разбросанные всюду, далеко друг от друга стада скота, коней и овец.

Всем и всюду приволье и раздолье...

На «выгоне» и на «царинах», как оторванных от степи островах, колышатся от еле заметного ветера уже желтеющие в «рост человека» хлеба, видны огромные поля подсолнухов с наклонившимися вниз «шляпами» от тяжести полновесных «маслянок»; шелестит листьями кукуруза, удерживая равновесие, чтобы не свалиться от развесившихся по сторонам тяжелых «качанов»; гордо стоит еще зеленое просо, всюду по полям разбросаны бакши, где, как накатанные, лежат еще несозревшие арбузы и дыни.

Весело и радостно поют птицы, слышна суетливая трескотня кузнечиков, летают разноцветные бабочки... Всюду и во всем сияние жизни, торжествующей, ликующей, непрекращающей жизни степей. Здесь, в просторах степей, ощущаешь настоящую жизнь природы, видишь так много красоты, такой богатой, многозначительной... И хочется упасть, приложить ухо к земле и, как в сказке, услышать «как растет трава».

По «холодку» возвращаешься домой. Далеко издали виднеются сияющие на солнце купола станичных церквей. «Маштак» прибавляет шаг... Вот уже и станица, утопающая вся, как нарядная красавица, в зелени садов. Красивые казачьи дома и амбары, в которых хранятся запасы хлеба нескольких лет, сверкая на солнце железными крышами, уютно расположились во дворах среди цветов в палисадниках и фруктовых деревьев с обильным урожаем фруктов. В садах слышится жужжание пчел, напоминающих об интенсивной работе пчельников, расставленных правильными рядами солидных «даданов» с широкими проходами, как хорошо распланированные городки.

Кругом чувствуется спокойная, трудовая, патриархальная, зажиточная жизнь станицы. Вот что давали наши родные степи и труд казака... И все это было, как в сказке... Там, на родной земле страдание и кровь, а тут тяжелое эмигрантское скитание... Тут я вспомнил своего дедушку, побывавшего в «свете», который часто говорил: — Придет время, когда люди перестанут понимать друг друга, когда у них не будет уже общего языка. Тогда наступит страшное лихолетие для всего Казачества...

До революции мы были одной казачьей семьей, исповедывали одну веру, были воспитаны в строгой религии, в подчинении и уважении к старшим, которые нами руководили, наставляли, вели к светлому будущему. Казачья жизнь была, как хорошо организованный казачий хор, когда опытный дирижер, словно сказочный титан, властным движением руки безпрекословно вел за собою хор, извлекая из послушного ему инструмента живых человеческих голосов все то наиболее яркое, сильное, что давала ту гармонию, что клокочет в груди человеческой и вызывает небывалый восторг. Эту гармонию, общий язык мы утратили при жидовско - коммунистической революции. «Фронтовики» и некоторая часть казачьей интеллигенции, обольщенные соблазном сатаны устроить человеческий рай на земле, растрогли казачью гармонию, утратили общий язык, перестали понимать старших, инстиктивно чувствовавших о ужасных планах жидо-коммуунистов залить наш Край кровью только за то, что мы казаки, не знавшие рабства, были честными тружениками, отличными воинами и ни перед кем не снимали своих казачьих шапок. Предчувствие казаков сбылось... Как кроликов, как морских свинок гнали казаков в лабораторию жидовско-коммунистических опытов. Расстрелы, терзание и пытки в застенках ЧЕКА, ГПУ, НКВД, подвалы, одиночные заключения, концентрационные лагеря, голод, выселение в одиночку и целыми станицами, закрепощение в рабство колхозов и совхозов, скитание по нелегальным паспортам... Все Казачество истекает кровью, стонет от нечеловеческих страданий... — Но придет час, — как говорил мне дедушка, — Казачество вновь оживет, воскреснет... Уроки страшного лихолетия научат его думать, одной казачьей мыслью, возродить семейную казачью гармонию, найти общий казачий язык, понимать друг друга и создать ту единую казачью семью, которая бы шла передовым авангардом примера не только казака-воина, но и настоящей радостной человеческой жизни.

К сведению Казаков-эмигрантов.

В Райхсгезетцблатт № 24, стр. 113/1 от 5 мая 1944 года издан указ Вождя Германской Империи о воинской и рабочей повинности бесподданных от 24. 4. 1944 года.

Согласно этого указа

1) Бесподданные, постоянно проживающие на территории Райха, могут привлекаться к отбыванию воинской и рабочей повинности наравне с германскими подданными.

2) Распоряжения и дополнения, необходимые для проведения этого указа, издаются Начальником Главного Командования Вооруженных Сил и Райхсарбайтсфюрером каждой области в согласии с причастными высшими имперскими учреждениями.

Всем казакам предлагается соблюдать полное спокойствие и дисциплинированность и ожидать соответствующих для них распоряжений, которые будут своевременно доведены до их сведения или опубликованы в казачьей печати.

Голос русских рабочих.

Редакция «К. В.» получает и из неказачьей среды много писем и отзывов, в которых выражаются симпатии и приветствуются казачьи национальные стремления. Ниже помещается одно из писем от русских рабочих.

Уважаемая редакция! В наш лагерь, находящийся в гор. Мюнхене, случайно попала Ваша газета и мы все прочитали ее с большим вниманием с первой и до последней строчки. Много и очень много в ней нашли нового, о чем еще никто из нас не знал. От имени всех русских рабочих приносим Вам глубокую благодарность и признательность за ясную и точную постановку Ваших казачьих стремлений. Мы считаем, что «Казачий Вестникˮ является не только газетой для казаков, но и должна быть полезной и для русских, которым следовало бы также кое с чем познакомиться.

Пишущие эти строки русские рабочие в большинстве родились и выросли в центральной России.

К примеру, мой отец — старый русский солдат, прошедший Японскую, Германскую и гражданскую войны. Живя дома, учась в школе, я сильно интересовался историей казаков. Долгими зимними вечерами, я читал доступные нам книги про казацкую старину, Стеньку Разина, «Тараса Бульбуˮ и много различных книг о Донских, Запорожских, Кубанских и других казаках. Слушал также рассказы отца, который бывал в казачьих станицах. Слушал о привольной казацкой жизни, о табунах быстрых казачьих коней, о геройстве и храбрости казаков и, слушая, засыпал за столом.

Я никогда не думал, что увижу жизнь казаков при советской власти, но пришлось все-таки посмотреть, и что я увидел — до смерти не забуду.

Наступил 1941 г. Началась война. В октябре 1941 г. меня взяли в армию. Пробыв 9 месяцев в тылу, нас перебросили к линии фронта, к реке Дону. Выгрузились мы на ст. Ляпичево. Оттуда маршем пришли в хутор Ново-Петровский. Это был казачий хутор. Мужчин не было, там были только женщины и дети. Увидя все окружающее, я не поверил рассказам отца, т. к. кругом были разрушенные хаты, от когда-то огромных садов остались только пни фруктовых деревьев, да заросшие травой канавы.

С жителями нам было запрещено разговаривать. Потом мы узнали, что они считались политически-неблагонадежными и что тут было в 1930-31 гг. восстание против большевиков. Большинство казачьих семейств было выслано на Урал и в Сибирь, много казаков было расстреляно. Мы ночью и днем выставляли кругом и в самом хуторе вооруженные патрули. Однако, несмотря на запрет, мы тайком разговаривали с оставшимися местными казаками и очень многое от них узнали.

Рассказывали они нам о былой казачьей жизни, о боях, проходивших здесь в гражданскую войну, о борьбе казаков за свою свободу и независимость, о курганах, где зарыты со всей славой павшие казачьи герои, о принудительной коллективизации, о казачьих восстаниях, о выселении казаков, об их ссылках в далекие места, о теперешней нищенской жизни.

Угрюмые и печальные мы уезжали на фронт. И на фронте мы видели тоже самое. За ст. Суровикино мы видели опять разрушенные казачьи хутора, разоренные за свое правое дело.

В августе наша армия попала в окружение, и мы оказались за линией фронта. Вот это я хотел также вкратце сообщить Вам.

Можно ли нам, русским рабочим, выписать Вашу газету, как это сделать? Пришлите свой точный адрес.

Желаем Вам, дорогая редакция, плодотворной работы, а на фронте победы над большевизмом и достижения казацкой свободы.

Мюнхен. 9. 4. 44 г. **М. Шлыков.**

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ.

Недавно познайомився випадково з В. газетою «Казачий Вестникˮ.

Хоч я не козак, але є українець, а дружина моя з Кубані — «иногородняя», вітаю козацтво Кубані, Дону й Терека, котре зуміло об'єднатись в одне ціле, в один організм.

Вітаю козацтво, що сміливо й відверто протиставляє себе Москві.

Вітаю за сміливу й відверту постановку питання про збудування свого власного самобутнього життя.

Вітаю за пробудження своєї дійсної козацької історії.

Вітаю за виховання молоді в дусі національно-козацькому.

Цілком правдиво включаєте до своєї родини іногородніх.

Ми, українці, як що не створимо своєї державности, підемо до Вас.

Ви з'являєтесь першим охоронним валом між Москвою і тими народами, що живуть південніше Вас: кавказців, грузин, вірмен і т. д. з ними потрібно договоритись спільно стояти й охороняти отой свій вал.

Цілком правдиво висвітлюєте деникінщину. Це питання потрібно весь час і всебічно висвітлювати, щоб усвідомити ролю нових «деникинів» — «собирателей Земли Русской».

Вітаю козацький Провід, що зумів зорганізувати Козацтво, скерував Козацтво на правдивий шлях.

6./III. 1944. р. **Петро Солуха...**

ХРОНИКА

По представлению Окружного Атамана КНД в Великогермании ст. В. И. Бабича (Berlin-Wilmersdorf. Prinzregentenstr. 70.) Руководитель Казачьего Национального Движения ст. инж. В. Г. Глазков утвердил доверенными КНД станичников хор. И. А. Болдырева на район Магдебурга, Н. Боровлева — Гельсенкирхен, войс. старшину В. М. Голуба — Горлиц, Д. Д. Дурияпина — Аугсбург, хор. И. Е. Евдокимова — Ландсберг, Н. М. Емельянова — Киель, А. Тисленкова — Ватенштет, инж. И. А. Луганцева — Леслау (Вартеланд), есаула А. Л. Лысенкова — Кассель, Г. М. Мартынова — Ульцен, провизора П. Ф. Набокова — Бранденбург, полковника А. Ф. Пономарева — Нешкарсулм (Вюртгенберг), инж. А. В. Полякова — Грац, И. Ф. Серебрякова — Люксембург-Трир, есаула Н. Н. Федотова — Котен ин Ингальт, И. Т. Хрипушина — Айзенах (Тюринген), Е. И. Чепурного — Дрезден, войск. старш. П. А. Черного — Дессау.

— Вследствие тяжелой болезни и от'езда во Францию ст. А. А. Морозова, атамана станицы КНД в Ганновере, проявившего на посту атамана исключительную энергию, атаманом станицы окружной атаман КНД утвердил ст. Н. М. Дмитренко.

— На собрании местной организации КНД в Вене (Wien XX., Feikestr. 4-6) 20 мая с. г. выступал с докладом ст. инж. В. А. Борисенко, который обрисовал присутствующим в каких тяжелых условиях зарождалось Казачье Национальное Движение, какие невероятные трудности оно должно было преодолевать как внутри, так и во вне, как своей неутомимой и жертвенной работой завоевало казачьи позиции, равно как и глубокие симпатии среди всего Казачества.

— Ведущий местных организаций КНД в Белостоцкой области ст. Вл. Т. Еремеев по предложению военно-полицейской школы в Августове сделал слушателям школы 18 и 23 мая с. г. лекции на казачьи темы.

— Известный своей обувной промышленностью город Злин посетили экскурсии казаков с восточного фронта и из I-ой Казачьей дивизии. После осмотра заводов Батя администрацией был предоставлен обед, на котором директор заводов приветствовал казаков, пожелав им успеха в их боевых делах. От имени КНД с приветствием выступил подхор. В. Ф. Орехов. Появление казаков в гор. Злине вызвало особенный интерес среди местных жителей.

— Казачья Национальная Станица в Праге устраивает регулярные встречи казаков по субботам в новом помещении — в большом зале ресторана «У Кнежку» в Праге II., Гавличкова ул. № 3. Начало в 6 часов вечера.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

По техническим причинам поступившие розыски не могли быть помещены. Таковые будут помещены в очередных номерах «К. В.».

— Бирюков Григорий разыскивает сына Льва, выехавшего из Ростова н/Д. 5. XI. 1942. Лиц, знающих о его судьбе, просит писать по адресу:
Birjukov Gr., Bremen, Schlachthofstr. 7.

— Мельников Николай Антонович, ст. Еланской, Дон, разыскивает сына Василия, брата Павла, родных и одностаничников. Просит писать по адресу:
Kirchmözer a./H., Franzosenlager, St. 11.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinské Museum, Praha Nusle, Ul
Gutenštejnka ul. č. 6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 13 (70) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го ИЮНЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация:
„Der Kosakenbote"
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach, 188. Telephon 634-70,

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится.

В. Авилов.

Вооружить Казака!

Нынешняя война является войной двух идеологий, двух различных мировоззрений, войной двух разных политических идей: здоровых и созидательных сил нового национализма и дряхлых сил отмирающего старого строя, пытающегося еще перед своим уходом в историческое небытие дать решительную схватку с новыми силами, захватывающими своей динамикой широкие массы народов. Представители старых идей на помощь себе призвали и порожденные ими всеразрушающие и уничтожающие силы большевизма.

Исход борьбы будет зависеть не только от физического и материального превосходства одной или другой стороны, но, главным образом, и от динамики и превосходства борющихся идей, от их четкости, определенности и напористости.

Для нас, казаков, в настоящей войне нет и не может быть иного выбора, как всеми силами, всеми своими устремлениями включиться в борьбу за новую жизнь, ибо как отмирающий, неоправдавший себя свет, так и дьявольский большевизм нес Казачеству только ужасный гнет и притеснение, ограбление и разорение наших Казачьих Земель, выселение и физическое уничтожение всего Казачьего Народа.

Оставшиеся живые силы Казачества инстинктивно сознают, что от исхода сегодняшней борьбы зависит или полное физическое уничтожение Казачества и каждого в отдельности казака или же возрождение Казачьего Народа к новой лучшей и светлой жизни. Вот почему так ясно и определенно стоят все истинные и сознательные казаки на стороне идей Нового Порядка, на стороне возрождающейся новой жизни. Вот почему они напрягают и должны напрягать все свои физические и духовные силы, чтобы завоевать своему народу достойное место под солнцем.

Для скорейшей и полной победы над коварным и заклятым врагом мы, казаки, должны быть прекрасно оснащены не только материальным техническим оружием, но прежде всего духовным, так как без идеи немыслима никакая борьба, без полного и четкого понимания и осознанности мотивов борьбы не может быть идейного и сознательного борца, а будет всего лишь бездушный, безвольный работ, без одушевления живительной идеей и материальное оружие становится только мертвой материей и не может и не в состоянии дать надлежащего эффекта борьбы. К казачьей воинской доблести, к казачьему героизму нужно придать соответствующее казачье духовное оснащение, только тогда казак будет представлять полноценного и сознательного борца за свою собственную самобытную жизнь.

Нельзя со злом бороться исключительно физической силой. Необходимо проявить над противником и духовное превосходство и тем мертвящему и уничтожающему большевизму противопоставить и свою идею живительного национализма.

Все живет постольку, поскольку за ним стоит идея. Коммунизм победил в быв. России потому, что за ним стояла идея, которой уже не имели ни капитализм, ни старая Европа. Теперь большевизм и капитализм внутренне изжиты и преодолены идеей нового национализма и социальной справедливости. В полном созвучии с духом времени идет и развивается и казачий национализм, зиждящийся на основах древнего казачьего обыкновения и идеях нового национализма.

Никто не может оспаривать, что без идеи даже самая мощная физическая сила не имеет должного значения, быстро теряет свою напористость, динамику и свое значение. Вот почему казаки-националисты стремились и стремятся под казачью физическую силу подвести крепкий и солидный фундамент в форме жизненной идеи казачьего национализма и создать из нее не безформенный, а живой, здоровый фактор. В наше время борьбы идей, не могут быть бездушными и безидейными казаки, но обязаны быть крепко подкованными и оснащенными своей Казачьей Идеей, и эта идея должна быть как можно сильной и крепкой, ибо всеразрушающая идея большевизма может быть побеждена лишь более сильной и здоровой идеей конструктивного национализма.

Мертвящий большевизм убивал в человеке его духовное содержание, его собственную волю и мышление, превращал человека в отрока для марксистских экспериментов. С этим никогда не мог помириться свободолюбивый дух казака, никогда не знавшего рабства. Советская власть знала духовные качества Казачества, и после разгрома Казачьего Народа в его борьбе за право на свою собственную жизнь, она не переставала всеми средствами и способами убивать в сознании казака его собственное Казачье Я, его стремление к своей самобытности, каленым железом выжигало из памяти казака все, что напоминало ему о его свободолюбивой жизни.

За двадцать пять лет советской власти удалось многое убить и заглушить в душе казака. Молодое поколение выросло в ужасных условиях сатанинского режима, при котором было опасно для жизни даже думать о своем казачьем, при котором пришлось вести жизнь постоянно гонимых людей. Эта молодежь, кроме того что является казаками, почти ничего не знает о Казачестве и своим пытливым умом желает знать все то, что не могла почерпнуть в ужасной советской обстановке.

Не только из среды казачьих бойцов, но вообще освобожденных казаков все чаще и чаще раздаются просьбы о необходимости правдиво ознакомить их с казачьей историей, с казачьим бытом, поставить перед ними ясные и четкие к а з а ч ь и ц е л и и с т р е м л е н и я. Они уже давно с большим нетерпением ожидают тот момент, когда будет проявлена забота об их духовных запросах.

И если наши казачьи бойцы должны быть правильно и хорошо оснащены идеологически, если они должны быть и духовно подкованными, то еще в большей степени это должно касаться казачьих командиров.

Каждый командир имеет ныне в высшей степени ответственную роль не только исключительно военного командира, личные качества которого должны оказывать решающее влияние на ход и исход боя, но он должен являться и духовным мозгом вверенных ему казаков. Причем теперь для командира уже недостаточно иметь личное мужество, силу воли, полное знание современной военной техники и тактики ведения боя. Сейчас всего этого мало. Каждый казачий командир должен быть не только военным руководителем, но и обязан быть политическим водителем и вдохновителем. Ему самому нужно быть вдохновленным казачьей идеей.

Для этого же ему нужно хорошо знать свою К а з а ч ь ю И д е ю, свои казачьи чаяния и стремления, отчетливо осознать идеи нового творческого национализма. Только в такой части будет на должной высоте моральное и политическое состояние, где начальник будет ответствен и за духовное воспитание своих бойцов. Каждый должен осознать, что зачастую духовное оружие бывает сильнее даже самого усовершенствованного технического оружия.

Никто не может оспаривать ясного положения, что и самая сильная армия может потерпеть поражение, если ее бойцы не сознают стоящих перед ними целей и задач, если они не знают, во имя чего они борятся и должны бороться. Эта истина еще в большей степени касается бойцов, ведущих борьбу за национально-политическое освобождение своего народа.

В сознании каждого казака должна быть определенная ясность и четкость, что мы хотим и должны возвратиться в свою свободную Казачью Родину, а возвратиться мы можем лишь тогда, когда не будет московского большевизма, когда наша Казачья Земля не будет томиться под московским гнетом. Мы, казаки, боремся не за какие-либо привилегии, звания или сословные отличия, не за пережиток старины, а за право жить на своей Казачьей Земле по своему казачьему разумению и по своим казачьим законам.

Пока же московский большевизм будет жить, все наши надежды на нашу национальную самобытную жизнь будут лишь мечтами, пока большевизм не будет уничтожен, мы не можем и не будем жить своей свободной жизнью на своих казачьих просторах. И тут никакие видоизменения советской власти, никакие ее песнопения нас не могут и не должны смутить. Теперь мы, казаки, должны выдержать экзамен и на свою духовную государственную зрелость, сейчас каждый казак обязан на деле доказать, что он и духовно оснащен крепким казачьим оружием.

В воспитании казачьих масс должна быть ясная и точная казачья линия, должна проводиться определенная к а з а ч ь я п л а т ф о р м а и е е у с т а н о в к и. Руководство же этим столь ответственным делом должно находиться в руках тех, кто сами хорошо и отчетливо сознают казачью идею, кто на протяжение долгих и тяжелых лет боролся за торжество Казачьей Правды, кто шагал и шагает в ногу с духом времени, а не люди, духовно пребывающие в прошлом столетии и немогущие понять биение сегодняшней жизни. Эти люди прошлого вместо правильной постановки духовного руководства казаками вносят лишь сумбур и путаницу в мысли казаков, а, не имея сами ясной идеи и четкости мысли, они естественно не в состоянии дать ясности и другим.

Больше того, многие из них еще до сих пор, потаясь, стараются прививать идеи времен давно минувших, связанных с реакцией, и занимаются поворотничеством казачьей мысли, ее затуманиванием, а все это в прошлом уже привело к ужасной трагедии Казачества.

Бросим ли свет на работу таких людей, видим, что многие из них ничего общего с казаками и Казачеством не имели. Ныне они, влекомые различными побуждениями, стараются присоединиться к казакам, однако, трудно от них ожидать честного и верного служения Казачьему делу, если они не смогли и не с'умели порядочно служить своему делу по своей природе и принадлежности.

Духовное руководство казаками и Казачеством должно принадлежать не всякого рода проходимцам, не непостоянным политическим флюгерям и перебежчикам, не тем, кто на протяжении долгого времени нашего зарубежья не заботился и не печалился о Казачестве и казаках, кто никак не может еще отоешиться от всего старого, наносного, вредного и чужого, но кто честно, верно и неуклонно в невероятно тяжелых условиях боролся только за Казачье Дело и его интересы, кто неустанно работал над национальным осознанием казаков, кто трудился для торжества Казачьей Правды.

Вполне естественно, что тот, кто не верил в Казачество, кто не верил в казачьи силы, кто был гробокопателем Казачества в прошлом или кто привел его к тяжелой трагедии в прошлом и настоящем, тот не имеет на духовное руководство казаками никакого морального права и, конечно же, не в состоянии возродить Казачество к новой жизни, тот и не может расчитывать ни на успех дела, ни на доверие со стороны сознательных казаков. Это следует осознать всем тем, кто еще пытается тормозить, задержать и мешать торжеству казачьего духа, а вместе с тем и торжеству Казачьей Правды и казачьего национального возрождения.

Прохождение Н-ской Казачьей моторизованной воинской части.

Archiv „Der Kosakenbote"

Наступление на Европу.

После долгой подготовки, сопровождавшейся всякого рода пропагандитскими трюками, англо-американцы начали в ночь на 6 июня с. г. свое наступление на Европу высадкой на северном побережьи Франции. Это наступление для Германского Командования, как говорит сводка, не было неожиданностью и встретило немцев и их союзников подготовленными к обороне Европы.

Началом военных операций англо-американцев в западной Европе нынешняя война вступает в самую решительную стадию. Нынешние и грядущие сражении на этом участке фронта будут играть колоссальное, а быть может и решающее значение на исход войны. Это сознание руководит и теми ожесточенными боями, какими сейчас сопровождается высадка англо-американцев, союзников большевизма.

Этим сознанием наполнены и сердца всех казаков, которые отчетливо знают, что настоящая война решит не только участь и жизнь Европы на будущее, но и жизнь и самое существование в ней Казачества. Поэтому действующие казачьи части и на этом участке борьбы проявляют присущую им стойкость и доблесть, о чем нераз сообщалось в сводках Верховного Командования.

От КНД.

На основании §§ 6, 7, 8, 12, 14 статута Казачьего Национального Движения (КНД) и выраженного пожелания окружных и местных организаций Руководитель КНД ст. инж. В. Г. Глазков назначил:

1) Заместителями Руководителя КНД: представителя КНД и Атамана Всеказачьего Союза в Сербии, казачьего поэта, публициста и неутомимого работника казачьего национализма ст. П. С. Полякова, представителя КНД и Окружного Атамана на Словакии И. И. Безуглова, представителя КНД и Окружного Атамана в Болгарии агр. И. М. Евсикова.

2) Генеральным секретарем КНД ст. В. Т. Еремеева, ведущего местных организаций КНД в Белостокской области. Казначеем КНД сотника А. С. Медяника.

3) Председателем суда чести КНД полковника, доктора прав и инж. С. А. Федорова.

4) Членами Президиума Верховного совета КНД:

генерала И. Н. Коноводова, полк. П. И. Недбаевского, полк. И. Н. Плахова, полк. С. М. Макеева, в. старш. П. Ф. Воротникова, есаула Н. И. Посохова, есаула В. П. Елисеева, под'есаула А. Г. Бойко, под'ес. Н. Н. Каледина, под'ес. С. И. Шепеля, сотника Е. Т. Гетманова, хор. В. И. Бабича, журн. А. К. Ленивова, инж. В. А. Донецкого, инж. Д. Н. Еременко, инж Ф. Г. Полковникова, доктора П. Д. Растригина, хор. С. С. Настоящева, кол. рег. Я. И. Лопуха, Антона Ивко, Г. Л. Еременко, И. Ф. Алаторцева.

5) Членами Верховного совета КНД:

Товарища председателя Донского Войскового Круга и героя восставших против большевиков Донцов в 1918 г. генерала В. В. Разстегаева, генерала С. Д. Говорущенко, полк. Ф. П. Гамалия, полк. Ф. П. Гридасова, полк. Ав. И. Ермакова, полк. М. Д. Ильина, полк. Г. П. Карпова, полк. М. И. Недбаевского, полк. А. Ф. Пономарева, полк. генштаба И. А. Солдатова, в. старш. П. И. Грицихина, в. старш. А. М. Коновалова, в. старш. Ф. П. Матвеева, в. старш. А. М. Протопопова, в. старш. В. П. Сердюка, свящ. от. Федора Власенкова, доктора А. И. Алаторцева, доктора В. А. Малахова, доктора М. П. Приколотина, инж. Ф. И. Быкова, инж. И. Н. Луганцева, инж. С. К. Медведева, инж. И. П. Мосева, инж. М. И. Минаева, инж. Д. М. Неложогина, инж. Д. К. Родионова, Г. М. Александрина, С. А. Буханцова, М. Я. Горбачева, Ф. П. Зинченко, Л. В. Зверева, в. старш. А. И. Солдатова, в. старш. П. Рудова, есаула М. М. Колесова, есаула В. Полякова, сотника А. С. Ивашкова, сотника Ф. Д. Карманского, хор. И. К. Картамышева, подхор. К. В. Ачмизова, подхор. С. М. Бобрышева, подхор. Д. Билого, подхор. Е. К. Кривца, подхор. И. П. Сурмача, журналиста А. А. Иванова, журналиста М. М. Карпова, писателя В. И. Куртина, журналиста Н. А. Лапкина, М. И. Махно, Л. М. Минаева, И. А. Писменскова, техн. И. М. Фастунова, С. И. Хлёбовича, И. Т. Хрищушина.

6) Согласно распоряжения Руководителя КНД, члены Войсковых Кругов и Рады, состоящие в рядах КНД, проявившие верность казачьему национальному делу и зарекомендовавшие себя на казачьем поприще активными работниками, могут быть по представлению Окружных Атаманов установлены доверенными КНД.

В исполнение этого распоряжения устанавливаются доверенными КНД:

В. В. Архипов, П. Я. Колузонов, Ф. Г. Матвеев, Ф. М. Мичурин, Д. В. Писарев, Ф. С. Попков, Д. В. Передерий, Н. А. Попов, М. М. Самохин, И. А. Солдатов, А. Н. Спицын, П. Ф. Рябухин, А. И. Тищенко, И. А. Туркин, И. В. Бочаров.

7) Члены КНД, проявившие на протяжении долгого времени активную работу по

развитию и укреплению казачьего национализма, устанавливаются доверенными КНД:

полк. Д. И. Долгопятов, войск. старш. К. А. Кирсанов, в. старш. Д. М. Колышкин, в. старш. П. А. Фадеев, есаул С. В. Генералов, есаул Г. Ф. Еремин, есаул Б. Поздняков, есаул П. П. Скворцов, под'ес. Ф. В. Солянов, сот. И. С. Москалев, сот. П. И. Сердечный, сот. С. И. Школяр, хор. Д. Г. Хайло, Д. Альбаков, З. Акотруба, Г. Аниценко, Е. С. Басакин, Н. Башмак, инж. А. Белов, Н. П. Бочаров, Б. Бабкин, П. И. Бабкин, И. И. Бабкин, И. З. Баклан, П. Беляков, И. В. Васильев, И. П. Веретенников, Х. С. Высоцкий, Ф. Е. Дацко, П. Дацко, Ф. Донсков, Н. М. Егоров, А. Елистратов, Д. Захаров, П. И. Захаров, А. Ивановсков, Н. Г. Каменсков, В. Клименко, Т. С. Козлов, Н. Г. Калинкин, А. П. Киреев, О. Г. Козловский, Д. К. Копанев, Н. Ковалев, З. Кобазев, И. И. Козуб, С. И. Колесников, М. Колесников, В. Е. Косолобов, Д. Ф. Князев, И. Д. Кузнецов, И. Куприянов, А. Кошкодаев, Д. Кравченко, И. Кулик, П. Т. Лосев, Т. И. Лобанов, А. И. Лебедкин, П. П. Лебедкин, А. Лесников, Д. П. Линник, А. А. Морозов, Я. Мирошник, Д. Мотренко, К. Т. Мельников, А. Настич, И. Назаров, Г. Нестеров, М. Овсяник, И. Носак, И. Е. Потапов, К. Поливода, В. Позднышев, А. Пыль, В. Попов, П. Резников, К. Семилетов, В. Тимошенко, В. Трихлебов, С. Турчанинов, В. Фомин, А. Фомичев, П. Ходосов, Е. Л. Шаншилев, А. Шевадин, А. Ф. Шевченко, Т. Широкий, Н. Юрченко.

8) Согласно § 9 статута КНД Руководитель КНД учредил из ближайших сотрудников при Центральном бюро Движения совет, председателем которого назначил Окружного Атамана в Протекторате инж. В. А. Донецкого.

---

10 июня 1944 года Руководитель КНД утвердил новое административное разделение Округа КНД в Великогермании.

Атаманом Округа назначен прежний окружной Атаман КНД в Великогермании В. И. Бабич. (Berlin-Wilmersdorf. Prinzregentenstr. 70).

Организации Округа, находящиеся на территории Восточной Пруссии, выделены в особый отдел, ведущим которого назначен войск. старшина Ф. П. Пятибратов, находящийся в непосредственном подчинении окружного Атамана КНД в Великогермании. В состав этого отдела входят нижеследующие местные организации КНД: станица в гор. Августове — атаман вахм. М. А. Муруров, станица в Беловежьи — атаман сот. Н. И. Исаев, станица в гор. Белостоке — зам. атамана П. И. Иванов, станица в гор. Гайновка — атаман М. М. Топорков, станица в гор. Василькове — атаман вахм. Г. Д. Бочаров, хутор в гор. Волковыске — атаман вахм. В. Е. Гнутов, хутор в Черной Вси — атаман И. Т. Говорухин, станица в Сувалках — атаман Е. Ф. Кочетов, хутор в Озерах — атаман А. Н. Фетисов, станица в Цихенау — атаман А. Ф. Попов, хутор Мосты — С. Г. Вангул.

Остальные местные организации, находящиеся на территории Великогермании, входят в непосредственное подчинение окружного Атамана КНД в Великогермании. Таковыми являются: станица в Бреслау — атаман инж. Д. К. Родионов, станица в Брунштадте — атаман хор. М. Е. Макогоненко, хутор в Бендсбурге — З. И. Груздов, станица в Позен-Грецгаузен — Н. Н. Никонов, в Торне — подхор. М. И. Пастухов, в Конице — И. Г. Иванов, в Глейвитц — П. П. Слюсарев, в Требинии — Ю. И. Касьяненко, в Аушвитц — И. И. Попов, в Берлине — инж. В. Борисенко, в Потсдаме — И. А. Стракулин, в Магдебурге — хор. И. А. Болдырев, в Горлитц — войск. старш. В. М. Голуб, в Хемниц — войск. старш. К. А. Кирсанов, в Лейпциге — хор. П. Д. Передерий, в Дрездене — С. И. Чепурной, в Дессау — в. старш. П. А. Черный, в Цербст — Г. В. Мардовин, в Кирхмоцер — агроном Я. А. Быков, в Галле-Мерсебурге — губ. секр. И. С. Орехов, в Визенфельс — И. В. Чернышков, в Биттерфельд — подхор. А. К. Кравцов, в Ганновере — Н. М. Дмитренко, в Уельцене — Г. Д. Мартынов, в Барум — В. Е. Косолобов, в Варен — М. П. Сафронов, в Бремен — Е. Л. Арков, в Гамбурге — стар. уряд. Г. Т. Шерстюк, в Киель-Неймюлен — Н. М. Емельянов, в Котен ни Анхальт — есаул Н. Н. Федотов, в Ваттенштедт — А. Тисленков, в Кассель — есаул А. Л. Лысенков, в Ейзенах — И. Т. Хрипушин, в Дильсбург — П. М. Сиренко, в Готтельборн — В. М. Ревенко, в Аугсбурге — Д. Д. Дурнапин, в Ландсберг — хор. И. Е. Евдокимов, в Мюнхен — Ф. А. Пузанов, в Вене — полк. Д. А. Маслов, в Линц н/Дунае — полк. Д. К. Полухин, в Штейер — Д. К. Смаглюк, в Грац — инж. А. В. Поляков, в Людвигсгафене — кол. рег. И. В. Мельников, в Нюрнберг — инж. М. И. Запорожец, в Штутгарт — есаул И. Д. Журавлев, в Гельссенкирхе — Н. К. Боровлев, в Дюисбург — В. И. Луповко, в Франкфурт н/М. — Г. К. Алейников, в Фольклинг (Саар) — ст. уряд. М. З. Астахов, в Хагендинген — кол. рег. С. В. Губарев, в Ромбах (Вестмарк) — сот. Ф. Д. Карманский, в Триер-Люксембург — И. А. Серебряков и станица в Кнейттинг (Вестмарк) — атаман сот. А. С. Ивашков.

Организации КНД, находящиеся на территории Протектората Чехия и Моравия, остаются отдельной административной единицей, составляя Округ КНД в Протекторате.

Атаманом Округа назначен прежний окружной Атаман инж. В. А. Донецкий.

В состав Округа входят: станица КНД в Праге — атаман сот. С. И. Школяр, хутор Тын — атаман инж. В. К. Николаев, моравский отдел и станица в гор. Брюнн — атаман инж. И. П. Мосев.

Окружные и местные организации Казачьего Национального Движения (КНД), находящиеся в Греции, Болгарии, Румынии, Сербии, Венгрии, Генерал-Гувернемент, Словакии, Хорватии, Италии, Бельгии и Франции, развивают свою деятельность на прежних положениях.

Ф. Донсков.

Нельзя обойти молчанием.

Уже нераз на страницах казачьей печати основательно разбирался вопрос о том, является ли Казачество сословием или же нет. Компетентными лицами, знатоками казачьей истории, казачьего быта и психологии были высказаны по этому вопросу вполне определенные и ясные данные, основанные не только на исторических или научных данных, но и на данных казачьего быта и жизни. Эти данные со всей категоричностью полностью опровергают и отрицают злостное стремление чиновных людей сделать из славного и свободолюбивого Казачества какое-то сословие или военную касту.

Несмотря на это, еще находятся лица, которым невдомек все эти истины, и они пытаются твердить старые зазубренные истины казенных историков Иловайского или Платонова о казаках-беглых людях, о казачьем сословии, казачьем звании и прочие несуразицы. Было бы полбеды, если бы такого рода отсебятина писалась для остатков русской общественности, находящейся в опоении прошлого российского великодержавия. Беда же в том, что вся эта белиберда печатается, к глубокому сожалению, на страницах печати, предназначенной для казаков и воспитания казачьего молодняка, прошедшего через советские школы, где на протяжении долгих лет и без того коверкали его казачью душу.

Всмотримся ли ближе в авторов таких произведений, сразу же бросается в глаза их не-казачье происхождение, их какое то особо необъяснимое тяготение к Казачеству, которое они пытаются представить по своему косному взгляду, полученному ими у московских или петербургских дядюшек, и это жюльверновское представление о казаках и Казачестве пытаются прививать и вдалбивать в умы казаков.

На страницах газеты «Казачий клич» № 18 (21) неизвестный автор (конечно же, не-казак) пытается разводить такую развесистую клюкву о казачьем сословии и о казачьем звании, что, по-истине, у каждого природного казака, знающего свою казачью историю, свой быт и жизнь, естественно, уши вянут от такой отсебятины. Видимо, наускиваемый элементами, которым до сих пор еще мерещатся нафабренные усы государя императора и снятся блестящие балы в дворянском собрании, автор статьи-передовицы зарвался настолько далеко, что мы невольно должны задать вопрос, как еще такие лица могут быть терпимы в нашей казачьей среде, как они еще могут засорять казачьи ряды и казачье дело и даже делать такие явно вредительские вылазки, которые только на руку врагам Казачества и Нового Порядка.

Автор особой казуистикой пытается славное, историческое Казачество рассматривать особой кастой, сословием, открытым для искателей всякого рода приключений и проходимцев, пытается Казачество представить каким-то проходным домом. Такие проявления мы должны считать, как вылазку врагов нового национализма, как вылазку закулузлого реакционера с целью дискредитировать казаков и Казачество во вне. Он пытается выставить казаков, как реакционный элемент, мечтающей о своем звании, о своем сословии, хотя теперь каждому, даже ребенку, известно, что ныне в Новой Европе нет ни каст, ни сословий.

Не представляет Казачество сословием и мировая общественность и надлежащие европейские научные институции, о чем уже неоднократно сообщалось на страницах казачьей и иностранной прессы. Подход к Казачеству, как к сословию, противоречит и мировоззрению национал-социализма, равно как и духу и смыслу декларации Германского Правительства к Казакам, где казаки не были признаны какой-то кастой, сословием, или чужим привеском, но самобытным организмом, в прошлом имевшим свою государственную жизнь, которая не была подвластна московскому государству. Поэтому мы склонны рассматривать выступление автора статьи-передовицы газеты «Казачий клич», как открытый саботаж или злостную вылазку загнездившихся в казачьи ряды враждебных Казачеству элементов, и их попытку снизить и даже дискредитировать декларацию Правительства Великогермании.

Таким лицам нужно порекомендовать иметь больше скромности, больше и осведомленности в казачьем вопросе. Сначала нужно знать Казачество, его историю, быт, психологию, его подлинную жизнь, прочувствовать казачью сущность, воспринять казачье мышление, а затем уже говорить и о казаках и о Казачестве. Слишком неуместная развязанность и стремление новопеченных «казаков» говорить от имени казаков и Казачества, косно представлять его во вне и внутри, может лишь возбудить реакцию среди самих казаков.

Нужно знать, что в составе бывшего государства Российского не было казачьего сословия. Реформами Екатерины II-ой было определено четыре сословия: дворянство, духовенство, мещанство и крестьянство. Каждое сословие определялось точными правами и привилегиями, которые были дарованы властью и юридически закреплены ею.

Казачество же никаких дарованных прав и привилегий ни от кого не получало. Все те права, которыми казаки обладали до революции, были всего лишь жалкими сохранившимися обломками тех великих прав, которые когда-то на протяжении веков казаки добыли и утвердили мечом, кровью и трудом многих поколений и которые потом насильственно и безказанно урезывали и отнимали у казаков русские цари. Казакам никто не дарил и не раздавал прав или привилегий, а, наоборот, у них отнимали их исконние права. Не нуждались казаки и ни в каких привелегиях на свою Казачью Землю, им и только им исконне принадлежащую. Те же ценности правового или материального характера, которыми оно в действительности обладало, были добыты или созданы самим Казачеством на протяжении его исторического бытия и всегда были и есть его п р а в о м, от которого к 1917 году остались лишь остатки некогда свободного и самостоятельного Казачества.

Ни одно сословие никогда не владело своей исторической территорией, где бы оно осуществляло свое государственное бытие, ни одно сословие не претендовало на самостоятельное государственное бытие, а только на привилегированное положение в государстве. Казачество же всегда боролось за свое национальное, самобытное существование, о чем так красочно говорит вся казачья история.

Ни наука, ни история еще не знает примера, чтобы в сословии были свои сословии, а Казачество имело внутри себя искусственно российским правительством насаженные свои сословия: дворянство, духовенство. И когда Казачество восстановило все свои исконние суверенные права, постановлением Кругов и Рады сразу же уничтожило всякие дворянские и иные привилегии и тем со всей очевидностью показало, что оно понимает и признает, как свое право, не нуждающееся ни в чьем чужом утверждении, а что считало действительными привилегиями и сословием.

В период своего самостоятельного государственного существования в 1917—20 гг. Казачество опять-таки не боролось за какие-то сословные привилегии, но за свое право жить на своей Казачьей Земле под своими казачьими законами.

История нам говорит, что Петр I мог стричь усы и бороды, мог уничтожить боярский класс, стрелецкую касту, но и даже драконовскими мерами не мог уничтожить Казачества; Ленин и его последователи истребили касту царского офицерства, уничтожили классы и сословия, но не могли и не в силах были уничтожить ненавистное им свободолюбивое Казачество, не могли уничтожить племена и народы. История нам свидетельствует о том, что только народ может пережить тяжелые лихолетия, но ни в коем случае касты, классы и сословия.

Даже советская власть, делая в начале 1936 года поворот «лицом к Казачеству», совсем не пыталась восстановить Казачество, как класс или сословие, а как особое самобытное явление, ведь сов. власть никаких сословий не возрождала.

И теперь ни одно сословие бывшей России, ни один ее класс не мог поднять своего голоса или проявить попыток к своему возрождению, ибо все они уничтожены и отошли в историческое прошлое, но Казачество и после нечеловеческих испытаний и мытарств, после уничтожений и расселений с новой энергией, с новой силой продолжает бороться не за какое-то сословное положение или сословные привилегии, но за свое исконное и веками освященное право жить на своей Казачьей Земле под своими казачьими законами своей народной самобытной жизнью.

Эти ясные и неоспоримые факты пора уже понять и всем тем, кто еще находится в косном заблуждении о Казачестве, и особенно тем, кто предполагает свою судьбу связать с судьбой славного Казачьего племени.

Не только факты, но и сама наука последнего времени со всей определенностью говорит о том, что Казачество всецело отвечает всем условиям нового научного определения национальности. Известный ученый Дюркгейм определяет национальность, как человеческую группу, члены которой по основаниям этническим или просто историческим, хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство, и что единственным критерием национальности является общая воля к этому стремлению. Эту свою непреклонную волю казачий народ, несмотря на ужасно неблагоприятные условия жизни, всегда проявлял на протяжении всей своей истории.

Эту свободную волю казачий народ зафиксировал и в своих принятых им основных законах-Конституциях. Проявляет эту твердую волю Казачество и теперь с неизменным стремлением жить на своей Казачьей Земле под своим Казачьим Законом, ибо отчетливо сознает, что тогда и только тогда оно может возродить свою подлинную казачью жизнь.

Автору статьи-передовицы № 18 (21) газеты «Казачий клич», предназначаемой для казаков-воинов, должно быть известно, что казаки и казачьи воинские части совсем не рассматриваются частями какого-то казачьего сословия или звания, но считаются, наравне с добровольческими соединениями иных народов, н а ц и о н а л ь н ы м и с о е д и н е н и я м и.

Таковыми они считаются и в недавно опубликованных Германским командованием специальных раз'яснениях по поводу введения германских знаков различия и о порядке подчинения в добровольческих частях. Эти раз'яснения говорят о правах и обязанностях казаков-добровольцев. О н и х д о л ж е н з н а т ь н е т о л ь к о к а ж д ы й р я д о в о й - к а з а к, н о п р е ж д е в с е г о и б о л ь ш е в с е г о т о т, на обязанностях которого лежит долг ознакомить с ними казаков, на обязанности которого возложено воспитание казака-бойца.

В раз'яснениях указывается также о том, что «офицеры и бойцы национальных соединений, будут в дальнейшем носить германские знаки различия и н а ц и о н а л ь н ы й нарукавный знак». Под этими своими национальным знаком каждый доброволец борется за счастье и будущее своей национальности, своего народа в лоне новой Европы. Об этом должен знать не только каждый казачий офицер, но и каждый казак.

ХРОНИКА

Руководителем Казачьего Национального Движения (КНД) ст. инж. В. Г. Глазковым были посланы ко дню 26-ой годовщины провозглашения государственной независимости республики Горцев Северного Кавказа и Грузии приветствия, в ответ на которые были получены ответные письма председателя Северо - Кавказского Национального Комитета инж. А. Магома и Председателя Грузинского Национального Комитета.

«С признательностью принимаем Ваши поздравления ко дню 26-ой годовщины провозглашения республики Горцев Северного Кавказа.

Национальный комитет не сомневается в том, что в итоге этой войны, в которой участвуют наши народы на стороне Великогермании, справедливость восторжествует и заветные стремления наших народов к освобождению от ига большевизма исполнятся».

«От имени Грузинского Национального Комитета выражаю Вам наилучшую благодарность за посланные Вами приветствия по случаю нашего национального праздника.

И мы выражаем твердую надежду, что общая борьба наших народов против большевизма за национальное возрождение национальной свободы приведет к победному концу и что в будущем ничто не омрачит традиционной дружбы казачьего и грузинского народов».

— Руководитель КНД поручил своему заместителю ст. П. С. Полякову выразить Казачьей Национальной Сотни, сформированной Всеказачьим Союзом в Сербии, особую благодарность от имени КНД. Уже неоднократно Казачья Национальная Сотня заслужила признательность своего начальства за честное и примерное исполнение воинского долга, Своей спайкой и дисциплинированностью, проявленными при всех операциях и воинских действиях, Сотня показала себя в высшей степени крепкой и сознательной боевой единицей, о чем уже нераз подчеркивалось надлежащим начальством.

— 28 мая с. г. Казачья Национальная Станица в Праге имела по случаю праздника Троицы традиционную казачью встречу, на которую прибыло очень много станичников, переполнивших большой зал ресторана «У Шумавы». Присутствовали и казаки из провинции.

Встречу казаков посетил Руководитель КНД.

После официальной части, где, по просьбе атамана станицы, ст. Руководитель выступил с речью, которая была принята присутствующими казаками с большим воодушевлением, и приветственного слова писаря станицы ст. М. Ф. Башмака была небольшая программа, состоявшаяся из ряда казачьих танцев и песен. Прибывшие из гор. Брюнн ст. инж. В. Енин и С. Медведев своими выступлениями на гармонию и танцами еще больше внесли веселия и пестроты вечера.

Присутствовали раненые казаки и казаки, находившиеся из частей в отпуску.

Дружная и веселая беседа затянулась до поздних часов. Казаки искренне благодарили правление станицы за то, что часто представляет возможность казакам провести часы отдыха в своей казачьей среде и обстановке.

— **Казачья православная церковь** п е р е ш л а в собственное помещение Berlin N. W. 87 Klopstockstr. 38. Литургия по воскресеньям в 9 ч. утра, всенощная в канун праздников в 17 час. Сообщение: S-Bahn до Tiergarten, омнибусом до Hansaplatz, №№ 138, 38, 28, 6. Телефон настоятеля: 25 73 00.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

От имени казаков выражаю Вам искреннюю признательность за проявляемую о казаках заботу. С момента нашего поступления в лазарет нам оказывают большое внимание старые казаки эмигранты гор. Варшавы.

Своим посещением, проявленной заботой они вселяют в нас, заброшенных судьбой за пределы Родины, глубокое чувство радости и надежды на будущую светлую казачью жизнь. Они проявляют неподдельную заботу о нашем здоровье и моральном состоянии нашего духа, но и о нашей материальной стороне. Кроме лакомств казачьей кухни, они от имени Руководителя Казачьего Национального Движения (КНД) оказывают казакам и денежную поддержку, если они в таковой нуждаются.

Вот эта-то забота, так трогательно ощущаемая нами, казачьими бойцами, является одним из многих доказательств нашего казачьего единства и крепости нашего национального духа. Слава Казачеству! Д. Лемешов.

. . Я родился в бурю войны за казачью свободу 1918 года. Уцелевшим от большевицкого проклятого рабства, отцом и матерью я был воспитан в казачьем духе. Потаясь я слышал рассказы стариков, о борьбе Казачества против коммунизма, о старой казачьей жизни, о казачьей славе.

Тяжело нам было покидать наши цветущие казачьи степи перед большевицким натиском. Теперь все мы, молодые и старые, единой лавой боримся за новую и счастливую жизнь Вольного Казачества. Освободившись от зоркого ока НКВД я только здесь вплотную познакомился с подлинной казачьей историей, я только здесь увидел настоящую казачью литературу и свою родную печать. Теперь я знаю, что я борюсь за волю и долю моего славного казачьего народа, на алтарь которого я, как и другие казаки, готовы принести и свою жизнь, но только лишь ради и процветало бы наше родное Казачество.

Василий Кулешов,
хут. Изварина. Гундоровской ст., Дон.

О. Калаус:

Путь от раз'единения к единству Казачества.

(Продолжение из № 69).

II. **Второй поход.**

Поход 1920 года внешне имеет весьма мало общего с походом 1918 года. Тогда было кратковременное скитание казачьих правительств и их небольших отрядов в пределах Родных Земель, теперь — бесконечно долгое, еще и сегодня не законченное, блуждание по чужим краям и землям; тогда непосредственной причиной похода был натиск хотя и многих, но плохо организованных большевицких банд, навербованных Москвой главным образом из местных сил и местными вожаками руководимых, теперь — натиск стотысячных, по всем правилам военного искусства организованных красной Москвой армий под верховным жидовским дозором, но под командой лучших русских генералов и офицеров. Первый поход был следствием внутренней смуты гражданской войны, второй — следствие проигранной большой внешней войны.

Проанализируем-ли, однако, глубже причины этих двух трагических событий нашей новейшей истории, увидим, что причина их одна и все та-же: отсутствие единодушия в понимании очередных задач, какие Казачеству ставила его история для неотложного решения.

Осенью и зимой 1917 года такой задачей было сопротивление анархии, валившейся на Казачьи Земли с севера. Тогдашние казачьи представительства правильно и с честью справились с очередной задачей, организовав необходимую для этого свою государственную власть. Не их вина в том, что этот шаг не был надлежаще понят как раз теми, кто могли дать необходимую силу своей власти и этим обеспечить ее бесперебойную работу. Следствием этого первого неединодушия во взглядах на очередные задачи было, хотя и кратковременное, но все же весьма пагубное господство красной Москвы в Казачьих Землях. Теперь, в 1920 году, не фронтовики, а сословно-мыслящие группы и лица, пролезшие на командные высоты казачьих держав, добровольно и активно впряглись сами и впрягли казачьи войсковые части в колесницу единой-неделимой и тем подставили все Казачество под удары не только красной Москвы, но и под удары всех тех, кто не хотели восстановления единой-неделимой.

Борьба таких размеров была, как мы уже это неоднократно повторяли, не посилам уже обезкровленному и снова политически дезориентованному Казачеству. Особенная дезориентация была внесена в умы широких масс тем, что отвратительное насилие Врангеля и Покровского над Кубанской Краевой Радой не встретило не только надлежащего, но и никакого осуждения или протеста со стороны руководящих кругов других Казачьих Земель. Не последовало ожидаемой реакции и со стороны соседа и союзника, с которым Кубань имела на подобный предмет надлежащий, до того никем не анулированный договор еще с мая месяца 1918 года. Факт этот, какими бы превходящими обстоятельствами его не пояснялись, весьма ясно свидетельствовал о двух на тогдашние времена чрезвычайно опасных явлениях:

о полной солидарности руководящих верхов Казачества с намерениями Добрармии и

о вероломном отношении этих кругов к казачьим Конституциям, на которые они еще так недавно присягали.

Такое поведение правящих кругов не могло остаться не замеченым теми, кто несли на своих плечах всю тяжесть уже трехлетней неравной борьбы и не могло не вызвать надлежащую реакцию.

Там, где руководящие верхи не хотят или не умеют соблюдать всенародно признанные установления, там народ сам, снизу защищает эти установления доступными ему средствами. Наиболее доступной и весьма действительной формой народной самообороны является пассивность к мероприятиям обанкротившихся политиков.

После не удачного похода на Москву в добровольческой упряжке казачьи сословные верхи принялись за укрепление того, что еще вчера своими руками разрушали, т.-е. за восстановление вполне независимой государственной власти в Казачьих Землях. Энтузиазма это уже не вызвало. Особенно мало энтузиазма наблюдалось на Кубани, находившейся еще под внечатлением насилия, совершенного над нею Добрармией. Да и времени не было на исправление столь роковых политических промахов. Огромные силы внешнего врага были уже в Казачьих Землях. Под их натиском правительства Дона, Кубани и Терека, собравшиеся в январе 1920 года в Екатеринодаре, вышли со своими войсками, сначала на берег Черного моря, а потом и в чужие края, в долгое, тяжелое скитание, какое мы все привыкли называть Вторым походом.

Поход этот до сих пор еще не закончен. Разросся он уже в великую народную эпопею, участниками которой являются все казаки, находящиеся за рубежами своих Земель, все равно, где бы они не были — там или здесь. И участников этих уже столько, что исход похода предопределит не только личную судьбу каждого из нас, но и судьбу всего европейского Казачества.

Размеры газетной статьи не позволяют нам остановиться на всех этапах этой эпопеи, имеющих прямое отношение к нашей теме. Остановимся поэтому коротко только на тех фактах, какие имели или могли иметь прямое влияние на общее настроение умов участников похода еще перед этой войной, и таким образом определяли мировоззрение тех политических группировок, с какими мы встречались или встречаемся среди казаков, в рассеянии сущих.

В о з в р а щ е н ц ы. Уже на судах в Босфоре и в Мраморном море, а позже в первые же месяцы пребывания в Галлиполи, Чаталдже и на Лемносе, многим едино-неделимцам чистой воды показалось, что высокую миссию белокаменной Москвы — собирание земли Русской — достойно выполняет уже Москва красная и поэтому дальнейшая борьба с этой Москвой была ими признана не нужной. С легкой руки одного из самых выразительных представителей Добрармии — генерала Слащева — сотни и сотни офицеров, чиновников, прокуроров, судей, следователей, писателей, политиков русского белого движения вернулись в Совдепию. Но так как эта «старорежимная ветошь» в глазах ГПУ сама по себе особого значения не имела, то им было вменено в обязанность совратить к этому еще и казаков. Вскоре во всех местах казачьего расселения появились мемуарные и публицистические писания этих возвращенцев. К прискорбию нашему на это завывание советских сирен отозвались и кое-кто из той части не сословно мыслящих казаков, для которых задачи Особого Совещания и красной Москвы и методы их работы не казались столь различными, чтобы при выборе между ними следовало создавать себе проблему. Этим была начата короткая, но, по слепоте и глупости одних и подлости других, исключительно кошмарная эра т. наз. возвращенства. Моральную атмосферу ее как нельзя лучше характеризует случай известного нам ген. Покровского. Он, как известно, был убит в лесу при попытке перейти болгарско-сербскую границу. Убили его не чины пограничной стражи, а болгарские коммунисты, информированные о его намерениях теми лицами, какие при разгроме ген. Покровским Кубанской Рады творили круг его ближайших советников и исполнителей. Многие из них вернулись после этого в СССР, где в родных Краях долгое время «работали» в аппарате ГПУ. Разберитесь и поймите, кто может, побуждения и действия этих «лучших русских патриотов», как их в ноябрские дни на Кубани величала русская пресса.

В ряды казаков, уцелевших в тяжких боях и лишениях похода, возвращенство внесло большое опустошение. Только поспешная и откровенная ликвидация большевиками возвращенцев в СССР остановила это опустошение. Работа и самых ловких агитаторов не могла уже иметь после этого успеха и поэтому возвращенство, как эмигрантское движение среди казаков вскоре совсем исчезло.

(Продолжение следует).

И. Л-ов.

О казачьей печати.

Я все детство и молодость провел в станице, внимательно наблюдал и изучал наших казаков, живших напряженнейшей духовной жизнью, жил в народе почвенном, полном исканий и порывов. Всюду в казачьих Краях было раздолье, беспредельные широкие степи, вольность, а казацкому духу и тут было тесно, и душа его выходила из берегов этого безбрежного океана. Душа металась, искала правды, добра и полного духовного удовлетворения. Были среди наших казаков даже т. н. «божьи казаки», которые тянулись за правдой, откровением, высшим совершенством в далекие сибирские пространства, на север, докатываясь иногда до Канады и Америки.

Казачество не жило с пустыми думами. Оно искало волю и жажду достигнуть высшего совершенства. Никогда не угасала эта искра. А в отдельных — «божьих казаках» — и в пламя разгоралась. Это давало богатый материал неистощимой казачьей фантазии, удивительную способность быстро схватывать суть сложных вопросов, метко и трезво судить о вещах, о душевных настроениях и переживаниях, не всегда ясных даже ученым. Возьмите наши казачьи легенды, которые слогал сам народ, которые он всей душой любил, увлекался ими, отдыхал на них душою, вкладывал в них твердую веру, что всякое зло рано или поздно покарается, а братская любовь, честность, храбрость, удаль, святая правда и добро получат добрую награду.

Бессмертное произведение А. В. Гоголя — «Тарас Бульба», Л. Н. Толстого — «Казаки» и «Тихий Дон» М. Шолохова дали нам прекрасные образы цельных, сильных волею, самоотверженных казачьих натур, защищающих веру православную, идеалы свободы, правды и добра.

Какое богатое поле деятельности было для нашей передовой интеллигенции. Сколько красоты, поэзии и духовной силы

Казаки умеють прекрасно пользоваться и современным оружием.

Archiv „Der Kosakenbote".

могла бы дать она в будущем своему народу. Творческая богатая фантазия казаков, одаренность ума, бесконечная история славы, боевые походы и подвиги давали прекрасные образы, любопытные для характеристики нравственного и духовного облика казачьей массы, где каждое событие выливалось в красивую легенду, отражая в ней частицу своих взглядов, умозаключений, верований, интересных для бытописателя.

И все это прервалось в то время, когда Казачество уже шло широкими шагами к свету, к прогрессу, к культуре, когда творческая работа нашей молодой интеллигенции начала пробуждать, оформлять и реализовать богатства духовных недр народной массы, когда ряды казачьей интеллигенции с каждым годом все больше и больше увеличивались, когда общественная жизнь в наших Казачьих Краях расцветала пышным цветом, когда начали выдвигаться писатели и журналисты, и по рождению и по воспитанию плоть от плоти казачьей, когда появилась и казачья народная литература.

Воспитанные в глубокой вере, на крепких устоях патриархальности, на лучших семейных традициях, на принципах беззаветной любви к своему дому, к своим родным Краям, в любви и полном доверии к своему ближнему, к общей казачьей семье, Казачество верило и открыто шло за своей интеллигенцией, как носительницей высших духовных идеалов и как строительницей здоровой государственной жизни.

Жидо-коммунистическая революция смела и Казачество и казачью интеллигенцию. В настоящее время нас осталось мало, но мы сильны духом, в нас не утеряна вера в воскресение Казачества. Это заставляет нас приостановиться и задуматься, что нам делать, чтобы окончательно не погибнуть, не опуститься, не возвратиться к дикости и варварству, не похоронить свою культуру, которая для нас всех была так дорога и за которую мы боролись и в настоящее время боремся. Многие из нас, продолжая «жизни мышью бегатню» или замыкаясь от всяких неприятностей в жизни, подобно «Человека в футляре» Чехова, прикрываясь бронею какого-то нейтралитета, воображают, что мелкие личные интересы момента настолько значительны, что могут и должны отвлечь нас от более существенного, даже единственно существенного. Это вопрос: б ы т ь и л и н е б ы т ь К а з а ч е с т в у ? Станичники, будьте хотя бы в этот ответственный исторический момент дальнозоркими, схватите общую перспективу леса, а не отдельных деревьев, отделите принцип от подробностей. Поверьте, что будет время и возможность уладить свои мелкие личные интересы, домашние недоразумения, прекратить споры авторитетом нравственной силы, проникновенной идеи. Не откланяйте от себя выполнение исторической миссии — быть на страже всего Казачества. Неустанно повторяйте и раз'ясняйте то, что нас, казаков, всех соединяет, и не подчеркивайте пунктов разногласия. Наша задача — об'единить все казачьи духовные силы для самодеятельного развития и беспрепятственного культурного роста Казачества в будущем.

Для этого вся наша интеллигенция, особенно писатели и журналисты, должны быть организованы в отдельном союзе, где были бы исключительно казаки, которые, зная казачью жизнь, не «мудрили и не подделывались бы» под казаков, а этим бы достигли в будущем опять полное доверие и укрепили общие интересы и мировоззрение и создали общую казачью семью. Настоящее ответственное время требует, чтобы народная литература и периодические издания выполняли роль служебную; требует простого и ясного языка, безискусственную манеру письма, иметь ясный отчет в том, что знает и чего не знает народ, уметь проводить популяризацию положительного знания, не выходя из сферы вопросов практических.

Наличие союза казачьих писателей и журналистов могло бы способствовать и правильному, надлежащему обслуживанию и тех печатных органов, которые предназначаются для казаков. Сконцентрированием в один союз всех казачьих работников пера мы сможем поднять наше казачье печатное слово на должную высоту, исключив из него все, что мешает его развитию.

К сожалению, в такой ответственный момент мы не имеем возможности иметь то, что следовало иметь. Постараемся выйти с теми средствами, которые у нас имеются. Расширим «Казачий Вестник», сделаем его хотя-бы еженедельным, разделим в нем материал так, чтобы казак-читатель нашел в нем все, что требуют его духовные и жизненные запросы, а это уже будет огромным достижением поставленной нами задачи.

Майор Т. Сацюк.

„С того берега".

(Окончание.)

По мобилизации, несмотря на мое прошлое, меня призвали и зачислили в кавалерийский эскадрон одного из Уров (укреп. раионов). Командир моего взвода, уральский казак, лейтенант Морозов сразу выделил меня из всех и назначил своим ординарцем. Казак казака всегда увидит и узнает. Нам обоим нравилось друг в друге отчаянная смелость, лихость, презрение к смерти и еще что-то, что порой проскальзывало в наших глазах. Одно только в нем было, по-моему, плохо — пьяница был. Но все-таки молодец, поискать таких не найдешь. Из любой беды выкрутится и всегда с честью.

Одним словом — казак. Послали как-то его в разведку. Надо было выяснить силы противника и направление их движения. Поехали мы вдвоем. Не любил он никогда брать с собой много людей. Проезжаем мимо винокуренного завода. Лошади останавливаются сами, уже по запаху знают, где стать. Морозов мне приказывает:

— «Иди скажи моему командиру дивизиона водку надо. Да смотри по дороге не «натянись»!»

Директор завода уже знает нас — больше поллитра не дает. Прихожу, докладываю — так, мол и так — поллитра и больше не дает. Смотрю слезает Морозов с коня и идет к директору. Через минут пять несет две литровки. Как он смог их добыть — это его секрет. От'ехали мы в сторону от завода, спешились. Вытащил я из сум что было поесть и... напились мы вдвоем до бесчувствия. С трудом взобрались на лошадей. Едем. Смотрю мой Морозов скатился с седла и лежит на земле. Хотел я слезть и помочь ему да не помню что было дальше. Проснулись мы уже ночью. Холодно было. Выпал снег. Смотрю — лежим на дороге, а коней нигде нет. Искали повсюду, кричали, ругались на чем свет стоит и так ни с чем поплелись по дороге. Вот, думаю, «разведали» противника и вдобавок коней лишились. Что будет? Уже мерещился трибунал — короткий приговор и расстрел в 24 часа.

Смотрю на Морозова — тот идет себе как ни в чем не бывало, руками размахивает.

Посмотрел на меня, улыбается:

— «Чего дурак задумался? Не бойсь.

У Морозова головаааа!» и как стукнет себя ладонью по лбу.

— «Сейчас придем в Ростов, достанем коней и все будет в порядке» — снова продолжает он уверенно.

— «А как достанем коней» — спрашиваю я, начиная чувствовать под собой почву.

— «Казак еще называется — «как» спрашивает. Увидишь. Только смотри мне, чтоб не растерятяся».

Мы подходим к каким-то строениям обнесенным высоким кирпичным забором и останавливаемся у ворот.

Только теперь я понимаю «как» хочет достать лошадей мой командир взвода. Все равно выхода нет, думаю. Часовой спит, стоя прислонившись к стогу соломы, и винтовка выпала из рук. Мы осторожно, чтоб не звякнуть чем-либо, забираемся в конюшню и выводим двух замечательных коней: вороного и серого в яблоках. Быстро подседлываем и, минуя спящего часового выводим коней на улицу. Мой Морозов, когда мы от'ехали с километр от конюшен N— кавалерийского полка, смеется довольным смехом и говорит:

— «Вот учись «как» добывают себе коней казаки».

Недалеко от нашего штаба мы останавливаем коней. Морозов вынимает карту и я восхищенным взором смотрю, как он уверенно наносит синим карандашем разные кружечки, крестики и линии с хвостиками. Догадываюсь, что это такое, но боюсь прервать его работу. Когда карта вся испещрятся свободной Морозовской фантазией и он довольный своим искусством смотрит на нее, — я спрашиваю:

— «Тов. Лейтенант! Как Вы не боитесь. Ведь за это могут легко расстрелять».

— «Ни черта не будет. Еще благодарность получу. Разве в первый раз их дурить», — и смеется.

Мы оба смотрим в глаза друг другу и ясно читаем в них собственные мысли. С этого дня мы стали, как родные братья. Ну, а когда Морозов доложил в штабе «сведения» о противнике, что-ж Вы думаете, он действительно получил благодарность и не только одну благодарность, но учитывая прошлые его «боевые» заслуги, был представлен к ордену Красного Знамени.

Вот мы после этого посмеялись!

Так долго мы с ним работали и жили душа в душу. Казаки. Кровь — одна, мысли — одни, желание — одно. Да только вот произошел с ним трагический случай, который оборвал его жизнь.

Рассказчик внезапно смолк, его взор затуманенный блестнувшей слезой, острой болью заставил сочувственно забиться мое сердце...

— «Это было под Чалтырем, когда германские войска подходили к Ростову. Мы со взводом находились в балочке, ждали распоряжения из штаба. Какая тогда была связь, сами знаете. Все удрали и бросили нас на произвол судьбы. Настроение было скверное. Говорю тогда я Морозову: «Тов. Лейтенант! а как Вы думаете, если перейти на сторону немцев. Казаки ведь мы».

Он посмотрел на меня понимающим взглядом и говорит: «Я об этом думал уже давно. Все момент подходящий искал». Остальные люди, я знал об этом, в огонь и в воду пойдут за Морозовым — любили его.

Выехали мы из балки, едем. Смотрим, невдалеке танки. Не разберешь, свои или чужие. Из танков открыли по нас огонь. И, какая досада, с первого снаряда был убит наповал мой любимый командир, друг и товарищ Морозов.

Уже потом, когда все выяснилось и немецкие танкисты угощали радушно нас сигаретами и мы почувствовали себя впервые после 25 лет кровавой большевицкой каторги в среде своих людей, — долго мучила меня и всех нас тоскливая мысль о нашем командире.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

На Восточном фронте пали смертью храбрых члены КНД хорунжий Василий Ефремович Кривов, хорунжий Андрей Иванович Бобыль, урядник Н. С. Петров.

Н-ская Казачья часть попала в окружение и отражала несколько суток постоянные упорные атаки большевиков. После жестоких боев всем сотням, кроме прикрывавшей прорыв, удалось вырваться из окружения. Оставшаяся сотня билась двое суток против тесно сжатого большевицкого кольца. Большевики, видя отчаянное сопротивление казаков, предложили им сдаться, обещая помилование и иные выгоды, но казаки на все предложения отвечали оружием.

Сжав казаков на самую незначительную площадь, большевики в последний раз предложили казакам сдаться. В ответ послышался громкий голос командира сотни: «Братцы-казаки, вперед на заклятого врага Казачества, с ним у нас нет и не может быть мира!». После краткого, но очень жаркого боя казакам удалось вырваться из большевицкого кольца, потеряв при этом своих друзей командиров, безгранично любивших свой Казачий Народ.

Вечная слава Вам, герои-казаки, своей кровью обретающие свободу и новую жизнь Казачества!

При исполнении служебных обязанностей пали казаки Павел Мохнорилов, ст. Тишанской, Дон, рожд. 1922, Тихон Липченко, Унароков, Кубань, рожд. 1900, и Георгий Дронов, хут. Шумилина, Дон, рожд. 1925. Последний своим подвигом спас жизнь своего командира.

6 мая с. г. в Варшаве состоялись при почетном карауле Казачьей сотни СД торжественные похороны, на которых присутствовали местные немецкие власти. Командир частей СС и СД полковник Р. сказал прочувственную речь, в которой подчеркнул, что сейчас отдается последний воинский долг доблестным сынам Казачьего Народа, верного союзника Великогермании, скрепившим еще крепче союз, борящихся за свое бытие народов. Вождь Адольф Гитлер вернет Вам, казакам, за вашу верность, за ваши жертвы, храбрость и доблесть, вашу многострадательную казачью Родину.

От имени Казачьего Национального Движения (КНД) прощальную речь сказал ст. Г. С. Козлов. Его речь была переведена на немецкий язык, и представители властей выразили ему благодарность за моральную участь национального Казачества.

В городе Яуре (Селезия) 18. 4. 1944. скончался казак ст. Иловлинской, Дон, Тимофей Александрович Зенов.

— При исполнении служебных обязанностей казак Трофим Кондратьевич Павлов, ст. Усть-Бело-Калитвенской, Дон, служивший в N. Казачьем батальоне, был тяжело ранен и скончался 12. 5. с. г. в военном лазарете гор. Кельцы в Генерал-Губернаторстве. Три брата покойного находятся в действующих казачьих частях, а отец и старший брат инженер пребывают в эмиграции с 1920 г. в Праге.

— 23-го мая 1944 г. в гор. Белостоке скончался от разрыва сердца казак станицы им. А. М. Каледина в Белостоке Алексей Георгиевич Поваляев. Покойный имел от роду 46 лет и оставил после себя жену с двумя детьми. Родился на Дону в г. Нахичевани, где получил среднее образование. В 1920 году участвовал в борьбе против большевиков, а потом, как эмигрант работал по землемерию. А. Г. Поваляев отличался спокойным характером. Всегда мечтал вернуться на Дон, но надломленный переживаниями организм не выдержал до конца скитаний на чужбине. В день похорон большое стечение публики свидетельствовало о большой симпатии, которую имел ст. Поваляев у своих соседей и знакомых. От имени казаков-националистов на могилу был возложен прекрасный венок.

— 8 сего мая исполнилась годовщина со дня смерти казака Павловской станицы (Кубань), Афанасия Мартыновича Погиба, павшего смертью храбрых в борьбе с советскими бандитами. По этому случаю 15 мая сего года его соратниками в присутствии проживающих в Варшаве казаков в местном православном храме была отслужена панихида.

— 25. 5. с. г. в гор. Августове умер сын казака Василий Цыганков.

Фактическая поправка.

Недавно в ряде русских газет была заметка о том, что «русские православные люди в Белграде» пожертвовали иконостас для походной церкви Первой Казачьей Дивизии.

Настоящим считаем необходимым отметить, что указанный иконостас, как нами уже сообщалось в «Каз. Вестнике» № 7 от 1. 4. с. г., был сооружен не «русскими православными людьми», а заботой и стараниями Всеказачьего Союза в Сербии, его Атамана П. С. Полякова, Правления и казаков Союза.

По полученным сведениям, перед отправкой иконостаса в место своего назначения он был известными лицами гангстерским способом из'ят из помещения Союза, а потом выдан за сооружение «русских православных людей».

...Идеалы Казачества, как народа, подпявшего знамя своей Свободы и Воли, быть полным хозяином своих Казачьих Земель.
(И. Васильев, «К. В.» № 5 (62).

Кремлевские оборотни.

I. Из воззвания Исполкома Коминтерна 6 ноября 1939 года.

«Нынешняя война — война империалистическая. Три богатейших государства — Англия, Франция и США — господствуют на важнейших мировых путях и рынках сбыта. Они держат в своем подчинении более половины человечества.

Эксплоатацию трудящихся, эксплоатацию угнетенных народов колоний, они прикрывают лицемерным флагом демократии, чтобы тем самым легко обмануть массы. Таков подлинный смысл этой войны, войны **несправедливой**, реакционной, империалистической... не верьте лживым уверениям... и т. д.».

II. Из выступления Сталина 6 ноября 1941 г.

...«Англия и США, совместно с СССР, ведут войну **справедливую**, освободительную и чуждую захватническим интересам.

Правительства Англии и США являются представителями честных и свободолюбивых демократий»...

III. К восстановлению погон в Красной Армии:

Несколько лет тому назад Малая Советская Энциклопедия давала короткую, но выразительную справку о роли и значении погон:

«Погоны. Упразднены Октябрьской революцией, как символ классового гнета в армии»...

IV. По поводу учреждения ордена «Богдана Хмельницкого».

О Богдане Хмельницком Большая Советская Энциклопедия писала:

«Предатель и ярый враг восставшего украинского крестьянства, Хмельницкий являлся представителем верхушки украинской феодально-казацкой старшины... В своей политике по отношению к восставшему крестьянству Хмельницкий неоднократно пользовался чисто провокационными методами, преследовавшими цель сломить силу крестьянского восстания... Десятки городов и сел были окончательно разрушены и сожжены, десятки тысяч крестьян и казаков, боровшихся против польских и украинских феодалов, четвертовались, сажались на кол и подвергались другим казням».

«Казачий Вестник» — единственный казачий печатный орган — издается на средства казачьих патриотов. Помогай и Ты распространять и расширять свое казачье печатное слово!

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Пузанов Аристарх, хут. Богданова, ст. Калитвенской, Дон, разыскивает Тихона Еф. Кондрущкова, офицера того же хутора, служившего в Немецкой Армии:
Trier-West, Sportplatz, Gemeinschaftslager.

— Королев Макар Иванович, хут. Родниковского, Аннинской ст., Дон, разыскивает родственника эмиграната 1920 г. Тимофея Филимон. Сухорукова. Писать через «Каз. Вест.».

— Зрянин Степан Прохорович, хут. Дубовского, ст. Ярыженской, Дон, разыскивает братьев Максима и Федора. Писать по адресу:
Heerte über Wolfenbütel, Lager „D".

— Черячукин А., ст. Константиновской, Дон, разыскивает Прокопа Петр. Черячукина и др. родственников. Писать по адресу:
Linz a./Donau, Volksterstr. 7-11, Luftschutzpolizei.

— Литовченко Федор Ефимович, села М.-Ягуры, Ставрополь, разыскивает племянника Николая Григорьевича Литовченко. Писать по адресу:
Frankfurt a./M., Nied. Oeserstr. 16.

— Непсо Хамид, Адыгейская обл., разыскивает офицера эмиграната Петра Ив. Журавля, ст. Северской, Кубань, равно как родственников и земляков.
Heerte über Wolfenbüttel, Waldlager D.

— Дежимесов Максим Иван., хут. Вихлянцева, ст. Михайловской, Дон, разыскивает дядю Какушкина, Ивана Ермил. и двоюр. брата Николая Андр. Дежимесова, находив. в Болгарии. Писать через «Каз. Вестник».

— Хоперсков Трофим Ив., ст. Михайловской, Дон, разыскивает брата Ивана. Писать по адресу:
Warschau-Praga, Targowa 49/5.

— Негодный Кондрат Иван., ст. Ищерской, Терек, разыскивает сына Павла, рожд. 1924 года. Писать по адресу:
Luftwaffen Banamt, Gleiwitz-Hafen, Schlesien.

— Прокудин Николай Никитович, ст. Краснокутской, Дон, разыскивает братьев Арсения и Ивана. Писать по адресу:
Tiston Jakob, Poststr. 8, Bremen-Hemelingen.

— Гализов Михаил, ст. Отважной, Кубань, разыскивает семью мать Марию Тимофеевну, рожд. 1896, сестру Варвару Ефим., рожд. 1927 и брата Владимира, рожд. 1925 г., эвакуир. в январе 1943 года. Писать по адресу:
Kriegsversehrtenlager, Schwarzee II., Nebenlager Teschendorf, Falkenburg (Pomm).

— Сердинов Константин, хут. Большого, ст. Усть-Медведицкой, Дон, разыскивает дядю эмигранта-офицера Афанасия Троф. Сердинова. Писать «Каз. Вест.».

— Шевченков Алексей Лукьянович просит лиц, знающих о судьбе эвакуиров. из ст. Мечетинской, Дон, Борисова Петра Яковлевича, Чеботарева Никиты Михаил. и Гондаренкова Гавриила Ивановича, сообщить по адресу:
Porz bei Köln, Wannerstrasse 1.

— Сейферт Андрей Андреевич из Ростова н/Дону, Покровский переулок 83 разыскивает жену Анастасию Ильинишну Сейферт, а также донских казаков Аксайской ст. Дон, Кириченко Михаила, Пантелея и Федора Илларионовичей. Просит откликнуться Виктора и Елену Бутылкиных, приехавших на работу в Германию в 1924 г.
Andreas Seifert (10), Hainberg, Post Colditz/Sa Heilstätte f. volksd. Umsiedler B. 20.

— Чебатарева Евсея Иванов., хут. Дьяконова, ст. Ермаковской, Дон, и Гугуева Карпа Иван., хут. Макеева, ст. Вольнодонской, просят сообщить свой адрес «Казачьему Вестнику».

— Растеряев Даниил, Зверинского района, Дон, разыскивает жену Наталию, дочь Марию и сына Николая. Лиц, знающих их местонахождение, просит сообщить:
Lauffen (Neckar), Miltowstr. 80.

— Васильев Анатолий Данилович, Новочеркасск, Дон, разыскивает родных и знакомых. Просит писать по адресу:
Frankfurt a./M., Ned. Oeserstr. 16.

— Трущенко Федор, ст. Гладковской, Кубань, разыскивает сына Николая, вступив. добровольцем в отряд есаула Николаенка. Писать через «Каз. Вест.».

— Василенко Дмитрий Павлович, ст. Динской, Кубань, разыскивает отца Павла Наумовича Василенко, находив. с 1920 г. в Сербии. Писать на «Каз. Вест.».

— Семенников Емельян Васильевич, ст. Иловлинской, Дон, разыскивает братьев Василия, Якова и Владимира Васильевичей Семенниковых, ст. Н. Орловской, и сестру Василиссу В. Шалунову. Писать:
Kirchmözer a./H. bei Brandenburg, Franzosenlager St. 11.

— Данилова Рыта, ст. Ладожской, Кубань, разыскивает отца Сергея Данилова и дядю Михаила Сменова. Писать:
Ausländerstelle V. D. M. Frankfurt a./M. Neddernheim.

— Исаев Александр Пантелеевич, ст. Луганской, Дон, разыскивает отца. Писать через «Каз. Вестник».

— Терновсков Георгий Никитич, хут. Корбовка, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает тестя Якова Андрианович и шурина Василия Яковлевича Щепетковых, эмигрантов 1920 г., находившихся в Сербии. Писать:
Ternowski Georg. Gemeinschaftslager. Sportplatz. Trier-West.

— Авдеев Владимир Васильевич, ст. Богоявленской, Дон, разыскивает брата Михаила, проживавшего в Болгарии, а среди новой эмиграции — родственников и одностаничников. Писать:
Wurmlingen (Wüttenberg) Hauptstr., 40. Krs. Tuttlingen.

— Травкин А. М., ст. Темиргоевской, Кубань, разыскивает отца Михаила Мих. Травкина. Писать через «К. В.».

— Каламыйцев Андрей Петрович, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сыновей Владимира и Михаила. Писать по адресу:
Trier-West. Sportplatz. Gemeinschaftslager.

— Насонов Павел Васильевич, хут. Верхняковского, ст. Мигулинской, Дон, разыскивает родственников и одностаничников. Писать:
Stalag XI. B/Z Bergin-Belsin. Celle.

— Братья Пузановы Федор и Иван Алексеевичи, ст. Ермаковской, Дон, разыскивают двоюр. брата Иосифа Ивановича Аксенова, рожд. 1900 г., Ивана Семеновича Гужева и Адриана Васильевича Михайлова — казаков той же станицы и эмигрантов 1920 г. Писать по адресу:
Nürnberg. Milchhofstr., 2 Bayerische Milchversorgung.

— Линников, хут. Крымского, ст. Раздорской, Дон, разыскивает Алексея и Петра Андреевича Каможнова и хуторцов. Писать:
Trzebinia O/Schl. WS. 2 Pionier Kompanie. Eisenbahnlager.

— Димитров Никандр Николаевич, ст. Кременской, Дон, разыскивает Митрофана Руфовича Елатонцева. Писать через «К. В.»

— Панькин Иван Наумович, ст. Ново-Золотовской, Дон, разыскивает свояка Тимофея Ивановича Абрамова, братьев Ивана и Александра Воскобойниковых — казаков ст. Константиновской, хут. Мало-Мечетного и Александра Александровича Попова, ст. Старо-Золотовской. Писать:
Nürnberg. Milchhofstr., 2 Bayerische Milchversorgung.

— Долженко Василий Васильевич, ст. Раздорской, хут. Крымского, Дон, разыскивает Алпатьева Петра Алексеевича.
Eisenbahnlager. Trzebinia O/Schl. WS. 2 Pi Kompanie.

— Кочетков Павел Трофимович, хут. Королевка, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает Никифора Антоновича Усачева, эмигранта 1920 г. находившегося в Болгарии. Писать:
Gemeinschaftslager Sportplatz. Trier-West.

— Титов Алексей Евстаф., ст. Усть-Быстрянской, Дон, разыскивает Василия Илл. Логвинова. Писать через «Каз. Вест.».

— Колесникова Ивана Петровича, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сестра Валентина Аникина. Писать:
Linz O/Donau. Lager 57. B. 8—4.

— Подройкин Петр Федорович, хут. Верхне-Янченкова, ст. Богаевской, Дон, разыскивает Семена Ильича Семизорова, Михаила Петровича Свечникова и хуторцов. Писать:
Tzrebinia O/Schl. Eisenbahnlager. 2 Pi Kompanie.

— Рыбалкина Мария, разыскивает родственницу Зинаиду Викентьевну Симонович, родив. в Волочиске, 1907 г. Писать:
Peiskretscham O/Schl. Sportplatz.

— Инж. Поляков Федор Федор., ст. В.-Гниловской, Дон, разыскивает родственников — беженцев из СССР. Писать:
Nürnberg 13a. Wiesenfeldlager 21.

— Ганин Ефим Иванович, Краснодонского района, разыскивает сына Бориса, выехавшего в Германию 9. X. 1942.
Trier-West. Sportplatz. Gemeinschaftslager.

— Кобзарь Василий, разыскивает казаков Тихона Чурбасова и Леонтия Бесхлебова. Писать:
W. Kobsar. Bockleben Lüchowland.

— Донецких Алексея и Михаила Федоровичей, эвакуировавшихся в 1920 г. в Сербию, разыскивает родственница. Лиц, знающих их местопребывание, просят сообщить по адресу:
Marie Tileptschi. Umsiedlungslager Mayerling Krs. Baden. Niederdonau.

— Путилин Семен Александрович, ст. Калитвенской, Дон, разыскивает родственников — беженцев из СССР. Писать:
Nürnberg 13a. Schweinrumstr., 38 Schloss Egg.

— Читинов Бадьма, ст. Батлаевской, Дон, разыскивает братьев Дудек, Даля, и станичников. Писать через «Каз. Вест.».

— Шевчук Анна Алексеевна, ст. Батуринской, Кубань, разыскивает братьев Григория и Федора Алексеевичей Шевчук. Лиц, знающих их местопребывание, просят сообщить:
Anton Bondarenko (5a), Dirschau-Nord. Gemeinschaftslager.

— Лубянов Иван Пантелеймонович, ст. Кущевской, Кубань, разыскивает зятя Степана Ивановича Брайкова, эмигриров. в 1920 г. в Болгарию, и брата Михаила Федоровича Ткаченко, отступившего с Германской армией в 1943 г. Писать:
Warschau C 1. Postfach 13.

— Мишустин Антон Федорович, хут. Королевка, ст. Гундоровская, Дон, разыскивает брата Тимофея, отставшего от транспорта в гор. Перемышле. Писать:
Trier-West. Sportplatz. Gemeinschaftslager.

— Горин Яков Тимофеевич, с. Елизаветинское, Ставрополь, разыскивает сына Кузьму, находящегося в Казачьих частях. Писать:
Gorin Jakow. Reichsbahnlager 10. Gürtelstrasse Linz-Donau.

— Соцков Петр, хут. Рязанкина, ст. Милютинской, Дон, разыскивает дядю Александра Андреевича Соцкова и Ивана Александровича Федорова, хут. Талового, ст. Екатерининской, Дон. Писать:
Oberhausen. Rhld. Fabrik Klzamssolza Lager.

— Дьячевский Петр Никитич, ст. Поповичевской, Кубань, разыскивает родных и одностаничников. Писать:
Rokitzan 27/III Protektorat.

— Ковалев Петр Федорович, ст. Богаевской, Дон, разыскивает сына Василия, рожд. 1925 г. Писать:
Lehrte bei Hannover Lager „Ida" B. 10. Z. 9.

— Мухаринов Ануй разыскивает братьев-эмигрантов Пату, Персю, Херемче Мухариновых. Писать через «Каз. Вест.».

— Косачев Алексей Васильевич, ст. Луганской, Дон, разыскивает отца. Писать:
Gladbeck i. West. Brauckstr. 59. Arbeitslager.

— Яроцкий Филипп Гордеевич, ст. Удобной, Кубань, разыскивает родных. Писать через «Каз. Вест.».

— Рытиковы Степан Антонович с сыном Николаем, ст. Гундоровской, Дон, разыскивают дядю-эмигранта 1920 г. Григория Федосеевича Усачева. Писать:
Heldrungen (Ustrut.) Gemeinschaftslager „Thüringen-Pforte".

— Худина Павел Григорьевич, ст. Крыловской, Кубань, разыскивает родных. Писать через «Каз. Вест.».

— Сторчак Алексей, ст. Каневской, Кубань, разыскивает дядю Ивана Федоровича Никля. Писать на «Каз. Вест.».

— Пензев Савелий Павлович, ст. Восточной, Кубань, разыскивает сына Алексея. Писать на «К. В.».

— Вовк Иван Григорьевич, хут. Пархомы, Козелщанского района, Кременчугского округа, разыскивает дядю Дмитрия Семеновича Вовка. Писать:
Halle/Saale, Reelkasarne 128 L. S.

— Горбачев Федор Иванович, ст. Перекопской, Дон, разыскивает Михаила Семеновича Юдина, двоюр. брата Семена Терентьевича Селиванова и Илларион Денисовича Горбачева. Писать:
Heerte über Wolfenbüttel Waldlager D.

— Альшинский Л., разыскивает Вас. Евт. Панченко, ст. Старо-Минской, Кубань, и Ивана Григ. Фиснера из Анапы. Писать:
Halbturn N/D Forschungszentrale.

— Харламов Александр Емельянович, хут. Таловой, ст. Митякинская, Дон, разыскивает Петра Дьякова, Никишина Василия, Кондрашева, эмигрантов 1920 г. Писать по адресу:
Warschau C. 1. Postfach 41.

— Зайцев Михаил Александрович, ст. Романовской, Дон, разыскивает дядю Петра Леонтьевича Воробьева, эмигранта 1920 г., проживав. во Франции. Писать по адресу:
Kneuttingen, Wiesenstr. 45 a, Westmark.

— Каганцев Александр Михайлович, ст. Вознесенской, Кубань, разыскивает отца Михаила Каганцева, брата Ивана, дядю Григория и Василия Каганцевых, тестя, ст. Спокойной, Горемыкина Егора Игнатьев., сыновей Николая, Михаила и брата Алексея Каганцевых и зятя ст. Динской, Дидык Александра. Лиц, знающих их местопребывание, сообщить «Каз. Вест.».

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". — **Aufsichtsamt Nr. 25.**

Gutenštejnka ul. č. 6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE · КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 14 (71) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ИЮЛЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК
Выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация „Der Kosakenbote"
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70
Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1
Postfach. 188 Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает
Гонорар не платится

Три года.

22-го июня 1941 года Германская Армия и ее Союзники начали крестовый поход против жидо-большевизма на Востоке. Этот день останется памятным и знаменательным на вечное время в мировой истории, ибо тогда отважное решение Вождя Немецкого Народа Адольфа Гитлера предотвратило большевицкое вторжение в Европу и сохранило культурные европейские народы от жидо-большевицкого порабощения.

Перед тремя годами, когда началась оборонительная война за Европу, Германская и союзные армии ясно представляли себе, какая опасность грозила с Востока, где большевики при помощи мирового жидовства готовились к войне, милитаризировали все население огромной страны, снизив его жизнь под человеческий уровень.

Уже в 1925 году большевики начали организовывать мощную красную армию и строить гигантские оружейные заводы и за 15 лет вооружения, создали за счет эксплоатируемого населения страны массу военного материала.

Начатая война англо-американцев, поддерживаемых и подстрекаемых мировым жидовством, против возрождающейся национальной Великогермании, давала возможность московским большевикам к осуществлению давно приготовляемого плана нападения на Европу, который они предполагали провести осенью 1941 года. Вождь Немецкого народа А. Гитлер предвидел эту страшную опасность, грозившую заплавить Европу жидо-большевицким ядом и взял на себя и на Немецкий народ огромную ответственность, всеми своими силами стать на отпор и охранить европейские народы от большевицкого рабства.

За три года войны с Советами Германская Армия и ее союзники нанесли красной армии такие сокрушительные удары, от которых она вряд-ли оправиться и разоблачили всю преступную сущность большевицкой идеологии с ее каторжной, рабской системой и конечными целями мировой революции.

Война с жидо-большевицким сталинским режимом дала возможность порабощенным народам СССР принять активное участие в освобождении из под большевицкого ига. В антибольшевицкую войну включились одними из первых наводов Востока и казаки, вступив в добровольные формирования протибольшевицких частей, чтобы взяв в руки оружие громить своего смертельного врага — большевиков.

В настоящий момент Европа находится в решающей фазе войны, конечным результатом которой будет победа духа здоровых национальных начал культурной и свободной Европы над темными жидо-коммунистическими и плутократическими мировыми силами.

Казаки своим активным участием в настоящей войне завоевывают себе должное место в семье европейских народов. В дни, когда родится новая национальная Европа, возродится и славное Казачество.

Родные места. «Река Псекупс и Волчьи ворота». На Кубани.

Archiv „Der Kosakenbote".

А. Ленивов:

Среди болот и лесов.

Кровью пишется история Казачества, но казачья кровь не льется даром! Наступит день, когда каждый должен будет указать, что он сделал для уничтожения большевизма и водворения нового порядка в старой обветшавшей Европе. Кровью писанные страницы современной казачьей истории, будучи прочитанными вслух в «этот день, возвестят начало новой свободной и славной жизни для Казачества...

Пережив страдные тягости многомесячной борьбы с красными партизанами в болотах и лесах Украины, возможно ныне писать о том, как казаки дрались против последних.

Заднепровье! Июль 1943 года... В зное жаркого дня звучит залихватская песня, привлекающая внимание всех окрестных поселян, смотрящих с удивлением вслед удаляющейся моторизованной колонне. Еще раз доблестные казаки, следуя приказу немецкого командования, идут походом на подлого, заклятого врага, свившего себе гнездо в заднепровских болотах и лесах.

Вооруженная борьба против красных партизан, конечно, не есть война классического образца, каковая наблюдается на фронтах внешних войн. Трущобы в болотистой местности, деревья, кусты, балки в лесах, определяют в наличии опасность, ибо здесь скрываются те, которых народная молва, называла партизанами. Кто были эти последние, никаких раз'яснений не приходилось искать, ибо тогда было установлено, что Москва посылала своих отборных коммунистов в тыл немецкой армии, имеющих заданием инсценировать и инспирировать т. н. партизанское движение на Украине. В описываемом случае, село Старое, находящееся в 70 километрах на юго-восток от Киева, населенное исключительно великороссами и расположенное в стороне от больших проезжих дорог, не могло не привлечь внимания красного командования. В соответствии с приведенным, в начале июля вышеозначенного года здесь имел место воздушный десант регулярного отряда красной армии, который должен был организовать партизанское движение в этой глухой части Украины. Красноармейцы спустившиеся на парашютах, обосновались в громадном лесу, неподалеку от с. Старого и приступив к формированию повстанческих отрядов за счет местного населения, начали совершать разбойничьи нападения на коммуникационные пути общения немецких войск.

В глухую полночь, средь блеска молний и раскатов грома, под проливным дождем, казачья моторизованная колонна, сопровождаемая батареями «флаг» (скорострельная антиавиационная) и «пак» (скорострельная антитанковая) артиллерией, покинула с. Старое и двинулась на северо-восток, имея заданием уничтожение партизанских банд, скрывающихся в соседствующих с селением лесах и болотах. Заливаемые дождем и загрузая по колено в грязь, казаки вытаскивали свои автомашины, которые идя на малой скорости, тонули в буквальном смысле слова в трясине. Главные трудности были, однако, впереди, ибо казакам было вменено в обязанность обследовать лес, имеющий 14 километров в ширину и 19 километров в длину.

Ранним утром голова казачьей моторизованной колонны попала в засаду, организованную партизанами. Передние казачьи автомашины, пробиравшиеся по узким лесным дорогам, при выезде на широкую прогалину, наскочили на минное поле, где подорвались два грузовика. Одновременно последовал сильный ружейный и пулеметный обстрел со стороны партизан, сидевших в зарослях и на деревьях, где преимущественно находились пулеметчики, т. н. «кукушечники». В результате этого нападения, несколько казаков было убито, раненых же оказалось много больше. Подоспевшие орудия легкого «флак», быстро снявшись с передков и заняв позицию, нанесли своим ураганным огнем большие потери партизанам, которые быстро скрылись в лесной чаще, после чего движение моторизованной колонны снова было открыто!

Заняв назначенные пункты в центральной части леса, казачий отряд, разделившийся на три колонны, стал на ночлег. Главная дорога, делившая лес на две половины, была занята казаками, быстро возведшими скоростелые опорные пункты на всем протяжении дороги, почему последняя находилась всецело под казачьим контролем. В местах, где к дороге прилежали более или менее открытые прогалины, были установлены орудия «флак», тщательно замаскированные. Боевой план сводился к следующему, две казачьи колонны, имеющие наблюдение за главной дорогой, должны были принять на себя удары партизан, которых надлежало выгнать из обследуемой половины леса третьей казачьей колонне с «пак» батареей.

Темной ночью, лежа в окопах у дороги, казаки с приготовленными пулеметами и ручными гранатами, ожидали врага, который не замедлил об'явиться! В течение всей ночи, партизаны пытались переходить во многих местах дорогу, но неизменно были отгоняемы казаками обратно в лесную чащу. В имевших место перестрелках было захвачено несколько десятков партизан, допрос которых установил точную численность партизанских банд, скрывающихся в лесу. Наступивший рассвет дал возможность казачьей разведке установить, что перед казачьими опорными пунктами лежали многочисленные трупы убитых бандитов...

К полудню, цепи третьей казачьей колонны вышли к большой дороге, партизаны же, как выяснилось в дальнейшем, успели выйти из обследуемой половины леса через заросшую балку и скрыться в другой половине леса. В соответствии с полученными результатами обследования, казачьи колонны повернули фронт на большей дороге на другую половину леса, в тыл которой зашла третья казачья колонна, немедленно начавшая движение с целью загона партизан на казачью засаду. Продираясь сквозь лесную чащу, казачьи цепи, осматривая тщательным образом пересеченную местность леса, поддерживают не только зримую, но и слуховую связь, оглашая громкими криками лесную тишину.

Цель достигнута, партизанские банды оказались в тесном казачьем кольце! Испуганные продвижением казачьих цепей с противоположной стороны и устрашенные сильным гулом автомашин, непрерывно патрулирующих на лесных окраинах, партизаны двинулись на прорыв... Одна банда численностью до полуторста человек, была поголовно расстреляна казачьими пулеметами и «флак», когда пытались вырваться из леса и уйти в степь. Другая банда, прорвавшаяся было через большую дорогу, была немедленно окружена казаками и после двухчасового боя, совершенно ликвидирована, свидетельством чего остались лежать на земле до ста трупов убитых партизан. Третья банда, достигавшая численности до трехсот человек, сумела вырваться из кольца окружения и пробраться к днепровским плавням, где закрепилась в селе Р. Все три казачьи колонны сосредоточившиеся у последнего селения, после основательной артиллерийской подготовки, ворвавшись в с. Р., в кровопролитном рукопашном бою, работая штыками, ручными гранатами, ручными пулеметами и пистолетами, положили на месте всех партизан, общим числом в триста двадцать две головы, захватив всего 33 пулемета, 12 гранатометов и несколько сот винтовок, как и партизанское знамя, красную тряпку с прикленным портретом Сталина!

Дела казачьи — слава казачья, борьба на смерть — право на свободную жизнь!

В. К-в.

Казачья кровь.

Познакомился я с казаком Григорием К. в лазарете. Он — доброволец Немецкой армии, в бою получил ранение и прибыл в наш лазарет.

Когда я вошел в палату, Григорий сидел на больничной койке и рассматривал иллюстрации в немецком журнале. Несколько суровый вид лица отражал недавно перенесенные тяжелые страдания, однако рана его больше не беспокоила, и он чувствовал себя хорошо. У него было желание говорить, и я попросил его:

— Гриша, расскажи мне про свою жизнь.

Григорий взглянул на меня серьезными светло-карими глазами и ответил:

— Хорошо, станичник. Расскажу я тебе про себя, без прикрас, какой сложилась моя жизнь, каким шляхом двигалась. Моя жизнь — жизнь казака при советской власти. — И он продолжал:

«Поведаю несколько о роде своем. Дед был уже стар, когда провожал отца моего на войну с красными. На прощанье он сказал отцу: «Бейся за нашу Волю по-казачьи. Лучше умереть на бранном поле, чем в неволе жить. Не такой ты у меня, чтоб казачью честь опозорить. Да хранит тебя Бог!» Перекрестил и поцеловал по-православному, и помолчав, глухо и медленно добавил: «А если уж быть несчастью, окружат или что еще, на все воля Божья, в плен не отдавайся, лучше от своей руки умри». Уехал отец на фронт.

Два года не видели отца. Дед скончался. И вот поздним осенним вечером 1919 года явился отец домой на отдых, рука на перевязи, ранен. Помню я эти дни, мне было тогда 7 лет. Да не пришлось отцу долго отдыхать: горячее было время. И скоро он уехал опять на фронт. Прощаясь, поднял меня на руках, крепко поцеловал и сказал: «Живи казак!» А его деньки были уже сосчитаны. В бою захватили в плен большевики, — видно не успел оставить для себя пулю, — и замучили.

Начались на нашей Казачьей Земле новые порядки. Стали большевики вытравливать казачий дух. Оставшимся верхам Казачества, лучшему цвету его, кто не успел уйти заграницу, начались учеты, переучеты, допросы, аресты, расстрелы и высылки. Страшное готовилось и для остального Казачества. Оно наступило в 1922 г. — началась высылка казачества с родных Земель. Видят казаки гибель пришла, бросали дома свои, все имущество и уходили в леса, в города. Их ловили, арестовывали и вывозили из станиц. Началась страшная история уничтожения Казачества. Можно ли забыть эти ужасы?!

— Нет, Гриша, мы этого никогда не забудем! — воскликнул я.

— Да. В скором времени чуть не со всей станицей выдворили нашу семью. Мои два дяди успели скрыться от высылки. А мы очутились в вагоне, и уже на 12 сутки стоял наш товарняк на маленькой станции, в Западной Сибири, а везли куда-то еще дальше, в тайгу.

Сердце обливалось кровью — смертельная тоска душила грудь. В 16 лет, когда серьезные мысли о жизни уже тревожат тебя и рождается в голове столько сладких мечтаний и вот — ссылка. Это страшнее смерти. Видит мать, что томлюсь я, мучаюсь, говорит мне: «Уходи, сын». И я решился. Попрощался с матерью, родственниками и ночью выпрыгнул из вагона.

Долго блуждал по чужой земле, переходя из деревни в деревню. Я знал, домой возвращаться нельзя. А здесь начались холода. Наконец, пристроился на работу в одной деревушке.

В Бекешеве, так называлась деревня, друзей не имел, ни с кем не делился своими задушевными мыслями, так как не хотел вверять свою судьбу в чужие руки. И всегда, когда моя голова была свободна от забот о куске насущном, я мечтал о Кубани, о днях проведенных там, в далекой родной станице. В долгие, зимние ночи под дикое завывание вьюги, лежа на палатях и укрывшись с головой овчинной шубой, я припоминал до мельчайших подробностей все пережитое дома, многое передумал и мечтал о лучшем будущем. Какие прекрасные фантазии рождались в моей голове и сколько бодрости и силы вливали они в мое существо, и вера в лучшие дни жила во мне.

Здесь я принял решение: надо учиться, чтобы лучше понять жизнь, чтобы лучше бороться за будущее.

Покупаю у председателя сельского совета «пролетарские документы» по сходной цене — за четверть самогона и отправляюсь в Ленинград на учебу. Уже дело налаживалось, да заболел не во-время. А после болезни пришлось опять искать работу, искать кусок хлеба. Устроился в одном совхозе, невдалеке от Ленинграда.

Наступает многим памятный «голодный» 1933 гор. Хлеб у населения конфискуется. Чтобы спасти хлеб от из'ятия, кое-кто из колхозников и уцелевших единоличников стали его прятать. Начались повальные обыски, затем аресты и массовые суды «злостных неплательщиков и укрывателей хлебных излишков». Хлеб забран, и люди пухнут и мрут с голода. Уходят в города, в совхозы, чтобы найти кусок хлеба. На производствах получали в день 300 грамм хлеба и на обед щи из гнилой капусты.

В совхоз, где я работал, прибывали опухшие, полуживые украинцы. Они с рыданьями рассказывали о ужасах голода на Украине. Украинцы вымирали целыми селами. А у нас на Казачьих Землях некому было убирать трупы, лежащие на улицах станиц.

— Знаю я это время, жил я дома тогда, на Кубани, — подтвердил я.

— И по всем дорогам можно было видеть советских «странников» с мешками за плечами, медленно идущих искать кусок хлеба, спасения. Мерзавцы из правительства запретили проезд по жел. дорогам. А потом «народолюбивые» правители выпустили новое решение: постановление о паспортизации

населения в городах и городских зонах, с целью выявления чуждых элементов, как стояло в этом решении.

Дирекция совхоза запросила новые справки о моем социальном происхождении и положении по адресу, стоявшему в моем «купленном» в Сибири документе. Я был на-чеку и завязал «тесную дружбу» с Аехой — комсомольцем, работавшем в конторе совхоза. И вот через месяц контора получает ответ, что в их селе не родился и не крестился такой гражданин. Аеха сообщил мне «под большим секретом» про этот, по его мнению, странный ответ. Я подтвердил, что это недоразумение и т. п. А вечером за мешок с пожитками да на станцию. Но куда ехать?

Одинокое отчаяние и безвыходность, и очутился я через неделю на Кубани, в трех верстах от своей станицы, в хуторе у тети. Тетя была страшно исхудавшей, она кормилась одной кукурузой, которую дома толкла в ступке и варила мамалыгу. Вечером украдкой пошел я взглянуть на родную станицу. Что сталось с ней? Как же она, родная, изменилась! Дома и постройки поломаны, изгороди растащены, сады вырублены. На нашем подворье ничего не было, и только буйьян разросся по нему. После пожарища так бывает: пень да добротно врытый дубовый столб остались, горевать по приволью казачьей жизни. Мало увидишь людей по улицам, по вечерам не услышишь звонких песен и веселого смеха. На старое, заброшенное кладбище походила моя станица, и я ходил по нему, потерявший всех близких после грозной эпидемии. Да оно и вправду было так. Прошла большевицкая зараза по станицам и вырвала из них лучших казаков, разорила их дома и дворы.

Недолго мне пришлось печалиться о станице: на второй день под-вечер позвали меня в станичный совет, расспросили по какому случаю прибыл, а в три часа ночи уже состоялась моя первая встреча с уполномоченным ГПУ. Прием у него был не с «вежливым предложением хорошей папиросы», как обычно встречают «новичков» в ГПУ, а, глядя на мою молодость, решил уничтожить меня испугом, и начал страх нагонять криками, руганью в богов и стуком по столу браунингом. Кровь вскипела во мне. Он размахивал браунингом, а я ждал удара с сжатыми кулаками и молчал. После получасового бурного вступления и моего предупреждения, что я в таких условиях отвечать не буду, ход «беседы» круто изменился.

Товарищ уполномоченный сел, отер пот с красного лица, положил револьвер к левой руке, положил перед носом длинную отпечатанную анкету и тоном как мог ласковее спросил: «Как ваша фамилия?» Этот резкий переход на вежливый тон и вопрос о фамилии, ему так хорошо известной, невольно заставили меня улыбнуться. На некоторые вопросы я отвечал кратко: нет или не знаю. Он пробовал кричать — безрезультатно. А на рассвете отвели меня в общую камеру.

Вторая «беседа» состоялась через две недели и носила учебный характер, мне был преподан урок по юриспруденции с обширными комментариями: уложение политических преступлений, статья 58, все 10 пунктов. Ну, скажу тебе, станичник, занимательный урок вышел для моих 17 лет. Остаток ночи спать мне не пришлось: я все примерял к себе пункты 58-ой и меньше десяти лет со строгой изоляцией не выходило. Все надежды в эту ночь оставили меня. На утро друзья, коллеги по камере, не узнали меня: так я изменился за ночь.

Другие допросы не имели на меня сильных впечатлений, а для уполномоченного Чайкина — результатов. Я принял решение — умру, а дядей не выдам и был холодно спокоен. С бледным, осунувшимся лицом и молчаливым безразличием слушал я длинные речи уполномоченного. И товарищ Чайкин решился на одну хитрость.

После предварительной обработки он «уговорил меня» честной, преданной работой оправдать доверие советской власти. «Ты должен понять, что сов. власть строит счастливое коммунистическое общество, и в этом ему мешают сторонники старого, эксплоататорского мира, и их необходимо изолировать от населения (мы их не уничтожаем физически), они позднее убедяться в наших прекрасных целях и пойдут вместе с нами нога в ногу. А теперь своим отсталым сознанием они не понимают этого и мешают нашему строительству. Ты будешь сообщать о появившихся кулаках, или их адресах. Прислушивайся к разговорам, поддакивай, незаметно расспрашивай и подавай нам материалы. Подписывай для конспирации кличкой «кречет». Помни, все твои заслуги будут учтены». — Он передохнул, закурил папиросу и добавил: «Теперь необходимо соблюсти одну формальность: ты дашь подписку мне о невыезде из станицы и не разглашении нашего разговора. Знаешь, — окончил т. Чайкин, делая веселые глаза, — нам не интересно отпускать куда-то таких людей, мы в них сами нуждаемся и, не забудь, мы ими дорожим. А твоя жизнь только начинается»...

Я дал подписку и меня выпустили на волю. Шпиона из меня не вышло: через неделю я сбежал из станицы.

Много мне пришлось переменить мест. И один ли я был такой. Да всего не расскажешь... Последнее место работы в черкесском лесхозе. Лес граничил с казачьей станицей Курганной, в которой я и поселился. Большую часть времени проводил в лесу за работой или с книгой. Приезжали казаки за лесом, и часто мы задушевно беседовали среди преданных молчаливых дубов.

А в 1938 г. «повернулись лицом» к казачеству «народолюбивое» правительство и провозгласило вовсеуслышание: «казачество стало красным, советским. Впредь оно призывается в ряды красной армии для защиты коммунистической родины. Будут созданы казачьи воинские части. Впредь казачеству разрешается носить свою казачью форму».

Но казаки хорошо знали, что коммунистическая родина — не есть родина казаков. И ждали. А жизнь тянулась и дальше все такая же тяжелая, безрадостно-серая, бессмысленно-глупая, а молодые годы уходили безвозвратно, тоска по воле выматывала силы, и слабела вера в лучшие дни...

Григорий замолчал и печально задумался. Его рассказ навеял и на меня грустные воспоминания о моих безрадостных, так глупо прожитых лучших годах жизни. — Ну и дальше, Гриша? — спросил я его.

Григорий встряхнул темнорусыми волосами, как бы отгоняя набежавшие грустные мысли приподнял голову и продолжал:

«Но это не все. Началась война. Знал я, что война несет для нас новые жертвы, и все же я был рад ей: появилась надежда изменить положение в нашей жизни. Скоро и меня призвали защищать «родину социализма». И я оказался на противной стороне. И я твердо верю: по-советски жить казаки больше не будут, уж не будуть гонять нас, как волков, по родной земле. Мы боремся за право на жизнь, за казачью родину, и мы должны победить!»

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

Сегодня получил чрезвычайно неприятную новость. С глубоким прискорбием сообщаю Вам о крупной потери. Погиб один из славных боевых наших станичников, погиб смертью храбрых Походный Атаман и член Главного Управления казачьих войск полковник **Павлов** Сергей Васильевич. 17-го июня он был убит на Восточном фронте советскими партизанами.

В лице Сергея Васильевича мы потеряли одного из крупных военных деятелей нашего времени руководителя Казачества и большого патриота. Он являлся первым организатором казачьего добровольческого движения, он один из первых положил начало формированию Штаба Войска Донского и формирования добровольческих казачьих об'единений для борьбы против большевиков. Он приступил к этой славной ответственной и тяжелой работе еще в июле 1942 года, с первых дней прихода Германской армии на Дон и с тех пор упорно и неустанно работал в этом направлении, с присущей ему настойчивостью, преодолевал все трудности и сглаживал все шероховатости своим упорством. Он был душой казаков и вместе с ними лично разделял все тягости и лишения войны. Он глубоко верил, что Казачество стало на верный путь и что при помощи Германской армии большевизм будет уничтожен, и что казаки возвратятся в свои родные станицы и приступят с новой силой и энергией к восстановлению измученной, многострадальной Родины.

Кто из казаков не знает Походного Атамана Сергея Васильевича Павлова? Все. Он являлся олицетворением Казачества, все мы в него верили, верили в то, что он вернет нас на родные Казачьи земли. Сергей Васильевич любил свою Родину, больше самого себя. Любил привольный Дон и широкие его степи, любил казаков и его любили казаки. Он был полон ненависти к жидо-большевикам и горел желанием мстить им беспощадно.

Сергей Васильевич начал борьбу с большевиками на Дону в родной столице Новочеркасске, вместе со своими частями отходил на Запад, лично участвовал в боях. Он до последнего момента не отрывался от фронта. Сам лично водил своих молодцов казаков в бой на партизан. Он был смел, храбр и настойчив. Презирал трусов и не боялся смерти. И вот одна из многих операций против большевицких банд положила конец его славной жизни. Он погиб как славный храбрый воин в борьбе с партизанами — большевиками.

Казачество потеряло в лице Сергея Васильевича лучшего из лучших людей и хорошего храброго казака. Он не заменим и мы на могиле его должны покляться отомстить убийцам и начатое им дело борьбы с иудо-большевизмом довести до конца.

Имя его будет записано в историю казачества и мы не забудем С. В. никогда. Память о нем будет вечная.

Полковник В. Беляевский.

Пишите точно и четко свой адрес! Каждую перемену своего адреса немедленно сообщайте в Казачью канцелярию!

Письмо Архиепископа Николая Донского и Новочеркасского.

Руководителю Казачьего Национального Движения инж. В. Г. Глазкову, казаку ст. Иловлинской Всевеликого Войска Донского.

Вам лично и в Вашем лице всему Казачеству, от сердца к сердцу станичника, шлю родной казачий привет!

Прежде всего, дорогой станичник, разрешите выразить Вам глубокую признательность за всестороннюю активную, самоотверженную работу на пользу родного нам Казачества. Бог Вам в помощь, да ниспошлет Вам Всевышний сил и мудрости.

От всей души желаю широкого процветания печатному органу «Казачий Вестник», вдохновляющему, оживляющему огненные живые силы масс, легионы героев преисполненых неукротимой энергией, легионы рыцарей национальной идеи. Эта идея одухотворяет народные силы в борьбе против бозбожной большевицкой власти и совершает свое большое дело.

Будущее нашего Казачьего народа зависит не только от воли отдельных жертвенных идеалистов, не только от группы героев, обрекающих себя для священной борьбы, но и от всего нынешнего поколения Казачества, которое, будет ли на должной высоте, войдет в историю, как целое поколение героев, казаков-рыцарей.

В своем обращении к казакам («Казачий Вестник» № 25 (31)) от 25. XII. 1942 г., Вы, дорогой Руководитель, выразили: «Казаки! Пусть тени наших Великих Атаманов, героев и мучеников за казачьи Права и Вольности **благословляют** наши дела и подвиги». Да, подвиг сегодня становится священной обязанностью каждого истинного казака-патриота. Когда льется кровь тысяч и тысяч наших братьев, нет и не может быть среди нас безучастных зрителей исторических событий, которые предопределят и будущее нашего Казачества. Души наших великих Атаманов, героев и мучеников поистине вдохновляют на подвиг, а сила Креста Господня с молитвой и несокрушимой верой ведут к победе.

Помимо своих прямых пастырских обязанностей я принимаю участие и в общеполезном деле проповеди борьбы с большевизмом, т. к. знаю, что если большевика можно уничтожить оружием, то сам сатанинский большевизм можно убить только надлежащим оружием, в котором должны принять все чёстные и здоровые культурные силы нашего Казачества. Здесь должен отметить особенно Вашу большую работу и заслугу.

Поскольку я казак, я считаю своей обязанностью быть в своей родной Казачьей семье и быть полезным своему Казачеству. Как Архиепископ устанавливаю братскую связь и всегда готов к служению на пользу и благо нашего страждущего Казачества.

С молитвой к Всевышнему и с любовью

Архиепископ Николай,

Донской и Новочеркасский, казак ст. Александро-Грушевской, в мире Автономов.

Все наши помыслы, все наши стремления должны быть направлены только к достижению воскресения и возрождения Казачества и нашей Казачьей Родины. Это в свою очередь требует от нас сплоченности и единения, общенаправленности и крайней жертвенности.

(«Казачий Вестник» № 65—66).

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

Глава III.

Степан Еременко женился, как и большинство казаков, еще до действительной службы. Парубкуя, он облюбовал себе дочь Захара Беспалова, тульского мужика, переселившегося в старое доброе время на заработки в богатую Казачью землю. Ухаживал, ухаживал, да дошло дело до венца.

Напрасно говорили ему родители, чтобы не женился на мужичке, ну да ведь, любовь свое берет, и добрые советы старых людей не проникали через любовную оболочку молодого сердца.

Отговаривали и приятели парубки.

— Чего ты, Степан, на русской женишься, хиба-ж казачек мало?

— А не все равно, — отвечал, — и эта девка не плохая. Оказачится, Бог даст.

Вопреки всяким благоразумным советам Степан повенчался, прожил с молодой женой два года, да и пошел в полк на службу. На целых четыре года оторвался от семьи. Всю Персию исколесил за время службы, с шахсеванами не раз дрался, с курдами рубился, и уж срок на льготу подходил, но как раз вспыхнула война и опять полетели дни за днями в беспрестанных походах, в тяжелых боях...

Сначала по молодости лет все было в охотку, и в вихре полковой жизни с сигналами и командами не было минуты для посторонних размышлений, но служба затянулась, все мысли невольно тянулись к родному дому, где все хозяйство лежало на его жене.

Отец-старик из сил выбился, на старости лет не мог не только справится с хозяйством, но и вообще-то быть хорошим помощником. Младший брат Михаил только что подрос, а мать с утра до вечера у печки возится, с горшками, да за скотиной ходит. Вся же полевая работа легла на плечи жены.

Евдокия, так звали Степанову жену, работала за десятерых. Баба была здоровая, детей не рожала, силы хоть отбавляй. День деньской бывало работает и устали не замечает. Пахота ли началась, она уже в степи за плугом ходит, на быков покрикивает; подошел Петров день — за косу взялась; с уборкой хлебов было тяжеленько, но и то кое-как справлялась. Редко когда прибегала к чужой помощи, и то, разве тогда, когда, Захар предложит свои услуги, чтобы помочь дочери.

Задумается бывало Степан, а особенно в долгие осенние ночи, где-нибудь в сторожевке, и так потянет в станицу, что хоть бросай службу и беги...

Но нет, нельзя, он не русский солдат, которому можно быть дезертиром, он казак. Должен до конца тянуть служебную лямку, чтобы не случилось. Два раза за все семь лет побывал дома, но что можно сделать за короткий отпуск. Не успеет приехать, отдохнуть, навестить всех родственников, и обратно в полк. Таким образом, Евдокия сделалась хозяйкой и своей работой и молчаливым характером завоевала любовь и у родителей Степана.

— Не невестка, а золото! — часто слышал Степан от своей матери, и сердце его радовалось за свой выбор жены.

В такие минуты он был щедр на подарки и, не только Евдокия, но и Захар с семьей получали кое-что для хозяйства от добраго зятя, а всякий приезд его обставлялся торжественностью с пирушками и затяжными попойками, где на первом месте находилась вся женина родня.

По своей простоте и казачьей доброте, он окончательно запутался в Беспаловской паутине и опустившись на дно мужичьего болота, выбраться оттуда не мог. Зеленая паутина засосала его с головой...

Захар Беспалов был ремесленник. Как и всюду в станицах подобный пришлый элемент быстро ассимилировался, привыкал к казакам, своим ремеслом зарабатывал большие деньги и в короткий срок обзаводился собственной хатой. Но отсутствие пахотной земли вызывало постоянную зависть и, несмотря на все благости станичной жизни, рождалось недовольство. Добро забывалось, а зло выплывало наружу. И нередко меж собой мужики толковали о том, что хорошо бы уравнять всех в правах и разделить землю поровну. Но об этом говорилось только потихоньку, в своей среде, не вызывая никаких подозрений, наружно же льстили казакам и всячески заискивали перед станичными властями, ибо в любой момент могли быть удалены из области, как вредный элемент. Таков был и Захар и вся его семья, не исключая и Евдокии, сделавшейся казачкой. Если Евдокия молча переносила все ворчания свекрови и работала как вол, так только потому, что так нужно было для собственного блага и в рассчете на материальные выгоды.

Лесть и безропотное молчание были на первом плане, зло и недовольство до поры до времени откладывалось за каменный барьер темной мужицкой души.

Помогая, иногда, своей дочери в полевых работах, Захар без стеснения и страха обрушивался на казаков, и полную волю давал своему злому языку. Евдокия вполне сочувствовала отцу и без слов понимала мужичьи чаяния.

— Ишь, землищи то сколько, — говаривал Захар, показывая закорузлым пальцем на станичный юрт, — как у панов у каких, а тут вот и помереть негде.

— Нагайками выколотили, тятенька, — ехидно улыбалась Евдокия, — ничаво, придет время и для нас, не все им барствовать. Вон, все бають, что скоро революция будет, так всем мужикам землю дадут, какая то конституция придет.

— Прядти то она прядет, да кабы опять ее плятьми то не зашибли?

— Степан то сказывал, что тапереча и казаки понимают мужичью нужду.

— Не верю им... говорят одно, а на уме то другое. Подлый народ!..

— Ну, Степан то, совсем другой, — вступалась Евдокия за своего мужа.

— Не залезешь к нему в душу... Может с нами одно, а как сошелся со своими, так и по другому.

Как раз на радость Захару и ему подобных «пришла» и революция... Замутился народ, замитинговал. Стали раздаваться голоса о казачьих богатствах, о привольных землях. Разгорелись глаза на чужое добро, потянулись жадные руки. Появились агитаторы из Москвы, которым нужно было уничтожить Казачество. Не отстал, конечно, и Захар Беспалов. Бегал по станице сломя голову и, опираясь на зятя-казака, настаивал на разделе юртовой земли. Евдокия поддерживала отца и на всех перекрестках кричала о «слабоде».

Вокруг Захара об'единилось все иногороднее население и образовало сплоченную группу, открыто выступавшую на митингах и имевшую поддержку в кипах революционных декретов. Вскоре же подоспел и большевизм с ленинскими утопиями, посягнувший не только на вековые традиции и заветы Казачества, но и на само Казачество, как нацию, или сословие, совершенно чуждое великорусскому народу. Группа Беспалова окончательно выступила на сцену станичной жизни, и избегала открытой борьбы потому лишь, что иногородных то в станице было не много, русские солдаты — «победители» долго задерживались на севере и в глушь еще не лезли, а казаки не так легко здавались на подобные требования.

Вот в такую среду по приезде с фронта попал Степан Еременко.

С одной стороны митинговые речи вынырнувших из подполья вершителей русских судеб, с другой — любимая жена, державшая в своих руках все хозяйство и женина родня, постоянно плакавшая о горькой доле беззаконного мужика. Эти причины побудили Степана быть защитником «угнетенных» и обиженных и выступать на всех сборах в пользу иногородних.

— Земли, хиба, жалко? Хватит ее на всех, так лучше в мире жить! — неизменно отвечал он на пытливые вопросы своих станичников, и тут же сердито добавлял: — довольно уж кровушку лить, будя!

В узком понимании Степана не укладывалась мысль, что поделивши землю, хотя бы и поровну, мира, желанного всеми мира, все равно не получишь. Не в одной земле дело. Надвигался враг с другими целями: уничтожить, разбить, покорить и влить в обще-русскую гущу, чтобы о славном прошлом Казачества не осталось и следа. Попытки к рассказачиванию наблюдались и ранее при всех российских правителях и большевики по проторенной дорожке двигались из центра.

По своему непониманию всех назревших событий Степан и ему подобные очутились в противоположном лагере и, вопреки грозным предупреждениям стариков, бессознательно рубили тот сук, на котором сидели сами и на чем держалось все Войско.

(Продолжение следует).

О. Калаус:

Путь от раз'единения к единству Казачества.

(Окончание).

Ожидающие чуда. — Что же происходило среди тех, кто устояли перед соблазном возвращения на родину и остались на чужбине?

Бывшие кадры Освага, контрразведок и полиции если не все, то во всяком случае весьма многие, устроились по специальности во всех странах Версальской Европы. Их «благотворную» деятельность казаки чувствовали на себе всегда, когда казачьи дела, прошения и заявления, рассматривались правительственными учреждениями на основе референций специальных сотрудников. Заслугой этих же сотрудников стала общепризнаной, особенно в странах наибольшего расселения казаков, тенденциозная русская теория о происхождении и назначении Казачества.

С такой аттестацией трудно было казакам устраивать свое вынужденное пребывание на чужбине. Потребовалось несколько лет, чтобы своим трудолюбием, дисциплинированностью и честностью могли казаки преодолеть созданное против них предубеждение. Было утеряно много драгоценного времени и люди с колоссальным трудолюбием и хозяйственным инстинктом не могли, за редчайшими исключениями, сносно устроиться в странах, где казачий хозяйственный опыт и сила могли творить чудеса. Люди, официально представлявшие Казачество на чужбине, не могли сделать многого. Их воля и действия были парализованы слепой и безрассудной верой в то, что вот мол «не сегодня, завтра пробудится русский народ, восстанет против советской власти и позовет нас себе на помощь». Верили в возможность чуда. Эта вера заставляла их держать казаков в сотнях, полках, дивизиях, сковывала их инициативу и свободу. Все, кто видели абсурдность веры в русское чудо, считались врагами. Совершенно не учитывалась создавшаяся общая политическая обстановка. Руководящие верхи думали полковыми или дивизионными, а не государственными категориями. Не было сделано ни одной разумной попытки устройства казаков на землю, хотя к этому были все данные. Никто не отважился изменить воинскую форму похода на форму хозяйственно-политическую. И поэтому казачьи войсковые части вскоре превратились в дешовый и удобный резервуар рабочей силы для плантаторов и капиталистов. Перуанская авантюра как нельзя лучше характеризует политические и хозяйственные категории, какими мыслили казаки, верующие в русское чудо.

Не во всех, однако, вопросах казачьи оффициальные представительства были безпомощны. В вопросе борьбы с самостийничеством и самостийниками они проявили завидное упорство и постоянство. Здесь некоторые сумели добиться у антантских и антантствующих властей такой поддержки, что, например, Кубанское законное правительство, имевшее одним самостийности, не могло пробраться к своим частям ни на Лемнос, ни позже в места расселения на Балкане. Не менее настойчивы были казачьи представительства на чужбине и в вопросе подчинения их самих и их органов очередной особе или организации, какая претендовала на русское представительство за-границей. Везде, где были организованы этими представительствами казачьи хутора и станицы, вменялось им в непременную обязанность тесное сожительство и сотрудничество с русскими политическими и культурными организациями. И казаки при русских «очагах» и «огоньках» беспрерывно болели на возвращенство, сменовеховство, евразийство, младодорство и иные очередные «искания многогранной русской души». Все эти искания, как известно, остались бесплодны потому, что силой, их движущей, была вера в пробуждение русского народа, т.-е., вера в чудо.

III. Казачье национальное движение.

По злой иронии судьбы как раз в атмосфере русского ожидания чуда, сами, без нашептывания и без влияния старых самостийников, нашли себя многие из тех казачьих юношей, на штыки которых еще так недавно опирались Покровские и иные герои русского белого движения. В скитаниях по свету юноши выросли в мужей и крепко задумались и над своей судьбой и над судьбой Казачества. И не только это. Не мало и казачьих генералов и офицеров, которые рукоплескали действиям Покровских на Родное, в условиях скитальческой жизни заметили, что герои новой казачьей истории не Покровские, а Кулабуховы.

Уже в 1924—26 гг. эта «переоценка ценностей» казаками, совершавшаяся во всех местах казачьего зарубежья стихийно, без сговора, приобрела размеры всеобщего казачьего движения. Встретилось оно, конечно, с враждебностью всей русской эмиграции. Это было понятно. Менее понятно уже было подобное отношение некоторых кругов других народов в зарубежьи. Что же касается казаков, то вне этого движения остались только весьма не многие, духовная робость которых не позволяла им подняться над категории дивизионного мышления.

В конце 1927 и в начале 1928 года это движение приобрело организационные формы. В основу его практической программы легли главные принципы казачьих конституций, созданных на Родине в дни стихийного пробуждения Казачества, в дни обновления попраной казачьей государственной жизни. В эту программу целиком вошли и те положения, на которые опиралась казачья «самостийность» после распада царской России и о которых мы упоминали в первой части этой статьи. Опыт дальнейших лет принес еще, кроме многих иных, и такие познания:

е) Ни в границах России, ни в границах СССР, Казачество ни как сословие, ни как народ, не может уже иметь будущего, ибо

ж) с тех пор, как Казачьи Земли очутились внутри русских границ, Казачество живет под вечной угрозой уничтожения. Дожило оно до наших дней только благодаря своей необыкновенной жизнеспособности и частому ослаблению России внешними войнами и внутренними смутами.

з) Одинаковость бытовых форм жизни, общность исторической судьбы и опасности, вытворили из Казачества обособленную этническую группу, со всеми признаками жизнеспособного народа.

и) Московский большевизм, этот продукт русского миссионизма и коммунистического интернационализма, рано или поздно приведут Москву к конфликту с остальным светом. Будет-ли Москва ослаблена, будет жить Казачество, победит-ли Москва, никто и ничто тогда уже не спасет Казачества.

Эти и подобные познания об'единили в одно движение всех тех, кто изучали и продумали все героические этапы казачьей истории; всех тех, кто нашли свое место и поняли свои обязанности в решительные дни истории своего измученного народа; всех тех, кто сделали единственно правильный вывод из опыта и ошибок прошлого:

отныне все силы казачьи только на службу Казачеству.

С тех пор, как Казачье Национальное Движение приобрело программно-организационные формы, прошло уже 15 лет. В течении этого времени осуществился не один из прогнозов этого движения. В его лоне происходили некоторые организационные изменения, но идеологически оно остается все тем же народным движением, целью которого является полное освобождение Казачьих Земель из под московской неволи.

Далеко еще не все казаки в зарубежьи являются организованными членами Каз. Нац. Движения, но идеологически к нему тяготеют все, особенно те, кто испытал на себе гнет красной Москвы. Трудно себе представить, что могут быть казаки, не желающие общего казачьего сговора и об'единения. Но старая Россия и красная Москва слишком много имеют еще друзей и доброжелателей во всем свете. И поэтому то казачий путь от раз'единения к единству так безконечно долог и тернист.

Друзья старой России уже дряхлы. Они могут быть еще опасны, но не надолго. Хуже с доброжелателями красной Москвы. Но и здесь казаки уже не одиноки. Как признаный Германией союзник борется Казачество на всех фронтах с врагами Новой Европы и этим продолжает свою, перед 25 годами начатую, борьбу с большевизмом. Конец войны уже не за горами. Чем скорее изживет зарубежное Казачество свои уже не многие внутренние несогласия, чем скорее станет единодушно в главном — во взгляде на формы своего бытия, — тем больше сил будет собрано и организовано для очередной, неотложной задачи, вытекающей из Декларации немецкого правительства и Верховного Командования к казакам от 10 ноября 1943 года.

Проф. А. М. Андрієвський.

Великоросійське племя і большевизм.

Озираючись на своє минуле, кожний козак мусить дати відповідь на такі питання: 1) звідкіля взявся большевицький світогляд і звідки прийшла большевицька наука; 2) чому великоросійське племя — москалі без спротиву прийняли цю науку та піддались большевицьким вождям, особливо жидам і 3) чому козацькі народи не потрапили оборонитись від большевиків?..

Большевицька наука, в основі марксизм, прийшла до Росії з заходу. Першим популярізатором її був росіянин Г. В. Плеханов. Видатними марксистами були: Ленін, П. Б. Струве і М. І. Туган-Барановський. Ці троє у 1905 р. з'їхались до Пскова і постановили: Ленін має їхати закордон і видавати часопись «Искра», від якої має запалитися вся Росія, а останні мають старатися о гроші на видання. Всі робили своє діло. В м-ці березні 1917 р. Ленін у компанії з жидами: Зінов'єв-Епельбаум, Радомисльський, Мерингоф, Кон, Розенблюм, Абрамович, Лінде, Гребельський і Равич, прибув до Петрограду й розпочав большевицьку революцію. Програма була така: що до війни — «мир зо всіма без анексій і контрибуцій», що до добра — «граб награбленє», тоб-то — «голото, грабуй майно заможних людей», бо воно (нібито) теж награбоване.

Революція мала успіх. Жиди стали на її чолі, а було їх тоді в Петрограді й Москві повно. Вони захопили владу в свої руки. Чому саме жиди захопили команду і владу в свої руки? Тому що жиди були єдиним народом в Росії, який був зорганізований знизу аж до верху. Школу організації кожний жид проходив змалечку в своєму хедері й сінагозі, де не тільки вчились і молились, а й обмірковували громадські й політичні справи. З давних давнин жиди мріють та молять Бога про владу над цілим світом. В Москві настала для них можливість хоч частинно здійснити цю мрію. Без жидівської команди Москаль не спромігся б так швидко створити владу.

Чому москаль-великорос підляг команді жида?.. Тому, що цьому сприяла природа москаля. Москаль належить до алтайської (остійської) раси — флегматично-малочулий, він слабо реагує на зовнішні вражіння. Він є похмурий, терплячий, немає войовничих нахилів, йому бракує почуття лицарства, має патріотизм, але місцевий; завжди підлягає впливу сильного факту, не вдаваючись в його моральну оцінку. Сильний факт, який би не був, добрий чи злий, значить пожиточний. Моралью є те, що наказано. Зміниться сильний факт, міняється й орієнтація — вчора був цар, а сьогодня Ленін, безсильного царя заміняє сильний Ленін.

Про російського мужика І. С. Тургенев казав: «Головне, щоб був у нас барин. То був Яків, а тепер Сидір. В ухо Якову, в ноги Сидорові». Перед сильним фактом всі рівні, звідси нехіть до всього того, що відділяється над пересічністю. По зразку сильного факту москаль будує й свое життя; звідси деспотизм у родині й приватних відносинах — «моему нідраву не переч!» Нема сильного факту, так треба його вимислить; звідси максімализм у всьому; релігії, містецтві, науці, публіцистиці; звідси наш Бог і православіє вище всіх, наші церкви з цибулястими банями — краще всіх, наша зброя й військо — непереможні; звідси «цар-колокол» і «цар-пушка», «шапками закидаємо» і т. і. В науці нема гіпотез, лише аксіоми. В публіцистиці москаль суперечок не зносить, а коли у нього нема аргументів, він заміняє їх лайкою, за звичкою гадає, що лайка є найсильніший аргумент. У політиці й реформах градації нема — давай разом все! а коли нищити старе, так його знищити, щоб і сліду не залишалось.

Проф. Кузьмин-Караваєв, чистокровний москаль, у 1922 р. в Берліні, на зібранні росіян прилюдно й одверто сказав: «У кожному з нас сидить маленький большевик». Чужеземні мандрівники, що помітили псіхічну вдачу москалів, стверджують, що москалі аргументам не підлягають, а лише силі; напр., Данський посол Юль Юст (1709—1712) пише таке: «Коли маєш діло з росіянами, то треба говорити з ними гостро і погрубіянські, тоді вони поступають. Коли ж поводитись з ними ласково, то від них не можна нічого добитись». Павло Алепський (17 ст.) каже, що у москалів є ще пятий темперамент, а саме лукавство — «Бог нехай спасе й звільнить од них!»

Організовані жиди з мрією про всесвітню владу з малочулих москалів склали перше за все військо. Спротиву їм москаль не виявив перше тому, що в організації їх відчув сильний факт, пожиточний для нього, по друге, що й сам мав нахил до

Новое оружие.

От 15-го июня с. г. над южной Англией и Лондоном начали рваться германские фугасные снаряды тяжелого калибра, представляющие совершенно новый вид военного вооружения. С этого времени для Англии пришла расплата за террористические налеты английских бомбардировщиков на мирные европейские города.

По сообщению Германского верховного командования, эти фугасные снаряды продолжают падать беспрерывно на южную Англию и Лондон до последнего времени.

Я. И. Лопух.

КУГОЕЙСКИЕ СТЕПИ

(Окончание.)

В августе месяце в степи опять людей мало — только чабаны со своими отарами. По всей степи виднеются стоги сена. Жара. Воздух неподвижен. Отары овец к полудню сбиваются в кучи и, спрятав головы одна под другую, чтобы голова каждой овцы была в тени, стоят неподвижно. Так же неподвижно стоят возле них и чабаны; только не в куйнарах, как было ранней весной, а в широкополых «брыдях», сплетенных из «тирси». Чабаны были мастера плесть и сшивать брыли из тырсы и соломы.

Дрофы, слегка оттопырив крылья и раскрыв клювы, тяжело дышут. Стрепета скрываются от жары в листах, где трава не скошена. По дороге черноземная пыль лежит толстым слоем и колеса тарантаса катятся по ней, как по перине. Лошади тропают мелкой ленивой рысцой и все в поту; они непрестанно помахивают хвостами, отгоняя надоедливых мух и зеленых оводов. Солнце жжет невыносимо. По степи то там то сям схватываются вихры, подымая ввысь сухую траву и столбы пыли. После полудня на западе показалась туча.

— Буде дощ, заявил ямщик.

— Та дай то Боже, проговорил помощник, може жара трохи спаде, бо таке пекло стоіть.

Не прошло и часу, как туча покрыла половину небосклона и закрыла солнце. Вдруг подул сильный ветер и облака пыли понеслись вдоль дороги. Через некоторое время сверкнула молния и раздался раскат грома, а минут через пять после этого закапали крупные капли дождя; постепенно учащаясь, они наконец образовали ливень: казалось, что капли дождя превратились в струйки воды, стекающие с неба. Зигзаги молнии, потрясающие удары грома, шум дождя, порывы ветра наполнили дотоле тихую степь. Земля не успевала впитывать падающей воды, и равнины степи покрылись водой, по которой подымались пузыри.

Свернули к ближайшему стогу и перестояли, пока прошел дивень. Туча пошла дальше на восток. Вскоре показалось солнце. Поехали дальше, но не по дороге, а в стороне от нея, по траве, т. к. по дороге пыль обратилась в липкую грязь, налипавшую на колеса. Овцы, пощипывая траву, обмытую от пыли дождем, разбрелись. Весело застрекотали кузнечики. Степь оживилась.

Немного в стороне от дороги, в небольшой лощине, вырыт колодезь, из которого лошадью таскают воду. Над срубом этого колодца укреплена перекладина с железным блоком по средине. Через блок продет канат. К одному концу этого каната привязано громадное железное ведро, а другой конец привязан к хомуту лошади. Как только спущенное в колодезь ведро наполнится водой, человек кричит на лошадь «айда» и лошадь сама идет по протоптанной тропинке. Дойдя до конца этой тропинки лошадь останавливается сама. Человек выливает воду в длинное досчатое корыто, а лошадь в это время сама поворачивается и идет к колодцу. Ведро опускается обратно вниз.

— Ото бач, Якове, як вівцям воду тягають. Колодязь глибокий — сажнів пьятнадцять, а то й більш. Руками с такої глибини не натягаеш. Ота коняка круглий рік що-денно тяга воду, та так привчилась, що й погонича не треба: все сама робе — й тягне, й повиртаеться, об'яснил мне помощник.

— Це так тягають воду у Мазаєва, а у Пиховського так у того насосом або цепом с корыками, теж або кіньми, або волами, добавил ямщик.

— А хіба насосом або цепом ліпше?

— А як же. Там яке небудь хлопья тільки коняку у приводі погаия, а вода сама прямо в корито льеться. А тут треба чоловіка, та щей дужого, щоб з цебра воду в корито міг вилить.

В конце августа и начале сентября на скошенных местах появляется яркая зелень — отава, но без цветов. Там же, где трава не скошена, степь принимает сероватый оттенок от засыхающих верхушек трав. Пробегающий по этой траве ветерок издает какой-то печальный шелест, совершенно противоположный весеннему ласкающему ухо шуму. Не слышно песен жаворонка и веселого стрекотания кузнечиков, а отовсюду несутся протяжные минорные звуки сверчков: с-ю-ю-р-р, с-ю-ю-р-р.. Это унылая осенняя песнь степи.

Стада дроф и стрепетов значительно увеличились молодняком.

— Ото бач, Якове, скільки дрохв та стрепетків, обратился ко мне ямщик, а скільки б їх було, як би були живі усі ті, що видупились. Мабуть й степу б не хватило. Скільки дрохвинят, стрепенят, перепелинят та іншої птиці, маненькими, поки ще вони не літають, поїдають тхори, лисиці та ріжні шуліки. А гадюки? Ця чортова тварюка, як галушки ковта маненьких перепелят та жаворинят. Та ще, бісова погань, поїсть у гнізді жаворинят, а потім того тут же, біля гнізда, скрутиться у кільце тай жде поки жаворинок прилитить, щоб його ухопить. Хитра падлюка.

— Що ж будеш робить коли Бог так світ устроїв, заявил помощник, коні траву їдять, стрепетки — коників, тхори — стрепетків, орли — тхорів; чоловік орла убиває, а чоловік чоловіка. Та як убье в мирний час, так його за це карають, а як на войні убье, так хвалять, та щей христом награждають.

Любил я беспредельный вид степной равнины. То серовато-зеленой, разукрашенной разнообразными степными весенними цветами, то ярко-зеленой с волнующейся от ветра травой и султанами белого ковыля, то покрытой белой скатертью чистого искрящагося на солнце снега.

Однако зимой степь не всегда бывает приветлива. Нередко она очень сурово принимает в свои холодные об'ятья случайно запоздавшего путника. В степи часто бывают и метели, да такие, что свету божьего не видно. Разбушевавшаяся по равнине метель, ничем не сдерживаемая, несет тучи снега, да такие, что и днем путники, застигнутые в степи метелью сбиваются с дороги и блуждают по степи, пока случайно не набредут на зимовье или экономию.

Зимовье или «зимовник» — это низкий длинный сарай без стен, стропилы которого упираются в основу, положенную на землю; кроются эти сараи преимущественно камышом, изредка соломой; а чтобы разбушевавшийся степной ветер не раскрывал сараев, то камыш, а солома в особенности, сверху придавливается жердями. В эти теплые сараи зимой на ночь, а в непогоду и днем, загоняются овцы. Возле сарая вырывается землянка для чабанов, в которой они и проводят зиму, ухаживая за овцами.

Однажды, во время зимней поездки, загнала и нас вьюга в зимовье. Чабаны приняли нас радушно.

— До нас рідко хто загляне у добрий час, а як захурделить метелиця, дивись, і занесе кого-небудь, проговорил старый чабан, приглашая нас в землянку; — пожалуйте, роздягайтесь та грійтесь, у нас тепло.

Тут я впервые увидел как готовятся чебуреки. Это большие пирожки, начиненные мелко изрубленным, слегка поджаренным бараньим мясом. Пирожки эти бросают в котел с кипящим бараньим салом, где они и варятся. Блюдо довольно вкусное и питательное.

Эволюционным порядком скотоводство заменилось земледелием. Зелень целинных степных трав с тырсою, ковылем, с степными цветами с их ароматом, с ароматом чебреца, полыня, клубники и целинного сена, заменились сплошными нивами хлебных злаков.

Прекрасная Кугоейская степь отошла в область преданий.

максімалізму. Жидівський апарат з московськими військами пішов на козацькі народи. Чому останні не змогли оборонитись від Москви?..

Завинила тут найбільше психична вдача козацьких народів. Козак є дуже чутливий; зовнішні враження відчуває глибоко, але реагує на них не зразу, а так нібито накопляє енергію для реакції, яка при нагоді може вибухнути з великою силою. Сильне чуття давить його, як тягар, звідки бажання звільнитись від цього тягару; цьому служать сильна воля, що стримує чуття від безглуздого вибуху, почуття гідности чести й лицарська вдача. На сильне чуття треба реагувати по лицарському, справедливо. Образ справедливого лицаря передноситься в душі козака, заспокоює чуття і стримує від безглуздої сваволі. На зменшення чутьового тагару діють релігій ні уявлення, твори красного письменства а особливо пісні й гумор.

Козак співучий і веселий, для нього Бог не є неприступний, страшний Саваоф, як для москаля, але Бог милуючий і справедливий. Божа матір є ідеальна мати козацьких народів, за них вічно молить Сина Свого. Козак хотів би бути зо всіма по доброму, без сварки; має нахил до екзогамії, себ-то бере жінку з чужого роду. Це не значить з чужого роду (кацапського або циганського), а з свого ж козацького народу, але другого роду. Це страхування від можливої сварки, зайдні між своїм родом, що при невдалих шлюбах, особливо на початку, було б неминуче.

Чутлива, лицарська вдача козака створила для нього прикмету, яка є його ft р о к л я т т я м, це безмежна довірливість. Він лицар і гадає, що й противник його лицар. «Битись і миритись», казав Сірко, «є лицарське». Коли козак помирився, так він все простить і забуде, але сусід козака, москаль, не є лицар — він з «хитрощами», собі на умі. Він ще не вийшов з стадії ловецького стану — звір хитрий, а москаль-ловець ще хитріший, бо мусить звіра спіймати. Він раб сильного факту; коли вже сильний факт січе немилосердно, то треба спробувати, чи не вдасться його перехитрувати.

Москаль витворив хитрість дівольську. Ф. М. Достоевський пророкував: «Руський мужик обдурить самодержавіе і православіе» і так воно й сталось. Ціла російська історія повна жорстокости й обману. Козаків вічне дурили «імператорським словом» і ніколи того слова не додержували. За довір'я, за вірну службу платили козакам неправдою.

Як би не виправдували «великоросійське племя», а факт зостається фактом: — великоруський нарід у спільці з жидами нищить козацькі народи. Большевизм не є виключно жидівський, а жидівсько-руський. Чеська жінка, коли вона спарувалась з недбалим мужем каже: «Насадила веш до кабату» — «пустила вошу до одежі»; — козак довірливо відчинив двері й душу москалеві, а нині цей гріх покутує й ще скільки праці треба, щоб вичистити Козацькі Землі від москаля!..

Можливо великоросійське (московське) племя змінить свою вдачу на ліпше, а нині й в найближчі часи, яка б Росія не повстала, чи права чи ліва, великоросійське племя під командою ріжно-рідних вождів примусить не лише козацькі, а й другі народи працювати на себе, виправдуючись великими гаслами: святая Русь, славянофільство, захист Гробу Господня і т. і.

Кождий Козак мусить про те пам'ятати, занехати на який час довірливість й щире братолюбіє й нарешті зрозуміти: хто є його природній ворог.

В Редакцию газеты „Казачий Вестник".

Прошу поместить в Вашей газете следующее сообщение:

На предложение немецких властей организовать в Белостоке казачий конный отряд при СС для борьбы с бандитами, Ведущий каз. организации в Белостоцкой области, ст. В. Еремеев созвал общий областной с'езд казаков на 18. 6. 44. в г. Белостоке.

На с'езде присутствовало около 200 казаков из различных местностей области. Среди них были молодые казаки, состоящие на службе в жандармерии. Немецкие власти предоставили для собрания большое помещение и казаки были угощаемы кофе.

-Oberstурmführer Г-н Klein представил казакам проект формирования казачьего конного отряда с сохранением казачьих особенностей и отличий, на что все казаки выразили охотно свое желание приступить к формированию. Во время перерыва собрания неожиданно прибыл на с'езд из Берлина Руководитель К. Н. Дв. ст. В. Г. Глазков. С'езд с большим вниманием выслушал глубокую по содержанию речь Руководителя К. Н. Д. и частыми апплодисментами покрывал его слова. В конце участники с'езда встали и горячо приветствовали своего Руководителя, неутомимого борца за Казачью Свободу.

С'езд вынес резолюцию, подчеркивающую полную солидарность К. Н. Д. и преданность своему Руководителю ст-ку Глазкову. Пением гимнов — Донского и Кубанского с'езд закончил свою работу. Выступало много ораторов.

После с'езда Руководитель К. Н. Д. ст-к Глазков, в присутствии Ведущего каз. орган. в области ст-ка Еремеева, был принят на аудиенции зам. Командира, с которым уточнены все вопросы, касающиеся формирования конного каз. отряда и улучшения положения казаков в области. Характерно, что немецкие власти относятся к К. Н. Дв., как единственному авторитетному органу казачьих об'единений в области и все сношения с казаками ведутся только через представителя К. Н. Д.

Слава Казачеству!

В. Е.

И. Л-ов.

Мы „навещаем" станичников.

...Одиночеством, тоской гонимыми,
Не боясь на свете ничего,
Подойдем мы пилигримами,
К дому брата своего...

Отгремели последние выстрелы гражданской войны... Эвакуация в неизвестность... Константинополь... Лемнос... Балканы... Хочется уйти от всего окружающего, переменить обстановку, быть в полном одиночестве, отдохнуть, укрепить нервы, поразмыслить на свободе, обсудить, проанализировать, найти причины, разобраться во всей этой ужасной трагедии, постигшей Казачество, когда часть его очутилась в изгнании, а оставшиеся «там» утопают в потоках крови. Меня, как природного земледельца, привыкшего с детства к физическому труду, к работе в природе, потянуло к земле, в хозяйство. Я нанялся к «братушке» земледельческим рабочим, вставал в 4 часа утра, добросовестно и умело исполнял все порученные мне работы, вводил в хозяйство даже некоторые «культурные новинки», что приводило в изумление и недоумение моего работодателя, отказавшегося понимать, чтобы «дикий казак», за которым внимательно следила вся семья, как бы он по старой привычке у себя дома не «упер» и не «слопал» где-нибудь в лесу их ребенка, умел так хорошо работать, а к тому еще и знал культуру земледелия.

Как-то, придя вечером с полевых работ, мне передали письмо от моего станичника, полковника-пластуна, где он звал меня к себе на Дунай рыбачить и огородничать. Такая жизнь меня с детства увлекала: свое детство я провел с дедушкой на Кубани, ловил с ним рыбу, охотился, почти все лето жили с ним в шалаше на берегу, на лоне природы, вели жизнь вольных казаков. И опять такая жизнь, воля, отдых в природе!.. Я радовался этому, как ребенок, нашедший свою старую любимую игрушку.

Несмотря на уговоры и увещания «братушки» и всей его семьи, у которых я приобрел уже «полное доверие», уважение и даже почет, остаться у них, «жениться» на их дочке, иметь свою семью и свой дом, я был неумолим, глух и всей душой рвался к давно забытой детской вольности.

Через несколько дней я был уже у станичника.

Местность, где жил полковник, была чрезвычайно красива. Непосредственно за селом расстилались поля, над которыми возвышался пояс виноградников, примыкающий к самой опушке леса. Во всех лощинах цвели и благоухали фруктовые деревья, придавая всей местности приветливый характер и прекрасную акварель всевозможных красок, тонов и оттенков. На обрывах, у дороги, идущей долиной, густо разросся кустарник в полном цвету. Как у нас на Кубани, все было в цвету: вишни, сливы, абрикосы, персики, яблони, груши. Всюду цветочки, розетки, лепестки, венчики; всюду краски, линии, формы, сочетания, контрасты, кружева листвы, узоры кустарника... А журчащие кругом ручейки и источники придавали ландшафту живое, беззаботно веселое, вечное...

С ближайших высот развертывалась поистине чудная картина. У ног ваших, на переднем плане, живописно раскинулось село, за нею — широкий Дунай с его заливными лесами на противоположенном берегу; а там, дальше, кажущаяся бесконечной низменность с полями и лугами, лесами и болотами, селами и местечками с изменчивыми контурами, чарующими игрой света и тени. С полей взлетают с песнями жаворонки; в кустах на тысячу ладов поет и щелкает соловей; из виноградников доносится веселое щебетанье кривошейки; высоко в воздухе описывают свои широкие круги коршуны и орлы.

Идете дальше, и из глаз ваших исчезают и река, и поля, и села; вы окружены одной из привольных лесных долин. Отвесно поднимаются с обеих сторон горные стены; не слишком высокий, но густой лес покрывает хребет и гребень гор. Дубы, липы, вязы и клены чередуются между собой, сменяясь местами белым и красным буком. Здесь уже не далекие горизонты вознаграждают путника, когда кругом видишь на десятки километров, а таинственная лесная тишь убаюкивает его сердце и ласкает чувства. От главного гребня гор отделяются в разные стороны множество других хребтов, представляя восхитительное зрелище. Они переходят в низменность или образуют котловины, окруженные отвесными стенами, которые мешают сплаву леса и сохраняют его во всей девственной роскоши и красоте. Исполинские, прямые, гладкие стволы буков поднимаются из гнющей листвы, в которой ноги путника тонут до колена; узловатые старые дубы далеко простирают свои высокие ветви, словно приглашая всех хищных птиц в лесу вить свои гнезда. Липы образуют такой густой зеленый свод, что дрожащие лучи солнца, многократно преломляясь, едва могут пробиться до земли.

Белый и черный дрозд, иволга, зяблик, соловей и другие птицы оглашают лес своим пением; с одной горы на другую перекликаются кукушки; черный и зеленый дятел, поползень, синица и клиндух шлют свой привет весне. Черные, серые, коричневые, одноцветные, пестрые, матовые и блестящие птицы то сидят, свернувшись, по верхушкам деревьев, то скачут с ветки на ветку, то летают, порхают или плавают в воздухе.

На лесных прогалинах, среди травы и цветов, большими кругами ландыши образуют сплошной зеленый ковер, украшенный белыми, благоухающими колокольчиками.

Так приятно греет солнце, весело улыбается юность весеннего неба, кругом полная гармония красок, все цветет, спеша, догоняя один другого, заглядывая друг на друга, а кругом царит радость весны, ликование... Спокойным кажется настоящее, прошлое светлым, а будущее радушным... Весенний воздух насыщен дыханием, дуновением, излучением, пробуждением... Только здесь видишь действительную радость жизни, люди становятся понятными, жизнь осмысленной. Природа — это правда, мудрость, любовь, радость. Человек в природе становится мистиком. Он живет весь в мире великих идей и тончайших ощущений. Тесная связь человечества с природой выдвинула мировых мыслителей и гениев, давших миру огромные культурные ценности. Только в природе осознаешь, что трагедия наша именно в том, что человечество утратило связь с природой, ароматом которой были пропитаны наши легенды и древние сказания. Умственные химеры и противоестественные утопии жидо-масонов, торговые и биржевые интересы, абстрактное и спекулятивное мышление привели человечество к увлечению материализмом, к интригам мелких людей, к ненависти, к классовой борьбе, к крушению духовной культуры.

Все время в природе, то в лесу, то на рыбной ловле, то в огороде дали мне возможность физически и духовно окрепнуть, осмыслить жизнь, подкопить веру в будущее и найти полное духовное успокоение. Часто мы с полковником оставались на ночь на берегу Дуная для ловли рыбы, раскладывали костер, вели тихие, спокойные, уютные беседы о войнах, походах, жизни в пластунских батальонах, вспоминали родную станицу, скорбели об оставшихся «там» казаках. Полковник много, красочно, увлекательно и с особой любовью рассказывал о рыцарских подвигах, доблести и беззаветной храбрости наших кубанских пластунов, проделавших сказачные походы с молниеносными рукопашными схватками, о их твердой воле, закаленном характере, легендарными боевыми традициями, о их боевых начальниках и бесстрашных дисциплинированных подчиненных. Речь его, как хорошего старого рассказчика, лилась плавно, просто, без всяких прикрас и рисовки, но сколько в ней было вложено красоты, рыцарства, воинского духа и доблести, пренебрежительного отношения к смерти, воинского долга и дисциплины старого пластунского офицера, свидетеля и участника геройской истории неувядаемых побед и славы. Он был человек земли, цельный, истинный казак, воспитанный на православной вере, среди прекрасной кавказской природы, давшей ему столько духовной красоты и силы. Его не интересовали вопросы материалистического понимания истории, диалектической философии, экономики и политики, но он одно хорошо знал — это добро, любовь к ближнему, правду; честность, долг и свято чтил завещанную дедами православную веру. Я любил его чистую, природную душу, открытый характер, особое благородство, благожелательное и чуткое отношение к окружающим, простое, но логическое и всегда ясное суждение о всех вещах. С ним было так легко и приятно жить. Как жаль, что таких людей осталось мало...

Как-то вечером мы возвращались с полковником домой, нагруженные рыбой. Навстречу нам шел улыбающийся человек, по виду и по одежде казак. Уже издали кричал: — А я к вам, г. полковник! —

— Кадушкин! Иван Семенович! — радостно отвечал полковник. — Какими судьбами, какими ветрами занесло тебя в наши края? Куда идешь, что делаешь? Ну, ну, станица, потом все расскажешь, а пока идем в наше логовище, подкрепимся, чем Бог послал, а там веселее будет разговоры разговаривать, — говорит хозяин, идя рядом с гостем.

За ужином Иван Семенович, в прошлом бравый фельдфебель одного из пластунских батальонов, ученик моего станичника по учебной команде, обстоятельно рассказал нам, где он все это время жил и чем занимался.

— Я все время работал, не покладая рук. Накопил деньжат, хотел было обзавестись своим хозяйством, быть самостоятельным, каким я был в свое время дома. Но что было делать одному, когда семья осталась «там», а кругом все чужое? А тут начала заедать меня тоска и одиночество, все было не мило, ко всему пропала охота. Потянуло меня к своим родным казакам, хочется быть со своими, иметь общий язык, общие интересы, общую радость и горе. Вот и решил я навестить станичников, взял деньги в карман, котомку за плечи и пустился я свет, как говорят по-научному, пилигримом, т. е. странником. —

— А где же ваши станичники? — заинтересовался я.

— Мои станичники и здесь в Сербии, и в Венгрии, и в Чехии, во Франции и даже, говорят, в Америке.

— Вы всех их хотите навестить? — допытывался я.

— Если Бог даст здоровья и силы, навещу всех, — ответил Иван Семенович.

— А как же с паспортом, визами и другими документами? В эмигрантской жизни это тяжелый вопрос, — поясняю я.

— Никакого вопроса для нас, казаков, в этом отношении не существует, — гордо заявил он. Мы по Европе ходим, как в своем улусе. Вот с этим документом, доставая из котомки географическую карту, я пройду не только всю Европу, но попаду даже в Америку.

На утро и я решил идти с станичником в Чехию, куда он направлялся навестить станичников, чтобы там учиться дальше, что требовало от каждого из нас молодых, дабы вооружившись знаниями, продолжать борьбу с поработителями наших родных краев жидо-коммунистами.

Напутствованные своим станичником, мы пустились в далекий, но опасный путь.

Карта станичника действительно нам очень много помогла. Мы шли лесами, обходили окольными путями пограничную стражу, переходя топи, речки, болота, десные заросли, но цели своей достигали. Безпрепятственно мы пришли в Чехию, где я простился с своим дорогим спутником, дав ему адрес своего станичника в Праге.

Через год я получил от станичника Кадушкина длинное письмо.

Он писал, что был у станичников во Франции, в Африке, а теперь «навещает» их в Южной Америке.

— Всюду, — пишет он, — я разыскиваю своих станичников и даже друзей. Все они расселились по всему свету и ничего друг о друге не знают... Я их искал больше по наслышке...

— Помнишь, как мы с тобой по дороге говорили о природе, ее красоте и величии. Мне все это запало в душу и теперь я, вспоминая тебя, наслаждаюсь настоящей природой, отдыхаю душой и телом среди девственных непроходимых лесов, совсем непохожих на наши. Я хожу, как царственная особа, среди мимоз оригинальных и разнообразных форм, среди смоковниц и многих незнакомых мне деревьев и кустов, затканных мясистыми плющами и увешанными великолепными зелеными мантиями и коврами, среди вьющихся растений, приносящих плоды вроде арбузов и тыквы. Все эти деревья, кусты и заросли плющей образуют настоящие тенистые беседки, сквозь которые не проходит ни дождь, ни солнечные лучи. Рядом огромные заросли бромелий и алоэ образуют красивые круги и целые клумбы розеток. Всюду цветы и цветы, всюду величественная красота и оригинальность природы. Воздух напоен особым благоуханием и ароматом. Над цветущей растительностью носятся тысячами разноцветные бабочки, многочисленные никтарницы, блиставшие самоцветами, золотистые ткачики, блестящие металлические скворцы, грифы, орлы, медоносы, птицы-носороги и много других пернатых оживляют все деревья и кусты. Величественно шествуют, чувствуя здесь свою силу, львы, леопарды, гиэны, антилопы...

— Всего, дорогой станичник, описать нельзя, нужно здесь побывать, видеть собственными глазами красоту и величественность первобытной природы, — закончил станичник письмо.

Так обошел станичник Иван Семенович, посещая своих станичников, «по течению слухов» почти всю Европу и Южную Америку.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Шевчук Анна Алексеевна, ст. Батуринской, Кубань, разыскивает родных братьев Григория и Федора Алексеевичей Шевчук. Писать:

Ant. Bohdarenko, Dirschau Nord 5 a, Gemeinschaftslager.

— Данильченко Яков, ст. Кущевской, Кубань, разыскивает братьев Герасима, Андрея, Василия и Федора Андреевичей. Писать:

Jakow Daniltschenko, Heerte über Wolfenbüttel, Lager „D".

— Терновской Виктор Георгиевич, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает дедушку Щепеткова Якова Адр. и дядю Щепеткова Василия Яков. Писать:

Ternowskoj W., Feldpost No. 04598.

— Кишкинов Николай, ст. Костромской, Кубань, разыскивает родного брата Александра. Писать:

Kischkinow Nikolaj, Gelsenkirchen-Erle, Barakenlager, Hermannstr. Westf. 21.

— Дорофеев Николай Як., ст. Орловской, Дон, разыскивает сына Михаила и племянников Ивана и Михаила Гавриловичей Дорофеевых. Писать:

Nik. Dorofeew, Dáblice u Prahy č. 124. Protektorát. 11 b.

— Сухаревский Николай, ст. Луганской, Дон, разыскивает отца Владимира Алексеевича, эмигрировавшего в 1920 г. Писать:

Sucharewskij N. 1. Schuma-Batl. 210 (Kosaken), Radom G. G.

— Рожков Тимофей Кирилович, ст. Зеленчукской, Кубань, разыскивает станичников Биляева Федора, Братчика Ивана и Рожкова Василия. Писать:

Rozkow T., Feldpost No. 15542 A.

— Щепихин Константин, ст. Урупской, Кубань, разыскивает отца Василия Михайловича и его братьев Александра, Стефана и Прокопа Щепихиных, эмигрировавших в 1919 г. Писать:

Schtepichin Konst., Schuma-Batl. 210 (kosaken), Radom, G. G.

— Руденко Павел Сидорович, сел. Велики Самбор, Конотопского района, разыскивает жену Евдокию Кононовну и сына Ивана. Писать:

Ing. A. Poljakow, Schloss Halbenrein, Steiermark.

— Троилин Ф. Г., ст. В.-Курмоярской, Дон, разыскивает брата Антона, дядю Генералова С. В., Касьянова А. В. и Попова П. И. Писать:

Troilin Feoktist, St. Postock, Lager Sportpalatz B. 5. St. 98. Kr. Meklenburg 3.

— Насонов Павел Васильевич, хут. Верхняковского, ст. Мигулинской, Дон, разыскивает родственников и односта нничков. Писать:

Stalag XI. B/Z. Bergin-Belsin, Celle.

— Харченко Антип с Запорожской обл., Андреевского района, разыскивает дочь Марию, выехавшую в Германию на работу в 1943 г. Писать:

Landgestüt 1/Lukowo, Post Karniewo Kr. Mackeim 5 b.

— Бирюков Григорий разыскивает сына Льва, выехавшего из Ростова н/Д. 5. XI. 1942 г. Лиц, знающих о его судьбе, просит писать по адресу:

Birjukow Gr., Bremen, Schlachthofstr. 7.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". — **Aufsichtsamt Nr. 25.**